

МИНУВШЕЕ

15

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

15

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

15

ATHENEUM — ФЕНИКС

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1994

ББК 63.3 (2)

М 62

М 62 **Минувшее: Исторический альманах. 15.** — М.; СПб.:
Atheneum: Феникс. 1993. 656 с.; ил.

ISBN 5-85042-016-9

ISBN 5-85042-001-0

В настоящем выпуске читатель найдет: мемуары и переписку о литературном быте Москвы 1900-1920-х, о жизни русской эмиграции в 1920-1930-х, материалы о зарождении «толстовства», неизвестные письма И. Бунина, Б. Пастернака, А. Белого, М. Волошина, Г. Шенгели; документы об отношениях православных иерархов и общин с большевиками; свидетельства о приходской жизни Петрограда после революции; дневники одного из крупных иерархов Русской Православной Церкви. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М 4702010206 — 003 94 без объявл.
Д 20 (03) — 94

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-85042-016-9 (Феникс)
ISBN 5-85042-001-0

© «Феникс», 1994
World © «Atheneum», 1994

ВОСПОМИНАНИЯ

Константин Локс
ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ
(1907-1917)

Публикация Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова

«Повесть об одном десятилетии» К.Локса (1889-1956) вызывает серьезный интерес историков литературы в течение уже по крайней мере двадцати лет, с тех пор как ее рукопись была передана в Российскую Государственную библиотеку. В научной литературе последнего времени многократно встречаются ссылки на нее, цитаты, дважды публиковались фрагменты «Повести»¹.

Константин Локс поручил свой архив заботе многолетнего друга и бывшей ученицы Евгении Филипповны Куниной. Она нас познакомила с рукописью «Повести об одном десятилетии» в начале 1970-х в надежде, что мы поможем ее опубликовать. Для этой цели она была вскоре перепечатана. Но все наши попытки пристроить ее не имели успеха. Кроме страниц, посвященных дружбе К.Локса и Б.Пастернака, остальной ее текст не вызывал интереса редакторов, а о Пастернаке печатать было опасно. Поэтому первая возможность частичной публикации в 1990 касалась только мемуаров о Пастернаке и стала возможна лишь благодаря его юбилею.

Но настоящее значение «Повести» не в новых, не известных до этого фактах, которые вспоминает мемуарист, а в том воздухе эпохи, которым дышат ее страницы, — «Повесть» — это высокое искусство воскрешения времени, жизни, Москвы тех лет, разговоров и чувств давно ушедших людей. Публикация отрывков не передает ничего из этого, отдельные эпизоды, лишаясь опоры, рассыпаются в прах.

Мы встречаем здесь многих известных поэтов начала века. Прекрасно и с глубокой любовью нарисована трагическая фигура Брюсова, гипнотическая сила поэзии которого сделала его властителем дум поко-

¹ Вопросы литературы. 1990. №2; Ново-Басманная, 19. М., 1990.

ления 1910-х. Случайные встречи с Белым и Блоком, дружба с Пастернаком и Ходасевичем, воплощение отдельных лиц, служивших литературным фоном, без которого были бы невозможны фигуры поэтов этого времени, составляют живую ткань «Повести».

В отличие от петербургской литературной жизни, представление о которой во всем ее блеске и красоте создано множеством мемуаров и беллетристической серебряного века, Константин Локс рисует менее известную жизнь Москвы и характерные особенности ее быта.

Как-то Анна Ахматова в разговоре с Михаилом Константиновичем Поливановым сказала, что в романе «Доктор Живаго» выведено ее время, ее общество, и она их не узнает. В этих словах сказались та глубокая разница восприятия мира, которая существовала между литературной жизнью Москвы и Петербурга. Герои «Повести» Локса — участники литературных кружков «Мусажет» или «Общество свободной эстетики», гости дома Брюсова на 1-й Мещанской или Анисимова на Молчановке — коренным образом отличаются от красочных посетителей «Бродячей собаки» или «Башни» Вячеслава Иванова. Ни Ахматова, ни Гумилев почти не встречались с ними и не запомнили их.

«Все эти мальчики и девочки, — писал о своем поколении Пастернак, — нахватались Достоевского, Соловьева, социализма, толстовства, нищестанства и новейшей поэзии. Это перемешалось у них в кучу и уживается рядом. Но они совершенно правы. Все это приблизительно одно и то же и составляет нашу современность, главная особенность которой та, что она является новой, необычайно свежей фазой христианства»².

Об этих мальчиках и девочках 1910-х Борис Пастернак сразу после окончания войны начал писать свой роман «Доктор Живаго», о них писал в годы войны свою «Повесть» Константин Локс. О них говорится в «Охранной грамоте» как о поколении, обращенном ко времени «своими первыми заявлениями о своей науке, своей философии и своем искусстве»:

«Мальчикам близкого мне возраста, — писал Пастернак, — было по тринадцати лет в девяносто пятом году и шел двадцать второй год перед войною. Обе их критические поры совпали с двумя красными числами родной истории. Их детская возмужалость и их призывное совершеннолетие сразу пошли на скрепы переходной эпохи, наше время по всей толще прошито их нервами и любезно предоставлено ими в пользование старикам и детям»³.

В «Повести» Локса много неизбежных пересечений с «Охранной грамотой». Там находим мы гудящий сотнею аудиторий «серо-зеленый, полузаплеванный» Московский университет, на семинарах и лекциях которого впервые познакомились Локс и Борис Пастернак. Описание той «странной мешанины из отжившей метафизики и неоперившегося просвещения», которую отмечал Пастернак как основное направление

² Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 тт. М., 1989-1992. Т.3. С. 575. (Далее: СС).

³ СС. Т.4. С.212.

предметов философского отделения, прекрасно передано у Локса в живом рассказе о государственных экзаменах 1913 года.

Грустно видеть, как деградировало с тех пор наше образование, если Л.М. Лопатин или Г.И. Челпанов, которых Пастернак и Локс обвиняли в отсталости и ретроградстве, представляются нам теперь вершиной образованности. Они действительно создали блестящую школу, которую мы называем русским религиозно-философским возрождением. Конечно, как пишет Пастернак, подготовленные студенты старались работать самостоятельно, и этому способствовала образцовая библиотека университета, но нельзя не замечать и того, что эти занятия поощрялись и стимулировались все теми же «либеральными Задопятовыми разных толков», которыми, как полагается, были недовольны их талантливые ученики.

При этом надо иметь в виду, что на отношение Локса к Челпанову повлияла его неудача с дипломной работой о Бергсоне и, может быть, Пастернаку и его работе о Германе Когене «повезло» больше не потому, что, как пишет Локс, Челпанов ничего не понимал в Когене, а потому, что — судя по сохранившимся университетским конспектам и записям Пастернака — он был удивительно трудолюбивым и настойчивым студентом. Хотя, вероятно, он это успешно скрывал в своей богемной компании. Отказываясь от чего-либо, он должен был досконально это изучить, чтобы не выглядеть недоучкой, бросившим неудавшиеся занятия. Для этого он ездил в Марбург, так сложилась и его «композиторская биография».

Константин Локс родился в 1889 и кончил гимназию в Смоленске в 1907. Тогда же он поступил на юридический факультет Московского университета. Он начинает «Повесть об одном десятилетии» рассказом о своем приезде в Москву в 1907. Первые годы университета разочаровали его, и после второго курса он решил перевестись с потерей года на философское отделение историко-филологического. В том же 1909 перевелся с юридического на философское и Пастернак, сдав экзамены за пропущенные курсы.

Диплом II степени не давал Локсу возможности быть оставленным при университете, и ему пришлось устраиваться преподавателем в гимназии. С некоторой долей зависти он пишет, что Пастернак смог избежать этого пути, пойдя по которому, Локс сделал преподавание своим основным занятием в течение всей жизни. Пастернак по другим обстоятельствам тоже не продолжил свою философскую карьеру и должен был изыскивать способы заработка: следы намерения пойти вслед за Локсом в гимназию видны в рассуждениях Сергея Спекторского из «Повести» Пастернака 1929 года. Но его испугали опасности, таившиеся для него в женской гимназии, и он снова вернулся к уже изведенным раньше частным урокам в знакомых домах.

По окончании университета друзья вместе обдумывали свой дальнейший путь. Локс пишет, что они чувствовали себя бальзаковскими героями, которые стремятся завоевать себе будущее, покорить город.

«Большой, реальный, реально существующий город», — писал Пастернак, вспоминая это время в «Охранной грамоте». «Его надлежало победить, надо было сломить его непризнание»⁴.

В «Повести об одном десятилетии» Локс мельком упоминает свою книгу об искусстве, которой он хотел придать «форму свободного диалога, позволяющего отступления в разные стороны». Пастернак в письме к нему называл ее «Катехизисом небезразличного в искусстве». Обоим друзьям было близко желание выражать свои мысли легко и свободно, отказавшись от научной сухости философских формулировок, которыми их перекормили в университете. Философия должна быть приправой, но не пищей. Не случайно восхищение Локса «Русскими ночами» В.Ф. Одоевского и «Обрами Итали» П.П. Муратова. Но работа над «Катехизисом» шла с перерывами, сомнения в собственных силах и свойственная Локсу высокая требовательность к себе ставили ее продолжение под вопрос.

Стремясь ободрить Локса, Пастернак писал ему из Тихих Гор на Каме 13 февраля 1917:

«Верьте мне, это очень хорошая книга, ее непременно надо закончить и издать; она сплошь существенна, нагнетена, лаконична. Вы находите в ней краткие прекрасные формулы и определения для многого такого, что сейчас до неузнаваемости замутнено символистической фразеологией»⁵.

Боясь, что по своей привычке Локс бросит начатую книгу, Пастернак рекомендовал ее Боброву для III сборника «Центрифуги». Он писал ему 23 сентября 1916 о Локсе:

«Есть у него теоретическая книжка, здравая, зрелая, сжатая, содержательная, формулятивно краткая — как катехизис — словом, как раз то, чего ты от меня все время требуешь, и если я советую тебе написать ему об этой "Философии Искусства" с целью издать ее в Центрифуге, то говорю как член центрифугальной семьи, заранее гордясь тем, что к полнотности нашего комплекта присоединится и эта вещь — полная, компактная, затронувшая все вопросы, случайно или не случайно сцепленные с проблемами творчества в наши дни. Каждая тема — параграф, формула за формулой, отчетливые, по-своему глубокие, там, где своя глубина без претензий — редкость в наши дни. Лучше всего то, что это traité лаконично не по-современному, картезиански просто, исчерпывающе»⁶.

Но книга все-таки осталась недописанной, как и упоминавшаяся Пастернаком еще в 1912 статья Локса о Константине Леонтьеве, как и книга «О естественном человеке». Следов работы над ними нет также в его архиве.

К 1914 относится участие Локса в журнале «Современник», куда пригласил его Е.Г. Лундберг, который ведал там критическим отделом. В это же время в журнале «София» была напечатана его статья об Апулее.

⁴ СС. Т.4. С.233.

⁵ Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.193.

⁶ РГАЛИ. Ф.2554.

«Повесть об одном десятилетии» поражает прекрасным знанием литературы и художественным вкусом, образцы которого широко рассыпаны по ее страницам. Это сказывается в тонком критическом анализе при чтении и разборе стихов раннего Пастернака, Брюсова, в оценках Белого и сравнении выразительных средств стихов Маяковского и Пастернака из книги «Поверх барьеров» 1917 года. В ритмах и образах этой книги Локс видел «внутренний смысл разбушевавшихся стихий»: «В ней все было перевернуто, разбросано, разорвано, и некоторые строфы напоминали судорожно сведенные руки».

К сожалению, не сохранилось письмо Локса, так обрадовавшее когда-то Пастернака, в котором он писал о «дифирамбизме» «Поверх барьеров». О своем впечатлении того времени Локс вспоминал в рецензии на переиздание 1929 года. Он отмечал, что в книге 1917 в первый раз стал слышен «раскованный голос» поэта и явственно выразилась «основная особенность всей поэзии Пастернака — могучий натурализм образов и высокий подъем одушевляющего их вдохновения. Здесь со всей силой был отброшен принцип условного поэтического отбора и снят запрет с вещей и явлений, названных каждое по своим именам. /.../ Отсюда напряженная действенность поэзии Пастернака и принятие мира как цельного поэтического ряда, в котором все оказывается нужным и характерным».

Переиздавая «Поверх барьеров» в 1929, Пастернак многое переделал в сборнике и, желая усилить отмеченный Локсом «дифирамбизм», убирал диссонирующие с ним элементы тоски и одиночества. В своей рецензии Локс не скрывал, что новые поправки старых стихов часто казались ему «излишними», но признавал, что «они чрезвычайно интересны своим принципом переработки, вносящей большую отчетливость в развертывание темы»⁷.

Новое издание открывалось стихотворением «Февраль. Достать чернил и плакать...», которое первоначально публиковалось в альманахе «Лирика» 1913 года с посвящением Константину Локсу. Теперь оно подверглось некоторым изменениям, а посвящение было снято. В дарственной надписи на книге Пастернак объяснял Локсу, что «первое стихотворение книги» по-прежнему посвящено ему «в благодарность за долгую дружбу»⁸.

Вспоминая в «Повести об одном десятилетии» о «Детстве Люверс» Пастернака, Локс останавливает внимание на «изумительном проникновении в психологию девочки, перед которой раскрывается мир». Эта повесть, по мнению Локса, «была недостаточно понята и оценена современниками». В его рецензии на сборник прозы Пастернака отмечалась медлительность тяжелого сюжета «Детства Люверс», обновившего отдельные частности. Единственной фабулой повести Локс называл «громкий во весь голос разговор о том, о чем мы не умеем говорить или говорим только шепотом. Человек медленно прорастает сквозь дремучую

⁷ Литературная газета. 1929. 28 октября.

⁸ Минувшее. Указ. изд. С.170-171.

толщу мира, его на каждом шагу окружают неслыханные чудеса, очень, впрочем, обычные — улыбка матери, сияние звезды и более прозаический свет лампы. Сквозь все это он, удивляясь, называет свое собственное имя и находит имена для окружающего. Этот момент нахождения имени или слова и есть начало того, что мы называем прозой или поэзией»⁹.

Сборник прозы, который рецензировал Локс, был подарен ему автором сразу после выхода в свет с такой надписью:

Дорогому другу Косте Локсу,
у которого я учился писать прозу,
не оправдавший его влияния

Боря.

19/IV 25.

(Книга находилась в собрании Е.В. Суховаловой, теперь передана в РГАЛИ).

По воспоминаниям Локса, редакция обратилась к нему с просьбой о рецензии, чтобы подтолкнуть залежавшуюся на складах книжку. Это трудно понять, зная, что книжка тиражом в три тысячи экземпляров вышла в апреле, а рецензия появилась уже в августе.

В «Повести об одном десятилетии» отчетливо слышатся отзвуки чтения «Охранной грамоты». И это естественно, ибо в ее тексте нашли выражение многие наблюдения над временем, которые были сформулированы в долгих разговорах друзей.

«Времена были такие, — писал об этом Пастернак, — что в каждую встречу с друзьями разверзались бездны, и то один, то другой выступал с каким-нибудь новоявленным откровеньем»¹⁰.

Таким образом, слова Локса о черно-белом цвете, который стал господствовать со времени начала войны, невольно напоминают нам известное место из «Охранной грамоты» о прощальной яркости красок последней мирной весны. «Застывший от холода» военных лет, «знакомый московский пейзаж» приарбатских переулков, описанный Локсом, ассоциируется с началом 12 главы III части «Охранной грамоты»:

«В неубиравшуюся месяцами столовую смотрели с Сивцева Вражка зимние сумерки, террор, крыши и деревья Приарбатия»¹¹.

Образ клокочущего котла, который вызывают у Локса в памяти дни падения монархии, естественно соотносится с картиной «государственного порядка» времен последнего монарха, которым дышали мальчики поколения 1910-х:

«При виде котла пугаются его клокотанья. Министры уверяют, что это в порядке вещей и чем совершенней котлы, тем страшнее»¹².

Подобных совпадений много в «Повести» Локса, которая во всех деталях и реальности воздуха передает нам время и мысли тех далеких

⁹ Красная новь. 1925. №8. С.286-287.

¹⁰ СС. Т.4. С.159.

¹¹ Там же. С.228.

¹² Там же. С.212.

лет, когда «еще жизнь по видимости обращалась к отдельным и любить кого бы то ни было на свете было естественнее, чем ненавидеть»¹³.

С другой стороны, нам показалось интересным отметить места использования «Повести» Локса в воспоминаниях его друга Н.Н. Вильям-Вильмонта, который представил эпизоды из книги Локса как его устные «отрывочные замечания», которым Вильмонт только придал должную форму.

«Словом, из всего сказанного видно, что Локс не только не был плохим рассказчиком, а напротив, отменнейшим, — пишет он, — и только из русской интеллигентской застенчивости никак не решался придать своим отрывочным замечаниям должную форму. Позднее в его книге "Повесть об одном десятилетии" и злость его и доброта встали на свое место»¹⁴.

Не вижу ничего зазорного в том, чтобы, передавая запомненные сыздавна рассказы Локса, пользоваться подлинными, написанными его словами, — конечно, таким образом гораздо точнее можно передать реальность изображенного, — но интересно, как трансформирует и украшает эти эпизоды фантазия мемуариста, как на основе подлинных фактов памяти одного создаются позднейшие литературные мемуары другого.

Так, реальный расказ о рисунке Александра Пастернака дополняется у Вильям-Вильмонта сомнительной репликой Бориса об «Апеллесовой черте в действии», которая преобразила натуру, делая из портрета именно портрет. Эта фраза видоизменяет весь рассказ Локса, становясь его основным звеном, при этом невольно задаешься вопросом, как мог Локс, записывая его позднее, забыть о его изюминке.

Передавая впечатление Локса о жизни Пастернака в Молодях летом 1913, Вильям-Вильмонт преувеличивает ее барский характер, усугубляя неточную расплывчатость формулировки Локса: «Семья Пастернаков жила в снятом на лето большим помещицьем доме со всеми приятностями усадебного быта — прудом, парком, несколькими десятинами леса, службами и так далее»¹⁵.

Дело в том, что большой дом в Молодях сдавался на лето нескольким семействам, и Пастернаки жили в одной, и не самой большой, из его квартир. При этом у Бориса не было отдельной комнаты для занятий, ему приходилось делить ее с братом. Он особо оговаривал это обстоятельство в письме к Локсу, хотя и смягчал его описанием величины комнаты, — «не детской уже»¹⁶. Там он мог читать и писать письма, но для работы ему приходилось уходить в парк, и, как известно из очерка «Люди и положения», стихи для своей первой книги он писал в ветвях полубвалившейся березы, — что, конечно, романтично, но не очень удобно.

Первые послереволюционные годы Локс провел в своем родном городе Сураже Черниговской губернии, где было спокойнее и сытнее, чем

¹³ СС. Т.4.С.145.

¹⁴ Вильям-Вильмонт Н.Н. Борис Пастернак. Мысли и воспоминания // Новый мир. 1987. №6. С.209.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Минувшее. Указ. изд. С.176.

в голодной Москве, куда он наезжал по временам. Написанная им в это время статья о И.С. Тургеневе вошла в сборник «Творчество Тургенева», выпущенный под редакцией И.Н. Розанова и Ю.М. Соколова (М., 1920).

С началом нэпа он вернулся в Москву и читал курс прозы в Литературном институте при Наркомпросе. Публиковался в «Печати и революции», «Красной нови», «Новом мире» и других журналах. Писал статьи о Марселе Прусте и Пушкине, Толстом и Хлебникове. Переводил романы Бальзака.

По-прежнему не оставлял вниманием творчество Брюсова и писал о нем в «Литературной газете» (15 октября 1935); в «Литературном наследстве» (1937. Т.27-28) им была опубликована ранее не издававшаяся поэма Брюсова «Страсть и смерть».

В 1937 Локс стал профессором Государственного института театрального искусства, в журнале «Литературная учеба» печатались его работы о прозе Лермонтова (1938. №8. С.3-21), о Гоголе (1940. №8-9. С.62-75).

Но «Повесть об одном десятилетии», которая писалась в 1942-1943 на материале сохранившихся записей ранних лет и была просмотрена и дописана в начале 1950-х незадолго до кончины, — несомненно самое значительное произведение в творчестве Константина Локса, показавшее в полном объеме его нерастратенный талант прозаика и эссеиста. Это в настоящем смысле слова исповедь и завещание — отчет о не оправдавшихся надеждах, которые подавало поколение 1910-х. Их высокий взлет с запозданием доходит до нас благодаря одиноким усилиям случайно уцелевших свидетелей.

В заключение хочется привести несколько слов музыковеда И.Ф. Кунина и его сестры Е.Ф. Куниной о Константине Григорьевиче Локсе, которого они близко знали и нежно любили на протяжении многих десятков лет.

«Имя К.Г. Локса стало мне знакомым и дорогим, — вспоминает Е.Ф. Кунина, — еще в 1913 году. Он вел несколько классов по истории русской и западной литературы в очень хорошей женской гимназии В.Потоцкой, где я училась тогда в 6-м классе. Все в нем было загадочным, начиная с его внешности. Тонкие черты смуглого лица, мрачный взгляд больших темных глаз, устремленный как бы внутрь тебя. Что-то аристократическое и в то же время болезненное в манере держаться. Уроки его были еще уроками неопытного преподавателя. Это был первый его год после окончания университета.

Неопытность искупалась, на мой взгляд, необыкновенной вдумчивостью, тонкостью определений, выразительностью характеристик. Он заставлял нас ощутить дух поэзии Державина. Он живописал нам самый жанр баллады, его происхождение и развитие, прежде чем обратиться к Жуковскому. Все это ярко воспринималось мною и надолго оставалось в памяти.

Годом позже я прочла в журнале «София» его статью об Апулее и «Золотом осле». Я восхитилась языком статьи, свободным, чистым

и совершенно своеобразным. Мое сочинение "Жизнь Званская" Державина он прочитал в классе как наиболее удачное. Вероятно, он почувствовал во мне ту литературную жилку, которая так сильно билась в нем самом. Ведь литература для него была не предметом преподавания, а частью его жизни».

И.Ф. Кунин вспоминает об удивительном докладе Локса, посвященном «Евгению Онегину» и прочитанном в начале 1920-х на квартире переводчика Бориса Песиса:

«Доклад захватил меня новизной и убедительностью точки зрения. Константин Григорьевич напомнил, что роман Пушкина писался с перерывами в течение десяти лет. Так что оценки и характеристики, данные герою, менялись то в положительную, то в отрицательную сторону. Для меня было новостью сочетание в докладе трезвого историзма с тонким литературным анализом. Мне кажется, это имело для меня большое значение».

В это время Кунины учились в Высшем Литературно-художественном институте, созданном Брюсовым. Локс вел занятия по теории прозы.

«К.Г. Локс был привлечен в этот институт для преподавания при нашем с сестрой активном участии, — пишет И.Ф. Кунин. — После вечера Пастернака в Доме печати в июне 1922 года сестра услышала фразу Бориса Леонидовича, сказанную о Локсе: "Вот человек, который научил меня писать прозу"».

Занятия в Литературном институте определили многие годы дальнейшей педагогической деятельности К.Г. Локса. Они проходили при большом оживлении и очень естественно: мы, студенты института, читали вслух свои новые рассказы или главы из повестей, а Константин Григорьевич тут же, на лету, метко и интересно их анализировал. Иногда мы делали небольшие доклады. Помню, я высказал несколько соображений по поводу "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Гоголя. Разгорелся спор. Мне кажется теперь, что эти обсуждения очень мне помогли. Гораздо позднее, когда я писал свои книги по истории русской музыки, я пользовался ощущением формы, заложенным в те учебные часы.

Константин Григорьевич стал у нас бывать, и мы с сестрой нередко навещали его. У меня сохранилось странное ощущение восхищения и уважения даже к самой манере его говорить негромким голосом с покашливаниями. В этом было особое обаяние глубины мысли и таланта».

«Вопреки мизантропическому характеру Локса, — вспоминает Е.Ф. Кунина, — в нем нередко пробивались лучи подлинной доброты к людям. Мрачное выражение лица внезапно озарялось светлой улыбкой, и он удивительно гостеприимно, приветливо принимал желанных ему гостей в своей одинокой полутемной комнате».

«Его влияние на учеников и слушателей Брюсовского института, Высших Литературных курсов при Союзе писателей, позднее в ГИТИСе, усиленное его личным обаянием и светлой одаренностью, было очень плодотворно и велико. Он обладал даром магического воздействия на слушателей.

Параллельно развивалась и его историко-литературная и критическая деятельность, — продолжает И.Ф. Кунин. — Благодарной работой было бы собрание наиболее значительных статей и рецензий К.Г. Локса и подготовка их к печати. К сожалению, для меня эта работа стала невозможной из-за болезни.

Скажу тут же, что К.Г. Локс в тридцатые годы стал переводчиком Анатоля Франса, Бальзака, автором биографических и литературоведческих работ о Бальзаке. Ему же принадлежит в статье, опубликованной в литературной газете "Читатель и писатель" неожиданное и глубокое определение творчества Бориса Пастернака как "реалистического по существу"».

Характерное сочетание историзма и анализа отмечает И.Ф. Кунин и в мемуарной «Повести об одном десятилетии» Локса:

«Мы с сестрой и с моей женой ознакомились с повестью по не всегда разборчивой рукописи, переданной нам для чтения автором. Мы постарались разобрать все трудночитаемые строки, раскрыть инициалы давних друзей.

Десятилетие 1907-1917 годов, которому посвящена мемуарная повесть Локса, получило от Максима Горького несправедливое наименование: "Самое позорное десятилетие в истории русской литературы". Крайне жестко отнесся к своей литературной среде этих лет И.А. Бунин. Между тем это время рождения новых направлений в литературе, перешедших за черту пореволюционных бед. Это было время ярких художественных индивидуальностей, среди которых крайне скромный и ни в какие литературные схватки не вступавший К.Г. Локс выделялся бесспорной талантливостью и неполной реализацией своих богатых возможностей.

В предреволюционные годы молодые петербургские писатели и критики получили разнообразное освещение и хорошо знакомы историкам литературы. В этом отношении менее повезло Москве, богатой литературными талантами. «Повесть» К.Г. Локса в известной мере восполняет этот пробел, давая живые и выпуклые зарисовки с таких деятелей, как Андрей Белый, Г.А. Рачинский и, прежде всего, Борис Пастернак и его друзья по издательству "Центрифуга". Сильной стороной К.Г. Локса была его высокая культура, широкие знания в области западной и русской литературы и чуткий литературный анализ. В "Повести" эти стороны нашли свое рельефное отражение.

После смерти автора я сделал несколько тщетных попыток пристроить "Повесть об одном десятилетии" в журнал или издательство. В "Новом мире", куда я первым делом обратился, покойный Дорош сразу сказал: "Портфель журнала забит воспоминаниями, а журнал сейчас интересуется гораздо более современной деревней, чем прошлым московской интеллигенции". В "Советском писателе", куда я с отчаяния отправился, сразу сказали, что это не их тема. Счастлив, что теперь пришла пора публиковать эту драгоценную для нас литературно вполне законченную "Повесть об одном десятилетии". Желаю ей доброго пути к читателю».

Я перечел «записки», или не знаю, как их назвать, которые сложились в тусклые зимние вечера в холодной комнате в годы войны. Теперь это время уже далеко, и несмотря на это страшно близко. По-видимому, его забыть нельзя. Мои «записки» составлены в слишком литературном стиле. В этом их достоинство и в то же время недостаток. Я обожал живописную Москву той эпохи, хотя бы тот Большой Конюшковский переулочек, где я поселился в первый год и в первый месяц после моего приезда в Москву¹. Это была глубокая провинция. Маленькие одноэтажные домики, они, кажется, стоят и сейчас, уже тогда насчитывали добрую полсотню лет. На окнах ставни, за стеклами герань. Кто мог подозревать, что в одном из этих домов два студента будут обсуждать «Urbi et Orbi»² Брюсова и спорить о Фихте или Ницше? Но так бывает всегда. В курятниках неожиданно вырастают странные цветы. Многим из них суждено заглохнуть; тем цветам, которые взращивали мы, грозила особая участь. История в эту эпоху пощадила нас. Грозным напоминанием она стояла на часах в виде полуразрушенных домов Большой Пресни, но люди так спокойно проходили мимо них, что, казалось, ничего и не было. Черта человеческой природы. Вчерашний день утрачивает краски, тускло и подслеповато смотрит он, и этот вчерашний день встретил меня в университете, куда я отправлялся на конке, дребезжавшей по Большой Никитской. У каждой улицы, так же, как у людей, есть своя судьба. На перекрестке Большой Никитской и Тверского бульвара в ту эпоху там, где теперь памятник Тимирязеву, стоял большой двухэтажный дом. В доме помещались меблированные комнаты, аптека, библиотека и столовая Троицкой, где обедали писатели, студенты, актеры и прочая братия, иногда находившаяся на пороге нищеты. Обед стоил 50 коп. и славился своими отменными качествами. В октябре 1917 года вокруг этого дома происходили жестокие бои, он был сожжен и полуразрушен. Затем Большая Никитская стала улицей Герцена, а прилегающие переулочки назвали именами его друзей. Все прочее осталось как было. Я не любил этой улицы, не люблю ее и сейчас. Она напоминает мне улицу губернского города, в ней нет ничего московского. Университет и Консерватория — большие мертвые дома, где-то среди них Никитский монастырь³, о существовании которого нужно было догадаться.

Улица, конечно, не только тракт, по которому передвигаются люди, животные и тяжести. Когда-то об этом знали очень

хорошо, и каждый дом мог быть, и в счастливых случаях и был, художественным произведением. В этих домах могли жить люди со своею собственной судьбой. Тогда, в моем, так сказать, времени, прохожих было немного, особенно в конце улицы, выходящем на Кудринскую площадь. Я отлично знал, что возвращаясь из университета, встречу довольно красивую молодую женщину, которую подвезет к пестрому изразцовому дому⁴ собственный рысак. Лакей быстро вскочит и позвонит, но женщина будет сидеть и чего-то ждать. Выскакивала горничная, уже очевидно знавшая, зачем ей звонят. Она выносила в руке несколько кусков сахара. Прекрасная дама (допустим, что это так), вставала, брала сахар и начинала кормить сахаром вороного жеребца. Умное животное осторожно брало губами кусок и с трудом разминало его во рту. Я всегда останавливался и смотрел на эту сцену. Я хотел ей сказать, что лошадь с удилами во рту никогда не кормят сахаром, что угощение только причиняет ей мученья. Но у меня не хватало смелости объяснить ей в чем дело. Кучер — величавый холуй, похожий на кого-то из царствующей династии, неподвижно возвышался на козлах, и когда дама исчезала в подъезде, — въезжал во двор. Вздохнув, я шел дальше, то есть заворачивал на Поварскую, где мы обедали вместе с сестрой Леной. Вряд ли теперь я найду этот дом, кажется, небольшой. В маленькой столовой всегда сидело несколько грустных интеллигентов. Обед был дешевый и тощий. Не потому ли там любили разговаривать о самоубийствах среди учащейся молодежи? Некто Боков, сотрудник журнала «Перевал»⁵ по музыкальной части, снисходительно объяснял обедающим Скрябина и Рахманинова. Он всегда выразительно произносил слово «ноктюрн», упирая на букву «о», и, в знак важности своего сообщения, держал вилку или нож неподвижно в воздухе. После обеда я шел домой. Нужно перо Чехова, чтобы изобразить квартиру на втором этаже дома Молчанова по Б. Конюшковскому переулку.

Хозяин с семьей занимал две задние комнаты, я — маленькую комнатку, выходящую в прихожую, и рядом со мной проживала «дева веселья», исчезавшая каждый вечер и возвращавшаяся на следующий день утром. Хозяин, одутловатый и обрюзгший человек, всегда был пьян или полупьян, но проявлял себя чрезвычайно мирно — по-моему, он спал круглые сутки, за исключением тех счастливых минут, когда вкушал из чары забвения. Но вскоре появилось еще одно лицо — высокая женщина лет 45 с каменным лицом в черной косынке и в черном платье. Она ни с кем не разговаривала и молча смотрела куда-то неподвижным взором. Скоро я узнал ее историю: муж этой Ниобеи, горо-

довой, был убит в декабрьские дни 1905 года. С тех пор она окаменела. Таково было население квартиры. Она обязывала к неким подвигам духа. Я усиленно читал и старался поменьше бывать в университете. Месяц прошел почти в полном одиночестве, как вдруг наступили события. Однажды утром, уже довольно поздним, я был разбужен страшным шумом и криками, раздававшимися из соседней комнаты. Голос хозяина раздавался на этот раз ясно и отчетливо. «Я тебе говорил, стерва, — кричал он, — на ночь не приводить, у меня дети, понимаешь, сука?»

Дети, две девочки лет 9-10, ютились где-то в спальне, и всегда вопросительно смотрели на меня, не произнося ни слова. Послышалось пыхтение, потом что-то тяжелое поволокли через всю квартиру. Открыв двери, я увидел нашего пьяницу в одном исподнем. Он тащил матрас несчастной девы веселья, которая в слезах следовала за ним. Матрас был выброшен на лестницу. Я закрыл двери, не желая предаваться дальнейшим наблюдениям. Возня, крики и брань продолжались еще минут десять. Затем все стихло. Таким образом, рядом со мной освободилась комната, что привело к неожиданным последствиям. На следующий день вечером в прихожей послышался робкий, неуверенный звонок. Я вышел и, открыв двери, отступил назад. Передо мной стоял человек в лохмотьях с измазанным грязью лицом. Всмотревшись, я узнал его и, тотчас схватив за руку, провел в свою комнату. — Это был Иван М., партийный работник, с которым я познакомился летом в Сураже.

— Бежал, — хриплым голосом сказал он мне, — обменялся с нищим одеждой, и они меня выпустили.

М. был случайно арестован на какой-то квартире, и впредь до выяснения личности заперт с разными бродягами в полицейском участке. Там он договорился с каким-то нищим, который с удовольствием наделил его своими лохмотьями взамен приличных штанов и рубахи. Открыв корзину, я немедленно вынул все, что надо, и через пять минут М. являл вид приличного молодого человека, не внушавшего никаких подозрений. По обычаю доброго старого времени, меня отправили в университет с солидным запасом штанов, пиджаков и т.п., а так как М. был одинакового со мною роста, то метаморфоза удалась прекрасно. После этого я отправился к хозяину. С трудом растолковав ему, что мой товарищ проездом в Москве нуждается в комнате, я договорился по сходной цене 75 коп. в сутки и поместил М. в обиталище жрицы веселья. Через три дня мы отправили его в Киев, в моих штанах, тужурке, с фальшивым паспортом в боковом кармане. Оказывается, М. совершенно случайно узнал мой адрес, встретив подругу

сестры на углу улицы, где он собирал подаяние, чтобы не навлечь на себя подозрение. Этот случай произвел на меня довольно сильное впечатление счастливым сплетением событий. Из него я вывел полезное, но рискованное заключение, что судьба иногда покровительствует людям. Тем не менее мне становилось скучно. Утром я отправлялся в университет или в библиотеку и по дороге засматривался на особняк графини Сологуб⁶. В окна были видны корешки книг и фигура фавна, сидевшего на корточках. Мне могло придти в голову все что угодно, но только не то, что случилось 15 лет спустя. В той самой комнате, где сидел фавн, я читал лекции по поэтике, а меня слушала толпа молодых людей, которым, верно, тоже не снилось все, что с ними произошло. Это относится к проблемам так называемой философии истории.

Так вот, в один из прекрасных сентябрьских дней возле дома Сологуб я встретил стремительно несущуюся мне навстречу фигуру с книгами в обеих руках. Он несся, не замечая времени и пространства, и если бы я не схватил его за руку, вероятно, пронесся бы мимо в своем сновидении или мечте, а может быть, и в иступленном отчаянии. Замечу здесь, кстати, что в композиции любого произведения представлять новое лицо — дело не простое. Большинство авторов в старых романах начинало с описания наружности и с обычной фразы: «в комнату вошел высокий человек, молодой или средних лет» — и т.п. Все это мне не нужно. Если угодно, я могу сообщить, что Л[еонид] А[лексеевич] Л[яшкевич] был очень похож на Станкевича, иногда, мне казалось, на Ап. Григорьева, — одним словом, он был уместен в говорильне 40-х годов. Мы вместе учились в Суражской гимназии, он был на три класса старше меня, но мы познакомились во время одного предприятия тех годов, о котором я, быть может, расскажу несколько позже.

Схваченный мною за руку, Л-ч остановился и с некоторым трудом пришел в себя. Тотчас же записал мой адрес и обещал прийти.

— Да, вот что, — сказал он на прощание, — завтра начинает читать Ключевский, советую послушать.

Советовать не нужно было, — он сам не знал, какое значение имели его слова. Ключевский имел в ту эпоху значение совсем особое. Еще в гимназии мы сложились и выписали из Москвы через Суражское землячество литографированный курс его лекций. Огромный переплетенный том этих лекций до сих пор стоит у меня на шкафу. Здесь я сделаю отступление. Так повелось уже издавна, такова была традиция, что гимназисты старших классов просвещали младших. Как-то я познакомился с восьмиклассником Е[вне-

вичем, бледным юношей с черными, лихорадочно горевшими глазами. Он отличался большой осторожностью, долго внушал мне правила конспирации и когда дружба достаточно окрепла, как-то сказал, как-будто между прочим: «Приходите ко мне завтра, я дам вам почитать "Былое и Думы"». Надо ли передавать мою радость, — вот по этой книге мы учились любить и ненавидеть. На следующий день я отправился к Е[вневичу]. Он жил на окраине Офицерской слободы, на Запольной улице, тихой, уставленной маленькими одноэтажными домиками.

Позвонившись в один из таких домиков, я услышал сначала тихие шаги, а потом чей-то негромкий настороженный голос спросил: «Кто здесь?» На мой вопрос, дома ли Саша, дверь открылась. Передо мной стояла маленькая чистенькая старушка с мышиными глазками и шитьем в руках. Она провела меня через маленькую зальцу и показала рукой на небольшую занавеску. За этой занавеской, висевшей вместо двери, в крохотной комнатке помещался Е[вневич]. Кривой маленький столик у окна, стул, этажерка с книгами — вот и все. Поговорили о том, о сем. Вдруг он встал и вышел из комнаты. Через несколько минут вернулся с небольшим бумажным мешочком, в какие отпускают сахар. Из этого мешочка он извлек драгоценность: распавшееся на отдельные листики жеваное издание «Былого и Дум»⁷. Сколько поколений должны были читать эту книгу, чтобы довести ее до такого состояния. Тем не менее все пожелтевшие странички были в полной сохранности. «Вот что, — сказал Е[вневич], — во-первых, никому не давайте, во-вторых, читая, вкладывайте листок сейчас же обратно. Это единственный экземпляр в Сураже». С благоговением я взял мешочек, заверил Е[вневича] в моей аккуратности и готов уже был идти домой, как вдруг он завел длинный разговор на тему о Герцене и Ключевском. «Имейте в виду, — сказал он, — что из всех русских историков ближе всего Герцену Ключевский». Действительно, какая-то глубокая внутренняя связь, несмотря на огромные различия, между ними налицо. Только у Ключевского вместо пафоса и гнева Герцена — ирония. Но у обоих тот вкус к истории, который заставил Герцена написать великолепную характеристику Дашковой⁸ и Орлова, где он в увлечении колоритом эпохи забыл о том, что они были крепостники и рабовладельцы. Ключевский этого, между прочим, никогда не забывал, но он полагал, что можно судить отдельных лиц, но нельзя осуждать историю. Он сделал то, что до него не удавалось никому, — осмыслил исторический процесс в России и нашел для него законы.

И когда я на следующий день услышал Ключевского, я еще раз вспомнил слова Евневича. Огромная, так называемая «бogo-

словская», аудитория историко-филологического факультета была по горло набита студентами. Ключевского слушали все факультеты⁹, вплоть до медицинского. В боковую дверь на эстраду тихо и незаметно вошел сгорбленный седой старичок с бородой клочьями, в очках, из-за которых выглядывали сощуренные зоркие глаза. Выждав, пока прекратилась буря аплодисментов, он подошел к кафедре, оперся на нее и вынул из бокового кармана сюртука тетрадку. Потом, сощурившись, еще раз поглядел на аудиторию и начал говорить. Говорил он очень тихо, с интонациями, оттеняя каждое слово. На этот раз речь шла об образовании в эпоху Алексея Михайловича. Ключевский продолжал прошлогодний курс. Через полчаса весь московский период русской истории в его нравственной дикости и умилительном своеобразии восстал перед нами с очевидностью сегодняшнего дня. Ключевский читал о прошлом так, как будто оно было настоящее. И в то же время это была история, а не подделка под настоящее.

Говоря проще, он постиг слова Хомякова и сумел их осуществить:

Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни воззови¹⁰.

Тайна отчасти заключалась в том, что Ключевский изумительно владел русским языком. Одним обветшалым выражением он воскрешал целую эпоху, а если к этому прибавить ироническую интонацию, то его художественная манера в основном будет намечена. Но он же умел возвышаться до высокого лиризма, хотя и старательно прятал его, пуще смерти боясь «говорить красиво».

Я вышел из аудитории с пылающей головой. В первый раз в жизни я увидел художника за работой, я вспомнил и Герцена, особенно первую главу «Былого и Дум», я был в известном смысле «посвящен в историю».

Вечером того же дня, как бы для того, чтобы закончить мои впечатления и перевести их в другой план, пришел Л-ч. Насмешливо оглядев мою комнатку, он опустил на единственный стул и спросил: «Ну, как, читаешь?» На столе лежала раскрытая книга, которую он успел перевернуть. На обложке гордо, как вызов, было напечатано: «Urbi et Orbi». Эту книгу я читал каждый день, каждый вечер, и теперь не знаю, следовало ли так вчитываться в нее, как это делал я.

А я, таясь, готовил миру
Яд, где огонь запечатлен¹¹.

Действительно, после «Urbi et Orbi» нельзя было вернуться к обыкновенной жизни — ее пафос заключался в любви к невозможному, это был романтизм XX-го века, включившего в себя все яды декаданса, нищестанства, отрицания, и в то же время страстного утверждения «мечты» как единственного достойного поэта закона. Все это я тотчас высказал Л-чу. Немного насмешливо он согласился со мной, потом, словно играя мыслью, начал разрушать мои построения. Мечте он противопоставил беспощадные законы жизни. По его мнению — отчаяние, а не мечта был единственный достойный поэта выход. И как бы в доказательство прочел несколько своих стихотворений. Их своеобразие мне очень понравилось, но тут же я отметил и Верлена, и того же Брюсова, и не знаю кого еще можно было назвать — вероятно, многих поэтов эпохи. Во всяком случае, с того вечера у нас началась удивительная жизнь — каждый день Л-ч приходил ко мне и мы разговаривали далеко за полночь.

О чем же мы разговаривали? Вряд ли при всем напряжении памяти я бы мог передать хоть одну такую беседу. Вероятно, смысл этих разговоров заключался в том, чтобы найти какую-нибудь руководящую нить в лабиринте так называемых «исканий» эпохи. Все время мы называли имена Ницше, Шестова, Брюсова, Блока, Мережковского. Пытались понять символизм, и, как скоро выяснилось, плохо понимали его. Теоретической неразборчивости мы противопоставляли трезвую мысль, но ее было недостаточно, потому что суть эпохи заключалась в недоговоренности. Однако скепсис был преобладающим мотивом. У Л-ча был острый, как стилет, анализ, но он никогда не доводил его до конца, за исключением тех случаев, когда в качестве вывода напрашивалось отчаяние. Беседы носили явно афористический и эмоциональный характер, из жизненных невзгод мы делали философские выводы. Но где-то подстерегал здравый смысл, и, как оказалось впоследствии, он нашел себе дорогу и воспитал наш разум. В те вечера, когда прокуренная комната становилась нестерпимой, мы молча одевались и выходили на улицу. Она была безотрадной, эта осенняя московская улица с газовыми фонарями, так же безотраднa была и глухая ночная пора.

Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда лишь светит газ¹².

Мелькали редкие прохожие, пустыня большого города поглощала их тени, но была какая-то горькая услада в этом бесцельном

штатании. Неподалеку, однако, находилось населенное место. Оно располагалось против зоологического сада и носило наименование «Олень». То был ресторан третьего разряда, с машиной, полными в белых халатах и сорокакопеечными блюдами. Сюда время от времени нас влекла судьба. Тут иногда было легче разговаривать, чем у себя в комнате, под грохот музыки, терзавшей слух, возникали чудесные догадки и анализы философских систем. Однажды в этом ресторане Л.А. показал мне писателя. Писатель в поношенном сюртуке сидел за столиком, ел битки с горчицей и в чем-то убеждал своего собеседника. Его скверная физиономия мне не понравилась. Собеседник, как автомат, кивал головой, и в профиль напоминал какую-то птицу. То были два неизвестных в ту эпоху лица — Анатолий Бурнакин¹³ и Русов. Об этой личности, то есть Бурнакине, не стоило бы упоминать, если бы он не был организатором литературных чтений в Московском университете. Из завоеваний 905-го года осталось на время довольно свободное пользование университетскими аудиториями, и вот Бурнакин, конечно, со своими целями, ухитрился организовать там вечера, на которые каким-то образом привлек А.Белого. На одном из этих вечеров я впервые и увидел его. А.Белый читал стихотворения из книги «Пепел».

Довольно, не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространстве пади и разбейся
За годом мучительный год!¹⁴

Аудитория восторженно аплодировала. После чтения все вышли в коридор. Здесь, оцепленный толпой студентов, А.Белый давал разъяснения по поводу символизма, и тотчас Бурнакин затеял с ним какой-то невразумительный спор. От символистов перешли к Пушкину, и здесь Бурнакин осмелился выразить свое мнение о несостоятельности пушкинских поэм. А.Белый тотчас же вскипел. «Как, — вскричал он, — да ведь там Пушкин прет прямо в небо».

Я не понял, что это значит, да и сам А.Белый, вероятно, не мог бы разъяснить смысл своего восклицания. Но дело не в этом. А.Белый в ту эпоху был как бы начинен динамитом. Внешне это выражалось в том, что его руки и ноги стремились как будто куда-то убежать. Они все время ходили как на шарнирах, двигаясь совершенно неожиданно в разные стороны. Впрочем, он мне понравился. У него были чудесные синие глаза, густые волосы, на лице печать вдохновения. Я с удовольствием смотрел на него. Ошпаренный Бурнакин лепетал что-то невразумительное. Через

несколько лет он был приглашен в «Новое время», где успешно писал доносы. Л.А. улыбался своей саркастической улыбкой. Ему очень хотелось вмешаться в спор, но, оттесненные толпой студентов, мы вывалились на улицу, где пытались обобщить наши впечатления.

— Говорят, — сказал Л.А., — что на Арбате время от времени появляется какой-то красный автомобиль, который приводит в ужас А.Белого. «Красная свитка!» — восклицает он. Понимаешь, «красная свитка» из «Сорочинской ярмарки» Гоголя. Вот когда началась небезызвестная книга «Мастерство Гоголя»¹⁵. Впрочем, — глубокомысленно добавил Л.А., — в психологии этот случай описан как мышление по ассоциации. — Мы оба расхотались и отправились в свои темные переулки. В одном из этих переулков — в тупике Б.Грузинской улицы, в деревянном двухэтажном вполне провинциальном домике и проживал Л.А. В первой проходной комнате жила его сестра, курсистка, во второй имел пребывание он сам. Маленький столик был придвинут к печке, за столиком, грея озябшую спину, обычно сидел Л.А. Всюду лежали книги — поэты и философы — Платон, Ницше, Тютчев, Шестов, Блок, — все те, чьими вдохновеньями мы жили в то время. В старинный кожаный переплет с золотым тиснением были вклеены листы белой бумаги. Сюда Л.А. записывал свои стихотворения. Впрочем, гораздо чаще он писал их на клочках бумаги, которые обычно уничтожались. На этих же клочках были написаны прозаические отрывки, не имевшие ни начала, ни конца. Кое-что собрано и подклеено мною¹⁶. Несколько случайных отрывков, уцелевших от мстительной злобы своего хозяина. Уничтожив в один прекрасный день все написанное им, он на несколько дней удовлетворил эту жажду самоистребления, которая бушевала в нем. Встав утром, иногда, быть может, слишком поздно, Л.А. пил кофе, перелистывал одну за другой несколько книг, кое-что читал, и если ему становилось слишком скучно, одевался и выходил на улицу. Обычно его лихорадило. Лихорадило тем внутренним ознобом, который бывает у людей, не знающих, что делать с собой. Ему хотелось, чтобы его кто-нибудь любил, чтобы жизнь была прекрасна, чтобы... Одним словом, ему хотелось необычного и невозможного. Вероятно, в такие минуты он начинал писать. Стихи были декадентские, бессвязные, ни на что не похожие, сверкавшие в некоторых строках подлинным блеском драгоценных камней. Кое-что напоминало «Стихи о Прекрасной даме», но больше всего напоминало самого автора, и в этом было неоспоримое качество. Если бы у него хватило терпения, он мог бы выработаться в несомненного и своеобразного поэта. Но злове-

щий огонь, пожиривший его, превратил в пепел все эти начинания. Иногда Л.А. появлялся в университете, и тогда его злоба находила полное удовлетворение. Мне кажется, иногда он нарочно посещал лекции самых бездарных профессоров, находя в этом своеобразную радость. Вечером Л.А. чувствовал приступ особенно острого одиночества. Наступавшая тьма был люциферична и обладала новым загадочным бытием. В этом отчаянии одиночества он обычно приходил ко мне. Мы философствовали самым экстравагантным образом, строили чудовищные теории и радовались, как дети, своим неожиданным открытиям, особенно в области эстетики. Поэзию мы понимали как искание новых не найденных миров. Здесь были точки соприкосновения с символистами, но еще больше было расхождений. Ведь они уже «нашли», а мы только искали, и нам непременно хотелось, чтобы эти искания были трагическими. Вот почему особенно близким казался Брюсов. Он был, как мы думали, гностиком, мучительно искавшим выхода из тюрьмы обычных человеческих созерцаний.

Людям позднейшего поколения, самим не пережившим эту эпоху, трудно представить ее. Трудно представить это состояние каких-то мучительных душевных переживаний и надрывов, с преданностью самым отвлеченным вопросам, слагавшимся в мнимые величины и, как оказалось потом, ненужные. Когда мнимости разоблачились, наступили трудные дни. Для историка самое драгоценное уловить отражение идей в быту, но этот период отличается особой своеобразной красочностью, поскольку русский быт оказался совершенно не приспособленным для воплощения всех тех тонкостей, которые черпались из книг и собственных замыслов. Я и мои друзья все приехали в Москву из провинции. Мы не почувствовали особой разницы, ибо Москва в ту пору была огромным провинциальным городом. Тем не менее, Л.А. был родом из Духовщины Смоленской губ., где, как он рассказывал, был только всего один каменный дом. В Духовщинском уезде, среди лесов и болот, заросших клюквой и брусникой, трудно было найти отражение великолепных созерцаний Малларме или парадоксов Оскара Уайльда. Отсюда *incipit tragoedia*. Хотя справедливость требует отметить, что трагедия была не только у нас. Кто не помнит стихотворения Верлена, где в темный дождливый вечер поэт вспоминает о Фидии и Марафоне¹⁷, а за закрытыми ставнями угрюмых домов в колпаках храпят добродетельные мещане. Эта трагедия была всегда, но в условиях русской жизни она приобретала особые черты. Первым ее следствием была оторванность от жизни, ее «неприятие», как говорили в то время, повторяя известные слова из «Братьев Карамазовых». Л.А. являл

блестящую картину этого неприятия. Потом, когда буйное умопомешательство окончилось и перешло в тихое, он стал преподавателем кадетского корпуса, женился и в точности осуществил собственный афоризм: «Женатые люди не любят парадоксов». Но пока его окрылял божественный Эрос, он в тупике Грузинской улицы, со всем блеском своих афоризмов и своего отчаяния притягивал к себе, как магнит притягивает железо.

Внешностью он напоминал Станкевича или Аполлона Григорьева. Длинные льняные волосы, остренький нос, несколько женственный овал лица, все выражало какое-то бессилие и в то же время духовность. В глазах иногда горели злые огоньки, иногда, наоборот, они сияли высокой мыслью. Увы! Ему не было дано долго сохранять свою исключительность, тот огонь, который его пожирал, в конце концов быстро совершил свою разрушительную работу.

Зимой 1907-го года настал день, имевший для меня исключительно важное значение. Иззябшая фигура Л.А. с посиневшим носом встает передо мною в какой-то морозный день, когда он хрипловатым голосом предложил мне познакомиться с его другом Е.И. Боричевским¹⁸ и прочитать ему мой рассказ. В эту пору доведенный до отчаяния бесприютностью, одиночеством и черствым равнодушием большого города, я написал довольно глупый рассказ о самоубийстве студента. Л.А. он почему-то понравился. Об его друге Е.И. я уже слышал от него давно. Однажды вечером мы отправились на Сивцев Вражек, где жил Боричевский. Мы вошли в большую, хорошо обставленную с некоторыми эстетическими претензиями комнату, мало напоминавшую наши жалкие конуры. Хозяин шел к нам навстречу, приветливо улыбаясь. Это был молодой человек, скорее маленького, чем среднего роста, что выражалось в высоких каблуках его ботинок, изящный, несколько напомнивший мне маркиза 18-го века. В его внешности и манерах было что-то польское. Так оно и оказалось впоследствии. Отец его, Иван Казимирович, нотариус в Минске, был несомненно по отцу поляком, и сам Ев. Ив., прекрасно владевший польским языком, конечно, был весь пропитан польской культурой, тонкой, изящной, несколько лукавой и аристократической.

После нескольких общих фраз я уселся, чувствуя какую-то неловкость в моем приходе, и начал читать свой могильный рассказ. Ев. Ив. внимательно выслушал его.

— Продавец хорош, — сказал он в заключение. В рассказе изображается старый продавец всякого хлама, у которого студент

покупает револьвер. Но я видел, что рассказ не произвел на него впечатления. Было бы странно иначе.

— Вы, кажется, пишете стихи? — обязательно спросил он после некоторой паузы. — Да, пишу, — слегка покраснев, ответил я. Стихам своим я не придавал никакого значения и писал их верно потому, что в ту пору их писали все. — Прочтите. — Запинаясь, я прочитал одно стихотворение, вероятно, написанное под влиянием Л.Ал. К моему изумлению, одна строчка привела Боричевского в восторг.

— С неба слезла позолота! — повторил он. — Как это здорово сказано. — И тут мы сразу нашли общий язык. Это было тем легче, что наш хозяин занят был теми же мыслями, что и мы. Поговорив о Шестове, о символистах, о современности, Боричевский взял со стола маленькую желтую книжечку. — Я только что закончил перевод нескольких страниц из Марсея Швоба¹⁹, — сказал он, — хотите, я вам прочту?

Перевод был тщательно переписан в небольшую самодельную тетрадку. Позднее я видел у него много таких тетрадок. В них содержались его афоризмы, отрывки и переводы. Листы были заложены красными кленовыми листьями. Е.И. читал переводы из «Le livre de Monelle». Марсея Швоба мало кто помнит сейчас. Один из самых глубокомысленных и прекрасных писателей эпохи символизма. «Le livre de Monelle» — ряд очень тонких афоризмов; их тема — индивидуалист, взошедший на костер, сжигающий себя в огне любви и неутоленной нежности.

— Не оглядывайся назад, — читал Боричевский, — ибо за тобой пожар Содома, и ты обратишься в статую окаменелых слез. Смотри на все в свете мгновенья.

— Кстати, — прибавил он, — это перевести очень трудно. *Regarde en toutes les choses sous l'aspect du moment.* «*Sous l'aspect*» — по-русски «с точки зрения» — невозможно, — я перевел «в свете мгновенья».

Теперь бы я ему сказал, что он перевел неправильно, ибо аспект — термин астрологический, и Монелла, пророчествующая о своей судьбе, должна была пользоваться именно таким термином. Сейчас я бы так и перевел: «Смотри на все в аспекте мгновенья».

Мы восхищались Швобом, поговорили о наших профессорах. По русскому обычаю закончили наш разговор тем, что обругали всех и... разошлись.

Возвращаясь назад под впечатлением этой встречи, я стал расспрашивать Л.А. о его друге. Несомненно, он был привязан к нему, но в то же время по-видимому не мог постигнуть тайны той легкости, которая составляла как бы его отличительную чер-

ту. Он всегда завидовал ей, но в этой зависти не было ничего дурного. Чувство обделенности в эту эпоху было широко распространено. Замечательно, что оно не зависело от материального положения. Мне приходилось встречать людей, располагавших широкими жизненными возможностями, и тем не менее пугливо жавшихся куда-то в сторону. Вероятно, так называемое «неприятие жизни» шло отсюда. Пока мы занимались этим неприятием жизни и готовили себе печальную участь людей, сгоревших на собственном огне, жизнь очень мало церемонилась с нами и шла своим путем. Еще недавно на перекрестках Москвы дежурили вооруженные винтовками городовые, еще недавно вешали экспроприаторов, еще недавно гремели пушки на Пресне, как вдруг оказалось, что все это куда-то отошло.

По-прежнему торговали, строили дороги, в университетах читали лекции, а студенты сдавали экзамены. Сдав экзамены, мы и разъехались весной 1908 года. За это время ничего замечательного с нами не произошло, да и по общему ходу дел и не могло произойти. Правда, я бы мог написать несколько страниц о моих квартирных злоключениях, о том, например, как я жил у цыганки от Яра и должен был бежать, ибо ее жених угрожал меня зарезать из ревности, — но я не настроен сейчас вспоминать эти трагикомические события. Хочется мне вспомнить осень 1908 г. со всеми ее подробностями.

Приехав в августе в Москву и бродя возле Арбата в поисках комнаты, я был пленен Филипповским переулком. Там на стене прелестной старинной церквушки²⁰ был нарисован великолепный ангел, были старые дома и деревья, и я положил по возможности поселиться именно здесь. Комната, которую я снял за 14 рублей в месяц, не обещала ничего дурного, — маленькая, чистенькая, светленькая, она обладала только одним недостатком — нужно было проходить сквозь столовую хозяйек. Пока их было две — мать и дочь. К сожалению, снимая комнату, я не обратил должного внимания на колоссальное количество портретов и бюстов Собинова, украшавших эту столовую. А это было причиной всех последующих событий, которые закончились спешным выездом, правда, уже к новому году. Только переехав и водворившись в этой комнате, я обратил внимание на непрерывно склоняемую фамилию знаменитого тенора. Последнее означает, что мои хозяйки принадлежали к числу особых психопатов, так называемых «собинисток», о которых только немногие старожилы Москвы имеют теперь реальное представление.

Вся столовая была заставлена, увешана портретами, открытками, изображениями, фотографиями великого тенора. На одной,

стоявшей особо на жирандоли, виднелся автограф. Возле этой фотографии всегда стоял букет цветов. Началось несказанное существование. Я знал о Собинове все, чего он даже сам не знал о себе. Мне было известно, когда он принимает слабительное и каким шарфом закутывает горло. Но привычка делает свое дело. Скоро Собинов казался мне членом семьи, и я внимал рассказам о нем, как чему-то неизбежному, неотвратимому и роковому.

Само собой, на квартире оказались еще обитатели. Вечером к чаю из задней комнаты тихо вышла прелестная фарфоровая старушка. Седые букли волос, черный чепец, нос с горбинкой и какое-то особое изящество движений — радостно поразили меня.

Это была бабушка, фамилия ее была — Кук.

Не знаю, приходилась ли она по мужу родственницей тому знаменитому Куку, который открыл Австралию и был съеден дикарями; в моих глазах это не составило бы особого преимущества. Бабушка заговорила со мной тихо и печально. Она прежде всего посоветовала мне купить студенческую фуражку, так как я ходил в шляпе, и затем, узнав, что я филолог, отнеслась к этому в высшей степени сочувственно. Вскоре я узнал почему — муж ее дочери, бросивший ее и проживавший в Казани, был юрист. По этим причинам бабушка не любила юристов. Других факультетов для нее не существовало. Мы прекрасно поняли друг друга, и когда собинистки уходили в театр, беседовали по вечерам. Как-то вечером бабушка пришла ко мне в комнату за книгой. На столе лежал сборник статей Майкова о Пушкине²¹. Бабушка перелистала книгу, вздохнула и положила ее обратно.

— Да, — сказала она, — я тоже знала семью одного из его друзей.

— Кого? — радостно закричал я.

— Кюхельбекера, — ответила она. — Подождите, я вам покажу. — Она принесла старинный альбом и показала мне фотографию довольно молодой и красивой женщины.

— Это его дочь, — сказала она, — фамилия ее была Гапкина²².

Выяснилось, что бабушка долго жила в Сибири и там познакомилась с детьми Кюхельбекера.

— А он, знаете, был совсем сумасшедший. — Я долго смотрел на выцветшую фотографию. И мне было как-то особенно хорошо в этот вечер. Но на следующее утро начался фарс.

Часов в девять, когда я еще лежал в постели, предвкушая занятия по греческому синтаксису у Соболевского²³, дверь моей комнаты стремительно распахнулась, и передо мной предстал высокий бритый мужчина в штанах и исподней рубашке.

— Позвольте представиться, — сказал он, — Блистаев-Сияльский, артист оперетты.

Не ожидая приглашения, он опустил в кресло и закурил папиросу.

— Я, знаете, временно остановился тут, в ожидании лучшего, разумеется. Слышу, переехал студент, думаю, зайду, познакомлюсь. Надеюсь, ничего не имеете против?

Я выразил полное удовольствие такому счастливому случаю и тоже закурил папиросу.

— Одевайтесь, пойдем закусить, — продолжал новый знакомый. — У вас, я вижу, вчерашний калач и больше ничего. А мне, знаете, по утрам всегда хочется есть.

Я отвечал, что вполне понимаю его, но возможности мои крайне ограничены.

— Пустяки, — ответил он, — тут рядом — трактирчик, рюмка водки и каленое яйцо стоят восемь копеек.

— Каленое яйцо? — слабым голосом переспросил я.

— Ну да, каленое яйцо. Я, знаете, обожаю каленые яйца. А в крайнем случае, если уж вам так хочется валяться, одолжите мне рубль до завтра.

— У меня, — ответил я, — осталось всего два рубля, а когда получу деньги — неизвестно.

— Два рубля? и вы еще рассуждаете — ну, голубчик мой, какой же вы после этого студент? — Окинув меня презрительным взглядом, он встал и направился к дверям, затем вернулся, взял калач и после этого ушел окончательно. По дороге в университет я тем не менее встретил его. Он выходил из трактирчика, вид у него был весьма удовлетворенный, и увидев меня, он весело помахал трехрублевой бумажкой, которую ему где-то посчастливилось занять.

Новое знакомство забавляло меня. Возвратившись домой, я узнал, что Блистаев-Сияльский был помещен в некий чулан без дверей, находившийся позади прихожей и отделенный пологом. Там на огромной двухспальной кровати и расположился артист оперетты. Я не стал вникать, каким образом он попал к собинисткам — по всей вероятности, это было какое-нибудь театральное знакомство. Вечером он снова появился в моей комнате.

— Ну, живем, — сказал он. — Получил заказ и задаток. За одну ночь должен написать выпуск «Нат Пинкертона». Заплатят двадцать пять рублей.

Не теряя времени, он сел за мой стол и приступил к делу. К моему удивлению, «Нат Пинкертона» он действительно написал за одну ночь и действительно получил деньги. Во всяком случае после этого он исчез на несколько дней, и даже не ночевал дома.

А дома безумие возрастало в геометрической прогрессии. Играли, пели и танцевали все ночи напролет.

— Собинов, Собинов, Собинов, — стучало у меня в голове. Я начал спасаться, и с наступлением вечера искал пристанища. Однажды, выйдя на бульвар, я остановился в раздумьи. Куда пойти? Мне уже давно хотелось навестить одного студента, с которым я познакомился в прошлом году²⁴. Я знал, что он пишет стихи, любит Пушкина, Византию, французский 18-й век, Англию, вернее, ее художника Генсборо.

Прощай, милый сон мой, прости.
Не знаю, увидимся ль скоро —
Ах, снова могу вас найти
Я лишь на картинах Генсборо.

Немало мучений доставило ему то, что в последней строчке он поставил неправильное ударение. Нужно читать не Генсборо, а Гёнсборо. Итак, мне очень хотелось пойти к нему, но я долго колебался, и вот почему. В нем мне чудилась какая-то чопорность и, несмотря на изысканную вежливость, что-то отдаляющее. Это потому, что он жил в очень определенном кругу интересов и сразу чувствовал чуждых ему. Тем не менее я пошел. Юрий Ананьевич жил на Смоленском бульваре в доме Мишке²⁵. Довольно большая комната с двумя окнами в первом этаже была обычной бедной студенческой комнатой.

Самое удивительное было то, что я застал его дома. Обычно каждый вечер он уходил к кому-нибудь из своих многочисленных знакомых. Как человек хорошей культуры, он любил дружескую беседу в старом смысле этого слова, так, как ее понимали ну, скажем, наши славянофилы. Я думаю, что если бы он остался в живых, то из него прежде всего вышел бы замечательный собеседник и малопродуктивный писатель. Когда я пришел, Юрий Ананьевич и его собеседники вели разговор о Блоке.

— Блок был бы исключительный поэт, — сказал вдруг он, — если бы не был юбочником.

Затем, посмотрев на нас, он добавил: — Я не верю Блоку.

Этот разговор очень характерен для того времени. Для нас поэт был больше, чем поэт. Лиризм этой эпохи естественно находил выход в преувеличенном значении поэта. Поэт был для нас духовный вождь, чуть ли не мессия. Сами не зная того, мы повторяли Новалиса и немецких романтиков.

— Ну, а Брюсов? — спросил я.

Тут Ю.А. прищурился и внимательно посмотрел на меня. При первом же знакомстве с ним я со всем пылом молодости сказал ему, что такой книги как «Urbi et Orbi» еще не было в русской поэзии.

— Брюсов растет и растет, — ответил он. Потом, помолчав. — На днях один мой знакомый сказал: «Как интересен будет Брюсов стариком».

Помню, мы принялись гадать. Я не представлял себе Брюсова стариком. Год тому назад я был на его лекции о Верхарне. Впечатление силы и молодости — вот основное, что удержалось в моей памяти.

Пока все сыпали более или менее остроумными афоризмами, я старался понять Ю[рия] А[наньевича], прежде всего его внешность. Ему никак нельзя было дать двадцати одного года. Бритая голова и прекрасные темные глаза, какая-то глубокая не то что старость, а древность делали его действительно похожим на бюст современника Рамзеса или Аменхотепа. Он знал об этом и писал «египетские стихи». Потом, когда мы уже расходились, он прочел одно такое стихотворение. В благодарность я рассказал ему о дочери Кюхельбекера. Он тотчас записал ее имя и мой адрес.

— Непременно приду посмотрю фотографию, — сказал он, прощаясь.

Между тем проходило какое-то время. Несмотря на сентябрь, стояла страшная жара, в Петербурге объявилась холера, и однажды вечером я увидел в нашем переулке каких-то зловещих оборванцев, поливавших мостовую хлором. Моя хозяйка дребезжащим голосом напевала романсы, Юленька рассказывала о Собинове. Как-то перед обедом я сквозь двери услышал чей-то незнакомый голос. Он был глухой, надтреснутый и далекий. Я открыл дверь и вышел. Но диване сидел надушенный старик с желтыми усами. Одет он был в косоворотку, а сверх нее пиджак. Он апатично посмотрел на меня и затянулся самодельной папиросой.

— Александр Сергеевич Бутурлин, — сказала бабушка, когда я спросил о старике. — Юленька его очень любит, а у него большое горе.

Фамилия была историческая, и Бутурлин²⁶ заинтересовал меня. Вечером Юленька рассказала, сделав таинственное лицо: «В молодости он пострадал, а теперь недавно умерла одна женщина, которую он любил» .

В следующий раз я познакомился с Бутурлиным. Он рассказывал о Толстом, и, выпуская густую струю табачного дыма, заметил: «Со мной он разговаривает охотно, хотя и знает, что я в прошлом нечаевец».

Я с удивлением посмотрел на него. Как, неужели этот аристократ, правда, значительно опростившийся, был нечаевцем?

— Как это случилось с вами? — робко спросил я.

— Как случилось, — смеясь ответил он. — Вот, Лев Николаевич никогда не задавал мне таких вопросов, он прекрасно знает, как такие вещи случаются. Вообще, — прибавил он, — я заметил, что Лев Николаевич не любит людей, у которых не было так называемых «заблуждений». Вспомните его романы, все его герои ошибались, искали, падали, снова ошибались, и так до бесконечности.

— А может быть, — вставил я, — он когда-нибудь поймет, что тоже заблуждается.

— Наверяд ли, — сказал Бутурлин, — он очень крепко стоит на своем и, может быть, прав.

Я понял, что Бутурлин решает какой-то важный личный вопрос, вернее всего о смерти, и не стал спрашивать его.

Знакомство с Бутурлиным продолжалось до моего отъезда. Он дал мне женевское издание «Гавриилиады»²⁷, я, помню, старательно переписал ее. Но с ним было трудно. Разговаривать он не любил и, видимо, уже сильно устал. Несколько оживлялся он, когда приходила старая актриса, рассказывавшая нам анекдоты о прежнем Малом театре.

Помню один ее рассказ о знаменитом Живокини²⁸. Однажды Живокини ехал на извозчике и встретил роту юнкеров с оркестром. Привстав, он начал дирижировать, и тотчас оркестр рассыпался, музыканты лопались от хохота. Старушка почему-то всегда приносила с собой коробочку клюквы в сахаре, и мы немедленно садились пить чай. Начинался разговор о прежних временах. Александр Сергеевич дразнил старых дам и курил самодельные папиросы, густо выпуская дым сквозь пожелтевшие усы.

Блистаев-Сияльский то появлялся, то исчезал. Однажды он играл в «Аквариуме» в моих подтяжках, так как они были новые, а ему надлежало снимать пиджак. За это одолжение я получил от него бесплатный билет. В то же время, наконец перейдя на филологический факультет, я усиленно занимался греческим языком. Так шло примерно до ноября. В ноябре вдруг неожиданно появилась Л.Ал.

— Куда ты пропал? — спросил он, как-то особенно взглянув на меня.

Я знал, что обозначает этот взгляд. Ему было стыдно или неловко, — внезапно оборвав отношения со мной, он теперь хотел свалить вину на меня и не знал, как это сделать. Разговор на эту тему, впрочем, продолжался недолго. Л.А. сразу перешел к делу.

— Вот что, — сказал он, — Евгений Иванович открывает у себя прием по средам. Будем пить чай и разговаривать.

— Почему по средам?

— В память сред Малларме, разумеется, — ответил улыбаясь Л.А.

С этих сред началось наше взаимное литературно-философское образование. Бывали, собственно, мы втроем, довольно часто появлялся Юрий Ананьевич, философ Топорков²⁹, Ходасевич. Но как-то вышло само собой, что по складу ума мы трое были ближе всего друг другу.

Теперь мне нужно сказать подробнее об этом. Боричевский так же как и мы занимался литературой и философией. По званию он считал себя философом, но свободным, вне школ и направлений. Ученик Зиммеля³⁰, он выработал у себя ту гибкость ума и тот скептицизм, который менее всего был уместен для академического изучения философии. К кантианству он чувствовал отвращение и любил таких мыслителей, как Ларошфуко, Паскаль, Ницше, у русских Шестова. В эту эпоху в университете были объявлены темы на золотую медаль. Боричевский решил писать, и это обстоятельство еще более обострило его вражду к академической философии. Нужно помнить, что у Челпанова³¹ было свое понимание философии. Вот как об этом говорил Евгений Иванович:

— Он думает, что философия обобщит какие-то последние выводы науки, снабдит их мнимым глубокомыслием и создаст какую-то удобоприемлемую систему, не требующую особого напряжения умственных сил. Но в то же время он знает, что были Платон, Шеллинг, Шопенгауэр. И вот тут-то начинается кошмар.

Евгений Иванович представлял себе Челпанова чем-то вроде фальшивомонетчика, который знает, что он подделывает фило-

софские ассигнации. Последнее соображение, по-моему, было неправильно. Челпанов был очень мало обеспокоен и Платоном, и Шеллингом, и Шопенгауэром. Он полагал, что все это красивые фантазии, допускал, что они могли когда-то пленять умы, но что теперь дело иное. Теперь философия это наука, а не мифотворчество. Как бы то ни было, мы все попали с философией в довольно трудное положение. Она удовлетворяла нас только там, где превращалась в литературу, в какую-то исповедь независимого ума. Самое слово истина звучало для нас только как индивидуальное открытие, как нечто, найденное во внутреннем опыте. Поэтому вполне естественно, что Боричевский, хотя и сделал над собою некоторое насилие и написал работу, кажется о Гартмане³², и получил за нее золотую медаль и был оставлен при университете, довольно быстро после окончания курса перешел целиком на литературу.

Но возвращаюсь к средам. Они, как я уже упоминал, были учреждены в память сред Малларме. Это, однако, не значит, что мы принимали его теории. Малларме пленял тем, что жил мечтой, и в смысле поэтического относился к действительности приблизительно так, как высшая математика относится к арифметике. А из его произведений нам больше всего нравились три стихотворения в прозе. Боричевский был в упоении от этой строчки: «*La grâce de choses fanées*». Он долго старался найти подходящее русское выражение — но, увы, «краса поблекших вещей» не звучала так. Вероятно, нужно было сказать «прелесть всего увядающего», ибо «*grâce*» по-французски вообще обозначает некое бытие и может быть передано на нашем языке каким-нибудь бытийственным признаком.

Ю[рий] А[наньевич] вряд ли мог так возиться с каким-нибудь отрывком западного писателя, он был славянофил. Любил К.Левонтьева, считал себя православным, и как мы узнали после его смерти, готовился надеть священническую рясу. Все это у него сплеталось с обаянием настоящей культуры, которую нужно носить в крови и нельзя купить ни за какие деньги. Не соглашаясь с ним, мы поддавались этому обаянию, слушали его прелестные стихи, и ждали от нашего друга многого, хотя не было человека более праздного, чем он. Но в этой праздности было какое-то очарование, ведь искусство ничего не делать — одно из самых трудных. Большинство незанятых людей нестерпимо скучны, и сами не могут выдержать своего безделья. Если сказать, что он писал стихи и очаровывал блеском своего ума, то этого будет еще слишком мало для обозначения сути такого безделья. В кармане студенческой тужурки Л.А. носил томик дешевого Суворинского издания

Пушкина. Пожалуй, в чтении Пушкина и заключалось его безделье. Оно было именно таким, какое нужно поэту. Вместе с тем я со времени его смерти не встречал собеседника более очаровательного. Дело было даже не в уме, а в способе рассматривать вещи и увлекаться всевозможными и часто противоположными мыслями. Он любил бывать у нас на средах, хотя вокруг него были люди несогласные с ним. Вот он сидит в кресле и, слегка закинув голову, читает:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина, она
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола,
То стан сохнет, то разовеет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Последние строки он читает, полузакрыв глаза, с выражением блаженства на лице. Я понимаю его, ведь он из числа тех, про кого тем же Пушкиным сказано:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Однажды в назидание Е.И., когда шел спор о назначении поэта, он прочел ему эти строки. Подлинного поэта всегда узнаешь по этому признаку: если сладкие звуки, хотя бы о танцовщице, приводят его в экстаз, он поэт чистой пробы. Вздохнув и лукаво посмотрев на нас, он продолжает: «Знаете, какие строки я нашел у Пушкина:

— Что козырь? Черви — мне ходить.
Я бью — нельзя ли погодить?
— Беру, кругом нас обыграла!
Эй, смерть, ты право сплутовала.
— Молчи, ты глуп и молоденец,
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играли не из денег,
А только б вечность проводить».

Последние две строки он произносит подчеркнуто, с особой интонацией. Это камешек в наш огород: «ну-ка, что скажете, философы?» Я тотчас парирую его: «Если уж речь зашла о вечности, то можно вспомнить и такие строки:

Мой бедный Ленский, за могилой
В пределах *вечности глухой*».

Юрий Ананьевич доволен и смеется — он всегда рад, когда ему платят полноценной монетой. — «Вечности глухой», — повторяет он. — Как хорошо! Какая точность! — И, как бы спохватившись, добавляет: «Вот и разгадайте Пушкина».

Разговор постепенно принимает неопиcуемый характер. Два часа ночи, все стоят. Евгений Иванович, держа Сидорова за пуговицу тужурки, резким и пронзительным голосом доказывает, что истина множественна, и что именно поэзия доказывает эту множественность истины: политеизм, а не монотеизм — вот настоящая религия. Между тем, пора расходиться, но никому не хочется. Какие-то мысли еще бурлят, еще требуют продолжения. Улыбаясь, Е.И. надевает пальто и кладет ключ от квартиры в карман. Это означает, что мы идем провожать Ю[рия] А[наньевича]. Он живет на Сенной площади, в доме Мишке. От Глинищевского переулкa туда далеко, но это никого не смущает³³. Для кого же дана ночь, как не для нас, вольных бродяг, рыцарей духа? К тому же Москва в ночные часы безлюдья так хороша! Легкий мороз, снежинки, извозчики, прикурнувшие на козлах, тишина, свежесть, уют. Мы идем по бульварам, сворачивая на Арбате, и вот мы у цели. Разговор вполголоса не умолкал ни на минуту, еще рано расставаться, времени сколько угодно. Боги помогают нам: у самой квартиры Ю[рия] А[наньевича] на Сенной площади — ночная чайная. Место приветливое и знакомое. Вваливаемся туда и занимаем столик. Вокруг извозчики, неведомый ночной люд. Эти люди очень оживлены. За каждым столом горячий разговор, иногда «крылатые слова». Их души нараспашку. Мчашийся, как вихрь, половой ставит перед нами два больших чайника с синими разводами, чашки, калачи, баранки.

— С лимончиком прикажете? — Да, да, обязательно. — Ю[рий] А[наньевич] любит чай, пьет его истово и долго. И тогда рождаются самые блестящие мысли. На этот раз по какой-то логике внутренних скрещений заговорили о Ренане и Бодлере.

Ренан — понятно. Ю[рий] А[наньевич] был удивлен, прочитав у Ренана о всеобщем воскрешении из мертвых. Воскрешение было сомнительное, но оно подразумевало восстановление всей мысли человечества в какие-то бесконечно далекие времена; фантазируя на эту тему, пришли к Бодлеру, вернее, к его отчаянию, нашедшему выражение в столь великолепных стихах. О Бодлере заговорил Л.А., вероятно, желая противопоставить его ренановскому легкомыслию. — Как хорошо было бы перевести Бодлера

на церковнославянский язык! — говорил Ю[рий] А[наньевич], — как бы он зазвучал! — Однажды он уже зазвучал в одном гениальном переводе, — возражает Л.А.:

И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидел с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех — и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви — бесстыдное желанье!
Везде обман, безумство иль страданье.

— Да, квинтэссенция Бодлера, — говорит пораженный Ю[рий] А[наньевич]. — Однако, откуда это?

— Вот именно, откуда? Это из «Сказки для детей» Лермонтова.

Пораженные и обрадованные умолкаем. — Любопытно, — продолжаю я, — что Бодлер знал Лермонтова, хотя Лермонтов не знал Бодлера. В записной книжке Бодлера есть строки — «Русский поэт Лермонтов».

— Как же, ведь Монго-Столыпин перевел «Героя нашего времени»³⁴ на французский язык и в 40-х годах напечатал свой перевод в какой-то парижской газете.

Щегольнув друг перед другом неожиданной эрудицией, требуем второй чайник и, продолжая в том же духе, слышим голос полового, предупреждающего, что чайная закрывается в 6 часов утра. Делать нечего, пора и по домам.

Так проходило время осенью и зимой 1908 г. Оно ознаменовалось, между прочим, «выходами в свет», как мы тогда называли наши вылазки в «Общество Свободной Эстетики» и на заседании «Религиозно-философского общества имени В.Соловьева». «Общество Свободной Эстетики», тесно связанное с издательством «Скорпион», занимало одну из комнат Литературно-Художественного кружка на Большой Дмитровке (дом Вострякова) и представляло собой сборище праздных людей, имевших самое разнобразное отношение к литературе. Здесь бывали дамы московского полусвета, молодые поэты и старые литературные волки. Чи-

тались стихи, иногда, очень редко, доклады. Я бывал здесь в надежде увидеть Валерия Яковлевича. Его супруга, Жанна Матвеевна, в этом обществе была неизменной, как мне кажется распорядительницей. В те вечера, когда ее не было, В[алерий] Я[ковлевич] появлялся не один. Рядом с ним была молодая женщина³⁵, внешность которой нельзя было определить ни в положительном, ни в отрицательном смысле: до такой степени ее лицо сливалось со всеми особенностями фигуры, платья, манеры держаться. Все было несколько искусственное, принужденное, чувствовалось, что в другой обстановке она другая. Вся в черном, в черных шведских перчатках, с начесанными на виски черными волосами, она была, так сказать, одного цвета. Все в целом грубоватое и чувственное, но не дурного стиля. «Русская Кармен» назвал ее кто-то. Не знаю, удачно ли было это название. Это была Нина Петровская, жена присяжного поверенного С.Соколова³⁶, издателя «Грифа» и поэта. Его книга стихов «Летучий Голландец» вызвала взрыв хохота. Сам Соколов-Кречетов (лит[ературный] псевдоним) был отшлифованный московский саврас. Валерий Яковлевич рядом с Н[иной] П[етровской] был сумрачен и хорош. Он держался строго и важно, и каждое его движение свидетельствовало о полной недоступности и замкнутости в себе. Это был суровый и сильный человек. Так при первом взгляде казалось мне. Его демоническая замкнутость казалась недоброй, у него не хватало какой-то благожелательности. Это придавало ему законченность. Он, конечно, держался соответственно своей роли трагического поэта, вступившего на высоты, недоступные для обыкновенных смертных:

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам на выси,
И в ответ завторят мне
Неумолчным смехом рыси³⁷.

Мраком мир не скован,
После ночи — свет,
Тем, кто коронован,
Доли лучшей нет.

Казалось, Марк Антоний, Клеопатра, все те, кому он посвятил отлитые из бронзы стихи в «Венке»³⁸ (какое название!), толпятся вокруг него. Это был зенит его самоутверждения и славы. Все эти соображения я как-то высказал Е[вгению] И[вановичу].

— Вы ошибаетесь, — сказал он, сверкнув глазами, — у В[алерия] Я[ковлевича] есть какая-то светлая точка, которой не знает никто. Это воин, положивший руку на голову ребенка.

После смерти В[алерия] Я[ковлевича] я имел случай убедиться в правильности этих слов.

Позднее, когда В[алерий] Я[ковлевич] умер, Жанна Матвеевна доверила мне письма Н[ины] П[етровской] к нему. Эти письма — вопль истязуемой женской души. Где кончались истязания и начинались самоистязания — судить не берусь. Там были: любовь, периоды разлуки, женские мольбы. За всем этим отдельные строки, свидетельствующие о том, что она ему изменяла. В конце концов они разошлись, и участь ее была трагична. Приняв за границу католичество и имя Ренаты (героини «Огненного Ангела»), она стала монахиней и в конце концов покончила с собой. Н[ина] П[етровская] написала небольшую книгу рассказов «Sanctus Amog», где изображены перипетии этой любви³⁹. Почему он ее бросил? Я не сомневаюсь, что с его стороны это была сильная страсть. Может быть, разрыв дорого обошелся ему. Ж[анна] М[атвеевна] утверждала, что Нина погубила его. Она, по ее мнению, приучила В[алерия] Я[ковлевича] к морфию. Может быть. Но разве дело в этом? Хотя, может быть, все обошлось гораздо проще. Не надоела ли она ему своей женской требовательностью, своими дурными привычками. Может быть, он почувствовал, что ему нужно бежать, спастись из этих объятий ведьмы и в то же время обыкновенной женщины. Такие женщины становятся жалкими, когда их тирания кончается, тогда они подкупают своей беспомощностью, которую прекрасно умеют усиливать. Но, по-видимому, В[алерий] Я[ковлевич] не поддался этому испытанному средству.

Возвращаясь к «Обществу Свободной Эстетики» должен сказать, что оно не оправдало своего названия. Это было проходное место, где действительно появлялись все, довольно хорошо обставленная гостиная, где флиртовали и читали стихи. Иначе приходится говорить о «Религиозно-философском обществе Вл. Соловьева». Не знаю, в каком году оно было основано, но его общественная деятельность началась в 1907-8 г. Во главе общества, за исключением Рачинского⁴⁰, стояли «веховцы» или во всяком случае люди, близкие «Вехам».

Общество устраивало открытые заседания, но гораздо чаще закрытые, куда вход был по повесткам. М.К. Морозова⁴¹ любезно предоставила обществу гостиную своего особняка, сначала на Воздвиженке, а потом в Мертвом переулке. Цель общества заключалась в защите и развитии религиозной мысли. Но наполовину оно было литературным. Общий его стиль — смесь философии, допустим В.Соловьева, символизма и собственных домыслов довольно разных людей, предлагающих на обсуждение свои до-

клады. В декабре 1908 года рел.-фил. общество устроило публичную лекцию Мережковского о Лермонтове⁴². Огромная аудитория Политехнического музея была переполнена. Маленькая и пухленькая фигурка Мережковского как-то потерялась за столом рядом со слоподобным Е.Трубецким, сидевшим с видом вершителя судеб. Содержание лекции известно — она напечатана в полном собрании сочинений Мережковского. Любопытны были прения. Нападал на Мережковского и Лермонтова одновременно кн. Трубецкой. Возражения князя заключались, главным образом, в том, что Лермонтов написал «Героя нашего времени», вещь, по его мнению, автобиографическую. Он не одобрял этого произведения. Оно, без сомнения, было безнравственным. Худенький и прыгающий А.Белый дал князю отпор и наговорил ему много неприятных вещей. По окончании лекции Мережковский, как-то спустив руки вниз и всей своей фигурой выражая отвращение, исчез в дверях, а прочие недоуменно разошлись по домам. Лекция, по существу, была не о Лермонтове, а о религиозном действии. Учув опасность таких признаков, кн. Трубецкой и напал на лектора. А.Белому, все время мечтавшему о том, чтобы вылететь в трубу к небесам вместе со всем человечеством (см. его «Апокалипсис в русской поэзии»⁴³), князь уже давно был неприятен. Кн. Е.Трубецкой, профессор Московского университета по кафедре «энциклопедия права», был и не умен и не оригинален. К Господу Богу он, по-моему, относился вполне по-домашнему. Без Господа не может быть полного благоустройства, вроде бессмертия души, воскрешения из мертвых и т.п. Позднее князя называли «мировоззрением в красках»: под таким заглавием он написал книгу о русской церковной живописи.

Лермонтов вообще доставлял много хлопот рел[игиозно]-фил[ософскому] обществу. Приспособить его просто в качестве религиозного поэта было трудновато, отсюда особый окольный путь Мережковского, который, впрочем, увлекся и заехал не туда, куда следует. Но в самом деле, как быть? Лермонтов написал «Ветку Палестины», «Я, Мать Божия, ныне с молитвою», «Выхожу один я на дорогу», «По небу полуночи» (с этого стихотворения и начал свою лекцию Дмитрий Сергеевич). Но закончил все «Героем нашего времени», то есть, по выражению Достоевского, «показал язык». Помню баранью физиономию С.Н. Булгакова, который, разговаривая со мной о Лермонтове (уже позже), в раздумьи сказал: «Богородица у него несомненно была». Не говоря уже о том, что стилистика этого предположения неприлична, неизвестно, что из него следовало.

Дальше всех в этом отношении пошел отец Сергей Дурьлин⁴⁴, читавший как-то доклад о Лермонтове, где с пафосом восклицал: «раб Божий Лермонтов» и т.п.

Между тем приближалось Рождество, мы все собирались на каникулы домой. Как-то вечером Блистаев-Сияльский вошел ко мне в комнату и, тяжело вздохнув, мрачно сказал: «Так больше жить нельзя». После этого последовало предложение выпить. Вследствие разных причин оно пришлось мне по вкусу. Вечером, часу в 10-м, мы направились в шашлычное заведение в Гнездиновском переулке, где за ужином выпили две бутылки вина. Затем мы зашли в кафе Филиппова, где к нам присоединились две прелестные девушки, по-видимому, рассчитывавшие на продолжение знакомства. Так как у нас обоих осталось всего копеек 30, то из этого ничего не вышло. Но этот случай еще больше утвердил артиста оперетты в мысли, что так больше жить нельзя. Он мрачнел с каждой минутой и вернулся домой в состоянии черной меланхолии. Утром, когда свет только что брезжил, меня разбудили страшные крики. В то же время я почувствовал страшную боль в левой части лица. Никак не умея связать того и другого, я зажег свет и взглянул в зеркало. Левая щека у меня вздулась и, по-видимому, обещала фурункул. Крики между тем усиливались, потом послышался топот босых ног, и в комнату ко мне влетел Блистаев-Сияльский, за ним рвалась наша хозяйка. Эту картину следует представить зрительно, так как мы все были в нижнем белье.

— Я не позволю, — кричал актер, — она выгоняет меня, потому что хотела эксплуатировать меня, как мужчину.

— Негодяй, — кричала собинистка, — я нашла у него под матрасом две серебряных ложки, которые исчезли вчера.

Сцена в духе Скаррона. Как я установил потом, дело заключалось в следующем. Неожиданно исчезли две серебряные ложки. Мучимая сомнениями, наша собинистка не спала всю ночь и утром по какой-то интуиции направилась к Блистаеву-Сияльскому, спавшему за пологом в коридорчике возле прихожей, и засунула ему руку под матрас. В эту минуту он проснулся. Последовало разбужившее меня объяснение. Через четверть часа он, кое-как одевшись, с чемоданом исчез навсегда.

Этот случай еще больше укрепил меня в мысли — расстаться с собинистками. Тем не менее мне было немного жаль уезжать из этого сумасшедшего дома. Во-первых, я любил бабушку Кук, во-вторых, привык к А.С. Бутурлину. Было что-то привлекательное в его угрюмой и несколько циничной усталости, в его коротких и занимательных рассказах о Тобольске, о Толстом, о нечаевцах.

Как жаль, что в то время я не записывал его рассказов! Теперь я уже все забыл и помню только общее впечатление какого-то умудренного знания жизни.

В 20-х числах декабря мы разъезжались. В ту пору это делалось со всем пылом еще не остывших чувств. Проводили вместе последний вечер, разговаривали и, так как настоятельно необходимо было сообщить друг другу последние догадки относительно поэтов или философов, то прощанье затягивалось далеко за полночь. В этот последний вечер Ю[рия] А[наньевича] с нами не было, и на следующее утро, довольно рано, я зашел к нему. Он только что встал, и мы тотчас сели за самовар и горячие калачи. На прощанье я подарил ему прелестный маленький томик русских водевилей, издания 30-х годов. Поговорили о том, о сем, обменялись адресами. Но во время каникул я по каким-то причинам так и не написал ему.

В хмурый январский день, вернувшись в Москву, в проезде Кудринской площади, возле церкви Покрова Божьей Матери, ныне не существующей, я встретил Л.А. и Огнева⁴⁵. Увидев меня, они остановились. «Вот что, — сказал Л.А. — Сидоров умер. Панихида завтра в Храме Христа Спасителя в 12 часов». Не помню, что я ответил ему, я бросился бежать, не понимая происшедшего.

Ю[рий] А[наньевич] умер в Калуге от дифтерита. Эта смерть и сейчас кажется мне нелепой и невозможной. Правда, наряду с Пушкиным мысли Ю[рия] А[наньевича] привлекал Гоголь, так часто заглядывавший по ту сторону земного бытия. Он всегда помнил о смертном часе, и, быть может, сознание кратковременности своей жизни влекло его к «тайнам вечности и гроба». Быть может, его утверждающее мировоззрение было утверждающим вопреки какому-то внутреннему опыту, мало известному нам.

В темном приделе Храма Христа Спасителя служили панихиду. Присутствовал философский семинарий историко-филологического факультета. Кажется, в январской книге «Русской Мысли» была напечатана рецензия Ю[рия] А[наньевича] на легкомысленную и вздорную книжку Чулкова «Покрывало Изиды». Покрывало он приподнял и показал, что за ним скрывается полное невежество автора. Нам передавали, что В[алерий] Я[ковлевич], прочитав эту рецензию, сказал: «Вот человек, который нам нужен». Довольно скоро кн[изигоиздательств]во «Альциона» издало сборник его стихов, изящных, грациозных и зачастую глубоких⁴⁶. В памяти его друзей остался его образ, запечатленный той духовной красотой, которая отличает избранных.

После всего этого мои воспоминания сделают пируэт в другую сторону. В одну из декабрьских сред того же 1908 года мы были приятно удивлены, увидев у Е[вгения] И[вановича] незнакомую нам девушку. Обычно женщины на среды не приглашались, но [в] этот раз по каким-то соображениям он сделал отступление. Как раз накануне я заходил к нему по какому-то делу и увидел, что он настроен довольно легкомысленно. На столе лежал томик Кузмина, и, расхаживая по комнате, он вслух прочел мне несколько строк:

Над высокою осокой серп серебряный блеснит,
Ветерок, летя с востоку, вашей шалью шелестит...
Мадригалы вам не лгали, вечность клятвы не суля
И блаженно замирали на высоком нежном «ля»⁴⁷.

В ту пору Кузмин нашумел своими прелестными «Александровскими Песнями». Заговорили об эллинизме, а кстати и о французском 18-м веке. Связующая нить была: пастораль эллинистической эпохи, живопись Ватто как-то перекликались друг с другом. Пленительные сны легкомысленного века и очаровательные приключения, о которых мы знали по книгам, вдруг ожили в «Сетях». Нам нравилось это исключение из общего правила символизма. Легкость жизни, по мнению Е[вгения] И[вановича], должна была завершить самую глубокомысленную философию отчаяния. Как-то разговаривая о Пушкине, он сказал: «Поэзия Пушкина это райский грех, на который сам Господь Бог смотрел сквозь пальцы». Сохраняю этот прелестный афоризм в назидание всем бывшим и будущим пушкинистам. Я тотчас связал все эти настроения моего друга с незнакомкою в красной шапочке, сидевшей так, как будто она тотчас собиралась уйти. Е[вгений] И[ванович] встретил ее на каком-то вечере, заинтересовался, как он потом пояснил, ее разговором и пригласил к себе. Так началось новое знакомство, ознаменовавшееся впоследствии длительной дружбой и новым кругом людей. Вера Оскаровна⁴⁸ была своего рода амазонкой и покорительницей сердец. Она училась на философском отделении В[ысших] Ж[енских] К[урсов] и была au courant всех интересов эпохи. Тут был и символизм, и религиозно-философские искания, и даже Кант, все вперемежку, все вместе, но именно этот сумбур и делал ее занимательной. Обожая всякого рода экстравагантности, она иногда ходила дома в коротких штанишках и вообще отличалась мужскими замашками. Поэтому А.Белый, в которого она была влюблена, называл ее не Станевич (ее фамилия), а Штаневич. Л.А., жаждавший женского общества, тотчас влюбился и стал приходить по вечерам на ее квартиру.

Е[вгений] И[ванович] относился к новому знакомству иначе. У него был тот зоркий взгляд, который сразу отличит настоящее от поддельного. Назвав В[еру] О[скаровну] «занятой» и поболтав с нею несколько раз, он предоставил ее нам, каждый раз насмешливо улыбаясь, когда мы сообщали о тех или других происшествиях, связанных с ней. Но однажды он отозвался о ней очень сурово. Заинтересованный, я попросил разъяснений. — Видите ли, — сказал он, — я никогда не доверял А.Белому. — Он, конечно, не доверял ему, как человек хорошего вкуса и строго воспитанной философской мысли. А.Белый никогда не давал себе времени додумать до конца свои мысли о символизме, в чем и признавался потом (см. «На перевале»)⁴⁹. У него была перевернутая вверх ногами логика. Ее заменяли образ, догадки, какое-нибудь внутреннее озарение. К сожалению, у мысли есть свои непреложные требования. Стараясь приспособить неокантианство и Ницше на защиту своих откровений — он прежде всего выдал чрезвычайно простую тайну — ни Когена, ни Риккерта, ни даже Ницше он не прочел как следует. Его больше всего пленил «Заратустра» — основа религиозной мистики той эпохи. Сумасшествие Ницше тоже было истолковано определенным образом как образ «Распятого». Но все это было пустяками по сравнению с тем, что А.Белый этого периода пытался сделать в области более ему близкой, в поэзии и романе. Самая сильная книга этого времени, без сомнения, «Пепел»⁵⁰ — по крайней мере, она отличается подлинным своеобразием. Но что сказать о «Кубке Метелей», этой бессильной и бессвязной эротической мистике или мистической эротике (называйте, как хотите)? Сначала кажется, что она звучит в одной тональности со «Снежной маской» Блока⁵¹, вышедшей чуть ли не одновременно, но Блок сразу учуял истинный смысл этой книги, то есть подмену подлинного опыта словесностью, в самом плохом «символическом» смысле этого слова. Известен его отзыв об этой книге. Блок сказал, что она глубоко враждебна и чужда ему.

Так вот, однажды В[ера] О[скаровна], увлеченная именно этой эротической мистикой (импотента), процитировала Е[вгению] И[вановичу] следующие строки из «Кубка Метелей»: «Чем святей и несказанней воздыхает тайна, тем тоньше черта, отделяющая ее от тайны содомской». На мой взгляд, это переложение своими словами известного открытия Достоевского (об идеале Мадонны и идеале Содомском), но Е.И. в контексте времени считал эти слова в неудачной книге А.Белого какой-то гнусной моральной чертой. Незадолго до этого произошел один скандальный случай. Некто Свентицкий, автор книги об «Антихристе»⁵², про-

делал во вкусе изречения А.Белого какие-то неблаговидные эксперименты с одной курсисткой. Так как он был член Религиозно-философского общества, чуть ли не его президиума, то остальные «смирненные» отлучили его от общества и письмом в редакцию «Русских Ведомостей» предали гласности как его скверный поступок, так и самое отлучение. Вся эта история, как и следовало ожидать, возбудила не столько негодование общества, сколько неудержимое любопытство по отношению к подробностям. Бегали друг к другу, узнавали, облизывались — словом, все было в высшей степени омерзительно. Е[вгений] И[ванович] негодовал. У А.Белого он нашел все грехи и пороки так называемого «словоблудия» и, как мне кажется, навсегда отвернулся от него. Он был, что имеет дело с человеком, который мог сказать все, что угодно, и не отвечал ни за свои слова, ни за свои поступки. Все это, однако, имеет объяснение в той психологии мистицизма, которая еще недостаточно изучена.

Оставив А.Белого в покое, мы продолжали заниматься своим делом, то есть осуществлять идеал философов во вкусе античности. Академическая философия, в том числе и прежде всего неокантианство в наших глазах была до конца скомпрометирована. Вместо подлинных проблем — логическая паутина. Подлинная проблема философии — человек и жизнь. Паскаль, Монтень, Ларошфуко — вот философы. Вопрос заключался прежде всего в том, как учиться мыслить, исходя из опыта. Здесь подстерегала опасность так называемого эмпиризма, который неизбежно приводил в объятия Спенсера, Милля и др., желавших ограничить философию регистрацией и обобщением. К этому времени взрывчатая мысль, отвергавшая все обычные способы философствовать, была явлена Ницше. Е[вгений] И[ванович] внимательно читал его, и, как мне кажется, был обязан ему основным направлением ума. Ницше — прежде всего свободный и дерзновенный мыслитель. Я говорю, конечно, о Ницше, авторе «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», вообще тех книг, которые были написаны между «Рождением трагедии» и «Заратустрой»⁵³. То есть Ницше-пророк, Ницше символистом для нас не существовал. Основная добродетель мышления — подозрительность, так утверждал Ницше в свой лучший период. Это означает, что философия — это разоблачение сокровенного. Все, что загромождено общепринятым, традиционным, догматами, тяготеющими над нами неприкосновенными истинами, должно быть найдено и облачено в ясные и точные понятия. Таким образом — метод философии — анализ. Но результат этого анализа немислим без предшествующей интуиции. Значит — нужно уметь ви-

деть. «J'ai vu les choses», сказал Стендаль, один из учителей Ницше. Все это приводило к искусству, в частности, к поэзии. И мы учились читать стихи. Вот почему для нас особый интерес представлял В.Брюсов.

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знанье,
Которое таясь люблю?
Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келье бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

«Немыслимое знание» — вот, в конце концов, цель и философии и поэзии. Отсюда:

Из жизни бренной и случайной
Я сделал трепет без конца,
Мир создан волей мудреца⁵⁴.

Е[вгений] И[ванович] восхищался этими строками и полагал, что в них — завет нашему поколению. Однако:

Все каменной ступени,
Все круче, круче всход,
Желанье достижений
Еще влечет вперед...
И лестница все круче,
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падуцей
На небе бытия?

Таким образом, безмерность желаний и ограниченность человеческих сил — неизбежный результат всякого дерзновения. Ницше заплатил сумасшествием и манией величия за слишком грандиозный размах своей мысли. Но нужно дерзать, нужно познавать, ибо «есть высоты, по которым не ступала нога человеческая». Мечтая об этом, мы медитировали над поэтами, читая их по строчкам. Стих наиболее совершенное выражение мысли. Поэзия основана на видении мира. Она редкий дар богов. Рядом с Брюсовым, на некотором отдалении от него, Бороатынский и Тютчев.

Благословен святое возвестивший,
Но в глубине разврата не погиб
Хотя один неправильный изгиб,
Сердце людских пред нами обнаживший.

«Неправедный изгиб» — ведь это то «сокровенное», что открывается как демоническое в человеке. Это его самоутверждение, самоутверждение существа, брошенного между двумя безднами рождения и смерти в неведомый и страшный мир.

Ты кроткая, ты смелая со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою,
Рай зрела в нем чудесная любовь⁵⁵.

«Дикий ад» — это о себе, о своих духовных опытах, о соковенном «я». Подлинная поэзия и есть обнажение этого соковенного «я».

Так неожиданно поэзия скрестилась с философией в нашем понимании этого слова. Тютчев, конечно, стоял на тех же высотах. Я уже не говорю о его «Silentium». Но какими многозначительными казались его «зарницы огневые», что «воспламеняясь чередой, как демоны глухонемые ведут беседу меж собой».

Е[вгений] И[ванович] особенно любил стихотворение Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг». Последняя строфа, это откровение страсти, звучала особенно знаменательно, как беспримесный поэтический образ:

Но есть сильней очарованье:
Глаза потупленные ниц,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.⁵⁶

Я стараюсь передать ход наших мыслей, как он сложился в ту эпоху. Вот почему при всем нашем любопытстве к поэзии Блока мы не восхищались его «Стихами о Прекрасной Даме» и тем более А.Белым с его словесными каскадами.

Однако желание понимать поэтов, связанное с философским толкованием их, обязывало к жизни в поэзии. В известном смысле это была болезнь нашего времени.

Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.⁵⁷

Новая книга стихов была событием. Помню, мы с нетерпением ждали очередной книги Брюсова, и наконец она появилась в свет. То были «Все напевы»⁵⁸. «Все перепевы» — жалобно сказал Е.И., поглаживая книгу рукой. А между тем в книге был такой шедевр, как «К стене причалил челн полночный». Я любил «Обряд ночи» («Словно в огненном дыме и лица и вещи»). Е.И. нра-

вились строки: «Как на костер всходил на ложе, как в плаху поникал на грудь». Я находил их надуманными и искусственными. Конечно, «La Belle Dame sans merci» было итогом брюсовской эротики, кто лучше его понимал беспощадность страсти: «и погрузи мне в сердце руки, la Belle Dame sans merci» в заключение восклицал поэт. Не было ли это началом конца? Но все это были отдельные удачи, кстати в смысле поэтическом ничем не отличавшиеся от предыдущего Брюсова. Случай со «Всеми напевами» поучителен. Мы не нашли путей к этой книге, она была закрыта для нас. Но нужно сказать, сам автор закрыл ее. Теперь мне ясна основа — умирающая или, вернее, изжитая любовь. Но каким пышным и тяжелым словесным убранством закрыта она. Для непосредственного лирического воплощения не нашлось душевных сил, и вместо поэзии возникла «литература». Мы были опечалены неудачей любимого поэта; его желание писать «книги» стихов на этот раз сослужило ему плохую службу.

Все это происходило в тогдашней повседневности, а не в философской школе, и поэтому было окружено догадками, гипотезами и, конечно, незрелыми мыслями. Спор вокруг Брюсова был особенно ожесточенным. Его стихи гипнотизировали своей силой и властью, но было бы ошибкой не замечать грубых промахов вкуса, неожиданных трюизмов (стр.59, строка 8)⁵⁹ и т.д. Однако вот что писал в ту пору А.Белый, вероятно, враждебно относившийся к нему и в то же время зачарованный брюсовской музой. «Брюсов — единственный великий русский поэт современности», — писал он («Луг зеленый», с.181). И дальше А.Белый едва не попал в цель, однако оговорился и утонул в собственной терминологии. «В образах, им воспетых, узнаем мы вечные образы демонизма»... «Последнее звено в видимой цепи творений — человек. Человек-миротворец — его мечта абсолютно реальна». «Брюсов — маг. Бездна мира зияла в его образах»⁶⁰. Все эти приближения к подлинному пониманию Брюсова были, однако, оплетены советами и прозрениями в обычном стиле А.Белого.

Но этого мага все видели на улицах Москвы, в Обществе Свободной Эстетики, о нем циркулировали, особенно в окололитературных кругах, множество острот и сплетен. В те же времена, в каком-то ресторанчике я познакомился с поэтом «строгой формы», старавшимся вести свою поэтическую генеалогию от Пушкина — В.Ходасевичем. Свою любовь к Пушкину Ходасевич впоследствии воплотил в книге «Поэтическое хозяйство Пушкина»⁶¹. Как известно, судьба его была довольно сложной и неожиданной. То был худенький молодой человек с какой-то странно-уродливой мордочкой, желтой, как лимон (он так и умер от рака пече-

ни), и в то же время державшийся с какой-то смешной важностью. Как раз перед знакомством я прочитал в журнале «Перевал» его стихотворение⁶², посвященное Нине Петровской, кончавшееся строкой — «А я лишь твой надгробный камень». Кроме того, кто-то рассказывал, что Ходасевич собирался писать книгу об императоре Павле под заглавием «Гамлет на троне»⁶³. Он же вместе с Сашей Брюсовым⁶⁴ якобы собирался переводить «Молот Вельм». Из этих всех проектов, конечно, ничего не получилось, но у Ходасевича была несомненная злоба и чисто московская любовь к сплетням. В тот вечер разговор начался с В[алерия] Я[ковлевича]. Ходасевич тотчас заметил, что Брюсов превращает двуспальную постель в бездну, то есть сделал ту же передержку, которую делают все, полагающие, что грязное белье поэта — ключ к его биографии. Благодаря усилиям наших пушкинистов, рывшихся в постельных принадлежностях великого поэта, — этот метод в ту пору был узаконен.

— У них каждую неделю по воскресеньям пекут морковный пирог, — продолжал Ходасевич, помахивая в воздухе рукой. Смысл последнего сообщения был понятен, хотя и наивен до глупости: «Уж если ты маг, то зачем же морковные пироги». Иными словами — маг должен глотать молнии и жить в ледяной пещере!

После этого разговор перешел к А. Белому. Рассказав о нем несколько анекдотов, впрочем другого характера (о красной свитке и красном автомобиле), Ходасевич вдруг начал восхищаться статьей А. Белого «Апокалипсис в русской поэзии». Статья эта произвела на меня впечатление мистической хлестаковщины, о чем я и сказал своему собеседнику. Начался спор, в результате которого Ходасевич дал мне ясно понять, что считает меня дураком. Однако через несколько лет я взял реванш. Как-то Д[иеспер]ов⁶⁵ рассказывал: «Вчера видел Ходасевича. Все-таки остроумный человек. Вы знаете, по поводу статьи А. Белого "Апокалипсис в русской поэзии" он сказал: "Эта статья была для меня указательным перстом, который потом сложился в кукиш"». Сохраняю это *bon mot* того времени.

В один прекрасный осенний вечер я и Леонид Алексеевич, шлепая по лужам, брели под мелким дождем и ветром на Арбат. Мы направлялись в Серебряный переулок, где жила В[ера] О[скаровна] со своей подругой В.Н.⁶⁶ Л.А. давно уже проложил туда дорогу и коротал вечера у двух занимательных курсисток, из

которых одна была полна самых сумасбродных идей, а другая просто хотела выйти замуж. Л.А. был недоволен и брюзжал всю дорогу. Согнувшись, на длинных ногах, он напоминал какую-то мудреную птицу и вещал скрипучим неотвязчивым голосом. — Да, — говорил он, — вот мы идем и сами не знаем зачем. Мы будем лакать пасквильное вино и рассуждать о несказанном, а часа в два ночи поплетемся назад в свои одинокие комнаты.

Я прекрасно знал, что все это нужно понимать наоборот. Ему очень хотелось побыть хоть несколько часов не в своей комнате, а то, что ему придется возвращаться домой, в сущности, не имело никакого значения. Как сказал Наполеон, «мы всегда возвращаемся домой».

Л.А., впрочем, ошибся по всем пунктам, вместо пасквильного вина на столе стояла бутылка какао-шуа, сидели несколько веселых студентов, и В[ера] О[скаровна] в штанишках танцевала кек-уок. Никаких разговоров о несказанном не было, и в полночь мы все поехали в бар, откуда выбрались в тот час, когда тушили электричество и вместо него зажигали свечи.

Такие вечера начали повторяться систематически, и скоро нельзя было понять, какое отношение к ним, кроме разве иронического, имеет «Критика способности суждения», лежавшая на столе у В[еры] О[скаровны]. «Критика способности суждения» — то есть кантовская эстетика в ту пору изучалась всеми. В университете мы работали над ней в семинарии Лопатина, на В[ысших] Ж[енских] К[урсах] теми же занятиями руководил, кажется, Фохт. Вся исчиренная и закапанная ликерами, «Критика способности суждения», как грозный часовой, занимала свой пост по утрам и вечером снималась за полной ненадобностью.

Это означает, что в смысле напитков мы перешли, главным образом, на монашеский бенедиктин и вдохновлялись живительной влагой, пожалуй, чаще чем надо. Но это было только начало. Вокруг В[еры] О[скаровны] скоро образовался вихрь, где она была чем-то вроде центрального светила. В этом кругу молодых людей, то есть поэтов и будущих, как им казалось, знаменитостей, все чаще повторялось слово «Мусагет». Андрей Белый по вечерам вел там занятия по ритмике, и В.О. ревностно изучала «кривые» и «крыши», запечатленные потом в книге «Символизм»⁶⁷. После таких занятий часть слушателей приходила к ней. В один из таких вечеров я, придя немного попозже, увидел на диване молодого человека лет двадцати пяти, одетого несколько небрежно, в пенсне и, по-видимому, не совсем трезвого. — Юлиан Павлович Анисимов⁶⁸, — сказала В.О., представляя его мне. Юлиан Павлович промышчал что-то невнятное и сунул мне руку, испач-

канную фиолетовыми и желтыми красками. Подали самовар, бутылку рома и прочие принадлежности богемного жанра. Мы принялись обсуждать последние стихи. — Юлиан, прочтите что-нибудь, — сказала В.О. Юлиан опять промычал в ответ, затем вытащил из кармана несколько измятых и исписанных бумажек и невнятно (у него была какая-то картавость) прочитал два-три стихотворения. Это было начало его книги «Обитель», напечатанной в 1913 году. Я не любил такого жанра — он напоминал одновременно и Блока и А.Белого, немного грустный и печальный лиризм родных полей, церквушек — все это уже не было новостью. Но, несмотря на это, сам автор мне понравился. В нем было что-то детское и беззащитное, и скоро определились его прекрасные душевные качества вполне беспомощного существа. Как-то само собой вышло, что сборища у В.О. перенеслись в мезонин старого дома в Малом Толстовском переулке, где проживал Юлиан. Оказалось, что он был не только поэт, но и художник, учившийся в Париже. В комнате были расставлены мольберты, висели холсты, всюду валялись тюбики с красками. Страшный беспорядок свидетельствовал о полном равнодушии хозяина ко всяким удобствам. Сломанная софа служила ложем, на всем лежала пыль и валялись пустые бутылки. Но это была не простая богема, а, употребляя выражение Жерара де Нерваля, «богема галантная». Стояло несколько прекрасных шкафчиков начала XIX века, пузатый секретер, в шкафчиках — кожаные и сафьяновые переплеты XVIII века — все это Юлиан привез из своего старого дома на Разгуляе.

Старый дворянский род, больная кровь, бессознательное сильнее сознательного. Мысль сбивчивая, идущая по каким-то обочинам. Любовь к старой русской живописи, усмотрение в ангельских ликах следов педерастии, восхищение красками, мычание вместо слов, бутылка вина как исход из всех трагедий.

В этом мезонине бывал самый разнообразный народ. Читали стихи, играли на гитаре, спорили обо всем на свете — надо всем повисли облака винных паров, религиозно-философских исканий и «несказанного». Сидя в изодранном кресле, Юлиан с карандашом в руках читал тоненькую книжечку в пестрой обложке и восхищался ею. То были стихотворения Рильке, потом его переводы из Рильке. «Книга Часов» была издана в 1913 году книгоиздательством «Лирика»⁶⁹. Юлиан любил Рильке и, мне кажется, удачно переводил его. Слушая эти переводы, я думал: «еще одно усилие, и ты при помощи Рильке станешь настоящим поэтом». Но этого не случилось, и так было суждено. Поэзия Рильке шла из тех же источников, что и стихи, вошедшие в «Обитель», но

глубинные источники этой поэзии предполагали мысль, правда, выросшую в тени средневековья и европейской готики, но сгущенную до степени каких-то первообразов. Выражаясь философски, поэзия Рильке ноуменальна, внешне ее поддерживала история и культура. Юлиан же, оставаясь самим собой, не мог перевести в этот план своего отношения к русской старине, она, несмотря на всю любовь к ней, не подарила его настоящим словом, и как поэт он задохнулся раньше, чем нашел способ выражать свои где-то темно копошившиеся мысли. Стихи, тем не менее, читали каждый вечер, и как раз в это время всеобщего стихоплетства вышли «Ночные часы»⁷⁰ А.Блока. Юлиан не расставался с этой маленькой книжечкой, она всегда торчала из кармана его пиджака. Оказалось, что к этому времени он успел влюбиться в В[еру] О[скаровну] и «Ночные часы» как бы комментировали его любовь.

Среди гостей Юлиана в Малом Толстовском переулке часто бывали еще два поэта, один уже с именем, другой пока без имени. Это были Б.А. Садовской⁷¹ и Б.Л. Пастернак. Здесь я должен сделать отступление.

Уход Льва Толстого из Ясной Поляны потряс всю Россию. Сразу заговорили все, в дворницких, в салонах, на рынках. Оказалось, что каждый имел какое-нибудь отношение к нему. Еще недавно он приезжал вместе с С[офьей] А[ндреевной] в Москву, потом поползли слухи о спорах между ними, говорили о каком-то завещании, выростала гора сплетен и пересудов. Года за два до этого Алеша Станчинский⁷² вместе с Танеевым был у него и привез несколько брошюр с надписью великого писателя. Я помню, как они лежали на рояле и как Алеша, взяв одну из них, говорил мне: «Ты знаешь, он разговаривал со мной о том, что не надо курить и есть мясо, а я-то думал, что он скажет что-нибудь о музыке...» И он досадливо положил брошюру на стол.

Меня это забавляло. Алеша играл Льву Николаевичу свои произведения, и тот, конечно, прекрасно понял, что перед ним декадент, и начал наставлять его правильному образу жизни.

Народ отнесся к затее старого графа неодобрительно. — Ишь, как обеспутился, — сказал мне один мужик в зипуне, — на старости то есть лет из дому убежал.

Как раз в этих числах в Религиозно-философском обществе имени Вл. Соловьева, в особняке Морозовой на Воздвиженке, А.Белый читал доклад «Трагедия творчества у Достоевского»⁷³. За столом президиума все, кого мы привыкли видеть на этих со-

браниях, но были два редких гостя, В.Я. Брюсов и Эллис. Обычно на заседаниях общества они не бывали. А.Белый, конечно, не мог не сказать о Толстом. С Толстого он и начал. «Лев Толстой в русских полях», закричал он, потрясая рукой. Брюсов как-то сбоку посмотрел на него и скверно улыбнулся. Великий поэт на этот раз был в помятом сюртуке, с несколько помятым лицом, и мало походил на мага. Мне было очень приятно увидеть Брюсова в таком, можно сказать, домашнем облике. По мере того, как А.Белый, по обыкновению смешивая все вместе, Достоевского, Веданту, платонизм и христианскую мистику, вел речь к определению цели, то есть старался доказать, что искусство есть теургия, — Брюсов становился все мрачней и мрачней. Я слушал, стоя в проходе и чувствуя, что возле меня кто-то не безразличный мне. Оглянувшись, я прежде всего увидел глаза. Это было очень странно, но в тот момент я увидел только глаза стоявшего возле меня. В них была какая-то радостная и восторженная свежесть. Что-то дикое, детское и ликующее. Я припомнил фамилию и протянул руку. Мы уже встречались в кулуарах историко-филологического факультета. То был Борис Леонидович Пастернак.

Между тем Рачинский встал и объявил перерыв. Перерыв он всегда объявлял с удовольствием. Ему нужно было со столькими поздороваться, стольким и столько сказать, что уже сидя за председательским местом, он дрыгал ногой от нетерпения. Во время перерыва в зал вошел довольно высокий, плотный молодой человек с копной рыжеватых густых волос. Я узнал его только тогда, когда А.Белый бросился к нему и они расцеловались. — Мы из Шахматова, — услышал я ровный спокойный голос. Здесь они оба отошли. Я смотрел им вслед и думал. На вечере присутствовали три поэта, владевшие мыслями нового поколения. Но я не ощутил никакой связи между ними. Особенно Брюсов поражал своим фатальным одиночеством. Об этом свидетельствовали самые линии его угловатой фигуры, складки его сюртука. Этого нельзя было сказать об Андрее Белом, готовом излиться в пространство, судорожно дергавшемся во все стороны, готовом закричать благим матом. Обычно он хватался за каждую мысль, развивая ее и, кажется, тотчас забывал. Блок внешне мало походил на поэта «Прекрасной Дамы». Только приглядевшись к нему можно было понять его необычность. В нем не было ничего исключительного. Наоборот, подчеркнутая сдержанность и даже как будто деловитость. А между тем, неизвестно — кто по существу был безумнее — он или Белый. Безумие Блока было, во всяком случае, страшнее. Именно потому, что оно скрывалось очень глубоко, забронированное воспитанием, хорошими манера-

ми, самообладанием и явным отвращением к толпе. А. Белый был так же безумен, как бывает голым человек, снявший с себя все. И это спасало его. Он мог кувыркаться, гримасничать, кричать, петь — одним словом, делать все, что ему вздумается.

Таковы были мои сравнения и выводы. Между тем, перерыв окончился, все снова уселись. Слово попросил Валерий Яковлевич. Как всегда содержание доклада А. Белого он свел к нескольким удобопонятным формулам. — Зачем же, — сказал он в заключение, — вы хотите, чтобы искусство было *ancilla theologiae*. Белый возражал что-то широко и неясно. Он доказывал, что его неправильно поняли, но, по его мнению, религия и искусство неразрывно связаны друг с другом. Брюсов, казалось, удовлетворился. — В таком случае, — церемонно сказал он, — в следующие разы мы будем говорить с вами о значении религии в жизни человечества. — Так под маской просветителя скрылся демон, и только по его интонациям и мрачному блеску глаз можно было догадаться, что за этой педагогической формулой скрываются две непримиримых мысли.

Остальные выступления не удержались у меня в памяти. Как всегда бывало, все остались при своих мнениях и разошлись по домам.

Перед тем как вспомнить вечер в особняке Морозовой, я назвал два имени, хотя их ничто не связывало вместе и, пожалуй, было трудно найти столь разных людей, как Борис Садовской и Борис Пастернак. Но память имеет свои права, и я точно вижу, как они однажды вечером вошли один за другим в узенькие и расшатанные двери мезонина. Оба были знакомы с Юлианом давно. Пастернак участвовал в поэтическом сообществе «Сердарды», о котором он вспоминает в своей «Охранной грамоте», Садовской вообще был знаком со всеми теми местами, где откупоривали бутылки и читали стихи. Они вошли как раз в ту минуту, когда Юлиан рассказывал какие-то небылицы о портрете работы Тропинина, украденном у него на Разгуляе, и Садовской, сразу учув нечто знакомое и родное, принялся детально расспрашивать его, а Пастернак, усевшись возле В.О., о чем-то гудел ей на ухо, размахивая в то же время руками, вставая и приседая, и снова садясь и снова вставая. В.О. слушала его с хохотом и вскриками, по всем признакам он очень забавлял ее. Я стоял поближе к Садовскому и, похлебывая чай, слушал его. На этот раз он был в ударе. — Заниматься так называемыми «исканиями», — говорил

он, как-то дерзко и презрительно отчеканивая слова, — дело не нужное. Это подмена жизни праздными словами. Чего искать? Уже все найдено. В стране, где были Пушкин и Фет, раз навсегда установлено, что такое поэзия. — Юлиан, по обыкновению еще до нашего прихода осушивший бутылку белого вина, что-то беспомощно мычал, как будто соглашался и поддакивал и в то же время обращал ухо к В.О., желая узнать, что скажет она, главная «искательница» в нашем сообществе. Но В.О. была слишком занята Пастернаком и не обращала ни малейшего внимания на Садовского. Тогда Юлиан воззвал ко мне. — Костя, что ты думаешь об этом? — пробурчал он, уставив на меня меркнувший взгляд. — Я думаю, — ответил я, — что Пушкин и Фет — замечательные поэты, но что мы живем в другое время. — Тогда Садовской окончательно вышел из себя. — В другое время? — воскликнул он. — Да знаете ли вы, что сделал я, приехавши из Нижнего в Москву по окончании гимназии. Я в тот же вечер пошел помолиться к могиле Грозного⁷⁴. — И он победоносно посмотрел на нас. Аргумент был, по его мнению, неотразим, и высказав его, он сразу успокоился, уселся поглубже в кресло и занялся чаепитием. Я понимал, что все это поза и стилизация. Но Садовской вообще был таков. Первая его книга стилизованных рассказов, «Узор чугуновый», вышла, кажется, в 1907 году. В «Весак» он печатал бойко написанные, главным образом, ругательные, рецензии и собирал материалы к биографии Фета. Под биографией он понимал собрание интимных мелочей из жизни поэта и, наткнувшись на какой-нибудь, по его мнению, загадочный факт, не мог успокоиться, пока не добирался до какой-нибудь легенды. Как всегда, и в этот вечер разговор перешел к Фету, которого в кругу Юлиана знали плохо, хотя и считали своей обязанностью восхищаться им. Садовской, между тем, не будучи символистом и в глубине души считая Белого сумасшедшим, все-таки состоял при символистах. Этому помог все тот же Фет. «Вечерние огни», по мнению Садовского, были подлинно символическими стихами. Но все это были пустяки по сравнению с его концепцией современной России. Все шло к гибели, утверждал Садовской, после освобождения крестьян. Стиль утрачен, вот в чем дело. Разгуливая зимой в николаевской шинели и в фуражке с красным околышем (дворянская фуражка), Садовской одновременно с материалами к биографии собирал анекдоты о Николае Павловиче. Это был его кумир, о котором он говорил чуть не со слезами на глазах. Однако стиль подрывало пристрастие к дешевым ресторанам и другим общедоступным удовольствиям, закончившимся, как и следовало полагать, *tabes*'ом. В 1916 году я уже застегивал на нем паль-

то: его пальцы не могли совладать с этой простой операцией. Лечился он у каких-то китайцев и с восхищением говорил об их медицине.

Что же сказать об его рассказах и стихах? У него было несомненное умение создавать стилизованные миниатюры. Но все попытки написать крупную вещь неизменно кончались неудачей. Пятнадцать-двадцать страниц — таков был его предел. Стихи были сделаны довольно искусно, но слишком выдавали свое происхождение от того же Фета.

Помню, как-то вечером мы зашли к Садовскому в довольно сомнительные меблированные комнаты на углу Арбата и Калашного переулка. После обязательного чаю с ромом Садовской читал нам свой рассказ «Яблочный царек»⁷⁵ из эпохи конца крепостного права. — Долго писали? — спросил кто-то из нас, по-видимому, не зная, что сказать.

— Зачем долго? Как-то пошел ко всеношной, помолился, дома открыл бутылку вина, сел за стол и написал. — И он презрительно посмотрел на нас. Замечательно, что при всей своей односторонности Садовской был в каком-то смысле романтик и очень любил необыкновенные происшествия. Их-то он описывал в своих коротких рассказах. Если к этому прибавить всякую чертовщину, то портрет его будет закончен. Рассказ о его долгой и страшной жизни в склепе Собора Новодевичьего монастыря был бы уместной концовкой к его литературной и житейской деятельности.

Между тем, разговаривая с Садовским и прислушиваясь к тому, что происходит в другом конце комнаты, я уловил несколько слов Пастернака о стихах и поэзии и вспомнил, что как-то в университете он хотел показать мне несколько стихотворений. Как раз в это время В.О., по-видимому, решив, что настало время приступить к обычному священнодействию, встала и заявила о своем желании слушать стихи⁷⁶. Тотчас Юлиан заплетающимся языком прочел несколько переводов из Рильке, Садовской похвалил, но умеренно (переводов он вообще не признавал), прочла два или три стихотворения В.О. Затем обратились к Пастернаку. Садовской с любопытством приготовился слушать. Он уже заранее ощущал его «дичь». Борис долго отмахивался, приводил разные аргументы, но в конце концов все-таки прочитал несколько стихотворений, в стиле «Близнеца в тучах»⁷⁷, но, если память мне не изменяет, не вошедших в эту книгу. Все молчали. — Замечательно! — вдруг сказала В.О. — Прочтите еще! — Но мне бы хотелось!.. — Читайте, читайте!.. — Последовало еще несколько стихов. Пока я понял только одно — передо мной подлинное, ни на что не похожее дарование. Но я совершенно не знал,

как к нему отнестись. Стихи Пастернака были так непохожи на преобладающий стиль эпохи, в них не было обычного само собой разумеющегося современного канона. — Что же вы молчите, — закричала В.О., — Борис Александрович, вам нравятся стихи? — Ничего не могу сказать, — ответил Садовской, снисходительно посмотрев на Бориса. — Все это не доходит до меня. — Борис оторопело и дико смотрел на него. Сам того не зная, Садовской задел у него самое больное место. Он сконфуженно пробормотал что-то, потом уже громко, размахивая руками, быстро заговорил: «Да-да, я вас понимаю, может быть, если б я услышал такие стихи несколько лет тому назад, я бы сам сказал что-нибудь в этом роде, но...» — тут он окончательно потерял дар слова и разразился потоком философов, смысл которых сводился к защите чего-то, что он хотел сделать, но, разумеется, не сумел сделать и т.д. После этого он быстро убежал. — Ну, вот, — сказала В.О., — вы его напугали. — Все эти новейшие кривлянья глубоко чужды мне, — заявил Садовской, чувствуя себя хранителем священного огня. Вечер продолжался в том же духе, чередовались стихи, бутылки, приходил еще кто-то, разошлись поздно, по дороге обсуждая отдельные удачные строчки и стараясь понять Пастернака. «Так начинают жить стихом»⁷⁸, мог бы процитировать я, вспоминая всю эту неразбериху на юлиановой мансарде, где большинство блуждало между символизмом и мистикой. Они не подозревали, что перед ними большой поэт и пока относились к нему, как к любопытному курьезу, не придавая ему серьезного значения. Между тем, появление Пастернака, так же как и близость Маяковского, обозначали конец символизма и новую поэтическую эру. Была ли она значительнее прежней, этого пока еще никто не мог решить.

В этот период 1910-11 г. я встречал Пастернака чаще всего на историко-филологическом факультете. Мы оба числились на философском отделении, прельстившем меня отсутствием истории литературы, представленной Сперанским и Матвеем Розановым⁷⁹, то есть двумя допотопными архивариусами. Один всю жизнь жевал былинны, второй — Руссо и руссоистов. На философском отделении была, впрочем, другая опасность, именно экспериментальная психология проф. Челпанова, но об ней позже. Мы слушали историков — Виппера⁸⁰, Савина (Ключевский уже не читал), молодых доцентов философии — Шпета, Кубицкого, Бруна⁸¹. Виппер и Савин нравились мне своей суховатой фактичностью, Шпет своей развязностью и остроумием, Соболевский чудовищными знаниями греческой грамматики. Мы читали с ним «Этику» Аристотеля. По понедельникам ровно в 9 часов утра

Соболевский входил в аудиторию с двумя или тремя книгами под мышкой. Одна из них — греческий текст Аристотеля, вторая — перевод одного же Аристотеля на русский язык, сделанный проф. Радловым⁸², и третья — маленькая греческая мифология, стоившая 60 коп. Кто-либо из студентов начинал чтение текста и делал перевод, Соболевский поправлял, устанавливал окончательную редакцию, затем иногда обращался к Радлову и читал две, три фразы из его перевода, затем обводил аудиторию мутным взглядом и говорил: «Это очень хороший перевод с немецкого перевода "Этики" Аристотеля». Здесь начиналось настоящее пиришество филологии. Соболевский доказывал, почему перевод Радлова *не есть перевод с греческого*. Открыв Радлова, Соболевский читает: — «Кажется, что престарелые и угрюмые люди неспособны к дружбе (вздых): мало они могут доставить наслаждения, и никто не в состоянии долгое время переносить общество угрюмого и неприятного человека (голос становится скрипучим), и природа, кажется, более всего избегает неприятного и стремится к приятному. Люди, направляющиеся друг к другу, но не живущие вместе, более походят на людей, расположенных друг к другу, чем на друзей: ничего друзья не желают более, как постоянного общения, ибо в нужде люди желают помощи, а постоянного общения и тогда, когда они блаженны; уединение менее всего годится таким людям. Постоянное же общение возможно лишь тогда, когда люди приятны друг другу и радуются одному и тому же, как это бывает в дружественных случаях (последняя фраза произносится сухо и неприятно)». — Если же мы переведем этот отрывок с греческого, — продолжает Соболевский, — то этот отрывок будет звучать так: «Ни старики, ни сварливые люди не кажутся способными к дружбе, так как мало удовольствия в них, и никто не может проводить время с неприятными, то есть не доставляющим удовольствия; действительно, кажется в наибольшей степени природа избегает тягостного, стремится к приятному. Принимающие же друг друга кажутся скорее благорасположенными, чем друзьями. В самом деле, ничего нет столь характерного для друзей, как совместная жизнь, ведь нуждающиеся стремятся к пользе, довольные же (счастливые) стремятся проводить время вместе, так как таким менее всего свойственно быть одинокими. Проводить же жизнь друг с другом невозможно, если не быть приятным и радующимся на самих себя, чем именно, как известно, и обладает товарищеское общение — дружба». — Затем последовал филологический комментарий, вся сила которого заключалась в оттенках слов. Это была ограниченная и тем не менее настоящая филологическая школа, да еще на таком трудном

образце, как Аристотель. Вся эта сушь прерывалась комическими эпизодами, когда Соболевский раскрывал шестидесятикопеечную греко-римскую мифологию Делавиня и по ходу дела читал оттуда: «Феб-Аполлон — это благодетельное божество света» или «Гермес — бог пастухов и торговли». Вероятно, он считал нас полными невеждами. После занятий у Соболевского голова, обычно, по своему содержимому походила на барабан или тыкву, вот почему встречи с Пастернаком после столь полезного, но тягостного изучения были особенно приятны. Он сразу обрушивался потоком афоризмов, метафор, поэзия здесь присутствовала как нечто подразумевающееся и не подлежащее отсрочке. Вместе с тем все чаще и чаще я обращал внимание на какое-то отчаяние, скрывавшееся за всем этим потоком недоговоренного, гениального и чем-то изнутри подрезанного. Я начал искать разгадку, и, как мне кажется, скоро нашел ее. Это была боязнь самого себя, неуверенность в своем призвании. Ему все время казалось, что он не умеет говорить о том, что составляло суть его жизни. С музыкой уже однажды произошла катастрофа. Неужели же? — Вот почему ему нравились лекции Грушки⁸³. Это действительно был один из лучших курсов, который мне пришлось слушать в университете. Грушка читал не только с полным знанием материала, но и с большим вкусом, с большим изяществом. Читать о крупном поэте прошлого так, чтобы все было одновременно близко, ясно и стояло на высоте научного анализа, — дело нелегкое. Пастернаку нравилась эта ясность, и в то же время я видел, что он отталкивает ее, что она чужда ему. В этой мучительной борьбе чувствовалось, что право на неясность для него — решающий вопрос. Вспоминая его стихи, я понимал, что речь идет о двух системах выражения мысли. Латинская муза исключала всякую темноту, но ведь принять символистов он тоже не мог. Что же оставалось делать? То, что он по какому-то инстинкту правильно сделал, то есть искать самого себя. На лекциях Грушки мы сидели рядом и записывали *обязательный курс*. Грушка цитировал Лукреция в собственном прозаическом и, надо сказать, прекрасном переводе. Иногда Борис поднимал голову и с наслаждением слушал. Биография Лукреция замечательна между прочим тем, что она покрыта полною тьмою, и в этой тьме сверкают только огни адского пламени, донесенные до нас блаженным Иеронимом. Первое — Лукреций был безумец и писал лишь «в светлые промежутки» (*per intervalla lucide*), второе — Лукреций умер от любовного напитка. Как раз в это время в русском переводе вышла книга Марселя Швоба — «Вымышленные жизни» (*Vies imaginaires*)⁸⁴, где загадочный поэт обрел невымышленную и великолепную жизнь;

кроме этого я читал прекрасную книгу о нем Марта. Лукреций, между прочим, своей поэмой подтвердил свою биографию. Философию счастья, то есть эпикурейство, он излагает как трагическую проблему. А книги, посвященные любви, отличаются исключительной мрачностью, я бы сказал полной безнадежностью.

После лекции Грушки мы разговаривали о соотношении биографии поэта и его поэзии. Борис говорил об этом, как о чем-то своем, давно ему известном, но чем более я вслушивался в его не совсем, как всегда, ясные речи, тем несомненное казалось, что эта тема задевает его каким-то особым образом. Однажды, остановившись, он воскликнул: — Костинька, что мы будем делать с вами со всем этим? — и он показал рукой на аудиторию, откуда мы вышли. Действительно, за стенами аудитории, где мы слушали о Лукреции, была Москва, была жизнь, и нам скоро предстояло встретиться с ней лицом к лицу.

В Филипповском переулке, где я жил осенью 1908 года, проходили разные люди. В ту пору их было немного, можно было легко запомнить каждого встречного. Иногда мне встречался высокий сидящий блондин, с острой эспаньолкой, внимательным и немного ироническим взглядом, подчеркнута твердой походкой. Не совсем обычный облик запомнился мне. Придя в первый раз к Борису на дом, я был представлен ему. То был отец моего друга, Леонид Осипович, известный художник. Квартира Пастернаков широко и уютно расположилась в старом доме на Волхонке, комнаты были большие, мебель старая, в гостиной — карельская береза, на стенах — рисунки и портреты. Скоро мы сидели за чайным столом, у самовара несколько рассеянно разливала чай Розалия Исидоровна, две девочки в гимназических платьицах, с косами, заняли свои места. Брат Шура на этот раз отсутствовал⁸⁵. Боря был сдержан и являл вид воспитанного молодого человека. Разговаривали об искусстве, о литературе. Л.О. говорил несколько неопределенно, иронически поглядывая на сына. «Интересно, — подумал я, — знает ли он о его стихах». Потом оказалось, кое-что он знал и был не особенно доволен. Комната, в которой помещался Борис вместе с братом, была безразличной, очень чистой и аккуратно убранной комнатой, с двумя столиками, двумя кроватями и какой-то стерилизованной скукой в воздухе. Внутренняя жизнь подразумевалась. Она подразумевалась и у Л.О., человека большого жизненного и художественного опыта. Но о ней я мог только догадываться — Л.О., по моему мгновенному тогда определению, был замкнутым, скорее

скрытым, мог даже показаться несколько черствым. Это потому, что в глубине души он заключал какую-то горечь, какую-то грусть, не знаю что, быть может, мудрость или мудрый скепсис. Я понял только одно, что Борису в родительском доме жить трудно. Ему не хотелось огорчать родителей, а когда-нибудь, так думал он, — их придется огорчить. Пока по внешности речь шла о профессии: философское отделение филологического факультета, стихи в будущем обещали не много. Отсюда неприятные разговоры, о которых он иногда мне передавал. Пока в этом доме я бывал не слишком часто. Мы предпочитали встречаться в университете, у Юлиана и в Café Грес на Тверском бульваре. Борис почти каждый раз читал свои стихи, иногда на клочках бумаги записывал их, а я уносил домой эту добычу и старался понять его⁸⁶. Мало-помалу передо мной начали вырисовываться контуры какого-то редкого и совсем необычного дарования. Стихи не были похожи ни на Брюсова, ни на Блока, в словаре изредка проскакивали знакомые сочетания, но в совсем другом смысле. Между тем символизм здесь несомненно был, но в какой-то другой пропорции и совсем с другим значением. Значение заключалось в относительности и условности образа, за которым скрывался целый мир, но эту условность подчиняло настолько натуралистическое применение деталей, что стихотворение начинало казаться рассыпью золотой необработанной руды, валяющейся на дороге⁸⁷. Слова лезли откуда-то из темного хаоса, первичного, только что созданного мира. Часто он не понимал их значения и лепил строчку за строчкой в каком-то бреде дионисовского опьянения жизнью, миром, самим собой. Отсюда вопль о «непонятности», преследовавший его почти всю жизнь... Но дороже стихов, дороже необычной музыки был он сам. Это значило, что стихи были только одним из проявлений еще какого-то неосознанного и становящегося духовного мира. Вот почему писание стихов было для него не только счастьем, но и трагедией. После всего этого я понял его манеру разговаривать. Это было непрекращающееся творчество, еще не отлившееся в форму и поэтому столь же гениальное и столь же непонятное, как и его стихи. Мучение заключалось в необходимости выразить себя не в границах установленных смыслов, а помимо и вопреки им. Но преодолевать то, что сложилось в человеческом сознании с незапамятных времен, было немислимо. Отсюда другое единственно возможное решение задачи — создавать свой собственный мир в поэзии, не обращая внимания на традицию, смысл и т.п. Все это в какой-то степени намечалось и у других сверстников, выступавших одновременно с ним, то есть у раннего Маяковского и Хлебникова. Но

о соотношении всех трех нужно говорить особо, и можно было сказать только через несколько лет.

Так проходило время в 1910-11 годах.

А среды? Среды в этот период временно прекратились. Евгений Иванович усиленно сдавал последние университетские экзамены и затем уехал в Италию. Я получил оттуда несколько писем, из которых следовало, что он продолжает жить нашими интересами. Большое письмо с философским анализом творчества Гоголя явилось как бы ответом на завещание, оставленное нам Ю.А. Сидоровым. Кажется, я уже обмолвился, что Гоголь был для него если не равнозначным по значению Пушкину, то не менее замечательной противоположностью. Нужно помнить, что в ту эпоху всех соблазняла на разные догадки и толкования книга Мережковского «Гоголь и чорт»⁸⁸.

С легкой руки Мережковского судили и рядили о творчестве Гоголя, противопоставляя аскетическое и безумное в этом творчестве лучезарной пушкинской музе.

В своем письме Е.И. исходил, по-моему, из слишком сложной концепции, несколько более отвлеченной, чем следовало. Но пока оставлю это. В один прекрасный августовский вечер, то есть почти через год, я неожиданно встретил Е.И. на углу Тверского бульвара против памятника Пушкину. Мы потом усмотрели в этом символический смысл. О том, что он приехал, я еще не знал. Мой друг был экипирован более чем странно. На нем был бархатный пиджак, бархатная шляпа набекрень. На мизинце сиял огромный опал, в руке он держал тросточку, с какой обычно выступают в цирке наездницы. Е.И. с хохотом встретил меня. — В таком наряде, — сказал он, — я был у Челпанова по поводу моих магистерских экзаменов. (В скобках замечу, что Е.И. написал работу на золотую медаль о философии Гартмана и был оставлен при университете). Я понял, что это был эпатаж, который Е.И. обосновывал глубокими философскими доводами. Он мечтал о «веселой науке». В Московском университете того времени, если и была какая-нибудь наука, то отнюдь не веселая. Лопатин⁸⁹ читал свои лекции по литографированному экземпляру, который клал перед собой на кафедру. Иногда на задних скамейках слышался храп — какой-нибудь горемыка, не выспавшийся у себя на Бронной, засыпал, слушая ровный голос чтеца, повествовавшего о Мальбранше. Дух живой давно уже покинул нашего седобородого мудреца, не лишенного впрочем своенравной мысли и некоторых, я

бы сказал, козлиных повадок. Но уютно укрывшись в спиритуалистическую философию, он был тем не менее недоступен всему, что произошло во второй половине 19-го века, не говоря уже о 20-м веке. Евгений же Иванович полагал, что он и мы, его друзья, — представители «веселой науки». Сейчас поясню, что это значит. Свободные мыслители, не вошедшие в официальные регистры истории философии, прежде всего отличались внутренним скепсисом по отношению к собственной мысли. Они знали относительность и изменчивость человеческого бытия, они добывали истину ценой собственной жизни. Мысль — художественное произведение, искусство. Она тем ценнее и дороже, чем больше в ней творческого начала и чем меньше общеобязательных истин. Как-то Ренан с присущим ему очаровательным легкомыслием сказал о Христе, что ему в высшей степени была свойственна улыбка по отношению к своему собственному делу. Угрюмое тупоумие университетской науки, конечно, было далеко от таких бодрящих и светлых истин. Вот почему Е.И. отправился к Челпанову, одетый, как цирковой наездник. Как они договорились — не знаю. Челпанов вообще относился к таким людям подозрительно и со скрытой недоброжелательностью, не без основания полагая, что они не подходят для его лавочки. Скоро мы опять возобновили наши среды, на этот раз на той же Тверской, против церкви Василия Кесарийского⁹⁰.

В этот период постепенно начала обозначаться новая тема. Сидоров наряду с Гоголем и Пушкиным завещал нам гностическую тему. О гностиках он написал несколько стихотворений, и поскольку гносис вырос из глубин египетского духа, его великолепные фантазии получали, как всегда, своеобразное толкование:

Власть снова перейдет в бразды иных эонов.
Восстанет вновь она, родная Кемь моя,
И на челе воскресших фараонов
Кольцом двойным уляжется змея⁹¹.

Теперь на столе Е.И. лежали сочинения Иринея⁹², епископа Лионского, основного источника по истории гностицизма. Скоро к этой книге присоединились другие, в том числе книги Амелино⁹³ о египетском гностицизме, и возникла целая грандиозная концепция. Е.И. сделал нам незабываемый доклад о гностике Валентине⁹⁴. По его мнению, гносис возник из ощущения религиозной обделенности, христианство — из ощущения полноты. В системе Валентина жажда полноты, томящийся человеческий дух, устремленный к божественной плероме, обозначен символом Ахамот. «Вся влажная стихия в нашем мире — это слезы Ахамот,

плачущей по утраченном Христе; наш физический свет есть сияние ее улыбки при воспоминании о нем; ее скорбь и туга застыла и отвердела в плотном веществе; из ее страха возникли Сатана и демоны»¹⁰⁰. Не имея сейчас под рукой Ирины, привожу эту цитату из статьи В. Соловьева о Валентине, в общем неверной и односторонней. Для Е.И., конечно, ударение было на страстной и неудовлетворенной природе Ахамот, всегда стремящейся к полноте и не нашедшей эту полноту, ибо Предел («орос») удерживает ее. Система Валентина, которого Вл. Соловьев справедливо называет «одним из гениальнейших мыслителей всех времен», исполнена глубокого драматизма. Еще близкий великим источникам египетско-эллинской культуры, он понял религиозное откровение как рассказ о трагическом действии, свершившемся в истории. Христианство же было антиисторично, оно брало некую завершившуюся данность, и весь драматизм, свойственный исканию Бога, переносился в будущее. Человеку было дано слишком многое. Для обретения плеромы ему нужно было только уверовать и очиститься от грехов. Я излагаю только схему доклада Е.И. и последовавших за этим рассуждений. Но на этом дело не кончилось и по какой-то странной, но вполне понятной последовательности идей перешло к сегодняшнему дню. Не совсем неожиданно мысли, выросшие в связи с изучением гносиса, соприкоснулись с началом русского символизма. Е.И. давно уже создал различные гипотезы о первом периоде Брюсова и Александра Добролюбова⁹⁶. У них он нашел точки соприкосновения с гностиком Валентином. Мысли его были следующие: человек начинает свой творческий опыт не только из чувства своей полноты, но также из чувства своей обделенности. В этом случае у него есть только один выход — создать свой собственный мир собственной волей:

Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца.

(В.Б[рюсов])

Углубившись в самопознание, в законы собственного «я», человек выращивает откровения духа, которые и будут раскрытием индивидуальности и, в то же время, творческим путем. Стихотворения и наброски Добролюбова, а также статья Коневского⁹⁷ о нем давали достаточный материал для этой философии искусства, в ее так сказать отрицательном плане. Убедившись в недостаточности и неполноте слова, Добролюбов отказался от него и предпочел путь молчания. Таким образом, он закончил чем-то

вроде иогизма. Иной путь был Брюсова — из яростного и волевого самопознания возникла его поэзия, вся проникнутая в первых книгах пафосом исканий и утверждения «мечты» как творческого начала. Это был путь нашего тогдашнего индивидуализма. Самым важным в этих параллелях было, вероятно, сознание, что в основе гносиса лежит глубокая трагедия эпохи, создавшей великолепную искусственную систему, насквозь проникнутую отчаянием, скепсисом, мучительной жаждой. Вероятно, поэтому религиозный символизм Валентина и его своеобразная демоничность и были близки нам. Конечно, я сейчас не помню всех тонких деталей великолепного построения моего покойного друга. Не менее интересно, что из всех этих размышлений вышло нечто вовсе не теоретическое. Вероятно, некоторыми мыслями безнаказанно заниматься нельзя. Мы довольно быстро превратились в аскетически настроенных гностиков, с презрением отрицавших земные утехи и занимавшихся медитациями до шести часов утра. Ев.Ив. переехал на уединенную квартиру, в один из переулков возле Каретного ряда. Там он занимался всю ночь напролет и вставал в два часа дня. Мы стали похожи на заговорщиков, понимали друг друга с полуслова и начали создавать какую-то безумную метафизическую систему. К счастью, скоро наступила весна, и тут мы почувствовали себя чрезвычайно плохо. По всей вероятности, если бы такой образ жизни продолжался еще несколько месяцев, нас всех гуртом свезли бы в желтый дом. Но в один прекрасный день Е.И., взглянув в окно, вскричал: «Нет ничего лучше Пушкина». И мы с упоением принялись читать и комментировать «Египетские ночи».

А что же происходило в университете, с которым мы были связаны официально положением студентов и одного магистранта? Я говорю о себе, о Л.А. и Боричевском. К этим именам следует прибавить и Пастернака, который рядом со мной провел несколько университетских лет.

Там продолжалось прежнее, то есть боязнь всякой свежей мысли. Но тем не менее жизнь ломилась сюда в самых разнообразных формах. Однажды у лестницы историко-филологического факультета был выставлен почтовый ящик с надписью: «половая анкета». Сюда желающие приглашались опустить анонимные сведения о своей сексуальной жизни. Это одно. Затем за новым зданием университета закончилось постройкой обширное двухэтажное здание, названное «Институтом экспериментальной

психологии». В подъезде этого института мраморная доска гласила, что сие здание есть дар коммерции советника Щукина. Туда профессор Челпанов, обработавший известного московского мецената, перевел нас для занятий психологией, но не обычной психологией, а «экспериментальной». Желая оборудовать институт по последнему слову техники, Челпанов ездил в Германию и в Америку. Помню, вернувшись, он рассказывал нам, как профессор Эббингауз⁹⁸ на одном спиритическом сеансе поймал за ногу предполагаемого духа. Он еще сильнее, чем раньше, размахивал руками и был полон самых радужных надежд. Эти надежды особенно действовали на тех молодых людей, которые имели похвальные намерения стать профессорами. Само здание состояло из коридоров и отдельных комнат и в общем напоминало гостиницу. В большом зале был поставлен огромный проекционный экран. В каждой комнате стояло несколько столов с электрическими приборами, главным образом, секундомерами. Простакам это могло показаться магией, на самом же деле это был простой обман, ибо никакая психология секундомерами не постигается. Когда мы приступили к занятиям, дело оказалось весьма ничтожным. На вертящихся мельницах мы смешивали цвета, чтобы проверить и изучить зрительные восприятия. На барабанах автоматически отмечались какие-то данные. Помощник Челпанова по инструментально-технической части, некто Губарев, которого он чрезвычайно ценил, обычно лизал языком края белой бумаги, затем обвертывал ею барабан и пускал в ход. Жалкие истины, добытые из этих экспериментов, подсчитывались и обобщались. Так надеялись получить какие-то выводы касательно человеческой души. С ней дело обстояло явно неудовлетворительно. Уже давно было взято под подозрение самое существование этого невесомого и неведомого ноумена, который столько веков не давал спать философам. Конечно, за ненужностью было бы лучше всего упразднить его вовсе. Но Челпанов не решался на такую, саму собой напрашивавшуюся операцию. Может быть, он не был уверен, как отнесется к этому начальство, все же предполагавшее официальное бессмертие ноумена, или, может быть, его смущали сотни книг, написанные в защиту «души», но, во всяком случае, для ее изучения существовал специальный психологический семинарий, где уже не вертели барабана, а читали доклады по Вундту и другим мастерам этого дела. В конце, резюмируя мысли докладчика, Челпанов ставил один и тот же вопрос: как по мнению излагаемого автора следует понимать проблему «субстанции». Эта субстанция и была душой. Однажды, от нечего делать, я после одного доклада высказал предположение, что душевная

субстанция дана в своих акциденциях, и потому мы собственно не имеем права говорить о субстанции как таковой или, лучше сказать, можем обойтись без такого предположения. — Экспериментальная психология так и делает, — наставительно заметил Челпанов, — но Вундт... — и тут полилась микстура, которую мы глотали чаще всего со смехом⁹⁹. Смеялся я и Пастернак. Челпанов заметил это и не простил нам нашей смешливости. Я в это время занимался Бергсоном и, помнится, читал доклад по его книге «Время и свобода воли». Ничего вразумительного по поводу блестящей теории Бергсона я не услышал, и это вполне понятно. Бергсон, наследник великой идеалистической философии Платина, перевел ее на язык современной науки. Соединение метафизической мысли с данными опыта было произведено смело и изящно. Следовало вспомнить, что в 19-м веке у Бергсона были предшественники — Шеллинг и Шопенгауэр. Но дело не в этом. Самый размах бергсоновской мысли был настолько чужд жалкому крохоборчеству нашей «психологии», что делать с ним, конечно, было нечего. Пастернак, в свою очередь, не мог найти путей к сердцу Челпанова. В эту пору он был увлечен философией Когена и каким-то образом соединял ее со своей эстетикой. У меня хранится любопытный документ этого увлечения: тезисы к докладу Пастернака «Символизм и бессмертие», который он читал на эстетических собраниях у скульптора Крахта на Средней Пресне¹⁰⁰.

Это произошло несколько позже, не помню точно, в 12-м или 13-м году. Во всяком случае, весной 12-го года Боря отправился в Марбург на летний семестр. Летом я получил от него восторженную открытку¹⁰¹. Но об этом он сам достаточно подробно рассказал в своей «Охранной грамоте». Перед отъездом он почему-то решил пойти к Челпанову и осведомить его о своем намерении. Я никогда не забуду его рассказа об этом свидании. Он прибежал ко мне взъерошенный, с выражением какого-то сумасшедшего изумления в глазах. «Вы понимаете, — кричал он, — Челпанов не сказал мне ни слова, но я чувствовал, что этот человек не имеет никакого отношения к философии»¹⁰². Да, этот человек, земля ему пухом, имел отношение к чему угодно, но только не к философии.

Годы 11-й — 12-й я прожил в студенческом общежитии имени имп. Николая II-го на Большой Грузинской улице против Зоологического сада. Это был старый студенческий и отчасти цыган-

ский район Москвы. Студенты селились здесь в дешевых комнатах маленьких захолустных домишек грязных переулков и тупиков. Недалеко были Тишинская площадь и знаменитая Живодерка, соединявшая эти благословенные места с Бронной и Козихой. Район был унылый и грязный, способствовавший преждевременному пессимизму и усиленному потреблению пива. Жалкий ремесленный люд, населявший эту старинную московскую «тишину», мало имел отношения к науке, и, пожалуй, здесь было уместно вспомнить ранние рассказы Леонида Андреева.

Студенческие общежития 1-е и 2-е занимали два корпуса, бок о бок стоявшие к улице. Меня соблазняло, как и многих других, «все готовое», предлагавшееся в этих общежитиях. Все готовое включало довольно большую комнату с довольно приличной обстановкой такого рода, какой обычно бывает в казенных учреждениях. В виде питания полагался чай и обед. Ужин состоял из кружки синеватого молока и хлеба.

Жили мы в этих общежитиях свободно, за исключением только возможности принимать у себя женщин. Последний пункт я считаю разумным. Студенческая толпа, в которой преобладали юристы, была пестрой и разнообразной. Друзей, разумеется, я здесь не нашел, но в 12-м году в общежитии, рядом со мной, через лестницу, оказался любопытный человек, заброшенный сюда по тем же причинам, которые подвигнули и меня на переселение в эту своеобразную казарму. Однажды в кулуарах университета я встретил Леонида Алексеича. Он был необыкновенно печален, бледен и худ и сразу набросился на меня с какими-то ядовитыми парадоксами. Все быстро выяснилось. — На днях, — сказал он, — я читал стихи Диесперову. Знаешь, что он сказал: «Молитесь Богу, чтобы он дал вам душу». — Эти слова произвели на него потрясающее впечатление, тем более сильное, что доля правды в них была. Уже давно я замечал на факультете мрачную фигуру в сапогах, рубашке, подпоясанной ремнем, и волосами, зачесанными назад. Похож он был на сельского дьячка или учителя, вернее — на того и другого вместе. Вне стен университета эта фигура шествовала по улицам Москвы в потертом романовском полушубке с дубиной в руке. Вид у него был угрожающий. На самом же деле это был А.Ф. Диесперов, поэт и филолог, приступивший в ту пору к огромной диссертации об Эразме Роттердамском.

И вот случай свел нас вместе, мы оказались соседями по комнатам. Не знаю, было ли это ему приятно, но во всяком случае соседство меня занимало, и скоро я заметил, что Диесперов, вообще не разговаривавший ни с кем, довольно охотно вступает со

мной в споры и разного рода патетические излияния. Входя к нему в комнату, я всегда заставлял одну и ту же сцену. Диесперов, стоя у окна и почти прижавшись носом к огромной книге, внимательно читал ее. Такой странный способ изучать Эразма объяснялся тем, что у Диесперова был жестокий геморрой, и доктор велел ему поменьше сидеть. Как только он начинал разговаривать, он тотчас принимался ругать всех и все, особенно же символистов. Та самая душа, в отсутствии которой он обвинял Леонида Алексеевича, являла ему свой облик в поэзии Тютчева и Фета. Особенно Тютчев был роковым поэтом для него. Все его стихи так или иначе связаны с тютчевскими мотивами, тютчевскими ритмами. Я не хочу обвинять его в полном отсутствии самостоятельности, но все же приходится признать правду и сказать, что как поэт он был мало разнообразен и мало оригинален. Но дело на этот раз заключалось не столько в стихах, сколько в Эразме Роттердамском. Эти огромные фолианты, взятые из университетской библиотеки, Диесперов изучал с зловещим вниманием. Однажды, пристально, со злобной радостью взглянув на меня, он сказал: «Да, вот отец современной Европы и предшественник Вольтера. Куда там, Вольтер! Прочтите, что он пишет о Христе в "Похвале глупости"». И открыв том, он показал мне известную страницу о входе в Иерусалим. Тем не менее Диесперов писал об Эразме, писал с чувством ожесточения, а иногда с восхищением. Не знаю, что случилось с этой диссертацией. Первый том был закончен к 10-му году, в нем было страниц 400. Я читал эту диссертацию с интересом, тем более понятным, что Александр Федорович написал ее под сильным влиянием В.Розанова, на которого он буквально молился. Он позаимствовал у него все приемы анализа, все стилистические интонации, пожалуй, даже весь ум. Когда у него не было денег на покупку книг Розанова, он переписывал их почти целиком. Год, проведенный им в общезжитии, был хорошим годом. Там его кормили. Вообще, Диесперов, живший частными уроками, существовал, как птицы небесные. Обычный его рацион на вольной квартире составлял фунт черного хлеба в день. Он находил, что этого вполне достаточно для поддержания человеческих сил. Не этим ли объяснялось всегдашнее злобное и раздражительное состояние, которое делало почти невозможным общение с ним. Этот Диоген нашего времени являл собой образ, по-моему, единственный в ту эпоху. Он жил только собственными мыслями, чтением книг и про себя любил какую-то женщину, или, быть может, ему для стихов понадобилось питать «безнадежную любовь». Все его имущество умещалось в небольшом, обитом раскрашенной жестью сундучке, какие

продавались на Смоленском рынке для кухарок. Погрузив туда свои рукописи, десяток книг и несколько пар белья, Диесперов переезжал с одной квартиры на другую, сообразно качеству и количеству уроков. Этого мизантропического чудака я вспомнил здесь и, может быть, еще вспомню потом, потому что он представлял собой своеобразную антитезу тогдашней современности. Символисты вызывали у него приступ ярости; исключение, кажется, было сделано для одного Коневского. Брюсов не существовал (кстати, именно Брюсов весьма неприятно оценил книгу стихов Диесперова)¹⁰³. Белый хорош только в первой книге «Золото в лазури»¹⁰⁴. На сцену, иными словами, выступало так называемое «умиление». Хотя, как я теперь соображаю, Диесперов в некоторых отношениях судил здраво, особенно когда речь шла о так называемом эстетизме. Однажды мы заговорили об Оскаре Уайльде, парадоксы которого в то время еще сохраняли свое обаяние. «Ну, куда же нам в эстетику лезть, — воскликнул он, — ведь мы мужики!» Это прозвучало особенно хорошо в его устах. Я вспомнил полушубок, дубину в руке, сундук, обитый жестью, и не мог с ним не согласиться.

Осенью 11-го года Юлиан женился на Вере Оскаровне. После свадьбы молодые уехали в Италию, а по их возвращении весной мы сговорились следующей осенью поселиться вместе. Так оно и случилось. Была найдена квартира на Молчановке, недалеко от церкви Ржевской Божьей Матери¹⁰⁵, квартира вполне московская, с голландским отоплением, тараканами и прочими удобствами. Я занял самую скверную полутемную комнату, но после всех общежитий и квартирных хозяек она казалась мне превосходной. Началась несказанная жизнь. Богема на отдельной квартире, с кухаркой и ежедневными гостями и с ежедневным пьянством, была еще более страшна, чем разбросанные по всей Москве одинокие мечтатели, все-таки принужденные, хотя бы скукой и одиночеством, что-нибудь делать. Пьянство неизбежно сопровождалось стихами и рассуждениями на модные тогда темы. На обратном пути в Россию Юлиан и Вера остановились в Берлине со специальной целью навестить А.Белого и Эллиса¹⁰⁶, проходивших у д-ра Штейнера курс новейшего мистического обучения. Все, что они видели и слышали, произвело на них сильное впечатление, но до времени эта тема в условиях нашей богемной жизни как-то стухедалась, и мы продолжали главным образом заниматься поэзией. Прежний мой круг друзей в известном смысле

распался. Е.И. женился и занимался преподаванием русской литературы в двух московских женских гимназиях, я бывал у него реже, хотя мы сохранили весь жар прежней привязанности. Но сезон 1912/13 г. был посвящен музам и сдобрен разными сортами горячительных напитков. На нашу беду умер отец В.О., оставив ей порядочное состояние, которое мы беззаботно уменьшали, чему весьма способствовало обычное в таких случаях разгильдяйство наследников.

Однако на Молчановке не было «Мусагета». Издательство не проявляло особой жизненности. За отъездом А.Белого прекратились и обычные там вечера. Между тем по воле богов события развивались довольно закономерно. Намечался спор новой поэзии с умирающим символизмом, и само собой напрашивался вопрос о выявлении собственного мира. Однажды в начале осени за обедом послышался звонок и, после некоторого сопротивления открывшей дверь кухарки, в столовую ввалился, цепляясь за самого себя, какой-то субъект, оценить которого по первому взгляду представлялось невозможным.

— Ну, вот, что это у вас такое, — закричал он, сразу уставившись глазами на стол. Затем схватив котлету и обмакнув ее в сметану, отправил в рот. В.О. с негодованием смотрела на него.

— Бобров¹⁰⁷, — сказал Юлиан, — перестань безобразничать.

— Ну, вот, что значит безобразничать? — закричал Бобров. Потом он защелкал языком, задергался и начал ругать кого-то. Одет был неожиданный посетитель в подобие пиджака, с бахромчатыми рукавами, физиономия его была фиолетово-желтой и неприличной. Он сквернословил еще с полчаса, потом сорвался и бросился бежать. Я уходил куда-то по делу и вышел вместе с ним. Бобров подозрительно смотрел на меня, пытался ущипнуть и изрекал какие-то туманные афоризмы. Мы шли вонючим и грязным Гордеинским переулком. На углу Бобров вдруг остановился, закатил глаза и нежным голосом, скандируя, прочитал:

Зорю бьют, из рук моих
Ветхий Данте выпадает...

— Хорошие стишки? А?! — закричал он вдруг на всю улицу, сделал обезьянью гримасу и... исчез.

— Это Бобров, — сказал Юлиан, когда, возвратясь, я рассказал ему о происшествии. Фамилия настолько была связана с героем, что достаточно было назвать ее, и все остальное подразумевалось само собой. В последующем разговоре я узнал, что Бобров пишет стихи и готовит к выпуску книгу. Она появилась, кажется, в 1913 году в книгоиздательстве «Лирика»¹⁰⁸. Это были

нежнейшие излияния, сделанные в стиле модерн, с заметным подражанием Языкову, которого тогда выдвигал Б. Садовской, о чем Бобров, кажется, не знал. Позднее Асеев также увлекался Языковым. Языкова я не читал и при встрече с Е.И. спросил о нем. — Это стихи, в которых чувствуется надвигающийся люэс, — ответил мой друг, кстати, кажется, пристрастно оценивший несомненно по-своему крупного поэта. Чтоб не забыть, отмечу по поводу Садовского. Когда он заболел той же болезнью, что Языков, кто-то сказал: — А может, он подражает Языкову?

Но все это пустяки, существенно то, что Бобров, представлявший собою клубок нервов и сборище моральных нечистот, действительно считал себя поэтом. Из этого впоследствии, кроме неприятностей, для всех нас ничего не вышло.

Между тем у Юлиана складывалась первая книга стихов, которую он решил назвать «Обитель». И тогда в гостиных все чаще и чаще начал появляться довольно высокий, плотный и самоуверенный господин. То был Александр Мелентьевич Кожебаткин, заправляющий издательскими делами «Мусагета» и имевший собственное издательство «Альциона». Он-то и взялся издать «Обитель» Юлиана Анисимова. «Обитель» читалась и обсуждалась за бутылкой вина в гостиной на Молчановке. К этой книге мы не могли отнестись критически, потому что любили Юлиана. Книга была слабая и незрелая, издавать ее не следовало. Но Юлиану хотелось поскорее выступить в качестве поэта. В ту эпоху это желание было законным. И вот Кожебаткин, книжная акула, обобрав Юлиана, издал ее. В то время, когда обсуждалась книга вперемежку со стихами других посетителей, круг знакомств, при этом самых неожиданных, расширялся. Примерно раз в месяц устраивались большие приемы, с ужином и приглашенными гостями человек на двадцать. В.О. как-то удалось залучить Григория Алексеевича Рачинского, который после этого стал частым гостем на Молчановке. Рачинский — лицо совершенно особое, о котором нужно говорить несколькими стилями. С одной стороны, это был несомненно старый болтун, наслаждавшийся неиссякаемым потоком мыслей, глупостей, догадок и сплетен, изливавшихся совершенно произвольно, с другой стороны, это был добрейший человек в мире, старый барин в лучшем смысле этого слова, с третьей стороны, седого и болтливового Гришу никак нельзя было принять всерьез. В общем эта старо-московская фигура была бы вполне уместна у Свербеевых и Хомяковых¹⁰⁹. Я, как сейчас, вижу седого Гришу, входящего со своей супругой Татьяной Алексеевной в наш салон. Подстриженный ежиком, хорошо упитанный, краснорожий, он, немедленно закурив из кокосового

мундштука сигарету и обрызгивая всех близко стоящих слюной, набросился на Белого (впрочем, отсутствовавшего) за его страсти к Штейнеру. С точки зрения Г.А., православная церковь, обладавшая оккультным институтом так называемого старчества, могла удовлетворять какие угодно мистические искания. Кстати, я забыл упомянуть, что Г.А. был председателем Религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева и, само собой разумеется, верным сыном церкви. Однако, нужно заметить, что несмотря на православие и знание наизусть всех канонов и православной церкви и всех вселенских соборов, Г.А. был до смерти любопытен по части всяких новейших мистических исканий. Когда года через два антропософия утвердилась благодаря А.Белому, в некоторых кругах, близких символистам, Г.А. пытался достать так называемые «циклы», то есть курс лекций Штейнера, изданный только для посвященных. Было забавно смотреть на его гримасы, когда он говорил об этих циклах. В его голову не укладывалось, что хотят скрыть нечто от такого специалиста по этим делам, как он. За ужином Г.А. говорил непрерывно обо всем: о стихах, о Штейнере, о том, кто и когда жил на Собачьей площадке, о разных происшествиях необъяснимого характера. Собственно, в этом и было его назначение. Охотно представляю его себе на диване в Хомяковской говорильне¹⁰; до четырех часов утра, всю ночь напролет говорит, говорит и, уходя домой, отдуваясь, несколько раз в прихожей повторит на прощанье хозяину: «славно поговорили сегодня!» По странному течению событий все последующие двадцать лет я был как-то связан с Г.А. совместной работой уже в другой России. Но это был, так сказать, особо уважаемый гость, которого сажали на первое место и слушали, иногда посмеиваясь про себя. Настоящая богема была представлена на Молчановке самым разнообразным народом. Музыканты, из них милый фантазер и пьяница Борис Красин¹¹ очаровывал нас своей кудрявой удалью и рассказами о Монголии, но воистину были восхитительны появления Ф.С. Ненюкова, знаменитого пьяницы, прокутившего миллионное состояние и теперь бесплатно обедавшего у Кожебаткина, своего друга по прошлым делам. Ненюков был не просто пьяница, а так сказать принципиальный пьяница. — Я лакеям давал по 25 рублей на чай, понимаешь, — говорил он мне. Ненюков принимал деятельное участие в организации свадьбы и, упившись на свадебном обеде, был положен, кажется, в ванну, где оставался чуть ли не до следующего утра. Впрочем, может быть, в ванну поместили С.Клычкова¹², а Ненюков свалился где-то в коридоре. Так вот, Ненюков, кроме всего, был ботаник и философ. Он был философ в том смы-

сле, что самое умное, по его мнению, было полное презрение к завтрашнему дню. Когда в 1918 году были вскрыты сейфы и конфискованы разного рода акции и облигации, его восхищению не было предела. — Ты понимаешь, — говорил он мне, — я оказался умнее всех. Вовремя все продул. Теперь на, возьми, — и он показал в пространство кукиш.

Вся эта невообразимая смесь людей и лиц имела отношение к поэзии, все цитировали стихи, все судили и рядили и, наконец, было решено организовать собственное издательство «Лирика». Организатором был Бобров, издателем в смысле денежной субсидии все тот же Юлиан. Первый и последний альманах этого издательства «Лирика» начинался многообещающим эпиграфом из Вячеслава Иванова¹¹³, мистического ротора, без сомнения, опоздавшего родиться на полтора тысячелетия. Как бы уместен он был в Александрии 2-го века, — гносис и христианство, хламида и дворец Птолемея больше пристали бы ему, чем черный сюртук и современная квартира. Выбор эпиграфа из Вяч. Иванова свидетельствовал, что поэтическое изд-во «Лирика» не порывало с прошлым и только намерено было что-то преобразить. У него не было той башибузукской смелости и нахальства, с которых начал Бурлюк, плотоядно учуявший, что символизм попахивает трупом; вскоре, впрочем, эта смелость появилась в связи с *сюр d'Etat*, произведенным Бобровым. Впрочем конец «Лирики», просуществовавшей около года, был естественным и неизбежным. Друзья и просто приятели, собравшиеся случайно на любом вечере, могли образовать такое же издательство и так же легко выйти из него. Тем более, что писание стихов для некоторых было занятием случайным или второстепенным. Раевский, он же С. Дурьлин, готовился стать религиозным мыслителем, А. Сидоров¹¹⁴ занимался историей искусств и являл собой загадочный облик мистика из «Жизни Человека» Леонида Андреева, Рубанович¹¹⁵ был светским молодым человеком, пишущим стихи и главным образом ухаживающим за дамами, В. Станевич — талантливой женщиной, с одинаковым рвением занимающейся и поэзией, и прозой, и философией, и теософией. Остаются Юлиан Анисимов, Асеев, Бобров, Пастернак. Для них для всех поэзия была главным искушением и, пожалуй, самой большой любовью. Трагедия Юлиана, по-видимому, заключалась в отсутствии воли, в путанице, а может быть, особом складе мысли, он жил, как во сне, какими-то темными чувствами, не зная ни самого себя, ни окружающего мира. А если к этому прибавить всегдашнюю алкоголическую расслабленность, то станет ясным, почему будущее его миновало. Большой надеждой мне казались в ту пору

Асеев и Пастернак. В Боброве я не был уверен — та его высокопарная болтовня, которая напечатана в обложке «Лирики», не обещала ничего значительного. Асеев в нашем кругу был «залетным гостем», приехавшим в Москву по призыву Боброва искать счастья.

Как-то вечером в феврале или марте 13-го года Бобров привел к Юлиану худого и бледного юношу в студенческой тужурке, не весьма уверенного в себе. Широкое гостеприимство молчановской квартиры тотчас раскрыло объятия неожиданному гостю, скоро ставшему чуть ли не ежедневным посетителем. В тот же вечер я с Пастернаком пошли провожать друзей. Асеев остановился у Боброва, занимавшего маленькую комнатку в подвале большого дома на Сивцевом Вражке. В этой комнатке Асеев прочитал нам свою «Ночную флейту» — первую прелестную книгу юношеских стихов. Мы тотчас пришли в восторг — изящество и грация стиха, подлинный, как мне казалось, романтизм, гармоничность композиции — все доказывало и настоящий вкус и дарование. Несколько стихотворений из «Ночной флейты»¹¹⁶ были напечатаны в альманахе «Лирики» и явились несомненным украшением этой странной, разнокалиберной книги. Стихотворения Пастернака выделялись в ней совсем по-иному. То был подлинный свой голос, еще не в полной силе, но уже в основной тональности. Мне стоило большого труда убедить молчановскую квартиру с ее обычными посетителями и в том числе Боброва, что перед нами поэт большого дарования. Когда это дошло, к нему начали относиться несколько иначе, но все же ценили скорее «оригинальность», чем существо дела. Этого Пастернак боялся, кажется, больше всего, — прослыть вундеркиндом, как его когда-то назвал Садовской, естественно, было неприятно, и доказать непонимающим свое право именно так писать было не просто. Символизм почти всем привил дурные привычки. Он приучил к ложному пафосу по отношению к простым вещам, которые во что бы то ни стало хотели превратить в вещания — «глаголы», а не слова, — так можно определить эту испорченность естественного вкуса. Об этом весьма невразумительно, но весьма характерно писал Бобров в том же альманахе «Лирика»:

Душа, вотще ты ожидала
В своей недремлющей молве,
Любовь холодная сияла
В ее нетленном торжестве. —
Но опровергнув наши куши,
Как некий тяжкий катаклизм

Открыл нам берега и пуши
Благословенный символизм.

Стихотворение называлось «Завет», от таких заветов Пастернак бежал опрометью и зачастую впадал чуть не в истерику, вполне понимая, что ему нет места на Парнасе, возвышающемся под знаменами такого «Завета». О «слове» я с ним разговаривал часто, но не на Молчановке, а в университетских кулуарах или в Кафе-Грек. Мы много говорили о Флобере, но в то же время было ясно, что флоберовское понимание слова, как точного соответствия реальности, не исчерпывает проблемы, особенно для поэта. Все дело заключалось в том, что для Пастернака слово было не смысловой или логической категорией, а, если так можно выразиться, полифонической. Оно могло пленить его своим музыкальным акцентом или же вторичным и глубоко скрытым в нем семантическим значением. Помню, ему как-то раз очень понравилось слово «саердотольный», которое я как-то раз употребил в разговоре. Но самое важное заключалось в особом восприятии мира. Как его назвать, не знаю, но если поэта отличает умение видеть в вещах нечто скрытое от взора заурядного существа того сорта, который Шопенгауэр назвал «фабричным товаром природы», то в этом видении естественно должно произойти некоторое смещение спектральных линий. Отсюда метафоры, тропы — все то, что в учебниках объясняется невыразительным школярским языком. Нужно кроме этого помнить, что в создании стихотворения участвуют разнообразные силы, из сочетания которых и создается образ.

Поэт не может безнаказанно родиться именно в такое, а не в другое время, не может безнаказанно читать те или другие книги или разделять те или другие вкусы. Скажут — это относится ко всем людям без исключения. Согласен. Но все люди не отвечают ни за год своего рождения, ни за книги, которые очаровывали их. Поэт отвечает, и в этом его счастье и его трагедия. Так, перечитывая сейчас стихотворение Пастернака «Сумерки — словно оруженосцы роз»¹¹⁷, — можно легко установить, где начинается «свое» и кончается «чужое». Чужое — это эпоха, ее изысканность, налет эстетизма и употребление слов не в собственном смысле. Свое — тема, стремящаяся выбиться наружу и из скрещения слов создать, если не самое тему, то ее «настроение». Я полагаю, что это стихотворение было бы признано Малларме символическим в его смысле этого слова. Не знаю, сразу ли доступен читателю глубоко скрытый эротический смысл этого стихотворения, раскрывающийся в двух последних строфах. Приступ

к эротической теме дается в первых двух строфах сразу поражающим смещением, очень смелым и необычным, смысла слова «сумерки», обозначающим неясный наплыв эротической темы:

Сумерки... словно оруженосцы роз,
На которых — их копыя и шарфы.
Или сумерки — их менестрель, что врос
Плечами в печаль свою — в арфу.

Мужской образ оруженосцев и менестреля дается в отождествлении с сумерками — ключом необычного отождествления является слово «печаль». Неясной, но понятной как эротическая неуверенность, звучит вторая строфа:

Сумерки — оруженосцы роз —
Повторят путей их извивы
И, чуть опоздав, отклонят откос
За рыцарскою альмавивой.

Ключом к этой строфе являются слова — «извивы, откос, опоздав». Эти слова знаменуют эротическую неуверенность и естественно связываются со словом «печаль» первой строфы. С третьей строфы тема начинает приобретать более ясный характер, в, казалось бы, ничем не оправданном, но ясном переходе к образу «двух иноходцев»:

Двух иноходцев сменный черед,
На одном только вечер рьяней.
Тот и другой. Их соберет
Ночь в свои тусклые ткани.

Эротическая неуверенность подчеркивается словом «иноходец». «На одном только вечер рьяней» — обозначает страсть, явно выраженную у одного и очевидно менее сильную у другого — другой.

Слово «тусклый» связывается с «печалью», «извивами», «откосом». Четвертая строфа разрешает тему до полной ясности:

Тот и другой. Топчут полынь.
Вспышки копыт порыжелых.
Глубже во мглу. Тушит полынь
Сердцебиение тел их.

Эротическая неуверенность или неудача определяется словом «полынь», ее «топчут», и она «тушит». Необычное «вспышка копыт» символизирует страсть, достигающую кульминации в сло-

вах «глубже во мглу», неудача — в словах «тушит полынть сердцебиение тел их».

Таким образом, для выражения длительной и неудачной любви-страсти понадобилось совершенно необычное по своей структуре стихотворение. Никто не может разгадать пути воображения, может быть, неясного самому поэту, но характерного для него, — простое и обычное в человеческой жизни подано им в столь далекой и замаскированной форме. С этим стихотворением я производил эксперименты, давая читать его моим друзьям и требуя от них объяснения его смысла. Некоторые верно определяли стихотворение как эротическое, но не умели его проанализировать, другие просто восхищались им, как системой необычных образов, приведенных во внутренне и внешне музыкальное единство. Тем, кто не согласен с моим толкованием, я предлагаю дать другое и уверен, что оно невозможно. Это символизм чистой воды в духе Малларме. Нечто подобное, но по-моему неудачно, он пытался сделать в «Послеполуденном отдыхе Фавна». Но рядом с этим стихотворением Пастернака напечатано другое: «Февраль — достать чернил и плакать», которое нуждается в другом методе анализа. Я откладываю этот анализ и вытекающие из него выводы до появления его первой книги «Близнец в тучах».

Между тем приближалось время государственных экзаменов. Весной 13-го года, просмотрев программу и список подлежащих сдаче курсов, я с некоторым изумлением убедился, что и то и другое требует довольно деятельного изучения. Достав необходимые учебники и разметив количество дней, я пришел к выводу, что едва успею прочитать всю эту мудрость только один раз. Между тем, все курсы принадлежали к числу так называемых историй, то есть требовали усилия памяти. Кроме этого следовало написать так называемое «кандидатское сочинение», дававшее право на диплом первой степени. Я выбрал тему по теории знания у Бергсона и Шопенгауэра, Пастернак — по философии Когена. Мы оба работали в университетской библиотеке, сидя недалеко друг от друга. Я видел, как большая кипа бумаги с каждым днем росла возле моего друга. Он писал быстро, не отрываясь, я старался не отставать от него. В результате, с моим сочинением произошла забавная история. Челпанов, прочитав его, пригласил меня к себе в кабинет и, предварительно заперев двери на ключ, заявил, что он «не ожидал от меня такой работы, что

это литературное, а не философское произведение, при этом чрезвычайно субъективное, и что он за честь его не может». Я отвечал какой-то дерзостью и — получил диплом второй степени. Пастернаку повезло больше¹¹⁸. Может быть потому, что Челпанов никогда не читал Когена и уж, конечно, не понимал его, может быть, разгон мысли моего друга, за которым он не мог уследить, может быть, боязнь попасть в глупое положение и проявить свое невежество, но спорить с Борисом он не стал и даже, кажется, наговорил ему комплиментов. После всех этих историй с «сочинением» мы вплотную приступили к подготовке, то есть к штудированию учебников. Мы часто готовились вместе, при этом я обычно обедал и иногда оставался ночевать в гостиной Пастернаков, на диване карельской березы, хотя ночь обычно проходила без сна за зубрежкой, иначе нельзя назвать было бессмысленное усвоение кучи фактов. Экзамены нередко называют лотереей, в справедливости этой поговорки я скоро убедился на нашей судьбе. Первым был экзамен по истории Греции. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы за неделю усвоить лекции Виппера и книгу Пельмана, набитую точными фактами и цифрами и к тому же написанную в форме конспекта. Я успел дочитать до Александра Македонского, и по дороге в университет помнил о нем только то, что было сказано в гоголевском «Ревизоре», то есть, что он «герой», еще я помнил, что его отец назывался Филипп, что он завоевал Персию и вообще весь Восток, а после него были какие-то диадохи.

Виппер спрашивал строго и ставил «н.у.» без всякой жалости. В аудитории, где происходили экзамены, он уже сидел за столом и назначал билеты. Обычно он брал в руки программу и пальцем указывал билет. К моему ужасу его палец попал вниз и остановился на Александре Македонском. Помедлив секунду, этот палец пополз вверх и окончательно замер на греко-персидских войнах. Я глубоко и счастливо вздохнул. Как-то зимой, для собственного удовольствия и практики в греческом языке, я прочитал у Геродота главы, относящиеся к греко-персидским войнам. Вдохновившись, я начал «жарить» и для пушшего шикку привел несколько фраз из Геродота на греческом языке. Виппер остался очень доволен, поставил мне высший балл и подчеркнул мою фамилию (не знаю, зачем) карандашом. «О, если бы твой палец, — подумал я, отойдя от стола, — остановился на Александре Македонском». Последствия провала были неисчислимы. Держать государственные экзамены снова можно было только на следующий год. Борис тоже выпутался удачно. Потом он мне рассказывал, что дома несколько раз по смешному ученическому

обычаю загадывал, какой билет выпадет ему. Делается это просто. Нужно написать на бумажках №№ билетов и не глядя вынуть номер. Ему два раза подряд выпала цифра три. Само собой разумеется, на следующий день он вытянул тридцать третий билет. По этому случаю мне хочется вспомнить нашего дорогого учителя, лекции которого мы с удовольствием слушали во время нашего обучения в университете. Теперь, когда я пишу эти строки, ему уже перевесило за девяносто, и, вероятно, столь долгая жизнь была дарована ему за какие-то добродетели. Первая его добродетель — это честность мысли. Виппер всегда старался добраться до некоторой исторической истины и мастерски анализировал и сопоставлял факты. Его сухой изящный рисунок неизбежно схематизировал исторический процесс. Но он в то же время раскрывал нам значение слова «политика», рассматривал борьбу партий и интересов методом, близким марксистскому анализу, но без его целевой направленности. То есть он был объективен, не отдавая никому предпочтения, изображал только то, что было. История в этом изображении не была тем великолепным художественным созданием гения народа, какой она выходила из рук Ключевского, но ее, так сказать, бесплодность искупалась неожиданностью и замысловатостью самого рисунка. Виппер всегда старался идти за историческим процессом, не предугадывая его результатов. Некоторая склонность к пессимизму, по моему, просвечивала сквозь эту бесплодную игру исторических сил. Но сам он был трезв и, по-видимому, не поддавался обольщению делать выводы. Потом я видел его в неожиданном для профессора положении, которое, впрочем, могло быть объяснено его собственными концепциями истории как игры, хотя и ведомых, но иногда не совсем приятных сил. Я видел его за прилавком книжного магазина на Большой Никитской, и, о ирония судьбы, продал ему двухтомное собрание сочинений Чаадаева! Мы поговорили о прошлом и о будущем. Это было, помню, весной 21-го года. «Революция еще только начинается», — на прощанье сказал он мне. В первый раз из его уст я услышал прогноз, как известно, оказавшийся верным. Вскоре затем он уехал и читал лекции по истории в латвийском университете в Риге. Там возле него был его почитатель и ученик Арнольд Андреевич Спокке. Раз пришлось к слову — вспомню и его. Арнольд Андреевич был латыш и приехал в Москву изучать филологические науки. Он специализировался на романских языках, особенно испанском и итальянском. У него было широкое добродушное лицо, борода, он размахивал руками и говорил всегда громко, обычно с энтузиазмом. То был студент доброго старого времени, и я занимался с ним

греческим языком и всегда любил встречать его и дома и в университете. С ужасающим акцентом он цитировал Данте и каких-то каталонских поэтов. Потом я узнал, что он был профессором в Риге, потом посланником Латвии в Риме. Вот какие шутки шутит судьба. Как-то я видел в книжном магазине Сервантеса на латвийском языке с его примечаниями.

Но вернемся к государственным экзаменам. Перед русской историей я чувствовал себя тверже. — Ну, разве можно провалиться на истории собственного отечества, — бодро сказал я, просмотрев учебник Платонова¹¹⁹. — Все так ясно, татары, крепостное право, Петр Великий, декабристы, перед ними Отечественная война. Ведь это все знакомо с детства. — Но на экзаменах оказалось не так ясно.

Готье¹²⁰ спрашивал меня о планах крестьянской реформы в царствование Николая I-го. Ничего толком не зная, я построил какую-то гипотезу, и, к моему удивлению, она заинтересовала профессора, который увлекся, начал рассказывать сам и поставил мне высший балл. С Борисом снова случилось забавное происшествие. Гуляя накануне экзамена по Пречистенскому бульвару, он купил шоколадку в обертке с рисунком¹²¹. Рисунок изображал какую-то сцену из царствования Бориса Годунова. Само собой, на следующий день от отвечал «Смутное время».

Экзамены по истории философии поистине были анекдотическими. Изнемогавший от жары и усталости Лопатин диким голосом кричал в ответ на ту чушь, которую ему несли специалисты. Я вошел в ту минуту, когда какой-то армянин рассказывал об Анаксимандре Милетском. Казалось, скамейки амфитеатра готовы были грохнуть от хохота присутствовавших, поневоле слушавших этот ответ. Но я был настроен серьезно. Дело в том, что греческая философия — соседняя с так называемой патристической философией, которой никто не знал. «Боря, что вы будете делать, если вас спросят от Тертуллиане?» — спросил я Пастернака. «Я скажу "Credo quia absurdum"», — смеясь отвечал он. Примерно минут через десять, я услышал, как он говорит о Тертуллиане и тягуче произносит «Credo quia absurdum». — «...est», — раздался рядом скрипучий голос Соболевского, сидевшего рядом в качестве ассистента и не потерпевшего опущения «связки».

В общем, вся эта ерунда в смысле здоровья обошлась нам дорого. Мы долбили день и ночь, обнаружили свое невежество в смысле знания фактов и, получив временное свидетельство, отпраздновали окончание университета в том же кафе.

Окончание университета означало новую самостоятельную жизнь. Благодаря заботам Е.И., я уже весной 1913 года получил уроки русского языка и литературы в женской гимназии Потоцкой и отправился домой с легким сердцем, мало раздумывая о том, что это собственно означает. Поездка домой была довольно длительным удовольствием — почти сутки поездом с ночной пересадкой в Брянске, затем 40-верстное путешествие на лошадах, к которому я, впрочем, привык с детства и действительно считал большим удовольствием.

Когда, бывало, в 9 часов утра вылезаете в Клинцах и после душной ночи в зимнем вагоне вдохнешь свежий воздух, — все кажется изумительно неожиданным и приятным. По старым обычаям нашей семьи, с вокзала я отправлялся на постоянный двор к Сахаровой и уже оттуда, опустошив полсамовара, продолжал свой путь среди лесов, полей и болот отечества.

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи.
Россия, нищая Россия...

В Клинцах, впрочем, ожидала отнюдь не нищая, а очень даже уемистая и крепкая Россия с прочными бревенчатыми домами, широкими улицами, отличными колодцами и боролатыми толстяками, праздно сидевшими у ворот. По дороге с вокзала через великолепный сосновый бор можно было, впрочем, обозреть признаки современной цивилизации, то есть несколько суконных фабрик, расположенных на так называемом Стодоле. Они-то и были одним из звеньев благосостояния местного населения. Заработок — 15-20 рублей в месяц, который добывал на этих фабриках средний ткач, обеспечивал ему сравнительно сносную жизнь. Клинцы — это старообрядческий посад, основанный во времена царевны Софьи ревнителями старой веры, бежавшими от заgreбастых лап Москвы сюда, к польско-литовскому рубежу. Сюда они привезли и свои иконы, и «древнее благочестие», и свое «рукоделие». Кругом высоким тыном стояли глубокие брянские леса, раскольники обосновались в их дебрях и, надо полагать, занялись рукоделием и торговлей. Как я понимаю, это было деятельное и стойкое население. Из поколения в поколение передавалось ремесло, и местные рынки на много верст кругом были завалены их изделиями, коврами из кромки, чунами, чулками

и т.п. В XIX веке из среды этих ремесленников вышли первые местные фабриканты, в мое время уже полностью перешедшие к современной высокой технике. Посад начинался не сразу. От вокзала и линии железной дороги его отделяли версты три столетнего соснового бора. Рассказывали, когда проводили железную дорогу, отцы города дали специальную взятку инженерам с просьбой отвести дьявольское изобретение подальше от их жилищ. Благодаря этой ревливой заботе благочестивцев зеленый лес окружал посад. Я лично никогда об этом не жалел, — так было приятно после вагона проехать сквозь чащу гигантских сосен и, миновав Стодол, очутиться на базарной площади, где стоял уютный двухэтажный дом под вывеской «русские номера» Сахаровой. Вот он, столь знакомый, заваленный всякими клетухами двор, где под навесом стояли лошади, на дворе кудахтали куры и, дружелюбно повиливая хвостом, лаяли дворовые собаки. Кузьминишна обычно бывала тут же на дворе. Ее пронзительный голос слышался изо всех углов сразу, тяжеленная связка ключей брнчала за поясом, она одновременно покрикивала на возчиков, бранилась с затрапезной девкой, — словом, действовала с несокрушимой преданностью своему занятию. Отец и вся наша семья проездом в большие города неизменно пользовались ее гостеприимством. Меня, как своего гостя, вели на половину самой Кузьминишны, где подавался самовар и к нему «нивесть что», как выражался в этих случаях Гоголь. Как курьез сообщу, что в номерах Сахаровой курить не разрешали. Курящего немедленно изгоняли, кто бы он ни был.

Светелка наверху, где происходило чаепитие, сияла дивными красками старых икон, на стенах висели пучки целебной травы, тяжелые скамейки вместо стульев, маленькие иконы — все другой мир. За самоваром я узнавал все уездные новости — кто женился, кто умер, кто уехал — сплетни, анекдоты, рассказы про старое житье, — так часа на полтора. Слова «бесы» и «бестии» слышались непрерывно. Этими бытовавшими в Клинцах, так сказать, «терминами» честили обычно чиновников и полицейских. Кузьминишна, как старообрядка, хранительница старых вольностей, не любила ни тех, ни других. Наслушавшись и накушавшись, я, сопровождаемый охами, вздохами, поклонами и пожеланиями, отправлялся дальше, усаживаясь в допотопный тарантас, который обычно ожидал меня, как говорили на постоялом дворе, «с накануне». Этот тарантас и сидевший на облучке Гаврила, старый отцовский ямщик, имеют свою историю. С самого раннего детства я слышал, «что папа уехал с Гаврилой». При этих словах у матери обычно делалось благополучное лицо. Гав-

рила был неизменный друг семьи, всегда готовый со своей тройкой везти ее хоть на край света. Это был старый настоящий ямщик, понимавший жизнь только с лошадьми и только в дороге. Все дороги, все объезды, все переезды он знал, как свои пять пальцев. Пожалуй, не хуже Кузьминишны он знал и историю уезда. Сколько свадеб «увозом», где его тройка всегда была готова, сколько трагедий прошло перед его глазами.

Вот почему, узнав, что за мной приехал Гаврила, я радовался, предвкушая совершенно особое удовольствие. Никто не рассказывал мне столько историй настоящих и фантастических, как он. И на каком языке велся этот рассказ! Полном поговорок, прибауток, слов и словечек, за которые верно дорого бы дал Даль или Мельников-Печерский.

Первые десять верст едем быстро, хорошей рысью, минуя скучные места, но вон за тем перелеском свернем налево, и сразу с нескольких сторон обстанут лесные дивы. Сосны, закрывающие свет, и то дикое, родное и страшное, что всегда таится в лесу. В лесу Гаврила начинает рассказывать совсем особые истории. Как только мы миновали Мизиричи с остатками сгоревшей фабрики, он тотчас завел речь о пожарах и вспомнил бабушку Федосью, заговаривавшую огонь. Горела деревня, подожженная молнией, бабушка Федосья провела прутом по стене горевшего амбара, и огонь, дойдя до указанной ему черты, остановился. Я слушал обо всех этих чудесах, вспоминая «мифотворчество», производившееся в московских салонах, и от души жалел, что там не было нашего Гаврилы. Между тем дорога становилась все труднее и труднее. Тарантас кренился набок, попадая из одной ухабины в другую, и когда мы выехали на гать, езда уподобилась плаванью по бурному морю. Гаврила поневоле замолкал, занявшись лошадьми, а я бездумно смотрел на дикие заросли папоротника и волчьи ягоды, со всех сторон обступавшие дорогу. Здесь все было таким же, как в X веке, когда радимичи и древляне сходились в жестоких сечах, а деревня, что стояла в конце гати, прямо у болота, надо думать, мало отличалась от становищ лесных людей. Вот тут-то и была «нищая Россия». В деревне мы поили лошадей. Колодец с длинным журавлем стоял посреди крупнейшей лужи. Я лишь смотрел, сидя в тарантасе, как лошади пили, мерно подымая бока, как вода капала с отвислой губы пристяжной. Босоногие ребята издали исподлобья смотрели на нас. Я был для них так же непонятен, как все окружающее для меня. С этого началась русская трагедия.

Но вот лошади напоены, нехотя они вытаскивают тяжелый тарантас, и мы то рысью, то шагом едем дальше среди полей,

болот, лугов, лесов. Изредка попадаются лохматые деревни с лохматыми мужиками, и надо всем стоит какой-то зачарованный сон. Откуда-то издалека набегают валдайский колокольчик и, вслушиваясь в его «малиновый звон», я вспоминаю один зимний вечер.

Мне лет шесть или семь. В сумерки я прокрадываюсь к желтому шкафу, где в углу стоит валдайский колокольчик, с которым раньше ездил отец. Я потихоньку вынимаю его и начинаю позванивать. Сначала тихо, прислушиваясь к его голосу, потом громче, громче. И вот уже в доме бегут, о чем-то спрашивают, перебивая друг друга, и, наконец, за шкафом находят меня. Я невыразимо любил этот колокольчик. До сих пор я помню его серебряное пение. Мать рассказывала: «Когда тебя еще не было (я знал, что было такое время, и это всегда меня удивляло), папа ездил с этим колокольчиком. Собаки слышали его за две версты и неслись навстречу. Паша, бывало, сейчас же ставит самовар. Я ее спрашиваю, ты зачем это, и она отвечает: "барин едет, собаки встречать побежали"».

Рассказ этот звучал для меня несказанной музыкой. Я знал и об этих собаках. То были два огромных волкодава, охранявших усадьбу. Так вот, навстречу плыл серебряный звон. В тележке сидела простоволосая баба и лихо управляла парой бешеных вороних жеребцов. — Федотовские, — сказал Гаврила, — и куда ее черт понес, — затем, подумав, заметил: — На ярмарку, верно, завтра в Ветке ярмарка. — Бабу эту знал весь уезд. Ее можно было встретить на всех ярмарках, она ругалась, а иногда и дралась с цыганами, покупала и продавала лошадей, ходила всегда простоволосая, в короткой юбке и сапогах и говорила трубным басом.

Прислушиваясь к затихавшему колокольчику, я постепенно, разморенный дорогой, начал дремать. Очнулся от какого-то толчка и, открыв глаза, увидел, что мы стоим в чистом поле. Слева возвышался песчаный бугор с единственной полуиссохшей березой. Гаврила озабоченно возился возле лошадей. — Постромка оборвалась, — сказал он, увидев, что я вылезая из тарантаса. — Место такое, всегда что-нибудь приключится. — И он показал кнутовищем на березу. Тогда я подошел к дереву и стал внимательно разглядывать его. Береза была действительно пречудная, все ее ветви были судорожно скручены, как будто в несказанной муке, а самый ствол, покрытый какой-то ноздреватой корой, напоминал царство мертвых. «Верно, в аду растут такие деревья», — подумал я, садясь в тарантас. Постромку приладили и потащились дальше по сыпучим пескам.

— Тут и был случай с Оловянниковым, — начал Гаврила. — Купец такой был. Лавки держал с красным товаром на базаре в Клинцах. Едет он, значит, с ярмарки, оборот там сделал, какой ему следовало. Мошну набил, едет и думает, кого бы еще объегорить. А навстречу ему, из-за этой самой березы, — старичок. Махонький такой, глаза пронзительные, черные. Поравнялся с купцом, лошади сразу и остановились. Купец осерчал. «Ты, говорит, дьявол, чего колдуешь?» А старичок тихо так засмеялся и отвечает: — Едешь ты, купец, и не знаешь, что и дом твой сгорел, и жена твоя сгорела, и имущества вся твоя пропала. — Сказал — и как сквозь землю провалился. Дивное дело, все у него, как сказал старичок, действительно в одночасье сгорело. Удавился после того этот самый Оловянников.

Я слушал и думал. Я догадывался, что весь этот рассказ — легенда. Но как же иначе народ мог выразить свое темное чутье рока или нравственного миропорядка? Вот едет человек, думает о своем достатке и о том, как бы еще нажиться. А у него уже нет ни дома, ни жены. Но что это? Острая стальная полоса мелькнула сквозь деревья, повеяло прохладой, лошади рванули и понеслись к реке.

Я проснулся ночью и открыл окна в сад. Звезды, казалось, застревали в ветвях деревьев. Где-то кричала ночная птица. Какая тишина! Каждый звук словно приходил из другого мира. Мысль о том, что я дома, не оставляла меня и во сне. Остальных мыслей я не мог собрать — они растекались во всех направлениях, цеплялись за куст старой сирени, забегали в соседнюю комнату, останавливались на старых картинах, я думал обо всем сразу: о детстве, о недавнем прошлом, о нашем доме — и не мог собрать воедино этих полумыслей, почувств, я только ощущал, что они переполняют меня всего. Потом я погрузился в блаженное оцепенение. Густой одуряющий аромат лился в окно — каприфолый оцеплял весь балкон и забор, выходящий на улицу. Жасмин огромными кустами рос на каждом шагу. Сирень уже отцвела. Где-то под другим небом лились такие же ароматы¹. Арабы в Дамаске, мавры в Альгамбре упивались ими так же, как я сейчас. Я был вне власти времени, я мог перенестись в любую волшебную страну. Мне кажется, чувственное удовольствие высокого стиля неизбежно включает в себе нечто духовное. Особенно запахи цветов. Они заставляют мечтать, они создают какую-то сновидческую и опасную грезу. Они переносят в первозданный

рай, ибо цветы и их аромат, быть может, самое лучшее, что могла создать земля. Именно потому, что они выражают потребность в наслаждении самом высоком, самом утонченном. Это творческий избыток бытия, его творческая роскошь. Блаженство, претворенное в аромат. И я вдыхал эти ароматы, как будто ощущая их в первый раз.

Но вот какой-то неясный свет затрепетал в вершинах деревьев, защелбегали птицы, начиналось утро. Спать мне не хотелось. Я вылез в окно и обошел сад. Все было по-старому, все являло вид некоторой запущенности, соединенной с рачительной заботой. Запущенность придавали саду старые столетние деревья, росшие у забора, клены, ясени, рябина, грабы — огромные, ветвистые, исполненные того величия и значительности, которыми природа наделяет их. Обойдя все любимые места, я уселся на старой скамье, и тут мои мысли неожиданно приняли особый оборот. Я представил себе высокого старика в сюртуке кофейного цвета, медленно шагавшего по дорожке, опираясь на трость с золотым набалдашником. У него было злое лицо и скверные выцветшие глаза. Какая-то подозрительность и настороженность во всех движениях, в складе фигуры. Это был мой дядя Герман Васильевич. В мои дяди он попал потому, что был женат на маминной тетке. Родство более чем юмористическое, и тем не менее в саду каждый вершок был им заботливо обработан, все цветы, включая редкостный каприфолий, были засажены им. Потом, когда я стал соображать, я не мог постигнуть, как у такой черствой и невыносимой личности образовалась страсть к цветам. Он сажал их везде, все дорожки были обсажены златооками, кусты роз клонились под тяжестью своих бутонов, лилии красные и белые грациозно колебались повсюду. Осенью палисадник напоминал роскошный восточный ковер. Однако, должен сказать, я сразу понял Германа Васильевича в те хорошие для каждого юноши дни, когда в первый раз прочитал Гофмана.

Я сразу узнал его среди героев «Песочного человека» и «Житейской философии кота Мурра»². По своему званию он числился отставным учителем французского языка, хотя лучше всего говорил по-немецки. Приехав неведомо откуда преподавателем в Суражскую гимназию и купив за бесценок у какого-то забулдыги кусок земли, он превратил его в эдем. Однако русская стихия победила его аккуратность: дикie деревья продолжали расти и размножаться, сорные травы у заборов не желали исчезать, — он боролся с ними и засадил свои рубежи малиной, шиповником, боярышником, и тем не менее крапива победоносно разрасталась среди них. Так сложилось некое причудливое целое, где все было

перемешано вместе. Но Герману Васильевичу этого было мало. Под деревьями он расположил скамейки и качели. Под ясенем пе-рекидные, на большой дорожке — подкидные. На лужайке — дет-скую карусель. Все скамейки и качели были окрашены в разные цвета — зеленый, красный, коричневый. Дом, который стоял тог-да на месте нынешнего, был тесен и сумрачен и внутри был окле-ен бумажками, даже, кажется, полы были оклеены бумагой. На всех лестницах, особенно на лесенке, которая вела на вышку, бы-ли прибиты олени рога. В маленьких комнатках были размещены вещи, поражавшие своей загадочностью. Преобладающий цвет внутри дома — кофейный. В большом кресле Герман Васильевич, в шюртке кофейного цвета, не выпуская из рук огромного чубу-ка, беседовал со своими посетителями на трех языках: скверном французском, отличном немецком и ломаном русском. Беседы его были поучительны, хотя и односторонни. Они преимущест-венно касались здоровья и качеств прислуги. В обоих вопросах Г.В. был вполне компетентен. Иногда, впрочем, затрагивались вопросы внутренней и внешней политики — по этим вопросам Г.В. всегда выражал недовольство.

К обеду подавались диковинные блюда: суп из ревеня или земляной груши, произраставших в саду, жареные воробьи и го-луби, телятина под сладким соусом и рыба под кислым, на тре-тье — вафли с корицей, пудинги и шарлотки, облитые кофейной жижей, и т.п. яства. Изготавливались лекарства, декокты, чудови-щные пластыри, настойки из трав.

Переходя к остальному, необходимо упомянуть конюшню. На конюшне помещалась белая дряхлая лошадь. Ее обязанно-стью было возить воду и своего господина на прогулки. Я застал ее уже в древнем возрасте. Описать экипаж я не берусь. Неискус-ное перо мое в этом случае бессильно. Это был какой-то кузовок, поставленный на дрожки и окрашенный самым уморительным подбором красок. Одна часть была зеленая, другая желтая, тре-тья коричневая. Он весь дребезжал и ездить на нем, по-моему, могли только привидения. Тем не менее, почти каждый день ве-чером ворота раскрывались и экипаж, запряженный прямым по-томком Россинанта, со стоном, скрипом и дребезжанием выезжал на прогулку. В экипаже сидел дядя в крылатке, особой крошеч-ной фуражке, с огромным козырьком, и кнутиком в руке. Очень длинное кнутовище и крошечный ремень. Был еще сеттер Бель, которого Г.В., во-первых, выхолостил и, во-вторых, научил тан-цевать. В свободное время, то есть почти всегда, этот чародей выделял крошечные сани, колясочки, бирюльки, ящички, окле-ивал их разноцветными бумажками и дарил детям. Это, кажется,

было единственным проявлением его чувств или того, что осталось от них. Я никогда не воспринимал его как реальное существо и всегда испытывал глубочайшее удивление при встречах с ним.

Так вот, его дом был соседним с нашим и потом по завещанию перешел к матери. Его сломали и выстроили новый. Качели, скамейки, карусель постепенно разрушались и оттаскивались на кухню к печи. Деревья разрослись еще пышнее. Цветы остались, мать любила их не меньше Г.В. и постоянно и весной, и летом, и осенью занималась ими. Пройдя еще по саду, по его большой дорожке, разрезавшей его надвое, я остановился у забора. Если перелезть через забор — начинались поля. Тяжелый запах конопли или табаку, особенно конопли, подымавшейся в человеческий рост, шел отсюда. Мне всегда было радостно думать, что сразу за нашим садом начинаются просторы на сотни верст. Там был закат, но вечером полыхали зарницы. За версту, за две начиналась рожь. Когда я жил дома или бывал там наездом, я всегда весной ходил смотреть, как сеют рожь. С детства мне привили уважение к крестьянскому труду. Микула Селянинович, повязав на шею лукошко с семенами, широко крестился и властными движениями хозяина и господина бросал в распаханную землю зерна ржи. Он шел медленно и тяжело, с трудом вытаскивая лапти из влажной набухшей земли. У брошенной бороны скучала сивая кобыла, возле нее тоненько ржал жеребенок. Совершалось важное простое дело, от века завещанное древними богами человеку. Так было тысячу лет тому назад, и в этой глубокой старине обряда чувствовалось нечто знаменательное, святое и нерушимое навеки.

Микулы Селяниновичи иногда приходили к нам на кухню по разным делам. Барской жизни они не уважали, считали ее несправедливой и неправильной, но привыкли к ней. — Отсеялись, слава Богу, — говорил благообразный Фрол, — какой-то урожай Господь пошлет. — Иногда к этому прибавлялись приметы дождей и засухи. Урожай, конечно, было дело важное, но для меня гораздо важнее было то, что происходило летом во ржи. Как наплывала тень на спелые колосья, как ветер перегонял ее с одной стороны на другую — как они зыблились, переливаясь темным золотом до самого горизонта. Глубокая торжественная тишина стояла над полями. Это была Россия. Но издали уже слышались тяжелые шаги рока, сжигавшего народы в огненной купели и топившего их в точиле ярости Господней. Наступил канун первой мировой войны. Был год 1913.

Итак, я расположился провести лето в саду за книгами, намереваясь по дороге закружить в некоторую систему все, что происходило в истекшие годы. Но странная случайность повернула руль моей утлой лодки в другую сторону. Однажды утром, когда мы с матерью мирно беседовали о маленьких происшествиях в нашем богоспасаемом граде, вошел отец и обратился прямо ко мне.

— Сейчас, — сказал он, — я встретил Ивана Ивановича, он просит тебя позаняться с его сыном летом. Но придется ехать к ним в имение. Условия хорошие.

Здесь отец сделал паузу и сбоку посмотрел на меня. Я, в свою очередь, посмотрел на него и заметил, что он сильно постарел. Мне сразу стало стыдно за мою привольную жизнь, посвященную высоким материям, и я немедленно согласился. Иван Иванович Листовский был сын Ивана Степановича Листовского, крупного помещика нашей губернии. Помню, в детстве я слышал много рассказов о нем. Иногда сам Иван Степанович приходил к отцу, когда проездом бывал в нашем городе. Опираясь на казачка, он тихо входил в гостиную. Над глазами на лбу зеленый козырек, в одной руке трость, другая на плече казачка. Старичок, худенький, едва передвигавший ноги, с трудом усаживался и немедленно начинал о чем-нибудь рассказывать, мешая французскую и русскую речь: «Петербург, князь Григорий, министром... Ведь я его знал, ничего своего, помещан на Западе, России не знает и не понимает», улавливал я отрывки каких-то непонятных и очень интересных сообщений. И по тому, как его слушали и были с ним почтительны, я понимал, что худенький старичок — лицо уважаемое и важное. Я не все знал о нем, но жизненный путь его был не лишен занимательности. Он служил и на государственной службе и по выборам, жывал и в Петербурге и в Москве, был другом Бартенева, сотрудничал в «Русском Архиве», где напечатал несколько биографий и исторических анекдотов.

В целом это была какая-то смесь охранительных начал царствования Александра III в соединении с весьма развратной жизнью светского жуира, которая и довела его до зеленого козырька и неспособности двигаться самостоятельно. Фигура во вкусе Лентьева. Преданный православию и самодержавию, он долго чудил и, наконец, успокоился в своем имении, где нечувствительно перешел к креслу на колесиках, а от кресла на колесиках — к гробу. Анекдотом в его жизни было то, что он в свое время женился на девушке, происходившей по женской линии от известного екатерининского фаворита, графа П.В. Завадовского. Родовитые дворяне, вспоминая этот эпизод из жизни Ивана Степановича,

смеялись, называя Завадовского не иначе, как постельным графом, но сам Иван Степанович имел об этом другое понятие. Ему казалось, что отблеск трона великой императрицы упал и на него — отсюда «noblesse oblige».

О Завадовском я слышал много в детстве и мог воочию с раннего возраста созерцать руины его великолепного дворца Ляличи, находившегося в 16 верстах от Суража. Бывало, если в летний солнечный день поднимаешься на вышку с оленьими рогами в доме Г.В., то простым глазом увидишь очертания огромного здания, похожего на мираж в солнечной дымке. Это и было то, что осталось от Ляличей. Мы часто ездили в Ляличи. Дорога к ним среди столетних плакучих берез, прямая, как стрела, сначала в гору, среди полей, лугов и рощ, полных птичьего щебета, была полна своеобразного очарования. Выезжали утром — возвращались ночью. День проводили в парке, примыкавшем к дворцу. Сам дворец был построен Гваренги в обычном тогда стиле центрального корпуса с колоннами и двух крыльев. Пройдя через руки многочисленных владельцев, Ляличи вместе с имением попали в руки какого-то спекулянта, который предоставил великолепное детище Гваренги самому себе. Все, что было внутри, постепенно вывезли или разворовали, крыша провалилась, на прелестную роспись во вкусе Ватто потекли струи воды, — к началу XX века дворец был предоставлен всем стихиям. И самой страшной стихии, то есть человеческой. И тем не менее, в этом полуразрушенном дворце я проводил целые часы, отдаваясь какому-то непонятному очарованию смерти, исполненной новой загадочной жизни. В широкие окна с выбитыми стеклами на закате бурно били косые лучи солнца, освещая неожиданно ярко какую-нибудь уцелевшую фигуру жнеца или жницы, в парке пронзительно кричали иволги, иногда обрвавшийся кирпич гулко будил тишину. Бабочки танцевали в безлюдных огромных комнатах и залах беспечный танец весны и лета, сердито жужжали пчелы, природа постепенно завладевала всем. Вероятно поэтому все очарование руины, величественной и прекрасной, было так неотразимо. Рядом огромный парк, обведенный каменной стеной, довершал общую картину, ожидавшую какого-нибудь Пиранези, так и не дождавшуюся его.

Теперь парк был здесь необходим. Деревья, растущие в вакхическом беспорядке, были в какой-то дикой гармонии с этим разрушающимся зданием. Березы и клены выросли на всех балконах, под их тенью можно читать Парни или Бертена и по временам, подымая голову, скорбеть о скоротечности бытия.

Что же случилось? Род Завадовских пресекся в первой половине XIX века. Дочери вышли замуж, один из сыновей — совре-

менник Пушкина — известен только по делу танцовщицы Истоминой. Кажется, Пушкин хотел его изобразить в своем несостоявшемся «Пельгаме». Во время опалы при Павле I Завадовский удался в Ляличи. Существует предание, что первый этаж дворца в одну ночь был засыпан лопатами крепостных мужиков. Кто-то сообщил Павлу, что дворец Завадовских на один этаж выше Михайловского дворца. Во избежание последствий граф велел укоротить на голову свой замок. Сам он, по-видимому, был одним из тех талантливых счастливцев, которые умели находить дорогу к сильным мира сего. Получив образование в иезуитском коллегииуме в Орше, граф сохранил любовь к Горацию. В его письмах встречаются цитаты из этого поэта, который также знал превратности судьбы. Фигура характерная и цельная для своей эпохи. Создав из Ляличей своеобразный элизиум, Завадовский умер, вероятно, не предполагая, что потомки окажутся ниже его по своим способностям.

Вспоминая о Ляличах, необходимо упомянуть о церкви во имя великомученицы св.Екатерины, построенной тем же Завадовским. Благодаря неприкосновенности святого места она сохранила все иконы и росписи, сделанные итальянскими мастерами XVIII века, которых, очевидно, привез с собой Гваренги. Там ангелы похожи на пухленьких улыбающихся амуров. Богородица написана с жены Завадовского, графини Апраксиной, все это в порядке вещей. Я помню какое-то смутное впечатление чего-то светского, глубоко неправославного, оставшееся в моей памяти после неоднократных посещений этой церкви.

Иван Степанович был женат на внучке графа Завадовского — источник гордости и чванства для его потомков. К одному из них я и ехал теперь обучать его недоросля, ухитрившегося получить перекзаменовку по русскому языку и закону божьему. Последнее обстоятельство в известном смысле характеризовало моего ученика, оказавшегося изумительным лодырем. Полтора месяца, проведенные в этом имении, оказались для меня потерянными временем. Никогда я не видел столь безалаберного образа жизни, который невольно вовлекал в свою орбиту каждого, кто входил в нее. Быть может, Иван Иванович представлял некоторый интерес, как тип деградирующего дворянина, сохранившего дворянскую гордость и в то же время легко разменивавшего ее на мелкие страстишки окружавшей его чиновничьей и мелкопоместной среды. Самое несносное, конечно, было в этой фигуре красивого и сильного человека, в общем напоминавшего каких-то толстовских героев, смешение двух стилей: одного наследственного, в известном смысле аристократического, и весьма совре-

менно-уездного, то есть ленивого и равнодушного обывателя, любителя провинциальных анекдотов, за обедом — водки и после ужина — домашней настойки.

Остатки прежней роскоши, конечно, удержались прежде всего в маленькой гостиной, где стояли диванчик и два кресла эпохи Людовика XVI, вывезенные из Версаля во время революции. Таково было предание, — вещицы были действительно прелестные, но я думаю, что если они и находились в Версале, то не дальше какой-нибудь прихожей или маленькой гостиной. Над диванчиком висел старинный женский портрет, характерный и сильный, — это была одна из Разумовских, имевшая какое-то отношение к Завадовскому. Все эти обломки старины в современном вполне заурядном доме производили странное впечатление. Уже чувствовалось, что эпоха умирает и ее последние представители не способны удержать то, что осталось от прежнего.

Любопытнее был брат Ивана Ивановича — Сергей Иванович, по прозвищу «замечательный». Сергей Иванович был толстовец. После смерти отца он отдал доставшуюся ему землю, несколько тысяч десятин земли, крестьянам, за что и получил прозвище «замечательного». Это был высокий, молчаливый, какой-то деревянный человек, появившийся здесь, на хуторе, редко.

Согласно праведному толстовскому канону, он женился на крестьянке и хозяйничал на небольшом участке земли. В нем было что-то странное и загадочное, но эта загадочность скорее походила на какую-то форму психопатии.

Другой сын Ивана Степановича был раз навсегда вычеркнут из семьи, так как попал на каторгу за изнасилование какой-то девицы. Здесь начиналась тема, которую можно было найти в каждом дворянском семействе, если покопаться в его архивах.

Уезжая оттуда, я по дороге думал о грядущей Немезиде, очень простой и обыкновенной. История никогда не ошибается, подводя итог. Он математически безошибочен. И я видел этот итог. В 1920-м г., когда я жил в Сураже в должности провинциального учителя, Отдел народного образования командировал меня в Ущерпье, имение старика Листовского. Цель командировки была фантастична — разыскать письмо Толстого к Сергею Ивановичу Листовскому. Ущерпье — великолепное имение со старым барским домиком, где хранились действительно ценные вещи, — находилось в пяти верстах от имения Ивана Ивановича. Приехав туда и войдя в барский дом, я увидел выбитые окна, вырванные двери и разломанные печи. Не удивившись ни первому, ни второму, я заинтересовался судьбой печей. Оказалось,

что местные крестьяне, с инициативой, возникающей в некоторые эпохи, искали в этих печах скрытого там, по их мнению, золота.

Затем меня заинтересовала комната с окном, вырубленным в другую комнату, напоминавшую по своему устройству церковь. Оказалось, что это действительно была домовая церковь. А окно? Окно было сделано для того, чтобы слушать литургию сидя. Сначала не могла двигаться супруга Ивана Степановича, доведенная, кажется, до паралича, а затем и он сам. В парке один из старожиллов в холщевых штанах и лаптях с удовольствием мне рассказывал: «привезут этта значит его в кресле на колесиках, разинит он рот, як птушка, а лакей ему туды кашки положит». Это об Иване Степановиче. — Ну, а дом вы зачем так изукрасили, — спросил я, — ведь тут школу или больницу можно было устроить. — «Для того поломали, — раздался рядом молодой крепкий голос, — чтоб от этого змеинного гнезда ничего не осталось». Я оглянулся. Сзади меня стоял молодой человек в полувоенной форме. При его помощи я обследовал все, что можно было, но разумеется, никаких писем Толстого не нашел.

Судьба семейства Листовских после революции темна и мало достоверна. Что их смел ее вихрь, — в этом нет никакого сомнения. Слухи и сплетни по этому поводу не стоит передавать. Таково было мое близкое знакомство с одним из дворянских родов нашего уезда. Нового это знакомство дало мне немного. Все и даже больше я знал по прежним наблюдениям. Я уехал от них с чувством большого облегчения.

Осенью 1913 г., вернувшись из родительского дома в Сураже в Москву, я поселился в «Брянских мебелированных комнатах». Могу сказать, кто не живал в мебелированных комнатах, тот не знает всей прелести жизни. В этом учреждении былых времен было странное соединение отдельных признаков самого различного стиля. Нечто от семейственности, кое-что от публичного дома, кое-что от лакейской хорошего тона и кое-что от богемы. «Брянские комнаты», где я бывал раньше у моего приятеля, впрочем, имели репутацию, исключавшую всякий намек на распущенность. Гости удалялись в 12 ночи, оставлять на ночь кого бы то ни было не разрешалось. Отличный обед стоил 60 коп. Клещи периодически истреблялись. Я зажил с полным сознанием самостоятельности. Не знаю, стоит ли вспоминать первый год пре-

подавания. Думаю, что нет. Я, конечно, наделал множество ошибок, не зная, как взяться за дело, тем более в такой избалованной гимназии, как Потоцкой, в частности, гордившейся своей, на самом деле мнимой, независимостью от учебного округа. От этой независимости страдали и учащие и учащиеся, при этом в конце концов все равно пришлось уступить и просить о так называемых «правах». Рассказ обо всем этом, в известном смысле интересный, пока не входит в мои задачи.

Тотчас по приезде в Москву я отправился на Волхонку, где неожиданно застал Бориса, собиравшегося на поезд. Немедленно мы отправились вместе на Курский вокзал и часа через два прибыли в Молоди, где семейство Пастернаков занимало старый барский дом, комнат в восемь или двенадцать. Эта была старая усадьба со всеми прелестями барского житья, то есть прудом, садом, лесом и т.п.³ Я слушал стихи и рассказывал анекдоты о своем летнем пребывании у Листовских. Время проходило в бездельи и веселой болтовне, причем неожиданно Леонид Осипович дал нам урок незабываемого в искусстве. Шура, второй сын, собирался поступить в художественное училище и готовился к экзамену по рисунку. Поэтому он рисовал портреты всех приезжавших к ним, в том числе и меня. В общем, я был срисован недурно, но чего-то не хватало. Леонид Осипович подошел, посмотрел, сделал два или три движения карандашом, и лицо вдруг ожило, «я» стал «я»⁴. С Борей мы, конечно, разговаривали о нашей практической деятельности. Если я, неожиданно занявшись преподаванием, сохранил эту профессию на всю жизнь, то, к счастью, с ним не случилось такой беды, хотя пришлось пожить в роли воспитателя в одном буржуазном доме⁵. Возникал, однако, серьезный вопрос, что делать со стихами, которых накопилось довольно много. В общем, мы оба оказались в роли бальзаковских героев, то есть должны были завоевывать будущее. Для человека с литературными данными открывалось несколько путей, и каждый из них был тернист. Самым тернистым в эту эпоху был путь поэта. За предыдущие годы, во время символизма, что бы там ни говорили, было создано очень много. Ряд блестящих имен, ряд достижений. Чтобы обратить на себя внимание стихами, нужны были очень большие данные. Начали выдвигаться молодые талантливые поэты, появились Ахматова, Гумилев, шумели футуристы, имя Маяковского произносилось не только со смехом. Друг Евгения Ивановича, Муни⁶, читал нам обоим маленькую книжку, называвшуюся «Четки»⁷ и восхищался строчкой «рукой, рассеянно крестящей». Евгений Иванович откуда-то достал «Путь конкистадоров» и, в свою очередь, цитировал оттуда:

Но зачем победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц.⁸

Ритмически эти строки великолепны, чувствовалась школа Теофила Готье, эстеты всех толков встретили и Гумилева и Ахматову восторженными воплями. Что касается Маяковского, то его можно было любить или не любить, но ясно — это был поэт со своим стилем. На этом фоне стихи Пастернака могли казаться «несделанными», но, что еще хуже, недоступными. Вот почему горькое раздумье все чаще овладевало им, и, какое счастье, все же он не поддался бившим в него извне волнам неприязни или мудрым советам отца серьезно подумать о профессии. Размышляя обо всем этом, было естественно вспомнить изд-во «Лирику», прямая цель которой и заключалась в издании, совершенно самостоятельном и независимом от чьих-то оценок. В начале сентября семейство Анисимовых прибыло в Москву, но, Боже, с каким грузом и в каком виде. Привезли полупарализованную мать В.О., требовавшую особого ухода, пьяницу дядюшку, который ухитрился за год прокутить половину состояния, оставленного отцом В.О., — мрак и ханжеские настроения возникли на этой веселой квартире, которую, впрочем, пришлось переменить на другую. Конечно, скоро толпа друзей придала этому мрачному житью прежние черты, но все же бывшая беззаботность исчезла. В углах начали скопляться какие-то тени, и они впоследствии оформились в занятия антропософией, которым начала предаваться В.О. Собрания книгоиздательства «Лирика» скоро начали походить на секту, и Бобров стал поговаривать о необходимости изменить положение вещей. Тем не менее решено было готовить к печати ряд изданий и в первую очередь книги Пастернака и Асева. За этим занятием и за этой возней протекали осень и часть зимы, примерно до Нового года. В этот период у меня было достаточно своих дел, и я реже бывал у Анисимовых. Но судьба снова повела меня по одному пути с Е.И., тем более, что мы теперь оба преподавали в одних и тех же гимназиях. Уже в прошлом году, когда я обосновался на Молчановке, он в известном смысле поразил меня известием о своей женитьбе, которая как будто не вязалась с тем, что я знал о поездке в Италию, где, надо полагать, у него была какая-то сильная привязанность. Но длительная разлука не проходит безнаказанно. Там ли его забыли, или он успел забыть, — не знаю, но во всяком случае, весной 14-го года передо мной стоял Е.И., немного сконфуженный своей

новой ролью счастливого супруга. Обо всем этом я пишу, потому что это событие определило новый путь моего друга и некоторые изменения в его легкой философии жизни. Дело произошло следующим образом. На Новинском бульваре, в старом особняке, в ту далекую пору помещалась женская гимназия С.П. Даль. Е.И. как-то случайно взял там несколько часов, познакомился с семейством Даль и примерно через год женился на дочери С.П. Даль. Девушка была тоненькая, изящная, аристократического типа и, верно, пленила моего друга этими качествами. С.П. Даль была супруга известного в Москве доктора-гипнотизера Даля. Это был лысый плотный человек, с энергичным лицом, большой любитель музыки и прекрасного пола. К его бесспорным заслугам принадлежит излечение Рахманинова от пьянства; вероятно, из чувства благодарности композитор и посвятил ему свой второй концерт. Как говорили, д-ру Дально удалось убедить Рахманинова в том, что водка — это керосин. Таким простым способом он спас для мира его музыкальное дарование. Но это между прочим. В гимназии Даль Е.И. достал несколько уроков и для меня. Все это любопытно как переход от богемно-декадентской жизни к самостоятельности. Я размышлял об этом часто, возвращаясь домой, и находил, что мы оба бесспорно что-то потеряли и должны вместо потерянного найти нечто новое в том образе жизни, который следовало отыскать.

Мне лично этот образ жизни пока не давался, но Е.И. казалось, что вступил на новый и общепринятый путь, он приобретает большую привязанность к жизни и систематизирует свои замыслы. И вот я у него на квартире, в большом доме на Козихинском переулке, неподалеку от церкви св.Ермолая, ныне не существующей. Какие милые студенческие места: здесь, в Ермолаевском тупике, «Латинские меблированные комнаты», здесь же Малая Бронная с ее знаменитыми «Гиршами», здесь же Патриаршие пруды. Ветер несет снежные вихри в зимние вечера, и в этом вихре еще поет какая-то музыка наших сред в Глинишевском переулке, какое-то тревожное зарево мерцает в просвете неба, если поднять голову и взглянуть кругом... Квартира Е.И., впрочем, была самая обыкновенная, хотя со всем комфортом, входившим тогда в обиход московской жизни. Но в этой квартире был кабинет, помещавшийся в башне, шестиугольной комнате, выходившей в два переулках, и этот кабинет был нашим пристанищем на ряд лет, пристанищем духовным, ибо сюда переехала библиотека из Минска и была размещена на синих полках, доходивших до самого потолка. На стене висела картина Ульянова «Маскарад». В толпе масок где-то мелькала смерть, которую

сразу можно было угадать по ее «атрибутам». В том, что именно этот «Маскарад» Е.И. повесил в своем кабинете, чувствовался настоящий вкус и настоящая преданность мысли. Мудрец всегда помнит о таинственной гостье, которая неожиданно может постучать к нему в двери... И так, все здесь было готово для пиршества мысли, и вместе с тем именно этот спокойный и красивый уют представлял немалую опасность. Скрываясь от бурь жизни и отгородившись от них установленными традиционными средствами спасения, можно мало-помалу поддаться соблазну успокоения и потерять ту способность блуждать по бурным морям, которая составляет суть жизни духовно одаренного человека. Не поэтому ли брак часто оказывается непрочным, библиотеки продаются, красиво обставленные квартиры превращаются в место скуки и наказания? Если даже оставить в стороне все эти соображения, то у каждой эпохи достаточно своих собственных способов, чтобы привести человека к духовной нетребовательности и в известном смысле — повиновению. В известном смысле так и случилось. Прежние наши среды заменились вечерами, на которых присутствовали самые разнообразные молодые люди, барышни, старые знакомые семейства Даль и т.п. Разговаривать на высокие темы здесь не приходилось. Мы разговаривали о них по-прежнему вдвоем. Иногда Е.И. поглядывал на маленькую изящную статуэтку танцовщицы, стоявшую на столе. Это был символ свободы. О чем же мы разговаривали? Все о том же, но только в новых вариантах. Был какой-то пункт, где философия и поэзия в своем скрепении требовали новых средств. В эту эпоху модными были философии Бергсона и Когена, затем возник интерес к Фрейдю, которого начали переводить и издавать приблизительно в это время. Ни Бергсон, ни Коген до конца нас интересовали не могли, по очень простой причине. Открытия и анализы Бергсона отличались всей прелестью смелой мысли, которая не боится запретов пресловутой теории незнания. И тем не менее его анализ сознания, распавшегося на сознание и интуицию, оставлял нерешенной проблему личности, как ни старался Бергсон свести дело к ней. Коген, по уши увязший в кантовской методологии, вообще отвергал всякие проблемы, от которых хоть чуть-чуть отдавало психологизмом. Но Фрейд первоначально нас очень заинтересовал. Помню, Е.И. делал мне специальный доклад, длившийся часа полтора, где он исчерпывающим образом обнаружил его сильные и слабые стороны. Мы оба пришли к заключению, что теоретически Фрейд не обосновал своих положений, кроме того, его возня с замысловатыми сексуальными переживаниями нам обоим внушала непреодолимое отвращение. Между тем, как и сле-

довало ожидать, именно последнее и привлекло к Фрейду кучу любителей и аналитиков, вероятно, удовлетворявших в его изучении собственные запретные сексуальные мотивы. Тем не менее Фрейд был явлением значительным и характерным для конца эпохи.

Он довел до предела то, что было заложено в материализме и натурализме последней половины столетия. Разложив человека по его скрытым мотивам и установив их неизменное происхождение, подчеркнув крайнюю запутанность нашей душевной жизни, которая, как оказалось, создает символы вытеснения сексуального безумия, Фрейд окончательно развенчал Homo Sapiens'a. Поговорив о Фрейде и высказав его, мы отложили попечение, ибо, как оказалось, нам с ним делать было нечего. Гораздо значительнее были занятия русской литературой, которую нам пришлось специально изучать, хотя бы в видах педагогических. Правда, педагогика не требовала слишком большого углубления в темы Тютчева или Фета, но так как это было близко нам обоим, то мы уже несколько по-другому, чем раньше, занялись комментированием поэтов, и тут оказалось, что все дороги ведут к Пушкину. Е.И. постепенно стал пушкинистом. Он изучил его вдоль и поперек и очень удачно проанализировал ряд отдельных стихотворений, в частности «Для берегов отчизны дальней». Это стихотворение по каким-то причинам глубоко затрагивало его, и, сделав ритмический и фонетический анализ, он установил соответствие темы и выражения.

В 16-м году в башне организовался пушкинский кружок, существовавший довольно долго. А что же происходило в области мысли за стенами этой «башни из слоновой кости»? За стенами происходили так называемые искания философские и религиозные. Первые закончились разногласиями среди представителей академической философии, которых нельзя было объединить ничьим именем, вторые продолжались в стиле, так сказать, «по-пурри» из остатков прежнего славянофильства, собственных домыслов и невообразимой мешанины разных систем и настроений. Центром и средоточием всей этой неразберихи стало Религиозно-философское общество имени Вл. Соловьева. Оно обычно собиралось в особняке Морозовой в Мертвом переулке.

Маргарита Кирилловна была великолепная дама, безусловно приятная во всех отношениях. Войдя в купеческую династию Морозовых, она стала покровительницей наук и искусств, и ее особняк был обставлен с некоторыми аристократическими замашками хорошего тона. В зале, где собиралось общество, висела драгоценная жемчужина Врубеля — «Фауст и Маргарита». Обыч-

но, бывая на заседаниях, я не отрывал от нее глаз. Это было какое-то пенящееся кружево, восхитительное соединение кошмара и мечты. Под этой картиной помешался стол президиума. Рачинский, председатель общества, сидел за стол, приобретая подобающую случаю важность. Он становился почти государственным человеком. В перерывах седой Гриша мог рассказывать анекдот и превратить любую философею в занимательное повествование о делах минувших. Впрочем, иногда он приходил в состояние страшного возбуждения. Подозревалось предшествующее заседанию потребление коньяку. Обычно делали доклады и выступали в прениях одни и те же лица. Булгаков, Бердяев, Е. Трубецкой, А. Белый, иногда выступали кто-нибудь из молодых — С. Дурьлин, В. Эрн, Ф. Степун.

Каждое из этих лиц имеет свою биографию и свою историю. Может быть, ее следует писать, сопровождая текст примечаниями в стиле гоголевских пояснений к действующим лицам «Ревизора». К Булгакову я бы сделал примечание: «человек серьезный». Действительно, основным качеством Булгакова была серьезность. Я не знаю, смеялся ли он хоть раз в жизни. Глядя на его ординарную, хорошо упитанную физиономию, можно было сказать: «ну, этот далеко не пойдет». И тем не менее, почтенный Сергей Николаевич удивил всех, издав книгу, где политическая экономия рассматривалась с православной точки зрения⁹. Там, между прочим, сообщалось, что «еда есть приобщение к натуральной плоти мира». Основная цель Булгакова заключалась в некоторой модернизации православия, или вернее, в желании положить предел религиозно-философским увлечениям и ввести их под сень церкви. То, что он впоследствии стал священником, вполне закономерно. Если бы не революция он, по всей вероятности, совсем бы оставил так называемые искания и удовольствовался пребыванием в лоне православия. Но революция толкнула его на опасный путь осознания происходившего. Вскоре после февраля 17-го года в том же обществе я услышал его откровения. Не желая выпускать революцию из пределов религиозного мышления, С.Н. заявил: «Это красное хлыстовство. Все закружились в бешеном танце». «Красное хлыстовство» все-таки имело отношение к религии. Затем он издал, уже после Октября, книжечку диалогов. Там все надежды возлагались на теплое заступничество божьей матери. «Молясь, — сообщал Булгаков, — я понял, Россия спасена». В общем, события оказались не по его масштабу. В те вечера, когда чей-нибудь доклад варьировал православные темы, он чувствовал себя, как дома. В других случаях, когда читал, например, Белый, он становился более чем серьезным. Бердяев был

другим. Прежде всего это был профессиональный писатель, да же, пожалуй, журналист. Любивший все неожиданное, острое, он, например, написал статью о Блуа, парадоксальном французском мыслителе в стиле Барбе д'Оревильи¹⁰. Написал также статью о Леонтьеве, любил вмешиваться в любые споры. Примечание к его фамилии я не могу сделать, ибо это было бы неприлично. Дело в том, что у Бердяева была одна неприятная физиологическая особенность. Во время речи у него высовывался язык и дергался во все стороны. Язык был огромный, красный, он то прятался, то внушал присутствующим ужасные чувства. Ходил слух, что язык стал высовываться после того, как Бердяев увидел дьявола. Сам он мне (действительно) рассказывал, как однажды ночью обнаружил у себя под кроватью кучу дьяволов и, спасаясь от них, выскочил на лестницу. Отношение его к православию было сложнее, чем у Булгакова. Не решаясь порвать с ним, Бердяев все же считал своей главной целью «новое религиозное сознание». Что это было? Разного рода импровизации, иногда интересные с точки зрения чисто литературной. После революции он уехал и стал философом так называемого «персонализма». Персонализм был защитой прав индивидуальности. Так как в этом не было ничего нового, кроме развязности стиля, то говорить о персонализме, пожалуй, не стоит.

О князе Е.Трубецком я уже говорил и прибавить могу немного. У него была та счастливая особенность, что его характеристику можно исчерпать несколькими словами. Сидел он важно, с глубоким сознанием собственного достоинства. В ответ на разного рода подозрительные тонкости, князь мог бы повторить слова Сквозник-Дмухановского: «Но зато я в вере тверд и в церковь хожу». Вероятно, это было с его точки зрения самое важное. После этих лиц довольно трудно перейти к А.Белому, у которого не было никакой религии, а были только искания. В описанное время А.Белый был у Штейнера, почему я намерен вернуться к нему в соответствующее время, то есть в конце 16-го года. Но вообще должен сказать, об Андрее Белом писать чрезвычайно трудно. Он являлся в таких разнообразных ликах, его откровения отличались такой невнятицей и таким сумбуром, что иногда оставалось только развести руками и удивляться. Вместе с этим у него была особенность, присущая самому стилю его дарования, — никто не умел так давать вещи вверх ногами, как он. Полагаю, из всего священного писания он понимал, конечно, по-своему, — только Апокалипсис. Эта огневая поэма христианства, ее безумные пророчества, похожие на бред Сивиллы, по мнению А.Белого, указывали путь религиозным исканиям. Религия как таковая,

с ее обрядностью, заостренной в традициях церкви, была ему просто не нужна. Слушая А.Белого, всегда следовало помнить, что это поэт, и притом одержимый:

Я не свое тебе открою,
А бред пророческий духов,¹¹

мог бы повторить он вслед за Тютчевым. Несмотря на все, я любил А.Белого. Когда он взвизывался точно на пружинах и засыпал противника своей экзальтированной аргументацией, я начинал понимать давно уже мне ясную прелесть людей, не умеющих спорить. Если мне приходилось на концертах Скрябина видеть Булгакова, спокойно читающего в антрактах «Русские ведомости», то можно ручаться, — Андрей Белый никогда не делал этого. Таким образом, православный груз, висевший на Религиозно-философском обществе, придавал всему особый отпечаток. Но время шло, и должны были появиться новые лица. Скоро появился бес в образе Дурылина. Сначала он ходил сюда, как и к нам, в мансарду Юлиана, в обычном костюме, но в конце концов напялил рясу, и вот уже слышались слова Григория Александровича — «слово принадлежит отцу Сергию Дурылину». Впрочем, подробно рассказывать об этой фантастической личности и следить за ее метаморфозами — сейчас не время.

Другой бес был совсем иным. Я говорю о Степуне, приветливом, всегда улыбающемся толстяке, внезапно возникшем в Москве в это время. Здесь я должен отойти в сторону.

В конце 13-го года Евгений Иванович познакомил меня с П.П. Муратовым¹², нашумевшим своей действительно изящной книгой «Образы Италии». Патя Муратов был европеец. Это означало, что он хотел противопоставить высокую культуру родной дикости. Занявшись историей русской живописи, Патя обнаружил, что была эпоха, когда эта живопись не уступала итальянской. Отсюда мысль о необходимости возобновить традицию. Так был задуман журнал «София». Однажды вечером я и Евг. Иванович получили приглашение прийти на некое совещание, имевшее место на квартире упомянутого Пати. Патя со своей супругой занимал крошечную квартиру в конце Арбата, жил очень скромно и по внешности казался весьма скромным человеком. Как явствует из его фамилии — предки были татары. Какая-то отдаленная родовая принадлежность сквозила в его чертах, и как потом обнаружилось: Патя сохранил кое-что от степных предков в своем внутреннем облике. Когда мы пришли, за столом сидели два более или менее знакомых нам лица. Один из них, Федор Степун, проходивший курс обучения философии у Риккер-

та, приехал в Москву с широкими планами и большими надеждами. Насколько я понимал, замыслы заключались в реставрации немецкого романтизма и обновлении его философского влияния на русскую мысль. Прочитав несколько докладов, Степун напомнил, что мы имели своеобразного мыслителя и художника князя Одоевского, автора «Русских ночей»¹³. Выступая в роли новых Любомудров, Степун и другие, очевидно, мечтали создать нечто новое, более обоснованное, чем символизм. Цель собрания у Муратова заключалась в том, чтобы найти соратников. Предполагались публичные лекции, выступления, книги и т.п. Все это показалось мне в высшей степени туманным и неясным, но когда Степун произнес: «Мы хотим, чтобы у нас был лик, а не рожа», я понял, что имею дело с какой-то новой разновидностью культуртрегеров. Впрочем, благодаря энергии Степуна был основан международный Ежегодник философии культуры на всех европейских языках «Логос»¹⁴, которого вышло несколько номеров. Степун был толстяк, хитрый и неискренний, впоследствии он выступал и в качестве публициста и романиста, написал не лишнюю наблюдательности и остроты книгу «Из писем прапорщика-артиллериста»¹⁵ и после Первой мировой войны сгинул где-то в Германии. Возле него неизменно был некто Трапезников¹⁶, человек, которого я так и не понял.

К чему вели эти люди, в конце концов, неясно, но они, конечно, прекрасно знали об этом. Замечу, что одновременно с немецким романтизмом в Россию усиленно стали экспортировать антропософию. Не входили ли эти идейные задачи в один широко задуманный план? Степун был довольно близок символистам, так как защищал идеализм и метафизику, конечно, в той критической форме, какой требовала современная философская мысль.

Новое философское понятие, которое в эту эпоху начало пользоваться большим успехом, было понятие «ценности», выдвинутое Риккертом, в качестве не отвлеченно-философского термина, а в качестве жизненного. С этой «ценностью» попали в Россию, где азиатский способ мышления противопоставлял «ценности» либо заплесневелые догматы, либо полный хаос. Степун и хотел «выправить» славянское мышление. Из нашего собеседования, конечно, ничего не вышло, но Патя Муратов был человек настойчивый и уговорил известного ярославского фабриканта Карзинкина дать денег на издание журнала «София». Цель журнала — создание подлинной эстетической культуры, основанной на античной, западноевропейской и русской традициях. Русская традиция подразумевалась отчасти в живописи, отчасти в классической литературе. В результате журнал ока-

зался очень похожим на сборники более или менее интересных статей по самым разнообразным вопросам. Я напечатал там свою первую статью об Апулее¹⁷. «София» прекратилась на шестом номере, так как Муратов, ее редактор, был призван в армию. Помню некоторое мое удивление, когда в августе 14-го года, приехав в Москву, я узнал, что Муратов находится в Восточной Пруссии с тяжелой артиллерией. Теперь несколько слов о нем: Муратов был человек европейских вкусов, влюбленный в Италию и во все, что напоминало ее. Он выработал точный и изящный стиль и, как мне казалось, весьма привлекательную манеру видеть явления и вещи.

Когда я познакомился с книгами Саймондса об Италии, моя оценка несколько понизилась. Нужно назвать еще имя Уолтера Патера. Но Муратов учился у обоих мастеров хорошо, преодолел простую подражательность. Его новеллы и роман «Эгерия»¹⁸, конечно, очень литературны, но все же стоят довольно высоко своим изяществом и тонким психологизмом. В 23-м году он уехал из России, и с тех пор я о нем ничего не знал. Кто-то говорил, что он занимался коммиссионерством по продаже и покупке разных раритетов.

В декабре 13-го года вышла первая книга стихов Пастернака «Близнец в тучах». В нее вошло двадцать одно стихотворение, хотя было написано к тому времени гораздо больше. Одна тетрадь неизданных стихов долго хранилась у меня, затем автор отобрал ее, какова была ее участь, — не знаю. В выборе стихов деятельное участие, по-видимому, принимали Бобров и Асеев, что, по всей вероятности, отразилось на составе книги. Как следует из предисловия, книга «Близнец в тучах»¹⁹ рассматривалась как объявление войны символизму, хотя налет символизма в ней достаточно силен. Правильней было бы сказать — это была новая форма символизма, все время не упускавшая из виду реальность восприятия и душевного мира. Последнее придало книге свежесть и своеобразное очарование, несмотря на то, что каждое стихотворение в известном смысле представляло собой ребус.

«Всесильный бог деталей» дробил для поэта действительность на множество драгоценных осколков. Символисты создали новую проекцию деталей, часто строя на символическом понимании частных целое стихотворение. Лучше всего это удавалось А. Белому, создавшему при помощи перемещения деталей гротеск. Но Пастернак не был гротескным поэтом. Несмотря на все свое-

образе взгляда, он не искажал, а только перемещал вещи и их контуры. По существу, он был идеалистом, и темы имели для него огромное значение. Тему он не давал в земной ограниченности, загромождая ее космическими и просто встреченными по дороге частностями. Из непонимания этой его особенности и проистекали все недоразумения, связанные с критикой и оценкой. Помимо скрытого смысла, стихотворения имели свою собственную музыкальную стихию, осложнявшую этот смысл новой семантикой не логического, а музыкального характера. Вот почему «Близнец в тучах» вызвал как восторженное признание ценителей поэзии, учувших новое могучее дарование, так и идиотский смех эпигонов, создавших себе кумир из заветов Пушкина.

Здесь я вплетаю несколько стихотворений той эпохи с вариантами²⁰. Эти стихотворения создавались на моих глазах и были написаны на клочках бумаги в Café Grec на Тверском бульваре. Некоторые из них, по-моему, не напечатаны. Книги Асеева («Ночная флейта»), Пастернака и переводы Юлиана из Рильке были лебединою песнью «Лирики». Вскоре произошло естественное расслоение. Асеев, Бобров, Пастернак образовали книгоиздательство «Центрифуга», то есть, правильнее сказать, образовал ее Бобров, который и был вдохновителем, как ему казалось, нового направления в поэзии. Недостаток нового направления заключался прежде всего в неясности основных положений. С одной стороны, «Центрифуга» была против символизма, с другой, — против Маяковского и его группы. Во всяком случае, смысл нового издательства заключался в полемике со всеми существующими направлениями и в непомерном возвеличении собственной роли. Результатом этого союза трех были строки Боброва, над которыми много смеялись:

Высоко над миром гнездятся
Асеев, Бобров, Пастернак²¹.

Асеев гнезвился главным образом на Молчановке, где он встретил широкое гостеприимство добряка Юлиана. Пастернак, как всегда, гнезвился в собственных мыслях, а Бобров гнезвился в собственном величии, которое в любую минуту могло сместиться слезливыми всхлипываниями. Но тем не менее он каким-то образом держал обоих друзей в руках. Вот почему, когда Пастернак напечатал одно стихотворение, посвященное Асееву (в альманахе «Центрифуги»), где была строчка: «Мы оба в руках пирата», то его незамедлительно истолковали соответствующим образом²². Впрочем, все эти подробности не так уж интересны. Перелом, который в русской жизни связан с так называемым кон-

цом символизма, породил множество групп и группочек, во главе же движения, конечно, стоял Маяковский, откровенно презиравший Боброва и говоривший с ним не иначе, как выпятив нижнюю губу. Старшие символисты, чувствовавшие, что их бастионы уже наполовину взяты, относились к новому движению с недоброжелательным недоверием. Я помню один вечер на Молчановке, где роль хорэга принадлежала Вячеславу Иванову. Усевшись за небольшим круглым столиком, на котором стоял объемистый жбан белого вина, легкокудрый жрец Диониса начал выпрашивать присутствовавших здесь Асеева и Пастернака. По всему было видно, что он плохо понимает их. Наконец, заговорив о футуризме вообще, он обвинил футуристов в «душевном невежестве». Ясно было, что он понимает под этим. Символисты шли путем сложных внутренних опытов, футуристы устремлялись к осязательному и плевать хотели на всякие внутренние опыты. Но В.Иванов пока судил еще поверхностно.

Впереди были Пастернак и Хлебников, о которых можно было сказать все, что угодно, но только не это. Впрочем, не знаю, прав ли я, соединяя эти имена вместе. «Заумь» Хлебникова, правда, можно сравнивать с опытами Малларме, но его словесное шаманство привело «заумь» к «безумию». Пастернак мог сорваться в ту же бездну, но удержался над ней. Вечер с В.Ивановым закончился веселым разговором молодых людей, сожравших своего отца. И они, конечно, были правы. Уже через много лет после описываемых событий я прочитал в «Воспоминаниях о Блоке» Сергея Городецкого²³ поразившее меня сообщение, что Блок прекратил работу над «Возмездием» после критики В.Иванова, доказавшего ему, что он в этой поэме изменил символизму. Впрочем, Иванов был за это наказан музами, написав свое «Младенчество», то есть взяв ту же тему, но только без того трагического пафоса русской истории, которую так замечательно ощутил Александр Блок. Вот почему, мне представляется, «молодежь» имела свои права, «наплевав» на символистов. Забавнее всего конец символизма протекал на Молчановке. Он, конечно, начался с ссоры, сведения личных счетов и двусмысленных намеков. Как-то в начале 1914 года Бобров разослал нам всем бумажку со штампом «Временный экстраординарный комитет под делам кн-ва "Лирика" "Центрифуга"». В этой бумажке каждый извещался о том, что он исключается из кн-ва «Лирика». Бумажку подписывали Асеев, Бобров, Пастернак²⁴. Разумеется, у «исключенных» это экстраординарное послание вызывало смех. Как водится в литературных кружках, скандал сопровождался криками и воплями о дуэлях. Бобров был на высоте призвания. Ездил на извозчиках,

тратил чьи-то деньги (коих у него не было), женился, снял на По-годинской квартиру, состоявшую из уборной и двух комнат, и бешено преследовал всех несогласных с ним.

Не подняться дню в усилиях светилен,
Не совлечь земле крещенских покрывал —
Но как и земля, бывалым обессилен,
Но, как и снега, я к персти дней припал.
Далеко не тот, которого вы знали,
Кто я, как не встречи краткая стрела.
А теперь в зимовий глухнущем забрале —
Широта разлуки, пепельная мгла.²⁵

Я выписал две первые строфы одного из лучших стихотворений «Близнеца в тучах». По логике событий ему должно было предшествовать прекрасное стихотворение «Марбург»²⁶ в «Поверх барьеров». В автобиографии, как и в данном случае, лицо, которому посвящены оба стихотворения, укрыто инициалами И.В. Поэтому я считаю себя вправе вспомнить свои впечатления в связи с оригиналом как этих стихотворений, так и автобиографических признаний (см. «Охранная грамота»). И.В. — это Ида Высоцкая, принадлежавшая семье известных чаеоторговцев Высоцких. С отроческих лет Борис был связан с ней какими-то, если не обещаниями, то возможностями обещаний, и мы на Молчановке прекрасно знали, что у Бориса какой-то роман, о котором он не любит говорить. Последнее обстоятельство, однако, не смущало Боброва. «Костинька, — шептал мне этот ужасный человек, — мы женим Борьку на Иде, и тогда у нас будет такое из-во». Здесь Бобров закатывал глаза и шелкал языком. Подразумевалось приданое Иды, которое, по мнению Боброва, было бы целесообразнее всего употребить на издание, конечно, в первую очередь его произведений. С нею я познакомился у Пастернаков после 13-го года, стало быть, после тех событий, которые изображены в «Марбурге»²⁷. Обычно она жила за границей, но теперь неожиданно появилась в Москве. Зачем она приехала? Может быть, для того, чтобы поправить непоправимое. Стихотворение в «Близнеце», по-видимому, было ответом. После вечера у Пастернаков я пошел проводить ее домой, по дороге она без умолку говорила о Борисе, и несмотря на окольный ход ее мыслей, я понял, что она о чем-то сожалеет. Через несколько дней я был у нее в гостях. Семейство Высоцких занимало особняк в одном из переулков Мясницкой²⁸. Грязный лакей в грязном фраке открыл мне двери и доложил обо мне. В прихожей стояли золотые Будды, все было отделано в китайском, если так можно выразиться, сти-

ле. Мне достаточно было войти в комнату Иды и взглянуть на тахту и на диваны, обтянутые чем-то вроде парчи, чтобы поздравить моего друга с вмешательством судьбы в его любовные дела. Истомленная желтоволосая Ида, болезненная и дегенеративная, жила в какой-то теплице. Прежде всего она показала мне свои коллекции духов, привезенных ею из Парижа. Ряд бутылочек замысловатых форм, со всевозможными запахами, в кожаных футлярах. Чтобы сделать удовольствие хозяйке, я перенюхал их все по очереди, во время этой процедуры вспомнив роман Гюисманса («*À rebours*») ²⁹ и рассказ Чехова «Ионыч». «А хорошо, что я на ней не женился», — восклицает Ионыч, получивший в свое время отказ. Посидев у Иды час-другой, поговорив о каких-то пустяках и выпив стакан жидкого чаю с каким-то чахлым печеньем, я с чувством облегчения покинул особняк Высоцких, чтобы больше никогда не показываться там. Ида снова уехала за границу и больше я не видал ее никогда.

Наступила зима, Рождество. На Масленичной неделе я сидел у себя в Брянских комнатах и писал статью об Апулее, изредка встречаясь с Борисом, который вдруг ушел из дому и поселился в крохотной комнатке в Лебяжьем переулке. За это время я сравнительно редко виделся с ним. Знал, что он дружит с Асеевым и тремя сестрами Синяковыми, приехавшими в Москву из Харькова. Вспомнил я обо всем этом вот почему. На столе в крохотной комнатке лежало евангелие. Заметив, что я бросил на него вопросительный взгляд, Борис вместо ответа начал мне рассказывать о сестрах Синяковых ³⁰. То, что он рассказывал, и было ответом. Ему нравилась их дикая биография.

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега...
Послушай, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вестник — осиновый лист, он, безгубый,
Без голоса, вьюга, бледней полотна.³¹

Примерно этими строками можно передать его рассказ. Отсюда началась та стихия чувств, которая и создает музыку «Поверх барьеров». («*Вся эта китайщина и японщина*», сказал он в заключение, сделав презрительный жест). Вскоре начали говорить, что Борис сильно увлечен одной из сестер, Марией С. ³² Асеев в ту пору был в периоде своего степного романтизма. Казачество, отклики стихийных движений народной души, гайдамачи-

на, все, что впоследствии запечатлелось в книге «Оксана»³³. Иными словами, у обоих начались какие-то новые творческие линии, которым, впрочем, не суждено было последовательно развиваться до конца. Летом 14-го года началась Первая мировая война, сразу свернувшая пути всех на один путь, — мы пытались освободиться от этого обязательства и продолжать идти своим путем разума и духа, но вышли из этой борьбы другими, чем были. Новая эпоха мировой истории застигла всех врасплох, не потому, что не было предсказаний и предчувствий, их было сколько угодно (кто как не символисты кричали о «кризисе современной культуры»), но потому, что самые формы этого кризиса оказались выше человеческих сил. Когда история воплощается, она сразу отбрасывает человеческое воображение и противопоставляет ему действительное, безжалостное и беспощадное.

Начало лета 14-го года я провел с сестрой возле Черкасс на Днепре. Какой злой дух повлек нас туда, я плохо представляю и сейчас. Она преподавала в школе недалеко от Киева, мне хотелось видеть ее, я приехал к ней, и оттуда мы почему-то решили отправиться на Днепр. Днепр действительно был прекрасен. Могучий, быстрый, он рвался вдаль и чувствовалось, что именно здесь, на его крутых берегах, народ должен был начать свою историю. Все остальное, кроме Днепра, было невыносимо. Стояла страшная жара, дачники, собравшиеся отдыхать в Сосновку, большей частью были неприятны, и мы ни с кем не знакомились, предпочитая сидеть в маленьком саду, плохо понимая, как и зачем попали сюда. В один прекрасный июньский вечер я вышел к Днепру и услышал газетчика, кричавшего изо всех сил: «убийство австрийского эрц-герцога Франца-Фердинанда». Я тотчас купил газету, раскрыл, прочитал и понял, что будет война. Вечером, обдумывая с сестрой положение, мы решили уехать. Сосновка нам и так надоела. Сидеть и ожидать событий в чужом месте представлялось нелепым. Через несколько дней мы были в Сураже. Здесь все было спокойно. Читали газеты. Весьма наивно комментировали их и не понимали, почему столь беззаботная легкая жизнь может оборваться. Она оборвалась именно потому, что была легкой и беззаботной, конечно, в меру тех возможностей, которые доступны человеку. Я старался не думать о предстоящем. В предыдущие годы мы в нашем кругу настолько привыкли к мысли о всяких апокалиптических событиях, что в той или другой форме ожидали их. Внутреннее чувство неблагополучия эпохи, ее устремление к катастрофе было ясно давно. Даже не надо было анализировать политические события, то есть образование Антанты, чудовищный рост милитаризма и т.п., чтобы понять — мир дер-

жится на волоске. Иными словами, сигналы поступали со всех сторон. И вот теперь они все соединились вместе и резюмировались с дикой наивностью в револьверном выстреле сербского националиста. В конце июля в Сураже была ярмарка, одна из тех деревенских ярмарок, которые меня всегда заставляли вспоминать Гоголя. Близость Украины, народ, наполовину казацкого происхождения, вековые традиции превращали у нас ярмарку в своеобразный дикий праздник, в своего рода Запорожскую сечь. Цыганские таборы, раскинувшиеся над рекой, придавали еще больше экзотики этому сборищу нескольких уездов. Я всегда любил деревенские ярмарки и шатался по несколько часов среди веселой и своенравной толпы, наблюдая комические сцены купли-продажи лошадей, вдумчивые и серьезные лица крестьян, покупавших иконы или книги и лубочные картинки в ярмарочных балаганах, любовался и пьяными, которым море было по колено, одним словом, всем, что без всякого умысла создавала сама жизнь. Теперь в последний раз я видел веселость и озабоченность, нищую и нарядную толпу, в последний раз слышал лирников, распевавших о Гонте и гайдамаках³⁴. Через несколько дней ангел господень снял первую печать. В туманную и тусклую ночь вестовые с факелами поскакали в уезд подымать народ. Грозный лик грядущей эпохи начал вырисовываться на дымном горизонте. Я пишу несколько патетично, но на самом деле все было отчаянно просто. Вероятно, это было самое страшное. Демоны пока скрывались за облаками, но скоро мы увидели их лик.

Во глубине небес незримых
Дракон явил свое чело...
И мглю бед неотразимых
Грядущий день заволокло.³⁵

Начался «кризис современной культуры», началась Первая мировая война, та война, о которой можно сказать словами римского историка Флавия: «Plus quam bellum...»

Приехал я в Москву в середине августа и остановился в тех же Бряньских номерах. Город сразу изменился. Что-то новое, неожиданное, требующее разгадки, — таков был самый воздух столицы. Проклятие войны заключается в том, что она создает какую-то особую, ни с чем не сравнимую нервозность. Эта нервозность всегда может перейти в вопль, в истерику. Сознание тотчас рационализируется государством, государство должно доказать свое право на жизнь, должно придать высший смысл непонятному слову: смерть. В ответ усиленно работает бессознательное, защищающее право на жизнь. Оттуда все время посту-

пают неожиданные толчки, они все время опровергают новые понятия, пущенные в ход правительством, политическими деятелями, прессой. Оттуда, из этого бессознательного, всплывают короткие страшные мысли, догадки, страхи и чувство полной беспомощности перед новым опытом, перед историей, которая поставила своей целью убийство и разрушение. Вот почему в военное время огромное значение имеют всевозможные слухи, собственные догадки и прогнозы, почти всегда опровергаемые действительными событиями. Все сразу заранее уверены, что истина скрывается, что какая-то таинственность — недобрый знак. Внезапно, как молния, это близкое бреду состояние прорезывает магическое слово «победа». Все сразу забыто. Да, несомненно, мы победим, война скоро окончится. Снова можно будет с легким сердцем ездить в рестораны, ухаживать за женщинами. Читать какие угодно книжки, которые теперь почему-то не читаются, строить проекты и планы. Потом радость проходит, и снова томительное ожидание. Оказывается, одна победа не решает ничего, воюют не армии, а народы, развивающие невиданную сопротивляемость. Скоро утверждается фатальная мысль, что все обречены, что война продлится долго. Эти переходы от одного состояния к другому — совершенно противоположному — ужасны. Они бросают людей в какой-то омут самого темного доисторического ощущения постоянной неуверенности и опасности, и тогда — прощай логика. Как раз осень 14-го года была такой. Известие о гибели армии Самсонова потрясло всех, но почему-то генерал Рененкампф, один из виновников этого поражения, был награжден орденом Владимира III степени. Газеты сообщали, что под Красновом идут тяжелые бои, и вдруг крылатая Ника понеслась вперед, мы взяли Львов и заняли Галицию. Австрия была разбита. На пути от Брянского вокзала к Арбату по вечерам собирались люди, ожидавшие чего-то. Я как-то подошел и спросил. «Сейчас раненых привезут», — ответили мне. Скоро показались автомобили. Толпы людей обнажили головы. Раненых провезли. По вечерам на госпитальных злощеще полоскались белые флаги с красным крестом. Заговорили о страшных потерях, на улицах начали мелькать женщины в траурных кречах.

Зрительно этот период начала войны рисуется мне, как чередование черно-бурого и белого цвета³⁶. Черно-бурый цвет это был цвет Москвы той осени. Всех лихорадило. По вечерам черные толпы устремлялись на Тверскую, где на фасаде редакции «Русское слово» появлялись транспаранты с последними телеграммами. Электрические буквы бежали по транспаранту, возбужденная толпа вслух читала сообщения. Потом она разливалась по ули-

цам и переулкам Москвы. Чувствовалось, что на сцену выступает именно она и что именно ей предстоит решать вопросы истории. А какой же цвет был белым? Белым был толстый и уютный снег, благодатно покрывавший улицы Москвы с половины ноября. Ночью бесшумно скользили сани, казалось, возвращается какой-то прежний мир свободы и чистоты, но в то же время, точно иглы, сознание прорезывали страшные мысли о совершающемся. В один из таких зимних вечеров в начале декабря я видел царя и всю царскую семью. Часу в одиннадцатом я возвращался домой с педагогического совета гимназии Потоцкой и был задержан на Страстной площади перед шпалерами войск, выстроенных от Кремля до Брестского вокзала, куда направлялся Николай II с семьей и свитой. Выстроили молодых солдат маршевых батальонов специально для того, чтобы они могли видеть царя. Показались автомобили. В окне первого автомобиля я увидел бледное, безразличное лицо Николая II, смотревшего на войска. За ним проследовал ряд других автомобилей, где, точно куклы, сидели придворные и семья. Эта сцена произвела на меня тяжелое впечатление. Не чувствовалось никакой связи между вооруженным народом и его главой. Мертвенное молчание на улице.

Николая II я видел еще раз (годом раньше) во время его въезда в Москву по случаю трехсотлетия дома Романовых. Мы с Борей стояли на той же Страстной площади. Человек небольшого роста в фуражке с красным околышем проехал верхом так же равнодушно и безразлично. Впереди и сзади ехали конвойцы в кубанках. Ничего царственного и значительного не было ни в нем, ни во всем кортеже.

Итак, теперь рок вручил этому слабому и безразличному человеку судьбу величайшей в мире империи, создавшейся с таким трудом, с таким огромным напряжением народных сил в течение многих веков. Преимущество русской истории, ее непрерывное движение вперед уже сами по себе были достаточными, чтобы судить о здоровье организма и его составных частей. Народ мог защитить себя, в этом не было сомнения... Но... на него бросился враг, в несколько раз превосходивший его своей военной подготовкой, организованностью, дисциплиной. Что выйдет из этого столкновения? С такими мыслями я бродил по саду в начале августа 14-го года, в первый раз почувствовав зависимость своей судьбы от судьбы государства. В нас этого чувства не воспитывали, или лучше сказать, воспитывали в отрицательном смысле. Со школьной скамьи мы привыкли видеть в государстве только систему принуждения, о чиновниках судили по «Ревизору», о помещиках — по «Мертвым душам». В известном смысле Го-

голь оказался роковым для России писателем. Благодаря гениальности изображения он установил прототипы, которые пережили его эпоху. И вот теперь в руках гоголевских персонажей оказались судьбы нации. Что делать? Как быть? Идти на войну, защищать отечество? Какое отечество? Пока я не был обязан делать этого, пафоса у меня не хватало, веры в благополучный исход дела тоже не было. Вокруг слышались самые разнообразные суждения. Память о японской войне и наших неудачах была еще свежа. Надеялись на союзников, на то, что Германия оказалась в кольце, одним словом, на все, кроме самих себя. В общем, я не могу сказать, что оказались на высоте положения. Все привыкли к лени и благополучию, частные интересы в стране, лишенной общественного воспитания, приученной после революции 1905 года ругать правительство и не доверять ему, были сильнее патриотических чувств, — отсюда хаос и смута в душе. Особенно интеллигенты оказались в скверном положении. Далекое [от] реальной жизни, они должны были переделать свой душевный мир и взяться за винтовку. Отвращение к драке и убийству тоже вполне законное чувство. Правда, речь шла о защите отечества, но в конце концов ведь это спор о словах. Так размышлял я, гуляя по саду, и, выйдя на улицу, не заметил никакой разницы в настроении у народной толпы. Войну обсуждали по-деловому — долго ли она продлится, побьем ли мы немца и т.п. За всю свою тысячелетнюю историю народ привык к тому, что всякий серьезный спор решается с дубиной в руках. Любой крестьянин с удовольствием охаживал колом своего соседа, а иногда и родного брата, в случае какого-нибудь пустякового спора из-за межи или потравы. Народ шел на войну, ибо считал ее неизбежной. Военная традиция тоже имела немалое значение. Все отбывали воинскую повинность, в каждой семье был отец или дед, в свое время колотивший турок или поляков, — дело казалось простым и естественным. Конечно, воевать не хотелось, но что поделаешь, воля Божья, закон, так повелось, естественная ненависть к другой национальности, позарившейся на наше достояние и вот наши легионы потекли к границам, где их ожидали такие испытания.

В Москве знакомые барышни и дамы стали сестрами милосердия, многие из них уехали на фронт, кое-кто отправился добровольцем в армию. Пастернак рассказал о своих приключениях в «Охранной грамоте»: они очень характерны для той эпохи³⁷. Забавнее всего был случай с Диесперовым. Я посетил его в октябре месяце, он жил в полуподвальном этаже где-то возле Смоленской площади и встретил меня в состоянии самого иступлен-

ного патриотизма. Я с некоторым испугом смотрел на эту подслеповатую сутулую фигуру, представляя его идущим в атаку, и пытался доказать ему, что нет правил без исключений. Он ни о чем не хотел слушать, и через несколько дней его действительно произвели в качестве ратника ополчения 1-го разряда. Прошел месяц, как-то на улице я с удивлением увидел хорошо знакомую фигуру и подошел к нему. Диесперов был в состоянии неистового возбуждения. «Я пробыл неделю в казарме, — сказал он, — и мне пришлось заявить о моем физическом недостатке (он ничего не видел). Я не могу быть вместе с этими *малыми*». И сунув мне руку, он побежал своей дорогой.

Конечно, такой случай, довольно характерный для интеллигента, не был неизбежен, но правительство, не пользовавшееся и раньше доверием, окончательно погубило себя неумением организовать и фронт и тыл. Скоро поползли зловещие слухи о недостатке снарядов, винтовок, о том, что на союзников надеяться нельзя, и тыл начал быстро «разлагаться». Все сразу осложнилось, хаос понятий усилился, и он был поддержан печатью, вкривь и вкось трактовавшей все эти страшные проблемы. Мыслители взапуски начали переоценивать философские ценности. Подверглась критике немецкая философия. Профессор Франк выступил со статьей, где доказывал, что в основе немецкой философии XIX века лежит завоевательный принцип³⁸. Раскрыли подлинное лицо германизма. Воскресла славянская идея. Осенью у Анисимовых состоялось специальное собрание, посвященное войне. Был В.Иванов, Рачинский, кое-кто из Религиозно-философского общества, антропософы. Вячеслав Иванов говорил об ангелах, сражающихся во главе народов, о священном долге каждого защищать отечество. Антропософы утверждали, что война есть проявление исконной болезни человечества³⁹. Вероятно, им не хотелось произносить слово «карма», и они заменили его «болезнью». Длинный и бестолковый спор, где фигурировали и Сергей Радонежский («св.Сергий знал, что делал, когда благословлял знамена Дмитрия Донского»), и св.Женевьева, закончился словами Рачинского: «Во имя Отца, и Сына, и Св.Духа — по голове!» Это было вполне народно и отвечало традиции русской истории. Потом вопрос углубился по Достоевскому о праве на кровь, и тут уже началась окончательная путаница. Оказалось, что о войне в таком стиле говорить нельзя. Все разошлись недовольные друг другом.

С каждым днем становилось тоскливее и страшнее. По вечерам на заборах уныло трепались военные объявления о призыве в войска еще каких-то возрастов. Одинокие фигуры прохожих

пугливо жались к этим заборам, каждый читал в этих скупых и деловитых строках «memento mori». Становилось ясным, что нужно преодолеть этот новый страшный мир, но это было почти невозможно до того момента, когда к войне привыкли и начали говорить о ней цинично и с отвращением. Теперь уже речь шла не о победе, в которую никто не верил, а о том, как спастись. *Sauve qui peut* — таков был опасный лозунг, и он прозвучал особенно отчетливо после галицийского поражения. Пока начал складываться особый военный быт, где немалое значение приобрели запрещенные спиртные напитки. Их добывали всевозможными способами, пили «ханжу», политуру, одеколон, старались забыться каким угодно способом. Все в целом с каждым днем становилось все тягостней и тягостней.

Всю осень 14-го года я почти не видел Бориса. Но вот как-то вечером в конце декабря в коридоре послышались гулкие шаги, стук в дверь, и в моей комнате появились Пастернак и Асеев. Они пришли «извлекать» меня из моего уединения. После недолгих расспросов, веселого смеха, который обозначал «наплевать на все», мы все вместе отправились на Тверской бульвар, а там, пройдя через двор, вошли в один из подъездов дома Коровина⁴⁰. Здесь проживали на пятом или шестом этаже сестры Синяковы. Позднее, в «Поверх барьеров» об этом доме можно было прочитать следующие строки:

Какая горячая кровь у сумерек...
Какая горячая, если растеряно,
Из дома Коровина на ветер вышед,
Запросишь у стужи высокой материи,
Что кровью горячею сумерек пышет.⁴¹

В квартире Синяковых царствовало полное гостеприимство и собирался самый разнообразный народ, преимущественно литературная и артистическая богема. Были и какие-то весьма сомнительные персонажи, ни имен, ни занятий которых нельзя было узнать, но это всегда неизбежно в таких широких и открытых местах. Сестры Синяковы, занимательные хохотуни, любительницы разных выдумок, составляли особый центр притяжения для двух поэтов, а остальные, по-видимому, притягивались сюда радушием и, как мне кажется, главным образом, картами. Часов в одиннадцать обычно раздавался резкий звонок и в передней слышался отрывистый громкий голос, который сразу можно было

узнать. Это был Маяковский и с ним его свита, несколько неизбежных спутников, преданно сопровождавших его. Иногда читали стихи, суть однако была не в стихах. Маяковский в то время был уже настолько уверен в себе, что не нуждался в случайной аудитории. Он прямо проходил в столовую и садился за стол. Трещали колоды карт, начиналась игра. Маяковский играл размашисто, иногда поругиваясь и не обращая никакого внимания на присутствующих и лебезивших перед ним партнеров. Дело в том, что он всюду вносил свой собственный, уже выработанный во времена «желтой кофты» стиль. Нарочито громкого голоса и какой-то гвардейско-провинциальной презрительности и басовитости. Он делал вид, что на стихи ему, собственно, наплевать, что это так, между прочим, а вот карты — это дело. По этому поводу я однажды разговорился с частым гостем сестер Синяковых, Васей Каменским⁴². Каменский был человек в известном смысле восторженный. Восторг его по отношению к Маяковскому не имел предела. А по существу он был человек довольно простой и даже наивный. «Вы читали "Войну и Мир"?", — спросил Каменский, широко раскрыв свои бледно-голубые глаза. В ответ я улыбнулся, ожидая дальнейшего. «Ну, так вот, там есть Долохов. Как ни странно, но Владимир Владимирович (так всегда называли Маяковского его поклонники) похож на него. Это нежнейшее сердце, нежнейший брат и сын. Все остальное, — он помахал рукой, — делается для вида. Это раненое сердце», — вдруг закричал Каменский. Разговор происходил вдвоем под елкой, уже давно стоявшей в гостиной. — В каком смысле? — спросил я. — «В таком смысле, когда-нибудь увидите», — многозначительно прибавил он. Я не считал Каменского знатоком человеческого сердца и остался в некотором недоумении. Все в Маяковском, наоборот, отрицало всякую нежность и всякую ранимость. Только присмотревшись к нему, можно было заметить в глубине глаз какую-то детскую беспомощность. Кто знает, может быть, Каменский, сам того не понимая, подметил в Маяковском то, что привело его к гибели. Объяснения, впрочем, могут быть и другие. Пока я оставляю их в стороне. Итак, часть гостей играла в карты, другая сидела под елкой и забавлялась страшными рассказами, которые выдумывали «сестры». Часу во втором ужидали чем придется и расходились по домам. Картежники, впрочем, оставались дольше. В этот дом я ходил по вечерам, главным образом, из-за Бориса. Мы вместе выходили на улицу. Здесь на меня опрокидывался целый поток импровизаций о войне, мире, поэзии, — дышалось свободнее, жизнь казалась не столь страшной, какой она была.

Не помню, как и почему я перестал бывать в гостеприимной квартире. Дни текли уже по новому шаблону: утром газеты, всегда страшноватые, днем — занятия в гимназиях, вечером — дома или где-нибудь. В Москве по-прежнему давали концерты, играл Скрябин, исполняли Бетховена, только теперь его фамилию печатали не Бетховен, а Ван-Бетховен, подчеркивая этим его голландское происхождение. Но и «ван» не помогал — иногда хотелось кричать, иногда куда-то спрятаться. К войне еще не привыкли. Привычка началась примерно через год, когда ясно почувствовалось, что дело идет к развязке.

Как-то в марте, а может быть в конце февраля, я случайно узнал, что в Обществе свободной эстетики состоится вечер, где будут участвовать Вячеслав Иванов и Скрябин. Вечером я отправился на Большую Дмитровку. Стоял сырой морозный день, один из тех отвратительных дней, когда мороз проникает под самую кожу. Продрогши, в весьма печальном состоянии я вошел в столь знакомую прихожую. Теперь она носила явные следы военного времени. Все было грязно, заплывано, сновали какие-то непонятные люди. Первый, кого я увидел в прихожей, был поэт Балтрушайтис, читавший вывешенные на стене последние телеграммы. Балтрушайтис, уже и раньше удивлявший меня своей мрачностью, был особенно мрачен. Скривив лицо в мучительную гримасу, он читал телеграммы с видом человека, которому придется бродить в реку. Отметив это обстоятельство как скверное предзнаменование, я поднялся вверх. Вечер состоялся. Теперь уже не помню, что там читали и играли. Присутствующих было человек двадцать, все, конечно, знали друг друга, а потому после окончания вечера ужинали за общим столом. Разговор носил злободневный характер. Вячеслав Иванов рассказывал о Вильгельме. Теперь мне смешно вспомнить все эти рассуждения. С начала войны о Вильгельме говорили много. В нем неожиданно нашли те качества, которых не хватало у нашего самодержавца. Одно качество восхищало всех — воля. На эту тему и говорил Вячеслав Иванов. Он передавал нам отзыв художника, рисовавшего портрет кайзера, о взгляде Вильгельма, который якобы обладал гипнотизирующей силой. К этому, конечно, были прибавлены кой-какие мистические умозаключения. Слушая Вячеслава Великолепного, я всматривался в сидевшего напротив Скрябина. Я удивлялся соединению в этом лице совершенной заурядности, подчеркнутой вверх закрученными усами, и тонкой духовности, которая как будто пряталась под какой-то маской. Я вспоминаю рассказы о нем Собинова и Алеши Станчинского. Из этих рассказов вытекало, что Скрябин был декадент. Но в его лице не

было ничего декадентского, наоборот, такие лица встречались у людей, выработавших у себя привычку к официальному, так сказать, положению в обществе. Ничего нельзя было прочитать в этом пунктуальном на вид человеке с хорошими манерами, внимательно слушавшем Вячеслава.

Через неделю после этой встречи я узнал о смерти Скрябина, последовавшей в результате заражения крови из-за какого-то фурункула, которым его, по-видимому, наградили в парикмахерской. Прочитав это сообщение, я вскрикнул, вспомнив его лицо.

Приближалась весна и вместе с ней приближались военные события. Числа 10 апреля (15 г.), сидя с одним из приятелей в кафе «Савойя», я обсуждал вместе с ним стратегические возможности. В ту пору в газетах позволяли писать статьи с разного рода военными прогнозами. Так, в частности, пользовались большим успехом статьи Михайловского (по профессии статистика) в «Русском слове». Приятель мой построил какую-то чрезвычайно сложную стратегию, которая должна была сложиться в нашу пользу. В ответ я взял пустую коробку от папирос, нарисовал на ней продолговатую дугу и сказал: «вот, где произойдет катастрофа». Бывают верные предсказания, на которые способны даже птицы, вынимающие за несколько копеек билетик желающим знать свою судьбу. Я оказался такой птицей. Дуга была в Галиции, на дуге была расположена наша пехота, не обеспеченная ни патронами, ни артиллерией, ни разумными распоряжениями. Кажется, 17-го апреля, в тот день, когда я выехал на летние каникулы в Сураж, немцы начали наступление и, конечно, легко и быстро прорвали незащищенный фронт. Началась непоправимая катастрофа, длившаяся все лето и часть осени. Как известно, немцы остановились недалеко от Минска, все так называемое царство Польское было занято ими.

Эта катастрофа была еще ужаснее тем, что она окончательно подорвала веру в нашу победу. Солдаты, бежавшие с фронта, рассказывали самые невероятные истории: выходило, что наша армия представляет собой просто сборище почти небооруженных людей. Простить этого народ, отдавший на войну своих сыновей, не мог. Царский трон зашатался, через полтора года оказалось достаточным одного толчка, чтобы он полетел в преисподнюю.

Помню страшного обгорелого солдата, пришедшего к нам по какому-то делу. Весь сад стоял в цвету. Я сидел с книгой под кустом сирени. Солдат посмотрел на меня воспаленными глазами и угрюмо сказал: «вы живете в раю». Потом еще раз посмотрел на меня, повернулся и ушел. Его взгляд сказал мне слишком много, и тем не менее я отнесся к этой сцене совершенно спокойно. Я понял, что теперь речь может идти не о защите отечества, а о том, каким способом избежать этой защиты. Значит — какой билетик вытащит мне птица в пятикопеечной лотерее, именуемой судьбой. Лето в Сураже, хотя и отравленное сведениями с фронта, мы провели в обычном стиле; почему-то скопилось много народу, почти в каждой семье кто-нибудь гостил, и мы целым табором гуляли в лесах и на реке, стараясь не думать о грядущих событиях. Скажут: постыдное отсутствие гражданских чувств — пожалуй, да, но кто был виноват в этом? Теперь, в результате печального опыта у меня прочно утвердилось мнение, что человек *иногда* имеет право защищать свое существование. Я в этом не видел ничего постыдного. В конце концов, мое «я» есть первое и последнее, данное мне Богом. Отказ от него мог быть оправдан только исключительными обстоятельствами. Помоему, теперь их не было. Осенью, во время призыва в армию моего года (ополчения II-го разряда), птица вытащила билет в мою пользу. Я был свободен, но зато я потерял свои занятия в Москве, и все нужно было начинать заново. Несколько месяцев после этого прошло в состоянии более чем неприятном, но вдруг, довольно неожиданно, в начале февраля я получил от Ненюкова письмо, приглашавшее меня в Москву на довольно странное амплуа. Не помню именно когда, кажется в 14-м году, Ненюков познакомил меня с Анатолием Ивановичем Давыдовым, богатым и еще молодым человеком, питавшим страсть к философии. Он писал какую-то книгу, и вот теперь Ненюков предлагал, по его поручению, заняться обработкой этого произведения. Надо ли говорить, что в моем положении лучшего выхода не было. Через несколько дней после получения письма я был уже в Москве. Вместе с Юлианом мы нашли маленькую комнату в Хамовническом переулке, обедать приглашала к себе Вера Оскаровна, где образовалась уже целая компания на паях, — таким образом, выход из скверного положения был найден. За десять месяцев, которые я провел в Сураже, в Москве все изменилось. С продовольствием возникли затруднения. Мелкая монета исчезла, трамваи ходили все реже и реже, какая-то запущенность и безразличие чувствовались во всем. Но самые большие изменения произошли в психике людей. О войне либо не говорили совсем, либо говорили чрез-

вычайно цинично, как о деле, которое не стоит обсуждать, настолько ясна его несостоятельность. Зато возрос интерес к вопросам внутренней политики и особенно к царскому двору. О Николае, царице и Распутине говорили много и грязно. Но самым поразительным и в известном смысле страшным было огромное количество людей, одетых в серые шинели и, несмотря на это, вполне сохранивших свой деревенский облик. Это была армия в тылу, та армия, которая не пошла на войну, но зато подписала смертный приговор Романовым.

Через день после приезда я отправился к Анатолию Ивановичу, в его дом на Мясницкой, условиться о предстоящей работе. Он жил в большом доме на Мясницкой (№13)⁴³, подразумевавшем ряд других домов, расположенных на дворе. В обширной прихожей я был встречен тихим и робким старичком, по-видимому, исполнявшим обязанности швейцара, передавшим меня в ведение высокого представительного человека, то есть лакея. Лакей Василий повел меня по великолепной мраморной лестнице на третий этаж, где обитал Анатолий Иванович.

Анатолий Иванович встретил меня в дверях своего кабинета и, усадив за небольшой столик, тотчас приступил к делу, то есть вытащил несколько папок исписанной бумаги и разложил их передо мной. Затем он более или менее кратко изложил свою философскую систему. Слушая его, я с некоторым страхом смотрел на исписанные какими-то каракулями листы бумаги, которые мне предстояло обработать, в то время, как А.И. несколько визгливым голосом переходил от Спенсера к Марксу и обратно. К моему удивлению оказалось, что он разделяет некоторые положения Маркса, но в смысле социальном делает из них противоположные выводы. Оставив разрешение этой задачи до будущего времени, я постарался вникнуть в систему, и понял, что мне придется сочинять ее самому. Успокоившись на этой мысли, я более внимательно осмотрел кабинет. Это была большая квадратная комната, выдержанная в известном стиле. Тяжелый письменный стол, по стенам до самого потолка — книги, все в черных переплетах. Как я узнал потом, это была библиотека бездарного московского профессора психологии Троицкого, целиком купленная моим патроном. Это был ученый хлам, среди которого каким-то чудом оказался томик путешествий Монтеня.

Аудиенция длилась часа полтора. Высказав свое отношение к системе, то есть указав на ее некоторую недоделанность, я был наделен материалами для первой главы и поднялся, прощаясь. Но, оказывается, это было не так просто. Окинув взглядом мой довольно сомнительный костюм и выразив в глазах некоторое коле-

бание, А.И. сказал: «Мне надо вас представить матери, она знает, что я буду заниматься с вами». Тут мы оба направились по коридору (система была коридорная) и только успели дойти до лестницы, как снизу показалась сильно трясущаяся седая голова. А затем появилась согнутая пожилая старуха в тяжелой шелковой, подбитой мехом мантилье. Увидев меня, она остановилась, сунула мне трясущуюся руку и, пробормотав несколько слов, трясущейся походкой отправилась дальше. Главное было сделано, А.И., облегченно вздохнув, с довольным видом посмотрел на меня. Потом я узнал, что если бы я не понравился Серафиме Владимировне, то А.И. пришлось бы расстаться со мной. Серафима Владимировна, в первом замужестве княгиня Эристова, вдова гусарского ротмистра кн. Эристова, убитого в русско-турецкую войну, второй раз была замужем за неким Давыдовым, чья фотография украшала стол А.И. Солидный мужчина со звездой на груди, несколько армейского типа и, как оказалось, такого же происхождения, и был отцом моего философа. Добавлю, что на некотором расстоянии от него стояла другая фотография — философа Спенсера с его собственноручной надписью. А.И. как-то побывал в Англии и был принят Спенсером, которого он называл своим учителем в то время, как самое чтение Спенсера и даже упоминание о нем считалось признаком дурного тона в философских кругах. Теперь А.И., молодой человек лет тридцати двух, окончивший естественный факультет Московского университета, успевший развестись с женой и оставивший себе сына, маленького Андрюшу, обдумывал вопрос, довольно сложный, о своих занятиях. Дело в том, что Серафима Владимировна, владелица огромного состояния, выдававшая ему в год тысяч десять, пришла к заключению, что ему нужно чем-нибудь заняться. На первых порах было решено при моем содействии написать философскую книгу. Поэтому, как я узнал впоследствии, Серафима Владимировна называла меня «репетитором». За обедом у Веры Оскаровны я весело рассказывал о моем посещении А.И., и тут Ненюков, уже по обыкновению пьяный, оставив на меня тусклые глаза, закричал: «Да ты понимаешь, что значит *состояние*? Дома на Мясницкой — раз, — начал он, — имение в Крыму (300 000) — два, имение в Волынской губернии — три, лес в Химках — четыре, дом на Ильинке — пять, павильон в Царицыне — шесть, деньги в банке — семь. Семь миллионов! — вдруг закричал он. — Можно делать все, что угодно. Понимаешь?» Я понимал, и в тот же вечер приступил к обработке первой главы. Вечером я привел первую главу в более или менее удовлетворительное состояние. А.И. остался очень доволен, был призван князь Эри-

стов, полагавший, что философия есть занятие дураков, тот выслушал и важно одобрил. С этого дня мое существование приняло более или менее устойчивые формы. По утрам я приводил в порядок ворох рукописей, переписывал, исправлял, придумывал какие-нибудь концепции, а вечером отправлялся куда-нибудь, где было не столь скучно. У Анисимовых возобновилась прежняя разгульная жизнь, с утра и до вечера толкалась масса народу, поэты, антропософы, просто знакомые, откуда-то появлялось вино и велись споры о всевозможных проблемах. Появились и новые лица. Среди них красавица Муся Понс, кружившая всем головы, а в некотором отдалении, кажется, в Трубниковском переулке, обосновалась настоящая богема. То были сестры З-д, у которых собиралось такое же, но еще более распущенное общество. Здесь часто бывал поэт Константин Липскеров⁴⁴, читавший нам свою поэму «Двойник» и туркестанские стихотворения, Ненюков, почему-то принявшийся рассуждать о христианстве, и другие, в этом же роде. Стиль был парадоксально-насмешливый. Но на нем лежал какой-то тускло-кровавый отблеск — то была война, с которой теперь стали обходиться запанибрата, с глумлением, гнусными шутками и чудовищными прогнозами. Во всем этом было нечто напоминавшее *danse macabre* скверного стиля, а может быть, чисто русская отчаянность, которая способна выразиться и в полном презрении к гибели.

Как-то раз Ненюков, которому вдруг стало скучно, посмотрел на часы, затем на меня и сказал: «Поедем к Давыдову». Сказано — сделано, но цель поездки тем не менее оставалась для меня неясной. По дороге Ненюков кутал нос в шубу (нос был горбатый и посиневший от пьянства), только раз спросил меня, не приглашал ли меня куда-нибудь Анатолий Иванович и, получив отрицательный ответ, не раскрывал рта до самого дома №13. Мы застали нашего принципала в полном одиночестве. Большими шагами он измерял свой кабинет и визгливым голосом прокричал что-то о недостатке топлива, в комнате было действительно холодно. Затем, вытащив из-за книг две бутылки вина, он заговорил о необходимости заключить мир.

— Это и будет сделано, — сказал Ненюков, — но только не нами. — Затем, надев пенсне и зловеще сверкнув глазами, он поведал нам о том, что революция близка. Тотчас начался бессмысленный и бессвязный спор, из которого А.И. сделал совершенно неожиданные выводы. Взглянув на часы (было около 11), он тем же визгливым голосом прокричал, обращаясь к нам обоим: — Э, я думаю, мы поедем на Дмитровку. — В этом и заключалось то приглашение, о котором говорил Ненюков. Мы приехали на Боль-

шую Дмитровку и высадились у одного из подъездов так называемого «Благородного Собрания». Затем вошли в этот подъезд и разделись у швейцара. А.И. записал нас обоих в какую-то книгу. Мы приехали в Дворянский клуб, одно из привилегированных учреждений старой Москвы, стоявшее на втором месте после Английского клуба. В небольшой комнате, уставленной столиками, сидели и ужинали какие-то важные господа. Они меня мало удивили, но зато лакеи, одетые в дворянские ливреи, то есть в короткие штаны с гамашами и серые, особого покроя сюртуки, показали мне настоящими олимпийцами. Вряд ли кому-нибудь из них было меньше шестидесяти лет. На груди у каждого виднелись золотые цифры — 50, 40, 35. Это были почетные знаки за выслугу лет. Усевшись за стол, я понял и оценил вопрос Ненюкова. Если где-нибудь существовали законы войны, то тут их не было. Нам принесли и поставили на стол бутылку старого венгерского, водку, еще что-то. Затем подали стерляжью уху и стерлядь по-польски. Затем каплунов, затем еще что-то. Так мы просидели до 2 часов ночи. Разговаривали на какие угодно темы доброго старого времени. Вышедши из этого гостеприимного места, мы с Ненюковым обратили внимание на то немаловажное обстоятельство, что А.И. сел на извозчика и поехал в сторону, противоположную своему дому. «Ах, черт его подери, — закричал Ненюков на всю улицу. — Поедем в бардак и мы!» Мне с большим трудом удалось усадить его в сани и отвезти домой.

Пока я еще ни слова не сказал о старых друзьях, пора вспомнить и их. Пастернака не было в Москве, он был на дальнем Урале, подвергнув себя добровольному изгнанию. Ему вдруг показалось, что его призовут на военную службу, и он уехал на военный завод, изготавливавший какие-то химикалии для снарядов. Завод принадлежал Ушковым, директором был 3-ий⁴⁵. Дело устроилось легко, сам по себе поступок был следствием психоза и при этом неоправданного, так как он все равно к военной службе оказался негодным. Но судьба подарила ему за это «Детство Люверс» и часть стихов из «Поверх барьеров»⁴⁶. Осенью и зимой 16-го года я вел с ним деятельную переписку. Евгения Ивановича я застал на той же квартире, в той же башне, среди тех же книг. Но с ним, тем не менее, что-то случилось. Если и раньше он остро чувствовал какую-то непрерывную опасность, идущую извне, то теперь, так я рассуждал, это чувство должно было усилиться. Но оказывается он нашел выход. Выход заключался в поэзии Пушкина. Время от времени по вечерам я и несколько друзей собирались у него в башне с небольшими докладами о Пуш-

кине. Кстати, скоро произошло, в известном смысле, литературное событие. Валерий Брюсов напечатал свое окончание «Египетских ночей»⁴⁷ — тема Е.И., находившего в трех счастливых три линии пушкинского мироотношения. Стихи Брюсова обсуждались, и в критике, кажется, общий приговор был отрицательным. Сейчас у меня под рукой нет этого окончания, и я не настолько помню его, чтобы восстановить впечатление, но по поводу нашего пушкинского кружка могу сказать, что он проделывал ту же самую работу, над которой трудилась целая стая пушкинистов, — под влиянием символистов была тенденция разгадывать Пушкина и углублять его. Основания для этого, тем не менее, имелись. В ряде стихотворений, отрывков, отдельных строк Пушкин скользит по краю какой-то громады, за его прозрачными строками клубятся тучи, сверкают молнии. Взять хотя бы строки:

И смерти дух меж нас ходил
И назначал свои закланья —

для каких головокружительных философем могут послужить поводом они? Но текст закрыт. Так же, как он закрыт в «Анчаре» — одном из самых загадочных стихотворений поэта. От «Анчара», по-моему, тянутся какие-то нити к «Медному всаднику», вместе и то и другое — трагедия судьбы, трагедия человека, встретившего на своем пути непреодолимое. Но наша ошибка заключалась в том, что мы искали разгадки, которой не могло быть. Поэзия, не только Пушкина, но и всякая настоящая поэзия, не дает решений философских проблем, она дает самую проблему, и решать ее можно как угодно. Из этого вытекает, что всякого рода гадания, несмотря на их соблазнительность, принадлежат к так называемым «суждениям по поводу».

Весной 16-го года я видел и слышал двух больших поэтов, выступавших в своем призвании в последний раз. Впоследствии, если им и приходилось читать стихи, то в другой обстановке, вероятно, не совсем обычной, я бы сказал, не совсем привычной. Валерий Яковлевич, вернувшийся с войны, где он был военным корреспондентом от «Русских ведомостей», читал свои стихи в «Обществе свободной эстетики», доживавшем последние дни. Общество помещалось теперь на Малой Никитской в доме другого общества — Юридического. Дом Востряковых на Дмитровке был занят, кажется, под лазарет. Все, начиная с самого помещения, в этом Юридическом обществе было уныло и мрачно. На Дмитровке вы входили в гостиную, садились где угодно, чувствовалась непринужденность с некоторым оттенком распушенности, здесь же угрюмо стояли рядами стулья и прямо перед ними сто-

дик. За столиком сидел В.Я., мрачный, усталый, читавший стихи, навеянные войной. Мне помнится, среди них было одно или два стихотворения в его прежнем стиле, остальные... не знаю, что сказать об остальных, до такой степени они казались мне тематичными. Угрюмые слушатели угрюмо внимали угрюмому поэту. Железный скрежет войны слышался здесь и в самой обстановке, и в чертах людей. Было тяжело и, что хуже всего, непонятно. Иное происходило на чтении Вячеслава Иванова. В.Иванов читал для всех (вход был по билетам) в помещении не то какого-то клуба, не то учебного заведения — во всяком случае, было очень светло, довольно просторно, шумно и почти весело. Когда Вячеслав Иванович вышел, я увидел его почему-то в каком-то зеленом облике. Как мне потом пояснил один антропософ, я удостоился почувствовать его ауру — зеленый цвет обозначал демоническое самоутверждение. Поэма называлась «Человек». Кажется, она никогда, по крайней мере в последующий период, не была напечатана⁴⁸. «Я поэт и творю мифы, — сказал В.Иванов в вступительном слове, — и по праву поэта написал гностическую поэму "Человек"». Поэма была написана терцинами и представляла собой вариант на темы создания человека, его грехопадения, его мистической судьбы. Это была попытка в далекой и перегруженной всевозможными штудиями форме обозначить смысл эпохи как решение вечной и сверхисторической темы человека. У ней была своя красота, в самом стремлении взглянуть на жизнь сверху и отделить временную оболочку от вечной. Демонизм этой поэмы заключался в утверждении злых сил как реальных и действенных.

Послушав В.Иванова, мы уже поздно, чуть ли не во втором часу ночи, вышли на улицу, всегда обещавшую что-нибудь неожиданное. Действительно, маршевый батальон отправлялся к вокзалу. Солдаты проходили строго, в хорошем строю, с ними шла наша судьба, но безумие всего совершающегося уже казалось обычным. Немного задумавшись и проводив взглядами батальон, мы отправились домой, по дороге обсуждая поэму В.Иванова.

Работа над философским произведением тем временем продолжалась, и чем больше я присматривался к А.И., тем больше он нравился мне. Прежде всего своей чудаковатостью и оригинальностью. Иногда, посмотрев сбоку на резко очерченный немного хищный профиль с крючковатым носом, я представлял его

склонившимся над счетной книгой, где ведутся денежные записи, иногда он казался мне героем романа во вкусе А.Белого, с какими-то невидимыми ему самому потусторонними устремлениями. Все вместе создавало так называемую эксцентричность, а эксцентричность, во всяком случае, приятнее заурядности.

К моему удивлению, он хорошо разбирался в отвлеченных проблемах философии, и хотя его книга от этого не стала лучше, — ему не хватало настоящего философского образования, — мы все же двигались вперед. Вечера в полутемном кабинете в этом странном доме, где жили люди, думавшие, что за деньги можно купить все, и тем не менее предрасположенные к каким-то сложным душевным приключениям, становились занимательными. В верхнем коридоре, где были расположены комнаты А.И., стояли большие окованные железом сундуки. Иногда ночью, часов в 12, мы слышали, как они открывались. Серафима Владимировна, мучимая бессонницей или старческими болезнями, а может быть, воспоминаниями, приходила осматривать старый хлам, набитый туда, — шелка и бархаты, платья и капоты — о каких выездах, балах и любовных приключениях напоминали они! Потом слышались тяжелые шлепающие шаги, и все стихало.

Однажды в такой вечер А.И. достал бутылку своего крымского вина, спрятанного за книгами, уложил рукописи в ящик и начал разговаривать. Доставая вино, он вытащил книгу, невинно закрывавшую бутылку на полке, и положил ее на стол. То был «Серебряный голубь»⁴⁹ с авторской надписью. — Где вы познакомились с Андреем Белым, — спросил я. — В имении Танеева, не музыканта, а другого, адвоката, — ответил он. — Андрей Белый с малых лет часто проводил у него лето, ведь это его отец. Профессор математики не имел к его происхождению прямого отношения. — Ну, это верно, сплетни, — опешив, ответил я. — Не знаю, во всяком случае Танеев был такой же чужак, как и он. Родовые черты угадывались сразу, — продолжал А.И., потягивая каберне. — А впрочем, все это пустяки. Что вы думаете о поездке в Крым? — вдруг неожиданно закончил он. — В Крым? — Да, в Крым. Там мы на досуге закончим книгу. — Для приличия я помедлил ответом, потом, конечно, согласился. — Вот и отлично, в начале июня мы и поедем. — Столь удачно начатый вечер был закончен в Дворянском Клубе, и мы в третьем часу ночи расстались, вполне довольные друг другом.

В начале июня курьерским поездом мы отбыли из Москвы. Я приехал на вокзал за пять минут до отхода поезда, так как едва нашел извозчика, старого ворчуна, тащившегося на своей кляче больше часа. Несмотря на войну, на следующий день, ровно в

12 часов дня, мы были в Симферополе. С нами ехал пятилетний Андриуша и его наставница, молодая немка из саратовских колоний. В Симферополе тотчас нашлась татарская тройка, предстояло путешествие на долгих, за что я благодарил Создателя. Дорога от Симферополя до Алушты, особенно когда ее делаешь медленно, на лошадях, вероятно, не имеет равной в мире. Соединение идиллии и скрытого ужаса, таящегося здесь уже в двух шагах от края дороги в бездонных пропастях, упоительный воздух, редко встречающиеся путники и полная утрата чувства времени. Последнее, пожалуй, для меня было самым замечательным. Мне казалось, что я могу встретить Пушкина, возвращающегося из имения Раевских, Мицкевича, так изумительно откликнувшегося из Чатыр-Дагу, кого угодно, с кем бы хотела сблизиться моя душа.

Чернеют склоны гор, полна долина мглой;
Лопочут родники, как бы сквозь сон глубокий,
Весть сердцу подают цветов живые соки
Благоухающей мелодией немой.

К вечеру, когда море лениво плескалось о берег и весь горизонт был затянут сизой дымкой, мы приехали в Алушту. Алушта — самый обыкновенный крымский городок. Между тем это древнегреческая колония Алусток, затем генуэзский форпост на южном берегу Крыма. Памятью этого периода остались две или три башни, сиротливо чернеющие среди маленьких домиков. От Алушты по направлению к Гурзуфу — прямой путь морским берегом; там-то, в так называемом Профессорском уголке, и было расположено имение А.И. В этот земной рай мы приехали часов в девять вечера и немедленно улеглись спать. Дом был просторный, комнаты большие, мебели мало. Диван и кресла в белых чехлах как нельзя более подходили светлому и солнечному миру, окружавшему все. Не замечать домашних вещей — первое условие свободы. Море было в двух шагах, под ропот прибоя и протяжные удары волн я заснул с сознанием неожиданного счастья, свалившегося на меня. Утром мы с А.И. обошли его владения. Виноградник занимал склон холма и упирался в Кагель, конусообразную гору правильной формы, которую точнее всего было бы назвать сопкой. Дорожка вдоль морского берега, обсаженная кипарисами, была пленительна уже тем, что волны разбивались в нескольких шагах от нее. Направо виднелся Аю-Даг, лениво припавший к воде. Потекла безмятежная жизнь. Философские занятия сами собой приобрели форму диалогов. Если бы не Спенсер и другие позитивисты, к которым питал слабость А.И., то под влиянием крымского воздуха книга приобрела бы более возвы-

шенный характер. Но и так она мне теперь казалась чем-то вроде нашей забавы. По вечерам гуляли и в один из предвечерних часов поднялись на Кагель. Как свидетельствует название — Кагель была генуэзской крепостью. Она стоит очень удачно, замыкая дорогу от Гурзуфа к Алуште. Следов крепости мы не нашли. Говорят, они сохранились с западной стороны, мы же поднимались с восточной. Подъем был очень труден. Кагель суровая гора, вся усеянная крупными валунами, выброшенными во время извержения вулкана. Взобравшись на вершину, мы спустились в засыпанный кратер, но там, кроме огромных ящериц и тех же камней, ничего не оказалось. Кагель — материковый вулкан, в нем нет ничего характерного для крымского пейзажа. Прежде всего, ее бока, чуть заросшие кустарниками, сплошь земляные, очертания правильные, нет этих неожиданных изломов, провалов, живописных руин и изваяний, которые отличают крымский пейзаж. Поэтому она молчаливо возвышается среди чуждого ей пейзажа в своей суровой замкнутости и в своем одиночестве.

Недели через две мы наслаждались настоящим крымским пейзажем. В одну из лунных ночей мы отправились на Демерджи, фантастическую горную складку по дороге от Алушты к Судаку. На этот раз с нами шел проводник, татарин Вемон, знавший всякую тропинку. Часов в девять вечера мы приехали в Алушту и зашли в старую татарскую кофейню; посидев за чашечками турецкого кофе, послали за Вемоном. Как только он пришел, отправились в путь. Подъем начался от Судакских ворот по маленькой тропинке, которую видел только Вемон. Он шел неумоимо впереди нас, похожий на тень, и эта неуклонно двигавшаяся тень передавала нам свою подвижность, свою неумоимость.

К 12 часам ночи, когда луна во всем великолепии заливала горы и долины нежным голубоватым светом, мы прошли полдороги и расположились отдохнуть в небольшой долине, возле ключа. Нельзя словами передать прелесть этой ночи, где лунный свет и необычайная нега, разлитая в воздухе, напоминала о легендарном Востоке, о поэзии Саади, о роскоши и неге Альгамбры.

Вот как, быть может, сложился мусульманский эпикуреизм, связанный, тем не менее, с почитанием Аллаха. Звездный шатер над головой — это о величии Творца, а глубокий отдых и покой, разлитый повсюду, — это о счастье и радости жизни. Созерцать и наслаждаться красотой мира — таково призвание человека...

Конечная цель нашего пути — была вершина, где расселись чудовища, то есть огромные выветрившиеся скалы, напоминавшие сфинксов. Мы поднялись туда к восходу солнца и видели, как оно, подымаясь из моря, все время меняя цвет, наконец зали-

ло Демерджи ровным светом. Солнце меняет цвета, проходя через разные слои атмосферы, но когда смотришь на эту фантазматорию, забываешь об этой простой истине. Перед вами нечто необъяснимое и восхитительное. Алла велик! Человек мал. Будь же покорен богу и поклоняйся ему. Так во всей чистоте могла возникнуть религия природы, не осложненная мраком северной ночи, грехами, покаянием, всем тем, что началось Христом и кончилось Гамлетом.

Обратный путь мы совершили по направлению к Чатыр-Дагу. Затем свернули влево и другой дорогой вышли почти прямо к дому. Этот обратный путь, несмотря на трудный спуск вниз, был изумителен по-другому. Здесь на всем пути были разбросаны ювелирно разукрашенные колонны, изваяния, что-то, к чему не прикасалась рука человека, и поэтому, быть может, более прекрасное.

Усталости, хотя мы прошли за ночь в горы и вниз верст двадцать и ни минуты не спали, — не чувствовалось совсем. Таково было действие горного воздуха, который, по-моему, может поднять умирающего с ложа смерти. Тотчас отправились купаться, и только уже после этого, почувствовав приступ расслабленности, улеглись спать. Скоро я почувствовал всю прелесть Крыма и по привычке пытался ее определить, если не в какой-нибудь формуле (это мне не приходило в голову), то хотя бы описательно. Сочетание моря, солнца и гор в неповторимом своеобразии — недоступно языку прозы. Все три начала мироздания здесь были не в простом сочетании, а в эстетическом. То есть природа была как бы освобождена от всего грузного и материального, ибо это сочетание явилось как художественная мысль, как нечто духовное. Но чудесная работа тех сил, которые мы называем природой, не успокаивается на этом. «Златотканый покров» обладает особыми средствами очарования, когда слышишь

Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

Мысль приобретает особые свойства. Она отстраняет все временное и случайное и сосредоточивается на сущности, даже не умея назвать ее по имени. Ночью, когда все ложились спать, я открывал двери на балкон и прислушивался к ровным мощным ударам прибоя о берега. Этот ритм мало-помалу, вливаясь в нечто цельное, завораживал своей правильностью и непреложной силой. Я незаметно переселялся в сон, а утром, утром было солнце. На севере его, в сущности, нет. Здесь, на юге, — солнце могучий властитель всего сущего. Оно создает вторую систему жизнечув-

ствования. Но у этой огненной печи есть свои особые законы. Ибо солнце абсолютный властелин. От него можно только спрятаться, но смотреть на него нельзя иначе, как склонив голову. Расслабленная и ленивая мысль бежит от своего властелина.

Через две недели А.И. уже являл образ этой расслабленной мысли и начал болтать всякий вздор. Так как появились москиты, терзавшие его по ночам, то он придумал весьма смешную и остроумную систему укрытия. Над кроватью было сооружено нечто вроде кисейного балдахина. Для верности этот балдахин перед отходом ко сну опрыскивался гвоздичным маслом. Результаты были блестящие, каждое утро А.И. появлялся измученный бессонницей, отравленный гвоздичным маслом. Так продолжалось до тех пор, пока я и наставница маленького Андриюши не уничтожили кисейного полога и выплеснули за окно гвоздичное масло. Последовали крики и объяснения, но скоро несчастный маньяк осознал целесообразность этого мероприятия. Скоро появились и люди. Они, собственно, были и раньше, но А.И., соскучившись на занятиях высокими материями, стал приглашать их к себе. По вечерам на балконе собиралось изрядное общество. Здесь был профессор по детским болезням, который дал совет сечь не в меру расходившегося Андриюшу крапивой. Была оперная певица из Киева и ее обожатель, профессор ботаники того же киевского университета, какие-то барышни и молодые люди из соседней дачи. Все шумели, болтали, а А.И. пронзительным голосом нарочно болтал всякий вздор, придумывая парадоксы и необыкновенные истории. А война? Войны просто не было, мы ее оставили в Москве, и она напоминала о себе только газетами, которых никто не читал.

Осуждать за это нельзя. Во-первых, враг был далеко, во-вторых, по общему мнению, дело было безнадежное. Так называемое «пораженчество» было настолько сильно, что даже недавние успехи брусилковского наступления, кстати, быстро оборвавшиеся, никого не переубедили. Власти нас тоже не особенно беспокоили. Было только приказано занавешивать окна, выходящие на море. Время от времени мы с А.И. следили в цейсовский бинокль за горизонтом. Иногда нам удавалось установить перископы подводных лодок. Впрочем, однажды утром я был разбужен мощными залпами артиллерийских орудий. Как будто наш флот производил учебную стрельбу. Так протекало лето — к августу виноград начал покрываться сизым налетом. Крым становился все пленительнее. Не хотелось думать об отъезде, и тем не менее он настал. Я выехал 14-го августа один, мне предстояло начать снова педагогические занятия. В довольно пасмурный августовский день я

сел в Алуште на автомобиль и отправился в Симферополь. И так, была та же дорога, но, словно предвещающая грядущие невзгоды, она была задернута сетью дождя. Пьяный шофер вел автомобиль с огромной скоростью, у самого края срывов в пропасти; так мы домчались до перевала, где разразилась гроза. Мне казалось, мы скользим среди туч, молнии освещали этот путь призраков (все было в тумане), в ушах стоял звон и к довершению всего огромный желтый автомобиль, тащившийся впереди нас, свалился в канаву. «Женщины остаются, мужчины на помощь», — скомандовал какой-то субъект восточного облика, не менее пьяный, чем шофер. Мы ринулись к автомобилю, вытащили плачущих полумертвых женщин, помогли поставить автомобиль на колеса и понеслись дальше.

Вступив на симферопольский вокзал, я ослепительно почувствовал, что вернулся к действительности. Огромная, вонявшая мокрою псиной очередь у кассы сразу напомнила мне счастливые московские дни. С трудом получив билет до Москвы и плацкарту до Харькова, я поместился в вагон и постарался поскорее заснуть. В Харькове, куда мы прибыли в три часа дня, нас всех почему-то пересадили в другой поезд, в купе оказалось 12 человек. Так, сидя, мы спали и ехали с большими затруднениями; от Орла уже весь коридор был занят пассажирами, но в конце концов в 9 часов вечера, через двое суток после отъезда, мы притащились в Москву. Никогда не забуду мокрой пролетки, холодного дождливого вечера, почти полной тьмы, какого-то внутреннего мрака (прибавлю, и внешнего), царившего на московских улицах.

Я остановился в пустой квартире Анисимовых в Мертвом переулке и на следующий день в самом скверном настроении отправился устраивать свои дела.

Здесь нужно сделать отступление. Еще в 15-м году в гимназии Травниковой, где я преподавал, замечая ушедшего на войну Миллера, я познакомился с Т.В. С-ой, преподавательницей этой же гимназии. Маленькая, рыжая, чрезвычайно живая Т.В. скоро подружилась со мною, и я стал бывать у нее на дому. Между нами установилась хорошая дружба. У нее был жених, находившийся в Петербурге, кажется, на какой-то тыловой службе, но и помимо этого мы не чувствовали друг к другу никакого влечения, кроме общих литературных интересов и взаимного понимания. Сестра, весьма некрасивая, и старуха мать — таково было это милое московское семейство в грибоедовском переулке на Плющихе. Т.С-ва занималась искусством и впоследствии работала в музеях царских дворцов под Ленинградом. Ее отец был видный географ и исследователь Туркестана. Сестра совершила с ним все

путешествие в Среднюю Азию и показывала мне ряд снимков, заставлявших меня вздыхать и проклинать свою неподвижность.

Так вот, Т.С-ва водворила меня в гимназию Рейман, находящуюся на Никитском бульваре. Это было, кажется, в ту пору единственное учебное заведение, где мальчики и девочки учились вместе и где были отменены отметки. В гимназии собрались дети передовой московской интеллигенции, но дела ее шли плохо, ибо, естественно, родители боялись отдавать детей в такое экстравагантное учебное заведение. Но во главе гимназии стояли две женщины: Евгения Альбертовна Рейман и ее подруга Вера Федоровна Федорова.

Это были две подвижницы педагогического призвания. Мне кажется, они жили чуть ли не впроголодь, отдавая последние гроши на свое учебное заведение, где несколько десятков мальчиков и девочек, плохо одетых, но все с ярко выраженными вкусами, составляли как бы одну семью, милую, беспомощную и обреченную в будущем на ряд испытаний. Впрочем, многие из них стали профессорами, академиками, видными учеными и деятелями. В этом старом доме екатерининских времен зимой стоял страшный холод, отопить такое помещение в ту эпоху не было никакой возможности. Однако дело шло недурно. Первый выпуск, состоявший из четырех человек, читал на общем собрании родителей свои годовые рефераты по русской литературе и вызвал восторженное удивление присутствующих.

Евгения Альбертовна, ей было лет пятьдесят, со строгим и правильным лицом французского типа, была до сих пор красива, но, по-видимому, затаила в сердце какую-то личную трагедию, и, может быть, поэтому целиком ушла в свою аскетическую деятельность.

Вера Федоровна, рябая, стриженная, громогласная, кричавшая и на учеников и на учителей, была добрейшим существом в мире. Обе они составляли душу гимназии и были неразрывно связаны друг с другом. Внизу, в первом этаже, была квартира Евгении Альбертовны. Войдя к ней в первый раз, я был поражен изумительной красной мебелью стиля «русский ампир» начала XIX века. И вот что оказалось. Педагогическая профессия у Рейманов преемственно передавалась из поколения в поколение чуть ли не целое столетие. Дед или прадед Е.А., содержавший в Москве пансион, после отъезда кн. Зинаиды Волконской в Италию обосновался в ее особняке, и, разумеется, мебель осталась у него.

Так с пушкинской эпохой в нижнем этаже, мировой войной и грядущей революцией во втором — я начал подвизаться в этом

редкостном учебном заведении. Но кроме гимназии Рейман, куда я зашел узнать, когда начнутся занятия, мне предстоял и другой визит. Дело в том, что обуреваемый жадной деятельностью Анатолий Иванович вошел в соглашение с некоей мадам Гейне, содержавшей женскую гимназию в Большом Сухаревском переулке на Сретенке. Так как А.И. немедленно оживил дело деньгами и своей энергией, то гимназия пошла недурно, по-видимому, обещающая стать выгодным коммерческим предприятием. С письмом А.И. я отправился к г-же Гейне. Гимназия помещалась в неказистом доме, в скверном переулке, населенном беднотой и проститутками. Добравшись до нее, я в приемной стал дожидаться г-жу Гейне. Через несколько минут появилась старушонка с бельмом на глазу, в платках, замасленная, с подвязанной щекой. Тут между нами произошел разговор вроде того, какой вели Чичиков и Плюшкин. Отступив на шаг, я сказал: — Я бы желал видеть госпожу Гейне. — Она самая, — с достоинством ответила г-жа Гейне, недружелюбно посмотрев на меня. Но, очевидно, слова А.И. были для нее законом. Прочитав письмо, где А.И. называл меня «своим сотрудником», она тотчас рассыпалась в любезностях, и дело было завершено в несколько минут.

Теперь мне оставалось только найти комнату, что в ту пору было уже делом более чем трудным. В Мертвом переулке, в квартире, находившейся над квартирой Анисимовых, расположилась ее подруга В.Н., вышедшая весной замуж за Столярова. У них оказалась свободная комната, и я переехал туда. Рядом с нами был особняк М.К. Морозовой, то есть Религиозно-философское общество имени Соловьева.

Осень была холодная и дождливая. Глядя на небо, на клочья разорванных туч, можно было устанавливать непосредственное взаимодействие стихийных и человеческих элементов. Московские улицы, давно уже неприглядные, заполняла взъерошенная суетливая толпа. Всякий, кто взглянул бы на опустошенные лица, тусклые глаза, иногда сверкающие волчьими огоньками ненависти и злобы, понял бы, что произошло что-то существенное и, вероятно, произойдет нечто, еще более страшное. Запасные солдаты, составлявшие теперь значительный процент московского населения, своим отнюдь не воинственным видом прибавляли ко всему этому нечто, притягивавшее весы истории к развязке. Они охотно вступали в разговоры, и единственный вопрос, который мне приходилось слышать, был один и тот же: скоро ли

кончится война. Я понял, что нужна величайшая собранность духа. Нужно было противостоять стихиям, готовым вырваться на свободу. Уже давно я намерен был написать книгу об искусстве, придав ей форму свободного монолога, позволяющего отступления в разные стороны. По вечерам, когда было свободное время, я и занимался этим, не раздумывая, удастся ли мне ее окончить и будет ли она напечатана. К несчастью, комната моя была сырая и холодная, с каждым днем она становилась холоднее, и зимой натопить ее было почти невозможно. Ежась от холода, я размышлял о высоких проблемах, чувствуя, что так или иначе, но мне удастся завершить всю ту работу, которая протекала последние годы не только в моем кругу, но, и если позволено сказать, и в самой эпохе. Я хотел написать о символизме и реализме, о догмате и мифе, о поэзии и прозе и т.д. В один из таких вечеров ко мне пришел Бобров, довольно злой и изыбший, но полный полемического жара. Книгоиздательство «Центрифуга» уже выпустило несколько небольших книг по разным вопросам, условно скажем, поэтики, смысл которых заключался в полемике с символистами и вообще со всеми, кто не входил в изд-во «Центрифуга». Теперь Бобров готовил третий альманах и был озабочен двумя книгами, на которые, по его мнению, следовало дать ответ. То были «Борозды и межи» В.Иванова и книга А.Белого о Штейнере и Гете⁵⁰. Антропософов, свивших прочное гнездо в квартире Анисимовых, я не любил и охотно взялся за эту тему. Относительно В.Иванова было установлено, что я подумаю и дам ответ через неделю. На том и порешили. Посидев у меня и обругав всех и вся, Бобров ушел, сказав в заключение, что он готовит к печати новую книгу стихов Пастернака. Книга Андрея Белого была написана в ответ Эмилию Метнеру, выступившему в защиту Гете от посягательств на него доктора Штейнера. Антропософская интерпретация Гете занимала московских поклонников великого поэта. Сам Штейнер неоднократно писал, что его философия в значительной степени является развитием мыслей Гете. Напомню, что храм, строившийся в Дорнахе, назывался «Гетеана». «Вильгельм Мейстер», с его таинственным братством и проблемой искания жизненного пути, давал достаточно поводов для различных догадок, но главное заключалось в гетевской философии природы. А.Белый и явился ее истолкователем. Так как все его построения отличались чрезвычайной сумбурностью, то я с удовольствием набросился на эту книгу. С Вячеславом Ивановым дело обстояло не менее просто. «Борозды и межи» были настолько насыщены всеми пороками символизма, что не составляло никакого труда их разоблачить.

Вскоре из Швейцарии приехал и Борис Николаевич. Он приехал потому, что ему предстояло отбывать воинскую повинность, об этом следовало бы упомянуть просто как о курьезном случае нелепой эпохи, но с антропософской точки зрения это не было курьезом. Сам «доктор» велел своим ученикам не уклоняться от воинских обязанностей. Объяснение заключается в извращенном толковании христианства и особенно понятия жертвы и искупления. По-видимому, соединив христианское понятие жертвы с индусской Кармой, Штейнер извлек из этих, самых загадочных религиозных понятий, некое оправдание войны, изложенное А.Белым в апокалиптических тонах следующим образом: «"Запада" на Западе нет и точно так же нет "Востока" в Востоке. "Восток" и "Запад" — треснувшие каркасы умершей культуры, из середины которой мы уже выходим в борениях нашей совести, в падении великолепных соборов, в мировой войне, в мировых безумиях, в революции, нас влекущей к Голгофе. Завеса старого храма разодралась ныне надвое: на восток и на запад; за ней мгла; за ней возглас "Ламма Саввахвани". Совершившееся раз с одним — да совершится со всеми: мы примем Распятие, и потому-то знаем наверное»...⁵¹

«Наверное» мы ничего не знали, как и автор этих строк, перемешавший в своей книге все имена и все эпохи для доказательства недоказуемого, но, впрочем, скоро мы увидели его самого все в том же Религиозно-философском обществе, то есть рядом с нами. Он читал отрывки или даже целые главы из книги, которую я цитировал. Вид у него был экстатический. Воздев руки, он почти пропел следующее стихотворение, вошедшее в эту книгу:

Открылось! Весть весенняя! Удар молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров!
В грядущие, громовые, блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается... Христос.
И голос поднимается из огненного облака:
«Вот тайна благодатная, исполненная дней!»
И огненные голуби из огненного облака
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Все эти откровения могут показаться теперь смешными. Но было бы ошибкой думать так. А.Белый был все же поэт и писатель. Правда, время произвело неумолимую работу, и то, что он делал, заняло свое место. Оказалось, нельзя отделять ни его поэзии, ни прозы от него самого. Чтобы понимать А.Белого, нужно было знать и его, и интимную жизнь эпохи. Все, что было свя-

зано с его личностью, умерло вместе с ним. А что же осталось? На этот вопрос я пока не могу ответить. Для меня А.Белый — мой старший современник, которого я видел и слышал, с кем я был знаком и неоднократно разговаривал на всевозможные темы. Я понимал его поэзию и прозу в связи с тем, что делалось вокруг. Это, конечно, доказывает относительность его дарования. Он был слишком созвучен своей эпохе и ушел вместе с ней. Однако уже тогда я был убежден, что антропософия исказила его дарование. Как, например, А.Белый толкует свое собственное творчество? Вот как: «Два романа мои "Петербург" и "Серебряный Голубь" рисуют два ужаса не держащей до конца жизни нашей: освобождение в бессердечной главе и в безумстве сердечном. Аполлон Аполлонович Аблеухов убегает от жизни в "главу": по ней путешествуя, бродит он: но "глава" эта — желтый дом Аримана: разросшийся череп. И гонит безумие Сердца к свободе от мозга — Дарьяльского: он сгорает в радениях: из столера Кудеярова на него глядит Люцифер: гибнет он»... «Череп будет разбит: светлый Голубь пришествия спустился в отверстие наших разрывов: соединение головных и сердечных наук будет следствием схождения Голубя из-за мозга сквозь мозг на сердечный престол. Чаша сделана будет. Парсиваль: будет с нами»⁵².

Когда-то с такой же страстью и с такой же уверенностью в недоказуемом русская интеллигенция уходила в народ, подменяя религиозное чувство пропагандой своеобразного «царства божия на земли». Мне думается, А.Белый был той же породы. На самом деле он глубоко и типично русский интеллигент, которому судьба подсунила Вл.Соловьева вместо какого-нибудь пророка социального деяния.

Весной 16-го года подруга Веры Оскаровны, В.Н., собиралась выходить замуж за М.П. Столярова⁵³. Было решено отпраздновать свадьбу в Дедове, имени Коваленских, близких родственников Вл.Соловьева. Возле Дедова расположено село Хованское, где А[нисимо]вы проводили лето. Как-то и я провел чудесную неделю в Хованском. Было решено привлечь к участию в свадьбе С.М. Соловьева⁵⁴, проживавшего в то время в Дедове и уже обличившегося в рясу. С.М. Соловьев и А.Белый оба женились на сестрах Тургеневых. В Москве много говорили об этих, разумеется, мистических браках⁵⁵. А.Белый в своей «Офейре» посвятил Асеряд страниц, где она изображается как светоч его жизни. Приехав в Дедово, мы постучались в двери маленького флигелька, какая-то девушка, очевидно, прислуга, открыла нам двери. Она с трудом сдерживала смех, видимо, в доме что-то происходило. — Сергей Михайлович? — спросил кто-то из нас. — Они служат, —

со смехом ответила проказница и тотчас убежала. Оказалось, Сергей Михайлович, готовясь к званию священника, так сказать, репетировал в своей семье церковную службу.

Свадьбу отпраздновали весело. С.М. служил вместе с другими священниками, и, по общему мнению, был очень мил. Об этом трагическом и глубоко несчастном человеке говорить здесь не место.

Вспомнил я эту историю вот почему. Брак обоих друзей окончился печально. В годы гражданской войны С.М., уже отец двух дочерей, был покинут своей женой, которая предпочла ему какого-то учителя. А.Белый с Асей, проходившей под его руководством курс антропософии, проводил время в странствиях и в Дорнахе. И что же? В 21-м году я встретил Нилендера и спросил его о Белом. — Он в Берлине, — ответил Нилендер, — с ним такое несчастье, — здесь Нилендер закатил глаза. — Ася ушла от него⁵⁶. — Да с кем же? — сочувственно спросил я. — С Кусикóвым. Вы подумайте, гитарист, пьяница, бьет женщин, и Ася ради него бросила Б.Н. — «По-видимому, нормальная женщина», подумал я. Вся эта история с мистическими браками была чрезвычайно характерна для эпохи.

Зная А.Белого, я понял Асю и не осудил ее. С.М. был несчастен, по-видимому, по-другому.

Я вспомнил обо всем этом не потому, что мне хотелось рассказать неприятный случай из биографии А.Белого, а только потому, что случай был не случайным. В какой-то период гражданской войны он снова уехал в Берлин. Там рассорился или разошелся с учителем, храм в Дорнахе таинственно сгорел, и Белый в 22 или 23 году окончательно обосновался в Москве. Однако это следующая глава нашей истории, поэтому пока оставим его в покое⁵⁷. Две небольшие статьи о Белом и В.Иванове я написал, но и они, и третий альманах «Центрифуги» остались в архиве С.Боброва.

Между тем наступила зима. Мы с А.И. заканчивали его книгу и сдали ее в печать. Занятия в гимназии продолжались соответственно стилю времени, жестокий ветер крепчал, правительство, по-видимому, лишилось последних остатков разума. В ноябре или декабре месяце Бобров показал мне книгу Пастернака «Поверх барьеров»⁵⁸, которая была своеобразным ответом на совершающиеся события. Несколько стихотворений, посвященных войне, были искажены цензурой. Остальные в каком-то смысле передавали внутренний смысл разбушевавшихся стихий. Так же, как Блок цитирует стихотворение Катулла в своей книге о Катилине⁵⁹, я бы мог провести параллели между ритмами Пастернака и посту-

пью событий. Даже больше — можно было бы показать, где начиналось расхождение его и духа времени. В ней все было перевернуто, разбросано, разорвано, и некоторые строфы напоминали судорожно сведенные руки. Как поэтическое явление книга со всей отчетливостью выражала его творческий метод, с которым он впоследствии упорно боролся, пока отчасти не вышел из этой борьбы победителем, добившись понятности и относительной простоты. К тому времени, когда писались «Поверх барьеров», у него должно было сложиться некоторое поэтическое самосознание, я не скажу, полная уверенность в себе. Как оказалось, единственный поэт, на которого он оглядывался, чувствуя свою близость к нему, был Маяковский. Я говорю о близости первых книг Маяковского. В «Охранной грамоте» Маяковскому посвящены несколько пылких страниц. Вот что писал Пастернак: «Время и общность влияний роднили меня с Маяковским. У нас имелись совпадения. Я их заметил. Я понимал, что если не сделать чего-то с собою, они в будущем участвят. От их пошлости его надо было уберечь. Не умея назвать это, я решил отказаться от того, что к ним приводило. Я отказался от романтической манеры. Так получилась неромантическая поэтика "Поверх барьеров"». Но под романтической манерой, которую я отныне возбранял себе, крылось целое мировосприятие. Это было понимание жизни как жизни поэта»⁶⁰.

Если под романтической манерой Маяковского Пастернак подразумевает т.наз. «лирического героя» его первых книг, то эти соображения понятны. Но поэтические средства этого «лирического героя» отнюдь не романтичны — или, вернее, они приводили к своеобразному романтизму благодаря тому способу, каким его применял Маяковский. Просмотрите бегло его первые книги — у вас останутся в памяти куски улиц, крики отчаяния (больше всего криков), брутальная самоуверенность и самоутверждение. Сочетание всего этого своеобразно, и если потребуется определить школу или направление, то готовых, издавна бытующих терминов явно не хватит. Попробуем, однако, проанализировать одно из ранних стихотворений Маяковского, именно «Несколько слов обо мне самом»⁶¹:

Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибоя смеха мглистый вал заметили
за тоски хоботом?

Первая строчка фраппирует — она звучит, как вызов общепринятой морали и, по-видимому, рассчитана на это. Выражение «тоски хобот» характерно для всей ранней манеры Маяковского,

опирающейся на несоответствие образов, не имеющих ничего общего друг с другом. Однако, нарушение смыслового значения слов налицо:

А я —
 в читальне улиц —
Так часто перелистывал гроба том.

Тема смерти становится яснее, но не ощутительнее, благодаря явной выдуманности всего словесного сочетания. «Гроба том» объясняет «читальню улиц». Все в целом — введение в тему, которая начинается следующей строфу:

Полночь
 промокшими пальцами шупала
 меня
и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.

Последняя строка невозможна и понятна только как галлюцинация. Но она имеет смысл в связи с переходом ко второй теме — отчаяния:

Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть.

В этой строфе вторая тема, тема отчаянья сразу нарастает и становится осмысленной. Экстравагантность образов оправдана. Она включена в так называемое «переживание».

Солнце!
 Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя лется дорогою
 дольней.
Это душа моя клочьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!

Кода снижает тему и утрачивает ее. Она явно придумана и слабо связана с предыдущей темой.

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!

Итак, только средняя тема, тема отчаяния выдерживает критику и может быть признана поэтически ценной. Но самое интересное, конечно, в этой концепции — строение образа и его смысл. Мы прежде всего скажем — отказ от установленных эпитетов, превращение мира в своеобразный миф первобытного сознания. Своеобразие, тем не менее, налицо. Гипертрофия восприятия, связанная с гипертрофией «я». Средством для воплощения этого «я», пребывающего в состоянии неистовства и бешенства, был мир вещей. Перевернутый, оплеванный, изнасилованный, с перемещением смысловых значений. Отсюда ясен переход к так называемому второму периоду, когда Маяковский начал искать тему более или менее вне себя. Для этого периода характерен шарж в сочетании с гротеском.

В ресторане было от электричества рыжо!
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.
И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба — изловчившись — в сытую морду
ударила горстью модных слез.

(«Кое-что по поводу дирижера»)

Физиологичность и животность вешнего мира у Маяковского были обычным способом символики. Если после него перейти к «Поверх барьеров», то книга поразит своим простором, голосом, несущимся вдаль. Недаром одно из заглавий в книге было «Раскованный голос»⁶². Человек как будто сорвался с цепи и полетел в космические пространства. Но во время полета в его памяти остались только клочья и куски звездных миров:

Я несся бедой в проводах телеграфа,
Вдали клокотали клочки зарниц,
В котлах, за зубцами лесных бойниц
Стояла тишь гробовая.
Лапшу полыханий похлебывало

Из черных котлов, задыхаясь,
В одышке далекое облако.⁶³

«Поверх барьеров» — книга обреченности. Она состоит из гениальных фрагментов, которые автор тщетно пытался привести в порядок во втором издании, совершенно искажившем эту замечательную книгу. Но в чем «совпадения» с Маяковским? Ко всякому поэтическому произведению мы можем предъявить два самых общих требования: 1) единство темы, 2) оправданность образов. И Маяковский и Пастернак были вне этих требований или, вернее, понимали их по-своему. И у того и у другого темы разветвлялись сообразно течению образов, до утраты своей сути. У того и другого образ мог превратиться в самодовлеющую, не связанную с темой величину. Но у символистов тема — это внутренняя форма стихотворения, внешне ей отвечает так называемая *correspondance* — соответствие. Как я уже отмечал, это и было истинной манерой Пастернака, которого спасло от обвинения в символизме, во-первых, невежество критики и, во-вторых, реализм деталей и, в-третьих, полное отсутствие условностей, обычных у символистов. Предлагаю проанализировать такое прекрасное символическое стихотворение как «Импровизация»⁶⁴ в первом издании «Поверх барьеров».

Книга вышла в канун революции, в начале 17-го года. Во многом она по своему внутреннему смыслу созвучна ей. Поэт часто оказывается тем, что Тютчев назвал «органом глас глухонемой»⁶⁵, знал ли он об этом? Может быть, иначе он не написал бы своего «Петра»⁶⁶.

В окна моей комнаты, застывшей от холода, виднелся все тот же знакомый московский пейзаж. Прямо сейчас же за домом церковь «Успенья на Могильцах», где мы встречали Пасху, налево мудреные коротенькие переулки «Малый Могильцевский» и «Большой Могильцевский», потом Староконюшенный, Власьевский, исконная дворянская Москва, с ветшающими особняками; там протекает жизнь разных чудиков, чтящих Пушкина и Вл. Соловьева. В окна я вижу, как, пыхтя и отдуваясь, посреди улицы идет Григорий Алексеевич Рачинский. Он идет к Маргарите Кирилловне⁶⁷ поговорить о делах книгоиздательства «Путь», основанного ею. Внизу, в квартире Анисимовых, я знал, — для этого издательства В.О. переводит «Философию откровения» Шеллинга, а Юлиан, погрузившись в кресло, вникает с той же целью в книгу Бема «О трояком корне». Однако по вечерам здесь бывают

тревожные разговоры. Во-первых, приехал Борис Николаевич⁶⁸, во-вторых, на улицах подальше, за Мертвым переулком, все становится мрачнее и мрачнее. Магазин Шафорстова на Арбате, да и Беловы, уже не те, попробуйте найти прежнюю чайную колбасу с фисташками или поросячьи окорока. Пирожные у Трамбле тоже не те. Плохо, плохо. Про войну или полоумное правительство лучше не говорить.

Недалеко от меня, в Могильцевском переулке, в старом полуразрушенном особняке живут сестры Брюсовы, Надежда Яковлевна и Лидия Яковлевна, а также их брат Александр Яковлевич. Что-то я давно не был у них. Последний вечер был шумным и людным. Была Бронислава Матвеевна, сестра Жанны Матвеевны. Очень некрасивая. Прощаясь с нею, Ходасевич сказал: «целую вас», потом сделал паузу и прибавил «мысленно, конечно». Нет, не хочется идти туда. Там печаль и мрак.

Недавно в Минске застрелился Муни, муж Лидии Яковлевны и друг Евгения Ивановича. С Брюсовыми меня познакомил Е.И., кажется, в 13-м году. Лидия Яковлевна уже к тому времени родила, и Е.И. был крестным отцом. Помню, встретились на бульваре, вероятно, выходя из греческой кофейни, я, Е.И. и Володя Высоцкий⁶⁹. Володя Высоцкий был красавец мужчина в цилиндре, с ним мог состязаться, кажется, только Ликиардопуло⁷⁰, который во время войны пробрался в Германию, а потом потрясал всех своими статьями на тему «у немцев в тылу». Он видел позеленевшего Вильгельма и много разных чудес. Немцы ели хлеб, который назывался «кригсброд», но и это нас не утешало. Это к слову, Володя Высоцкий был известным переводчиком Пшибышевского. Встретившись с ним, Е.И. спросил: «Как Муни?», на что Высоцкий, прищурившись, ответил: «У него, извините, жена родила». Е.И. неодобрительно посмотрел на меня. Ибо я, конечно, по молодости лет, заржал, как лошадь. Ах, остряки, остряки! Если бы вы знали, чем кончатся ваши остроты!

Не помню, с кем я познакомился раньше: с Муни или с Надеждой Яковлевной. Муни был высокий, с огромной черной бородой, вид имел библейский. Он состоял на юридическом факультете и писал хорошие стихи, которые, впрочем, при жизни не печатал. Е.И. очень любил его и читал за редкий ум. Муни был человек трагический. Его ум не щадил ничего. Роман «Алтарь Победы»⁷¹ Валерия Яковлевича он называл «Гром победы». Задумался над «Петербургом» Белого и сказал, что это книга «великого ужаса». Я с ним стал спорить. Начало в альманахе «Сирия» мне очень понравилось⁷². «Дальше Белый изгадил все. Высоко поднял, плохо поддержал. Помните сцену, где Аблеухов-младший, спасаясь

от бомбы, несется в клозет, а за ним с "прискоком" папаша? Да-с, из большого замысла скверный анекдот». Муни подумал и добавил: «Книга великого ужаса, не столько для нас, сколько для Белого». С этим я не мог согласиться. Муни погубил его ум, выживавший все вокруг, как серная кислота. В начале войны он отправился в Сибирь на какую-то канцелярскую должность. Он мог просидеть там спокойно до конца событий, но ему показалось скучным быть вдали, и он попросился на фронт. Его перевели в Минск. Там он неожиданно застрелился. Лидии Яковлевны я не понимал. Она была какая-то тяжелая, молчаливая. Дружил я с Надеждой Яковлевной⁷³. Квартира была довольно большая, но все комнаты, как в старых московских домах, — проходные. В самой большой комнате помещалась музыкальная школа Надежды Яковлевны и ее сестры Калюжной.

В этой музыкальной школе Н.Я. преподавала по своей собственной системе, о которой я не могу ничего сказать, так как никогда не интересовался этой системой. При первом взгляде на ее создательницу можно было задать вопрос, при чем здесь музыка. Во всем облике Н.Я. была такая суровая аскетическая выразительность, что, казалось, ей скорее подобает роль социал-демократки, превратившей марксизм в Евангелие, чем музыкантши. И тем не менее это было неправильно. За этой сдержанностью скрывалась подавленная страстность, пламенные мечты о преобразовании личности через музыку, воспитание чувств. Вероятно, это и составляло ее систему. Всегда в черном простом платье, перехваченном кожаным поясом, Н.Я. являла вид строгой учительницы, но, если удавалось снять эту оболочку, то она сразу оживала и начинала говорить со свойственной ей убедительностью. Она была очень некрасива, те же черты, что и у В.Як., только без одушевляющей его поэтической силы. Меня к ней влек, во-первых, ее чисто мужской ум, во-вторых, она хорошо знала Добролюбова и Коневского, которых мы знали и любили во времена наших сред. Огромная папка с ненапечатанными произведениями Коневского хранилась у Надежды Яковлевны много лет. Однажды она мне доверила для прочтения, и я помню, с каким интересом читал прекрасные ненапечатанные статьи Коневского о Баратынском, его теоретические анализы и многое другое. О Коневском и Добролюбове мы разговаривали целые вечера, Н.Я сохранила к ним подлинную духовную привязанность. Любимый писатель ее, кажется, был Достоевский.

Потом, в годы революции, Н.Я. стала видной деятельницей музыкального образования в России, но здесь я постепенно потерял ее из виду.

Так вот, в этой квартире я провел немало хороших часов. После самоубийства Муни там все изменилось, мы заходили иногда с Е.И. вместе и по-прежнему решали сложные проблемы, еще более осложненные войной и революцией. Она подвигалась все ближе и ближе с каждым днем. Симптомом, как бы усиливающим ее приближение, были страшные морозы, начавшиеся чуть ли не с ноября месяца. Морозы ослабили движение поездов с удовольствием, выросли голодные очереди, и как всегда бывает в таких случаях, параллелизм событий принял зловещий характер.

В ночь на 17-е декабря я и Анатолий Иванович засиделись в Дворянском клубе до 2 часов. Возвращаясь домой на извозчике, я почувствовал, что промерз до костей, и утром проснулся с сильнейшей болью в горле и высокой температурой. В эту ночь известная персона, проживавшая в чертовом раю, то есть С.-Петербурге, была спущена в прорубь Невы. Газеты в следующие дни были переполнены самыми заманчивыми сообщениями, намеками и разоблачениями. Январь прошел в зловещей напряженности, в феврале началось движение народа и войск в Петербурге, затем последовало отречение царя. Монархия пала, это событие не могли оценить в полной мере в те дни, когда оно совершилось.

Это было не только внешнее событие, но и глубоко внутреннее. Народ целые столетия был связан личностью монарха и вслед за ним православной церковью. Первая сила в несколько дней перестала существовать, вторая довольно быстро последовала за ней. То, что связывало Россию в единое целое, исчезло, как бы под дуновением ветра. Этот ветер явно уже дул на великих российских равнинах, и целое столетие русская интеллигенция направляла его в одну точку. Теперь ее мечты сбылись. Сбылось то, за что изнывали в тюрьмах и шли на эшафот тысячи ее представителей. Однако постараюсь вспомнить все по порядку. Эти дни напоминают быстро закипающий котел. Было известно, что в Петрограде произошли события, их восприняли как призыв к действию. Запасные части армии уже давно были готовы — тот темный инстинкт, который имеет такое значение в неожиданных народных движениях, делал ненужной какую-то ни было агитацию. Каким-то образом сложилась организация, и настал день, когда вооруженные солдаты вышли на улицу.

Я помню, в один из таких первых дней стоял с толпой против манежа, со стороны нынешней Ленинской библиотеки. Солдаты на грузовиках с винтовками и георгиями на груди пристально наблюдали за тем, что происходило у ворот манежа, этого огромного здания. Там были выстроены полуроты, перед ними взад и впе-

ред шагал офицер, по-видимому, сам не зная, что ему предпринять. В это время раздались крики ура и неистовый рев, издали по Моховой, в строю подходили новые вооруженные батальоны — манеж сдался, все смешалось в одну восторженную толпу. На моих глазах произошло одно из важнейших событий этих дней, которое впоследствии называли единением войск и народа.

На следующий день все улицы были заполнены миллионной толпой, в церквях благовестили. Началась новая эпоха русской истории. Последующие дни и внезапно наступивший хаос сливаются в одно расплывчатое пятно, где краски и цвета менялись каждый час, оставаясь в то же время по существу одинаковыми. С гиком неслись мальчишки, выкрикивавшие заманчивые заголовки газетных сообщений — «Арест Николая II», «Распутин и царский двор» и т.п. С треском сдирали двухглавых орлов всюду, где они были, на аптеках, магазинах, учреждениях. Наступившая оттепель способствовала общему одушевлению, со всех возвышенных мест на разных языках произносились речи. Мужички в серых шинелях, совершившие так просто и легко революцию, подумывали о деревне, а кое-кто, не откладывая, уже отправился туда. За общей сумятицей забыли о том, что именно теперь начинается самое трудное.

Таким образом, классический стиль революции — бой на улицах осуществился в некоторой, хотя и ограниченной, степени в Петербурге. В Москве власти действовали нерешительно, очевидно, ожидая приказов и распоряжений, которых неоткуда было получить. Моральное крушение монархии было настолько истощающим, что даже у ее защитников опускались руки. Итак, свершилось то, о чем мечтали декабристы, народовольцы, их преемники, все, кто видел в революции осуществление идеала свободы. Но дело в том, что народ понимал свободу по-своему. Прежде всего — как освобождение от материального гнета, а в смысле правовом — как безвластие, а не как новую власть. Трагедия Февральской революции заключалась именно в этом, и понадобился железный грохот Октября, чтобы внести поправку в эту вековую иллюзию. Особенно была растеряна интеллигенция. Она мечтала совсем о другом, и, увидев народ на улице, не знала, как подступить к этой стихии и как справиться с нею. К несчастью, во главе правительства стал человек, который явно смешивал призвание актера с государственной деятельностью. Народная программа была проста — мир, земля, уравнивание в правах и материальном положении. Здесь и началась трагедия интеллигенции, которая неожиданно для самой себя оказалась связанной с падшим строем множеством всевозможных связей гораздо глубже,

чем она сама это предполагала. Но тем не менее было ясно, что вместе с императорской властью так или иначе должна окончиться война.

Как это произойдет, никто не знал, тем не менее достаточно было посмотреть на армию, быстро превратившуюся в толпу бродяг, отправлявшихся на крышах вагонов домой, чтобы понять неизбежность того или другого решения. Когда это стало ясным, все понятия права, чести, достоинства России сместились и возник хаос, поддерживавшийся падением дисциплины во всех областях жизни. Революция означает разрыв не только по вертикали, но и по горизонтали. В эту горизонталь попала интеллигенция со своими книжными и нежизненными представлениями о народе, свободе, справедливости и т.п.

День шел за днем, и в один из этих дней приехал Борис Пастернак. Он был счастлив, он был доволен. — Подумайте, — сказал он мне при первой же встрече, — когда море крови и грязи начинает выделять свет... — тут красноречивый жест довершил его восторг⁷⁴. Тотчас было приступлено к делу и задуман роман из времен великой Французской революции. Помню ряд книг, взгромоздившихся на его столе, взятых из университетской библиотеки, из Румянцевской, не знаю еще откуда. Огромные тома с планами Парижа той эпохи, где изображались не только улицы, но и дома на этих улицах, книги с подробностями быта, нравов, особенностей времени — все это требовало колоссальной работы. Понятно, что замысел скоро оборвался. Воплотилось только несколько сцен в драматической форме, которые потом были напечатаны в одной из газет⁷⁵. Однако он читал мне начало одной главы. Ночь, человек сидит за столом и читает Библию. Это все, что у меня осталось в памяти. Характерно, тем не менее, что прежде всего ему пришла в голову французская революция. Казалось, было бы проще, идя по прямым следам, писать о русской революции, но правильный инстинкт художника подсказал ему верное решение. Роман об эпохе можно писать лишь после того, как она закончилась.

Со смутным чувством чего-то огромного, свершившегося в жизни каждого из нас, в середине мая я отправился в Сураж и вернулся в Москву лишь в конце августа. В провинции сменилась власть, население было довольно спокойно, но чувствовалось, что внутри кипит следующая волна. Дорога в Москву и фантастические поиски комнаты, закончившиеся тем, что я поселился на Малой Бронной, в квартире управляющего Пробринной палаткой, само по себе заслуживает целой главы. Пока я ее пропускаю, равно как и изображение двух месяцев, предшествовавших Октя-

брьской революции. Встретившись с Борисом, проживавшим по-моему, на Сивцевом Вражке, я узнал, что вместо романа о французской революции он написал уральскую повесть «Детство Люверс»⁷⁶, которую в один из тусклых осенних вечеров, прочитал мне. Впервые я слушал его прозу, рассчитанную на большой разворот внутренних событий. Повествование разворачивалось медленно и довольно тяжело. Сюжет, так сказать, обновил отдельные частности и получил смысл через них. Изумительное проникновение в психологию девочки, перед которой раскрывается мир, было в сущности темой этой повести. Эта повесть была недостаточно понята и оценена современниками. Уже несколько лет спустя редакция «Красной Нови» попросила меня написать рецензию на первый сборник прозаических вещей Пастернака. Один из мотивов просьбы заключался в том, что нужно было «шевелнуть» книгу со складов издательства. Ее покупали плохо. Рецензию я написал, и ее напечатали⁷⁷. Чтение происходило за несколько дней до октябрьских событий.

Возвращаясь по темным и мрачным улицам Москвы, я думал о том, какая судьба ожидает нас всех, и с этими же мыслями через несколько дней отправился к А.И. Давыдову. Он мне немедленно сообщил, что в Петрограде начались события и наверное они перекинутся в Москву. «В последний раз, — улыбаясь сказал он мне, — предлагаю вам отправиться в Дворянский клуб». В прихожей клуба швейцар сказал нам, что по его сведениям занят почтамт. Мы ужинали в почти пустом зале. Однако в этом старинном учреждении ничего не изменилось. Подавали те же лакеи, так же были приготовлены блюда. На следующий день этот запоздалый пережиток монархии перестал существовать навеки. Утром я проснулся от треска пулеметов, возвещавших начало новой эры в истории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая

¹ Локс приехал в Москву из Суража в августе 1907 и поступил на юридический факультет Университета.

² Брюсов В. *Urbi et Orbi*: Стихи 1900-1903 гг. М.: «Скорпион», 1903.

³ *Никитский монастырь* был расположен на углу Большой Никитской улицы и Кисловского переулка, ныне ул. Семашко. На улицу выходили здания келий и монастырская ограда. Монастырь был снесен в 1935 для строительства энергоподстанции метрополитена.

⁴ *Пестрый изразцовый дом* на Большой Никитской (№54) принадлежал сестрам Римме Николаевне и Сарре Николаевне Лопатиным (архитектор Каминский, 1876).

⁵ *Перевал*. Журнал свободной мысли. Издавался в Москве в 1906-1907. Редактор С.А. Соколов.

⁶ Дом графини Соллогуб (№52 по Поварской) теперь занят Союзом писателей. В 1920-х там располагался Литературный институт им. Брюсова, где преподавал К.Локс.

⁷ А.И. Герцен. Былое и думы. Т.1, 2 — Лондон, 1861; Т.3 — Женева, 1866. (В женевское издание вошла 5-я часть «Париж — Италия — Париж» и «Русские тени»).

⁸ Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Полярная звезда. 1857. Кн. III.

⁹ В.О. Ключевский читал лекции на юридическом факультете в 1906-1909. На портрете Ключевского (1908) Леонид Пастернак изобразил его читающим лекцию в той же характерной позе, которую описывает Локс.

¹⁰ Стихотворение А.С. Хомякова «России» (1839). Локс цитирует по памяти, у Хомякова: «Ты духа жизни допроси!»

¹¹ Источник цитаты не установлен.

¹² Неточная цитата заключительных строк стихотворения Брюсова «Прелести земли» (1901) из кн. «Urbi et Orbi».

¹³ *Анатолий Андреевич Бурнакин* (ум. 1932), критик и журналист, критическая позиция которого была охарактеризована Брюсовым как «литературное хулиганство». С начала 1910 сотрудничал в газ. «Новое время».

¹⁴ Белый А. Пепел. СПб., 1909. Стихотворение «Отчаянье» («Довольно: не жди, не надейся...») посвящено З.Н. Гиппиус.

¹⁵ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

¹⁶ Собраны и подклеены проза и стихи Ляшкевича.

¹⁷ Имеется в виду стихотворение «Croquis parisien» («La lune plaquait ses teintes de zinc...») из книги Верлена «Eauxfortes».

¹⁸ Евгений Иванович Боричевский (1883 - конец 1934/нач. 1935? — сообщено И.Бабеньшевой), закончил Московский ун-т в 1909, затем жил в Минске, автор работы «О природе эстетического суждения» (Минск, 1923). Составил антологию «Мир искусств в образах поэзии...» (М., 1922).

¹⁹ *Марсель Швоб* (1867-1905). Книга Монэль / Пер. К.Бальмонта и Елены Ц. СПб., 1909; Книга Монеллы / Пер. Л.Троповского. СПб.: Изд-во «Ad Astra», 1910.

²⁰ Церковь Воскресения Словущего (другое назв. в честь Филипповского придела — Апостола Филиппа) была расписана по наружным стенам.

²¹ Майков Л.Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.

²² Дочь Кюхельбекера Юстина (Устинья) Вильгельмовна (р. 1843) после смерти отца была взята на воспитание теткой Ю.К. Глинкой. По высочайшему распоряжению она носила фамилию Васильева до 1856. В замужестве — Косова. Никаких сведений о дочери Кюхельбекера по фамилии Гапкина не удалось разыскать.

²³ Сергей Иванович *Соболевский* (1864-1963), филолог-классик, переводчик, автор учебников и словарей.

²⁴ Юрий Ананьевич Сидоров (1887-1909).

²⁵ Дом М.А. Мишке на Смоленском бульваре — №24.

²⁶ Дворянская фамилия *Бутурлиных* ведет происхождение с конца XII века, один из них был видным боярином при Алексее Михайловиче, другой — фельдмаршалом при Петре I, Елизавета возвела их в графское достоинство. Александр Сергеевич Бутурлин (1845-1916), врач и участник революционного движения, был сыном знаменитого орнитолога и путешественника С.А. Бутурлина. В течение многих лет был дружен и переписывался с Л.Н. Толстым. О нем речь идет в воспоминаниях С.Л. Толстого «Очерки былого» (М., 1949. С.361-370).

²⁷ Женевское издание «Гавриилиады» нами не обнаружено.

²⁸ Василий Игнатъевич *Живокини* (1807-1874), актер-комик, первый исполнитель ролей Добчинского в «Ревизоре», Кочкарева в «Женитьбе».

²⁹ Алексей Константинович *Топорков* (1882-?), философ.

³⁰ Георг *Зиммель* (1858-1918), немецкий философ, представитель философии жизни и культуры, автор работ о Гете, Рембрандте, Ницше.

³¹ Георгий Иванович *Челпанов* (1862-1936), философ, педагог. Преподавал в Киевском ун-те и был первым учителем философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева и др.; с 1906 — профессор Московского ун-та.

³² Эдуард *Гартман* (Hartmann; 1842-1906), немецкий философ, последователь А.Шопенгауэра.

³³ Глинищевский переулок — теперь ул. Немировича-Данченко; Сенная — ныне Смоленская площадь.

³⁴ Алексей Аркадьевич *Столыпин* («Монго», 1816-1858), двоюродный брат матери Лермонтова и друг поэта, опубликовал свой перевод «Героя нашего времени» во французской газ. «Democratie pacifique» (1843. 29 сентября — 4 ноября) под названием «Un héros du siècle ou les Russes de Caucase».

³⁵ Стихи Брюсова, посвященные Нине Ивановне Петровской (1884-1928), вошли в кн. «Венок» (1906). Их отношения нашли отражение в романе Брюсова «Огненный ангел» (1908). См.: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э.Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып.8 М., 1992. С.7-138; Письма Андрея Белого к Н.И. Петровской / Публ. А.В. Лаврова // Там же. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.198-214.

³⁶ Сергей Алексеевич *Соколов* (псевд. Сергей Кречетов, 1878-1936), поэт, владелец изд-ва «Гриф»; Летучий голландец: Вторая книга стихов. М., 1909.

³⁷ Цитата из стихотворения В. Брюсова «In hac lacrimarum valle» (1902).

³⁸ Брюсов В. Stephanos: Венок: Стихи 1903-1905 гг. М., 1906.

³⁹ В.Ходасевич в «Некрополе» кратко передал обстоятельства романа Н.Петровской с Белым и Брюсовым, ее отъезд за границу в 1911, самоубийство в Париже в 1928. Сборник рассказов Петровской «Sanctus amor» вышел в изд-ве «Гриф» в 1908.

⁴⁰ Григорий Александрович *Рачинский* (1859-1939), философ, литератор, близкий к символистам, переводчик.

⁴¹ *Маргарита Кирилловна Морозова* (1873-1958), жена фабриканта и коллекционера М.А. Морозова, учредительница московского Религиозно-философского общества, владелица изд-ва «Путь».

⁴² Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Полн. собр. соч. Т.10. СПб.; М., 1911. С.287-334.

⁴³ Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Весы. 1905. №4. С.11-28.

⁴⁴ *Сергей Николаевич Дурылин* (1886-1954), поэт и публицист, принял священство в 1917.

⁴⁵ *Н.Огнев* (Михаил Григорьевич Розанов, 1888-1938), участник кружка молодых поэтов при журн. Н.Г. Шебуева «Весна», выходившем с перерывами с 1908 по 1914.

⁴⁶ Сидоров Ю. Г. Чулков. Покрывало Изиды. Критические очерки // Русская мысль. 1909. №1. Отд. III. С.6-8. Сборник Юрия Сидорова «Стихотворения» был издан в 1910 (изд-во «Альциона») со вступительной статьей А.Белого, Б.Садовского и С.Соловьева.

⁴⁷ Неточная цитата из стихотворения М.Кузмина «Прогулка на воде» («Сквозь высокую осоку...») из первой книги стихов «Сети» (М., 1908). Первые стихи из его «Александрийских песен» были напечатаны в «Весех» в 1906.

⁴⁸ *Вера Оскаровна Станевич* (1887-1967), поэтесса, переводчица.

⁴⁹ Белый А. На перевале. I. Кризис жизни; II. Кризис мысли (Пб., «Алконост», 1918); III. Кризис культуры (Пб., «Алконост», 1920).

⁵⁰ Белый А. Пепел: Стихи. СПб.: «Шиповник», 1909.

⁵¹ Белый А. Кубок метелей. Четвертая симфония. М.: «Скорпион», 1908; Блок А. Снежная маска. СПб., 1907.

⁵² Имеется в виду роман: Свентицкий В.П. Антихрист: Записки странного человека. СПб., 1908.

⁵³ Имеются в виду работы Фридриха *Ницше* (1844-1900) «Menschliches Allzumenschliches» (1878); «La Gaya Scienza» (1882); «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» (1872); «Also sprach Zarathustra» (1883-1884).

⁵⁴ Из стихотворения В.Брюсова «Последнее желанье» («Urbi et Orbi»).

⁵⁵ Неточные цитаты из стихотворений Е. А. Баратынского «Благословен святое возвестивший...» (1839) и «Когда дитя и страсти и сомненья...» (1844). У Баратынского: «Какой-нибудь неправедный изгиб»; «Ты, смелая и кроткая, со мною...»

⁵⁶ Ср. стихотв. Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865):

*Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.*

В стихотворении «Люблю глаза твои, мой друг...» (1836) у Локса пропущена третья строка: «В минуты страстного лобзания».

⁵⁷ Вторая строфа из стихотворения В. Брюсова «Мы к ярким краскам не привыкли...» (1899).

⁵⁸ Брюсов В. Пути и перепутья: В 3 тт. Т. III: Все напевы. М.: «Скорпион», 1909.

⁵⁹ Строка 8 на с. 59: «Я исполню все, что хочешь» из стихотворения «Осенью» («Небо ярко, небо сине...»).

⁶⁰ Белый А. Луг зеленый: Книга статей. М.: «Альциона», 1910. Книга включает статью «Брюсов», которую Локс цитирует (С. 181, 184, 193). В последней цитате правильно: «Бездны мира издавна зияли в его образах».

⁶¹ Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. 1. Л., 1924.

⁶² Ходасевич В. Sanctus amor («И я пришел к тебе, любовь...») // Перевал. 1907. №4 (февраль). Последняя строфа стихотворения, которую вспоминает Локс:

*И снова ровен стук сердец;
Кивнув, исчез недолгий пламень,
И понял я, что я — мертвец,
А ты лишь мой надгробный камень.*

⁶³ В. Ходасевич не завершил книгу о Павле I. О своем замысле 2 мая 1913 Ходасевич писал Борису Садовскому: «Сообщу Вам по секрету тему: принц Гамлет и император Павел... Но, пожалуйста, никому об этом ни слова, у меня уже украли несколько тем». Из этой работы сохранился фрагмент, написанный летом 1913; опубл. в кн.: Ходасевич В. Державин. М., 1988; приведенную цитату см. в этом издании (С. 10).

⁶⁴ Александр Яковлевич Брюсов (1885-1966), археолог, поэт, переводчик, младший брат В. Я. Брюсова, друг В. Ходасевича, автор книги стихов «По бездорожью» (1907).

⁶⁵ Александр Федорович Диеперов (1883 — не ранее 1931), поэт, филолог, автор сборника «Стихотворения» (1911).

⁶⁶ Вера Николаевна, в замужестве Столярова.

⁶⁷ Андрей Белый в 1910-1911 при издательстве «Мусагет» руководил кружком по изучению ритмики русского стиха. В его кн. «Символизм» (М.: «Мусагет», 1910) кроме философских работ вошли стиховедческие штудии, впервые изложенные на заседании кружка.

⁶⁸ *Юлиан Павлович Анисимов* (1886-1940), поэт, переводчик, художник. Его книга стихов «Обитель» вышла в изд-ве «Альциона» в 1913.

⁶⁹ С поэзией Райнера Марии Рильке познакомил Анисимова Борис Пастернак. «В один из ближайших вечеров, отправляясь на собрание "Сердарды", пьяного сообщества, основанного десятком поэтов, музыкантов и художников, я вспомнил, что обещал принести Юлиану Анисимову, читавшему перед тем отличные переводы из Демела, другого немецкого поэта, которого я предпочитал всем его современникам. И опять, как не раз уже и раньше, сборник "Mit zur Feier" очутился у меня в руках в труднейшую мою пору и ушел по слякоти на деревянный Разгуляй, в отсыревшее сплетенье старины, наследственности и молодых обещаний...» (Пастернак Б. Охранная грамота // СС. Т.4. С.158). В библиотеке Пастернака сохранилась книга «Stundenbuch» Рильке с дарственной надписью автора Леониду Пастернаку, пометками Анисимова на полях и вариантами строк русского перевода.

⁷⁰ Блок А. Ночные часы: Сборник стихов 1911 г.

⁷¹ *Борис Александрович Садовской* (1881-1952), поэт и литературный критик.

⁷² *Алексей Владимирович Станчинский* (1888-1914), композитор и пианист, в 1907-1914 занимался у С.И. Танеева.

⁷³ Доклад Белого состоялся 1 ноября 1910.

⁷⁴ Б.Садовской в последних классах гимназии написал балладу «Иван Грозный»; опубл. в газ. «Волгарь» (Н.Новгород) 6 января 1901.

⁷⁵ Садовской Б. Яблочный царек // Русская мысль. 1912. №8. (Вошел в сб. рассказов: Садовской Б. Адмиралтейская игла. Пг., 1915).

⁷⁶ Этот эпизод, местами буквально, приведен Н.Н. Вильмонтом в качестве «кропотливо восстановленного монолога», слышанного им «во время нескольких встреч» с Локсом (см.: Вильям-Вильмонт Н.Н. Борис Пастернак. Воспоминания и мысли // Новый мир. 1987. №6. С.207). Здесь, очевидно, использован не «монолог» Локса, а написанный им текст «Повести об одном десятилетии», ходившей в машинописи по рукам.

⁷⁷ Пастернак Б. Близнец в тучах. М.: «Лирика», 1914. Книга составлена из стихов лета 1913.

⁷⁸ Из стихотворения «Так начинают. Года в два...» (1921).

⁷⁹ *Сергей Иванович Сперанский* — ординарный профессор историко-филологического факультета; *Матвей Никанорович Розанов* (1858-1936), историк европейской литературы.

⁸⁰ Роберт Юрьевич *Виннер* (1859-1954), историк античности. Александр Николаевич *Савин* (1873-1923), историк, специалист по европейской истории средних веков и новейшего времени.

⁸¹ Густав Густавович *Шпет* (1879-1937), философ, преподавал в Московском ун-те с 1909 по 1918. Александр Владиславович *Кубицкий* преподавал античную философию. Евгений Густавович *Браун* — лектор историко-филологического ф-та.

⁸² Аристотель. Этика / Перевод Э.Л. Радлова. СПб., 1908.

⁸³ Аполлон Аполлонович *Грушка* (1869-1929), приват-доцент классической филологии, автор работ по латинскому языкознанию, переводчик. Запись его лекций о Лукреции сохранилась в студенческих бумагах Пастернака.

⁸⁴ Швоб М. Вымышленные жизни (*Vies imaginaires*): Сборник рассказов в переводе Лидии Рындиной под редакцией С.Кречетова. М.: «Гриф», 1909.

⁸⁵ Леонид Осипович Пастернак (1862-1945). Розалия Исидоровна Пастернак (1868-1939), пианистка. *Брат Шура* — Александр Леонидович Пастернак (1893-1983), архитектор.

⁸⁶ Наброски стихотворений Пастернака 1910-1912 были переданы К.Г. Локсом на хранение его ученице С.А. Суховаловой. В 1993 поступили в РГАЛИ.

⁸⁷ Это место текста с некоторой перестановкой фраз приведено в воспоминаниях Вильмонта как «устный и запомненный на десятилетия» рассказ Локса (Указ. изд. С.207).

⁸⁸ Мережковский Д. Гоголь и чорт. СПб., 1906.

⁸⁹ Лев Михайлович *Лопатин* (1855-1920), профессор Московского ун-та, председатель Московского психологического общества. Сохранились студенческие тетради Пастернака с записями лекций по истории новейшей философии, читанных Лопатиным.

⁹⁰ *Церковь Василия Кесарийского* — находилась на 1-й Тверской-Ямской ул., снесена в 1935.

⁹¹ Начальные строки стихотворения Ю.Сидорова.

⁹² *Иринея*, епископ Лионский (II век), во время гонений при Марке Аврелии находился в Лионе, скончался мученической смертью во время Септимия Севера. Его деятельность была направлена на борьбу с гностицизмом.

⁹³ О какой книге идет речь, не установлено.

⁹⁴ *Валентин* (II век), основатель гностической философии, система его учения изложена Иринеем Лионским в книге, направленной против «лжеименного знания».

⁹⁵ Локс цитирует статью В.С. Соловьева о Валентине и валентинианах из Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (Т.9. С.370).

⁹⁶ *Александр Добролюбов* (1876-1945?), поэт, автор стихотворной книги «*Natura naturans. Natura naturata*» (1895). Собрание стихов Добролюбова было издано Брюсовым в 1900.

⁹⁷ *Статья* Ивана *Коневского* «К исследованию личности Добролюбова» была помещена Брюсовым вместе со своей статьей в «Собрание стихов Александра Добролюбова» (М., 1900).

⁹⁸ Герман *Эббингауз* (1850-1909), психолог, профессор Берлинского ун-та. Ср. шуточное стихотворение Пастернака:

Окутана мгlistой росой,
Над гнусной, зловонною Язусой
Чертою зловеще косой
Восходит звезда Эббингауза.

(Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С.264).

⁹⁹ На этот счет тоже имеется стихотворение Пастернака:

И разойдись в народном танце,
В безбрежной дали тупика
Перед трактиром хор субстанций
Отплясывает трепака.

(Там же).

¹⁰⁰ Доклад «Символизм и бессмертие» был прочитан 10 февраля 1913. Тезисы см.: СС. Т.4. С.682-683.

¹⁰¹ Открытка из Марбурга датирована 19 мая 1912. «/.../ История становится здесь землею. Это знают, это чувствуют все: ректор, производя торжественное зачисление несметной толпы студентов (и меня и меня и меня), пожелал нам, чтобы дыхание поэзии, овевающей город святой Елисаветы, унесли мы с собой, как обет молодости /.../» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.172; СС. Т.5. С.36-37).

¹⁰² Ср.: Н.Н. Вильмонт. Указ. изд. С.208.

¹⁰³ В.Брюсов отозвался о книге А.Диесперова «Стихотворения» в обзоре в «Русской мысли» (1911. №7).

¹⁰⁴ Белый А. Золото в лазури. М., 1904.

¹⁰⁵ Церковь *Ржевской Божьей Матери* находилась на углу Поварской и Ржевского переулка, где теперь стоит здание Верховного Суда.

¹⁰⁶ В мае 1912 Белый с женой встретились в Кельне с создателем антропософии Рудольфом Штейнером и стали его учениками. *Эллис* (Кобылинский Лев Львович, 1879-1947), поэт, переводчик, теоретик символизма.

¹⁰⁷ Сергей Павлович Бобров (1889-1971), поэт, переводчик, критик. Описание эксцентричного прихода Боброва соответствует словам Пастернака в очерке «Люди и положения» о том, что появлению Боброва на Разгуляе «предшествовали слухи, будто это новонародившийся русский Рембо» (СС. Т.4. С.318). В это время Бобров писал также статью о французском поэте «Жизнь и творчество Артюра Рембо» (Русская мысль. 1913. №10).

¹⁰⁸ Бобров С. Вертоградари над лозами. М.: «Лирика», 1913.

¹⁰⁹ Имеется в виду салон Д.Н. и Е.А. *Свербеевых* в Москве, где происходили встречи и споры славянофилов и западников, и дом А.С. *Хомякова*, славившийся широким гостеприимством.

¹¹⁰ В доме Хомякова на Собачьей площадке была специальная комната, называвшаяся «говорильня», где, по воспоминаниям современников, велись бесконечные ночные споры гостей.

¹¹¹ Борис Борисович *Красин* (1884-1936), композитор и этнограф, участник революционного движения, литератор.

¹¹² Сергей Антонович *Клычков* (1889-1937), поэт и прозаик. С 1909 прикнуд к «Мусагету», участвовал в альманахе 1911 года, издал свою первую книгу «Песни. Печаль-Радость. — Лада. — Бова» в изд-ве «Альциона» (1911).

¹¹³ Альманах «Лирика» вышел в апреле 1913. Он открывался эпиграфом из стихотворения Вяч. Иванова «Воззревшие»:

Пора птенцам, Орлица,
Очами пить эфир;
Яви теням — их лица,
И странным мира — мир.

¹¹⁴ Алексей Алексеевич *Сидоров* (1891-1978), историк искусства, книговед, с 1916 преподавал в Московском ун-те.

¹¹⁵ Семен Яковлевич *Рубанович* (ум. 1932), поэт, переводчик. Перевел «Записки вдовца» П.Верлена («Альциона», 1911).

¹¹⁶ Асеев Н. Ночная флейта. [М.:] «Лирика», 1913.

¹¹⁷ Стихотворение Пастернака «Сумерки... словно оруженосцы роз...» вошло в сб. «Лирика» и с тех пор при жизни автора не перепечатывалось.

¹¹⁸ Пастернак получил диплом первой степени. Выписанный ему диплом остался в архиве ун-та и не был им забран.

¹¹⁹ Сергей Федорович *Платонов* (1860-1933), профессор русской истории. Его учебник «Лекции по русской истории» многократно переиздавался (Изд. 7-е. СПб., 1910).

¹²⁰ Юрий Владимирович *Готье* (1873-1943). См. его: Лекции по русской истории. М., 1907.

¹²¹ Этот и следующий эпизод использован Н.Н. Вильям-Вильмонтом: Указ. изд. С.208.

Книга вторая

¹ Ср. в письме Пастернака из Молодей 20 июня 1913 к Локсу: «Здесь неизреченно хорошо. Как мне поверить, что все это чудо "за моим подоконником" так же чудесно и у соседей, и дальше, и вероятно у Вас» (Минувшее. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С.176).

² «Житейская философия Кота Мурра» переводилась на русский язык в 1890-х М.Бекетовой и К.Бальмонтом. См. письмо Пастернака Локсу от 10 июля 1913 о чтении Гофмана (Там же. С.178).

³ В этом доме одновременно с Пастернаками проводили лето еще пять или шесть семейств. Пастернаки занимали четыре комнаты. Дом описан в очерке Пастернака «Люди и положения». См. также его письмо к Локсу от 20 июня 1913 (Там же. С.175-176).

⁴ Ср. этот эпизод в воспоминаниях Вильмонта (Указ. изд. С.209). В этом месте Вильмонт, отмечая талант Локса как рассказчика, называет «Повесть» Локса, признаваясь в знакомстве с нею.

⁵ Зимой и весной 1914-1915 Пастернак жил в доме коммерсанта Морица Филиппа воспитателем его сына Вальтера. Летом 1914 жил на даче у Ю.Балтрушайтиса в качестве домашнего учителя его сына, зимой 1917 — в Тихих Горах давал уроки сыну директора завода Л.Я. Карпова Володе.

⁶ *Муни* (Киссин Самуил Викторович, 1885-1916), поэт, друг В.Ходаевича, который посвятил ему очерк в кн. «Некрополь».

⁷ Ахматова А. Четки. СПб., 1914.

⁸ Гумилев Н. Путь конквистадоров. СПб., 1905. Стихотворение «Но зачем победы в час вечерний...»

⁹ Возможно, речь идет о книгах: Булгаков С.Н. История политической экономии: Курс лекций, читанный в Московском коммерческом институте. М., 1907; Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. Киев, 1918.

¹⁰ Имеются в виду статьи Н.А. Бердяева «К.Леонтьев — философ реакционной романтики» (Вопросы жизни. 1905. №7) и «Рыцарь нищеты (Леон Блуа)» (София. 1914. №6).

¹¹ Из стихотворения Ф.Тютчева «1856» («Стоим мы слепо пред Судьбою...»)

¹² Павел Павлович Муратов (1881-1950), писатель и искусствовед. В эмиграции жил в Риме и Париже, умер в Ирландии. Его книга «Образы Италии» (в 3 тт.) вышла в Берлине, в изд-ве Гржебина, в 1923.

¹³ Найденная в книге В.Ф. Одоевского «Русские ночи» (1844) свободная форма давала возможность сочетать элементы романа и философского трактата.

¹⁴ Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание: М.; СПб., 1910-1914. Редакторы С.И. Гессен, Э.К. Метнер, Ф.А. Степун.

¹⁵ Степун Ф. (Н.Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. М.: «Задруга», 1918.

¹⁶ Трифон Георгиевич *Трапезников* (1882-1926), искусствовед, музейный работник, антропософ, друг А.Белого, с которым познакомился в 1912 на лекциях Р.Штейнера.

¹⁷ София. Журнал искусства и литературы. М. (печ. в Ярославле), 1914. Редактор П.П. Муратов. Вышло всего 6 номеров (январь-июнь). Статья Локса «*Апулей*»: София. 1914. №3. С.73-92.

¹⁸ Муратов П. Эгерия. Берлин; Пг.; М.: Изд-во Гржебина, 1922.

¹⁹ Предисловие к «Близнецу в тучах» написал Н.Асеев: «Мы знаем, что звонко прозвучат эти стихи в оцепенелой тишине русского Символизма, ибо они наследство его по праву рождения и им довлеет рыцарский меч раскаленный».

²⁰ В рукописи стихи отсутствуют.

²¹ Из стихотворения С. Боброва «Турбопэан», напечатанного в «Руконого» в 1914.

²² Это стихотворение Пастернака, посвященное Асееву, не было издано.

²³ Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Печать и революция. 1922. №1; Иванов Вяч. Младенчество. Пг.: «Алконост», 1918.

²⁴ Сергей Бобров 22 января 1914 разослал членам «Лирики» письмо с извещением о прекращении деятельности издательства. Под «декретом» стояла подпись Асеева, Боброва и Пастернака. В ответ на оскорбительную записку Анисимова 27 января 1914 Пастернак вызвал его на дуэль и просил Локса быть посредником. Анисимов принес извинения, дуэль не состоялась. См. письмо Пастернака к Локсу (Минувшее. Вып.13. С.181-183).

²⁵ Стихотворение Пастернака «Не подняться дню в усилиях светилен» (1913) вошло в сб. «Близнец в тучах»; в 1928 коренным образом переработано, снято посвящение И.В., добавлено название «Зимняя ночь».

²⁶ Стихотворение Пастернака «Марбург» (1916) посвящено его объяснению с Идой Высоцкой летом 1912.

²⁷ Ида Высоцкая приезжала в Москву осенью 1912.

²⁸ Дом Высоцких находился в Чудовском переулке (ныне пер. Стопани). До последнего времени в нем помещался Дом пионеров.

²⁹ Роман Ж.Ш. Гюисманса «Наоборот» (1884) вышел по-русски в 1906.

³⁰ Пятеро *сестер Синяковых* приехали в Москву из Харьковской обл., села Красная Поляна. Зинаида Михайловна, в замужестве Мамонова, — певица, Надежда (в замужестве Пичета, 1889-1975) — пианистка, Мария (в замужестве Урчина, 1890-1984) — художница, Ксения (в замужестве Асеева, 1893-1985) и Вера (в замужестве Гехт, 1895-1973).

³¹ Из стихотворения Пастернака «Метель» (1915), посвященного визитам сестер Синяковых, живших в Замоскворечье.

³² Пастернак был влюблен в Надежду Михайловну Синякову. Ей посвящены многие стихи из кн. «Поверх барьеров» (1917).

³³ Асеев Н. Оксана: Стихи 1912-1916 годов. [М.:] «Центрифуга», 1916.

³⁴ Иван *Гонта* (ум. 1768) и *гайдамаки* — участники освободительного движения в Правобережной Украине в XVIII в. Герой поэмы Шевченко «Гайдамаки».

³⁵ Источник цитаты не установлен.

³⁶ Интересно сопоставить это ощущение Локса с пассажем в «Охранной грамоте» о предвоенной весне 1914: «Краски были в последний раз той ядовитой травянистости, с которой они вскоре навсегда расстались» (СС. Т.4. С.218).

³⁷ О желании пойти добровольцем — в «Охранной грамоте»: «Осенью в течение нескольких дней меня /.../ сталкивала с Маяковским и, кажется, с Большаковым одна из формальностей, требовавшихся при записи в добровольцы. Процедуру эту мы друг от друга скрывали. Я не довел ее до конца, несмотря на отцово сочувствие. /.../ Меня заклял отказаться от этой мысли сын Шестова, красавец прапорщик. Он с трезвой положительностью рассказал мне о фронте, предупредив, что я встречу там одно противоположное тому, что рассчитываю найти» (СС. Т.4. С.225-226).

³⁸ Очевидно, речь идет о статье С.Л. Франка «О поисках смысла войны» (Русская мысль. 1914. №12).

³⁹ Интересно сравнить эти рассуждения Локса с отрывком Пастернака: «Был странный год...» (1916): «Рожь, попорченная спорыньей, — больная рожь. Деревня, питающаяся такой рожью, заболевает поголовно — почти поголовно. Почти поголовно больны были люди тех лет, употреблявшие в виде опасности — большую опасность и объединявшиеся вокруг опасности так, как если б опасность была благоденствием» (СС. Т.4. С.439-440).

⁴⁰ *Дом Коровина* — дом №9 по Тверскому бульвару.

⁴¹ Стихотворение Пастернака «Какая горячая кровь у сумерек...» вошло в кн. «Поверх барьеров» (1917). При жизни автора не переиздавалось.

⁴² *Василий Васильевич Каменский* (1884-1961), поэт, футурист, занимался живописью. Автор стихотворных книг «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» (1914), «Девушки босиком» (1917).

⁴³ Дома на Мясницкой принадлежали матери Анатолия Ивановича Серафиме Владимировне Давыдовой, вдове тайного советника.

⁴⁴ *Константин Абрамович Липскеров* (1889-1954), поэт, переводчик.

⁴⁵ Борис Ильич Збарский (1885-1954), биохимик, был главным инженером заводов З.Г. Резвой (вдовы С.И. Морозова) во Всеволодо-Вильве на Урале. Пастернак прожил там зиму и весну 1916. Следующую зиму Збарский и Пастернак работали на заводах Ушковых в Тихих Горах на Каме.

⁴⁶ Повесть Пастернака «Детство Люверс» была написана осенью 1917. Действие происходит на Урале. В кн. «Поверх барьеров» (1917) вошли стихотворения 1916, рисующие уральские пейзажи.

⁴⁷ Брюсов В. Египетские ночи: Поэма в шести главах (обработка и окончание поэмы А.Пушкина) // Стремнины. М., 1916. №1.

⁴⁸ Поэма Вяч. Иванова «Человек» издана в Париже в 1939.

⁴⁹ Белый А. Серебряный голубь. [М.:] «Скорпион», 1910.

⁵⁰ Белый А. Гете и Рудольф Штейнер в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М.: изд-во «Духовное знание», 1917. См. об этом также письмо Пастернака Локусу (Минувшее. Вып.13. С.167, 185).

⁵¹ Белый А. На перевале. Берлин; СПб.; М.: Изд-во Гржебина, 1923. С.55. Стихотворение «Открылось! Весть весенняя, удар молниеносный...» — С.125.

⁵² Там же. С.142.

⁵³ Михаил Петрович *Столяров* (1888-1937), философ, друг Белого, чл. совета московского Антропософского общества. См. о нем: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917-1923 гг.) / Публ. Дж.Мальмстада // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.6. М., 1992.

⁵⁴ Сергей Михайлович *Соловьев* (1885-1942), поэт, критик, впоследствии принял сан священника.

⁵⁵ Сближение А.Белого с художницей А.А. Тургеневой относится к 1910. Гражданский брак был заключен в 1914. См.: Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М.: «Книгоиздательство писателей в Москве», 1921.

⁵⁶ А.Белый расстался с А.А. Тургеневой в 1916, вернувшись один из Дорнаха в Москву в связи с призывом на военную службу. Его возвращение в конце 1921 не смогло восстановить их прежние отношения. Владимир Оттонович *Нилендер* (1883-1942), поэт, филолог, переводчик.

⁵⁷ Встреча в Берлине с Р.Штейнером (1861-1925) подействовала на Белого весьма удручающе. См. об этом в публикациях Дж.Мальмстада: «Андрей Белый и антропософия» (*Минувшее*. Вып.6, 7, 8) и «А.Белый и П.Н. Зайцев. Переписка» (Там же. Вып.13, 14, 15).

⁵⁸ Пастернак Б. Поверх барьеров. [М.:] «Центрифуга», 1917 (в действительности книга вышла в свет в декабре 1916).

⁵⁹ Блок А. Катилина. Страницы из истории мировой революции. СПб.: «Алконост», 1919.

⁶⁰ Пастернак Б. СС. Т.4. С.227.

⁶¹ Маяковский В. Несколько слов обо мне самом. 1913 // *Дохлая луна*. М., 1913; Он же. Кое-что по поводу дирижера // *Новый сатирикон* (Пг.). 1915. №32. 6 августа.

⁶² В книге есть стихотворение «Раскованный голос» («В шалашную полночью площадь...») 1915, которое вошло в последующие издания без изменений.

⁶³ Из стихотворения Пастернака «Баллада» (1916) (вошло в кн. «Поверх барьеров»).

⁶⁴ Стихотворение «Импровизация» («Я клавишей стаю кормил с руки...») 1915, в переиздании 1929 не претерпело никаких изменений.

⁶⁵ Строка из стихотворения Ф.Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» (1836).

⁶⁶ Имеется в виду стихотворение «Петербург» («Как в пулю сажают вторую пулю...») (1915).

⁶⁷ *Маргарита Кирилловна* — Морозова.

⁶⁸ *Борис Николаевич* — Андрей Белый вернулся в Москву в сентябре 1916.

⁶⁹ См.: Пшибышевский Ст. Полн. собр. соч.: В 10 тт. М., 1910-1911. Переводы Владимира Высоцкого.

⁷⁰ Михаил Федорович *Ликиардопуло* (1883-1925), поэт, переводчик. Перевел «Флорентийскую трагедию» Оскара Уайльда (М., 1915).

⁷¹ Брюсов В. Алтарь победы: Повесть IV века // Русская мысль. 1911. №9, 11-12; 1912. №1-4; 10.

⁷² Публикация первых трех глав романа «Петербург» в первом сборнике «Сирин» (СПб., 1913).

⁷³ *Надежда Яковлевна* Брюсова (1881-1951), музыковед, сотрудничала в «Весах» под псевдонимом Сунанда, с 1921 — профессор Московской консерватории.

⁷⁴ Ср. письмо Пастернака к родителям от 12 декабря 1916: «Я не ищу просвета в дящемся еще сейчас мраке потому, что мрак его выделить не в состоянии. Зато я знаю, что просвета не будет потому, что будет сразу свет. Искать его сейчас в том, что нам известно, нет возможности и смысла: он сам ищет и нащупывает нас и завтра или послезавтра нас собою обольет» (Семейный архив Пастернаков).

⁷⁵ В июне - июле 1917 были написаны «Драматические отрывки», посвященные последним месяцам якобинской диктатуры. Опубликованы в газ. «Знамя труда» 1 мая и 16 июля 1918. Но в них не включена та сцена, о которой вспоминает Локс.

⁷⁶ Повесть, изданная в 1922 как «Детство Люверс», была началом романа, писавшегося зимою 1917-1918.

⁷⁷ Локс К. Б. Пастернак. Рассказы. Изд. «Круг», 1925 // Красная новь. 1925. №8. С.286.

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

«ВЫ — ДРУГ СТАРЫЙ И ВЕРНЫЙ...»
Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс
Публикация Р.Янгирова

Новейшие публикации снимают необходимость повторного представления читателю Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869-1962), заслуженно признанной одной из крупнейших фигур в истории русского либерализма¹. Оставляя в стороне ее политическую биографию², отметим, что высокая общественная репутация Тырковой-Вильямс подкреплялась и немалой литературной известностью. Начиная с середины 1900-х, она активно печатается в газетах «Речь», «Биржевые ведомости», «Слово», «Русь» и «Русская молва» (одно время она была редактором последней). Под псевдонимом А.Вергежский (по названию фамильного имени Вергежи в Новгородской губернии) публикует рассказы, эссе, повести и романы в повременной печати («Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива»), выпуская их и отдельными изданиями³.

¹ Филиппов Б. Об Ариадне Владимировне Тырковой-Вильямс // Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. 2-е изд. Лондон, 1990; Тыркова А. Петроградский дневник / Публ. М.Сорокиной // Звенья. Вып.2. М.; СПб, 1992; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С.325-326; а также: Борман А. Москва — 1918 (Из записок секретного агента в Кремле) / Публ. В.Бортневского и Е.Варустиной // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991.

² Мемуаристика Тырковой-Вильямс выстроена нами в соответствии с биографической хронологией: То, чего больше не будет. Париж, 1954; На путях к свободе. 1-е изд. Нью-Йорк, 1952; Про старое, про бывалое // Возрождение (Париж). 1949. №5; Далекие голоса — Тени минувшего // Там же. 1954. №32-34; 1955. №37, 41-42; Подъем и крушение (Воспоминания. Том третий) // Там же. 1956. №51-53, 55,57; 1957. №74; 1958. №82; From Freedom to Brest-Litovsk. London: McMillan, 1919. Задуманный последний том мемуаров, посвященный годам эмиграции, остался недописанным. См. также: The cheerful Giver. The Life of Harold Williams by his wife Ariadna Tyrkova-Williams. London, 1935.

³ Ночью. Повесть. СПб., 1911; Семь рассказов. Пг., 1916.

Весьма продуктивными, учитывая непрерывную вовлеченность в общественно-политическую жизнь, предстают литературные итоги ее жизни в эмиграции: активное сотрудничество в англо-американской («New Russia», «Russian Life», «Christian Science Monitor» и др.) и русскоязычной печати («Речь», «Слово», «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.), написанный в соавторстве с мужем роман «Hosts of Darkness»⁴, мемуаральная биография Пушкина, очерки о русском фольклоре («В мире чудесного» и др.)⁵ Многие из перечисленного литературного наследия заслуживало бы, как кажется, переиздания в России, однако этому, помимо прочего, пока препятствует одно существенное обстоятельство. Архив Тырковой-Вильямс постигла судьба многих эмигрантских собраний: он оказался рассредоточенным по архивохранилищам разных стран. обстоятельное археографическое изучение этих материалов, вероятно, станет задачей будущих исследователей, но общее представление о них следовало бы дать уже теперь.

Незначительная часть, включающая в себя материалы предреволюционной эпохи, была, вероятно, еще в 1920-е передана фондообразовательницей в «Пражский» архив (РЗИА), после 1946 попавший в СССР, где и хранится по настоящее время в виде персонального фонда в собрании ГА РФ.

Другая часть архива содержит документы периода гражданской войны и материалы деятельности Бюро печати, Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков и других структур государственного управления при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. Здесь же отложились документы, характеризующие положение в Советской России 1920-х и историю политических организаций и общественных учреждений русской эмиграции (материалы Национального Сопещения, например), а также обширный эпистолярный фонд⁶. Этот комплекс был передан Тырковой-Вильямс в конце 1930-х (вероятно, перед отъездом из страны) в Отдел Рукописей Британского музея, сформировав персональный фонд Г. Вильямса (далее — БМ).

Следует хотя бы выборочно перечислить корреспондентов Г. Вильямса и А. Тырковой, поскольку это архивное собрание не только не описано, но даже не систематизировано должным образом, что заставляет иссле-

⁴ Русский вариант «Василиса Премудрая» частично опубликован в журнале «Русская мысль» (София) в 1921.

⁵ Литературные сочинения периода эмиграции хранятся в Бахметьевском Архиве. Рукописи сочинений предоктябрьского периода см. в РГАЛИ: История одной любви (Ф.335. Оп.1. Ед.хр.326); Ночное. Этюд. (Ф.1666. Оп.1. Ед.хр.2833).

⁶ По свидетельству сына, эта часть архива формировалась многие годы, с тех пор, как в «дом начали приходиться письма со всех концов мира, как от организаций, так и от частных лиц, с просьбами о помощи. Писали матери, прося поддержать их детей, писали боевые офицеры, писали инвалиды /.../ Мама всю жизнь, до самого преклонного возраста, сразу отвечала на письма. Неотвеченных писем у нее почти не бывало, кроме тех, которые вызывали подозрение. У нее даже было такое выражение: "сегодня я истекаю письмами". — Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С.199 (Далее — Борман).

дователя просматривать собрание *de visu*. В нем содержатся письма различных лиц: родных — А.Бормана и других родственников; политических деятелей — влиятельного британского политика, сэра С.Хора (лорда Темплвуда), А.Деникина и П.Врангеля, П.Струве, В.Набокова, Е.Кусковой, И.Гессена, П.Милюкова, Б.Бахметьева, С.Ольденбурга, М.Ростовцева, Г.Вернадского, Н.Лосского, Н.Бердяева, А.Изгова, о.С.Булгакова, А.Карташева и др. Не менее представительен ряд писателей и литераторов: А.Куприн, Мережковские, Ремизовы, Амфитеатровы, И.Лукаш, Б.Зайцев, И.Шмелев, И.Сургучев, Ал.Толстой, И.Шкловский (Дионео), И.Соколов-Микитов, Б.Лазаревский, В.Набоков, А.Яблоновский, Д.Философов, К.Чуковский, К.Деникина и др.

Наконец, еще одна часть бумаг Тырковой-Вильямс поступила после ее смерти в Бахметьевский архив Русской и Восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк; далее БА). И здесь эпистолярный раздел (также просмотренный нами *de visu*), не менее представительен и включает в себя письма корреспондентов Тырковой-Вильямс преимущественно за период 1920-1950-х. Среди них В.Маклаков, В.Бурцев, Тэффи, А.Амфитеатров, Мережковские, Б.Зайцев, И.Шмелев, А.Ремизов, В.Ходасевич, Д.Святополк-Мирский, А.Яблоновский, А.Белый, Г.Уэллс, художники Б.Григорьев, Е.Лансере, К.Шеридан и др.

Столь широкий круг литературно-художественных связей совсем не случаен. Едва ли мы ошибемся, признав политические идеалы Тырковой-Вильямс лишь служением, тогда как приверженность к ценностям культуры (и литературы!) предстает ее подлинным жизненным призванием. В свое время ее дом был одним из самых популярных литературных салонов Петербурга: «большинство петербургских писателей и поэтов пили чай в ее столовой»⁷. На склоне дней она не без гордости заметила одной советской посетительнице: «Кроме Маяковского, они все бывали у меня»⁸, лаконично обозначив пределы своих эстетических вкусов и привязанностей, неизменных на протяжении жизни.

Высокий авторитет А.Тырковой и Г.Вильямса в среде русской эмиграции превратили их лондонский дом в один из авторитетнейших центров зарубежной России, чей политический и моральный вес был общепризнан вне зависимости от партийных и идеологических разделений. Это реноме подкреплялось еще и тем, что Тыркова-Вильямс многие годы бесменно руководила «штабом» эмигрантской взаимопомощи — Английским Обществом Помощи Русским Беженцам.

К литературной характеристике Тырковой-Вильямс следует прибавить и то, что в ходе приспособления русской литературы к нелегким условиям изгнания роль этой женщины в качестве благожелательного критика, добровольного советчика и энергичного ходатая по издательским делам писателей-соотечественников была неопределимой, в осуществлении которой она пользовалась всеми возможностями личных и семейных связей в британской столице и вообще в англоязычном мире.

⁷ Борман. С.89.

⁸ Там же. С.106.

Выход зарубежной русской литературы к западному читателю — тема, мало разработанная отечественным литературоведением, но она безусловно важна при изучении истории международного обмена культурными ценностями. Сколь значительна в нем заслуга Тырковой-Вильямс, еще предстоит оценить и надо думать, что эта сторона ее жизни еще найдет своих исследователей. Во всяком случае, она отчетливо со знавала в этом исполнении своего долга по осведомлению мира о трагедии, постигшей Россию.

«Я верю, — писала она весной 1919 в предисловии к своей книге о русской революции, — что трагические уроки неизвестной, далеко лежащей страны и безумие преступных социалистических экспериментов крайних группировок могут послужить суровым предупреждением для других народов. Они могут помочь тем, кто борется за лучшее будущее человечества и за более достойные условия жизни. Стоит только прочесть внимательно залитые кровью страницы о Русской Революции. Если они поймут наши ошибки, наши заблуждения и наши преступления и, если, избегая их, они найдут другие пути, более верные и менее жестокие, тогда мы, русские, будем иметь хотя бы то утешение, что неимоверные страдания России оказались исторической жертвой, принесенной во имя лучшего будущего всего человечества»⁹.

Знакомство с архивом А.В. Тырковой-Вильямс позволило нам выявить 27 писем к ней Ивана Алексеевича Бунина, представляющих несомненный историко-литературный интерес.

В предреволюционную эпоху Бунин не входил в круг тесного общения Тырковой и Вильямс — в то время они находились в достаточно далеких друг от друга общественно-литературных лагерях. В эмиграции прежние размежевания были пересмотрены. Пережив, подобно многим, глубокий психологический, творческий и идеологический кризис после «окаянных дней» революции и гражданской войны, в 1920-е годы Бунин тесно сближается с консервативным крылом русской общественно-политической мысли и, в частности, с весьма влиятельными в западном мире лидерами партии кадетов¹⁰. В этом контексте связи с «русскими» лондонцами были вполне естественны, но можно думать, что для самого писателя они мотивированы не столько идейной общностью, сколько интересами чисто литературно-бытового свойства.

Укоряя впоследствии культурные круги Франции в пренебрежении к драме русской эмиграции¹¹, Бунин объективно был прав, но персональных оснований для подобных упреков у него было куда меньше, чем у других деятелей русской культуры в изгнании. На протяжении многих лет он тщательно собирал отзывы о своем творчестве, регулярно появляв-

⁹ Борман. С.161-162.

¹⁰ Об этом см.: Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920-1943) : Публ. Г.П. Струве // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1968. Т. II.

¹¹ См. письмо к переводчице Уль-эль-Банни // Литературная газета (Москва). 1989. 26 июля. С.7.

шиеся в разных странах мира¹². Известная нам переписка Бунина с разными корреспондентами¹³ свидетельствует о его постоянном и пристальном внимании к этой стороне литературного быта, достаточно откровенно демонстрируя «организационные» приемы (поиски благожелательных рецензентов, непрерывные обращения к меценатам и пр.), к которым вынужден был прибегать писатель в поисках успеха. В этом и состояла, вероятно, самая унижительная черта эмигрантской литературной жизни, невообразимая им в условиях России. Многие годы Бунину приходилось эксплуатировать свой литературный авторитет и личные связи для достижения материальной независимости, высшим мерилom которой для него надолго стала самая престижная награда современной мировой литературы.

Еще «в 1922 году в русских литературных кругах Парижа был поднят вопрос о том, что было бы чрезвычайно важно, чтобы Нобелевская премия была присуждена русскому эмигрантскому писателю»¹⁴. Многолетняя «интрига» вокруг кандидатуры будущего лауреата, втянувшая в себя широкие круги европейской литературной общности, достаточно хорошо известна, но ее драматургия известна лишь с внешней стороны, без учета теневого движущих сил и механизмов, столь искусно приводимых в действие ее участниками¹⁵.

Первоначальный вариант коллективного номинанта (Бунин, Мережковский, Куприн, Горький, которого впоследствии заменил Шмелев) нашел широкую общественную поддержку, но, конечно же, не устраивал никого из участников этой причудливой комбинации и лишь надолго обострил внутреннее соперничество в лагере русской зарубежной литературы. При этом личные шансы Бунина как действительного члена F с-

¹² Ныне эта коллекция вырезок за 1921-1938 хранится в ИМЛИ. В ее составе 350 вырезок из французских изданий, 176 — из германских, 17 — английских, 14 — американских, 8 — шведских и т.д. См.: Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Литературное наследство: Иван Бунин. Т.84. Кн.2. М., 1974. С.488. Издание отдельным томом рецензий и отзывов о Бунине, на что тот указывал в своем завещании, до сих пор не состоялось.

¹³ См. прим. к письмам 4, 8, 14 и 20. Существуют и неопубликованные свидетельства. Из недатированного письма Бунина кн. В.Аргутинскому-Долгорукову (о нем см. прим. к Приложению): «Я опять решаюсь беспокоить Вас напоминанием об Анри де Ренье — не по честолюбию, к[а]к Вы хорошо знаете, а по другим соображениям. Нет ли у Вас возможности переслать и мою книгу для отзыва?»

Из письма от 19 ноября 1921: «/.../ проф. Кульман "написал бы для журнала Жалу [статью о творчестве Бунина. — Публ.] с величайшим удовольствием, но только может ее предоставить ровно через месяц". Устраивает ли это Жалу? Кульман он точен в своих обещаниях». — РГАЛИ. Ф.1900. Оп.1. Ед.хр.102а (О Э.Жалю — см. в прим. к письму 16; о Н.Кульмане — прим. к Приложению).

Обилие такого рода мотивов в своем эпистолярии, возможно, и вызвало пожелание писателя (оставшееся не только не исполненным, но и нарушенным) никогда его не публиковать и даже уничтожить. См.: К моему завещанию // Собр. соч. Т.9. М., 1967. С.480.

¹⁴ Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным : Публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. №80. С.267.

¹⁵ Там же. С.269.

сийской Академии наук по разряду словесности, в «Нобелиаде» были выше других, но много слабее шансов явных фаворитов — Мережковского и Горького, чьи имена были хорошо известны на Западе еще с 1910-х. Тем не менее он планомерно и целеустремленно включился в это соперничество и постепенно завоевывал в свою пользу международное общественное мнение, исподволь, «по очкам» отыгрывая читательскую славу у своих конкурентов¹⁶. Таким образом, в истории с Нобелевской премией письма Бунина к Тырковой-Вильямс открывают наверняка не единственный, но весьма эффективный канал воздействия на англоязычную аудиторию, активно задействованный им задолго до решения Шведской академии в 1933.

Бунинские письма к Тырковой-Вильямс обрываются летом 1925. Общение между ними тогда прекратилось совершенно; надо думать, это произошло в результате какой-то серьезной размолвки. Причины разрыва остаются нам неизвестными, да и сопутствовавшие обстоятельства не позволяют предложить сколь-нибудь доказательное объяснение случившегося. Но смутно осязаемый фон этого разрыва различить все же можно: его предыстория, скорее всего, относится к поездке Бунина в Лондон (см. письма 24-26), предпринятой им, надо думать, в продолжение многоходовой комбинации за свою Нобелевскую номинацию¹⁷.

Во взаимном охлаждении адресатов, возможно, сыграла свою роль и раздраженная рефлексия Бунина в адрес Мережковских (см. письмо 27). Избегавший публичных политических заявлений¹⁸ Бунин должен был довольно болезненно относиться к подобным акциям, как форме саморекламы со стороны своего влиятельного конкурента, напротив, питавшего к ним особую склонность. Стоит предположить, что лондонским

¹⁶ Список иностранных изданий бунинских сочинений, предпринятых до присуждения ему Нобелевской премии, дает основания предположить, что писатель был известен международному читателю прежде всего как автор одной книги — «Господин из Сан-Франциско», переведенной на все европейские языки. В пользу нашего предположения свидетельствует, например, и поздравительная телеграмма С.Льюиса: «Господину из России, сделавшему "Господина из Сан-Франциско" таким восхитительно живым, мои поздравления с Нобелевской премией». (РГАЛИ. Ф.44. Оп.1. Ед.хр.137. Л.88). Примечательно, что В.Н. Муромцева-Бунина, составившая в 1957 список иностранных изданий сочинений мужа, включила в него лишь те, что были опубликованы после 1933. (Там же. Ед.хр.161).

¹⁷ Ни один из участников переписки не раскрыл в своих мемуарах подробностей пребывания Бунина в Лондоне. Вот лишь глухой намек на встречу: «Перед самым отъездом из Лондона я был в одном доме, куда собралось особенно много народа» — Бунин И. Джером Джером // Последние новости. №2727. 9 сентября 1929. Дополнительный свет на историю их взаимоотношений могли бы пролить ответные письма Тырковой-Вильямс, хранящиеся, по сообщению Р.Дэвиса, в архиве Эдинбургского университета, в бумагах писателя.

¹⁸ Ср. единственный опыт публичного политического предсказания Бунина в ответе на анкету «Когда мы вернемся в Россию?»: «Могу твердо ответить лишь одно: не знаю (хотя сердце твердит: в начале 1928 года)». (Иллюстрированная Россия. 1926. №44. С.7).

адресатом Бунина эта реакция была воспринята как некорректная и заслуживавшая осуждения¹⁹.

Были и другие, более очевидные внешние причины расхождения Бунина и Тырковой-Вильямс. К середине 1920-х актуальность русского кандидата на Нобелевскую премию отошла на дальний план и причиной тому в немалой степени стали внутренние раздоры среди писателей-эмигрантов, дружно проваливших идею коллективной номинации. К тому же в ноябре 1928 умирает Г. Вильямс и влияние его вдовы на общественно-литературное мнение британского общества резко упало. Отныне она уже не могла лоббировать Бунина с прежним успехом, и это обстоятельство также не могло поднять температуру их взаимоотношений.

В ноябре 1933 Бунины попали наконец в водоворот всемирной славы по решению Шведской академии, присудившей писателю долгожданно-выстраданную награду. По описанию юбиляра, в те дни дом «полон звоном телефона, из которого что-то отдаленно кричат мне какие-то разноязычные люди чуть ли не из всех стран Европы, оглашается звонками почтальонов, приносящих все новые и новые приветственные телеграммы чуть ли не из всех стран мира, — отовсюду, кроме России»²⁰. Точности ради следует указать, что в букете поздравлений отсутствовали не только приветствия из России, их не было и от бывшего «верного» друга из Лондона²¹.

Кажется, сходящая безрадостная старость могла бы в конце концов примирить эти недюжинные натуры. Годы Второй мировой войны А.В. Тыркова-Вильямс, оставившая Лондон, провела во Франции, в Гренобле, посвятив свое уединение воспоминаниям о прошлом. В 1945 она переехала поближе к Парижу, в Версаль, вернувшись к делам русского Парижа. Но восстановить былую приязнь к Бунину и даже знакомство с ним так и не привелось: «общественные» страсти, явная и тайная конфронтация партий и группировок²², подогревавшаяся войной с советским «патриотизмом», сделали такую встречу безусловно невозможной.

В 1951 Аридна Владимировна Тыркова-Вильямс навсегда покинула Европу, переехав на жительство к сыну в США. До самой своей кончины она продолжала переписываться со многими своими русскими корреспондентами из Европы. Иван Алексеевич Бунин среди них отсутствовал...

Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс печатаются по автографам, хранящимся в БМ, в фонде Г.В. Вильямса: Add.54445, p.59; Add.54444, p.65; Add.54440, p.11; Add.54445, pp.60-61; Add.54440, p.125;

¹⁹ В отличие от бунинских, корпус писем Мережковского и Гиппиус к Тырковой-Вильямс не содержит никаких инвектив в адрес соперника.

²⁰ Бунин И. Нобелевские дни // Собр. соч. Т.9. М., 1967. С.324.

²¹ Проверено de visu по фонду Бунина в РГАЛИ. См. прим. 16.

²² В эти годы Тыркова-Вильямс сблизилась с историком и журналистом С.П. Мельгуновым, редактировавшим возобновленное «Возрождение». Он неоднократно публично обвинял Бунина в просоветских симпатиях и «возвращенчестве».

Add.54445, p.67; Add.54440, p.156; Add.54445, p.63; Add.54441, p.34, 70, 140, 155; Add.54442, p.66, 84, 136, 170, 183, 199, 278, 302, 303; Add.54445, p.16; Add.54444, p.2, 14, 15, 72.

Письмо 1 публикуется по автографу, хранящемуся в БА, box 1.

В публикации сохранены особенности авторской стилистики и орфографии. Конъектуры — в квадратных скобках.

Данная публикация является частью исследовательского проекта, организованного и финансировавшегося Британским Советом (British Council) в ноябре-декабре 1990. Выражаю свою глубокую благодарность его руководителям и сотрудникам в Лондоне и Москве, а также британским коллегам — Мелани Тебб и Йену Кристи (Британский киноинститут), д-ру Ричарду Тэйлору (Университетский колледж Суонси) — за организационную помощь и дружескую поддержку в ходе работы.

Особая признательность — руководству и сотрудникам Отдела рукописей Британского музея, давшим любезное согласие на публикацию материалов из архива, которая все же не была бы полной без содействия куратора Русского отдела Бахметьевского архива Эллен Скаруффи (Нью-Йорк).

Свою искреннюю благодарность публикатор адресует г-же Кэтрин Ликур (Кумберленд, Род-Айленд, США), столь благожелательно отнесшейся к планам возвращения наследия ее бабушки, Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс, в Россию.

Отдельное спасибо Елене Пинто-Саймон и Дэвиду Стэрку (Нью-Йоркский университет), а также московским коллегам В.Ивановой и М.Лапенковой — за неоценимую помощь при подготовке публикации.

1

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI
22 ноября 1920 г.

Дорогие друзья, посылаю Вам (с опозданием из-за нездоровья) статейку об Уэллсе¹. Возразить ему было очень трудно, я сделал, что возможно. Используйте, если можете. Боюсь размеров написанного, взял в скобки и зачеркнул (карандашом) то, без чего легко обойтись: на 5-й странице есть абзац, тоже взятый карандашом в скобки, но не зачеркнутый — предоставляю его на Ваше усмотрение. Хотите — оставьте, хотите — зачеркните.

Наш сердечный привет Вам!

Ваш Ив. Бунин²

¹ Серия очерков Г. Уэллса о поездке в Россию печаталась в еженедельнике «Sunday Telegraph» осенью 1920 и позднее была им сведена в книгу «Россия во мгле». Статья Бунина была написана для еженедельника «New Russia» (1920. №40), издававшегося в Лондоне Комитетом Освобождения России (с августа 1921 — «Russian Life», под ред. А. Тырковой-Вильямс). Предыстория участия писателя в этом издании отмечена в записях В.Н. Буниной: «Вчера у нас обедала Тыркова с мужем. Она горит желанием борьбы /.../» (15 ноября); «Весь день перестукивала статью Яна против Уэльса» (21 ноября). Цит. по: Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. и другие архивные материалы под ред. М.Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т.2. С.18.

О знакомстве с Уэллсом во время его первого приезда в Россию зимой 1914 см. в воспоминаниях Тырковой-Вильямс: Подъем и крушение (Воспоминания. Том третий). 1914-1918 // Возрождение (Париж). 1956. №51. С.97. См. также письма Уэллса к Вильямсу (26 октября и 2 ноября 1920), извещавшие адресата о возвращении из России и комментировавшие реакцию британского общественного мнения на события русской революции (БА, Ariadna Tyrkova-Williams Collection, box 3).

² На письме пометка адресата: «Отвечено».

2

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI
[первая половина июля, 1921]

Дорогая Ариадна Владимировна, в Лондоне наш друг Василий Михайлович Каменский, бежавший из России¹. Он инженер, изобретатель по части воздухоплавания (настолько серьезный, что Англ[ийское] Военное Министерство обратило большое внимание на его какое-то изобретение и рассматривает его), бывший богатый человек (пароходство на Каме и Волге). Сейчас он в ужасной нужде (и, кроме того, болен кишечником). Не можете ли, если не помочь ему, то хоть рассказать о его судьбе кому-нибудь из русских лондонцев — может быть, помогут? Сам он слишком деликатный человек. Буду бесконечно благодарен Вам.

Адрес его — 55, Gordon Square, W.C. London.

Целую Ваши ручки, передаю сердечный привет Веры.

Ваш Ив. Бунин

¹ *Каменский В.М.* — нижегородец, совладелец пароходной компании «Бр. Каменские», близкий знакомый Буниных и семьи Горького. Эмигрант, впоследствии — преподаватель Свято-Тихвинской семинарии (Пенсильвания, США). О нем см. в письмах Бунина к М.Ф. Андреевой:

Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф.Андреевой. 3-е изд. М., 1968. С.188, 203-204; Устами Буниных. Указ. изд. Т.1. С.246; а также БА, Vasilii Kamenskii Collection.

3

20 июля 1921¹

Дорогая Ариадна Владимировна, большое спасибо Вам за заботы о Каменском. Я знал его очень хорошим человеком, думаю, что он и остался таким. А в Париже мы застряли по оч[ень] простой причине — по нашей нищете. Лето под большевиками и два лета в Париже² + тяжелая болезнь всю зиму — Вы можете себе представить, что я чувствую. Просто хоть плачь иногда. Да что сделаешь! Целую Ваши ручки

Ваш Ив. Бунин

¹ Датировано по почтовому штемпелю.

² Бунины приехали в Париж из Белграда 28 марта 1920.

4

7 янв[аря] 1922 г.¹

Дорогая Ариадна Владимировна, с Новым Годом!

Посылаю Вам свою книгу на французском языке². Полюбопытствуйте посмотреть ее немного и, если возможно, сделайте милость, поддержите соотечественника, жаждущего никак не славы, но единственно заработка: устройте заметку, статейку в «Times»³ — там, говорят, отзываются иногда и на французск[ие] книги, — м[ожет] б[ыть], это подействует на какого-либо англ[ийского] издателя и он купит у меня книжечку для перевода на англ[ийский] язык — чем черт не шутит, тем более, что французск[ая] критика, дай Бог не сглазить, относится ко мне пока милостиво, иногда даже говорит:

— Il se peut que Bounine, hier encore inconuen en France, devient tout a coup celebre: ce ne sera que justice («Mercure de France», 1 янв[аря] 1922 г.)⁴.

Вера приветствует Вас, я целую Ваши ручки и кланяюсь Гарольду Васильевичу.

Ваш Ив. Бунин

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVIe

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² «Monsieur de San Fransisco». Paris: Edition Brossard, 1921. Сборник открывался авторским «Письмом к французскому издателю», впоследствии включенным в качестве предисловия в 11-томное собрание сочинений писателя.

³ Почти в то же время с аналогичной просьбой Бунин обращался и к другому русскому лондонцу — И.В. Шкловскому (Дионео), также переводившему англоязычные переводы его книг: «/.../ Вы правы — переводить меня очень трудно, я знаю это, равно как и то, каковы английский вкусы (да и не одни английские!). Я имею в виду только *некоторые* свои писания, только кое-что из книг "Крик" и "Госп[один] из С[ан-] Ф[ранциско]" и из той книги, которая сейчас печатается в парижской "Русской мысли" и которую я Вам скоро вышлю [сборник «Чаша жизни». — Публ.]. Если Вам удастся заинтересовать кого-нибудь этими *некоторыми* рассказами, буду очень рад и чрезвычайно благодарен Вам за Вашу дружескую услугу. /.../ В Америку напишу тотчас же /.../» (Письмо от 8 октября 1921. — РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Ед.хр.100. Л.1).

⁴ «Возможно, что Бунин, вчера еще неизвестный во Франции, станет вдруг знаменитым: это будет только заслуженно» (*франц.*).

⁵ На письме пометка адресата: «Отв[ечено] 11.1».

5

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

Дорогая Ариадна Владимировна, целую Ваши ручки за доброе письмо, простите, что поздно отвечаю — я все хожу как шальной, с месяц тому назад узнал из газет о смерти брата и, чем дальше, тем все хуже переношу это¹. Да, да, плох мир, и личная судьба ужасна и пропадает, и на свете что-то «несусветное», чего мы, конечно, не могли ожидать при всем нашем прежнем «пессимизме».

Посылаю Вам свою новую книгу (на рус[ском] лучше)² — поверьте, что не с корыстными целями, а ради моей нежности и почтения к Вам — одной из немногих близких по чувствам, по мыслям, по навыкам нашего «старого» мира.

Супругу сердечный привет.

Весь Ваш Ив. Бунин
14/27 янв[аря] 1922 г.

P.S. Видите ли Василия Михайловича Каменского? Что с ним? Часто вспоминаю с большой сердечной болью о нем и той, что не удалось помочь ему!

¹ Бунин узнал о смерти брата из газетного сообщения 20 декабря 1921. О его реакции на это известие см.: Устами Буниных. Указ. изд. С.69-70; 74-76.

² «Господин из Сан-Франциско». Париж: «Русская земля», 1921.

6

[б/д]

Дорогая Ариадна Владимировна,
большое спасибо за присылку «Times», а сейчас у меня был А.И.Куприн и мы решили беспокоить Вас просьбой сообщить нам что вышло бы, если бы мы приехали в Лондон прочесть наши новые рассказы? Собралась ли бы публика на них? Собрали ли мы что-нибудь на нашу бедность? Есть ли человек, который устроил бы нам такой вечер!¹

Целую Ваши ручки, кланяйтесь Супругу.

Ваш Ив. Бунин

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

¹ Ср.: «Она постоянно получала такие просьбы, всегда делала, что могла, для успеха таких лекций. Генерал Деникин, Бунин, о.Сергий Булгаков, Карташев и многие другие обращались к ней с этим. Все эти люди, посещавшие Лондон, проходили через мамин гостеприимный дом /.../» (Борман. С.199). Это свидетельство подтверждается аналогичными (недатированными) обращениями А.Яблоновского (БМ, Add.54445, р.106-107) и Тэффи (БА, Idem, box 3).

7

[б/д]

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

Дорогая Ариадна Владимировна, я, подумав, решил отказаться от этой авантюры — поездки в Лондон. Чувствую по Вашему письму, что наши надежды — заработать тысячи по 3 франков — неосуществимы. А сколько возни с визами! А сколько хлопот Вам! Нет — до осени, коли живы будем.

Спасибо Вам за Вашу неизменную доброту ко мне. Она меня [пропуск в тексте. — *Публ.*] это часть тем более, что очень мое сердце, очень [так в тексте. — *Публ.*] расположено к Вам.

Целую Ваши ручки, поклон Супругу.

Ваш Ив. Бунин

Собираемся на лето к Средизем[ному] морю. Жара, москиты, а все-таки, коли уж лето так лето. Опять же дешево.

8

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI
16 мая 22 г.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Из статьи обо мне в «Times» и от г. Middleton Murey¹, с которым я вчера случайно познакомился и который оказался автором этой статьи, я узнал, что меня переводят на англ[ийский] язык гг. Lawrence и Koteliansky², что уже кем-то издана книжка их переводов... Дорогая Ариадна Владимировна, где же Бог, простая справедливость и пр. и пр! За что, по какому праву нас переводят, издают, не только ничего не платя нам, но даже не спрашивают нас?! Кто-то издал Куприна «Sachia». Он — письмо издателю: «по какому праву?» Издатель в ответ: «Я издал то, что имею право издать без спроса. Ваши произведения, написанные Вами *до 11-го года...*» Прекрасно, значит то, что написано после этого года, нельзя издавать без спроса. А из меня взято как раз все, что написано в 14, 15, 16 году — что сделать? К кому вопиять. Мы все Вас просим: сделайте что-нибудь, чтобы защитить нас, чтобы пристыдить и через печать, что ли, — раз кто пользуется нашим бедственным положением³!

Ваш Ив. Бунин⁴

¹ Мари, Джон Мидлтон (1889-1957) — английский журналист, литературный критик и редактор, многолетний обозреватель газеты «Таймс», муж известной романистки К.Мэнсфилд.

² «The Gentleman from San Francisco and other stories». Transl. by (D.H.Lawrence), S.S. Koteliansky and Leonard Woolf. L. & W.Woolf, Richmond, 1922 (2nd Edition, London, 1934). Сохранилось письмо С.Котелянского от 27 мая с объяснениями по поводу переводов сочинений Бунина на английский язык (БМ, Add.54440, р.192). В переписке Котелянского с В.Вулф о переводах для Хогарт-пресс (БМ, Koteliansky Papers, Add.48974) имя Бунина, однако, не упоминается.

³ Россия не успела вступить в число участников международной конвенции по авторским правам, вследствие чего у русских эмигрантских литераторов, в подавляющем большинстве считавшихся лицами без гражданства, регулярно возникали судебные тяжбы по делам о пиратских публикациях их сочинений. Обстоятельства, связанные с упомина-

емым изданием, подробно описал Тырковой-Вильямс Куприн в письме от 8 октября 1921 (см. БМ, Add.54439, p.158). Другое (недатированное) письмо Куприна, написанное, видимо, по особому настоянию Бунина, раскрывает подспудную мотивацию бунинских обращений в Лондон: «/.../ Я уже отчаялся писать безнадежные письма в Лондон. Как вдруг приходит ко мне вчера милый Бунин и говорит, что в Лондоне и его взяли на каперский абордаж /.../ И по этому поводу пришлось изложить в письме к Вам все мои недоразумения с Паулем. Для чего это ему нужно — я не знаю. Знаю лишь, что каждый шаг, звук и [1 нрзб.] Ивана Алексеича *заранее предвидены и глубоко обдуманы с максимумом пользы* [курсив наш. — Публ.]. Он даже — о чем Вы можете судить сами — собственноручно написал конверт. Я исполнил в письме его желание. /.../» (Add.54441, p.17). Конверт, надписанный Буниным, в БМ отсутствует.

⁴ Пометка адресата: «Отв[ечено] 17.5».

9

[6/д, вторая половина мая 1922?]

Дорогая Ариадна Владимировна, Куприна издал Stanley Paul, полный титул и адрес которого прилагаю. Насчет 11-го года я писал то, что передавал слова этого Paul'я: «издал Вас без спросу и без гонорара, ибо Ваша книга состоит из рассказов, написанных Вами до Конвенции, т.е. до 11-го года». Стоеросовая глупость! Спасибо Вам за отзывчивость. Сделайте что-нибудь, если можно.

Карточки Вашей еще не получал.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Как бы мне хоть взглянуть на свою книжку на англ[ийском] языке? Американской тоже не видал. Одни немцы платят.

10

10 июня 1922

Дорогая Ариадна Владимировна, простите за поздний ответ — только что вернулся в Париж, искал приюта на лето по всей Франции (и пока не нашел ничего подходящего)¹. Г[осподин] Woolf² ни разу не писал мне — по край[ней] мере я никогда от него никаких писем не получал. Сейчас от Вас открытка с цитатой из письма Вульфа к Вам. Повторяю: врет, ничего мне он не писал и, думаю, не напишет. А что до платы,

то я, конечно, возьму всякую. Но опять-таки думаю, что и тут совет — *ничего* не даст. Ну, что же, видно, Божия воля! Целую Ваши ручки за Вашу доброту ко мне, поклон Супругу.

Ваш Ив. Бунин

Адрес все тот же: 1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI.

¹ Ср. записи В.Н. Буниной: «Он ничего не нашел, несмотря на то, что они объехали пол-Франции. /.../ Понравился ему один замок на окраине города Амбуаза, но почему-то не решились взять» (9 июня). (Устами Буниных. Указ. изд. С.87).

² *Вулф*, Леонард Сидней (1880-1969) — журналист и общественный деятель, участник знаменитого блумсберийского литературно-художественного кружка, оказавшего серьезное влияние на художественную жизнь Англии 1910-1930-х. С 1912 — муж романистки В.Вулф. В 1917 открыл издательство «Хогарт-пресс», в котором, помимо книг жены, издавал сочинения Т.С. Элиота, Э.М. Форстера и других английских и зарубежных беллетристов. Дополнительный свет на перипетии издания бунинских сочинений и роль Тырковой-Вильямс в этой истории проливают письма к ней Л.Вулфа (от 5 июня и 5 июля 1922) — с сообщениями об отсылке писем Бунину и о размерах предложенных ему гонораров (БМ, Add.54441, p.15, 127). На последнем из писем Вулфа пометка адресата: «Отв[ечено] 6 VII. Написано Бунину».

11

14 июля 1922

91, rue de Tours Amboise (Indre et Loire), France

Дорогой друг, Ариадна Владимировна,

Только что получил Ваше письмо — мы переселились на лето в Амбуаз (3 1/2 ч[аса] езды от Парижа), сняли здесь дачу вместе с Мережковскими. Г-н Leonard Woolf опять врёт — он опять мне ничего не писал. Так что — что же я ему отвечаю? Я даже адреса его не знаю! Если сообщите, напишу. Но, конечно, было бы лучше, если бы *он* мне сперва написал. Устали от Парижа смертельно. Здесь тишина почти как в России — не нарадуюсь. А где *вы* будете лето проводить?

Представляете — неожиданно письмо от Р.Роллана! Называет меня гением и пр.¹ Да, славы много, а вот с деньгами хуже! Что за план у Вас [?].

Ваш Ив. Бунин

Не может ли Вольф выслать мне несколько экз[емпляров] «Госп[один] из С[ан-] Фр[анциско]» в своем издании?²

¹ Письмо Роллана Бунину от 10 июня 1922 впервые опубликовано: *Новости литературы* [Берлин]. 1922. №1 (август). С.67 (перепечатано: *Вопросы литературы*. 1965. №6. С.255).

² Пометка адресата: «Отв[ечено] 17.07».

12

5/18 июля 1922 г.

91, rue de Tours Amboise (Indre et Loire), France

Дорогая Ариадна Владимировна,

сейчас получил Ваше письмо. Большое спасибо, немедленно напишу Вольфу.

«Антоновск[ие] яблоки»? «Это Вы спели как молодой Бог!» — написал мне Горький при появлении «Ант[оновских] Ябл[ок]»¹. И все-таки «бог» был слишком — не по годам — молод тогда, и теперь ему нож острый его первые «песни».

От Зайцева — два письма. Слава Богу, в хорошем, *нашем* духе². Целую Ваши ручки, поклон Супругу, Вера шлет привет.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Сейчас прочел что «пал жертвой людоедства член Госуд[арственной] Думы П.П. Крылов», т.е. то, что мужички просто съели «избранника Думы Народного Гнева»³. Да, не прав ли я был, долбя десять лет, что «не прошла еще древняя Русь»! Вот теперь и «я верю в русский народ!» — (никогда не понимал, что это собственно значит!) — «верю в его светлое будущее», «в то, что он крепко держит в своих мозолистых руках знамя революции!» — впрочем, Бог меня прости, м[ожет] б[ыть], Крылов и не такой был... Но что думает теперь эта верблюжья морда Толстой, так возмущавшийся заметкой «Times'a» о супе из человеческих пальцев! Читали ли Вы переписку этого негодяя с этим бесстыжим гадким стариком Франсом о процессе эсеров? «Дорогой гражданин Франс...», «Дорогой гражданин Толстой...»⁴ И это после того, как убито и замучено уже несколько миллионов! А как Вам нравится «все растущая религиозность рус[ского] народа» — грабеж церквей и казнь священников⁵?

¹ Имеется в виду отзыв Горького (ноябрь 1900): «А еще большое спасибо за "Яблоки". Это — хорошо. Тут Иван Бунин как молодой бог спел. Красиво, сочно, кружевно. Нет, хорошо, когда природа создает человека дворянином, хорошо! Деточка моя — Вам надо очень много работать, а не бегать по заграницам. Вам надо очень много писать, черт

Вас съешь!» (Переписка А.М. Горького с И.А. Бунина / Публикация Архива А.М. Горького // Горьковские чтения 1958-1959. М., 1961. С.16).

² Опубл. в: Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1980. №139. С.153-155. См. письма от 26 июня и 7 июля.

³ Сообщение о трагической гибели самарского врача, бывшего депутата I Государственной Думы П.П. Крылова было опубликовано «Последними новостями» 18 июля под заголовком «Б. депутат П.П. Крылов убит и съеден». Позднее Бунин почти полностью процитировал его в очерке «Маяковский». См.: Воспоминания. Париж, 1950. С.244.

⁴ Вольно или невольно, Бунин спутал инициатора этой широко известной печатной переписки: им был Горький (см. его письмо к А. Франсу и ответ Франса Горькому в «Последних новостях» 8 и 12 июля 1922). 12 июня в этом же жанре выступил А.Толстой, опубликовавший открытое письмо в адрес Н.В. Чайковского (тогдашнего председателя Союза русских литераторов и журналистов в Париже) с объявлением о возвращении в Россию, что вызвало бурную реакцию в рядах эмиграции. Возможно, эта контаминация объясняется частым упоминанием этих имен в домашнем кругу Буниных (См.: Устами Буниных. Указ. изд. Записи И.А. и В.Н. за 1922). Роль А.Франса в общественной кампании протеста против московского судебного процесса подробно описана. См.: Флейшман Л. Письма Максима Горького к Б.И. Николаевскому // Русский Берлин. 1921-1923. Париж, 1983.

⁵ Начиная с весны 1922, эмигрантская пресса широко комментировала кампанию внесудебных репрессий против Русской Православной церкви, развернутую властями одновременно с изъятием церковных ценностей под предлогом утилизации их на нужды голодающих Поволжья. Фактором, еще более усугубившим эту ситуацию, стала активность «обновленческой» «живой» церкви во главе с митрополитом Антонином, провозгласившим «союз верующих с советской властью». В архиве Вильямсов хранятся многочисленные документальные свидетельства о положении Православной церкви, собиравшиеся ими на протяжении 1920-х: БМ, Add.54470.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Вот письмо, полученное мною от Вольфа (или Вульфа, что ли): «In reply to Your letter of the 21st I will repeat the offer made You in our previous letter which You never received. Our offer was a payment of £ 5 now in advance and 10 per cent of the next profits of the sale of the translation of Your stories in England, if the sale results in a profit; but I regret that at present there is not much likelihood of making a profit. The payment of £ 5 would count as an advance against this

percentage. I should be glad to hear whether You approve of this arrangement»¹.

Посоветуйте, что мне сделать. Я согласен получить эту сумму — лучше, чем ничего — но этой получкой не узаконю ли я его право издавать мою книгу сколько угодно и навеки?

Пожалуйста, напишите мне также, пишете ли Вы, будете ли Вы писать статью для сборника «Нач. Ком» Ф.С. Кардашевского (?) о нашей непримиримости?²

Ваш Ив. Бунин

7 авг[уста] 1922 г.

91, rue de Tours Amboise (Indre et Loire), France

¹ «В ответ на Ваше письмо от 21-го, повторяю предложение, сделанное мною в предыдущем письме, Вами так и не полученном. Наше предложение сводилось к выплате 5 фунтов в качестве гонорарного аванса и 10% с суммы общей прибыли, полученной от продажи сборника Ваших рассказов в Англии, в случае, если издание окажется прибыльным; но, к сожалению, сейчас его прибыльность кажется маловероятной. Выплата 5 фунтов может быть засчитана как аванс из общей суммы гонорара. Хотелось бы узнать Ваше мнение об этих условиях».[Пер. с англ. — *Публ.*]

² Издание не установлено.

14

[до 20 февраля 1923]¹

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

Дорогая Ариадна Владимировна,

Вы — друг старый и верный, разрешите мне это несколько нескромное письмо (которое пусть останется между нами). Узнал, что Ромэн Роллан (Romain Rolland — известный романист), пользуясь своим правом человека уже получившего в свое время Нобелевскую Премию², выставил меня кандидатом на эту премию (на 1923 г.), официально обратился по этому поводу к Шведской Академии Наук и Академия уже поручила профессору Агреллю в Лунде (Швеция) дать обо мне отзыв (Агрелль — славист)³. Но нужна помощь всему этому делу и со стороны европ[ейской] прессы, ибо *международной толпе* я еще не известен — главное, неизвестен, какого именно веса числюсь я в России.

Дорогая, не поможете ли мне статейкой обо мне в «Таймс», хотя бы самой маленькой? Предлог — то, что меня, дай Бог не

сглазить, стали много переводить: в Америке скоро выйдет два моих тома; идут разговоры с Японией; первый том моих сочинений *по-немецки* (изд[ательство] Фишера) разошелся в *три недели*; о французах Вы знаете; шведы тоже переводят...

Простите — и поймите меня: не в славе дело, а в голоде. Премия была бы спасением. За переводы получаю все же гроши. — Целую Вашу руку, привет Супругу.

Ваш Ив. Бунин

¹ Датировано по контексту письма.

² Р.Роллан — нобелевский лауреат за 1915.

³ *Агрелл* Сигурд («Васильевич») — шведский ученый-славист, консультант Нобелевского комитета, корреспондент Бунина. См.: Письма И.А. Бунина к профессору С.Агреллу // Мосты. Вып.15. Мюнхен. 1970.

15

7-III-23

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

Дорогой друг, сердечное спасибо Вам. Сообщать о R.Rolland и Agrelle, по-моему, страшно — будет дело не тем, большая злоба товарищей по перу, да и станет известно англ[ийскому] романисту Galsworthy, который, *по слухам*, тоже секретным, — является моим соперником на премию *1923 года* (хотя, право, ему-то, обремененному фунтами, было бы гораздо легче подождать 1924 г., чем мне, обремененному только сантимами!)¹. Список того, что издано из моих сочинений на иностр[анных] языках? Увы, он еще мал. Три тома по-французски (изд[ательство] Bossard, Paris): «Le Monsieur de S.Francisco», «Le Village» и «Le Calice de la Vie» (это новый том, появляющийся на днях). Том по-немецки (изд[ательство] S.Fischer'a, Berlin), который, как мне пишет Б.Зайцев, со слов немецкого переводчика и поэта Грегора имел огромный успех и весь разошелся в *три недели*². Затем известный Вам томик изд[ательства] Woolf по-английски (я на днях узнал со слезами и с яростью из журнала «The New York Times Book Review», что этот разбойник, очевидно, *продал* этот томик какому-то Зелтцеру, и Зелтцер — Thomas Zeltzer — издал его в *Америке!*). Вот, что появилось (что именно было в Японии, не знаю). А появятся: 2 тома у Кнопф'а в Нью-Йорке³, главное же — начнет выходить *собрание сочинений* в Швеции, «Svenska Dudelsforladet», Stock-

holm⁴. Идут переговоры с Голландией, где дело, думаю, удастся наверное. В Австрию дать колеблюсь — [нрзб.] валюты.

Вот. На всякий случай шлю Вам отрывки из первых отзывов. Живем бедно физически и нравственно: мутнейшее время.

Целую Ваши ручки, Вера благодарит Вас за помощь. Супругу Вашему душевный привет.

Ваш Ив. Бунин

¹ Лауреатом Нобелевской премии по литературе за 1923 стал ирландский поэт У.Б. Йетс. Дж. Голсуорси стал лауреатом премии в 1932. Отзыв Бунина о творчестве этого романиста см.: Бахрах А. Бунин в халате. Бэйвилл, 1979. С.42.

² «Ваша книга появилась здесь по-немецки у Фишера. Переводчик и поэт В.Грегор говорил мне, что она имела большой успех, разошлась вся в три недели и теперь Фишер хочет учредить специально русский отдел /.../» (Письмо Б.Зайцева от 28 января 1923 из Берлина. — Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным. Указ. изд. С.157).

³ The Gentleman of San Francisco. Transl. by Brenard G. Guerney. New York: A.Knopf, 1923; The Dreams of Chang and other stories. Transl. by Bernard G.Guerney. New York: A.Knopf, 1923. После присуждения Бунину Нобелевской премии издательство А.Кнопфа выпустило в свет еще два тома его произведений.

⁴ Первый сборник рассказов Бунина («Господин из Сан Франциско») был издан в Швеции в 1925. Собрание сочинений вышло в свет лишь в 1934-1936.

16

[до 19 апреля 1923]¹

1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI

Дорогие Друзья,

я опять к Вам с жалобой. Вчера француз[ский] писатель Edmond Jaloux² сказал мне, что вышли по-английски воспоминания о Чехове — мои и еще чьи-то, а я даже не знаю об этом!³ А из The New York Times Book Review (январь 22, 1923) я узнал, что вышла в Америке будто бы авторизованная мною книга «The Gentl[eman] from S.Francisco and Other Stories» by Ivan Bunin, New York, изд. Thomas Zeltzer — «самая замечательная книга в сезоне», чтобы их разорвало совсем! Перевод — D.H. Lawrence и Mr. Koteliansky, содержание — те же рассказы, что и в издании Woolf'a (Leonard and Virginia Woolf at the Hogarth Press, Paradise Road, Richmond).

Значит, этот мерзавец Woolf, заплативший мне по Вашему настоянию за свое ричмондское издание *пять фунтов*, продал теперь мою, т.е. ворованную чужую книгу какому-то другому мерзавцу — Фоме Зельцеру! А мой американский издатель Knopf рвет и мечет: «После этого я не могу ни у кого из русских писателей покупать книг — они не умеют защитить своих прав!»

Помогите, защитите, дорогие!

Ваш Ив. Бунин

¹ Датировано по пометке адресата: «Отв[ечено] 19.04.23».

² *Жалю Э.* (1878-1949) — романист и литературный критик.

³ *Reminiscences of Anton Chekhov by Maxim Gorky, Alexander Kuprin and I.A. Bunin.* Transl. by S.S. Koteliansky and Leonard Woolf. New York, B.W. Huebech Inc., 1921.

17

19 мая 1923¹

Дорогая Ариадна Владимировна, мы в Грассе на все лето.
Villa Mont-Fleury, Grasse (A.M.), France.

Ваш Бунин

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

18

5 июня 1923, Грасс¹

Все вспоминаю Ваше прелестное сообщение, дорогая Ариадна Владимировна, — как встречаются Дельвиг с Пушкиным! Да, опоздали мои родители²! Дай Бог успеть Вашей работе³. Дружески обнимаем Вас. Сердечный привет Супругу.

Ваш Ив. Бунин

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

² Вероятно, речь идет о встрече Пушкина и Дельвига в период учебы в Царскосельском лицее, при которой присутствовал и В. Жуковский.

Для Бунина, гордившегося своей генеалогией (Жуковский принадлежал к роду Буниных), подобные сближения, по многим свидетельствам, имели особую притягательность. Об этом см.: Бахрах. Указ. соч. С.116-118.

³ Речь идет о многолетней работе Тырковой-Вильямс над книгой «Жизнь Пушкина» (том I — 1929, том II — 1948), начатой еще в России, в 1918.

19

20 июня 1923, Грасс¹

Дорогая Ариадна Владимировна, Ростовцевы² дали нам такой адрес: Academia Americana, Porto S.Pancrazio, Roma.

У меня Шмелевы — будут гостить все лето. Получили ли Вы его письмо³?

Ваш Ив. Бунин

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

² *Ростовцев М.И.* (1870-1952) — всемирно известный археолог, исследователь скифской культуры. В 1921-1922 — автор журналов «New Russia» и «Russian Life», участник Комитета освобождения России, автор брошюры, посвященной «пролетарской культуре» (1922). О нем см.: Wes M.A. Michael Rostovtzeff. *Historian in Exile.* Stuttgart, 1990 (в книге использованы материалы из собрания Тырковой-Вильямс в БА). Ростовцевы поддерживали близкие семейные отношения с Буниными.

³ Письмо И.С. Шмелева от 1 июня см. в БМ, Add.54442, p.175.

20

11 окт[ября 19]23
Villa de Brise Route de St. Vallier
Grasse (A.M.), France

Дорогая Ариадна Владимировна,

Простите, пишу Вам о самом гнусном деле. Положение мое *вполне* отчаянное. Существовать эту зиму даже нищенски не вижу никаких способов. В Швецию проданся *весь и навеки*, получив аванса 1560 фр[анков], кои прожиты еще зимой (вернее, весной). За третий том, напечатанный у Боссара в Париже, давно получил, и более Боссар русских не хочет издавать, разорился порядочно. В Америке у Кнорф'а выходит мой второй том, но деньги за них

получены еще прошлой осенью, год тому назад. В Испании печатают без спросу, в виде милости прислали за «Деревню» 290 фр[анков]. И так далее...

Что же делать? Вешаться, или ехать в Россию? Я, конечно, повешусь, но не поеду. Мережковский (которого дела тоже плохи) долбит, что надо упасть в ноги Форду, американцу — автомобилю — и молить его помочь нам... или же — кому еще? Скажите Ваше мнение. Посоветуйте. Главное то, что Форд получает миллионы просительных писем, сам их не читает, а секретарь бросит в корзину. *Нет ли у Вас возможности доставить ему (Форду) наше письмо* в собственные руки? Мы не можем узнать его адреса, да, повторяю, если бы и узнали, письмо до него не дойдет. Помогите, дорогая, помогите! (Хотя я-то плохо надеюсь на Форда¹). И простите дурацкое (поневоле) и неприятное, конечно, для Вас письмо — больше не к кому кинуться. Сидим пока в Грассе, переехав в нищенскую дачу. Шмелевы, гостившие у нас, уехали. Тяжелый во всех смыслах человек! (Это оч[ень] между нами, как и вообще все письмо)².

Целую Ваши ручки, передаю поклон Веры. Привет Супругу!
Ваш Ив. Бунин

¹ На русском автографе остались пометки адресата: «Говорила с С.Сгане. Отв[ечено] 26.10». В бумагах Тырковой-Вильямс хранится копия упомянутого Буниным обращения к Форду на английском языке (Add.54445, p.65). Результаты этой акции нам не известны.

² Ср. с отзывом В.Н. Буниной: «Трудный он человек — или молчит с обиженным видом или кричит возбужденно о вещах всем известным тоном пророка /.../ Он породы Горького, Андреева, а не Яна, даже не Куприна. Ему хочется поучать, воспитывать, поэтому сам он слушать не умеет» (3/17 июля 1923. — Устами Буниных. Указ. изд. Т.2. С.114-115).

29 окт[ября] 1923
Villa de Brise, Grasse (A.M.)

Дорогой друг,
очень тронут Вами, благодарно целую Вашу руку¹.

Спасибо и за вырезку. Только я очень огорошен: что это за Martin Secker — 7s 6d, net? Неужели это рецензия на американское издание, не на издание Кнопф'а, а на что-то другое, сделанное в Англии и опять без моего ведома и разрешения?!

Через 10 дней уезжаю в Париж — 1, rue Jacques Offenbach, Paris, XVI.

Боюсь, что американец — если напишет — напишет в Grasse, а не в Париж.

Сердечный привет Супругу! Вера Вас обнимает.

Ваш душой Ив. Бунин

¹ Благодарность Бунина, по-видимому, вызвана поздравлениями с днем рождения (10/22 октября).

22

31-X-1923

Дорогая Ариадна Владимировна,

Выяснилось, кто такой Martin Secker. Это компаньон того американского издателя (Кнопф'а), коему я продал две книги мои в прошлом году для Америки. Теперь Secker просит меня дать ему эти же две книги *для Англии* и даже — успех, успех! — выговаривает себе преимущественное право на третью мою книгу. Я, конечно, согласился и контракт подписал. Но денег это мне не дает *пока* никаких — расчет будет произведен только *в декабре 1924 года*. Так что все-таки пока одна надежда на *Вашего* американца! Простите, дорогая, что пишу все о делах!

Ваш Ив. Бунин

23

Bouine, Grasse, France
25 августа 1924 [?]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Месяца 2 тому назад я послал Вам несколько листков отзывов обо мне знатных иностранцев. Если они у Вас не затерялись, будьте ласковы как-нибудь, в свободную минуту выслать их мне.

Преданный Вам Ив. Бунин

Вышел в Америке чудесный том моей «Деревни». В предисловии сказано, что я родом из Средней Азии!¹

¹ The Village. Transl. by Elisabeth Hargood, Martin Sacker. London, 1923. В 1926 этот же издатель опубликовал сборник Fifteen Tales в пере-

водах Э.Хепгуд. О ней см.: Гуль Р. Я унес с собой Россию. Т. III. Россия в Америке. Нью-Йорк, 1989. С.8-13; В плену предлагаемых обстоятельств / Публ. В.Дыбовского // Минувшее. Ист. альманах. Вып.10. М.; СПб., 1992; а также документы в New York Public Library, Rare Book & Manuscript Department, Elisabeth Hargood Collection. Упоминаний о связях с Буниным в них, однако, обнаружить не удалось.

24

27 января 1925¹

Дорогая Ариадна Владимировна.

3-го февраля обед в лондонском PEN Club, на который я приглашен, как знатный иностранец².

Надеюсь быть в Лондоне 2-го вечером (виза уже есть). Пробыду 2-3 дня. Можно ли мне навестить Вас на минутку и когда? Член ли этого клуба Ваш супруг? Будет ли он на этом обеде? Ах, если бы! Я ни звука по-английски.

Ваш Ив. Бунин

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

² «/.../ для И.А. Бунина был устроен многолюдный прием в обществе английских писателей. На этот прием в старомодном, плохо вычищенном сюртуке вылез даже сам Джером Джером». — Борман. С.217. Об этом же вечере см. бунинский очерк «Джером Джером».

25

30 янв[аря] 1925]

Дорогая Ариадна Владимировна,

очень благодарю, к завтраку 3-го февр[аря] буду у Вас. Вечер (среда) еще под вопросом. Уеду из Лондона, должно быть, в пятницу 6-го. Виза мне дана на 4 суток¹.

На счет помещения для меня не беспокойтесь — я буду в отеле Berkeley (за счет клуба, который оплачивает вообще всю мою поездку).

До свидания. Целую Ваши ручки, поклон Гарольду Васильевичу.

Ваш Ив. Бунин

¹ Визит Бунина в Лондон продолжался с 2 по 6 февраля.

31 января 1925¹

Дорогая Ариадна Владимировна,
теперь я уже знаю мой лондонский адрес — PEN club снял для меня комнату в Berkeley Hotel in Picadilly. А приеду я, повторяю, в понедельник, 2-го, в 17 (т.е. в 5) часов 15 м[инут] на Victoria. В надежде на свидание

Ваш Ив. Бунин

¹ Открытка датирована по почтовому штемпелю.

29-VII-25

Ville Belveder Grasse, (I. et L.)

Дорогая Ариадна Владимировна,
очень обрадованы Вашим письмом (которое дошло до нас только сегодня, ибо мы, как всегда, летом сидим в Грассе). Спешу Вам ответить, что я не виноват ни сном, ни духом в литературных грехах «Возрождения». Я никогда не был редактором этих грехов (как почему-то все решили после объявления, где было сказано только то, что «литератур[ный] отдел при ближайшем участии такого-то»)¹.

Петр Берн[гардович] звал меня в соредакторы к себе, но для этого нужно было жить в Париже, чего летом я не могу, ибо я пишу только летом. А с мнением Вашим согласен. Очень было бы хорошо, если бы «Возрожд[ение]» было не только политическим органом, но и вообще служащим русской культуре — литературе и всему прочему. Да, видно издатель скупится на беллетристов.

Целую Ваши ручки. Прошу Вас передать самый сердечный привет Супругу — он мне страшно мил. Вера очень [пропуск в тексте. — Публ.]

Ваш Ив. Бунин

Читали ли Вы книгу St. Graham'a, составленную из интервью с нами? Прочистили бы Вы ему башку — что он наворотил там!² Впрочем, многое в эту башку вбили Мережковские...

¹ В 1925-1927 П.Б. Струве возглавлял редакцию газеты «Возрождение». В этот период Бунин был ее активным автором (начиная с 3 июня 1925 до весны 1926, на ее страницах была впервые опубликована книга «Окаянные дни»), но с приходом нового редактора — Ю.Ф. Семенова — он прервал свое сотрудничество. При этом с самого начала писатель отмежевывался от формальной принадлежности к редакционному штату. Ср.: «Почему Вы, дорогой Борис, от "Возрождения" уклоняетесь? (Кстати, пущен ложный слух, что я редактор) /.../». Цит. по: Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1978. №132. С.177.

² Имеется в виду книга знатока России и русской культуры, литератора, журналиста и издателя Стивена Грэма «Russia in Division». London: McMillan & Co., 1925. См. о нем: Гуль Р. Я унес Россию. Т.П. Нью-Йорк, 1984. С.285-287.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подписной лист в честь 35-летия литературной деятельности И.А. Бунина и 15-летия его академического звания по разряду изящной словесности Академии наук России¹

В нынешнем году исполняется 35-летие литературной деятельности И.А. Бунина и 15-летие его пребывания в звании академика нашей Академии Наук по разряду изящной словесности.

И.А. Бунин — самый крупный писатель после смерти гр. Л.Н. Толстого и наш долг достойно почтить его.

Мы полагаем, что наиболее целесообразным способом выражения почтения Бунина, как писателя, было бы поднесение ему подарка в виде собранной суммы денег. Такое подношение дало бы ему возможность на некоторое время выйти из тяжелых условий беженского существования и более спокойно посвятить себя творческой работе.

Поэтому мы обращаемся с предложением подписать на этом листе ту сумму, какую каждый сочтет возможным.

Собранные деньги будут вручены И.А. Бунину при чествовании его от имени всех подписавшихся.

профессор И.Алексинский²

П.Гукасов³

Н.Денисов⁴

С.Третьяков⁵

профессор М.Бернацкий⁶

профессор Н.Кульман⁷

доктор медицины Л.Кепинов⁸

князь В.Аргутинский⁹

д-р И.Манухин¹⁰

Н.В. Деньги можно направить непосредственно в Banque de Milfouse /.../ на текущий счет №6617 Mr. Ivan Bounine /.../¹¹

¹ Документ хранится в БМ, Н.W. Williams Collection, Add.54445, р.62 и датируется нами предположительно сентябрем-октябрем 1924, хотя мотивирующие его вехи литературной биографии Бунина не совпадают между собой (1887 и 1909).

² *Алексинский И.П.* — врач-хирург, видный общественный деятель «русского» Парижа.

³ *Гукасов П.А.* — сын известного нефтепромышленника и общественного деятеля, субсидировавшего издание газеты «Возрождение».

⁴ *Денисов Н.Х.* — инженер, предприниматель и общественный деятель; председатель правления Российского Торгово-промышленного и финансового союза («Торгпром»). Одно время финансировал деятельность Комитета Освобождения России.

⁵ *Третьяков С.Н.* — промышленник, товарищ председателя «Торгпрома».

⁶ *Бернацкий М.В.* — ученый и общественный деятель, член Русской академической группы в Париже.

⁷ *Кульман Н.К.* — филолог, литературовед, лектор Франко-Русского института, пропагандист творчества Бунина.

⁸ *Кепинов Л.И.* — ученый-физиолог, преподаватель Парижского университета.

⁹ *Аргутинский-Долгоруков В.Н.*, кн. — известный коллекционер, многолетний директор Императорского Эрмитажа.

¹⁰ *Манухин И.И.* — врач, общественный деятель и правозащитник, близкий друг Горького, Мережковских и др.

¹¹ В результате этой акции была собрана довольно значительная сумма — 42 тысячи франков. 8 июля 1925 Тырковой-Вильямс об этом, между прочим, сообщала С.П. Ремизова-Довгелло (см. БМ, Add.54444, р.44).

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»
Переписка Пастернаков и Ломоносовых
(1925-1970)

Публикация Кристофера Барнза и Ричарда Дэвиса.
Подготовка текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс

Центральное место в предлагаемой публикации занимают письма Б.Л. Пастернака, адресованные Раисе Николаевне Ломоносовой (1888-1973). С обмена письмами между Пастернаком и Ломоносовой в 1925 началась семейная переписка, длившаяся целых 45 лет. В отличие от уже публиковавшейся ранее переписки Пастернака с такими лицами, как Марина Цветаева, Максим Горький, Ольга Фрейденберг и др., где общаются умы равного уровня и высокого творческого полета, в данной переписке явно ощущается некоторое неравенство между Пастернаком и другими авторами публикуемых писем. Тем не менее, сам Пастернак придавал большое значение дружбе и письменной связи с Ломоносовой и в его письмах к ней нашли отражение почти все главные моменты его литературной деятельности довоенного периода и почти все знаменательные события его личной и семейной жизни.

Публикация переписки Пастернака с Ломоносовой, может быть, не приведет к радикальной переоценке его жизни и творчества в двадцатые и тридцатые годы. Зато многие места в этой переписке бросают свет на некоторые до сих пор малоизвестные аспекты его биографии, внося коррективы в существующее представление о жизни Пастернака такой, какой мы ее знаем по книгам Маллака, Флейшмана, Хингли и др.

Самым красноречивым показателем значимости переписки является тот факт, что в 1928 Пастернак ставил имя Ломоносовой в один ряд с Анной Ахматовой, Мариной Цветаевой, четой Мейерхольдов, своей женой и другими адресатами новых стихов, предназначенных для включения в пересмотренное издание сборника «Поверх барьеров». В письме к Ломоносовой от 28 февраля 1929 он пишет: «Мне хочется так хорошо написать Ваше (т.е. обращенное к Вам), что просто страшно: разумеется,

не получится, как я бы того хотел» (№32). Как и стихотворение, посвященное жене, стихи к Ломоносовой так и не были написаны. Однако ввиду такого свидетельства место Ломоносовой среди «ключевых» современников Пастернака не подлежит сомнению.

Впрочем, Пастернак оказался далеко не единственным писателем, высоко оценившим значение Ломоносовой для молодой советской литературы. Чуть ли не дифирамбы писал ей Корней Чуковский 14 ноября 1925: «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова, без Ломоносовой никому не прожить, но ведь сколько из нас, из писателей, умирало от тоски и нищеты, так и не дождавшись своей Ломоносовой!» (РАЛ MS. 717.2.65.9). Чтобы объяснить причину такой восторженной благодарности, нужно коротко остановиться на биографии Ломоносовой и попутно на биографии ее мужа.

Раиса Николаевна Ломоносова (девичья фамилия Розен) родилась в еврейской семье в Полтавской губернии в 1888. Не совсем ясно, в каких условиях прошли ее детство и отрочество. Когда в возрасте 19 лет она познакомилась и сошлась с будущим мужем, Юрием Владимировичем Ломоносовым (1876-1952), она вытребовала у него обещание, что он никогда не будет расспрашивать ее о прошлом. Хотя многотомные воспоминания Ю.В. Ломоносова свидетельствуют о его склонности ко всякого рода пересудам, и он, нужно полагать, горел любопытством узнать, что именно от него так тщательно скрывается, он, по-видимому, обрадовался возможности в свою очередь скрывать от Раисы Николаевны кое-какие подробности из своего, далеко не безгрешного прошлого, и клятву свою сдержал.

Ко времени знакомства с Раисой Николаевной в 1907 Ю.В. Ломоносов был уже восходящей звездой в области паровозостроительной техники и самым молодым профессором не только Киевского Политехнического института, где заведовал кафедрой, но и, кажется, всей Российской империи. Его исключительные научные и технические способности сопровождался таким же недюжинным административным талантом, и Февральская революция застала его на посту заместителя товарища Министра путей сообщения. Вместе с А.А. Бубликовым, которого Государственная Дума назначила временным управляющим захваченным министерством, Ломоносов сыграл важную роль в событиях, которые привели к отречению Николая II от престола, и как при Временном правительстве, так и при первом советском он занимал самые ответственные посты в области железнодорожного транспорта.

Несмотря на блестящую карьеру мужа, Ломоносова никогда не была просто светской дамой. Это была волевая женщина с очень сильным характером, из-за которого, например, она угодила в одесскую тюрьму во время революции 1905 года. Другим примером ее постоянного стремления к самостоятельной деятельности была служба в царскосельском лазарете, учрежденном императрицей Александрой Федоровной в начале Первой мировой войны. Благодаря рвению и преданности делу, Ломоносова вскоре стала заместительницей императрицы, а потом фактической начальницей лазарета.

Когда Ю.В. Ломоносова откомандировали за границу в начале 1920-х по делам возглавляемой им Российской Железнодорожной Миссии и семья Ломоносовых на несколько лет обосновалась в Берлине, Раиса Николаевна решила заняться своего рода литературным меценатством. Вместе с женой писателя Бернгарда Келлермана, автора знаменитого романа «Туннель», она затеяла литературное бюро, которое должно было служить связующим звеном между современной западной литературой, преимущественно «передового» толка, и молодой советской литературой. Для налаживания связей с переводчиками и издательствами необходимо было найти человека осведомленного и энергичного, который представлял бы бюро в Советской России. Весной 1925, когда Ломоносовы приезжали в Россию, как оказалось, в предпоследний раз, Раиса Николаевна попросила Корнея Чуковского быть представителем бюро, но он согласился лишь на роль консультанта. Однако Чуковский решил воспользоваться контактом с Ломоносовой, чтобы помочь нуждающемуся собрату, и в открытке к ней от 7 июля 1925 написал: «Есть в Москве поэт Пастернак. По-моему — лучший из современных поэтов. К нашему общему стыду — он нуждается. Все мы обязаны помочь Пастернаку, ибо русская литература держится и всегда держалась только Пастернаками. Он пишет мне горькие письма. Ему нужна работа. Он отличный переводчик. Не пришлете ли Вы ему какую-нибудь книгу для перевода — стихи или прозу, он знает немецкий и английский» (РАЛ MS.717.2.65.4). Через две недели он повторил свою просьбу в письме к Ломоносовой от 22 июля 1925: «Пишу эти строки вторично потому, что получил из Москвы сведения, что мое письмо, посланное туда, Вас не застало. /.../ Кстати, я хотел познакомиться с Вами поэта Пастернака и дал ему Ваш адрес. /.../ Но Вас он не нашел. Это жаль. Я считаю его одним из самых выдающихся русских поэтов, и мне больно, что он так беспроблемно нуждается. Не могли бы Вы ему помочь? Он хороший переводчик (с немецкого, английского, французского). Пошлите ему какую-нибудь стихотворную революционную пьесу или вообще сборник революционных стихов. Вы спасете большого поэта от голода. Его адрес: Москва, Волхонка 14, кв.9. Борису Львовичу [sic!] Пастернаку» (РАЛ MS.717.2.65.5).

В результате благородного поступка Чуковского и отклика Ломоносовой в августе 1925 Пастернак написал ей в Берлин, своим письмом (№1) открывая переписку, в которую потом вовлеклись другие литераторы, так же как и некоторые члены семейств Пастернаков и Ломоносовых.

О последствиях писем Чуковского Пастернак сообщал Д.П. Святотополку-Мирскому в 1930: «Пять лет тому назад ей [т.е. Р.Н. Ломоносовой. — Публ.] обо мне написал К.И. Чуковский, речь шла о переводе Уайльдовских *Epistola in carcere et vinculis*, с авторизацией, которую ей легко было достать для меня. Все делалось без моего ведома, К.И. знал, что я бедствую и таким образом устраивал мой заработок. Но французский и английский языки я знаю неполно и нетвердо /.../ Сюрпризом, который мне готовил К.И., я не мог воспользоваться. Но вряд ли он знает, какой бесценный, какой неоценимый подарок он мне сделал. Я при-

обрел друга тем более чудесного, то есть невероятного, что Р.Н. человек не "от литературы" /.../»¹.

Переписка приобрела особую теплоту после встречи Ломоносовой в Германии в 1926 с первой женой Пастернака, талантливой художницей Евгенией Владимировной Лурье (1899-1965), и одной из отличительных черт переписки является участие в ней Евгении Владимировны. Из писем Е.В. Пастернак мы узнаем о ее заболевании туберкулезом в результате лишений голодных революционных лет, о ее художественной деятельности, о многих аспектах ее бытовой жизни, о ее личности. Особый интерес представляют письма, в которых речь идет о ее отношениях с Пастернаком после их развода, что в свою очередь проливает свет на далеко не простые, порой даже натянутые отношения Пастернака со второй женой, Зиной Николаевной Нейгауз (1897-1966). Если когда-нибудь будет написана история всего семейства Пастернаков, необходимым первоисточником будет публикуемая здесь переписка Е.В. Пастернак с Ломоносовой.

О развитии отношений между участниками многолетней переписки семейств Пастернаков и Ломоносовых красноречиво говорят сами письма, но стоит остановиться на некоторых, самых характерных, чертах писем самого Пастернака. Читатели, уже знакомые с эпистолярным наследием Пастернака, не удивятся взрывам восторга, которые встречаются то и дело в его письмах к Ломоносовой, как например 9 июля 1928: «Дорогая Раиса Николаевна! Какое удивительное письмо я от Вас вчера получил. Громадное, несравненное, высокое, захватывающее. Какого оно роста, какое лицо у него, как я его люблю! /.../ Знает ли Чуковский, что он сделал, когда в то лето подарил Вас нам, и мне, и насколько — мне!» (№30). К сожалению, в данном случае не сохранилось вызвавшее такой восторг письмо Ломоносовой, но оно вряд ли многим отличалось от остальных ее писем, которые своим буднично-домашним содержанием и незатейливым стилем резко контрастируют с пафосом пастернаковских.

Вопрос о природе его отношений с Ломоносовой очевидно интриговал и волновал Пастернака, и в письме к ней от 23 марта 1931 он нащупывает ответ на него: «Мог ли бы я сказать по совести, когда и что действовало сильнее или слабей в моей переписке с Вами, и как это называется. Я завидую людям, которые родились с готовым различием чувств или успели в них разобраться. Я — не то что дружбы, я *вниманья* без примеси любви никогда не переживал» (№52). Но именно такое «вниманье без примеси любви», по крайней мере в обыкновенном романтическом смысле, придает переписке Пастернака с Ломоносовой особую окраску, этим отличая ее от переписки почти со всеми другими женщинами, в частности с Ольгой Фрейденберг и Мариной Цветаевой, или в 1950-х с Ренатой Швейцер. Первый шаг в их отношениях сделала Ломоносова, и ее щедрая материальная помощь Пастернаку и его семье поставила его в необычное для него положение. Здесь не он покровительствует, а ему покровительствует, морально и материально, «невидимая» заграничная поклонница.

¹ Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой (1928-1931) / Публ. Ричарда Дэвиса. Подготовка текста Лидии Шоррокс // Минувшее: Исторический альманах: Вып.8. Париж, 1989 (М., 1992). С.221.

Во второй половине 1920-х, когда сгушались тучи над политическим горизонтом, все растущее значение для Пастернака имели контакты с Западом. Так же как переписка с Рильке, Цветаевой, Святополком-Мирским и др., переписка с Ломоносовой сыграла в его жизни роль некоторого «спасательного пояса». Создается впечатление, что иногда достаточно было для Пастернака получить письмо из-за границы, при любом содержании письма, — чтобы он воспрянул духом. Связанный с этим вопрос о возможном выезде за границу Пастернака и его семьи обсуждается во многих письмах к Ломоносовой. Однако после годового пребывания в Берлине в 1922-1923 Пастернак так и не уезжал за границу до 1935. Но сначала добровольный, а потом вынужденный «отказ от эмиграции» не имел для Пастернака такого рокового и необратимого характера, как например в случае Ахматовой. В письмах к Ломоносовой Пастернак неоднократно выражал, с одной стороны, надежду съездить на несколько месяцев или на более длительный срок в Западную Европу, а с другой — полную уверенность в том, что лишь его собственная пассивность, занятость и временные финансовые трудности мешают выполнению этого плана. Но на издательский отказ, полученный в 1930 после подачи документов на выезд жены и сына, он реагировал с горечью, которую изливал только в письме к Ломоносовой от 4 ноября 1930 (№49).

По злой иронии судьбы многократные попытки получить разрешение на выезд за границу увенчались успехом *против* воли Пастернака лишь в 1935, когда его тяжело больного включили в советскую делегацию, посланную в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. После конгресса, на обратном пути в Ленинград, Пастернак остановился в Лондоне, где состоялась его единственная встреча с Ломоносовой. Подробности об этом эпизоде, как и об общей «садически-нелепой» (эпитет Ломоносовой) обстановке, мы знаем только из переписки Ломоносовой с Пастернаком и с мужем. В письмах не уточняется лишь одна деталь, упомянутая в переписке Пастернака с З.Н. Пастернак и проливающая свет на некоторые моменты в переписке с Ломоносовой: Пастернак оставил для З.Н. Пастернак у Ломоносовой в Лондоне 42 фунта стерлингов — «но этого никому нельзя говорить, я бедность своих закупок объяснил необходимостью возвращения долга Ломоносовой, пусть так оно и считается» (письмо к З.Н. Нейгауз-Пастернак от 12 июля 1935²).

В связи с короткой встречей Пастернака с Ломоносовой в 1935 стоит упомянуть ряд других встреч и «невстреч», ставших лейтмотивными для переписки с Ломоносовой, как и вообще для биографии Пастернака. Кроме неизвестных ранее подробностей о размолвке Пастернака с Маяковским и Асеевым, мы узнаем, например, о «крупно-безличном» выступлении французского писателя Дюамеля в Москве в 1927, странно контрастировавшем с впечатлением от других западных контактов Пастернака (№11). Подобная «невстреча» произошла в 1928 с Максимом Горьким во время визита последнего в Москву. О чудаческом и замысловатом выступлении Пастернака на одном из приемов, устроенных в честь «живого

² Впервые опубли.: Вестник РСХД. №106. 1972. Цит по изд.: Письма Б.Л. Пастернака к жене З.Н. Нейгауз-Пастернак. М.: «Дом», 1993. С.98.

классика», рассказал уже в своих мемуарах В.А. Катанян. Но о полном разочаровании, овладевшем Пастернаком в результате, по-видимому, сознательного «самоограничения» Горького, мы читаем только в переписке с Ломоносовой (№29).

Связи Пастернака с немногочисленными, но родственными по духу людьми в Западной Европе и полное отсутствие духовной близости со многими современниками в Советской России можно рассматривать как проявление его все растущего ощущения собственной неуместности в советском литературном мире 1920-х. Для Пастернака это был период относительного творческого застоя, увядания его прежней славы первых лет революции и «медленно созревающей ненависти» к своему литературному окружению. Это был и период, когда, по мнению Пастернака, все больше доминировал дух посредственности в советской литературе (см. его отклик на Постановление ЦК о литературе 1925 года). Состояние творческого полусна, в котором пребывал сам Пастернак, описывается в письме к Ломоносовой от 19 мая 1926 (№3). Подобный диагноз Пастернак поставил и в случае Маяковского в 1927, когда тот еще увлекался левым футуризмом (№13).

Дальше в переписке конца 1920-х недвусмысленно прозвучала нота обреченности, предчувствия конца и физической смерти (№21 и сл.). Этот мотив так же печально и легко узнаваем в переписке Пастернака с Ольгой Фрейденберг, с поэтом Сергеем Спасским и др. Разыгрывался он также в художественном творчестве Пастернака: в новом окончании поэмы «Высокая болезнь», в стихотворениях «Рослый стрелок» и «Другу», в эзоповых пассажах «Охранной грамоты» и позднее наиболее рельефно в романе «Доктор Живаго». Разумеется, все это являлось завуалированным, но легко расшифровываемым откликом на социально-политические события того времени, которые в комментариях не нуждаются.

Предчувствие личной обреченности проскальзывало и в новом издании стихотворного сборника «Поверх барьеров». Готовя его к печати в феврале 1929, Пастернак пишет Ломоносовой: «Я хочу подвести и закончить все недоделанное настолько, чтобы к 40 годам этот цикл был готов, и можно было бы либо спокойно умереть, либо остаться жить, и тогда как бы снова, новым циклом» (№32).

К счастью, Пастернак дожил до нового цикла — до «Второго рождения». Сборник под этим названием увидел свет в 1932. Однако новый прилив вдохновения и творческих сил оказался относительно кратковременным. Кроме того, положение Пастернака в советской литературе оставалось двусмысленным и не вполне понятным как ему, так и официальному культурному начальству. В конце 1920-х он характеризовал себя — и в принципе любого настоящего поэта — как «экстерриториальный» элемент внутри советской литературной культуры, лишенный контроля над собственной судьбой. В письмах к Ломоносовой он писал о «непредставимости нашего общего русского обихода последних лет» и о том, как: «Вещам неуловимым, но разлитым в воздухе, основным, всех касающимся и т.д. я поддаюсь почти по-женски. И если я говорю, что теперешний наш обиход трудно себе представить, то

это значит, что всего труднее себе представить — мой собственный и людей моего склада и в моем положении» (№40).

В начале 1930-х положение Пастернака осложнилось еще тем, что он занял почетное место в правлении нового Союза писателей СССР, и на него настойчиво пытались возложить венец официального поэта, наследника Маяковского. Неуместность этого увеличивалась еще тем, что к середине 1930-х центр тяжести творческой работы Пастернака сдвинулся от поэзии, как лирической, так и эпической, в сторону «большой прозы». Все это, естественно, отражалось в письмах тех лет к Ломоносовой. Пастернак объясняет ей, например, в письме от 24 октября 1934: «Что же касается меня, то я не выношу слова "поэт", не говоря уже о том парфюмерно-кондитерском и парикмахерском привкусе, который в эту серую, строгую и до сумасшествия прозаическую область вносит ходячее понимание, даже и в революционном государстве. Можно бы на это не обращать вниманья, но на людей уединяющихся смотрят как на преступников. Кроме того, тут был съезд писателей, на котором ко мне отнеслись так мило, что теперь эта верность себе (и только при этих условиях — времени) кажется с моей стороны неблагодарностью» (№79).

В 1930-х еще больше, чем в 1920-х, поражают в этой переписке, с одной стороны, наивность Ломоносовой, не понявшей смысла многих зловещих перемен в сталинской России, и, с другой, — пастернаковская откровенность и едкая ирония в сочетании с сознанием собственной беспомощности. И обо всем этом Пастернак пишет в условиях строго контролируемой теперь переписки с границей. В 1935 он говорит, например, о своих «компромиссах последнего времени в сторону хорошо известного Вам нынешнего нашего единообразия» и продолжает: «Потому что от этого-то ведь и заболел я в конечном результате, от утери собственной воли, постепенно вытесненной цепью ложных положений, протянувшихся с прошлогоднего съезда» (№95).

Еще более открыто и отрицательно реагирует Пастернак на травлю писателей и других художников, как например весной 1936, когда он выражает Ломоносовой свое негодование по поводу осадного положения всех людей, проявивших какую бы то ни было творческую оригинальность: «Но тут вскоре с бедного Шостаковича началась серия разносов, обошедшая все сколько-нибудь заметное и положительное во всех отраслях искусства, и если бы даже мне не оказали этой чести, все равно, довольно было и того, что делалось (и еще делается) с товарищами, чтобы прийти сначала в замешательство, а потом, по истощанном терпении, и в раздраженье. Все спуталось, никто ничего не понимает, и все чего-то боятся. /.../ Знаете, о чем я сожалею? Последние 5 лет мы дико тут пронаивничали, мы, Булгаковы всякие и Федины и Шостаковичи. И этих лет никто не вернет нам. И времени мало. А что делать?» (№107).

Даже в разгар террора 1937 Пастернак позволяет себе откровенность, по крайней мере, в отношении самого себя, хотя от опасных обобщений и комментариев на общественные темы по понятным причинам воздерживается: «Когда-нибудь я опять еще буду принадлежать себе, своему уху и глазу, вкусу и убеждению. Только так ведь и можно дать что-нибудь

стоящее. И если на время я утратил эту способность, и время затягивается, что могу я больше, чем верить и надеяться. Никогда я не чувствовал себя так бодро и не знал такой душевной ясности, как эти последние полтора года; никогда, в отдельные вынужденные моменты, так не презирал себя: до того стала физически несбыточной и технически неисполняемой честность и верность себе, даже на деле, в осуществленном поступке. Это как писанье на воде или по воздуху. Следа не остается» (№112).

Во второй половине 1930-х переписка между Пастернаком и Ломоносовой стала гораздо менее регулярной, а в 1938 вообще заглохла. Причина этому — все те же факторы, ограничивавшие переписку с границей и выступления в печати Пастернака и других несозвучных эпохе писателей. После войны регулярная переписка так и не возобновилась из-за новых ограничений и запретов периода «ждановщины», начавшегося в 1946. Особый интерес и ценность приобретает поэтому последнее письмо Пастернака, адресованное Ломоносовой. Оно было написано в конце июня 1946, т.е. менее чем за два месяца до ленинградского выступления Жданова, травли Ахматовой и Зощенко и начала нового периода идеологического гнета и культурной изоляции, но оно все еще проникнуто оптимистическим настроением Пастернака первого послевоенного года и свидетельствует о кратковременной послевоенной свободе в стране и о конце власти «мертвой буквы», столь характерной для культурного климата конца 1930-х: «Опять ничего не удастся сказать в письме, но теперь по совершенно новой причине. Когда-то ничего нельзя было написать, [фото] ч[то] мешали политические условия. Теперь я не обращаю на них внимания. Теперь в жизни, в разговоре и в письмах не сообщаем ничего существенного, потому что настало время сказать главное, а оно еще не сказано, и за его отсутствием все остальное несущественно и неинтересно. Но оно будет сказано. Мне очень хорошо. Я весь в будущем и живу им» (№115).

Через несколько недель после написания этих строк пришлось опять отложить попытку сказать «главное», как оказалось, до середины 1950-х. Мажорная тональность последнего письма Пастернака к Ломоносовой прозвучала вновь с полной силой, пожалуй, лишь в эпилоге романа «Доктор Живаго».

Письма Пастернаков публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Р.Н. Ломоносовой (Русский Архив при Лидском университете, Англия): MS.717.2.232 (Б.Л. Пастернак), MS.717.2.233 (Е.Б. Пастернак), MS.717.2.234 (Е.В. Пастернак), MS.717.2.235 (Л.О. Пастернак), MS.717.2.236 (Л.Л. Пастернак-Слэйтер). Письма Р.Н. Ломоносовой к Б.Л. и Е.В. Пастернакам публикуются по фотокопиям, любезно предоставленным для настоящей публикации Е.Б. и Е.В. Пастернаками и ныне хранящимся вместе с письмами Б.Л. и Е.В. Пастернаков к Р.Н. Ломоносовой в архиве последней. Оригиналы писем Р.Н. Ломоносовой хранятся в семейном архиве Пастернаков (Москва). В комментариях указаны шифры других использованных материалов из архива Ломоносовых.

Зачеркнутые авторами слова восстановлены в косых скобках. Неразборчивые зачеркнутые места указаны либо так: [...] (отдельные буквы

и слова; либо, в случае фразы или предложения, так: [перечеркнута фраза из 8-9 слов] и т.д. Раскрытие сокращенных слов и прочая редакторская правка — в квадратных скобках. Многоточие везде авторское. Все виды эмфазы заменены курсивом. Остатки старой орфографии почти везде заменены новой, но у Б.Л. Пастернака оставлены окончания на «ье» вместо «ие». Редакторское вмешательство в порою причудливую орфографию и пунктуацию Е.В. Пастернак и Р.Н. Ломоносовой сведено до «попятнейшего» минимума.

При составлении примечаний к письмам редакторы поставили себе цель воссоздать в первую очередь биографический и творческий фон писем Пастернака, и поэтому, как правило, приводятся только необходимые для понимания контекста этих писем сведения о жизни Ломоносовых (болезни, поездки и т.п.) и о жизни Е.В. Пастернак в период после развода с Пастернаком. (Биографические очерки о Ю.В., Р.Н. и Ю.Ю. Ломоносовых можно найти в изд.: Hugh A. Aplin. Catalogue of the G.V. Lomonosoff, R.N. Lomonosoff and George Lomonosoff Collections. Leeds, Leeds University Press, 1988. P.vii-xxix). Не оговариваются многочисленные несохранившиеся письма и фотографии, которые упоминаются в публикуемых письмах, а также несостоявшиеся поездки, планы и т.д.

В настоящем издании тексты писем публикуются полностью впервые, но выдержки из некоторых писем приводились в докладах и выступлениях редакторов (III World Congress for Soviet and East European Studies, Вашингтон, 1985; Русская служба Би-Би-Си, Лондон, 1986; 13th Scottish Slavonic Seminar, St Andrews, Шотландия, 1986), и также в изданиях: Christopher Barnes. Boris Pasternak: A Literary Biography. Vol.1: 1890-1928. Cambridge etc, Cambridge University Press, 1989; Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: «Советский писатель», 1989; Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 тт. М.: «Художественная литература», 1989-.

За разрешение опубликовать тексты писем и выдержки из других архивных материалов выражаем признательность владельцам копирайта: G.M. Browning (Ю.В. Ломоносов), N. & G.P. Lomonosoff (Р.Н. Ломоносова), Pasternak Trust и Е.Б. Пастернак (Б.Л. Пастернак, Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак, Л.О. Пастернак, Л.Л. Пастернак-Слэйтер), Е.Ц. Чуковской (К.И. Чуковский).

За финансовую поддержку, оказанную при разборе архива Ломоносовых и подготовке материалов из архива к печати выражаем благодарность Leverhulme Trust (Лондон).

За оказанную при подготовке публикации помощь приносим благодарность следующим лицам и учреждениям:

Н.М. Богославская, М.М. и Ф.И. Дельgado, Е.Б. и Ел.В. Пастернак, Л.Л. Пастернак-Слэйтер, О.Л. Семенченко, Е.Ц. Чуковская, Н.А. Aplin, L.R. Baruch, I. Beyer, G.M. Browning, D.N. Collins, B.Duguid, L.Feiler, E.Gibbon, E.M.K. Hardcastle, B.G. Hewitt, A.J. Heywood, M.J. de K. Holman, C.A. Johnson, M.B. Kavinoky, R.J. Keys, B.L. Metcalf, A.Pasternak-Slater, H.Ravaisse, E.Siemel.

Музей МХАТ СССР, Москва; American College of Obstetricians and Gynecologists, Washington; Archives of the British Psycho-Analytical Society, London; Brotherton Library, University of Leeds; Centre for Russian and East European Studies, University of Toronto; Charles Patterson Van Pelt Library, University of Pennsylvania; Free Library of Philadelphia; Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, California; Institution of Mechanical Engineers, London; Leighton Park School, Reading; Library of the Religious Society of Friends, London; Philadelphia Museum of Art; Quaker Collection, Haverford College, Pennsylvania; Society for Cultural Relations with the USSR, London; Sotheby's, London; Special Collections Department, Joseph Regenstein Library, University of Chicago; Special Collections Department, University Library, University of Illinois at Chicago; Zentrales Literaturarchiv, Akademie der Künste der DDR, Berlin.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

Barnes	Christopher Barnes. Boris Pasternak: A Literary Biography. Vol.1: 1890-1928. Cambridge etc, Cambridge University Press, 1989.
ЛН70	Горький и советские писатели: Неизданная переписка: Литературное наследство. Т.70. М.: АН СССР, 1963.
ЛН93	Из истории советской литературы 1920-1930-х годов: Новые материалы и исследования: Литературное наследство. Т.93. М.: «Наука», 1983.
Материалы	Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: «Советский писатель», 1989.
Минувшее	Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой (1928-1931). / Публ. Ричарда Дэвиса. Подготовка текста Лидии Шоррок // Минувшее: Исторический альманах: Вып.8. Париж, 1989 (М., 1992). С.208-273.
Письма 1926	Р.М. Рильке, Б.Пастернак, М.Цветаева. Письма 1926 года / Составители К.М. Азадовский, Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. М.: «Книга», 1990.
РАЛ	Русский Архив при Лидском университете, Англия.
Т.1	Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 тт. Т.1. М.: «Художественная литература», 1989.
Т.4	Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 тт. Т.4. М.: «Художественная литература», 1991.
Флейшман	Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, The Magnes Press, 1984.

17/VIII/[19]25
Москва.

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Крайне тронут Вашей отзывчивостью. Корней Иванович [Чуковский] показал мне Ваше письмо¹. Переводить на иностранные языки я бы и в крайности не взялся, хотя по-немецки говорю довольно свободно². По той же причине придется отказаться и от обзоров для Nation и New Republic³. Правда можно было бы эту работу с кем-нибудь разделить, но я никогда не буду уверен в качестве переводов.

Горячо благодарю Вас за желание авансировать меня из Вашего запаса⁴. Хотя это и недопустимо и я и слышать об этом не хочу, это несколько не умаляет моей признательности за одну готовность.

Зато за Вашу мысль перевести Epistola⁵ я ухватился с радостью, написал К[орнею] И[вановичу] и жду от него ответа и книги⁶.

Не знаю как Вас и благодарить. Всего хорошего. Не на Lietzenburger ли Str[asse] Ваше почтовое отделение? Или на углу Prager Pl[atz]? Я оба их как сейчас вижу⁷.

Ваш Б.Пастернак.

Отправлено из Москвы в Берлин.

¹ См. вступительную статью о попытке К.И. Чуковского (Н.В. Корнейчукова, 1882-1969) устроить переводческую работу для Пастернака через Ломоносову. Письма Ломоносовой к Чуковскому не сохранились. 28 писем Чуковского к Ломоносовой за 1925-1927 хранятся в ее архиве (РАЛ MS.717.2.65).

² О переводах, сделанных Пастернаком в ранний период, и о его знании иностранных языков см. статью: Christopher Barnes. Some Background Notes on Pasternak's Early Translations [...] // Aspects of Russia, 1850-1970: Poetry, Prose and Public Opinion: Essays Presented in Memory of Dr. N.E. Andreyev. Edited by William Harrison and Avril Pyman. Letchworth, Avebury Publishing, 1984. P.201-213.

³ Ломоносовы поддерживали контакт с сотрудниками нью-йоркских журналов либерально-критического направления «The Nation» (1865-) и «New Republic» (1914-) с 1918, и летом 1926 они встречались в Германии с редактором журнала «The Nation» О.Г. Виллардом (O.G. Villard, 1872-1949). См. также №2 о предполагаемых обзорах советских литературных журналов.

⁴ В дальнейшем Ломоносова неоднократно оказывала Пастернаку и его семье финансовую и другую материальную помощь (см., напр., №2). Об этом см. также Barnes. С.355, 376.

⁵ Под названием «Epistola: In carcere et vinculis» вышли в переводе на немецкий язык Макса Мейерфельда (Berlin. S.Fischer. 1925) посмертно опубликованные произведения Оскара Уайльда (Oscar Wilde, 1854-1900) «De profundis» (1905) и «The Suppressed Portion of "De profundis"» (1913). Уже существовал русский перевод «De profundis» Е. Андреевой в изд.: Сочинения Оскара Уайльда. М.: «Гриф», 1905.

⁶ В письме к Ломоносовой от 29 августа 1925 Чуковский сообщил: «"Epistola" я послал Пастернаку» (РАЛ MS.717.2.65.6). Пастернак не переводил Уайльда.

⁷ В своих письмах из Берлина (см., напр., №4) Ломоносова обычно указывала № абонементного ящика (Schliessfach 28, Berlin W.15), но она, очевидно, подтвердила в несохранившемся ответе на данное письмо Пастернака, что их с Юрием Владимировичем квартира находилась на Lietzenburger Strasse, д.11, и этот адрес иногда встречается на конвертах пастернаковских писем. В 1906 и 1922-1923 Пастернак провел несколько месяцев в Берлине.

2. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

16/IX/[19]25

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Я у Вас не прошу извиненья, потому что мне его нет. Я хотел, мог и должен был ответить Вам в день привоза этих денег /из/ женою из города в деревню, но у меня не было там Вашего адреса (номера почтового сейфа)¹, и оттого что я этого не сделал, когда нужно было и хотелось, — а я только спустя неделю попал в город, /то/ чувство стало намереньем, то есть со свежего горячего следа сошло на ту трясику, которая по счастью кажется незнакома Вам, и является второю родиной людей, запускающих дела тем больше, чем они ближе и дороже им, а за ними и самую жизнь. Но мне хочется рассказать Вам, как все случилось. В тот Женин наезд в город за гонорарами, задолженными издательствами, у нее с ними ничего не сварилось. Вероятно Ваша курьерша² пришла с Вашим письмом вечером, в ее отсутствие из дому, соседи по квартире положили пакет на стол в неосвещенном коридоре, и жалко, что не в чулок, а то бы это совсем было рождественским чудом (по-французски) на другое утро, когда, в намереньях начать новый дневной обход олицетворенной безнадежности, она натолкнулась на эту «почту» и вскрыв конверт, нашла в нем радостное и прямое, как ей казалось, разрешение от всех забот, потому что не знала ни истории этих билетов³, ни их происхожденья, ни своих прав на них. Она побежала в банк, разменяла их, распла-

тилась за 4 месяца за квартиру, успела еще много другого и в то же утро поехала на дачу сообщить мне о своем успехе. Как ни обратительны вообще, по бесполезности и анемии, всякие полаганья и предположенья, твердо знаю одно. Я был бы в это утро настолько же медленен и подавлен, насколько быстра и приподнята она. Я даже решусь сказать, что денег бы вероятно не взял, и не из щепетильности, как пишете Вы, а оттого, что у меня так много долгов, так много, что теперь, когда это распечатанное письмо примкнуло к ним и завершило их ряд, я боюсь думать о том, когда, т.е. как скоро я смогу их Вам возвратить. Вы мне очень помогли, как-то странно, в самую пору, как ничто никогда, и эту осень я только этим случаем и жив. До сих пор я говорил только об этой случайности, т.е. о том, как Ваше движение вошло в мой обиход, и ни словом не поблагодарил Вас, но письмо не было бы письмом, если бы нуждалось сверх сказанного, еще в этой придаточной фразе.

А теперь о том деле, которое и вообще улыбнулось мне и улыбается тем больше, что в какой-то связи с ним и никак не иначе мне рисуется погашенье этого нового и непохожего на другие, долга.

Я когда-то читал по-английски, никогда не говорил, чудом, в котором много места занял словарь, перевел однажды Бен Джонс[он]ова Алхимика⁴, и однако английского я совсем не знаю. Но у меня есть знакомые, даже и пишущие по-английски, и они охотно разделят со мною труд*.

Мне очень бы хотелось писать в Nation и N[ew] Republic, и если подачу статей можно открыть с января, я бы уже и сейчас к этому обязался. Можно ли отложить корреспондированье на такой срок, и таким образом, чтобы за это время дела не упустить? Можно ли переписываться с ними (по этому делу) по-немецки?

Об отсрочке я прошу вот по каким причинам. Хотя не во всех изданиях журнальный год начинается с января, в большинстве с осени, а в каких и летом, потребность в системе и полноте обозренья как-то толкает меня искать согласия с календарем. Но это конечно решительные пустяки. Настоящая причина та, что Ваша идея застаёт меня в самом разгаре работ, намеченных и начатых далеко не случайно⁵. Их нельзя оставить без ущерба даже и для самих статей. Если издательства такую отсрочку допустят, все обернется очень счастливо. Я рассчитываю сообщить статьям должную меру живости, интереса и некоторого... историзма, а с

* Т.е. будут переводить статьи, написанные мною [Примечание Б.Л. Пастернака].

последним как раз того, чем я так сейчас поглощен. И опять я пишу обо всем этом без извинений и благодарностей, с первого раза вполне измерив Ваше участие во всех этих вещах, потому что если бы я и стал искать слов для выраженья ну хоть бы моего удивленья, я бы их на этот раз не нашел. Крепко жму Вашу руку.

Ваш

Б.Пастернак.

Отправлено воздушной почтой из Москвы в Берлин.

¹ См. прим.7 к №1.

² См. прим.2 к №3.

³ См. конец №3, где упоминается сумма в 20 фунтов (стерлингов).

⁴ Пастернак перевел пьесу английского драматурга Бена Джонсона (Ben Johnson, 1573-1637) «The Alchemist» («Алхимик», 1610) в 1920-1922, и пьеса была поставлена в Москве в 1923. Пастернаковский перевод впоследствии вошел в изд.: Джонсон Б. Драматические произведения: В 2 тт. М.; Л.: «Academia», 1931-1933. (Подробнее об этом см. указанную в прим.2 к №1 статью К.Барыза).

⁵ В данное время Пастернак работал над поэмой «Девятьсот пятый год» и романом в стихах «Спекторский» (см.: Т.1. С.695-702, 709-716).

3. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

19/V/[19]26

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Боюсь поддаваться чувству, которое вызывает Ваша память и вниманье, потому что этот путь заводит далеко и редко приводит к добру. Но Вы изумительный и непостижимый человек. Эти качества в Вас так сильны, что побеждают естественное чувство неловкости, которое я испытываю перед Вами и от которого в ближайшее время не вижу возможности избавиться. Вы мне представляетесь высокого роста¹ и вдобавок еще спускающейся по лестнице, потому что неожиданности валятся от Вас откуда-то сверху, как с неба. Ваш привет так, например, растрогал жену, что со слезами на глазах она принялась было в тот же вечер, когда необъяснимое сочетанье «Правдины². Посылка» оказалось Вами, благодарить Вас за то одно, что разгадкой явились именно Вы, и письма не дописала и разорвала его: /перечеркнуто 2-3 слова/ я ей помешал своими перебоями, — подходил и заговаривал о ее чувстве и о Вас; и кроме того было бы удивительно если бы она

письмо дописала. Переживала она Вас патетически, а выраженья пафоса она не любит.

Приехали ли Вы уже из Италии?³ Правда, т.е. это кажется мать передатчика, ничего мне о Вас не рассказала. Вы... земнее и осязательнее не стали от этих расспросов: эта земля для воплощенья Вас не годилась.

Вы пишете, что в Reading'e⁴ были очень больны. Запрашивая Вас сейчас о Вашем здоровье я вкладываю в вопрос все мыслимое содержание, которое так редко в нем присутствует.

Какао оказался чудесный и если бы Вы больше пили такого, Вы бы никогда не болели. Вместо же этого Вы отсылаете его в Москву, по совсем неподходящему адресу. Если бы Вы этого не делали, Вы бы никогда не болели.

Болел и я, в Reading'ские времена, болел нравственно, до совершеннейшего отчаянья. Я стал выздоравливать за работою о 1905-м годе⁵. Теперь я совершенно отошел от долголетнего обморока, чем обязан людям, изумительным, как Св[ятополк-]Мирский⁶ и Вы, ряд, которых открыли собою Вы, и которых развели за границей, ряд, который наконец замкнулся недавним письмом от R.M. Rilke⁷, кот[орый] обнимает, благословляет и — взволновал до последней степени. — Тут же, на месте, стараются сделать вид, что я себе, писателям и поэтам приснился, и что если бы не это, и еще несколько других, таких же сновидений, всем бы остальным спалось гораздо мертвее и, следовательно, лучше. Спал собственно и я, и если бы мне тогда сказали, что я способен на глухую, медленно созревающую ненависть, я бы не понял сказанного. Так я покладист, забывчив и уступчив. Сильным ударом будильника было для меня творчество Марины Цветаевой⁸, первого поэта, работающего в той же линии, что и я, от меня независимо и самостоятельно, что я особенно остро почувствовал, потому что у меня много подражателей и мало стихов. Ей в строе сил, о котором была речь выше, принадлежит особое и единственное место. И затем, этот человек мучился вероятно в жизни больше, чем мог бы я вынести в одном воображеньи.

По-настоящему, т.е. как очень давно, я стал работать только в самое последнее время. К «1905-му» я приступил еще в затяжном полусне, весь в пуху и перьях от глубокой послеобеденной советской перины. А ведь это открытие не из последних: до настоящего порядка никто пожалуй не воображал, что назначение эпохи — служить нарами, и что подушки и тюфяки хорошо набивать для мягкости бахвальством. Особенно это чувствуется сейчас, когда режим экономии делает и сено продуктом дорогим и малодоступным.

Сейчас я пишу вещь в стихах о лейтенанте Шмидте⁹. Мне хочется ее написать лучше, чем требуется низостью потолка. То есть, — волоса в штукатурке, голова в синяках — я надеюсь ее, пробившись головой на чердак написать на три с плюсом. Вот как низко у нас строят.

Меня очень тянет за границу (на время, разумеется)¹⁰. Теперь это мне не удастся. Но я себе поклялся /и пообещал/, что съезжу через год, будущей весной. Предел дерзости и бессовестности, — я надеюсь еще воспользоваться тогда Вашим предложением отослать американских журналов.

Разность территорий /не меняет ни/ не изменит никогда моих убеждений. Но сидя тут, в джухе, я стараюсь забыть об углах и тупиках, где вдобавок еще скапливается кругом разлитая затхлость. Я легко поддаюсь ипохондрии и на ее родине бегаю поводов к ней. Нет, позвольте мне о духовых печах писать не из кочегарки.

Ваша ссуда растет, оборачивается, сокращается и бьет как мышца. С сознанием этого долга хожу в редакцию, возмущаюсь за двоих, переживаю надобность в деньгах, двойную, обостренную мыслью о долге, но пока преуспеваю только в ординаре, а это уже много, и этим я обязан Вашим 20-ти фунтам. И разумеется, я бы об этом не заикался и не писал Вам в таком свободном дружеском тоне, а бежал бы от Вас на край земли, если бы не крепла во мне надежда на переиздание в свое время разошедшихся книжек¹¹, когда я и добела перед Вами очищусь. Горячо Вас благодарю за все.

Ваш Б.Пастернак.

[Приписка:]

Меня зовут Борис Леонидович. Львовичем Вы меня зовете со слов К[орнея] И[вановича], не знавшего моего отчества.

Отправлено 21 мая 1925 из Москвы в Берлин.

¹ На самом деле Ломоносова была маленького роста. Ср. из письма М.И. Цветаевой к ней от 1 февраля 1930: «Спасибо за карточку свою и сына. Какой большой сын! Какая большая даль! Какая маленькая Вы! Как девочка в стране гигантов» (Минувшее. С.222).

² Ломоносовы знали старого большевика А.Г. Правдина (1879-1943) с 1908, когда Юрий Владимирович его назначил осмотрщиком вагонов в Луганске, а Раиса Николаевна дружила с его женой, Еленой Алексеевной, уже в Одессе в начале 1900-х. В 1923-1927 Правдин занимал высокие посты в государственной транспортной системе, в частности, был замнаркома путей сообщения РСФСР в 1924-1925.

³ См. №4 о трехмесячном пребывании Ломоносовых в Италии весной 1926 и об их возвращении в Берлин 16 июня.

⁴ В 1921-1926 Ю.Ю. Ломоносов учился в расположенном недалеко от гор. Рединг квакерском интернате Лейтон Парк (Leighton Park).

⁵ См. прим.5 к №2.

⁶ Об отношениях и переписке Пастернака с историком русской литературы и критиком Дмитрием Петровичем Святополком-Мирским (1890-1939) (в частности, через «призму» переписки с М.И. Цветаевой — см. ниже, прим.8) см. статью: Флейшман Л. Из пастернаковской переписки // *Slavica Hierosolymitana*. 5/6. 1981. С.535-541.

⁷ Письмо от Райнера Марии Рильке (Rainer-Maria Rilke, 1875-1926) Пастернак получил 18 мая 1926. См.: Письма 1926. С.102-103.

⁸ Об отношениях Пастернака и Марины Ивановны Цветаевой (1892-1941) и их переписке см.: Письма 1926.

⁹ «Лейтенант Шмидт». См.: Т.1. С.702-709.

¹⁰ См. вступ. статью и Barnes. С.379, 404-405.

¹¹ В 1926 Пастернак переиздал книги «Поверх барьеров» (1917) и «Сестра моя жизнь» (1922/1923) (Пастернак Б. Избранные стихи. М.: «Узел»), и в 1927 вышел составленный из книг «Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации» (1923) сборник: Две книги. М.; Л.: «Государственное издательство» (переизд. в 1930).

4. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. и Е.В. Пастернакам

Schliessfach №28
Berlin. W.15
16-VI-[19]26

Дорогие друзья, Борис Леонидович с женой (это потому что не знаю имени и отчества жены Пастернак). Ваше письмо¹ ждало меня в Берлине куда мы вернулись сегодня. Три месяца ездили по Италии. Юрий Владимирович изучал итал[ьянские] ж[елезные] д[ороги] и тепловозы, а я искала подходящих книг для перевода на английский и русский язык.

Ездили мы с места на место. Нигде больше недели не жили и от такого трепанья устали порядочно. Берлин после Италии такой скучный, такой регулярный, точно солдат навывтяжку. Погода здесь тоже скучная: серое небо и дождь. Три месяца не читала ни русских книг, ни газет. Напишите кто сейчас пишет что. Буду Вам очень благодарна, если пришлете Ваши рассказы. Что Вы пишете о 1905 г.? Печтаетесь где теперь, и т.д., и т.д.? Куда собираетесь на будущий год? В Германию, Англию или Италию? Италия са-

мая чудесная страна на свете, но к сожалению Mussolini² очень интересуется частной корреспонденцией, особенно русской. Переводчиков с русского у него мало и письма приходят с большим запозданием. Чтобы не затруднять его, мы сократили, на время нашего пребывания в Италии, русскую переписку до минимума.

Мне очень нравится фашистская форма — черные рубашки. Подумайте, какая экономия в стирке! Мы видели даже грудных детей в черных рубашках и фесках, вернее не фески, а черные пирожки с кисточками. Получается национальное сбережение труда и мыла. Но несмотря на это итальянцы очень милый и радушный народ. Похожи на наших грузин. Посылаю вам несколько фотографий Венеции. Это город песен, любви [*sic*] и нежности. Были Вы там?³

Всего наилучшего.

Жду от *Вас* *обоих* письма.

Ваша Р. Ломоносова.

[Отправлено из Берлина в Москву.]

¹ №3.

² Бенито Муссолини (Benito Mussolini, 1883-1945), вождь итальянской фашистской партии, пришел к власти в 1922.

³ Альбомы с многочисленными фотографиями, снятыми Ю.В. Ломоносовым во время отдыха в Италии и других странах, хранятся в семейном архиве Ломоносовых (Англия). В Венеции Ломоносовы останавливались 10-11 июня 1926 (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ MS.716.3.14). О поездке Пастернака в Венецию см. №14 и автобиографический очерк «Охранная грамота» (1929-1931).

5. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Четверг

Раиса Николаевна, голубка, как обрадовалась я Вашему письму. Было чудное солнечное утро, в саду сильно, сильно пахло сеном, розами и цветущей липой. Женичка¹ возился в кустах сам с собой разговаривая и не требуя моего внимания. Впереди был день отчасти мне принадлежащий, п[отому] ч[то] Жоничка (Жозефина Леонидовна)² впервые немного освободилась от своих занятий в университете и могла меня заменить возле Жени. Я купила сегодня красок, этюдник, бумаги, и, хотя не знаю когда и как я смогу работать, но близость этих вещей ласкает и успокаивает. К вечеру гроза, дождь, тревога.

Раиса Николаевна,

Черничный мой дедушка³, откуда у Вас тревога за меня? *Как благодарна я Вам за нее.* Мне бы очень хотелось знать, как Вы заняты, т.е. детали, как приходят, разговаривают, но конечно это Вы мне расскажете при встрече⁴. Крепко Вас целую. Сердечный привет Юрию Владимировичу /и Чубу⁵/ долго ли ему придется пробыть в Карлсбаде⁶. Привет Чубу.

Женя.

[15]-16/VII [1926]

Год установлен по почтовому штемпелю. Отправлено 17 июля 1926 из Мюнхена в Берлин. О пребывании Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака в Германии в июне-октябре 1926 см.: Barnes. С.370, 375-380, и Материалы. С.421-422. Первая встреча Е.В. Пастернак с Ломоносовыми состоялась в Берлине 27 июня 1926 (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ MS.716.3.14).

¹ Евгений Борисович Пастернак (р. 1923), сын Б.Л. и Е.В. Пастернаков, впоследствии инженер-физик и литературовед, биограф Б.Л. Пастернака (см., в частности, Материалы).

² Жозефина Леонидовна Пастернак (1900-1993), старшая сестра Б.Л. Пастернака, поэт. В 1920-е училась философии и истории религии в Берлинском и Мюнхенском ун-тах.

³ Ср. №6.

⁴ После обмена письмами (№6-7) Е.В. Пастернак встретила с Ломоносовыми по возвращении в Берлин 3 сентября 1926 (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ MS.716.3.14).

⁵ Семейное прозвище Ю.Ю. Ломоносова.

⁶ Ю.В. Ломоносов отдыхал и лечился в Карлсбаде (Чехословакия) 11-31 июля 1926.

6. Дарственная надпись Е.В. Пастернак Р.Н. Ломоносовой

[1926]

Дорогой Раисе Николаевне и «Черничному Дедке» от уважающей и любящей

Жени Пастернак.

Дарственная надпись в кн.: Пастернак Б. Рассказы. М.; Л.: «Круг», 1925. Датируется по сопоставлению с №5.

[25 июля 1926]

Дорогая Евгения Владимировна,

Так рада, что Вам хорошо, но, конечно с Женей не очень рисуешься. Ему следовало бы познакомиться с маленькими немцами: ему веселей и Вам свободней.

Думаю, Б[орису] Л[еоновичу] без Вас в Москве одиноко и неуютно¹. Так жаль, что вы не могли приехать вместе. Девочка моя, если Вам что нужно напишите откровенно. Ю[рий] В[ладимирович] и я решили Вас удочерить, а Женю увнучить на что и Чуб согласен, а Вы как?

Мой друг и компаньонка — Frau Kellermann все еще больна². Поэтому масса работы и в Бюро и вне его. Хотела собраться навестить Вас в Мюнхине [*sic*], но увы, нет времени.

Пишите, если не лень и охота. Чуб говорит, что целует Женю в квадрате (Ж²). Я тоже.

Ваша

Р. Ломоносова.

P.S. Ж[озефине] Л[еоновиче] мой привет. Надеюсь скоро познакомимся.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Берлина в Мюнхен.

¹ Тяжелое настроение Пастернака, оставшегося на лето 1926 в одиночестве в Москве, отражается отчасти в его переписке с М.И. Цветаевой (см.: Письма 1926).

² У Мэри Келлерман (Mary Kellermann), первой жены немецкого писателя Бернгарда Келлермана (Bernhard Kellermann, 1879-1951) и сотрудницы созданного Ломоносовой в Берлине в 1923 литературного и переводческого агентства («Бюро» — см. вступительную статью), был рак, и она умерла в начале октября 1926 (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ MS.716. 3.14). См. также начало №11.

9/VIII [1926] *Possenhofen*.

Дорогая Раиса Николаевна. Вы вероятно уже вернулись в Берлин¹ и опять завалены работой. Я живу одна в Possenhofen-е². Это чудное место у озера в 30 м[инутах] езды от Берлина [т.е. Мюнхена. — *Публ.*]. Я не могла в Мюнхене из-за Женички поправиться и не прибавила в вес ни одного фунта, а потому...

Здесь очень хорошо. Тихо, просторно и так красиво, что это /да-/ мешает погрузиться в бесчувствие, которое вероятно нужно для поправки. Я была бы конечно счастлива, если бы Вы могли сюда приехать. Но /даже и надеяться?/ вероятно это трудно и я не надеюсь. Я пробуду здесь по всей вероятности не долго, неделю еще, может дней 10 или еще несколько дней в зависимости от того, как буду я здесь поправляться.

Родители Бориса Леонидовича и младшая сестра³ приехали к Жоничке на месяц в Мюнхен.

Крепко вас целую.

Сердечно /кланяюсь пок/ кланяюсь Юрию Владимировичу и Юре.

Женя.

На всякий случай мой адрес.

Possenhofen a[m] Starnbergersee

Gasthof Schauer Z^m 16.

Год установлен по штемпелю. Отправлено из Поссенхофена в Берлин.

¹ 1-7 августа 1926 после карлсбадского лечения Ю.В. Ломоносова (см. прим.6 к №5) Ломоносовы отдыхали вместе в курорте Бад Шандау (Bad Schandau) в Саксонской Швейцарии (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ MS. 716.3.14).

² Поссенхофен находится на берегу Штарнбергерского озера (Starnbergersee) к югу от Мюнхена.

³ Родители Пастернака, Леонид Осипович (1862-1945) и Розалия Исидоровна (урожд. Кауфман/Кофман, 1867-1939) и его младшая сестра, Лидия Леонидовна (в замужестве Слэйтер/Slater, 1902-1989), жили в Берлине с 1921.

9. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

12/X/[19]26.

Дорогая Раиса Николаевна!

Не знаю, как и благодарить Вас и Ваших за теплоту, которую Вы так щедро расточали Жене, и за любовь, которую в ней вселили. Вчера я стал писать Вам большое письмо. Вероятно я вдался в нем, по своему обычаю, в метафизику. Вероятно оно тяжеловесно. Женя хмурилась, его читая. А она видала Вас, и Вас любит. Может быть и на Вас оно произвело бы такое впечатленье. Мне пришлось посчитаться с /этим/ ее мнением не только как с судом

близкого человека, но как с судом человека, близко чувствующего Вас. — В Жениных рассказах о Германии Вы играете едва ли не центральнойшую роль. Все это действует на благодарное воображение. А я к тому же и субъективен. Если мои представления о Вас были и вообще-то полуполюгендарны, то с Жениной легкой руки это /ф../ становится законной формой мысли о Вас. Я не знаю, будет ли метафизикой, если я повторю Вам, что растроган Вами до самой наипредельнейшей глубины души и тягочусь невозможностью когда бы то ни было передать Вам это ощущение хоть сколько-нибудь занимательно. Сейчас по многим причинам у меня не ладится с работой. Одна из них та, что мне еще не

[Приписка 1:]

удалось перегородить комнату. В такие периоды я чувствую себя очень плохо.

[Приписка 2:]

Живейшей потребностью, до живой встречи с Вами, остается у меня надежда

[Приписка 3:]

написать Вам как-нибудь повеселее, и посущественнее. Это будет в первое же горячее, рабочее утро, когда я лучше знаю, слышу и понимаю себя.

[Приписка 4:]

Сердечный привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну.
Целую Вашу руку. Преданный Вам Б.П.

Отправлено воздушной почтой 14 октября 1926 из Москвы в Берлин.

10. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[12 октября 1926]

Дорогая Раиса Николавна, вероятно Вы и Юрий Владимирович думаете, «Ай да Женя, вот какая мне Ренти[n]тин¹, даже не написала и словечка о том, как ехала, как начала жить снова в Москве. Нет, я написала уже Вам, но письма того не отправила. /У меня/ Мама моя² в хирургической клинике после мучительной, ужасной операции, 2 недели мучается в бреду или /бесс/ в полусознании при температуре выше 40, теряя последние силы и надежду на выздоровление.

Крепко вас всех целую.

Бесконечно благодарю за тепло и ласку, за ту, там в Берлине, и здесь, которая /ждала/ уже на второй день сказала в трогательном привет, принесенном Полей. /Вас/ Еще раз крепко вас всех /троих/ обнимаю

ваша Женя.

Датируется по сопоставлению с №9, в одном конверте с которым отправлено из Москвы в Берлин.

¹ Рин-Тин-Тин (Rin Tin Tin, 1916-1932) — собака (овчарка), ставшая «звездой» ряда голливудских немых фильмов в 1920-е. Ломоносова, очевидно, дала это прозвище Е.В. Пастернак, и оно встречается в нескольких их письмах.

² Александра Вениаминовна Лурье (?-1928). См. также №31 и Barnes. C.376.

11. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

12/IV.[19]27

Дорогая Раиса Николаевна!

Как Вы замечательно, в трех строках, сказали о смерти M.Kellermann¹ (боязнь одиночества и темноты)!

Как всегда, Ваше письмо было для нас большим сердечным событием. Моя благодарность Вам живет, т.е. ведет свое особое и иногда замкнутое существование. Естественно, что Вы не всегда знаете о ней и никогда не узнаете вовремя. Я этого не стыжусь и не боюсь. Но надобности в деньгах нет никакой, и в особенности ее не было бы, вздумай мы серьезно собраться за границу.

Я думал, до Вашего письма, о поездке, главным образом во Францию. Съездить предполагал будущей весной, или к концу [19]28 года. Ваше письмо заставило подумать нас об этом плане нетерпеливее; оно, без Вашего ведома и желанья прозвучало чем-то вроде предостереженья мне. Меня охватил страх, что м[ожет] б[ыть] через год мне за границу не попасть.

И вот возможно, что я увижусь с Вами.

Никаких шагов покамест не предпринимал, все это выяснится и разрешится, хочется верить, в течение месяца.

Только на днях закончил я мучительно затянувшуюся работу, стихотворную книжку о 1905-м годе, большую часть которой займет цельная вещь о лейтенанте Шмидте. Определенного и хоть сколько-нибудь спокойного взгляда на сделанное у меня нет. Но я знаю одно. Я на нее (параллельно с исполнением она печаталась

в журналах²) просуществовал больше года, и поправил материальные дела. Она послужила к моей реабилитации, т.е. возвратила в разряд людей, о которых можно тут говорить, не рискуя быть обвиненным в вере в привиденья. Обоих неопровержимостей довольно, чтобы быть о качестве книжки самых безутешных мыслей: потому что оплачивается только более или менее откровенное водоснабжение. И, надо думать дань общему месту и очень среднему пониманию в этой работе уплачена большая. Однако писал я его честно и с наилучшими намереньями. Но вообще ведь, не только мы тут, но и весь мир и /перечеркнута целая строка/ все поколение охвачены поветрием посредственности. Мне кажется последствия войны шли по расширяющимся кругам, от близлежащих и грубейших к более далеким и невесомым. Материальное восстановление, как принято у нас утверждать, уже тут достигнуто. Тем ошутительней, от года к году, наше духовное одичание. Здесь недавно был Duhamel³. Что прием наш, одинаково дутый, всезначущий и потому ничего не означающий, меня подавил и сконфузил — в порядке вещей. Но и облик гостя показался мне не много чем значительнее нашей штампованно-радушной встречи. Не смею судить о писателе, — я его почти совсем не знаю. То немногое, что я читал, очень человечно но и не более того. Говорил же он и вел себя крупно-безлично. Простите мне это случайное и неблаговзвучное словосочетанье. Здесь не было скромности и простоты неведомого человека, кот[орые] я так люблю. По-видимому эти не в характере дня. М[ожет] б[ыть] объективно он не противоречит себе, мне же кажется удручающе противоречивым. День этот гонится за радостью и наслаждением, за властью, за славой, за крупными масштабами. Международное стало его домашним мерилом, его разумеющеюся прозой. Между тем «международность» без истинного, как-то по-особенному кем-то переживаемого мира — пустой звук. Вообще следовало бы вспомнить, что только человеческое сердце, чем-то отмеченное и потому — реальное, может быть истинной столицей культуры. Вне этого соотношенья и верованья все превращается в ужасную астрофизическую провинцию. Таким-то — неизлечимым мировым провинциализмом было проникнуто выступленье Duhamel'я. — Разумеется я не сужу по нем обо всей Франции или о западе, как это иногда делают. Я всегда верил в малости более, чем в ложную «всеохватывающую» крупноту. — Но и в этой даже аргументации мое желанье побыть год за границей (и поработать) не нуждается. Я мог бы еще без передышки прожить с год в атмосфере нашего непомерно разросшегося софизма, да так и хотел. Ряд обстоятельств, в их числе и Ваше письмо поколебали мое решенье. Одна-

ко еще не знаю, к чему приду. — Долго ли Вы пробудете в Италии?⁴ Встречаетесь ли Вы с Горьким?⁵ Не думаю, чтобы он знал меня и помнил⁶, да и не за что, для меня же это — величайший человек нашего путаного времени. Т.е. все элементы путаницы, столь лицемерные в иных сочетаньях и у иных людей — в нем истинны до огромности. Такие люди как он или Ром[ен] Рол[л]ан⁷ и являются основаньем для ложного паразитирования человечности в кавычках, каковою повеяло на меня от Дюамеля. И о «крупноте» я говорил только кавычешной. Эти, первостепенные, вперед разумеется подавляют особенностью своей совести и воли, и лишь затем, в размене и хождении, /оцен/ начинают оцениваться со стороны «всечеловечности» охвата. Вторые же так прямо с широты охвата и начинают, внося в эту тему, которая должна бы отдавать исключительностью, всю буднишнюю скуку и скудость рядового журнального сердца.

Не удивляйтесь этому топчущемуся, нелитературному письму. Недавно от меня ушла дочь Серова, /старинная/ подруга детства⁸. Это была саркастическая семья, и актерской наблюдательностью и даром передачи отмечены все ее члены. Около трех часов, сам того не желая, я поддерживал невеселый разговор о нашей повседневности, так, с ее стороны, был он убийственно остроумен. Чувство утомленья, которым я пропитан, как и все у нас, особенно сильно сказывается у меня сегодня, после этой беседы, когда это ощущение подкреплено этими беглыми, раз навсегда припечатывающими формулировками.

[Приписка:]

Еще раз громадное Вам спасибо за все. От всего сердца привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну. Как сошло его отчаянное по простоте и прямолинейности путешествие?⁹

Отправлено 20 апреля 1927 из Москвы в Сорренто и оттуда переадресовано в Рим и Анцио (Италия). Письмо без подписи.

¹ См. прим.2 к №7.

² О журнальных публикациях поэм «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт» см.: Т.1. С.695-709.

³ Жорж Дюамель (Georges Duhamel, 1884-1966), французский писатель, автор книги «Le Voyage de Moscou» (1927), содержащей впечатления от увиденного в СССР.

⁴ Ломоносовы находились в Италии с конца января по конец августа 1927.

⁵ В феврале-марте 1927 Ломоносовы останавливались в Сорренто, где с 1924 жил М.Горький. С Горьким они не встречались.

⁶ О контактах Пастернака с Горьким и об отношении последнего к творчеству поэта см. публикацию их переписки 1921-1933 в ЛН70. С.294-310, и в журн. «Известия Академии Наук СССР: Серия литературы и языка» (Т.45. №3. 1986. С.261-283).

⁷ Ромен Роллан (Romain Rolland, 1866-1944), французский писатель.

⁸ Наталия Валентиновна Серова (1908-1950), дочь художника Валентина Александровича Серова (1865-1911). О близких отношениях семей Пастернаков и Серовых см.: Пастернак Л.О. Записи разных лет. М.: «Советский художник», 1975. С.36, 38.

⁹ В начале апреля 1927 Ю.Ю. Ломоносов приехал из Англии к родителям в Италию на мотоцикле.

12. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[12 апреля 1927]

Дорогая Раиса Николаевна! Я написала Вам небольшое письмо, котор[ое] в разгаре предпраздничной уборки исчезло со стола Бориса Леонидыча и пропало. Спасибо Вам за Ваши повесеннему неожиданные открытки, за такое дорогое непосредственное, так на Вас похожее приглашение в Сорренто. Крепко, крепко Вас целую.

Сегодня последний день работы во ВХУТЕМАСЕ¹, после Пасхи зачеты теоретические; а потом хочу в деревню. В осуществление планов Бориса Леонидыча² верю мало, не потому что эта возможность неосуществима, а потому, что Б[орис] Л[еонидович] очень тяжел на подъем /и/, его поступки как бы связаны сложностью желаний. Еще раз крепко Вас целую. Сердечно кланяюсь Юрию Владимировичу и Юре. Долго ли Вы пробудете в Сорренто. Женичка прибежал, мешает писать и говорит, что он Вас любит и... «целует в письмо».

Ваша Женя.

Датируется по сопоставлению с №11, в одном конверте с которым отправлено из Москвы в Италию.

¹ Высшие государственные художественно-технические мастерские (Москва, 1920-1926). О художественной деятельности Е.В. Пастернак см. вступ. статью.

² См. №11.

Дорогая Раиса Николаевна!

Как мы ни были бы рады письму от Вас, мы при нашей корреспондентской практике не в праве рассчитывать на скорый ответ. Таким образом никак не обманутое ожиданье, а то обстоятельство, что я письмо к Вам отправил простым, и для адреса воспользовался подчеркнутым названьем гостиницы на открытке, вот что наводит меня сейчас на опасенье, что Вы его м[ожет] б[ыть] не получили. Восстанавливать его содержанием совсем, конечно, не стоит. Главное существо его заключалось в горячей и давней благодарности моей Вам, недавно обновленной Вашим приглашеньем в Сорренто. Горько мне будет узнать, что эта ссылка на то письмо есть первый наш, до Вас дошедший отклик¹.

А лето верно у Вас в полном разгаре, и Вы давно забыли новизну первых дней приезда, сказавшуюся м[ежду] пр[очим] в Вашем письме? Как живется Вам тут и что Вы делаете? Работаете ли? А я продолжаю жить надеждою на поездку и продолжительное пребыванье где-ниб[удь] на западе. Второй год я осуществленье этой мечты откладываю на год. Говорят, это дурной признак. У меня действительно слабая воля, а м[ожет] б[ыть] ее и вовсе у меня нет. Со стороны позволительно видеть в моих доводах пустые отговорки. Мне они не кажутся простыми выдумками в защиту неподвижности.

Мне предстоит очень трудный, критически-трудный год. Трудности его надо взять на себя, оставаясь здесь. Разрыв с людьми, с которыми тебя все время ставили в связь, неосуществим из-за рубежа: в этой перспективе есть какая-то, трудно преодолимая неловкость. Вы наверное имеете представленье о совершенно непроходимом лицемерии и раболепии, ставшем основной и обязательной нотой нашей «общественности» и словесности, в той ее части, где кончается беллетристический вымысел и начинается мысль. Есть журнал «Леф»², который бы не заслуживал упоминанья, если бы он не сгущал до физической нестерпимости эту раболепную ноту. По счастью совесть видно до конца не вытравима и у современников. Журнал вызвал резкий, эмоционально понятный, отпор. Пошли диспуты о «Лефе». Но чувство и тут не развязало соязыка. Аргументация противников стоит лефовской: лицемерье вращается вкруг лицемерья. Те же ссылки на начальство, на авторитет, как на олицетворенную идею, то же мышленье в рамках должностного софизма, то же грамофонное крас-

норечье. Вот из этого ложного круга, в оба полукружья которого я взят против моей воли, катастрофически и фатально, надо выйти на месте или по крайней мере попытаться.

С Маяковским и Асеевым меня связывает дружба³. Лет уж пять как эта связь становится проблемой, дилеммой, задачей, временами непосильной. Ее безжизненность и двойственность не отпугивали нас и еще не делали врагами. Не безжизненно-двойственна ли и вся действительность кругом, не насквозь ли она условна в своих расчетах на какую-то отдаленную безусловность? Мне всегда казалось, что прирожденный талант Маяковского взорвет когда-нибудь, *должен* будет взорвать те слои химически чистой чепухи, по бессмыслице похожей на сон, которыми он добровольно затягивался и до неузнаваемости затянулся в это десятилетье. Я жил, в своих чувствах к ним, только этой надеждой. Но мне и непонятно, и неизвестно до сих пор, что могло привлекать их ко мне, и не раз я их спрашивал, на что я дался и занабился им, самый дальний, самый противоположный из дальних? Так было до сих пор, пока в своей фальши (объективной конечно; субъективно они — искренни, но истории это неинтересно) они тонули в общей, бытовой. И клочок из «Лейтенанта Шмидта» был дан Маяковскому (мне тяжело стало его упрашиванье)⁴. Я не представлял себе, что будет в журнале и каков будет журнал. Когда же я увидал, что они стали обостренными выразителями этой ноты, когда фальшь стала их преимущественным делом и правом, которое они, как какое-то даренье свыше, с пеной у рта оспаривают у более бледных гипокритов⁵, готовых даже сказать правду лет через пять, — отношения наши пришли в ясность. Маяковского нет сейчас тут, он за границей⁶. Мне все еще кажется, что я их переубежду и они исправятся. Нам предстоит серьезный разговор, и м[ожет] б[ыть] последний. Гораздо трудней будет выступить с печатной аргументацией разрыва. Здесь придется говорить о том, о чем говорить не принято.

Удивительно, что я так расписался по вопросу очень мелкому и совсем неинтересному Вам. Странно вообще, что я этим делом так озабочен. Очевидно с этой точки начнет отходить и пробуждаться моя воля.

Осенью получу возможность выслать Вам две моих книги. Женя говорила, будто Вы не знаете ни «Сестры моей жизни», ни «Тем и Варьяций». Они переиздаются в одном томике⁷. Другая — тот 1905-й год⁸, кот[орый] нравится тут и верно будет хорошо встречен, но не ближе мне, чем эта встреча. Я писал его честно, он подвергался цензурным сокращениям, но... Вы увидите и поймете. Наверно он скучен, холоден, прозаичен. Я его писал как-то

не по-своему: меня тут всегда обвиняли в непонятности. Я старался сделать попонятней. Не может быть, чтоб эта вещь удалась. — Простите за скучное письмо. От души желаю Вам и Вашей семье приятного и полного отдыха.

Преданный Вам

Б.Пастернак.

[Приписка:]

Письмо на всякий случай посылаю по В[ашему] берлинскому адресу.

Отправлено заказным 18 мая 1927 из Москвы в Берлин и оттуда переслано в Анцио (Италия).

¹ В №11-12 Б.Л. и Е.В. Пастернаки уже откликнулись на приглашение Ломоносовой.

² «ЛЕФ» (Москва, 1923-1925; потом «Новый ЛЕФ», 1927-1928), журнал, возглавляемый В.В. Маяковским (1893-1930), группы Леф (Левый фронт искусств, 1922-1929).

³ О первых встречах и отношениях Пастернака с В.В. Маяковским и Н.Н. Асеевым (1889-1963) см. его повести «Охранная грамота» и «Люди и положения». (См. также: Barnes. С.383 и след.).

⁴ Отрывок из поэмы «Лейтенант Шмидт» был напечатан в №1 за 1927 журнала «Новый ЛЕФ» (С.24-25).

⁵ От франц. hypocrite — лицемер.

⁶ В.В. Маяковский находился за границей (Чехословакия, Франция, Германия, Польша) с 15 апреля по 22 мая 1927.

⁷ См. №17.

⁸ Девятьсот пятый год. М.; Л.: «Государственное издательство», 1927.

14. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

20/V/[19]27

Дорогая Раиса Николаевна!

Ваше письмо получилось спустя час после отправки моего. Из Берлина Вам его перешлют, наверное. Большое спасибо за чудные фотографии. Особенно хороша групповая, где, посредине, так прекрасно вышли Вы.

Мы же, по-видимому, снимем дачу в 60-ти верстах от Москвы¹, по близости от Абрамцева, бывшего когда-то имения Аксаковых², в местности вообще очевидно отличавшейся высоким

литературным вкусом — (невдалеке в 5-ти верстах от деревни — имение Тютчевых)³. Вы знаете, вероятно, что теперь дачи строятся и сдаются крестьянами, планирующими их на подобье собственных изб. С невымысленной и правдивой подоплекой происшедшего сталкиваешься именно за этими летними поисками. А сравнивая год от году эти наблюдения, делаешь выводы и о росте явления. И вот, наш будущий хозяин в этом отношении особенно замечательный пример.

В развороте и размерах строения он вообще оторвался от психологии деревни и заскочил, надо думать, *вперед*. Глядя на кирпич и дерево этого коттеджа, верится, что он что-то знает и не ошибается, что года его нагонят и утвердят. Достаточно сказать, что этот дом, который он, конечно, для себя строил, он вынес на самый обрыв, нет более того, за откос, укрепив дикую среди остальной деревни (по дерзости и художественным запросам) террасу огромными бревнами. Выбор места делает подозрительным его классовое самосознание. Это лучшее по живописности место верст на двадцать кругом. Что-то такое мы видели у Ларсона и Цорна⁴. Но его зовут Веденеев, он не финн и Скандинавии не знает.

Итак, в этом году нам не увидаться, как, еще дольше вероятно, мне не выдать Италии. Я ее немного знаю⁵. Стыдно сознаться, — я не был в Риме. Но Венецию, Флоренцию и Пизу я помню. Путешествовал я недолго, и на совершенные гроши, студентом. Тогда не было виз и собственных притязаний, заводящихся в одно и то же время с жиру и от скудости (борьбы за существование). Чудным летним вечером в одном Марбургском кафе три товарища, два немца и француз стали убеждать меня, что надо мне посмотреть Италию. /Мы/ Не расстраивая стола и не учащая темпа беседы, мы спросили у кельнера Kursbuch⁶. Был отыскан ближайший по времени Vimmelzug⁷ с целым хвостом пересадок. Оставалось еще время сходить к хозяйке. Денег потребовалось так мало, что если бы теперь я вздумал путешествовать из того же расчета, можно было бы трижды опоясать земной шар. Собеседники мои уже находились на вокзале, куда перешли из Lokal'я⁸. Все это носило характер студенческого задушевного чудачества. Впоследствии я сообразил, что был в Милане, и образ собора составил у меня не по одним репродукциям. Дело в том, что уже в Базеле, бродя по музею, я падал с ног от недосыпанья; ночи я проводил в дороге, в поезде, чтобы не издерживаться на гостиницы. И Милан точно приснился мне, лучше сказать — сновиденьем скользнул по ногам, бессильный подняться выше. Зато не в пример Милану как раз это состоянье, похожее на медиумиче-

ский транс, помогло Венеции и Флоренции, и без того ни с чем несравнимым, всей своей неподготовленной божественностью войти и до самой кости врезаться в мою память. Люди и земля принимали меня тогда как брата. В Венеции я остановил человека, показавшегося мне двойником Марбургского кельнера (с Kursbuch'ом), особенно тогда настаивавшего на моей поездке. /Я/ Без знания итальянского, которому я подражал исключительно по-птичь, одного курьеза ради, — без языка, я вознамерился объяснить остановленному эту сложную метафизическую иллюзию и ее прелесть. Я нес невозможную околесицу и меня понимали. Я путал scim[m]ie и camisce (так, кажется?), смешивал coltello и sportello⁹, и на мои вопросы об обезьянах меня успокаивали, что комната без клопов, а на вопрос о ножике указывали билетную кассу. По черной неблагодарности, глубоко вообще вкорененной в человека, я находил, что мне в Италии недостает глубины и тяжеловесности германского духа (я люблю эту глушинку, составляющую переход от человека к природе, некоторый полутон, находящийся на границе между субъективностью и объективным). Не говоря об итальянской повседневности, мне даже и моя очарованность ею казалась как бы смазанной прованским маслом. Вспоминались легкие опереточные мотивы, время скользило и располагало к скольженью. Позднее в Вене я понял, какое наказание попадет из Италии в другую страну. Я понаел, что едущих на север не хлороформируют в Местре. Операцию переезда следовало бы производить под наркозом, в состоянии беспомысленности. Тут я измерил, как *артистична* итальянская улица, как одарен и гениален ее звук и воздух, и насколько бездарным кажется людское прозябанье после ее, немного мошеннического, оптимизма.

В своем письме Вы вновь даете выраженье беспричинной симпатии к обоим Женям. Еще менее заслуженно Вы признали душевно близким мое письмо. Горячо благодарю Вас за эту теплоту. По отношению ко мне она держится только на том, что Вы меня не знаете и не видели. Вы представить себе не можете, до чего я не в Вашем вкусе, не в правилах Вашей эстетики, не в духе Ваших знакомств, Вашей завидной, как смею догадываться, по душевной образцовости, семьи и жизни. Всегда, сколько себя помню, я жил какой-нибудь одной (всегда болезненно-ложной) предвзятой идеей. Я не уничтожался только оттого, что они смеялись. Одна освобождала от другой. — Вдруг выяснилось, что время, которое наступало, наступало, — пока мы зевали, и в один прекрасный день объявило себя окончательно наступившим, не знает больных и повернуто к ним спиною. Некоторую метамор-

фозу должен был, вероятно, испытать и я. Меня оздоровили заботы о семье и то положение в литературе, которое я назову утратой неизвестности. — Что это такое и для чего оно сделалось, покажет время. Я тягочусь собой в этой временной неизвестности, и еще тяжелее для близких.

О Дюамеле я верно написал недостаточно ясно¹⁰. Я не упрекал его в нескромности, напротив, это исключительный по неприязнительности человек. Я говорил не о его *поведении*, а о характере современного художественного познания, которое держится количественным коэффициентом мнимо обнятого и охваченного, и /сум../ умеет любить человека, разлюбив живые качества. И то я верно несправедлив к нему: он тоже не был тут самым собою.

Всего лучшего, дорогая Раиса Николаевна! Сердечнейший привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну.

Ваш Б.Пастернак.

Отправлено заказным из Москвы в Анцио.

¹ В мае-сентябре 1927 Пастернаки жили на даче в с.Мутовки Московской области.

² Знаменитое потом как центр художественной деятельности имение Абрамцево принадлежало С.Т. Аксакову (1791-1859), отцу Константина (1817-1860) и Ивана (1823-1873) Аксаковых, с 1843.

³ Имеется в виду имение Мураново, на дочери владельца которого женился сын Ф.И. Тютчева (1803-1873) и где после смерти поэта были собраны его личные вещи.

⁴ Карл Ларсон (Carl Larson, 1853-1919) и Андерс Цорн (Anders Zorn, 1860-1920), шведские художники.

⁵ По поводу описываемого путешествия из Марбурга в Италию см. также «Охранную грамоту».

⁶ Расписание движения поездов (*нем.*)

⁷ Пригородный поезд (*нем.*)

⁸ Пивная (*нем.*)

⁹ Обезьяны; рубашки (*не* комнаты); нож; прилавок, касса (*итал.*)

¹⁰ См. №11.

15. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Via Nettuno 70
Anzio. Italia
25-V-[19]27 г.

Дорогой Борис Леонидович,
Сию минуту получила Ваше письмо¹ и прочтя его забеспокоилась.

Понимаю что за рубежом рвать недостойно и для Вас невозможно, но... и т.д.

Лучше всего приезжайте сюда или в Германию. В перспективе многое не так черно. Главное Вам надо хоть немного отдохнуть от нашей «общественности». Лесть и лицемерие не только у нас. Будущим историкам общественной мысли будет трудно понять наш век: Геройство и подлость так тесно слились, что их часто не узнают.

Вы поэт и писатель «внутренний» и понятно всякая крикливость Вам тяжела и болезнен[н]а. Приезжайте скорее. Здесь тихо, тихо поскольку местные печали нас, как иностранцев *не должны* касаться.

Это не письмо, а так... чтобы Вы и Mme Рин-Тин-Тин знали, что мы вас любим и ждем.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено 26 мая 1927 из Анцио в Москву.

¹ №13.

16. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

26/VII/[19]27.

Дорогая Раиса Николаевна!

Лежит предо мною конверт с полным Вашим итальянским адресом и стыдит меня и третью неделю ждет не дожидается использования. Станный, скажете, у некоторых способ: начинать с конвертов. Ничуть не бывало. Все шло обычным порядком. Довольно-таки давно и /до/ с достаточным-таки запозданием было Вам написано письмо, и этот незапечатанный конверт — его пощаженный остаток. По-видимому и действительно, впадая в сентимент, я начинаю зажевывать до невозможности какое-нибудь наблюденье, послужившее ему толчком. Я Вам писал о деревне и о прелести лета. Тогда еще не было этих дождей, холодными ушатами изливающихся уже больше недели, при резком шумном

ветре, как бы вышибающем землю из-под этих топчущих потоков. Откуда у тебя это умение затверживать какую-нибудь одну простую мысль до общего изнеможенья, — спросила Женя, пробежав глазами эту идиллическую философию на двух листах. Были уже прецеденты, и не знаю, писал ли я Вам тогда об этом, но в *Вашем* случае ее замечанье решает судьбу письма¹. Объясняю я себе это тем, что она видала и слыхала Вас. Далекий от мысли как-либо отождествлять или сблизить вас обеих, я не могу не ценить куска осязательности, подобно волосу или нитке оставшемуся на ней от Вас. И если она так говорит, то, — ну, не Вы, — так хотя бы почтовый путь к Вам — того же мненья. Зачем же его отягощать? Но вдруг Вы вообразите, что я жалуясь Вам на М-ме Рин Тин Тин? Нет, я жалуясь на свою черту, очевидно справедливо ею подмеченную.

Затем она выразила беспокойство о Вас и В[ашем] сыне, в связи с некоторыми /т../ осложнениями, и я не мог не согласиться с ней, что это мысль — основательная, и удивительно, как она не только не пришла мне в голову, но и никогда бы не смогла прийти. Это так возможно, так близко, так, по фабуле, правдоподобно, что никогда не поверю, чтобы эти вероятные неприятности как-нибудь коснулись Вас, и почему-то на этот счет совершенно спокоен. Все же большую радостью для нас будет, если Вы это при случае нам подтвердите.

Сейчас кругом в природе так «невзаправду», что трудно писать о себе. Так неестественно преждевременен этот конец лета, и так похожа эта погода на его конец. Но город еще не завтра, переезд еще далек. Положение — неестественно, и никогда не следует в таких положениях говорить о себе или о жизни: никогда не попадешь в тон, всегда скользнешь мимо сути, — как по этой непроходимой слякоти. И более чем уместно задавать вопросы Вам. Хочется слушать, а не рассказывать. Один (о сыне) Вам уже предложен. Все остальные — ворохом: где Вы сейчас? как провели лето? куда думаете на зиму? как Ваши и Юрия Владимировича работы и планы? Сегодня Женя — в городе. Она страшно будет жалеть, что не дал ей написать Вам. Но не в том дело. Наконец-то хоть простой привет Вам и пожеланье всего лучшего Вам и Вашим попадут в конверт и пойдут по должной дороге.

[Приписка:]

Хотя Вас наверное уже нет в Anzio, пользуюсь старым итальянским адресом, и думаю, — перешлют. Маленький Женя просит сообщить, что он Вас «очень крепко любит».

Преданный Вам Б.П.

Отправлено 28 июля 1927 из Москвы в Анцио и оттуда переадресовано в Ленно (Италия).

¹ См. №9.

17. Дарственная надпись Б.Л. Пастернака Р.Н. Ломоносовой

Дорогой Раисе Николаевне Ломоносовой от безбожно искаженного на следующей странице¹ с горячими пожеланиями скорейшего и полного выздоровления

Б.Пастернак

29/IX/[19]27

Москва

Дарственная надпись в кн.: Пастернак Б. Две книги: Стихи. М.; Л.: «Государственное издательство», 1927.

¹ В книге не очень удачный портрет Б.Л. Пастернака воспроизведен в качестве фронтисписа.

18. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Дорогая, глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Ну как Вам? Вполне ли Вы выздоровели? Мы часто с беспокойством и верой в Вашу скорую и полную поправку думаем о Вас, но — беспокоимся, интересуемся, а молчим, как дураки. Наконец приходит время, когда догадываемся, /когда/ что таким путем ничего о/т/ Вас не узнать. Дорогая Раиса Николаевна, тотчас по получении этого письма напишите открытку, как Вам и что с Вами.

Отчего я не спросил Вас об этом раньше?

Время совсем не принадлежало мне. Я третий месяц не могу по-настоящему работать, а весь октябрь у меня, как у звонаря — веревками, руки были заняты и спутаны перепиской. Я все время мысленно благодарил Вас за то, что Вы такое удивительное из нее исключенье, что Вы ни в ком и ни в чем не нуждаетесь, что нет клубков, с Вами связанных, которые приходилось бы заочно скатывать и раскатывать, мотать и разматывать, торопясь и не поспевая за множасьимися недоразуменьями, прямо ко мне отношения не имеющими, кроме боли за людей, которые в разных городах и странах в эти положенья попадали, по глупости или бестактности одних, наивной фантазии других, дурной осведом-

ленности третьих. Весь в таких нитках пишу я Вам и сейчас, но их уже меньше, и скоро их можно будет снять простой щеткой.

Потом я послал Вам свои книжки¹, и вот что об этом я хочу Вам сказать. Раиса Николаевна, Вы о них мне писали, и только не помните; я все получил и знаю, /как/ чем они Вам нравятся и не нравятся, и прошу Вас второй раз всего этого не касаться. Совсем не это мне нужно от Вас, а жду я от Вас рассказа, как Вам и что со всеми Вашими, и что Вы делаете и собираетесь делать.

Больше всего в жизни (навыками и склонностями и взглядами на искусство) я обязан книгам R.M. Rilke. Сейчас очередная моя мечта написать статью «О поэте», посвященную его памяти, но более широкою, чем прямой монографический разбор². Мне хочется чтобы она читалась как хорошая худож[ественная] проза (т.е. чтобы читалась легко и эмоционально). До сих пор мне и частью не удавалось ей отдаться, не говоря уж о том, чтобы вполне свободно и целиком. Однако, кажется, можно уже спуститься с корреспондентской колокольни, месяц наиболее тяжелого звона, по-видимому, миновал. И вот, дорогая Раиса Николаевна, если Вы хотите мне пользы и удачи, напишите нам о себе, не откладывая. В день получения известий о Вас я Вас за них поблагодарю и почту это сигналом к началу настоящей работы.

Сердечный привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну.

Душою Ваш

Б.Пастернак.

28/X/[19]27.

Отправлено из Москвы в Берлин и оттуда переадресовано в берлинское предместье Груневальд, а потом в Кембридж.

¹ В №13 Пастернак обещал выслать Ломоносовой две книги, и, судя по настоящему письму и №20, Ломоносова их получила. Однако только одна из них сохранилась (см. №17).

² Этот замысел частично осуществлен в «Охранной грамоте».

19. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[28 октября 1927]

Дорогая, милая Раиса Николаевна считаю себя отвратительной, ужасной свиньей, что Вам тотчас же не ответила. Я Вас по-прежнему крепко люблю. Ваше письмо получилось в отсутствие Бориса Леонидовича, он был в Ленинграде¹, я сперва ждала его приезда чтобы вместе ответить (очень

конечно глупо), а потом завертелась в школе, начались занятия. Как Ваше здоровье, как серьезно то, что Вам нужно лежать, берегите себя Бога Ради! У нас все Сл[ава] Богу. Женичке исполнилось 4 г[ода], он стал проще и веселее. Я последний год работаю во ВХУТЕМАСЕ, а потом еще год дипломной работы. Очень бы хотелось Вас повидать, но об этом стараешься даже не думать, п[отому] ч[то] мысль об отъезде связывает и парализует возможность наладить жизнь и работу здесь /а как хочется мне побывать во Франции и Италии/.

Крепко Вас целую, сердечно кланяюсь Юрию Владимировичу и Юре.

Ваша Женя

«Мамочка, ты не пиши Раисе Николаевне, что я дерусь-то» — это Женичка, «напиши, что я хороший».

Датируется по сопоставлению с №18, в одном конверте с которым отправлено из Москвы в Германию и Англию.

¹ О пребывании Пастернака в Ленинграде в сентябре-октябре 1927 см.: Vagnes. С.394-396.

20. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. и Е.В. Пастернакам

[На бланке: Bull Hotel, Cambridge]
23 Alpha Road
Cambridge
England

Дорогие и крепко любимые Мне Рин-Тин-Тин и Борис Леонидович,

Письма ваши как ласка от близких людей и весточка из родного края.

Мы уже три недели в Англии и в такой суматохе и горестях, что вовсе перестали писать. Чуб у нас совсем оглупел. Все свое время тратит на мотоциклет и гонки. Месяц тому назад упал при скорости 170 кил[ометров]/час, расшибся и еще и сейчас не совсем поправился. С трудом и при помощи здешних друзей получили визу. Чуб нам заявил «не хочу учиться, хочу жениться». Оказывается попал он в «опытные руки». Девушке¹ лет под тридцать (Чубу девятнадцать) и идеология ее — «все трын трава». Мотоцик[летная] фирма предложила Чубу быть их представителем в Париже. Девушка, конечно, в восторге. Куда лучше гулять по бульварам, чем стучать на машинке.

Пришлось объяснить, что если Чуб уйдет из Университета то его через полтора года заберут в Красную армию. К счастью, ей не очень нравится ехать в СССР.

Университетское начальство настаивает что если Чуб останется учиться, то чтобы мы тоже поселились здесь и чтобы Чуб жил с нами, т[ак] к[ак] колледж не хочет брать на себя ответственности если Чуб из-за гонок делается калекой или того страшной.

Решили ждать до Рождества, а там может удасться [sic] нам уговорить Чуба ехать с нами и начать учиться в Германии или в России². И в СССР и в Германии настроение у молодежи рабочее, а здесь считается шиком ничего не делать, иметь good time³ и ломать свои и чужия шеи в быстрой езде.

Видите какая я делаюсь старая и ворчливая. Станет меня Женичка звать бабушкой. Он Юр[ия] Вл[адимировича] звал дедушкой⁴.

За книги и за трогательную надпись на них⁵ большое спасибо.

Как тяжело, что дергают Вас, Борис Леонидович, на все стороны, и мешают работать. Вам бы теперь сидеть в тихом месте в Германии и писать о R.M. Rilke⁶. Думаю его родные места еще полны свежей памятью о нем и это дало бы более подходящую обстановку писать о нем. Если бы Вы и Мпе Рин-Тин-Тин могли выбраться за границу хотя бы на год, то часть житейскую можно было бы наладить. Подумайте... и не отказывайтесь. Жить мне осталось немного⁷, для настоящей работы нет у меня ни таланта, ни здоровья. Самое ценное в жизни это вы — творцы. Сейчас имеется возможность, благодаря гостившей и болевшей у нас, нашей чикагской приятельнице⁸, дать вам обоим год спокойной работы. Относитесь к этому справедливо. Вы столько даете, а взамен получаете..?

Ну, вот, простите за настойчивость.

Юр[ий] Вл[адимирович] и Чуб шлют Женям и Вам сердечный привет.

А я вас всех целую.

Ваша Р.Ломоносова.

2 Ноября, 1927 г.

P.S. Черкните дошло ли письмо. Теперь здесь русские не в моде⁹.

Отправлено 3 ноября 1927 из Кембриджа в Москву.

¹ Речь идет о Бесси Уокер (Bessie Walker, ок. 1902-1939), девушке из кембриджской рабочей семьи. Ломоносовы энергично сопротивлялись

связи сына с Бесси Уокер, но те в конце концов поженились в апреле 1938. Бесси погибла в аварии 28 мая 1939 в Бельгии, когда ехала с мужем на мотоцикле.

² На самом деле Ломоносовы вряд ли всерьез собирались в СССР, так как Ю.В. Ломоносов в январе 1927 уже принял окончательное решение не возвращаться на родину.

³ веселиться (*англ.*)

⁴ Ю.В. Ломоносов записал в дневнике в Берлине 22 сентября 1926: «Был у нас в гостях сейчас маленький Пастернак, удивительно милый и рассудительный ребенок. Ему всего два года» (РАЛ MS.716.3.14). См. также №23.

⁵ См. №17 и прим.1 к №18.

⁶ См. №19.

⁷ См. прим.4 к №90.

⁸ Рахиль Акимовна Яррос (Rachelle Yarros — урожд. Слободинская, 1869-1946), русская еврейка, в США с конца 1880-х, гинеколог и специалист по противозачаточным средствам, профессор социальной гигиены Иллинойского ун-та. Ломоносовы знали Р.А. Яррос и ее мужа Виктора Ярроса (1865-1956), известного русско-американского анархиста и публициста, со времен своего пребывания в знаменитой чикагской «социологической коммуне» Hull House Settlement в 1918-1920, впоследствии они часто встречались в Европе. В данном случае Р.А. Яррос провела часть лета и осени 1927 вместе с Ломоносовыми в Италии и Германии, где она лечилась в санатории в берлинском предместье Груневальд, и заплатила Ломоносовой достаточно крупную сумму за услуги в качестве компаньонки. Р.Н., в свою очередь, могла предложить Пастернакам годичную «стипендию».

⁹ В мае 1927 Великобритания порвала дипломатические отношения с СССР после обыска помещения советского торгового общества АРКОС в Лондоне.

21. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

27.XI.[19]27.

Дорогая Раиса Николаевна! Со дня получения Вашего письма¹ прошло три недели, которые кажутся тремя месяцами. Упустив трудную, но мыслимую возможность ответить Вам вовремя, я скоро очутился перед полной немыслимостью сделать это хотя бы с запозданием. Почти без видимого повода я растянул, а частью и разорвал себе плечевые связки на левой руке, и больше десяти дней провел в вынужденном бездействии. Рука в компрессе и сейчас, но нынешнюю ночь я спал наконец, впервые за этот

срок, и могу Вам писать, не слишком отвлекаемый болью. По странному и очень злосчастному совпадению, разболелся вообще весь дом, и Женя сбилась с ног, за всеми ухаживая. Заболела проходящая няня, повредила себе ногу живущая прислуга² (общая у нас с братниной семьей)³ и в довершение бед слег маленький Женичка с очень большим жаром и без видимых к нему симптомов. Сегодня ему лучше, было предположение, что это — корь, но вероятно это был грипп, завтрашний день это покажет. Сейчас десять часов вечера, я погнал Женю пройтись и подышать свежим воздухом, а сам засел отвечать Вам. Буду писать неровно и неразборчиво, т[ак] к[ак] все еще в бинтах.

И прежде всего, — как здоровье Вашего сына? Ведь если бы я расшибся на 170 к[ило]м[е]тровой скорости, то не то что от меня, но мне кажется и от моей семьи и от книг и оставленных черновиков места бы мокрого не осталось! И Вы, мать такого здорового, счастливого и сказочно удачливого юноши поддаетесь такой печали на его, а потом и на /Ваш/ свой собственный счет! Первого я не вправе касаться. В семейных расхожденьях этого рода много может сделать авторитет и чутье отца, да наверно так оно и есть, и Юрию Владимировичу пришлось тут обсуждать и взвешивать и убеждать не меньше Вашего. Должен сказать, что когда взвешиваешь Ваши опасенья, не зная третьего лица, и вообще зная очень мало, то чувствуешь в самой общей, почти отвлеченной форме. И вот какое соображение берет перевес над всеми другими. Достаточно знать, что это Ваш сын, чтобы вообще за него не бояться, и в том случае, если даже он рискует или ошибается. На любой путь, каким бы неожиданным он Вам ни показался, он приходит во всеоружи[и] редкой и завидной наследственности. Порода, т.е. кровь, закваска, основные линии воспитания, все это ничуть /не/ в своей дальновидности не уступает Вашей сознательной ежедневно возобновляющейся тревоге за него. /В/ А ведь эти прирожденные и усвоенные черты душевного иммунитета всегда при нем. Разумеется, самым лучшим исходом из всех этих осложнений был бы тот, который совпал бы с Вашими собственными пожеланиями насчет его образования и более позднего и удачного выбора подруги. Мне почему-то верится, что все уже разрешилось таким именно, наисчастливейшим образом. Горько изо всего, Вами рассказанного, лишь то, что как к этому ни подойти, объективно незатронутым остается /лишь/ Ваше огорчение. Основательно ли оно или нет, все равно оно — налицо, и передалось нам. Очевидно оно велико, потому что только под его влиянием могли Вы сказать те непозволительные вещи о самой себе, которыми закончили письмо. Откуда Вы взяли, что Вам осталось не-

долго жить? Я одних лет с Вами (или старше? — мне 37 лет), и чувство, которому Вы дали выражение, впервые явилось у меня три года назад. Тогда врач нашел у меня расширение сердечных мышц и предошущение смерти впервые в жизни пронизало меня не в идее, а в знобящей осязательности наперед воображимого факта. Теперь оно утратило остроту ошеломительной новизны, и я привык к этому чувству. Итак условимся. Жить нам с Вами еще вечность, и примем за безразличность, измерится ли она годом или десятком лет, или двумя. Моя мать и все родные с материнской стороны больны сердцем (кто — неврозом, кто грудною жабой) с тридцатилетнего возраста. Теперь дальше, о недостатке таланта и здоровья для настоящей работы, о творцах и т.д. Не помню, дал ли я в последнем письме к Вам выражение тому чувству, которое у меня от представления о Вас неотделимо. Если бы это представление было ложно, то Женя, которая Вас видела и всегда склонна критиковать мои построения, его бы не поддерживала. В последний раз мне именно и бросилось в глаза, каким счастливым исключением являетесь Вы изо всей моей разнообразной переписки. Я не знаю, сказал ли бы я это самое до войны, как и не знаю того, останется ли это навсегда моим взглядом, но в данной исторической обстановке, которая скоро составит половину всего нами прожитого, я от суждения о творческом даре в чистой и обособленной форме отказываюсь наотрез, как от разговора о величине мифической и реально непредставимой. Почти пятнадцать уже лет жизнь, повседневная рудиментарная жизнь так глубоко, повелительно и самозванно вмешивается в нашу судьбу, что я себе не представляю /той необык/ такой необыкновенности в человеке, которую можно было бы интересоваться в виде подавленной или неосуществленной возможности. Все же осуществленья именно в том и заключаются, как справляется человек с обступившими его обыкновениями, как он им подчиняется или их себе подчиняет. Ваша редкая душевная независимость, Ваша свобода обращения с близкими и отдаленными людьми и вещами, Ваш закал, Ваш кругозор — скажите, откуда все это, с неба ли это свалилось или подобрано с полу? Я не люблю называть этих вещей прямо и ограничить замечаньем, что весь Ваш облик глубочайшим образом расходится с Вашими словами, и он красноречивее их, и он красноречиво и с тактичным лаконизмом, который вообще свойственен природе, говорит именно о той талантливости, которую Вы вскользь, и в виде грустной шутки отрицаете за собой на словах. В заключение еще о творцах. Если бы я был провинциальным вундеркиндом (живописцем или скрипачом), я носил бы бархатную куртку и собирал газетные рецензии о себе,

то разумеется я был бы творцом и м[ожет] б[ыть] радостно подхватил это Ваше словечко. Но т[ак] к[ак] простая случайность рожденья уже сразу подняла меня над этим бурным и исключительным уровнем и с первых детских лет погрузила в чудеса крупной обыкновенности, то позвольте мне, дорогая Раиса Николаевна, остаться именно в той категории, к которой принадлежите и Вы, т.е. в категории людей, живущих с миром и временем запросто, на короткой ноге, а не /перечеркнута фраза из 8-9 слов/ как-нибудь иначе, в искажении более или менее смешного оперенья. Тон этих последних слов может повести к недоразумению. Если в них прозвучит какая-нибудь задетость, то знайте, что обиделся я только за Вас, т.е. за то, что Вы о себе пишете так неправильно и небрежно. — Теперь о В[ашей] чикагской приятельнице⁴. Во-первых, позвольте мне не верить в нее и подозревать, что этою приятельницей являетесь Вы сами, или в нее превращаетесь, когда Вам мало собственной доброты и великодушья и Вы к этим чертам еще прибавляете благородство вымысла, чтобы до полной бесследности затеряться в глубинах этого инкогнито. Как бы то ни было, горячо Вас благодарю за эту постоянную готовность. Как я уже Вам писал, я больше не нуждаюсь, и пользоваться Вашей добротой было бы в моем случае просто бессовестно. Однако м[ожет] б[ыть] я когда-нибудь прибегну к Вашей помощи не прямо, а косвенно, т.е. может случиться, что я Вас попрошу о поддержке /друго/ кого-нибудь другого, более в ней нуждающегося и более заслужившего ее. Тогда речь будет о сумме несравненно меньшей, чем та, которая у Вас в виду. Теперь об этом говорить рано, п[отому] ч[то] может быть это все уладится как-нибудь иначе. Выяснится это через месяц, в свое время я Вам подробнее об этом напишу⁵. А теперь — до свиданья, и всего лучшего Вам и В[ашей] семье. Благодарность моя Вам всегда безгранична и не стану о ней говорить вновь. — Простите за письмо, кот[орое] Вам покажется смешным и скучным. Но мне трудно еще писать, да и помимо того что я связан перевязкой, трудны и темы, которыми Вы связали меня.

Преданный Вам Б.П.

[Приписка:]

Письмо, уже написанное пролежало с неделю. Это оттого, что я не выходил и надо было купить марку.

Отправлено 3 декабря 1927 из Москвы в Кембридж.

¹ №20.

² Прасковья Устинова.

³ Брат Пастернака, Александр Леонидович (1893-1982), с женой, Ириной Николаевной (урожд. Вильям; 1900-1986), и сыном Фейей жили поблизости.

⁴ См. прим.1 к №20.

⁵ Возможно, что имеется в виду М.И. Цветаева (см. №24).

22. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. и Е.В. Пастернакам

12 Newnham Terrace
Cambridge
19/1/[19]28

Дорогие друзья мои,

Думаю о вас часто с любовью и беспокойством а написать все не могла собраться. Обыкновенно перед Н[овым] Г[одом] приходится писать много: друзьям, полудрузьям, знакомым, раскиданным чуть ли не по всему свету и разноязычным. Всегда эти рождественские дни для меня и печальны и радостны. Вспоминаю, что многих уже нет, но их лица, движения, часто смешные и милые не умирают. Сколько хороших и талантливых людей нам встречалось! Скоро я, как английские старушки, начну писать «в[о]споминания».

Как обошлись ваши болезни? Все ждала хотя бы открытки, чтобы знать что и как с Женями¹. Конечно, сама виновата. Следовало давно написать. Как это с рукой у Вас случилось? Упали?

Об американских друзьях чистая правда. У нас самих насчет монет вовсе туго, не умеем жить и всегда тратим много больше, чем зарабатываем. Мне даже странно как это люди живут и не имеют долгов. К сожалению Чуб это тоже унаследовал. Он теперь живет не в College² а с нами. Учится средне. Одно время была опасность, что ему придется надолго оставить всякую мозговую работу, как результат падения и ушиба головы. Он все время находится под наблюдением врача. Но от мотоцикла его не оторвешь. Тоже наследственное.

В конце 1927 г. вышло из печати много очень интересных книг, здесь и в Америке. В Американской литературе сильное течение против индустриализации и Фордолизации³ человека. Сейчас в Лондоне дают американскую драму «The Adding Machine» Elmer Rice'a⁴. Не хуже пьес Копека [т.е. Чапека. — Публ.]⁵.

Выписала «Новый Мир» и «Красную Новь»⁶, но там нового мало. Что по Вашему сейчас талантливо написано у нас?

Всего наилучшего. Мне Рин-Тин-Тин и Женюрку крепко целую к чему Ю[рий] В[ладимирович] и Чуб присоединяются, т.е. тоже целуют.

Ваша Р.Ломоносова

P.S. Какие у вас планы на лето? Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы вы все приехали хоть на часть лета к нам?

Р.Л.

Отправлено из Кембриджа в Москву.

¹ См. №21.

² В 1926-1928 учебные годы Ю.Ю. Ломоносов был студентом входящего в состав Кембриджского ун-та колледжа Св. Иоанна (St John's College).

³ Т.е. фордизация — внедрение поточного массового производства, конвейерной системы, стандартизации продукции и т.д. (по имени американского промышленника Генри Форда, 1863-1947).

⁴ Антикапиталистическую пьесу Эльмера Райса (Elmer Rice, 1892-1967) «The Adding Machine» (1923) давали в лондонском Court Theatre в январе-феврале 1928.

⁵ Самая знаменитая пьеса чешского писателя Карела Чапека (Karel Capek, 1890-1938) на подобную тему — «R.U.R.» («Rossum's Universal Robots») (1920), давшая миру слово «робот».

⁶ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранятся неполные комплекты «Красной Нови» за 1923-1926 и почти полные — «Нового мира» за 1926 и 1935.

23. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. и Е.В. Пастернакам

18 Grantchester Road
Cambridge
25го Марта, [19]28 г.

Дорогие Друзья,

Месяцы прошли как от вас не было вестей. Все ли у вас благополучно? Здоровы ли? У меня на письменном столе карточка Мне Рин-Тин-Тин и Женюрки. Скоро два года как мы познакомились а мне кажется, что я вас знаю давно, давно. Ю[рий] Вл[адимирович] часто называет Женю приемным внуком. А внук-то плохой — не пишет.

У нас здесь была весна, потом наступили холода и туманы, в результате все простужены, вернее настоящая эпидемия гриппа, но об этом не принято говорить. У нас в доме у всех бронхит.

Кашляем так что окна дрожат. Вспоминаю и скучаю по итальянскому солнцу. Вот где обоим Женям была бы лафа. Как только начнутся летние каникулы думаю опять поехать на 2-3 месяца в Leppo (Largo di Como). Это будет в конце июня и если у вас есть возможность выбраться из Москвы то мы зовем вас всех очень, очень к нам в гости. Leppo чудный уголок. За два месяца там можно запастись солнцем на год.

У нас все по-старому: Юр[ий] Вл[адимирович] пишет книги¹, я перевожу, часто глупых авторов; но есть и приятная новость: Чубин мотоцикл сломался без Чуба и, вероятно, пробудет в ремонте больше месяца. Чуб с горя начал заниматься математикой.

Всего наилучшего. Оба Юрия вам всем кланяются, а я целую обоих Жень.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено из Кембриджа в Москву.

¹ В это время Ю.В. Ломоносов работал над несколькими техническими книгами, из которых самая главная: G. Lomonosoff. «Diesellokomotiven», aus dem russischen Manuskript übersetzt von E. Mrongovius; durchgesehen von F. Meineke, Berlin, «VDI-Verlag», 1929.

24. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

5.IV.[19]28

Дорогая Раиса Николаевна!

Две тяжести у меня на душе, о которых следовало бы рассказать Вам, и одна это та, что при всей моей тяге за границу, которая обесцвечивает все здешние радости, я все же и этой весной еще туда не попаду, а другая, — что я так долго не писал такому другу, как Вы. Причин много, и они переплетены, и друг с другом связаны. Но между прочим (и как это непростительно!) молчал я, вернее, — откладывал ответ на Вашу открытку и потому, что все искал способов не /обращаться к Вам/ затруднить Вас той просьбой, с которой сейчас и начну, т[ак] к[ак] других путей не нашел. Ради Бога исполните ее, если это вообще возможно, во всей *точности*. Сообщите мне, пожалуйста, кому бы из Ваших /родных/ здешних родных или друзей я мог /бы/ передать сто рублей, и *только в таком случае* переведите такую же сумму Марине Ивановне Цветаевой по адре[су]: M.Tsvétaïeva-Efron, 2, Avenue Jeanne d'Arc, Meudon (S.-et-O.) France¹. Я Вас прошу остаться в границах этой комбинации потому, что все равно это с Вашей

стороны будет огромный подарок, вспомните, я Ваш неоплатный (во многих смыслах) должник, а это не пустяки. Она самый большой и передовой из живых наших поэтов, состоянье ее в эмиграции — фатальная и пока непоправимая случайность, она очень нуждается и из гордости это скрывает, и я ничего не писал еще ей о Вас, как и Вам пишу о ней впервые.

Вчера пришло письмо Ваше от 25-го III², и как все Ваши письма, прокатывается все той же волной давно знакомого и всегда волнующего тепла: как хорошо что к самым прекрасным вещам никогда не привыкнуть. Естественно, что Женя ликует, предается мечтам, и в мыслях, как прошлый год, едет злоупотреблять Вашим радушьем. Но и всего то, как прошлый год. Дело в том, что может быть по слабости или какому другому недостатку, но поездки за границу в виде короткой прогулки я бы просто не перенес, т[ак] к[ак] слишком много связан[о] с этой возможностью, у меня есть свои планы и цели, без их осуществленья или хотя бы попытки их осуществить мне будет тем тяжелее возвращаться, чем прекраснее будет обстановка такой прогулки. А до этого мне надо закончить две работы³. Я думал, что справлюсь с этим за зиму, но я удивительно мало сделал в течение /этого/ года. Это так же необъяснимо, как и мое продолжительное молчанье, т.е. и тут столько же причин, и когда их начинаешь разбирать, то натыкаешься на самые несущественные и до обидности поверхностные. — Это письмо я пишу особняком от Жени, она — противница той просьбы, с которой я его начал, и помешала бы мне обратиться к Вам с ней, но если она даже и права, то грех мой перед ней и Вами на этот раз совершенно неизбежен. Я говорю это к тому, что все эти дни она собирается Вам написать, и на днях, вместе с ее письмом я напишу Вам

[Приписка:]

больше, живее и, если смогу, интереснее. А Вы напишите поподробнее о Вашем, лично, здоровье. Сердечный привет всем Вашим.

Преданный Вам Б.П.

[Приписка:]

Я не усложнял своей просьбы извиненьями, потому что горжусь той простотой, которую Вы мне разрешите относительно Вас и всего, что мне дорого. Верю, что Вы ее исполните *так*, как я о том прошу.

Отправлено заказным 7 апреля 1927 из Москвы в Кембридж.

¹ О возникшей в результате просьбы Пастернака переписке с Цветаевой см.: Минувшее.

² №23.

³ Речь идет о первых эскизах к «Охранной грамоте» и о романе в стихах «Спекторский» (ср. №25).

25. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Москва 14/IV [19]28 г.

Дорогая, милая Раиса Николаевна, как дорого мне Ваше каждое письмо, как трогают и будоражат они, так, что и отвечать трудно, далеко очень, «за тридевять земель, в тридесятом царстве», а тут непременно /надо/ непосредственно хочется. Красили с Женичкой только что яйца; куличи, пасхи, свечечки, колокольный звон, мимоза, весеннее солнце — Пасха.

Хочется ли мне в Италию, к Вам? — *очень, очень* хочется. Я устала, износилась, плакать готова не раз от слабости. Доктор посоветовал — на Кавказ — и мы, вероятно, все трое туда собиремся [sic]. Я уговариваю Бориса Леонидовича, «Если тебе пока нельзя (из-за работы), отпусти нас, потом сам приедешь, если тебе сперва в Париж хочется, тоже очень хорошо, мы подождем тебя у Раисы Николаевны». Не хочет, не соглашается, говорит, что он сейчас ехать не может, что ему надо закончить прозу и «Спекторского», а нас не отпускает п[отому] ч[то] самому так сильно хочется, что кажется ему, что наш отъезд и отсутствие будет помехой его поездки. Большое, большое Вам и Юрию Владимировичу Спасибо. Ваша дружба, ничем не заслуженная и потому кажущаяся не реальной — сном всегда надо мной повисает.

Ваша Женя.

16/IV [1928]

Письмо пролежало 2 дня. За то время опять настала зима и неизвестно Рождество или Пасха. Борис Леонидыч слег в постель с темп[ературой] 39, вероятно грипп. Говорит, что завтра постарается /Вам все-таки/ черкнуть /завтра/ вам несколько слов. Сердечный всем привет, крепко Вас целую. Женя. Как только потеплеет поведу Женичку к фотографу и пришлю карточку.

Отправлено 19 апреля 1927 из Москвы в Кембридж.

18/IV/[19]28.

Дорогая Раиса Николаевна! У меня все еще повышена температура. Только что встал, среди дня, под сумерки, думал поработать, но вот только поблагодарю Вас (в который раз!) от души, и, /подв/ по-видимому опять лягу, т[ак] к[ак] очень слаб. На дворе снег, как бывает вначале зимы, и это впечатленье пасмурности и холода, расположившихся прочно и надолго, не обманывает: эта погода стоит уже с неделю. В мокром снегу как тараканы барахтаются люди в шубах и вороны. И Женька капризничает за стеной. Привет всем Вашим.

Ваш Б.П.

Написано на одном листе с №25.

24.IV.[19]28

Дорогая Раиса Николаевна! Не обиделись ли Вы на меня за мою просьбу?¹ Если Вы ничего еще не успели предпринять в этом направлении, то и не надо: надобность в этом, как я узнал, совсем миновала, там наступило улучшение. Грипп[п] мой привел к очень неприятному осложнению, и я еще не знаю, чем это кончится. Упорство головных болей, не оставлявших меня все последнее время, разъяснилось очень неожиданно. Оказывается, у меня воспаление какой-то лобно-пазушной кости (нижняя часть виска), и если это не пройдет самой собой, в результате различных и очень кропотливых манипуляций, то придется эту кость продалбливать хирургически. Пишу Вам утром, воспользовавшись некоторым ослаблением боли, но достаточно было записать эти полстранички, чтобы она возобновилась. Откладываю до вечера, когда опять, по опыту последних дней, наступает улучшение. Ничего (ни писать ни читать) /делать/ нельзя. —

25.IV.[19]28

Это ужасно странная болезнь. Приступы боли продолжают-ся от 4х до 6ти часов и падают на середину дня. Вечером по их миновеньи, начинает казаться, что это было в последний раз, что ты выздоравливаешь и их завтра не будет, а завтра все повторя-

ется по-прежнему. И что это за боли! Мигрень — просто блаженство в сравнении с этим ощущением расседающегося черепа. Сегодня опять был врач и усилил лечение. Мне ужасно хотелось бы выздороветь и ни о чем кроме этого я думать сейчас не в состоянии. Здесь наконец наступила весна. Хорошо ли Вы знаете Москву? Помните, есть большой сквер из четырех кругов, кольцом облегающий Храм Спасителя?² Наш дом, двухэтажный, окнами выходит на эту площадь и веснами, чуть подсохнет, пол-Москвы высыпает сюда, причем фланируя чуть не задевает локтями за мой стол, придвинутый к самому окошку. Это всегда очень тревожит и бесцельно нервнрует, потому что можно быть святым, но не отзываться на блистанье и помигиванье сборной и несметной и безымянно случайной жизни, когда она охорашивается на гулянье, — трудно. Она для того и охорашивается, чтобы кого-нибудь где-нибудь волновать, а я как человек робкий и доверчивый всегда ее, хотя бы в воображении, предупреждаю. — Осуществление моей давней мечты, поездки за границу, опять, как я писал Вам, откладывается. Я в существе ее давно уже пережил, я свыкся с теми главными /ее/ чертами, в каких мне являлась эта выдумка, и не могу от них отступить, потому что иначе все в ней лишится смысла. Я убежден в своей правоте, и думаю, что и Женя, которая видит все эти вещи проще и досадует на мою медлительность, тоже не будет в накладе. —

26.IV.[1928]

Я наконец отправлю эту глупую канитель. В основе — попытка заговорить свой собственный висок, но она не приводит /к/ ни к какому результату. Простите за несвязицу и совершенную бессодержательность. Важного тут было только сказать, что надобность в деле, о кот[ором] я Вас просил, миновала. Горячей, чем когда-либо, желаю Вам здоровья и всем Вашим.

Преданный Вам

Б.П.

[Отправлено из Москвы в Кембридж.]

¹ См. №24 и прим.1 к нему.

² Построенный в 1839-1883 Храм Христа Спасителя был взорван и снесен в 1934. На его месте теперь находится бассейн «Москва».

Дорогая Раиса Николаевна!

Я уже совершенно здоров. Без конца благодарен Вам за исполнение просьбы. На этот раз меня в особенности поразила чистота Вашего слуха. Вы догадались, что я почувствую себя совершенно несчастным, если Вы не соблюдете всех мелочей и подробностей, о которых была тогда речь: и эта догадка, вытекающая, вероятно из Вашего доверья ко мне, меня особенно взволновала. На Вас можно загадывать, Вы выдержите любое «испытание случайностью». Спасибо, спасибо Вам.

Вчера я наконец воспользовался Вашим сообщением¹. Временная задержка, которая с этим произошла, отчасти отразилась и на ответе. Простите меня, мне не хотелось иначе.

Скоро ли Вы собираетесь в Ленинград? Как только это случится, известите меня о перемене адреса. Вот уже третья весна, как Ваши передвиженья сопровождаются слабыми земными толчками на другом конце земли, где путешествует, в мыслях о Вас, не сдвигающееся с места воображение. Особенно наблюдается это весной, вероятно потому, что с весны на весну именно и откладываются надежды на очную встречу.

Сейчас ничего не сообщу Вам интересного. Вообще, для того чтобы это получилось, я не должен касаться себя, [потому] что каждый раз, как я говорю о себе, или рассказываю о планах, непременно выходит какая-нибудь плохо представляемая отвлеченность. Здесь ждут Горького, он придет на будущей неделе². Я вероятно увижу его и тогда напишу. Я многого жду от этой встречи. Из больших людей он пожалуй единственный может дать ключ ко времени, очень странному и полувывымышленному, которого он однако служит наипрочайшим оправданием одним своим обликом и судьбою. Главные надежды я возлагаю не на его устные объяснения необъяснимого, а на то, что собравшись вокруг Горького, как близкого центра, это необъяснимое станет зрительно понятнее и мертвый факт м[ожет] б[ыть] засветит живой очевидностью. Т.е. к его приезду я протираю глаза гораздо усерднее, чем протираю уши.

Женя регулярно худеет, месяц к месяцу, неделю за неделей. Зимой она была в санатории, стала поправляться и принимать в весе, я очень просил ее остаться еще на две недели в доме отдыха, но учебные сроки по-детски терроризовали ее, чему не было никаких оснований, кроме той охоты, с какой она этим пустякам да-

вала над собою власть. И вот вся поправка пошла насмарку. Вероятно мне удастся отправить ее с мальчиком и прислугой на Кавказ³, на месяц, или же, если ей там понравится, то и на другой. Я же останусь в городе, т[ак] к[ак] болезнь наготовила мне всяких неожиданностей и перепутала все планы. Были случаи, когда люди с Кавказа приезжали окрепшими и пополневши. От Жени же я такого подарка не жду. Когда доктора ей что-ниб[удь] прописывают, она достает микстуру в аптеке, чтобы сложить вину с провизора и переложить будущую ответственность с него на себя. На этом все и кончается. Конечно все это очень честно и человеколюбиво, но и не более того. Все доктора прописывали ей всегда железо, она неизменно запасалась им и никогда не принимала. В этом она показала большую выдержку и силу воли. Последнее письмо, что я получил от М.И. [Цветаевой], было еще до Вашего, т.е. в конце апреля⁴. Она там восторженно и увлеченно говорила о письме, полученном от Вас⁵. Но я и сам больше месяца не писал ей.

Это не письмо, Раиса Николаевна. Это уведомление о двойной растроганности и признательности. Если Ваши дорожные сборы не за горами, то тут же и пожелаю Вам, Юрию Владимировичу и Юрию Юрьевичу счастливой дороги. Расстаюсь я с Вами в сознании, что я Вам обязан отчетом о Горьком⁶, о литераторах кот[орых] у него увижу и пр. и пр. Всего лучшего.

Преданный Вам Б.П.

[Приписка:]

Жене нездоровится, она от души кланяется Вам и всем Вашим.

Отправлено из Москвы в Кембридж.

¹ Ср. в №24: «Сообщите мне, пожалуйста, кому бы из Ваших здешних родных или друзей я мог передать сто рублей /.../. Ср. также №38.

² В мае 1928 Горький вернулся в СССР впервые с 1921. Он уехал обратно в Сорренто только в октябре 1928. В Москву он приехал 28 мая 1928. (См. также №29).

³ См. №29.

⁴ Упомянутое письмо Цветаевой, вероятно, одно из пропавших в годы войны в обстоятельствах, описанных в автобиографическом очерке Пастернака «Люди и положения». См: Письма 1926. С.36.

⁵ На первое письмо (не сохранившееся, как и все последующие письма) от Ломоносовой Цветаева ответила 20 апреля 1928 (см.: Минувшее. С.211).

⁶ См. №29.

Дорогая, дорогая Раиса Николаевна!

Я Вам дважды начинал писать на этих днях. Пятого числа Женя с Женичкой отправились на Кавказ. Они обосновались в Геленджике¹, это под Новороссийском у Черного моря. По-видимому это место ничем не замечательное, голое и грязноватое — да и море там, как бывает в бухтах, не совсем настоящее, с налетом застоя, я представляю себе. Женя очень переутомилась за год и уехала совсем худая, побывав у врача, который ничего, кроме общего и нервного переутомленья у нее не нашел, но в ее случае и этого больше, чем много. Ей нужно смотреть за собой, хорошо и правильно питаться и отдохнуть. Все эти вещи, в каком-то отношении связанные с доброй волей. С ней прислуга, в средствах она не будет стеснена. Для меня было бы больше чем простой радостью, если бы она поправилась, успокоилась и поплотнела: я бы пережил это и лично, как нечто, произошедшее со мной или с моим внутренним миром. И оттого, что это *такая* мечта, она мне кажется несбыточной, я боюсь, что этого мне не подарят. Выбор места был неудачен. Ей хвалили его. У нас были сомнения. Чтобы с ними покончить, она как бы с отчаянья собралась в два дня и опрومتью кинулась в эту пыль и захолустье. Вы много сделали бы мне и ей, если бы туда написали. Это значит: СССР, Черноморская область, Геленджик (близ Новороссийска) улица д-ра Гааза, д.22, Е.В. Пастернак.

Я остался тут один, заканчивать всякие дела, дописывать всякие вещи², и не знаю, сколько это продолжится. В противоположность отдаленным школьным годам, одиночество теперь меня /всегда/ делает больным во всех отношениях. Я это знаю и всегда наперед его боюсь. Я говорю о лете в городе. На этот раз его не удалось избежать. Я затянул дела во время весенней болезни и за семьей не поспел. Оно, т.е. это непривычное одиночество не только лишает меня сна, но превращает в тряпку и надо прибавить, в душевных каких-то возможностях, — еще и грязную. Вообще как страшно, что у человека есть доступ к отдельным элементам, из которых он сложен, благородный *только* в целом, *только* на ходу, *только* в непрерывном движении судьбы. Общеизвестно слово «самоанализ» и достойная оценка ему давно и навсегда дана. Меньше говорится о том сумасшествии, о том «самоанализе» который без ведома и тайно от нас, пока нас спасает привычка, и вдруг открыто на наших глазах, когда мы остаемся не-

привычно одни, производит вся наша нервная сеть, всё то³, что попадает в объектив, когда нас снимают во весь рост. Этот распад, этот от здоровья неотличимый бред, дает отдаленное понятие о грязи и позоре, заключающихся в смерти, не смерти вообще, не в *моей для Вас*, а в *моей без меня*. Стараешься держаться на достойной высоте над этим переполохом горячих и щемящих частностей. Начинаешь думать, что прежде, да и всю жизнь, тебя поддерживали на ней друзья, родительская семья, потом твоя собственная, т.е. всегда чьи-то другие руки, которые следовало целовать по тому аду от которого они тебя спасали, и которые не всегда ценил, как они того заслуживали. Но довольно об этом.

В идилическом состоянии, которым я тогда пренебрегал и кот[орое] верну не скоро, я обещал написать Вам о Горьком. Законное, заслуженное и естественное значение подлинно-народного авторитета поставило его в положение неба надо всеми простертого и все решительно объединяющего. Оно когда хмурится, когда согревает всех своей улыбкой, но вне этой постоянной широты немислимо. Его разговоры со страной самая сырая правда и лучше ничего не придумать. Его встречи с писателями обоюдные недоразумения и неудача, самоограничение, с которым эти встречи сопряжены, ему не подobaет, а это и других ставит в ложное положение. Три раза я видел его в такой обстановке. Два раза молчал, и он улыбался мне, на третий заговорил вслед за Фединым⁴, и он встал и ушел, на нас не глядя. Вероятно он меня не любит, хотя прямых доказательств тому не имел, и письма его в этом не убеждают⁵.

Не следуйте его примеру. По тому, что в давнишнем майском письме о Вас писала М[арина] И[вановна] Цветаева⁶ чаю, что она в деятельной переписке с Вами. Она — большой и горячий человек, что бы Вам ни показалось. Я Вас обеих друг по другу ревную и в данную минуту Вас больше, чем ее. Вы не знаете как я дорожу Вами. Преданный Вам Б.П.

[Приписка:]

От души привет всем Вашим. Где Вы и что Вы сейчас?

Отправлено заказным из Москвы в Кембридж.

¹ См. прим.4 к №30.

² В это время Пастернак занимался главным образом пересмотром стихотворений сб. «Поверх барьеров» для нового издания: Поверх барьеров. Стихи разных лет. М.; Л.: «Государственное издательство», 1929. (См. №42).

³ Первый вариант: «производится всей нашей нервной сетью, всем тем».

⁴ Константин Александрович Федин (1892-1977), писатель.

⁵ См. прим.6 к №11.

⁶ См. прим.4 к №28.

30. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

9.VII.[19]28.

Дорогая Раиса Николаевна, дорогая, дорогая! Какое удивительное письмо я от Вас вчера получил. Громадное, несравненное, высокое, захватывающее. Какого оно роста, какое лицо у него, как я его люблю! Оно как живой человек, и место, где оно лежит, благороднее всего, что когда-либо видала моя комната, всего, что в нее входило и выходило. И я никогда не расстанусь с ним. Знает ли Чуковский, что он сделал, когда в то лето подарил Вас нам, и мне, и насколько — мне!¹ С тех пор я с ним не переписываюсь. Я должен был тогда ответить ему на его опрос о Некрасове². Я Некрасова плохо знаю, мне стыдно было, я хотел его подчитать. Но так и не пришлось, я в долгу у него, так и замерла переписка. Но если бы он только знал в каком я перед ним другом, неоплатном, неизмеримом долгу! Родной долг мой, почему нельзя переписать сердца и невралгии на меня?! Как охотно бы в этом случае я их на себе принял! Попросите профессоров, пусть перешепчут, пусть перепоручат. Я ждал письма от Вас, в последнее время стал беспокоиться. Я возлагал на него какие-то надежды. Не надо говорить, что у меня были неприятности, без него откуда и было быть добру. И вот оно пришло. Но смотрите, как я туп! Я думал Вы за что-нибудь на меня рассердились, а что Вы больны и страдаете, мне в голову не пришло. А Вы всегда обо всем догадываетесь и все знаете, и как *заразительно-достойно* все понимаете! Теперь я сдам книгу в ГИЗ³ и поеду в Геленджик⁴. Там Женя с Женичкой, море, здоровье, покой. Вы не смеялись надо мной? Это Вы действительно *мне* так несравненно сердечно, так незаслуженно писали? Как Вас благодарить за эту высоту?

Я Вам напишу из Геленджика потолковей. Сейчас взволнован и могу только поражаться и восклицать. Но дошло бы и это до Вас, может быть и в этом свой толк, сила же его мне писать и

не дает. Говорить ли Вам, как мне больно от Вашей боли, и как, — если только тут есть смысл, — я буду стараться ее от Вас отвлечь. Не пишите больших писем, это может Вас утомить. Когда станет лучше, пришлите открытку.

Ваш Б.П.

Отправлено из Москвы в Кембридж.

¹ См. №1. О силе признательности Пастернака Чуковскому свидетельствует дневниковая запись последнего за 19 ноября 1930: «Вдруг кто-то кидается на меня и звонко целует. Кто-то брызжущий какими-то силами, словно в нем тысяча сжатых пружин. Пастернак. "Любите музыку. Приходите ко мне. Я вам пришлю Спекторского — вам первому — ведь вы подарили мне Л[омоносо]ву. Что за чудесный человек. Я ее не видел, но жена говорит..." Оказывается, лет пять назад я рекомендовал П[астерна]ка Л[омоносо]вой, когда еще муж ее не был объявлен мошенником. И вот за это он так фонтанно, водопадно благодарит меня» (Из дневника: О Б.Л. Пастернаке // Вопросы литературы. №2. 1990. С.123).

² О составленной Чуковским в 1919 «Анкете поэтам» о Н.А. Некрасове (1821-1878) см.: Красовская Э.С., Леонович В.Н., Чуковская Е.Ц. Перечитывая Некрасова: Путеводитель по выставке [в Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова]: Из архива К.И. Чуковского. М., 1987. С.21-27.

³ Речь идет о кн.: Пастернак Б. Поверх барьеров: Стихи разных лет. М.; Л.: «Государственное издательство», 1929. См. также №42.

⁴ По поводу пребывания в Геленджике в июле-августе 1928 см.: ЛН93. С.699-701.

(Продолжение следует)

РУДИН ИЗ БРЮСОВСКОГО ИНСТИТУТА
(Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923-1932)

Публикация С.Шумихина

Автор публикуемых писем — Георгий Аркадьевич Шенгели (1893-1956) — поэт, переводчик, стиховед, автор беллетризованных мемуаров «Черный погон» о событиях 1918-1919 в Одессе, Новороссийске, Севастополе, Керчи (Очерки белогвардейского тыла: Главы из романа-хроники Г.А. Шенгели «Черный погон» / Публикация А.В. Маньковского // Встречи с прошлым: Вып.7. М., 1990. С.122-156). Более или менее полно реализовать себя Шенгели смог лишь в области поэтического перевода.

«В целом поэтическая судьба Георгия Шенгели сложилась несчастливо, — писала Е.Б. Коркина. — В двух своих больших произведениях он был роковым образом опережен поэтами-сверстниками: поэму «Девятьсот пятый» он был вынужден оставить незаконченной в 1926 году в связи с опубликованием первых глав поэмы Б.Пастернака, а «Гамельнского волынщика» прервал на полуслове в том же году, узнав о публикации в пражском журнале «Воля России» «лирической сатиры» М.Цветаевой «Крысолов»» (Коркина Е.Б. Г.А. Шенгели о Игоре Северяnine // Таллин. 1987. №3. С.90-91). Можно добавить сюда и драматическую поэму «Пугачев», над которой Шенгели работал с 1916 и которую не успел завершить к выходу в свет есенинского «Пугачова», — так и осталась она в архиве Шенгели неоконченной.

Некоторые авторы, писавшие о Шенгели (Е.Б. Коркина, В.Г. Перельмутер) считают, что отказ от публикации его стихов находился в прямой связи с резко критической книжкой Шенгели «Маяковский во весь рост», изданной еще в 1927. «В конце 1920-х годов за выступление против Маяковского Шенгели был фактически отлучен от литературы и занимался преподавательской деятельностью в провинциальных университетах; в дальнейшем, вернувшись в Москву, свои основные силы он отдавал поэтическому переводу, переводя огромные массивы текстов Байрона, Гюго, Верхарна и др., а также теоретическим работам в области стиховедения. Как поэт он замолчал и замкнулся, разделяя судьбу своих товарищей по поэтическому направлению и поколению», — пишет Е.Б. Кор-

кина. «Кто бы мог предположить, что через несколько лет после его [Маяковского] самоубийства сталинские слова о "лучшем поэте эпохи" на долго обеспечат этому имени святую неприкосновенность — и "преступность" шенгелиевской книжки уже не будет иметь "срока давности". (Три с лишком десятка лет спустя о тот же "аргумент" разбилась попытка издать стихи Шенгели: на рубеже шестидесятых и семидесятых годов ее не рискнули поддержать ни К.Чуковский, ни В.Шкловский и вообще никто из "авторитетов" /.../). Правда, вслух про то не было сказано ни слова» (Перельмутер В. Приговоренный к забвению // Новобасманная, 19. М., 1990. С.131-136).

Трудно сказать, насколько справедлива такая точка зрения и не упрощает ли она ситуацию. У Маяковского было множество яростных противников, которые никаким преследованиям не подвергались, а напротив, сделали себе карьеру (скажем, одиознейший В.В. Ермилов, помянутый Маяковским в предсмертном письме). Житейская судьба Шенгели, насколько можно судить, сложилась более или менее благополучно. И все же он, поэт, почтенный когда-то дружбой Игоря Северянина и Осипа Мандельштама, а ныне советский профессор, известный стиховед и переводчик, не мог не ощущать себя литературным неудачником.

Адресат публикуемых писем Мария Шкапская (ее подробный биографический очерк см.: Минувшее: Исторический альманах: Вып.13. М.; СПб., 1993. С.323-326), «Василиса Розанова» русской поэзии, как назвал ее Б.Филиппов, с 1925 перешла к производственным очеркам и фельетонам. Стихов Шкапская не только больше не публиковала, но и не писала. Перелом этот совершился, по всей видимости, не «под давлением коммунистической идеологии» (См.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Е.Варгафтик и И.Бурихин. London, 1988), а вполне добровольно и осознанно.

Вероятно, и Шенгели, и Шкапская считали, что время всегда право (такое мироощущение было свойственно очень многим и очень разным людям: и Маяковскому, и Шкловскому, и — не без изрядной доли цинизма — Алексею Толстому). Отсюда и совет Шенгели другу своей юности Игорю Северянину в письме от 28 сентября 1940 «выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы, как *поэтическая декларация*». Шенгели развивает свою идею: «Это не должна быть "агитка", — это должно быть поэтическим *самооглядом* и *взглядом вперед* человека, прошедшего большую творческую дорогу и воссоединившегося с родиной, и родиной *преображенной*. И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой поэтического кредо) надо не в "Огонек" и т.п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Адресовать просто: "Москва, Кремль, Сталину". Иосиф Виссарионович поистине великий человек, с широчайшим взглядом на вещи, с исключительной простотой и отзывчивостью. И Ваш голос не пройдет незамеченным, — я в этом уверен. И тогда все пойдет иначе» (Ф.2861. Оп.1. Ед.хр.119. Л.3*).

* Все документы, цитируемые в предисловии и примечаниях, хранятся в РГАЛИ, поэтому указание на архив в сносках опускается.

Чем-то подобный тон «приговоренного к забвению» поэта, который, тем не менее, берется наставлять старшего собрата как «правильно» войти в советскую литературу, сродни педагогической назидательности детских стихов никогда не имевшего своей семьи Маяковского.

Сохранилось свидетельство попытки 57-летнего Шенгели переломить ход событий и одним рывком покорить советский Олимп при помощи поэмы «Сталин», оценить которую он просил Л.П. Берию (см. Приложение к наст. публикации).

Это не было сервиллизмом. Понятное и естественное стремление примириться со временем, сдать себя ему в плен, принять правила игры «заодно с правопорядком», заставить себя поверить, что ты всем существом принадлежишь этому веку, «эпохе Москвошвея», — соблазн, испытанный многими. Но у Булгакова, написавшего «Батум» и мечтавшего победить в конкурсе на лучший школьный учебник истории, в письменном столе лежал его главный роман. Трагическое заблуждение Шенгели в том, что главным произведением своей жизни он считал поэму «Сталин».

Ни отчаянная попытка Шенгели, ни самоограничение Шкапской, в буквальном смысле наступившей на горло собственной песне, увы, не принесли ни тому, ни другой ожидаемых благ, а поэтические ростки Шкапской были погублены (она писала по-настоящему хорошие стихи). Но все это — дела недалекого будущего. Публикуемые же письма Шенгели насыщены событиями и сплетнями литературной Москвы начала 1920-х, а также густой интеллигентской рефлексией (с которой Шенгели так решительно расстается в поэме «Сталин»), что позволило Шкапской в одном из ответных писем сравнить своего корреспондента с тургеневским Рудиным.

Шенгели находился в эпицентре тогдашнего литературного мирка, знал всех и всё. В этом основной интерес его писем. Перед войной он начал воспоминания «Элизиум теней», но дальше двух первых главок — об Игоре Северяnine и В.М. Дорошевиче — не пошел. Об этом можно только сожалеть. В наброске плана воспоминаний перечислены: М.Волошин, О.Мандельштам, Э.Багрицкий, В.Брюсов, К.Бальмонт, Андрей Белый, Вяч. Иванов. И.Рукавишников, А.Грин, В.Ходасевич, М.Цветаева, С.Есенин, В.Шершеневич, В.Маяковский, Б.Пастернак, М.Кузмин, Н.Асеев, А.Ахматова, Ю.Олеша, В.Катаев, Д.Бурлюк, И.Бунин, Л.Рейснер, В.Хлебников, В.Нарбут и другие литературные знакомые Шенгели — всего 45 «персональных» глав, и еще главы о Художественном Цехе, одесском «Коллективе поэтов», Всероссийском Союзе поэтов. Если бы «Элизиум теней» был воплощен в том виде, в каком задумывался, он мог бы стать первостепенным мемуарным памятником, по своему значению едва ли не превосходящим поэтическое наследие Шенгели.

Пока же надвигалось одиночество, полузабвение, «ледниковый период в культуре», по выражению В.Перельмутера, а также опасность, предсказанная тайновидцем Борисом Зубакиным в ноябре 1923 и приблизившаяся вплотную через 13 лет... По счастью, сей жребий миновал Шенгели, но не обошел того же Зубакина и еще великое множество друзей и знакомых Шенгели.

12 марта 1942 года Георгий Шенгели записал: «Умерли все мои любимые поэты: и Макс, и Осип, и Игорь. Никого нет».

Публикуемые письма находятся в РГАЛИ, в фонде М.М. Шкапской (Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.530). Всего единица хранения содержит 50 писем и телеграмм Шенгели за 1923-1946 годы.

1

Москва, 15/XII, [19]23

Милая Мария Михайловна, — знаете, чем я Вам пишу? Думаете, — чернилами? Раствором принимаемых мною порошков! *Similia similibus curantur**, — чернильная душа лечится чернилами; три пузырька в день. Но со скорбью должен отметить, что, несмотря на это, не пишу ничего, даже писем. И Муза со мной поссорилась, и одна милая петербурженка гневно спрашивает меня о причинах моего молчания. Ей хорошо лежать, затертой, подобно шкуне капитана Шекльтона, льдами: спокойствие, тишина, северное сияние; о ней заботятся, ее любят. А тут — сутолока, подлый Госиздат, невозможность найти в Москве христианский обед (везде «шти»), — у-у, подлое слово! и — серьезно: гнуснейшее настроение. Судьба

В город чужой занесла меня,
Бросила в холод меня,
В чужие стихи подлила огня,
Подлила моего огня.

Дни убавляются, Верхарн не хочет убавляться¹, холод прибавляется, — тяжело. На днях в салоне маркизы де-Зельдович² праздновали десятилетие, протекшее с того дня, как я напечатал первое (и плохое!) стихотворение. Рукавишников³ говорил речь, Пяст приветствовал от имени Капабланки и Ласкера⁴, Боря Зубакин⁵ читал доклад и убеждал, что я «спасаю вещи», три хорошеньких девушки, из моих студенток, благодарили от имени Натали Пушкиной (я в ответ обещал и за них заступиться, когда будет надо), поднесли адрес, яшмовый мундштук и настоящую раковину. Последнее меня вдохновило: следующую книгу назову «75 червонец»⁶. Было дурашливо, — но в итоге очень грустно: все это не

* Подобное излечивается подобным (*лат.*).

нужно, все это — не жизнь. Раньше тоже была «не жизнь», но были моменты: то, поглядев на иступленный закат, я вдруг перекрестился и поцеловал землю (к губам прилип песок); то, увидав в поле лисицу, движимый древним-древним инстинктом, я нагнулся схватить камень; то шел под пулями, провожая друга, не знавшего дороги в порт, в часы уличных боев⁷, — и пр. А теперь — ни черта; душа собственным геморроем подавилась.

Вчера в Институте чествовали Брюсова, по случаю окончательного его вступления в непризывной возраст⁸. Качали старика; было похоже, что подбрасывают покойника. После ужина мы с Рукавишниковым спустились в знаменитый институтский подвал. Там живут шесть студентов и две студентки. До утра играли в шахматы, спорили, читали стихи. Рукавишников читает как пономарь, — но странно: в его чтении плохие его стихи действуют гипнотизирующе. Я только вчера по-настоящему понял, что такое «лирика напевного стиля». — Единственные за всю зиму отрадные четыре часа, когда как-то отодвинулись все горькие мысли, кислые заботы и пресные чувствования.

Ну, — а Вы? Смешливый тон Вашей открытки свидетельствует, что серьезность Вашего перитонита позади. Если Вам можно смеяться, прочтите в последней книге «Печати и революции» мою статью, — ответ Брюсову, и его ответ на ответ⁹. Большой такие вещи полезны. А помимо «физики», — как настроение? Отлетели ли те горести, о которых Вы запретили спрашивать, но которые, в общем, угадываются? Жаль, что Ваш визит был таким кратким: нигде я не чувствую себя столь слабым, как в зачайных разговорах. Мария Михайловна, приезжайте в Москву на недельку «энкогнето», поселим Вас в очаровательной светелке, накормим пельменями, заварим глинтвейну, поговорим. Я боюсь, что на Рождестве не смогу приехать: я люблю ездить один: во всех отношениях дешевле и во многих — дороже, а рождественские каникулы выворачивают наизнанку сии вышеупомянутые отношения. И вот, если не смогу, — Вы не приедете? Ответьте. Письма жду во всяком случае. Целую Ваши руки.

Г. Шенгели, академик

2

Москва. 17/III [19]24

Милая, хочется мне поговорить с Вами. Сижу один, вечер свободен и долог, в душе — пустота смятенная (что-то вроде взъерошенной лысины); вот и пишу. Боюсь только, что слишком длин-

ные пишу я Вам письма; но нет у меня охоты возвращаться к эпистолярным ухищрениям (раньше любил их), а без них короткого письма не напишешь.

Макс¹⁰ здесь уже давно. Был у меня дважды; послезавтра сведу его с Рукавишниковым: будет великолепная иллюстрация к Сервантесу, — Дон Кихот и Санчо Пансо. Жаль, никого нет для Россинанта; ослов же сколько угодно. Дурачусь, — а на самом деле вовсе мне не хочется видеть Макса — у него вместо личности пасхальное яйцо деревянное: откроешь, — в нем второе; откроешь второе, — в нем третье и т.д. А главное, — он из Коктебеля. Так почему-то выходит, что все мои жизненные узлы как раз в Коктебеле до крови натирают мне шею. Вас тянет в Коктебель. Поезжайте лучше в Эльтигенъ: 15 верст от Керчи, великолепное море, пляж, равного которому не сыщешь в природе, дюны, мелко, — и вода прогревается до 22-23°, разрушенная еще в Крымскую войну усадьба, старый парк. Исключительные закаты за соляными озерами, — и ни одного дачника. Я, мож[ет] быть, тоже поеду туда вытапливать душевную золотуху. А Коктебель — пусть остается на потребу невестенным девицам и недамеренным дамам вкуне с их пловцами и спортсменами.

А впрочем, — чорт их дерит всех.

Слушайте:

Вместо воздуха — мороз,
В безвоздушной синеве
Плоский, легкий, вырезной,
Алюминиевый Кремль.

На реснице у меня
Колкий Сириус повис,
Промерцал и отвердел
Неожиданной слезой...

Ах, недобрый это знак,
Если плачешь от красы;
Это значит: в сердце нет
Никого и ничего.

И странно: стихи мне нравятся, а между тем они явная поесь Бальмонта и Ахматовой. Что скажете Вы?

В 1904 г. мне подарили лягавого пса. Был он черен, с прекрасными карими глазами, на редкость умен и толст, добродушен и лукав, как нормандский крестьянин. Звали: Ворон. Жил он до 12-го года. Любил меня бесконечно: сколько штанов изорвал на мне, облапливая мне в верноподданническом восторге ноги. Од-

нажды я сидел в своей комнате, вдруг распахнулась дверь, и вошел Ворон, держа в зубах чорт его знает где подобранный гнусный опорок. Рожа у Ворона сияла: «Вот я молодец! Какую цацу принес! Надо быть, — господам пригодится!» — Я был причиной его смерти. Спал он в комнате, и по ночам приходилось его иногда выпускать во двор, затем впускать. Стояла зима. И однажды ночью Ворон раз пять меня будил, разозлил, и, в конце концов, я решил его больше не впускать. Он очень долго царапался в дверь, потом, отчаявшись, вздохнул, глубоко, горестно, и ушел в летнюю свою конуру. И простудил почки. Весной он умирал, очень мучаясь, кричал, плакал, — буквально: слезами. И однажды утром, 21 февр[аля], я положил его на извозчика и повез в степь. Положил на землю. Он отходил, — явно, через 5 минут умер бы; и уже не страдал. Но я, движимый любопытством убийства, и зная, что Ворон примет от меня все и все простит, вынул браунинг (с которым и тогда я не расставался) и прострелил Ворону голову. Потом уехал. Вечером пришел с товарищами, похоронил его.

Зачем я это Вам рассказываю? Вот зачем: для изображения «программы-максимум», по которой я хотел бы строить любовь женщины ко мне. Только той любви мне хочется, которая приняла бы все, которой мне не было бы стыдно ни в чем, которой я мог бы сознаться в любой мерзости, не высказав ни слова осуждения. Хорошенький идеал, а? И все-таки — не могу от него отделиться. И никогда мне не удавалось осуществить его: на 10%, на 3, — на полпроцента, — не удавалось! Всегда у женщин, меня любивших и мне прощавших, был какой-то предел выносливости. Ах, если бы его не было, — хотя на секунду. Тогда я переродился бы. Я стал бы бесконечно добр и мягок, уступчив и заботлив. Я знал бы, что меня любят действительно, до дна, *больше всего на свете, не требуя* от меня ничего. Так, как мог любить Ворон. И тогда я дал бы все.

Но — никогда этого не было и не будет никогда.

Скверная натура, тяжелая натура, сама строящая ветряные мельницы, чтобы с ними сражаться.

Ну, — так. Зовут ужинать. До свиданья, Мария.

Целую Ваши руки.

Ваш...

[на листке следы клея, вероятно, от бывшей здесь прежде маленькой фотографии. — *Прим. публ.*]

Москва. 10/IV [19]24

Только что воротился с «Вечера современной поэзии», устроенного Союзом в зале консерватории. На афише значилось 64 имени в 15 группировках. Я помню несколько вечеров в Петербурге в зале городской думы: 2000 человек, — и ни один звук поэта голоса не пропадает: сам читал неоднократно. Здесь — непрерывный скандал: шум, свист, хохот. Внимательно прослушали только Веру Инбер¹¹ и меня. Не знаю: публика ли хамская, зал ли осквернен постоянно там звучащей музыкой, поэты ли с голосами и ужимками мидинеток виноваты, — но впечатление отвратительное. Всего возмутительней это а priori снисходительное отношение публики: «Послушаем, послушаем...» И заметьте: в прессе — в каждом № есть «театр и музыка», — а вопросам, да что вопросам! — хронике литературной редко-редко отводится восьмушка столбца. За 905-915 гг. публика и газеты научились, было, уважать «письменных людей»... Хотя, — за что уважать таких, как сегодня? К чорту! Гнусно!

Мария, какие есть в Питере журналы и издательства? Я везу с собой «Наля», «Доктора Гильотена», сборничек «Иней», б[ыть] мож[ет] (если закончу) «Великого маэстро» (драм[атические] сцены; главные персонажи — шахматисты). Так — стоит ли везти¹²? А ргорос: «Наля» из «Красной Нови» мне вернули; Воронский¹³ пришел в ужас: «Вы меня совсем зарезать хотите?!» Впрочем, тоже: к чорту!

В Москву приехала ростовская поэтесса Нина Грацианская: редкая красавица, «звезда гарема», — но не турецко-татарского, а — царя Саула; «душа моя мрачна!..» Ее брату я сказал: «Вы несчастнейший человек: Вам не на что надеяться». Он ответил: «Вам тоже»... Знаю, знаю; но я вообще уже ни на что не надеюсь: через три недели мне 30 лет, и я уже хочу только покоя, если не заупокоя.

И — знаете, чего мне не достает? — Хорошенькой дуэли; у меня была одна лет 11 назад, — замечательные ощущения! Но, к сожалению, бреттерства во мне нет: если человек под издевательством пятится, мне становится его жаль; а пятятся всегда: побаиваются почему-то меня. Смешно: побаиваются заранее. Помню, шел я и встретил у ворот мальченка лет 2-х; он воззрился на меня, поднял кулачки в уровень лица, затряс ими и таково жалобно заплакал. Должно быть мои брови напугали. Страшное слово у Гоголя: «и было у тебя, на поверку, только что чер-

ные брови»¹⁴. Когда-то я эти слова взял эпитафией для статьи о Брюсове; — не окончил... Как бы кто-нибудь не применил их ко мне. А?

Прервал письмо и несколько дней не мог к нему вернуться. За эти дни выступал еще в нескольких местах (посыпало!), — и все время гнусно; т.е. успех, аплодисменты, вызовы, — а сам знаешь, что хлопают тебе не люди, а млекопитающие, что ни черта они не смыслят, что, не будь у меня некоторой звучности голоса, сюртука в талию и умения скроить каменное лицо (школа Игоря!¹⁵) — «энтузиазм» был бы во сто раз меньше. Это свидетельствует, конечно, о высоте нашего искусства, но противно, что его «жрец» никак не может стать больше, чем дыромольем (знакомы с этой милой сектой?).

Как понравятся Вам сии строки из 2-й гл[авы] «Наля»:

Ведь привлекает женский взор
Сквозь балов блеск, сквозь рынков толочь
Всегда какая-нибудь сволочь:
Кавалергард, лакей, актер...

Ах, «Наль»! Все мои желчи, гнои и яды хочу в него выплюнуть, — чтобы начать четвертый десяток лет с пустой и от пустоты жадной до мира душой, — какой она была лет 15 назад. Горе горькое: раньше любая мелочь, — проходной, вызолотивший вечером, зажигающая спичку, свое лицо; зеркальный шкаф, несомый по улице; футлярик для мундштука, похожий на сафьянный гроб, — все было источником лирического переживания, все рождало стихотворение. В первом моем томе, в «Гонге»¹⁶ — 80 стих[отворен]ий, написанных в 2 года, но это не более 1/5 всего, что за эти 2 года написалось. А теперь и выбирать не из чего: одно стих[отворение] пишу в месяц, да то — слава Богу. До такой степени принизили, забили сором, затормошили душу подлые будни, вечная занятость, совершенно ненужная мне борьба с чужими душами и телами. «Дайте мне стол и квартиру, — и я поверну мир!», — и еще веселое чувство. Напишу «Наля», б[ыть] мож[ет], помолодею; хотя, ради Бога, не подумайте, что «Наль» — автобиография: как тот ученый немец у Шопенгауэра, — все создал «из глубины собственного духа».

Я часто думал, как обставлена Ваша комната? Если есть возможность лепить комнату по своему вкусу, то тем самым лепишь ее и по своему подобию и образу. У меня этой возможности никогда не было. А на днях я одной умной женщине прозектировал желанную мне комнату: очень светлая, почти квадратная, стены выкрашены белой клеевой краской (как и вся мебель, — как в боль-

ницах), легкий стол на крестовиках, стеклянный письменный прибор, картин и украшений нет, книги на решетчатых полках, задернутых парусиной, американский регистрационный шкаф для рукописей, строгий, жесткий диван, столик для шахмат, простая железная кровать, серое суконное одеяло; пол досчатый, светло-желтый, — пусто, просторно, бело, прямолинейно. Моя собеседница выслушала и сказала: «Врете». Я был аффрапирован: ни на полпальца не прилгнул. А мож[ет] быть сам того не знаю? Интересно мне, какую по-Вашему, должна была бы быть моя настоящая комната?

Скажите, у Вас бывают «вывихнутые мысли»: стоите Вы, примерно, с другом у остановки трамвая и, когда оный подходит, вдруг подумаете о друге: «А что, если столкнуть его под колеса, — что бы он подумал?» — и т.п. во всевозможных вариациях? И, если бывают, то как Вы после «мысли» относитесь к ее предмету, — так же как «до» или уже иначе? Мне очень интересно и важно это знать. В каждом, по-моему, сидит совершенно тебе неведомое существо, этаким квалифицированный солипсист, — и в этих «мыслях» показывает вдруг когти: «Я тут». Жутковато становится: и что, если он когда-нибудь не только когти покажет, но и весь вылезет? Напишите об этом непременно.

Помните, Вы обещали мне подарок, — а я запросил «мумию»¹⁷; Вы, кажется, немного обиделись, — нет? Но ничего не написали. Warum? А я, странно, прекрасно вижу Ваше лицо, цвет и выражение глаз, улыбку, форму зубов и т.д., — но совершенно не знаю, какая у Вас рука: мягкая, суровая, большая, маленькая и пр. С «мумией» же я, вероятно, угадал бы: есть у меня какое-то чутье. Хотите сделать опыт? Не хотите!..

Ну, так.

Во первых строках мово письма шлю Вам поклон и желаю здоровья, — здоровье дороже всего.

А еще во первых строках мово письма целую Ваши руки.

Егор Ежиков

Сокращение: СПб — Лрд?

1) «Мы, честные поэты, не могли не сказать Максус... и т.д.»

2) «Почему Вы в Москве не сказали Максус... и т.д.»

?! К барьеру!

Нет, нет, шучу. Дело в том, что учить Макса — бесполезно. Его сверстники уже разучились писать, он же не научился до сих пор, — до седых волос, подагры и Марьи Степановны¹⁸. Что же можно сделать со столь «закоростевшим» человеком? Ну, допустим, я втолкую ему, что пора перестать увечить природу, наделяя ее явления глухотой, слепотой, немотой; что «Русь гуляющая», после всякого страму, поступает нелогично, прося неведомо кого «не выдать ее на потеху лихим молодцам», бог весть откуда взявшимся¹⁹. Но ведь у него этаких прелестей — залежи, Авгиевы конюшни. А я «на» Геркулеса не обучался. Вы говорите, что в Коктебеле он «все это переварит». Ничего не переварит: нельзя травоядное кормить бифштексом; нельзя символиста и антропософа, учившегося по гнусным образцам Бодлера и Верхарна, заставить усвоить материалистическую формальную честность Пушкина и современности... Я и молчал.

Теперь об Игоре. Я знал его очень хорошо. Мы вместе совершили несколько поездок по России, были в Кутаисе и Баку, Таганроге и Одессе и т.д.; я подолгу гостил у него в Гатчине. Люблю его как человека, люблю его стихи, — совершенно неоцененные по достоинству. Посмотрите на тонкость его письма: в стих[отворении] «Клуб дам», — «краснокожий метал бумеранг»; казалось бы, этнографический lapsus; Брюсов так и понял, и попрекал Игора невежеством; но ведь рассказ ведется от лица «путешественницы», этакой Корсини, которая путает Гвинею и Гвиану; и «lapsus» вырастает в художественный прием, — тончайший! Если у Вас есть «Кубок»²⁰, я Вам покажу кое-что. Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал. Это был Алекс[андр] Раевский²¹, ставший стихотворцем; и все его стихи — сплошное издевательство над всеми и всем, и над собой. Вы знаете, что Игорь никогда (за редчайшими исключениями) ни с кем не говорил серьезно? Ему доставляло удовольствие пороть перед Венгеровым²² чушь и видеть, как тот корежится «от стыда за человека». Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьем, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника, — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нем с чувством презрения. Кажется, лишь меня, сумевшего понять некоторые глубоко таимые его мысли, он удостаивал искренней беседой. Вы спросите, где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам, — но очень думаю, что было не так: сначала он говорил со мною так же, как с другими (по отношению к другим ноты бесед менялись, но тембр оставался всегда тот же); потом изменился тембр. Теперешних его книг не знаю. Очень допускаю, что он измазался в мещанстве, — как Гоголь:

в «Переписке»²³. Об Игоре расскажу Вам многое. Беда его была в том, что он глубоко любил стерву.

Теперь об Ахматовой. В этот ее приезд в Москву был я ей представлен²⁴. Очень она постарела с тех пор, как я видел ее (16 г.). Понравилась мало. Мы ехали вместе из Политехнического музея, где был ее вечер, в Союз Писателей. Я тараторил, старался ей понравиться (она — вечно про себя что-то думающий человек — и хотелось это «что-то» выковырять), потом спросил, попадались ли ей мои последние книги. Она вдруг спрашивает: «А как, собственно, Ваша фамилия?» Я изумился, но тут же понял. Говорю: «Вот так вопрос; обращенный к ночному спутнику! А что, если я Вас повезу в заточение и слуплю с каждого Вашего читателя рупь выкупу?» — Она смеется: «Везите». Называю фамилию. — «А, я Вас хорошо знаю». В Союзе — фурор: приехал с Ахматовой! Уважение ко мне возросло, — и это меня так взбесило, что на просьбу одной дамы, содержащей литературный салон, привезти к ней Ахматову, — «с которой Вы в хороших отношениях» (!), отвечал: «Отношения не очень хорошие: она мне дала понять, что я кретин, шепелявый и преждевременный рамоли». Дама меня презирала и отошла; полегчало.

О дуэли. Вы не подумали на минутку, что я ломаюсь?.. Ну, это между прочим. «Дуэль — пережиток». Да! Я и не придаю ей значение чего-то, восстанавливающего «чз-эсть», «смывающего кровью обиду» (Вот, м[ежду] пр[очим], чувство, которого я лишен вовсе: никогда не «обижаюсь»; злиться могу, намерения обидеть не спущу, — но совершенно спокойно). Просто — в дуэли — особенная острота. Ведь не плох же «пережиток»: нагибаться в Коктебеле над пропастью, пока не закружится голова? И тут.

Хорошо всю жизнь заплавить
Как в кристалл, в гремящий миг.

При всем сообщаю, что всегда таскаю в кармане заряженный браунинг, что придает мне неоспоримое преимущество, хотя карманы протираются с такой быстротой, с какой кушает бегенец.

Что-то, Мария, Вы перестали в своих письмах говорить о Вашем настоящем (в смысле подлинности), все о вещах второстепенных: о Максе, о цыганке и пр. За ширму уходите? Меня это...*

* Последний лист письма отсутствует. — Публ.

Через 13 дней будет летнее солнцестояние; дни начнут убывать; лето покатится под горку; а у меня легкая инфлуэнца, и я зябну. А отъезд все откладывается. О, дьявол! отчего я теперь неспособен на решительный жест? Знаете, что мне хочется выкинуть? Я думал: предположим, я умру: скажут, хороня, что «хорошо умереть молодым», и все устроится без меня: и семья, и издательство, и кредиторы, и Институт; так почему бы не украсть паспорт, не положить старые штаны и портки где-нибудь на берегу, — дескать, утонул, купаясь, — и не драпануть (хорошее словечко?) куда-нибудь в Ленкорань, где начать совсем новую жизнь, писать стихи и печатать их под чужим именем, настроичить монографию о безвременно погибшем Шенгели и т.д.? Ведь из тюрьмы бежать не стыдно; почему стыдно бежать от жизни, ставшей тюрьмой? Но... праздные мечтания.

Сейчас вернулся из Академии²⁵, где Вяч. Иванов читал доклад «Пушкин и формальный метод». Стыдно было за старика: такую беспочвенную гиль нес. Прожил три года в Баку в качестве Нобеля и, *nobles oblige*, отстал, как породистая черепаха от гренадера. Я не выдержал и стал говорить, и, вскрыв штуки три противоречий и парочку неосведомленностей, старика избодил, за что мэнады изобьют меня тирсами и метнут меня так, как гоплиты метали копьё. Отчего настоящие символисты не чистят зубов? Неужели из подражания Прометею?

О смерти Лунца слышал²⁶; «жертва утрения»: у каждой литературной группы есть рано умерший сочлен: Веневитинов у пушкинцев, Надсон у восьмидесятников, Коневский у символистов, Игнатьев у северянцев, Лозинский у акмеистов, Божидар у футуристов, Фиолетов у южно-русской школы; теперь пришел черед серапионовцев. Я ничего не читал у Лунца; говорят, был талантлив.

Повидал Зайцева²⁷; не могу обрадовать Вас: до осени ничего определенного сказать о поэме не могут; он говорил, что получил от Вас письмо и что собирается Вам писать.

Послезавтра еду в Крым, в Балаклаву. Так что уж не пишите мне сюда; балаклавский адрес успею прислать до Вашего отъезда.

Милая Мария, ей Богу, я улыбался, читая Ваши слова, что «мордовать — не по-английски». Во-первых, я — православный. И, как известно, сам святой Микола, не будучи в состоянии убедить Ария, на Никейском, кажется, соборе, — заушил его. А потом — кто изобрел бокс? А потом, если были оценены по достоин-

ству мышцы и гибкость некоего лица, то доказать неоспоримое превосходство моих мышц, моих грифов и парадов, я могу — только измордовав. Если мне доведется это сделать, я — обещаю Вам — буду изящен, как лорд, и хладнокровен, как лорд же, мертвый... Не сердитесь.

13/VI. Письмо было прервано. С того дня произошли события. Я жил в другом месте. Брак мой окончен. Сегодня уезжаю в Севастополь. Оттуда пришлю адрес и напишу обстоятельно.

До встречи

Ваш Георгий

6

Севастополь, 23/VI [19]24

Милая Мария, пишу Вам наудачу в Коктебель. Уже больше недели, как я живу в уединении, без книг (для чтения), понемногу перевожу, понемногу скучаю, — и успокаиваюсь день за днем. Мне даже странно: неужели вся моя «надломленность» была следствием только домашней обстановки, отсутствия одиночества при полной почти одиночества. Что, собственно, изменилось? У меня появился письменный стол с аккуратно положенными блокнотами, тетрадями и пр., у меня тихая комната, мне не надо стало заботиться и беспокоиться о других, — и все? Творчески я еще не работаю, философия космической бессмыслицы осталась, бесы пола томят, м[ожет] б[ыть], больше, — потому что решительно не даю им воли; и при всем этом — душевное равновесие, спокойствие, какая-то универсальная дружелюбность. Немного же стоила эта «надломленность», чорт бы ее драл; даже досадно.

Но, если так, если женщина, один раз пойманная на лжи, два раза — на утайках, три раза на шептаньях с подругой, может всем этим отравить взрослому и не совсем же, все-таки, бессодержательному человеку несколько лет жизни, отравить до дна, развинтить ему нервы, сделать его подозрительным, грубым, лгущим, сделать его сыщиком и перлюстратором, — то никогда в жизни я не дам ничьему женскому обаянию развиваться в неуклонно налицистую возле меня и надо мной силу!

Долой изъязвительное наклонение (изъязвительное) и да здравствует повелительное и *surinim* — достигабельное!

А впрочем, заповедь сию я еще не изсекаю на скрижали: мое нынешнее состояние так для меня ново и удивительно, что я еще до конца не разобрался в себе.

Здесь меня приняли с удивительным радушием и теплотой: здешние актеры и художники, — помня мое заведование отделом искусств в 19-м году; моряки — за «Броненосец "Потемкин"»²⁸, который здесь ставили с огромным успехом. Меня катают на катерах, собираются писать портреты (бегу: ибо что за радость предстать цветovým пятном под кистью куйнджиниста или соцветием пестрых веснушек у пуантилиста?!), проигрывают мне в шахматы.

26/VI. Письмо это, уж не помню почему, прервал, — а сегодня получил Ваше, милая. Коротенькое оно и путаное, — но кусается прельбно. «Счастлив не буду никогда, будут опять трагедии»; «строим жизнь сами — и одинаково»; «деспот и ревнивец». Это все хинные истины, — но от них лихорадка усиливается; «знаю сам» — но как бы и не знаю, — а тут, когда говорит другой человек, да еще умный и чуткий, — выходит, как говаривал Женька Венский²⁹: последняя в жизни холодная закуска, — мордой об стол, — об истину. И подымается от стола окровавленная морда, расплюснутая (никакого, то-ись, профиля), и вопиет ко Господу: «Почто соделал еси тако? Почто ревнивцу и женобийце не дал еси того, что всякому, извините, поросенку отпущено в плепорцию: возможности любить радостно?» Ну и, конечно, Иван Федорович Карамазов, и «не приемлю», и пр. И все это невкусно, невкусно, чорт побори! Деспот — пожалуй, ревнивец — да, страшный, маниакальный, — но пассивный вполне; я уже говорил Вам: взгляд есть измена; так как выколоть глаза нельзя, — то нелогично беситься и при посещении объектом ревности номеров; единственная активность в моей ревности, — желание знать, знать все, до мельчайших подробностей. Осведомленность приносит муку, но отстраняет слепой и невыносимый гнев; утайка и ложь муки не устраняет, а гневом душит до синюхи. «Таков мой организм».

Нина³⁰... На днях я писал ей, прося приехать. Сегодня получил телеграмму: «Приеду в начале августа» (у нее сослали брата в Устьесыольск, и надо туда отправлять мать, помогать ей ликвидировать имущество и пр., отсюда — задержка). И сегодня же я уже раскаиваюсь в сделанном шаге (он не является, конечно, непоправимым: там мне простят все, даже запрет приехать, даже требование, через неделю по приезде, уехать назад): Нина слишком захвачена мной, а я слишком мал, чтобы заполнить целиком большую зияющую женскую душу. И — не знаю, видит Бог, не знаю, что лучше: сразу ли ей сказать «нет» и лишить ее воздуха, или дать ей на полгода, на год, на три что-то вроде счастья —

и потом только убить. Знаете, — старый жеманный спор: что лучше: ждать и не дожидаться, или иметь и потерять?

Самое лучшее, отвлеченно говоря, было бы прибегнуть к помощи моего старого друга, мистера Browning'a: он — малодушным, конечно, способом, но радикально — разрешает все противоречия. Вы недоуменно возьмете первый листок письма и пробежите начало: «Тю! а он говорил, что спокоен». Ох-ох; пасмурно сегодня.

Будя!

О какой Вырубовой Вам писать монографию? О фрейлине Распутина? Затем, что такое изливает Шкловский, что за ним хочется с тряпкой ходить? Я читывал его книги (кроме Сентиментального путешествия или как там его); на меня он производит впечатление скудоумного человека, особенно в брошюрке о Розанове³¹. Не сердитесь, Мариечка, на вольные слова, — но что-то во мне есть ушибленное: из всех «интересных людей» мне импонировал ясностью мысли и богатством ее только один: Влас Михайлович Дорошевич. Помните мою классификацию? Так он был именно умным умником, — а Белый, Розанов, Вяч. Иванов, Мережковский, — все это глупые умники, которые никак не могут понять какой-то (не знаю какой) очень простой вещи. Глухари на току: орут самозабвенно и сильно, а стрельбы не слышат, не слышат, как подбирается к «воплощенному Логосу» сквозь антропософские кустарники Кусиков³².

Напишите мне, кто и что в Коктебеле, дорого ли там жить.

Спасибо за последние строчки Вашего письма; я Вас тоже очень люблю и совсем по-особенному.

Ваш Георгий

7

Москва, 11/Х [19]24.

Умер Брюсов. Сегодня он еще лежит в зале Института, в сюртуке, узкоплечий, с запавшими глазами, сердитый и удивительно похожий на Плеханова. У тела почетный караул: писатели, профессора, госиздатовцы; я стоял два раза; во второй раз стало дурно: показалось (вероятно, тень от пролетевшей мухи черкнула), что он подмигнул мне; еле справился с собой. Вчера была грандиозная панихида; странно было: уяснилось, что все, говорившие *de mortuis bene**, — и Луначарский, и Коган, и я, — подвижны

* О мертвом хорошо (*лат.*)

довременным инстинктом угодливости перед мертвецом, чей дух может навредить «оттуда». Адалис³³ была у тела еще на квартире; я видел ее: застывшая. Вчера над гробом она, в числе других, прочитала одно брюсовское стих[отворе]ние; очень твердо, но прочтя, упала. Ее вынесли. Я потом сидел с нею, гладил ее по голове, успокаивал. Она сказала, между прочим: «Если умру, пусть Маруся издаст мои стихи, передайте ей эту просьбу». Говорила, что крайне мучительно чувствовать, как в сознании уже складываются стихи о происшедшем. Я беседовал с женой Брюсова. Она любопытную вещь рассказала. У Брюсова была старинная железная шкатулка с секретными замком, в которой хранились деньги и ценности. Открывать ее умел только он. Теперь, едва заболел, он позвал Жанну Матвеевну, велел принести шкатулку и показал Ж.М. секрет замка. Точно предчувствовал. Между прочим, Нина вчера два часа сидела с Адалис в Институте наедине; они как-то сдружились сразу, и Нина проведет у нее несколько дней после похорон. Когда я был у Брюсова дома, видел гроб, цветы, письменный стол, книги, портреты писателей, — всю эту обдуманную комнату, где восемь лет назад я впервые разговаривал с ним, — подумалось: никогда я не заведу постоянной оседлости, окончательного home: трудно будет думать, что вот здесь буду лежать, призрачный, с пузырьчиками пены между губ... Хорошо быть живым.

Рукавишников уверял, что после смерти свыше суток работает слуховой аппарат и что для умершего, на этот срок, вся вселенная превращается в звук: шарканье, шопоты, пенье. Брр... вот ужас, если действительно так.

Вчера принесли Ваше письмо; по-видимому, моего Вы еще не получили. Милая Мариечка, что мне сказать Вам, чтобы прибавить вокруг Вас озону? Только дело может выкристаллизовать те душевные хляби, в которых мы с Вами барахтаемся.

Странно: сейчас принесли второе Ваше письмо; Вы стараетесь, в параллель моему «озону», впрыснуть мне доппингу: «Вы молоды, жизнь впереди...» Ах, ах — все это вполне приложимо к Вам, и все это — не то. Ведь правда? Обо мне не тревожьтесь: я уже прихожу в равновесие, душевные каверны, не заживая, инкапсулируются в какие-то известковые стенки; Нина меня заставила глотать стрихнин, — очень хорошо, желудок и нервы, эта Мекка и Медина жизни, выправляются. О Юле³⁴ сумел не думать. За работу сяду. И — знаете — создается старый привкус: работать хочется вполне для себя, абсолютно не помышляя о печатании, об успехе и пр. Это гораздо лучше. И, детка милая, попробуйте и Вы. Тем — уйма. Ни о чем не заботясь, пишите, придумайте себя писать каждый день, так же регулярно, как обедаете.

Пишете письма и просите прощения? — пишете это стихами. Думаете о револьвере? — думайте на бумаге, стихами. Ей Богу, будет неплохо. Напишите цикл философских стихов — о Боге, о мире, о роде, о целях, о причинах, о пространстве, — выудите из себя и приведите в систему клоки мирозерцания. Честное слово, наша тоска — от отсутствия резких граней. Касты с их авторитарными нормами были мудрейшей штукой. И я думаю, что надо над собой совершить некую мозговую операцию и, похерив критицизм, точно установить, не заботясь об обоснованности, сколько надо платить врачу и сколько иметь любовниц, и с какой цифры сумма камней становится кучей, и все проч. И занятно обо всем таком написать, написать, написать!

13/X. Вчера похоронили Брюсова. Сейчас утро. Адалис ночевала у нас; говорит о самоубийстве, о некрофилии, о том, что Бр[юсову] скучно в могиле, и что она, Адалис, разроет могилу, ляжет рядом и укроется шубой. Замучила вконец. Написала предсмертные записки и, запечатав в конверт, дала мне хранить до ее смерти и проч.

Я в какой-то мере становлюсь наследником Брюсова: в энциклопедии, издаваемой Госиздатом, мне придется писать статьи по стиховедению; все преподавание стиха в Институте переходит ко мне, и проч. В связи с этим меня не покидает странное чувство: мне давно говорили о каком-то сходстве, внутреннем, между мной и Бр[юсовым]; я перешиб у него Верхарна; я нес его гроб; — какая-то связанность жизней.

Милая, нежная, пишете; я очень люблю Вас; целую Ваши глаза.

Георгий

8

[Открытка] Москва, 17/X [19]24

Получил Вашу открытку, Мария. Об Адалис не тревожьтесь; она живет у нас, уже была на службе, ораторствует, путает, декламирует и забыла и думать о всяких самоубийствах, разрытиях могил и пр. Знаете, она не человек, а фантом; тяжело с ней. Завтра она переселяется к себе и к ней переезжает подруга Нины — Лада Руставели. У Адалис с ними обеими тесная дружба, уже «ты» и пр. В Питер она приехать не может. Ваши письма она получила.

Всего лучшего, пишете.

Ваш Г.Шенгели

Москва, 22/Х [19]24

Милая, как всегда угадал, что дома меня ждет Ваше письмо. Сегодня я до зарезу занят, — поэтому пишу лишь записку: настоящее письмо напишу завтра-послезавтра. Вот пришедшие в голову варианты Вашей неподатливой строки:

И спалит нас пламень грубый...
И запоют пастушеские трубы...
И жертвенные пытки будут любы...

Или первой строки:

Как не вошла к другому ни к кому бы...

Адалис уже покинула нас. Если она — «Моцартенок», то я вполне понимаю Сальери.

Насчет журнала — трудно³⁵; и вот, кажется мы (местком) достаем денег и будем печатать крошечные брошюры по 16 стр. — стихи; тогда и Вы не откажете слепить пару таких и, быть мож[ет], возьмете на себя представительство в Питере (за мзду, — но, увы, маленькую)?

Денежные дела у меня фатально плохи: всюду задержки и неудачи.

Написал «стишок», — вот:

Тяжелый серебряный креповый свет
От крепом затянутых накрепко ламп;
В дубовом гробу костенеет поэт,
И костью над гробом ломается ямб.
Как странно звучит панихида стихам,
Как странно и стих в панихиде звучит:
Кость мышцы летучей, разрыв и разлом,
Крошится о крестик, нашитый на щит.
О магия слова! Игрушки ночей!
Вот скулы камфарные вдвинуты в гроб.
А ну-ка, попробуй, под крепом лучей
С крахмальной подушки поднять этот лоб.
Кружатся летучею мышью слова
Под креповым светом затянутых ламп;
Крошится мышиною косточкой ямб;
В гробу — парафиновая голова.

Как Вам понравится? — напишите непременно.
Всего хорошего, милая.

Георгий

Mea culpa, mea maxima culpa!.. Но только совсем не то и не так: «с глаз долой и вон из сердца». Ей богу же, нет: и думал о Вас, и снились Вы мне два раза; но за все это время у меня ни разу не было свободного утра и спокойного вечера, — так, чтобы можно было два часа подумать, что-то рассортировать и написать. А часам к 12 — я уже глаз не могу разлепить. Дело в том, что у меня дикое безденежье, ничего похожего я не испытывал за последние три года; нигде не платят; и мне приходится рыскать по городу и редакциям и по-мандельштамовски выкручиваться. Это нервирует страшно. Затем, так повелось, что ко мне стало шляться много народу; один Зубакин сидит целыми днями. Затем, лекции, 4 раза в неделю; два раза обязательные заседания, — во общем, отвратительная сутолока. А Вам я не люблю и не хочу писать на лету, чтобы только написать. Поэтому, милая, не гневайтесь на меня, или хоть гневайтесь, но не думайте насчет «глаз» и «сердца»; это уж вовсе неверно. Ну? Помирились?

Странный у меня был день. Читал я лекцию, и вдруг, ничуть не отразившись на гладкости речи, меня охватило необычайно отчетливое ощущение того, что меня ведут на расстрел. Вот-вот-вот... вот сейчас... вот сейчас. Ощущение было крайне острым и отвратительным, до физической тошноты. Потом я никак не мог отделаться от воспоминания о нем. Порой казалось, что все окружающее вовсе нереально. В этот день Нина должна была ночевать у своей дочки, и я с ужасом думал, что придется провести ночь одному; я боялся; боялся галлюцинации, боялся, что меня арестуют, — хотя никаких оснований к последнему нет, — и наконец постыдно просил одного знакомого переночевать у меня. Самое любопытное было то, что Зубакин, с которым я увиделся в тот вечер, уже после «ощущения» воззрился на меня и вдруг пожелал поглядеть на ладонь, объяснив, что, по его мнению, мне сегодня должна грозить большая опасность. Ладонь его успокоила: опасность пододвинется вплотную через 13 лет. Странная история; семи-восьмичасовое сумасшествие, мания преследования.

У этой истории было некоторое косвенное продолжение. Дня через четыре, глубокой ночью, мы проснулись от стука в дверь. Оказалось, что стучались в смежную комнату, где живет студент-коммунист; стучал комендант общежития³⁶, сопровождаемый несколькими лицами. Мы решили, что это обыск, что соседа берут

понятым, и что обыск у нас. Мы ошиблись: обыскали и арестовали именно этого студента; но в первые десять минут я был уверен в ином, учитывая свои те предчувствия. И вот тут — я не взволновался ни на миг: оделся, дал Нине ряд указаний — о деньгах, об образе действий и спокойно ждал, как ждут очереди в парикмахерской. Молодец мальчик!

С издательством нашим до сих пор ничего определенного. Госиздат, обещавший нам субсидию, тянет мертвого кота за хвост и никак не может выдать 500 р. Насчет антологии в «Нов[ой] Москве» слышал, даже получил оттуда анкету с био-библиографическими вопросами; на днях снесу ее туда и спрошу о Вас; только там не платят: антология-с³⁷! В антологию же, вышедшую в Питере, я ничего не дал: не верилось в серьезность дела и лень было переписывать. Так что быть нам с Вами рядом пока только в «России»³⁸. Ваша характеристика моего стих[отворения] о Брюсове меня взбесила! Не оценка, а именно характеристика. Пастернак! У меня! Да пусть он умоется прежде! Умоется в слезах Адалис.

Кстати, последняя... Она сегодня ночевала у нас и находится в страшной ажитации. Шервинский получил театр; этот театр будет гениальным, блистательным, лучшим театром в мире и, во всяком случае, на своей улице³⁹. Пока что она пришла в восторг от моей шуточной пьески «Месть Калиостро», написанной 5 лет назад для одного театрала в Одессе, взяла у меня рукопись, будет играть героиню и пр. Предлагала мне вместе писать пьесу; я благоразумно уклонился.

Юлю не видел очень давно, ничего о ней не знаю; не хватает ее мне *страшно*. *Ее портрет над моим столом становится все живее и живее**; а без портрета я с трудом ее представляю; помню только некоторые сцены. Я десять лет был идиотом и слишком верил в самого себя. Вместо того, чтобы оберегать доверчивую и преданную девочку от одиночества, от скуки, от себя самого, раздражительного и властного, я писал сонеты, пропади они пропадом. Стараюсь не думать и очень боюсь одиночества: наедине с собой не думать и не мучиться нельзя.

Ходят слухи, что наш институт с нового года будет переведен в Питер. Я был бы бесконечно рад! Попасть из кацапской Москвы в культурную обстановку, в просторные квартиры, к телефонам, к библиотекам, где можно работать; видаться с Вами. Молитесь тени Брюсова, чтобы это сбылось. Мы как-то думали,

* Подчеркнуто фиолетовыми чернилами, тогда как письмо написано светлыми (Прим. публ.)

что Брюсов делает на том свете, и решили, что в первую очередь он побежал знакомиться с Пушкиным, а тот ему: «А зачем ты, брат, "Египетские ночи" прикончил?» А? Нехорошо так трепать языком?

Сидит у меня гвоздем в голове одна мысль: хочется написать философическую работу «о поэтской гносеологии».

Москва, 15/XI [19]24

Милая Мария, дальше Вы найдете лист письма, которое я писал Вам несколько дней назад⁴⁰. На этом листе несколько строк подчеркнуто, их подчеркнула Нина в те несколько минут, когда я вышел из комнаты, подчеркнула, чтобы я мог понять ее записку, брошенную тут же и состоявшую из одного слова: «Прощай». Мне удалось удержать Нину, объяснить ей, что она не так перетолковала подчеркнутые строки, и в течение последующей недели успокоить ее. Последнее было очень нелегко и потребовало от меня большой траты душевных сил, — и я только теперь смог взяться за новое письмо Вам. Не судите Нину слишком строго: бедная девочка так измучилась за последние месяцы всякими подозрениями, что ей трудно было устоять перед возможностью узнать то, что я, скрывая от нее, быть может, открыто говорю Вам, своему другу.

Перемен у меня никаких. Безденежье облегчается: в Институте прибавили жалованья (72 рубля-с!). Много лекций, много заседаний; написал неплохое стихотворение. С издательством нашим дело не двигается. Завтра устраиваем «грандиозный вечер» в Университете; б[ыть] мож[ет], от него что-нибудь очистится на издательство. По Вашему делу иду к Винаверу⁴¹ в понедельник. Душевное состояние сносно; какая-то белая, как свет снежным утром, успокоенность, без-радостная; но в общем ничего. Физически — неважно: скоро утомляюсь при всякой работе; довольно часты головокружения. Весны жду жарче, чем жалованья, и — сдается — не увижу; когда выпал первый снег, я ревел у себя, как щенок, от предчувствия, что зеленой земли не видать мне.

Был у меня наездом из Питера Векшинский⁴², ночевал. Впечатление от Нины, кажется, у него осталось неважное, что меня очень злит; виновата, конечно, Адалис, которая тоже в этот день ночевала и создала совершенно невыносимый каботинный тон, втянувший и меня, и Нину.

В четверг был в салоне m-те Зельдович; было весело. Устроили суд над Зубакиным, обвинявшимся в том, что съел все буттерброды. Один врач был прокурором, я — защитником. Публика каталась и визжала от хохота. Главным пунктом моей защиты было наличие в комнате безхвостого котенка, хвост которого, как я утверждал, послужил основой для буттербродов, и, следовательно, жалкий кретин (и Зубакин великолепно изображал такового) был просто заманен в буттербродо-притон с целью дискредитирования богословских учений. Суд признал его виновным и приговорил к отъеданию 3000 хвостов у кошек, но, принимая во внимание его девственность, — заменил кошек котами.

Вот мои «дела и дни».

А что Вы, моя родная? Ошибаюсь я или нет: в Вашем последнем письме мне почудился некоторый холодок? Если да, — то: не надо! Мне так дорого, что есть на свете фендрик, которому все можно сказать, и который — его же слова, — «ничего никогда не потребует».

«Если любовь каленá в огне,
Если выкован долг в аду, —
То лишь в ветре соленом, в ходкой волне
Я дыхание дружбы найду».

Дружба хороша своей полной взаимной [зачеркн.: свадб] свободой (любопытная описка, а ну — Фрейд?); в чувстве дружбы — то же, что в эстетическом созерцании: незаинтересованная заинтересованность то же, что в эстетическом объекте: бесцельная целесообразность. Не сердитесь же на меня ни за что. Буду ждать письма. А это кончаю словами, которых давно не видел в Ваших письмах: целую Ваши глаза.

Ваш Георгий

На следу[ющей] странице стихи; Ваше мнение?⁴³

12

16/II [19]25

Маричка, милая — здравствуйте! В Москве тепло, в Москве тает, вчера я провалился в Язу под лед, — жаль, что на мелком месте, — товарищ мой с Кубани пишет, что возле него лужок — весь голубой от фиалок, — а по-прежнему все неладно, тяжело, по-прежнему (по Гиппиус):

...Я волей круг мой сузил
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел⁴⁴

И если бы не вы, синеглазый дружок мой, совсем было бы плохо. А так, — хоть я и виноват перед Вами, и пишу редко, — а все-таки потаенно где-то — радость: есть человек, который тебя как-то любит и который ничего от тебя не хочет. Все другие — хотят, требуют, — то активно, то пассивно, — внимания, любви, верности, благородства, работы, исполнения гражданского долга и пр., — духота! Авзоний был прав, воспевая «золотую лень дружбы». А, мож[ет] быть, не Авзоний, а Гораций, — забыл. В одной средневековой книжке (я читал выдержку) есть такой рецепт: «Возьми чистый алебастровый фиал, наполни его лучшим елеем, и пусть друг твой впустит в него каплю своей крови; и где бы ни был друг твой, — фиал будет нежно светиться, и капелька будет мерцать в нем, как огонек лампы; и если друг твой заболевает, — огонек померкнет, а если умрет, — то совсем погаснет лампада; так сердце сердцу подает весть через кровь». — Правда, хорошо? Жаль, что нельзя приготовить такую лампаду: вместо елея в наш производственный век продают олифу.

Написал пару стихотворений. Шлю Вам, — хотя, наверно, не понравится.

Жажду уехать за границу, — но ничего не могу делать для осуществления сего. За Верхарна сесть не могу, — а со сказками, вероятно, ничего не выйдет: в Госиздате не приняли (антропоморфизм: у капли есть голова, и она разговаривает, — а этим идиотам, очевидно, нужен зооморфизм, по их образу и подобию), Мандельштам⁴⁵, которому я послал ее же, — ничего не пишет. Б[ыть] м[ожет], Вы спросили бы у него по телефону, как обстоит дело: есть надежда? Замятину передайте, что эпиграмму он может печатать, но непременно с указанием автора: пусть Абрам чувствует, где таилась погибель его⁴⁶.

Ну, — приедете ли на масляной в Москву? Хорошо было бы. Я показал бы Вам сделанный мной по памяти портрет гиппопотамицы, сыскную собаку, которая лает по приказанию, и ее владельца, моего нового приятеля, соловьевца и аскета — очень умного и интересного человека. Но все вздор: просто приезжайте.

Целую Ваши умные синие глаза.

Георгий

Маричка, я дьявольски обрадовался, получив В[ашу] открытку. Значит, через 4 дня мы увидимся. Лихо! У меня гостит мой

знакомый Багрицкий⁴⁷, влюбленный в Ваши стихи и жаждущий познакомиться.

Адрес Нарбута: Александровская ул., 8, кв. 18, или ЦК РКП, Отдел Печати. У него есть от первого брака сын, живущий не с ним; детей, насколько знаю, он не любит. Зовут его Влад[имир] Иванович⁴⁸.

Ну — жду, жду. Сейчас работаю, — получил заказ на учебник⁴⁹; с деньгами стало легче. Ах, если б знать, с каким поездом Вы приезжаете.

Ваш Г.Ш.

14

31/III [19]25, Москва

Нет, Маричка, со мной ничего не случилось, — если под этим разуместь какое-нибудь событие, перелом, «сюжетный сдвиг». Просто я понемножку тону, все глубже ухожу под воду и, естественно, все глуше делаются голоса с берега или с островка, а моего голоса, конечно, не слышно. Что случилось? — ничего; только жизнь ушла. Работать я уже не могу: книга моя не подвинулась и на лист со дня Вашего отъезда; усаживаясь за нее, я с таким трудом выдавливаю из головы мысли, как будто выжимаю угри у гиппопотама. А если книга не будет кончена в срок, значит придется большую часть гонорара употребить на уплату долгов, которые уже накапливаются, тогда дубок — тью-тью, лето погибнет, а с ним погибну и я, так как дольше жить в Москве я не могу, а главное — не хочу! И уйду из жизни. Если же не удалось уйти Александром, — уйду Геростратом, чтоб помнили раба Божия Георгия... Стихов не пишу: незачем, да и о чем? Безденежье свирепое. 80-90 р. Юле при 100 р. жалованья и семье из 3-х человек. Начал было работать «На вахте»⁵², — но там столь возмутительные теперь ставки и столь гнусное со стороны конторы отношение к сотрудникам, что я поругался через два дня. И плюнул. Нина все время больна, лежит, t° 38-39; кровохарканье, почки, что-то женское; врач предписал «покой» и «диету», это в Москве-то при примусе и настойке на голубином помете, именуемой молоком. Вот мой *interieur*.

Ну? И теперь сердитесь?

Вас я очень люблю, милая, больше, чем Вы думаете, и с Вами бываю также гораздо чаще, чем Вам может показаться по моему молчанию. Вы часто снитесь мне такой же доверчивой, как тогда у С.А. Толстой.

И меня опечалило Ваше сообщение об С.⁵¹ Ведь у него же одутловатые стихи и плохие щеки, и он фатально ни того ни другого не [зачеркн.: понимает] замечает. И завидно, что в Петербурге так можно чувствовать весну; в Москве она столь неуловима, что только необходимость чаще менять носовые платки говорит об ее приходе. Пишите мне подробно, льдинка.

О делах моих сначала: не позвоните ли Вы Слонимскому⁵² о моем гонораре, пора! Ведь три месяца прошло. Он должен за 2 или 3 стих[отворения] для «Ленинграда», руб. 25-30, и за поэму о Пушкине (персидская) для «Ковша» — вторую половину гонорара, кажется, около 35 р.

Теперь об Ахматовой. Я звонил жене Брюсова; она говорит, что письма есть, но в еще неразобранных папках; она охотно даст скопировать что нужно и так далее, — но просит несколько обождать; но я думаю, что если А.А. сама ей напишет и поднажмет, поторопит, то можно будет взяться за работу не откладывая. Насчет книги Вагинова⁵³ (к слову — прескверная книга, похожая на того фармацевта, который «любил пишность») завтра буду докладывать правлению. Маленькая беда в том, что надо платить в Главлит за просмотр — рубля 3-4, а касса Союза арестована, и у нас нет ни гроша. Ну, да как-нибудь уладим.

Между прочим повелеваю секретарю Вашего правления прислать выписку из протокола, где было постановлено о том, что московский билет недеятелен в Петербурге и наши члены должны вновь проходить приемочную комиссию.

Вот, Мариечка. До свиданья, — надеюсь все-таки. Нежно Вас целую и люблю.

Георгий

15

Москва, 19/III [19]32

Вероятно, не менее 5 лет прошло со времени переписки двух фендриков. Помните петровский указ: «Разгонять фухтелями, понеже что фендрик фендрику может сказать умного?» Ну и разогнали. Кто? Аллах ведает: «обстоятельства». И — вот как после долгой паузы за стихи — с трудом, туго садишься за почтовую (гм-гм)⁵⁴ бумагу.

Через три дня исполняется десять лет с момента переезда в Москву, — будь проклят день, когда я решился на этот переезд. Десять лет, почти совершенно бесплодных — ни одной настоящей

работы, жалкая пачечка стихотворений, ведро валерьяновых капель, веронал, неврастеническая тоска, — по морю, по солнцу, по свободе, по хорошему мужскому разговору и пр., и пр., и пр.

Когда думаю: была ли у меня вообще воля (верил: была), подхожу к решению, что не было ее: был терпеж. Терпежом сделал «Трактат»⁵⁵, Верхарна и проч., — вещи изолированные, мои, ночные, не касавшиеся людей. А все, что касалось сих земнородных, делалось не по-моему, а по их. Стыдно сказать, но только на 35[-м] году жизни сообразил, что можно в человеческих отношениях вести «политику», применять «облическое движение» (военный термин; по-человечески: заходить со спины) и чего-то (безрадостно!) добиваться. Ну, — а когда сообразил, стало от-вратно, и понял еще: поздно, ослабела Изабелла, кишка тонка, укатали Сивку, был конь, да изъездился, гайка отвинтилась, далеко кулику, дорого яичко, и проч. До чего ж много в русском языке пораженческих метафор!

И еще: каждую ночь вижу сны, но прочнейше их утром забываю. Знаю твердо: снилось; что — неизвестно. Нехороший знак, да? Что-то глубоко и натуго загнано.

Вот. Когда садился за письмо, казалось: десять страниц накатаю; хватит, о чем (или в чем?) исповедоваться. А выговорил-ся уже на странице: тоска — она бессодержательная.

Ну, — может быть, напишете? Я сейчас редактирую журнал «Коммунальное хозяйство», и у меня там тихий, вполне мой кабинет. Письма я предпочитаю получать там. Театральный проезд, 3, 4[-й] подъезд, комн. 24, редакция.

Георгий

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шенгели принадлежит перевод полного собрания поэм Э.Верхарна (Верхарн Э. Полное собрание поэм в переводах Георгия Шенгели. М., 1922-1923. Вышли тома II, III, V и VI). Брюсов издал 4-м, переработанным и дополненным изданием, свой перевод поэм Верхарна одновременно с Шенгели (Пб.; М., 1923).

² Возможно, имеется в виду переводчица Мария Аркадьевна *Зельдович*.

³ *Рукавишников* Иван Сергеевич (1877-1930) — поэт. Заведовал в Москве Дворцом Искусств.

⁴ И Шенгели, и поэт В.А. Пяст (1886-1940) всерьез увлекались шахматами и были довольно сильными игроками.

⁵ *Зубакин* Борис Михайлович (1894-1937?) — поэт-импровизатор, мистик, «духовидец», восстановивший в советской России орден розенкрейцеров. Репрессирован, расстрелян (сообщено А.Л. Никитиным). Колоритная фигура поэтической Москвы 1920-х годов. См. о нем в первой серии статей А.Л. Никитина «Тамплиеры в Москве» (Наука и религия. 1993. №4/5), а также предисловие А.И. Немировского к публикации писем Зубакина к А.М. Горькому (Новый мир. 1992. №7) и «Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской» (Минувшее. Указ. изд. Вып.13. С.344).

⁶ Каламбур связан с названием сборника стихотворений Шенгели «Раковина» (1922).

⁷ В годы гражданской войны Шенгели по подложному паспорту жил на территории, занятой войсками Деникина, в Севастополе, Одессе, Керчи. События этого времени описаны им в автобиографическом романе-хронике «Черный погон».

⁸ Имеется в виду 50-летний юбилей В.Я. Брюсова. Ср. дневниковую запись Е.П. Херсонской от 17 декабря 1923:

«Юбилей Брюсова в Большом театре. Был домашний перед тем. Оба фальшивы. Однако я и не знала, что он так много написал. И многие ли знали и будут знать?

В нем много от искусства и мало от любви к людям.

Фальшив, потому что революцию мыслит, как интересный эпизод, развертывающийся в роман-приключение» (Ф.2740. Оп.1. Ед.хр.296. Л.34).

⁹ Имеются в виду статья Брюсова «Верхарн на Прокрустовом ложе» (Печать и революция. 1923. №3), статья Шенгели «Валерий Брюсов между двух стульев» (Печать и революция. 1923. №6) и помещенный там же ответ Брюсова Георгию Шенгели.

¹⁰ *Макс* — поэт Максимилиан Александрович Волошин (1877-1932).

¹¹ *Инбер* Вера Михайловна (1890-1972) — поэтесса.

¹² Перечислены оставшиеся неизданными произведения Шенгели: поэма «*Наль*», драматическая поэма «*Доктор Гиллотен*» и др.

¹³ *Воронский* Александр Константинович (1884-1937) — критик, мемуарист. Редактировал журнал «Красная новь» с 1921 по 1927, когда был в первый раз арестован и сослан по обвинению в троцкизме.

¹⁴ Имеется в виду место из «Мертвых душ», где говорится о похоронах губернатора города N.: «а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови».

¹⁵ *Игорь* Северянин (Игорь Васильевич Лотарев; 1887-1941) — поэт. В 1916-1917 Шенгели принимал участие в гастрольных турне Северянина

по югу России, выступал с докладами на его «поэзо-вечерах». См. о Северяnine подробнее в письме 4. Отрывок из этого письма (без упоминания адресата) был опубликован Е.Б. Коркиной в статье «Г.А. Шенгели о Игоре Северяnine» (Указ. изд. С.91).

¹⁶ Первая книга стихов Шенгели — «Розы с кладбища» (1914); «Гонг» (1916) — его 4-й стихотворный сборник.

¹⁷ В письме от 5 января 1924 Шенгели писал:

Спасибо за желание сделать мне подарок, — но, если можно выбирать, то ни кольцо, ни булавка не заменили бы мне «мумии» — ? — Кольцо, булавка, подстаканник, чернильница — мертвые вещи; лента, побывавшая на шее, прядь волос и пр. конденсируют в себе излучения всего организма, — и живут очень долго. Подобные вещи называются «мумиями» — не знаю, почему.

¹⁸ Заболоцкая *Мария Степановна* (1887-1976) — вторая жена М.А. Волошина.

¹⁹ Имеется в виду стихотворение Волошина «Русь гуляющая», напечатанное в журнале «Россия» (1924. №2).

²⁰ Речь идет о сборнике Игора Северянина «Громокипящий кубок» (1913).

²¹ *Раевский* Александр Николаевич (1795-1868) — друг юности Пушкина, с которым тот общался на Кавказе, в Крыму, Каменке и Одессе в начале 1820-х. Сильно влиял на поэта скептическим и саркастическим складом ума. Черты Раевского отразились в стихотворениях Пушкина «Демон», «Коварность» и др.

²² *Венгеров* Семен Афанасьевич (1855-1920) — историк литературы, библиограф.

²³ Имеется в виду книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

²⁴ Эта встреча отразилась в написанном в эвакуации в октябре 1943 стихотворении Шенгели «Анне Ахматовой» (Ново-Басманная, 19. С.144-146).

²⁵ Имеется в виду Российская (впоследствии Государственная) академия художественных наук.

²⁶ *Луц* Лев Натанович (1901-1924) — писатель, участник группы «Серапионовы братья». Умер в санатории в Германии от неизлечимой болезни.

²⁷ *Зайцев* Петр Никанорович (1889-1970) — поэт и прозаик, член правления Всероссийского союза писателей. В 1922-1924 работал секретарем издательства «Недра». См.: А.Белый и П.Н. Зайцев. Переписка / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее. Указ. изд. Вып.13. С.215-292.

²⁸ «Броненосец "Потемкин"» — драматическая поэма Шенгели.

²⁹ *Венский Евгений* (наст. имя и фамилия Пяткин Евгений Осипович; 1884-1943) — поэт-сатирик, фельетонист. В годы гражданской войны находился на юге России, помещал фельетоны в белогвардейской печати, возможно, знакомство с Шенгели относится к этому времени. Впоследствии Венский сотрудничал в советских сатирических журналах («Смеяч», «Бегемот», «Крокодил»). Репрессирован, погиб в лагере.

³⁰ Манухина *Нина* Леонтьевна (1893-1980) — поэтесса и переводчица, член кружка «Литературный особняк», вторая жена Шенгели.

³¹ Имеется в виду брошюра В.Б.Шкловского «Розанов. Из книги "Сюжет как явление стиля"» (Пг.: ОПОЯЗ, 1921).

³² Здесь, вероятно, имеется в виду ставшая известной в литературных кругах история ухода в берлинской эмиграции к поэту-имажинисту *А.Б. Кусикову* Аси Тургеневой — жены Андрея Белого и его бывшей сподвижницы по увлечению антропософией. Этот уход стал причиной глубокого душевного потрясения и депрессии Белого и вызвал его поспешный отъезд из Германии в СССР.

³³ *Адалис* (наст. фамилия Ефрон) Аделина (Айя) Ефимовна (1900-1969) — поэтесса, последнее любовное увлечение Брюсова, подруга М.М. Шкапской. См.: Письма А.Е. Адалис М.М. Шкапской. Указ. изд. С.316-351.

³⁴ *Юля* — первая жена Шенгели, с которой он незадолго до этого разошелся. В письме от 16 июня 1924 из Севастополя Шенгели писал Шкапской:

С Юлей мы разошлись. Собственно, не произошло ничего такого, что не происходило бы и раньше. Я убедился с полной отчетливостью, что Юля мои интересы, мой труд, мое здоровье с легчайшим сердцем приносит в жертву своим подругам и, дабы провести с ними время в Коктебеле, хладнокровно создает такую денежную обстановку, при которой мой отдых (и не от работы, а от Москвы, от дряг, от тягот), совершенно необходимый мне, — готов полететь к чорту. Я не буду детализировать перед Вами эту грязь, ложь, шептанье и пр. Эту мою убежденность я высказал Юле 10-го числа; произошла дикая сцена, в результате которой у меня прокушена рука (вот, пожалуй: «новое»), и я ушел.

В подборке стихов Шенгели, опубликованной В.Перельмутером, есть стихотворение «Как владимирская вишня...» (1953) с посвящением Ю.И.С., по всей видимости, относящееся к первой жене Шенгели (Перельмутер В. Приговоренный к забвению. Указ. изд. С.147-148).

³⁵ В архиве Г.А. Шенгели сохранилось письмо от 15 февраля 1923 за подписями его, Л.П. Гроссмана и И.А. Новикова в Главное управление по делам печати о разрешении издавать журнал «Ямб». 28 августа 1923 Шенгели писал Шкапской:

На днях выходит первый № моего «Ямба», в котором есть рецензия о «Кровь-руде» [стихотворный сборник Шкапской. — С. Ш.], в коей наряду с «удовольствиями» наличествуют и по-бранки; рецензия эта принадлежит не мне. Вы не отказали бы прислать мне для второго № стих[отворе]ние? Платим червонный четвертак, но под рукопись, по нищете нашей, выдаем лишь половину; остальное — по выходе.

Однако журнал так и не вышел в свет.

³⁶ Разойдясь с первой женой, Шенгели получил комнату в общежитии Московского Высшего литературно-художественного (или Брюсовского) института: Борисоглебский переулок, 15. Он так описывал свое новое жилище в письме Шкапской от 4 сентября 1924; «...три окна, широкий вид, купол Христа-Спасителя золотится, — самой глубокой ночью».

³⁷ Имеется в виду издание «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней» (М.: «Новая Москва», 1925), подготовленное И.С. Ежовым и Е.И. Шамуриным.

³⁸ Имеется в виду помещенный на обложке список сотрудников журнала «Россия», где в разделе «Художественная проза и поэзия» имена Г.Шенгели и М.Шкапской стояли рядом.

³⁹ Этот проект остался неосуществленным: С.В. Шервинский много и плодотворно работал в области театра, сотрудничал со многими режиссерами, но своего театра не получил.

⁴⁰ Письмо №10 настоящей публикации.

⁴¹ Возможно, имеется в виду адвокат Михаил Львович *Винавер*, заместитель Е.П. Пешковой по Политическому Красному Кресту. Тогда поручение к нему могло быть связано с арестом кого-либо из близких М.М. Шкапской.

⁴² *Векшинский* Сергей Аркадьевич, инженер, друг Шенгели и знакомый мужа Шкапской Глеба Орестовича.

⁴³ Упомянутая страница письма со стихами отсутствует.

⁴⁴ Из стихотворения З.Н. Гиппиус «Узел» (1905).

⁴⁵ *Мандельштам* Евгений Эмильевич (1898-1979), младший брат О.Э. Мандельштама, заведующий финансовой частью Ленинградского отделения Московского общества драматургов и композиторов (МОДПиК). О какой сказке Шенгели идет речь, нам неизвестно.

⁴⁶ Имеется в виду *эпиграмма* Шенгели на автора вышедших в 1922 «Эротических сонетов» А.М. Эфроса:

Эван, эвое! Кончился полет,
И вот, среди сконфуженных поэтов,
Крылами плещется Абрам Эрот,
Создатель эфротических сонетов.

Е.И. Замятин, вероятно, предполагал напечатать ее в журнале «Русский современник», в редактировании которого он принимал участие, но издание было прекращено на 4-м номере, и в 1925 году журнал не выходил.

⁴⁷ *Багрицкий* (наст. фам. Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895-1934) — поэт.

⁴⁸ *Нарбут Владимир Иванович* (1888-1944?) — поэт. Возглавлял издательство «Земля и фабрика». Репрессирован, погиб в лагере.

⁴⁹ Имеется в виду пособие для рабселькоров «Как писать статьи, стихи и рассказы» (М.: «Правда»: «Беднота», 1926), выдержавшее к 1930 году семь изданий. Этот «учебник», на одном из изданий которого Шенгели был обозначен как доцент 1-го МГУ и профессор Симферопольского пединститута, стал причиной язвительного выпада в стихотворении «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»:

...молотобойцев
анапестам
учит
профессор Шенгели.

Тут
не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
в шинке ли? —

на который, а также на другие инвективы Маяковского (в статье «Как делать стихи?», в ряде публичных выступлений 1926-1927 годов) Шенгели ответил брошюрой «Маяковский во весь рост» (М.: Всероссийский союз поэтов, 1927), где претензии Маяковского на роль поэтического майтр'а оценил как самоуверенные настолько же, насколько невежественные.

⁵⁰ «На вахте» — газета ЦК профсоюза рабочих водного транспорта СССР. Выходила в 1924-1926.

⁵¹ С. — неустановленное лицо. Из дальнейших писем, не включенных в публикацию, следует, что у Шкапской с ним разыгрался тогда бурный роман.

⁵² *Слонимский* Михаил Леонидович (1897-1972) — писатель.

⁵³ Вероятно, имеется в виду сборник стихотворений К.К. Вагинова, изданный в 1926.

⁵⁴ Письмо написано на оборотах бланков издательского годового плана.

⁵⁵ Речь идет о стиховедческом труде Шенгели «Трактат о русском стихе. Ч.1. Органическая метрика» (Одесса: Всеукраинское гос. издательство, 1921); 2-е издание: М.; Пг., 1923.

ПИСЬМО Г.А. ШЕНГЕЛИ К ЛАВРЕНТИЮ БЕРИИ
(29 мая 1950 г.)

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович,
я отваживаюсь побеспокоить Вас следующей просьбой:

- 1) ознакомиться с моей поэмой «СТАЛИН», рукопись которой я прилагаю;
- 2) сообщить о ней И.В. Сталину, — если она покажется Вам достойной того.

Поэма эта, крупнейшее и значительнейшее мое произведение, написана 11 лет назад и до сих пор не только не издана, но и не заслушана в Союзе писателей. О причинах я говорю в особом приложении.

Я вынужден искать у Вас, — именно у Вас, ближайшего соратника т.Сталина и автора блестящей книги о большевиках Закавказья, — того внимания к моей работе, которого я не встретил там, где следовало бы.

Я знаю, что Ваше время драгоценно. И все-таки, 36 лет моей писательской деятельности и семь десятков моих книг дают мне смелость просить Вас о вышесказанном.

Преданный Вам...*

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. *Справка о себе.* Я — поэт, переводчик стихов, стиховед; мои стихи многократно печатались советскими издательствами (последний сборник «Избранные стихи» вышел в Гослитиздате в 1939 г.); мои переводы Верхарна, Гюго, Байрона (два тома Поэм и весь «Дон Жуан»), Махтумкули, Барбаруса и др. получили высокую оценку критики; мои работы по теории и технике стиха вошли неотъемлемой частью в советское стиховедение и дали мне звание профессора (а в свое время — действительного члена Академии художественных наук); мне посвящены статьи в БСЭ и в первом издании МСЭ; я трижды переизбирался председателем Всероссийского союза поэтов (1925-26-27 гг.) и четырежды председателем Секции переводчиков Союза советских писателей (1938-42 гг.).

2. *«История поэмы».* Закончив поэму, я предложил ее к изданию в Гослитиздат, возглавленный тогда т. Чагиным. Ознакомившись

* Второй экземпляр машинописи, оставшийся в архиве Шенгели, не подписан.

с поэмой, т. Чагин выразил сомнение в возможности ее напечатания ввиду того, что она очень сложна и «очень остра», особенно в первой главе, где я говорю о типичных для старого интеллигента идейных блужданиях, в конце которых безвозвратно кристаллизуется коммунистическое мировоззрение, и в предпоследней, где я «ворошу» судебные процессы вредителей. Т. Чагин сказал, что нужна предварительная санкция директивных органов.

Я обратился в Агитпроп ЦК. Тов. Поспелов, тогда возглавлявший это Управление, вызвав меня к телефону, высказался о поэме *крайне лестно*, оговорив, что желательны некоторые уточнения, и обещая вызвать меня для личной беседы. Последнее не осуществилось, ввиду ухода т. Поспелова в «Правду», — а спустя длительный срок меня пригласили в ЦК к одному из инструкторов (фамилии которого я не знаю). Этот товарищ повел со мною чрезвычайно странный разговор: «поэма трудна для чтения», «колхозник и рабочий ее не поймут», «поэма совсем не похожа на те, к которым мы привыкли», «слишком резко говорится о капиталистических странах», «автомобиль Форда не хуже наших», «ВКП сравнивается с организацией масонов» (?!!) и т.п. Вывод: «печатать пока нельзя, — работайте, упростите». Мне стало ясно, что этот товарищ мало что понял в поэме и явно был испуган, встретив непривычное по стилю, тону и манере произведение.

Вскоре началась война. В 42 г. мне удалось напечатать в альманахе «Киргизстан» две главы («Лицо вождя» и «Искусство воспитания»). В этой связи интересен следующий случай: ко мне пришел курсант Фрунзенской летной школы Николай Смирнов, сказавший следующее: «Мы в школе читали вашу поэму, рассердились на вас за то, что в ней множество слов, которых мы не знаем, взяли словарь, разобрались, — и теперь полшколы знает вашу вещь наизусть». Это бесхитростное и, возможно, излишне любезное сообщение, показало мне, что поэма, действительно рассчитанная на высокоинтеллигентного читателя, может дойти и до читателя среднего.

После войны я неоднократно разговаривал в Гослитиздате об издании поэмы. Но руководители издательства, тт. Чагин, Головенченко, Котов неукоснительно отвечали мне: «Подождем, пусть выскажется общественность»; «Пропустите через журнал» и пр. Явно было, что эти тт. не желают взять на себя ответственность. Я попытался обратиться в журнал «Октябрь», послав туда две главы («Пять шестых мира» — о капиталистическом мире и «Братство народов»); т. Санников вернул мне рукопись, сказав, что «сейчас не время для таких поэм» (!) и что у меня есть «грубо натуралистическая строчка» (!). Я хотел организовать чтение

поэмы в Секретариате Союза сов[етских] писателей или в Секции поэтов, членом коей состою, но и т.Фадеев, и председатели Секции тт. Инбер и Щипачев не пошли мне навстречу: «Хорошо, хорошо, но сейчас все вечера заняты; поговорим потом». Совсем недавно я обратился к одному из секретарей, т.Суркову; ответ: «Хорошо, я скажу Щипачеву», — но прошел месяц, и ничего не было сказано...

Таким образом, поэма лежит мертвеной.

Причины?

Очень просты.

Поэма такого тематического диапазона и столь концентрированная философски, да еще связанная с великим именем, по напечатании привлекла бы, вероятно, внимание носителя этого имени; и ход мыслей у глушителей поэмы, примерно, таков: «Если мы ее одобрим, заслушав, и напечатаем, а она не понравится, — будет нехорошо; если мы ее не одобрим, но автор добьется внимания свыше, и она понравится, также будет нехорошо; поэтому лучше ни одобрять ее, ни не одобрять, а отмалчиваться, делать вид, что этой поэмы нет». Тактика «перестраховки» и нежелания взять на себя ответственность налицо. Между тем эта поэма могла бы прозвучать сильно и убедительно, особенно для зарубежного читателя (если бы ее перевели), ибо вопросы поставлены в ней во весь рост, остро и с привлечением богатого исторического материала; поэма эта не панегирик, а *исследование!*

(Ф.2861. Оп.1. Ед.хр.108)

А.Белый и П.Н. Зайцев
ПЕРЕПИСКА*

Публикация Дж. Мальмстада

Зайцев — Белому

Поселок «Сокол»
3 января 1931 г.

Дорогой, милый и добрый Борис Николаевич!

31-го к вечеру приехали на место и очень быстро устроились в бытовом отношении. Остановились там же, где жили в прошлый раз¹. Сразу почувствовали себя здесь своими. Нас тоже встретили как знакомых и своих, — легко, просто, ласково и хорошо.

До нашего приезда были морозы до 35-38°. А при нас потеплело до 15-20°. Так что отсутствие валенок и теплого белья меня пока не тревожит. Вновь — беседуем, смотрим, слушаем, узнаем много нового, интересного.

Но сейчас наши интересы собираются вокруг нашей книги, которую нам надо писать². И книга, как фокус, стягивает к себе факты, знания, мысли.

Работы очень много. Чрезвычайно обильный материал дают беседы с людьми — руководителями фабрики, учреждений. Прорабатываем.

Здесь стоят чудесные, лучезарные солнечные дни. У нас в комнате не только тепло, но жарко. И когда приходишь с улицы, с мороза, особенно чувствуешь это блаженство тепла и жара. А временами даже и страдаешь от излишка тепла.

* Окончание. Начало см.: Минувшее: Исторический альманах: Вып.13. С.215-292; продолжение: Минувшее: Вып.14. С.439-498.

Очень вспоминал Вас, был с Вами и с дорогой Клавдией Николаевной в вечер приезда.

Стараюсь здесь быть в ритме. По утрам занимаюсь ритмичкой хоть несколько минут. Это дает возможность правильно и крепко строить работу всего остального дня. Иногда удается читать для себя.

Мы живем здесь трое в одной комнате, — с А.М. Дроздовым и писателем Н.А. Степным — очень хорошо, мирно³. Но, конечно, жить втроем трудновато для каждого из нас по-своему. Хорошо, что очень милые люди.

Вам очень кланяюсь А.М. Дроздов. Мы с ним непременно приедем вместе в Кучино. Он передал Гале для передачи Вам 2 снимка. Получили Вы их?

Вернее, Вы получите их в понедельник, 5-го утром, когда Галя будет в Долгом.

Забыл Вам передать, дорогой Борис Николаевич, привет от Г.И. Чулкова. Он звонил мне и просил Вам поклониться и передать, что очень бы хотел с Вами увидеться. Может быть, Вы его посетите. На этом кончаю. Думаю, что успею написать Вам еще.

Желаю на новый год бодрости, здоровья, силы и ясности.

Очень кланяюсь милой, дорогой Клавдии Николаевне, приветствую ее горячо. И желаю доброго здоровья.

Крепко обнимаю Вас

любящий П.Зайцев

Насколько серым был здесь октябрь⁴, трудно поверить, созерцая теперешний зимний пейзаж с заречной, снежною далью, с березами, одетыми в ризы инея, снега, — с голубыми, золотыми и розовыми красками теперешних январских дней. В них глубокая, огромная, целящая радость!

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.188)

¹ В ИМЛИ (Ф.15. Оп.1. Ед.хр.53) хранятся три заявления Зайцева в Мобилизационную Комиссию ВССП (от 4, 6 и 8 октября 1930) о согласии поехать на фабрику «Сокол» в составе писательской бригады и о снабжении ее членов теплыми вещами. Бригада состояла из Зайцева (бригадир), М.А. Зенкевича, А.М. Дроздова, Н.А. Степного и А.С. Яковлева. Три рапорта ВССП о работе бригады на бумажной фабрике «Сокол» на станции Сухона с 16 октября по 1 ноября 1930 — ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №55. В первом рапорте Зайцев сообщал, что «фабрика не оставит писателей Советского Союза без бумаги» и что «бригада констатировала в процессе работы, что количественный прорыв на фабрике Сокол ликвидирован». Во втором рапорте докладывалось о плохих условиях труда на фабрике, о плохой столовой («обеда плохи /.../ основной пищей является капуста и немного картофеля. Жиров и мяса почти нет») и о пло-

хом снабжении кооператива: «рабочие не получают даже снабжения по норме» (сахара не было два месяца). Рабочие несколько месяцев даже не получали жалования «из-за отсутствия дензнаков». В заключение рапорта Зайцев писал, что «рабочие жалуются на упадок сил на почве недоедания», а «26 октября бригада устроила в местном клубе литературный вечер, прошедший с большим успехом при переполненном зале. Члены бригады читали произведения (стихи и рассказы), посвященные работе фабрики Сокол». В третьем рапорте сообщалось, что «т.Зайцев с 27-го по 30-е октября болел гриппом», а «т.Яковлев, по постановлению бригады, был командирован на охоту, ввиду того, что питание бригады было крайне скудное». Дневниковые записи Зайцева по работе писательской бригады на фабрике «Сокол» (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №56). В единице №57 содержатся предполагаемые экспонаты на выставку, посвященную фабрике (9 декабря 1930).

² См.: «Социалистический договор фабрики "Сокол" и ударной писательской бригады в составе: Дроздов, Зайцев, Степной и Яковлев» от 16 января 1931. Писатели согласились закончить книгу о фабрике к 15 марта (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. №58).

³ Об Александре Михайловиче Дроздове (1895-1963) см.: Русский Берлин 1921-1923. Париж, 1983. С.80-87. Белый был знаком с ним со времени их жизни в Берлине в 1921-1923. Н.Степной — псевдоним Николая Александровича Афиногенова, железнодорожного служащего, затем писателя; отец драматурга А.Н. Афиногенова.

⁴ В октябре 1930 Белый отмечал юбилей — 50-летие со дня рождения. В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Он получил приветственные телеграммы от Мейерхольда и З.Н. Райх, М.М. Коренева и от меня. Я был в отъезде. Но юбилей его не праздновали. Было не до него. Шла чистка партии и всего советского аппарата». Белый также получил телеграмму от Пастернака (текст ее см.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.699) и от Иванова-Разумника (ответ Белого ему: Там же. С.720).

[январь 1931]¹

Голубчик, дорогой,
обращаюсь к Вам с просьбой, которая для нас тяжела, когда думаешь, что она в связи с отрывом Вас от дела, — но — родной, если есть какая-нибудь возможность для Вас завтра утром пораньше, не позднее часу, приехать в Кучино, никогда не забуду этой Вашей услуги. Н[иколай] Е[мельянович] скончался². Мы можем завтра оказаться в очень трудном положении; и ряд вопросов к Вам важен; и нужно Ваше присутствие (а не в субботу; суббота отпала с кончиной Н[иколая] Е[мельяновича]). Теперь *иные* за-

боты, о которых не скажешь в письме; а просто: если хоть какая-нибудь возможность есть у Вас приехать *не позднее часу* дня (быть в Кучине), то пожертвуйте нам это время.

Обнимаю Вас

Б.Бугаев

¹ Датируется по помете карандашом Зайцева на конверте (без марки).

² 5 и 13 февраля 1930 Белый записал в РД: «Болен Николай Емельянович» Шипов. У него в доме Белый снимал две комнаты. Уже в конце декабря 1930 Белый начал думать о «ликвидации» жизни в Кучине и о длительной поездке на Кавказ из-за возрастающих трудностей жизни под Москвой. 2 января 1931 Белый писал Иванову-Разумнику: «Вижу во сне: старичок Николай Емельянович, которого ни разу не видал навеселе (ему уж 70 минуло) в буйно-пьяном виде с сапом и пыхом тщетно тшится выжать каплю вина из пустого бараньего бурдюка, над которым он трудится. Рассказываю К.Н.: "Вот бессмыслица!" В этот же день слышу возглас Н.Е. за стеной: "А я видел во сне, что пью шампанское"» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 723) и «Я занят и полуболен. Елиз[авета] Троф[имовна] — в хвостах; и тоже полубольна; у Н.Е. грудная жаба; ему 70 лет. Итог — в Кучине не проживешь; это — вывод 2-х лет; люблю Кучино, а здоровье и силы не позволяют: сырь, холод, мрак... Мы с К.Н. серьезно задумываемся о переселении на юг (пока — между нами)» (Там же. С. 725). А 12 марта 1931 Белый ему же: «Я, было, в январе чуть не оказался у Вас без предупреждения; /.../ не приехал только потому, что я впал в 4-ый грипп, а К.Н. в 3-ий; /.../ Кучино /.../ катастрофически рухнуло. /.../ Наконец: умер старичок, Н.Е., на котором держался весь наш режим, как оказалось; без него Ел[изавета] Троф[имовна] — сошла с ума: стала "злой ведьмой"» (Там же. С. 727-728). См. также воспоминания К.Н. Бугаевой о Белом, с. 214-215.

52

[21 февраля 1931]¹

Дорогой Петр Никанорович,

Не будет ли у Вас возможность забежать к К[лавдии] Н[иколаевне]; есть несколько *спешных* вопросов². И между прочим: прошение о керосине.

Неожиданно сел во тьму: Е[лизавета] Т[рофимовна] не предупредила; и сегодня открылось: керосина нет, лампы — не заправлены³; ее — нет дома.

Пришлось бежать в Москву, ибо с 7 часов сидеть во мраке, — трудно. Просто и не знаю, что делать! Нам на 2 недели дают 1/2 литра на человека [!]?

Хотелось спешно поговорить о форме прошения. Не зайдете ли завтра, или с 1 до 2 (пойду в 2 к Чулкову), или часов в 5^{1/2}. Если бы знал, когда Вы дома, то — забежал бы к Вам. Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев

¹ Датируется по помете синим карандашом Зайцева и на письме и на конверте (без марки): 21/II 1931. Письмо написано карандашом.

² В это время шли переговоры с заведующим ГИХЛ В.И. Соловьевым и с Союзом советских писателей о творческой поездке на Кавказ с целью написать книгу о Советской Грузии (см. воспоминания Зайцева о Белом. С.584). Командировочные удостоверения от ГИХЛ'а и ВССП'а были выданы 26 февраля 1931. Поездка не состоялась.

³ О «керосинной» проблеме см. письмо Белого Иванову-Разумнику от 2 и 10 января 1931, где можно найти следующие подробности: «Только сегодня получили керосин; и думается, потому, что 2 раза был у керосинщика и даже написал ему письмо, что имею намерение в случае продолжения керосинного безобразия отправиться в редакцию газеты "Правда" с просьбой обратить внимание на *вредительство* в районе Салтыковка-Кучино» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.725). 12 марта 1931 ему же: «с января пропал керосин; 2 месяца боролся за право иметь керосин; наконец к отъезду — получил керосиновую бумажку; а — то: керосинная очередь — до 400 человек (был такой период); 2 месяца сидели без электричества; так что: однажды сбежал в Москву от перспективы с 6-ти погрузиться в мрак и холод» (Там же. С.728). См. также воспоминания Зайцева о Белом: «На следующей неделе [в феврале 1931] я застал форменный разрыв дипломатических отношений между хозяйкой дома и Белым. Елизавета Трофимовна наговорила Борису Николаевичу грубостей, тот замолчал, перестал раскланиваться, словом, совсем прекратил общение с ней» (Там же. С.584).

53

Детское Село. 14-го апреля [1931]

Дорогой, милый Петр Никанорович,

— простите, что долго не писал; все устраивались, налаживались на новом месте, да и люди мешали¹. Устроились великолепно — так, как и не мечтали; комнаты великолепны; домик очарователен: с двором; тепло, главное сухо, нигде не дует; живем изолированно; купил дров; и — топим; вероятнее всего, что останемся и на лето; уже все обговорено; в Москву заедем за вещами, очень ненадолго²; все складывается в смысле помещения так, что того, чего

нет в Кучине и в Москве, мы нашли в Детском. Теперь вопрос о карточках; ввиду продолжительного бытия и общего хозяйства с Ивановыми, нужно нам либо карточки, либо высылку из распределителя; хлеб по дорогой цене пока можно достать; и поэтому: обошлись бы пока без карточек если они нужны вам; важнее получить продукты из распределителя. Милый друг, — просьба: пришлите чаю из распределителя (помните, — наш разговор в такси о том, что там можно за 20 рублей получить чаю: чай существенно выручит); сладкого пока не посылайте; закупите сколько можно чаю; и вышлите при другой посылке, или порциями; если в распределителе продают что-нибудь за отдельную плату (например, копченую колбасу, сыру или масло, — пришлите); если за отдельную плату можно прислать икры паюсной, — да; в будущем нужны крупы в наше общее хозяйство. К[лавдия] Н[иколаевна] Вам напишет подробней. Как с культурным налогом? Напишите; адрес: Детское Село (близ Ленинграда). Октябрьский бульвар. д.32. Р.В. Иванову. Мне. Ну — пока: обнимаю, желаю всего доброго; всем сердечнейший привет. Остаюсь любящий и благодарный

Б.Бугаев

Р.С. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет привет. Очень важно папирсы.

Почтовая открытка. Штемпель Детского Села: 15.4.31. Штемпель Москвы: 17.4.31.

¹ В середине марта 1931 поездка Белого на Кавказ отпала (отчасти из-за слухов, переданных Белому, об отдельных случаях чумы в Тифлисе), и возник вопрос, куда переехать «из сырого, распадающегося, ставшего мрачным Кучина» (письмо Иванову-Разумнику от 12 марта 1931.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.728). Иванов-Разумник звал его с К.Н. в Детское Село, а С.Д. и С.Г. Спасские в свою ленинградскую квартиру. В конце месяца Белый начал «ликвидацию» жизни в Кучине: «[он с К.Н.] захватили с собой все необходимое в Москву, в Долгий переулок. Там, в скромном полуподвале жили: мать и брат Клавдии Николаевны, ее первый муж — П.Н. Васильев. У Белого появились планы об устройстве в Детском Селе, под Ленинградом, где Р.В. Иванов-Разумник предложил ему часть своей жилой площади» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.585). С 1 по 8 апреля были деловые поездки в Москву, главным образом, за билетами, о чем 1 апреля Белый писал Иванову-Разумнику и Б.Г. Каплуну, брату Софьи Гитмановны Спасской:

Дорогой Борис Гитманович,

до сих пор не мог у Вас быть: болел и разные несчастья и заботы; и даже теперь мне стыдно, что я обращаюсь к Вам по письму Сони с просьбой. Соня и Раз[умник] Вас[ильевич] нас давно с К.Н. зовут в Ленинград. Но говорят, что билетов достать поч-

ти нельзя. И вот Соня советует мне обратиться к Вам с просьбой посposпособствовать нам получить 2 билета все равно, где — в жестком ли плац-картном, в мягком ли, в крайнем случае — в международном. П.Н. Зайцев будет с Вами говорить по телефону; я же должен метаться между Москвой и Кучиным все эти дни, а в Москве у меня нет квартир с телефонами.

Милый, может бы[ть] посposпособствуете, или поссоветуете, как получить нам билеты на 4-ое апреля (суббота).

Ужасно хотелось бы с Вами повидаться; был бы свободен накануне проэктируемого отъезда т.е. 3-го с просьбой по уговору переночевать у Вас.

Милый за совет, или помощь был бы страшно благодарен. П.Н. Зайцев с Вами условится о билетах и мне сообщает.

Еще раз простите, за просьбу: так важно отдохнуть в Ленинграде, а сил нет туда доташиться.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.17)

9 апреля 1931 Белый и К.Н. выехали из Москвы. Они прибыли в Детское Село, на квартиру Иванова-Разумника (Октябрьский бульвар, д.32), 10 апреля. Первые дни были переполнены встречами с ленинградскими друзьями.

² Уезжая в Детское Село, Белый думал, что они с К.Н. Васильевой едут только временно: «Надеемся зацепиться, прожить лето (сняв комнаты); еще более тайная надежда: авось за лето найдем что-нибудь на зиму; но за вещами и с целью ликвидировать Кучино придется возвращаться в Москву — в мае ли, в июне ли, — так что: едем полу-налегке» (письмо Иванову-Разумнику от 1 апреля 1931. Андрей Белый. Проблемы творчества. С.731). См. также воспоминания Зайцева о Белом: «Свой литературный архив он оставил в Долгом переулке: слишком громоздким он оказался для перевозки, а в случае необходимости за ним можно было приехать. Уезжая, Белый оставил мне полную уверенность на ведение его литературно-издательских дел. Мы условились регулярно сноситься почтой, а в срочных случаях и телеграфом» (Там же. С.585-586).

Машинописный экземпляр доверенности (с подписью Белого), с датой 15 марта 1931, хранится в РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, нижеподписавшийся, БОРИС НИКОЛАЕВИЧ БУГАЕВ (псевдоним АНДРЕЙ БЕЛЫЙ), проживающий ст.Салтыковка, Нижегородской жел. дор., Новое Кучино, 1-ая Железнодорожная улица дом №40, настоящей доверенностью уполномочиваю ПЕТРА НИКАНОРОВИЧА ЗАЙЦЕВА вступать в переговоры и соглашения со всеми Государственными и Кооперативными Издательствами и Редакциями Периодических Изданий по вопросу об издании моих литературных произведений, вступать в договоры и сделки на издание таковых, устанавливая сроки, цены и все другие условия по своему усмотрению, учинять расчеты и получать следуемые мне авторские гонорары, быть моим

представителем в отношении издания моих произведений пред всеми местами, лицами и учреждениями и выполнять все действия и формальности связанные с изданием моих произведений; получать от всех мест, лиц и учреждений в том числе из Государственного и прочих банков, сберегательных касс, почты и телеграфа и прочее все причитающиеся мне денежные суммы и ценности по разного рода документам и основаниям.

В ограждение моих прав и интересов вести все мои судебные, административные и прочие дела во всех судебных, общественных и правительственных, а также в административных учреждениях с правом на совершение всех процессуальных действий, приносить жалобы в высшие инстанции, получать исполнительные листы, приводить по ним решения в исполнение всеми указанными в законе способами, прекращать дела миром, передавать дела на разрешение в третейский суд, признавать иски требования и отказываться от таковых полностью и частично, получать присужденное имущество и деньги.

Доверенность дана с правом передоверия судебных дел.

с[им] з[аверяю] Борис Николаевич Бугаев (литературный псевдоним Андрей Белый) [подпись]

г. Москва

54

Детское. 19-ое апреля [1931]

Милый, милый друг,

Спасибо, спасибо за письмо, на днях пишу подробно; все эти дни и занят, и отдыхаю; дни наполнены; дела многи, а — *отдыхаем*, точно в ванне. Именно потому, что хочется подробней описать наше житье-бытье, — откладываю письмо до свободного дня; открытка лишь отписка. Дорогой друг, очень сильно вспоминаем Вас; и здесь еще раз переживаю радость, что Вы *такой*, какой Вы есть: добрый, хороший, нужный для души. И да будут наши добрые мысли Вам поддержкой.

О другом: пришлите в ближайшей посылке грибов, папирос, чаю (если можно купить в распределителе); и соедините Вашу посылку с посылкой Анны Алексеевны (о ней К[лавдия] Н[иколаевна] пишет Анн[е] Алекс[еевне]¹); пришлите то, что сочтете нужным. Как мои литературные дела²? Обнимаю. Привет от К[лавдии] Н[иколаевны]. Пишу на днях.

Б. Бугаев

Почтовая открытка. Штемпель Детского Села: 19.4.31.

¹ А.А. Алексеева — мать К.Н. Васильевой.

² 12 марта 1931 Белый писал Иванову-Разумнику: «знаете, — с *''Началом века''* — плохо: кажется — книга не пройдет. Зато *''Москва''* прошла» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.728).

Детское. 22 апреля 31 г.

Дорогой, милый, Петр Никанорович,

Получил Вашу открытку от 20-го. Давно собирался Вам написать о нашем житье-бытье; доехали без сучка без задоринки; устроились у Раз[умника] Вас[ильевича] так, что и не представляли себе, что так можно устроиться; точно жест судьбы; все усилия наладить жизнь в окрестностях Москвы *рвутся*; наоборот: здесь слагается почти так, точно все, чего искали, упало под ноги; во-первых: комнаты, верней комната с разделением на-две с ширмами дает: 2 комнаты; в половине К[лавдии] Н[иколаевны] великолепная, герметическая печка; 6 маленьких полен достаточны для отопления; в моей половине печурка, дающая тепло; огромные окна, своды, высокие потолки, мебелировка (письменный стол и т.д.) — все создает уют; великолепный свет; воздух сухой; тепло; t° все время у нас 14-15-16 градусов, а дров почти не употребляем; и заметьте; комнаты зимовали с невставленными рамами; и их не топили, ибо они пустуют (хозяйева, Сиповские, позволили Р[азумнику] В[асильевичу] поместить нас)¹; мы в полной изолированности от Р[азумника] В[асильевича], — у себя: никто не сидит под стеной, как в Кучине. Словом после ужасов зимы — ослепительный контраст: тепло, свет, тишина, сухость, воздух; и я до сих пор переживаю эти *нормальные* условия жизни, как праздник; и только в них поняли мы, *какой ужас в Кучине и как мы с К[лавдией] Н[иколаевной] пострадали*. И зреет решение: дудки, — с Кучиным кончено; 6 гриппов, беспомощность, злая старуха, бес-толочь, печи с дырами, кучинские налоги, отсутствие света, почты и т.д. — главная причина нашего нервного расстройства; а здешнее благополучие, устройся мы на-зиму обойдется дешевле кучинского гнилья и кучинской *«старухи»*, всю беззастенчивость которой оценили лишь здесь, в нормальных условиях.

С Кучиным рвем, но об этом пока ни слова в Кучине; сами приедем, когда вырешится оконч[ательное] решение; наоборот: дорогой друг, Вы сослужили бы службу, если бы среди наших, так сказать, вели агитацию о том, как тяжело в Кучине, и как хорошо нам здесь, ибо суть в том, что мы с К[лавдией] Н[иколаевной] решили про себя здесь и *перезимовать*, ибо 9/10,

что с осени именно помещение это может быть отдано нам; писать долго, как это дело обладится (скажу в Москве); но есть план у Р[азумника] В[асильевича] нам здесь устроиться коммунально. Представьте: дров в Детском пока в изобилии; и я тотчас по приезде обзавелся ими; и теперь топим во славу; тепло и «с-у-х-о», вот что главное; едва попали сюда, сейчас же испарились мечты о теплом климате; эти «мечты» — невозможность жить в *подмосковном гнилье*. И уже Р[азумник] В[асильевич] советует нам теперь запастись дровами на зиму, ибо и здесь ходят слухи об исчезновении дров.

Все суть не в нашем решении, а в той тяжелой операции с переездом К[лавдии] Н[иколаевны], т.е. о том, чтобы ее «о-т-п-у-с-ти-л-и» (!?!?) родные²; и здесь друзья могли бы подготовить ей почву, выдвигая невозможность около Москвы устроиться так, как здесь (но о нашем уже решении «бороться» за переезд, разумеется, ни звука пока). Вот в чем, дорогой, моя просьба.

Вы сами знаете, как трудна К[лавдии] Н[иколаевне] двойная жизнь (Москва-Кучино) с перетаскиванием предметов, с ломкой психологии; где бы мы ни жили, — та же картина; во-вторых: таких вторых условий жизни, как здесь, *не найдешь* и в смысле помещения, и в смысле хозяев, и в смысле изолированности, света, и т.д. Кроме того: здесь все условия деревни (здоровый воздух, великолепное место, рядом поле) минус подмосковной трущобы с «мещанами», самообложениями и прочими ужасами подмосковной³. Наконец: где бы ни жили мы, мы в силу условий, о которых писать долго, — в *полном* отрезе; ведь вне Ваших приездов мы отданы разным «*Антонихам, Трофимовнам, керосинщикам*»; и часто нас в Кучине охватывает ужас: «*Страшно, страшно поневоле среди неведомых равнин*»⁴. Здесь рядом: Шишковы, Разумник, Толстые, мой друг, Петров-Водкин⁵; все работают и не мешают друг другу; есть с кем отвести душу, не тащась в Москву.

И еще есть много, много доводов в пользу нашего устройства в Детском на будущую зиму; помеха лишь в К[лавдии] Н[иколаевне] — в том, что ее, как клещами защемили в Москве родные, не понимают, что ей «н-ев-м-о-г-о-т-у», что она т-а-е-т и что никакие Химки, Кусковы не разрешают проблемы; ей надо отдохнуть, хоть годок; у нее даже нет воли произвести операцию, чтобы вырваться из дому; неужели упор Анны Алексеевны, непонимание Елены Ник[олаевны], огорчение П[етра] Н[иколаевича], карточки, проблема прописки и т.д. (жилая площадь) мотивы для того, чтобы ее *сломать бесповоротно*? И с ней — сломать меня?⁶ Две жизни в угоду Молоху быта!

Нет, — да не будет.

Общественное мнение близких и любящих нас людей могло бы помочь нам с ней вырваться и отдохнуть, ибо повторяю: Детское точно посылается судьбой.

Но, человек располагает, а судьба решает; если представится случай хорошо устроиться под Москвой и обойтись без Кучина, — сообщите: «Сумлеваюсь штоп»; в Кучино ж — н-и з-а ч-т-о! И стало быть прибиты к Детскому. Вот наше положение; и единственное наше теперешнее опасение в том, что этот простой факт разыграется такими «трагедиями», что вместо отдыха К[лавдия] Н[иколаевна] сломается окончательно. Буду осторожно писать Елене Ник[олаевне]; пока пишу Вам о том, что мы хотели бы.

Итак: пока Елиз[авете] Троф[имовне] не говорит, что бросаем Кучино; но бывая в Кучине с Лелей, постепенно было бы хорошо вывезти из Кучина некоторые из тех книг, которые на полке, где лежит Пушкин, керосинку (под предлогом чинки, — мы де просим: говорю о печке, стоящей в комнате), машинку ремингтонную, которая ведь Вам нужна для работы, камушки (Леля их просила); захватите, что можете, не возбуждая подозрений Ел[изаветы] Тр[офимовны].

И еще: утверждайте нас в мыслях; и помогите нам косвенно, осторожно приучая Анну Алекс[еевну] к мысли, что нам «здесь» хорошо, а около Москвы — нет. Разумеется, если вдруг откроется сногшибательная возможность устроиться под Москвой — напишите.

Дорогой друг, — чувствую грусть в Ваших письмах. Бедный Вы, — и сами болели, и Марья Сергеевна. Когда будет времячко, пишите о себе все. Ваша жизнь лежит на сердце моем. Часто думаем о Вас; очень и очень Вас, дорогой друг, не хватает для души: крепко мы за эти годы к Вам привязались; и буде устроимся здесь, — постоянно будем ощущать изъян; иногда кажется: вот приедет Петр Никанович [так]!

Как работа? Как драма? Как Светлана и ее маленькие подружки (их игры с), как Леля? Всем сердечный, сердечный привет; со всеми близкими постоянно в мыслях.

Дорогой друг, — теперь кратко о делах.

1) Если не заехали к Каплуну и не сдали, лучше пошлите почтой, соединившись с посылкой Анн[ы] Алекс[еевны], ибо Каплун, — когда-то еще поедет, и мы с Ленинградом не часто общаемся⁷; почтой проще. А посылка нужна, ибо все присланное поступает в общее хозяйство: ведь кормят-то нас Ивановы, а в Детском продуктов почти нет. Мы так обязаны им, что помощь им продуктами — маленькая рекомпенсация того, что они нам делают.

2) Горюю, что упустили чай (при первом возможном случае, купите).

Спасибо за выписку; пока еще без карточек, ибо Р[азумник] В[асильевич] советует приписать их к Ленинграду через Толстых (ленинградцам больше дают, и мы, как москвичи, имеем право на Ленинград); сегодня обедаем у Толстых и будем говорить о карточках.

3) Как вопрос с получением из «Красной Нови»⁸?

4) Как дела с «Началом Века» и с «Масками»?

5) О посылке М[ихайлу] А[лександровичу] текста «Петербург», — не знаю: речь идет о романе ли, о драме ли? Если о тексте драмы, — то разве нельзя послать текста «Мхата II-го»? Единственный трафарет текста-драмы лежит в сундуке моих рукописей, в папке у Клавдии Никол[аевны] в комнате (ключ у Петра Николаевича); это — ракурс основного текста (формой — *уменьшенного листа*, ремингтон, исчерканный мной); если он нужен для постановки, то — Вы бы могли извлечь его, отыскав в одной из папок: в верхнем ящике сундука; но отослать, — я не знаю как и кому: 1) с соблюдением всех гарантий, может быть, через «Вокс»¹⁰; 2) с уверенностью, что я не вляпаюсь в историю, подобную «замятинской»¹¹, т.е. лишь при условии, что студия Чехова не ставит никаких контр-револ[юционных] пьес; Мейерхольд мог бы помочь советом (а, может быть, и содействием); предоставляю этот вопрос Вашему такту, возможностям реальным, и главное, Вашему времени; если хлопотливо, не надо; объясните все Влад[имиру] Ник[олаевичу].

И дорогой друг, обнимаю Вас с любовью и с чувством неизменной близости. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечный привет и просит благодарить.

Б. Бугаев

Письмо было отправлено спешной почтой. Штемпель Детского Села: 22.4.31. Два штемполя Москвы: 23.4.31.

¹ Сиповская Елена Львовна — вдова историка В.В. Сиповского. В ее доме в Детском Селе жил Иванов-Разумник с семьей; одну из комнат с апреля 1931 занимали Белый с К.Н. Васильевой.

² К.Н. Васильева была связана с Москвой уходом за пожилыми и больными матерью и теткой.

³ 10 января 1931 Белый писал Иванову-Разумнику из Кучина: «Устал я в Кучине от головотяпств и вредительств; в учреждениях здесь густая смесь из мещанства и головотяпства. Как дело дойдет до поселкового

Совета или кооператива, — покрываюсь холодной испариной...» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.725-726). Далее Белый пишет о постоянной проблеме с налогом самообложения.

⁴ Седьмая и восьмая строки первой строфы стихотв. «Бесы» А.С. Пушкина.

⁵ Шишковы (у Белого «Шипковы») — В.Я. Шишков, его жена Клавдия Михайловна и ее родители, жившие в то время у Шишковых в Детском Селе, — Раиса Яковлевна и Михаил Иванович Шведовы. См.: Завалищина Н. Детскосельские встречи: Главы из воспоминаний // Звезда. 1976. №3. С.172-183.

Белый познакомился с художником Кузьмой Сергеевичем Петровым-Водкинским (1878-1939) в Петрограде, в марте 1920, когда они оба принимали активное участие в «Вольфиле». В 1920-е годы Белый часто цитировал его выражение «наука видеть» и в мае-июне 1931 позировал ему для портрета. Портрет был закончен в 1932 (по свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый нашел портрет очень удачным). Иванов-Разумник считал Петрова-Водкина «самым большим из наших художников, но в области мысли социально-политической — путанной головой» (Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С.127).

Об А.Н. Толстом в 1931 Иванов-Разумник писал: «Третьим [на именинах жены. — Публ.] был ни друг, ни приятель, ни даже просто хороший знакомый — Алексей Толстой. Этот заплывший жиром человек, талантливый брюхом, ходячее подтверждение мнения Пушкина о поэзии, совершенно беспомощный в вопросах теоретических, всю жизнь однако умел прекрасно улаживать свои дела, держал нос по ветру и чуял, где жареным пахло. Разумеется, он был теперь самым верноподданейшим слугою коммунизма» (Там же. С.127)

⁶ 15 марта 1931 Белый писал Иванову-Разумнику: «где-то роится мысль о просто переезде из Кучина, — не в окрестность Москвы, а в окрестность Ленинграда, — *подчеркиваю*, если только обстоятельства жизни К.Н. ей позволят со мной поехать; вне ее — никуда не уеду, ибо не мно себе жизни без нее» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.730).

⁷ Борис Гитманович Каплун (р.1894) — старый большевик, племянник М.С. Урицкого, в начале 1920-х сотрудник управления Петроградского совета. В своих неопубликованных воспоминаниях о «Вольфиле» Н.И. Гаген-Торн пишет о нем: «меченат и радатель Вольфилы, безмерно интересовавшийся делами русской литературы, почитатель А.Белого и А.Блока». После отъезда Белого в Берлин в 1921 (где брат Каплуна, Соломон Каплун-Сумский, владел издательством «Эпоха», выпустившим ряд книг Белого) его мать поселилась в петроградской квартире Каплуна (сам он получил назначение в Москву).

⁸ «20 марта я зашел в "Красную новь" к новому редактору А.А. Фадееву. Он пригласил меня в кабинет, предложил присесть и сразу, без предисловий, развернул рукопись "Начала века", сказав, что берет пока из нее три куска: "Год зорь", "Экзамен" и "Смерть отца".

— Вы понимаете: из этой книги трудно выбрать. Лучшее в ней о Брюсове, Бальмонте и Мережковском — нам печатать нельзя — не марксистское освещение. А эти куски — нейтральные... Поглядим, что будет... /.../

В отобранных отрывках оказалось полтора печатных листа. Подписали на них договор.

— Новому читателю книга будет скучна, непонятна и неинтересна, — заметил деловито и сухо Фадеев...» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.585). «Из воспоминаний. Год зорь» появилось в четвертом номере журнала за 1931.

⁹ Осенью 1925 М.А. Чехов (1891-1955) ставил инсценировку романа Белого «Петербург» во МХАТ'е II (см. прим. 1 к письму №8 Белого Зайцеву). В начале июня 1928 он выехал с женой за границу для отдыха и лечения. Там он и остался навсегда. 3 февраля 1931 в Париже было основано Общество друзей Театра Чехова, и летом состоялись первые спектакли труппы Чехова на сцене театра «Ателье». «Петербург» не входил в репертуар труппы.

¹⁰ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925-1958).

¹¹ Имеются в виду опубликование романа Е.И. Замятина (1884-1937) «Мы» за границей в 1927 и кампания травли писателя в августе-сентябре 1929. См. запись от сентября 1929 в РД: «С отвращением реагировал на инцидент Пильняк-Замятин», а от октября: «Продолжаю волноваться инцидентом Пильняк-Замятин». В комментариях к роману «Мы» (Замятин Е.. Сочинения. М., 1988) Евг. Барабанов подробно излагает всю историю кампании и пишет: «Выступление Волина было лишь началом кампании, истинные причины которой не имели прямого отношения ни к роману Замятина, ни к повести Пильняка [«Красное дерево», изданное берлинским издательством «Петрополис». — Публ.]. Речь шла о чистке Федерации объединения советских писателей /.../ и чистка эта должна была начаться с "аполитичного" Всероссийского союза писателей» (С.530). Инсценировка романа Белого, впервые опубл. мною под названием «Гибель сенатора» (Петербург). Историческая драма (Беркли, 1986), оставалась неопубликованной в Советском Союзе, хотя договор с «Ленгизом» был заключен в 1924. См. письмо Белого П.Н. Медведеву от 23 апреля 1929 (Взгляд. С.440).

Детское. 2 мая [1931]

Дорогой Петр Никанорович,
послал Вам спешной почтой большое письмо числа 20-го. До получения от Вас вестей пишу лаконично: только о необходимом. Ради всего, — скорей вышлите папиросы из Секулбита¹; *ве-дь* *ме-сяц* *живем* *московским* *запасом*; в Детском нет; в Ленинграде

трудно достать; получили 2 посылки; в них очень тяжелые и почти ненужные нам консервы, а *необходимых для жизни* папирос нет; по причинам о которых долго писать, живем без карточек; столуемся у Р[азумника] В[асильевича]; стало быть: нам надо возмещать им *крупами*, ибо это основа питания; крупы нужны, а консервы и прочая роскошь — нет; нам же с К[лавдией] Н[иколаев-ной] до зарезу лично необходимы *папиросы*, — ибо осталось 2 коробки; если в Ленинграде нет, — зарез; а *они* как нарочно не посланы; 2-х [вероятно, во-2-х. — Публ.] Р[азумник] В[асильевич] сидит без табаку; если в распределителе есть *табак* ужасно прошу, — вышлите; во вторых: *конечно же* нам нужен *чай*, а всякие «*роскоши*» в роде консервов ввиду главных потребностей лишь постольку поскольку есть место. Главное же — крайняя нужда в папиросах. Почему не пишете? Остаюсь искренне любящий Вас

Б. Бугаев

Почтовая открытка. Штемпель Ленинграда: 3.5.31. Штемпель Москвы: 4.5.31.

¹ См., например, следующее заявление Белого:

В Секублит.

Бориса Бугаева (Андрея Белого)
Заявление

Прошу выдать мне продовольственно-столовую книжку на октябрь вместе с табачною карточкой; доверяю получить то и другое Петру Никаноровичу Зайцеву.

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)
2-го окт[ября] 30 года.

Кучино (близ Салтыковки)
(РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр. 45).

57

Детское. 22 мая 31 г.

Дорогой Петр Никанорович,
телеграмму получил: спасибо за Горького¹; на днях напишу Вам письмо; получены ли деньги из редакции? У Вас ли они? Вам они будут нужны для распределителя; справьтесь, не нужны ли Анне Алексеевне; тогда — дайте (дайте, — во всяком случае); и напишите, сколько у Вас. Впрочем обо всем пишу. Пока живем тихо и мирно. Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев

Почтовая открытка. Штемпель Детского Села: 22.5.31. Штемпель Москвы: 23.5.31.

¹ В неопубликованной части своих воспоминаний о Белом (значительно обрезанный текст этого куска дан в опубл. варианте: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.586). Зайцев пишет: «В 1930-1931 году мной и моей квартирой очень заинтересовались наблюдающие органы. /.../ В апреле [в ночь с 8 на 9 мая. — Публ.] 1931 года сказались плоды этих наблюдений. В Долгий переулок [где находилась квартира Васильевых. — Публ.] явились агенты и забрали архив Андрея Белого. Одновременно начались аресты людей, связанных с Белым и Клавдией Николаевной. Они в это время уже выехали в Детское Село и поселились у Иванова-Разумника. Я тоже мог ожидать, что за мной придут и решил отправиться в Детское Село, чтобы предупредить Бориса Николаевича о том, что произошло в Долгом и о другом, не менее печальном. /.../ И тут мое неожиданное прибытие... Белый немедленно написал письмо М.Горькому, и я тут же отбыл в Москву. По приезде позвонил Алексею Максимовичу, но он не смог меня принять, и я обратился к Всеволоду Вячеславовичу Иванову, который согласился отвезти письмо. В бытность свою в Берлине Белый встречался с Алексеем Максимовичем /.../ но, видимо, близость между Горьким и Белым не создалась. Алексей Максимович отказался хлопотать об архиве Бориса Николаевича ввиду сложности обстановки. Архив пропал, а в нем было много ценных материалов, в том числе философская работа "История [становления] самосознающей души", где были освещены учения философов, начиная с древней Греции».

Письмо Белого Горькому от 17 мая 1931 было опубликовано мною: Минувшее: Ист. альманах: Вып.12. М.; СПб., 1993. С.350-351. 27 мая Белый обратился к Горькому за помощью, «на что Горький /.../ откликнулся доброжелательно и действенно: "Уважаемый Борис Николаевич, — писал Горький 19 июня 1931 г., — я просил похлопотать по Вашему делу П.П. Крючкова и сегодня он сообщил мне, что все рукописи будут немедленно возвращены Вам..."» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.303). Возможно, что текст письма от 17 мая идентичен с текстом от 27 мая, который также находится в РГАЛИ (Ф.53. Оп.6. Ед. хр.15), но в настоящее время не выдается по просьбе редакторов, готовящих все еще мифическое полное издание переписки Горького. Осенью 1931, после хлопот, доведших Белого до сердечной болезни, — большинство из конфискованных рукописей ему вернули.

Троицын день [1931]

Дорогой друг.

Совершилось!

Оттого не писал, что не стоило: ждал! Как только выяснится, что она в Москве, — буду тотчас¹; пока же на случай передач и про-

чего, что может понадобиться, — сию; дорогой, — не знаю, сколько пробуду в Москве: ничего не знаю, но в Кучино не вернусь: не могу... Все — напомним; если понадобится, — горячая просьба: дать ночлег у Вас (не знаю, как у Анн[ы] Алекс[еевны], — может, и негде). Буду добиваться свидания с Аграновым²; и вообще действовать; и потом, — на случай возможной ее высылки надо быть готовым: ее встретить; будущее — покажет.

О себе — не пишу, ибо меня — нет; я — с ней до такой степени, что ощущаю себя в Детском, как тело без души; вся ставка на твердость; не не [так!] жизнь, а миллион жизней мне — она.

После того, как взяла ее, сутки лежал трупом; но для нее в будущем надо быть твердым; и я ... — возьму себя в руки.

Дорогой брат, будьте тверды и Вы; не мы первые, не мы последние из тех, чья участь — венец терновый.

Письмо разорвите.

И вот уже, даже в эти дни и часы, когда вся жизнь моя, как разрывается, — «Марфинские» заботы (для ради нее в будущем); вероятно нужны будут деньги: не мало; как знать, где судьба поведет жить, а мы с К[лавдией] Н[иколаевной] уже протрапились на дрова (было наладилась жизнь зимой здесь; надо было тратиться: дрова дорожают); в будущем [нет продолжения фразы. — Публ.] Теперь — никаких ресурсов; поэтому, дорогой, — если можно продайте мою машинку³; за нее могут дать; ведь, может быть, эти деньги и будут фондом устройства где-нибудь вдаль, куда, может быть, попадет К[лавдия] Н[иколаевна], а за ней — я.

Господь с Вами! Она все эти дни твердила мне: *«Идут печали: печаль же радости залог!»* Радость наша — одна: небесная; и мне невыразимое счастье: быть там где она.

Ну, мужайтесь, Господь да поможет нам!

Б[орис] Б[угаев]

P.S. Надо сейчас же наводить справки, не в Москве ли она, а я буду отсюда; если Вы узнаете ранее, — телеграфируйте «Приезжайте»; или — по телефону.

На конверте (без марки) карандашом написано рукой Зайцева: «Гр. Д.1931». Рукой Белого: «Анне Алексеевне Алексеевой для П.Н. Зайцева. Плющиха, угол Долгого: большой, серый дом с башней; №53; ход со двора (с Плющихи); второй двор (пройти под [воротами — зачерк.] аркой); кв. №1. Подвальное помещение; подъезд против входа во второй двор».

¹ 30 мая 1931 Клавдия Николаевна была арестована и отвезена в Москву, на Лубянку. В Москве к этому времени уже были арестованы ее муж и сестра, А.С. Петровский, Лидия Васильевна Каликина (Леля), сам Зайцев и ряд других антропософских друзей Белого, о чем он не знал. Вопреки утверждениям Зайцева, что Белый «тут же выехал в столицу, где немедленно начал хлопотать об ее освобождении» (его воспоминания о Белом. С.586), Белый оставался в Детском Селе до 23 июня; на следующий день он приехал в Москву.

² Яков Соломонович (или Саулович) Агранов (у Белого — «Агранов») (1893-1938? 1939?) — чекист (вел допрос В.Н. Таганцева в 1921. — См.: Звенья: Исторический альманах: Вып.1. М., 1991. С.464-473), основатель и глава «Литконтроля» ОГПУ, заведующий секретно-политическим отделом ОГПУ. В 1933-1937 — заместитель председателя ОГПУ (затем — наркома НКВД). Руководил или надзирал за следствием по всем важнейшим делам 30-х годов. Арестован в 1937. Обстоятельства смерти неизвестны, по-видимому, был расстрелян.

³ Белый не знал о конфискации своей машинки. Позже (26 июня 1931) он писал в заявлении в Коллегию ОГПУ: «в ночь на 27-ое на 29-ое [так!] мая, был обыск в квартире Зайцева; и между прочим увезена моя машинка, которую я спасал от сырости кучинского помещения в квартире Зайцева (о чем, кажется, составлен протокол)» (Минувшее: Вып.12. С.353). См. также заявление Белого в Обл. ОГПУ от 10 июля 1931 (Там же. С.356).

Москва. 23 июля 31 года.

Дорогой, близкий, глубоколюбимый друг, Петр Никанорович,

с момента Вашего отъезда из Детского до сего дня я непрерывно духом с Вами; переживаю несчастье, потрясен с Вами и другими друзьями, как свое¹; и думаю, что трехнедельное сидение в Детском после ареста Клавдии Николаевны, а потом месячное метание по Москве — достаточная мука, несколько компенсирующая тот факт, что я из всех «без вины виноватых» наиболее «виноватый» сижу на свободе; о чем я и говорил члену Коллегии ОГПУ, т[оварищу] Агранову в беседе с ним, стараясь в меру сил и разумения дать объяснение инциденту с арестами²; и в бумаге, поданной в Коллегию я старался солидаризироваться с Вами, Васильевыми, Лидией Васильевной, Алексеем Сергеевичем и другими «друзьями»³; с трепетом ждем судьбы приговора с Клавдией Николаевной и Петром Николаевичем; надеюсь, что на днях увидимся, а если не на днях, то скоро услышим о благополучном

исходе дела для Вас; если бы Вам и грозила высылка, перенесите, дорогой друг и брат это твердо, как посланное судьбой испытание; да будет и она «*во славу*», а не «*за упокой*».

И мы с К[лавдией] Н[иколаевной] самовысылаемся в Детское; и теперь эта жизнь в Детском — необходимость изменить режим жизни К[лавдии] Н[иколаевны] (не иметь большого контакта с антроп[ософской] средой); она дала такое обещание при выпуске на свободу; и я хлопочу ей изменить место прикрепления (Москву на Детское Село⁴), после чего, в случае удачи, мы должны спешно покинуть Москву, что советуют опытные люди (Воронский, Санников и др.), так что можем и не увидаться; надеюсь, что увидимся осенью (в конце октября); надеюсь, что Вы будете на свободе, в Москве; а если не так, так уж сумею навестить Вас в месте Вашей ссылки, чтобы обнять Вас и пережить вместе то, что мы, вероятно, переживаем согласно: я — на свободе; Вы — в заточении; и как хотел бы я сесть вместо Вас; и успокоиться от мук моей несчастной «*свободы*», если бы не участь Кл[авдии] Ник[олаевны], которая теперь и внешне поручена мне, как жена (мы с ней и с Петр[ом] Ник[олаевичем] были в *Загсе* согласно уговору дружескому: он с ней развелся, а я — зарегистрировал наш «*брак*»); так выпрямилась кривизна отношений нас троих друг к другу в прямую⁵. (Но об этом никому не говорите: это *пока* между нами троими да двумя-тремя, чтобы не испугать старушку мать, которая очень слаба и узнает после о свершившемся).

Итак, дорогой друг, до встречи — где и когда? Но — с постоянным чувством братского общения обнимаю Вас.

Теперь о делах: Ваш арест создал мне тьму хлопот, бегов, вплоть до бумаги в *ОГПУ*, ибо ряд юридически необходимых мне теперь документов и главное росписок о налоговых сборах (опять пристаёт Салт[ыковский] Сельсовет с 104 рублями)⁶. Где бы Вы ни были: соберите, или дайте указания, где у Вас спрятаны *совершенно* необходимые мне ввиду переезда в Детское, отражения претензий Сельсовета — квитанции взноса налогов (Фину, самообложения за 3 года, культурного налога); все квитанции, деловые бумаги должны быть собраны в пакет и переданы в верные руки для передачи мне, если Вы уедете из Москвы, или пересланы мне или сохранены у Вас до личной надобности мне если Вы будете в Москве; иначе отсутствие документов может меня нагреть на несколько сот рублей, а денег очень мало; впереди — не предвидится; ставка — на выцарапываемую машинку; мою, конфискован-

ную у Вас; о ней хлопочу в ОГПУ, чтобы вернули; и Вы со своей стороны похлопочите; может, — машинка и будет хлебом насущным нам с К[лавдией] Н[иколаевной] в ближайшем будущем.

Также: соберите мои рукописи; я не знаю, что запечатано у Вас в комнате, что Вами передано в другие руки, что увезено; *все это очень важно*; жаль, что Вы во-время не передали документов Анне Алекс[еевне] или Марии Сергеевне⁷, как я просил Вас об этом когда Вы ужжали из Детского; ведь у Вас было время; а то теперь я 1) ограблен увозом машинки, которую намереваюсь продать, чтобы как-нибудь просуществовать (и Мейерхольд уже обещал мне ее приобрести для театра) 2) лишен без документов и части гражданских прав, что пахнет в будущем *пенями*, и роим огромных хлопот. Кстати: где бумага на получение товаров (ткани, белья и т.д.)? Продуктовая книжка есть, а бумаги на промтовары нет. После выхода, где бы Вы ни были, вспомните, где что и дайте указания, как это все найти, собрать и передать мне, или — в верные руки. Иначе мне будет очень плохо.

Простите, родной, что даже в эту минуту я обращаюсь к Вам с такими деловыми вопросами; но это оттого что меняю жизнь, местожительство, сижу без работы и *все эти деловые вещи теперь особенно подчеркиваются*.

Но не думайте, что забота о хлебе насущном заслоняет мне думу о Вас, Вашей судьбе, судьбе друзей.

Я каждый день молитвенно поминаю Вас всех и каждого порознь, особенно Вас, дорогой и любимый брат, к которому так влекусь и которому так благодарен.

Ну Христос с Вами.

Борис Бугаев

Адрес, если не в Москве, — прежний: Детское Село. Октябрьский бульвар. д.32. Мне. Если будете писать К[лавдии] Н[иколаевне], пишите Клавдии Николаевне Бугаевой.

На конверте (без марки) рукой Белого написано: «Петру Никаноровичу Зайцеву *деловое* от Б.Н. Бугаева».

¹ В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «27 мая [1931 г.], после тщательного обыска, не давшего никаких результатов, был арестован я». В.П. Волгин, Мейерхольд, В.В. Иванов и Н.Н. Ляшко поручились за него, что он «советский писатель», но тем не менее Зайцев был выслан в Алма-Ату.

² В письме Иванову-Разумнику от 27 июня 1931 Белый писал: «.../ сегодня я был в том месте, куда рвался давно, и где имел разговор с одним ответственным лицом, могущим иметь касание к участи моих бумаг и друзей /.../ Наконец-то! /.../ и впечатление от разговора — самое приятное; отнеслись *в-н-и-м-а-т-е-л-ь-н-о* к моим словам и к моей бумаге; что из этого последует, не знаю; но я — доволен» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.732). См. также воспоминания Зайцева о Белом: «Бориса Николаевича принял один из следователей. Это был, по словам Белого, умный человек, который выслушал взволнованный рассказ Бориса Николаевича об антропософии, сказал:

— Вы сами не понимаете, как далеко вы от них сейчас ушли.

Эти слова произвели огромное впечатление на Белого, вероятно, они отвечали его внутренним настроениям. Он часто потом повторял: — Он прав! Да, кажется, он прав!

Клавдия Николаевна была вскоре отпущена» (Там же. С.586).

³ См. три заявления Белого в ОГПУ — первое от 26 июня 1931, второе от 10 июля, третье от 1 июля — опубликованные мною: Минувшее: Вып. 12. С.352-360. В первом из них Белый писал: «Прошу взвесить это последнее мое заявление и ознакомившись с рукописью "*Почему я стал Символистом*" (антропософии посвящена 2-ая часть) решить: совместим ли тон рукописи /.../ с "*опасной*" политикой /.../ Должен сказать, что я вполне солидарен с многолетним моим другом и секретарем К.Н. Васильевой, ее мужем, ее сестрой (Еленой Николаевной Кезельман), П.Н. Зайцевым и некоторыми другими из арестованных друзей, вероятно допрашиваемых в ОГПУ; и вероятно — по делу об "*Антропософах*"» (Там же. С.355).

⁴ См. письмо Белого Иванову-Разумнику от 3 июля 1931: «поздравьте меня с огромной радостью, переполняющей душу; 2 июля Клавдия Николаевна и Петр Николаевич к нам вернулись. До сих пор хожу, как во сне» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.733). См. также письмо Белого И.В. Сталину от 31 августа 1931: «Моя нынешняя жена, Клавдия Николаевна Бугаева (до "*загса*" со мною — Васильева) с момента нашего с ней переселения в Детское Село и устройства жилища была арестована, как Васильева, в Детском 30-го мая 1931 года, а 3-го июля освобождена, и дело о ней прекращено; но с нее взяли подписку о невыезде из Москвы до окончания дела бывших членов "*Русского Антропософского Общества*", заметив, что временное прикрепление есть просто "*формальность*"» (Новый журнал. 1976. №124. С.159).

См. также письмо Иванову-Разумнику от 8 июля 1931: «Когда вернемся к Вам, моя роль будет ролью изолятора Кл[авдии] Ник[олаевны], которой надо остаться с собой, отоспаться и не навлечь подозрений, что она в контакте с "*антропософами*", ибо ее привлекательность чисто человеческая и слабость к людям, боязнь их обидеть — главная причина печального события с ней; ее раздули вопреки ее желанию и поставили в положение какого-то ответственного лица — дурь людей, сплетни о ней и безответственность людей, болтающих зря языками» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.735).

⁵ 18 июля Белый зарегистрировал в загсе свой брак с К.Н. Васильевой. 27 июля 1931 Белый писал Г.А. Санникову: «К[лавдия] Н[иколаевна] стала моей женой, а должна жить в комнате с бывшим мужем, ибо деваться некуда; нам троим трудно, и мы ждем, чтобы наконец разрешилось это трудное положение нашим уездом в Детское, а уехать К.Н. — нельзя; корень трудности в старушке матери /.../ а пока живем как на вулкане, — четверо на пространстве 10 шагов, насильственно прикованные друг к другу до того момента, когда К.Н. будет разрешено ехать в Детское; видите, — как трудно /.../ А конца "делу" не видать; и без разрешения К.Н. уехать можно месяцы просидеть в этом "психологическом аду"; /.../ Но уповаю еще, что мы уедем-таки в Детское, и помещение не провалится. Но, ох, как трудно!» (Санников Д. Каждому свой черед // Наше наследие. 1990. №5. С.91).

⁶ См. заявление Белого в Коллегию ОГПУ от 26 июня 1931 (Минувшее. Вып.12. С.353) и заявление в Обл. ОГПУ от 10 июля 1931, где он пишет: «Перед самым отъездом в Детское Село я получил приглашение под угрозой немедленной пени заплатить будто бы незаплаченный в 1928 году налог самообложения, который был в свое время заплачен; /.../ и стоимость налога показана неверной (104 рубля); /.../ пять раз по моему поручению писатель Зайцев ездил в назначенные ему дни в Совет из Москвы, и члены Совета, точно ускальзывали от объяснения; и никаких более требований ко мне уже не предъявляли. Тем не менее, уежая в Детское Село, я оставил Зайцеву налоговые квитанции /.../ Теперь /.../ я узнал от бывшей квартирной хозяйки, что опять в Совете осведомляются о каких-то 104 рублях, будто бы мной не заплаченных» (Там же. С.356). Белый писал об этом и в письмах Иванову-Разумнику от 27 июня («мои квитанции налоговых сборов — в опечатанной комнате Зайцева» — Андрей Белый. Проблемы творчества. С.732) и Санникову от 17 июля (Наше наследие. 1990. №5. С.91).

⁷ В тот же день, одновременно с письмом Зайцеву, Белый написал и его жене и отослал два письма вместе:

Москва. 23 июля 1931 года

Дорогая и глубокоуважаемая Мария Сергеевна,
уежая в Детское и не зная где и когда встречу с Петром Никаноровичем очень прошу передать ему из рук в руки письмо; и сохранить этот список предметов, мне необходимых весьма, или запечатанных в комнате П.Н., или увезенных в ОГПУ, — или переданных П.Н. в другие руки; передайте этот список П.Н., а копию его оставьте себе, буде П.Н. будет выслан до Вас, а Вы временно или постоянно останетесь в Москве, чтобы лично отыскать, что можно в комнате П.Н., когда она будет распечатана, или найти недостающие бумаги, в случае, если они переданы П.Н. в другие руки, ибо отсутствие некоторых документов грозит мне большими штрафами, а денег нет.

Вот что хранилось у П.Н.

1) Квитанция о взносе налога фин-инспектору за 1930 год

2) 3 квитанции о взносе трех налогов самообложения (за 1928, 1929 и 1930 годы) 3) Квитанция о взносе культурного налога за 1931 год 4) Бумага на право получать пром-товары (ткани, белье, предметы домашн. обихода и т.д.) 5) Квитанции о взносе займов индустриализации 6) Выигрышный билет 7) договоры с издательствами 8) рукопись переделанного сборника стихов 9) ремингтон экземпляра романа «*Маски*» 10) ремингтон книги «*Начало века*» 11) вероятно папки с другими моими бумагами (не помню, какими).

В первую голову все документы соберите в пакет и передайте Петру Николаевичу Васильеву (Плющиха, д.53, кв.1) для передачи мне, если Петр Никанорович не будет в Москве.

Извиняюсь, что обременяю Вас; но документы мне нужны, иначе я становлюсь бесправным объектом всяческих злоупотреблений.

Остаюсь сердечно преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев

Копия

Списочек бумаг, необходимых Б.Н. Бугаеву, им отданных П.Н. Зайцеву, где-то у него хранящихся в запечатанной комнате, или переданных в другие руки. (Для Марии Сергеевны Зайцевой).

- 1) Квитанция о взносе налога фин-инспектору за 1930 год.
- 2) 3 квитанции о взносе трех налогов самообложения (за 1928, 1929 и 1930 годы).
- 3) Квитанция о взносе культурного налога за 1931 год.
- 4) Бумага на право получения пром-товаров (ткани, белье и т.д.) из закрытого распределителя.
- 5) Квитанция о взносе займов индустриализации.
- 6) Выигрышный билет.
- 7) Договоры с издательствами.
- 8) Другие документы, какие будут найдены, принадлежащие Б.Н. Бугаеву.
- 9) Рукопись сборника стихов «Золото в Лазури» (переделка).
- 10) Ремингтон романа «Маски».
- 11) Ремингтон книги «Начало Века».
- 12) Вероятно папка с рукописями.

Все документы собрать в пакет и передать Петру Николаевичу Васильеву в случае, если Петр Никанорович уедет из Москвы; тоже и рукописи.

Борис Бугаев

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.16)

[сентябрь 1931]

Дорогой, милый Петр Никанорович, 2 1/2 месяца с трепетом ждал Вашего и друзей возвращения; за это время всячески силился сделать все, что в моих слабых возможностях было возможно; говорил о друзьях (разумеется, о Вас) — там, где удавалось (между прочим с Аграновым, членом коллегии ОГПУ); за это время имел радость видеть освобождение Кл[авдии] Ник[олаевны] и Петр[а] Ник[олаевича]; Клавдии Николаевне удалось выхлопотать разрешение ехать в Детское Село, куда с ней возвращаемся на днях¹. Уежжаю, все же, с чувством некоторого успокоения, узнав, что дело попало в руки, более, так сказать, мягкие; и кроме того: было отрадно узнать, что рукопись моя «Почему я стал символистом» по моему ходатайству изъята из сундука и прикреплена к делу (сейчас она в прокуратуре, где выносится приговор); есть надежда, что приговор будет мягче, чем мог бы быть; и это все, что удалось узнать².

С большой грустью уежжаем, не дождавись судьбы друзей, ибо 1) если во-время не будем в Детском пропадают помещения 2) *К[лавдию] Н[иколаевну] надо изолировать от Москвы*, где ей сейчас быть просто *рискованно* (посещения!!)³.

Итак, дорогой друг, в надежде что Вы вернетесь в Москву — обнимаю. У Марии Сергеевны письмо к Вам, посланное 1 1/2 месяца назад. Повторяю вкратце деловое содержание его: все *бумаги, квитанции, росписки* верните мне; без них — я без рук и ног (бумажки от Финна, налоги самообложения), а то мне пропажа этих документов Бог знает во сколько обойдется; наконец: я подал заявление в Обл-ОГПУ о том, что машинка мне необходима; но прозвонив 6 недель каждый день с утра до вечера в это учреждение, по делу о К[лавдии] Н[иколаевне] и дойдя до сердечной болезни, я уже не могу еще 6 недель звонить о машинке.

И вот: если Вы будете в Москве, то как-нибудь, зайдите к Санникову (он все мои дела знает) и посоветуйтесь с ним, как быть с машинкой (ибо денег — нет, и продать ее надо, а для этого надо, чтобы ее вернули).

Вот положение дела. В июле я был в Обл-ОГПУ, в комнате 117, и передал бумагу с указанием, что у Вас в комнате запечатаны документы мои и моя машинка №2070 системы «SMS» взята у Вас в комнате⁴.

Мне дали телефон 2-29, по которому я мог бы обращаться за результатом прошения о возвращении машинки; кроме того:

можно звонить прямо: Обл-ОГПУ, Кабинет Рогожина; наконец: 1-98-23 (Товарищ Троицкий, технич[еский] помощник в Обл-ОГПУ). Все три телефона ведут в Обл-ОГПУ. Но телефон 2-29 прямее, как мне там сказали.

Оставляю Вам на всякий случай доверенность на Ваше имя.
Ну, Господь с Вами.
Любящий Вас нежно

Борис Бугаев

Р.С. Непременно возьмите первое письмо мое к Вам у Марьи Сергеевны.

¹ В целом ряде писем Иванову-Разумнику летом 1931 Белый утверждал свою надежду вернуться жить в Детское Село и просил своего друга беречь им комнаты, «ибо иначе мы будем без пристанища; К.Н. просто вредно теперь жить в Москве» (письмо от 3 июля: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.733). 19 июля он ему же: «Устал до... сердечных припадков и истощения физ[ических] сил: иногда от переутомления опускаются руки; и кажется, что я — инвалид» (Там же. С.736). Наконец 6 сентября Белый с женой выехали в Детское Село. Они прожили там до 30 декабря 1931.

² См. заявление Белого в ОГПУ (прокурору Р.П. Катаняну) от 1 июля 1931: «доказательство этой критики [международного Антропософского Общества. — Публ.] — вторая часть рукописи моей *"Почему я стал символистом"*, написанной в Кучине, весной 1928 года, при участии моего друга, Клавдии Николаевны Васильевой, проводившей со мной почти все время» (Минувшее: Вып.12. С.357). 16 марта 1928 Белый писал в РД: «/.../ Мысли об Обществе и Символизме», а на следующий день: «Записываю черновик *"Почему я стал символистом"*». Он продолжал работать над статьей до конца месяца: «26-ое. Приехала К.Н. Работа: *"П.я.с.с."*. Кончил вчерне. 27-ое. То же. 29-ое. Переписываю *"П.я.с.с."* Думы об Армении. /.../ За этот месяц в *"Дневнике"* 236 страниц, туда вписан черновик рукописи *"Почему я стал символистом"*». Ср. также письмо Белого А.С. Петровскому от середины марта 1932: «И в разговоре с А. [Аграновым. — Публ.], и в бумаге, поданной в Коллегию, и в разговоре с Пешковой, и в бумаге, поданной К. [Катаняну. — Публ.], я сколько мог, говорил и писал о Тебе, давая характеристику моих друзей; я просил приобщить к делу *"Почему я стал символистом"*; рукопись была в Коллегии; а потом читал К.; сделал я это ввиду того, что там полная картина *"самостоятельности"* бывшей московской группы» (Новый журнал. 1976. №122. С.162).

³ Слово «рискованно» дважды подчеркнуто.

⁴ См. заявление Белого от 10 июля 1931: «В виду этого я прошу кроме выдачи мне сундука с книгами и бумагами 1) вернуть мне мою машинку системы SMS (№2070), приобретенную в 1929 году» (Минувшее: Вып.12. С.356).

Москва. 9 января 32 г.¹

Дорогой, милый, любимый брат!

До чего нас порадовала от Вас открытка, полученная в Детском; до нее мы не знали точного адреса! И даже не могли определить, в Алма-Ате ли Вы, или последний город еще только станция; и не могли собрать сведений точных об адресе. Мейерхольд передал Вашу записку через три месяца (три месяца проносил в кармане пиджака)².

О многих узнали, а о Вас меньше всего было сведений; и сердце горело тревогой за Вас.

В Москве узнали радостную новость, что *в принципе Вы возвращаетесь*; знаю, голубчик, как Вам мучительно жить с неопределенностями, сидя, так сказать, на вокзале в ожидании поезда; сами пережили это состояние, два месяца тщетно тщаь перевести в Детское жену (из Москвы); и тогда мне казалось, что это сиденье ожидания хуже, чем когда жена была в отлучке. Но все кончается; и — главное: Вы вернетесь в Москву; твердо уповаю; как знать, не встретимся ли мы еще (мы здесь до, вероятно, февраля 7-го)³. Пытаются ускорить Ваш возврат. Очень многие литераторы Вас поминуют и поминали нежно⁴. Мы же с Кл[авдией] Ник[олаевной] постоянно с Вами. Все эти месяцы я был в самых интимных переживаниях с Вами так, как никогда. Обнимаю, целую. До скорого, надеюсь, свидания.

Б.Бугаев

P.S. К[лавдия] Н[иколаевна] сердечно обнимает Вас: она едет сегодня к сестре⁵.

Машинопись. В левом верхнем углу: «13/11 56 года. *ОРИГИНАЛА НЕТ*». В середине листа, над текстом письма: «Письмо Б.Н. Бугаева П.Н. Зайцеву».

¹ 31 декабря 1931 Белый с женой приехали из Детского Села в Москву, где они жили в полуподвальной квартире П.Н. Васильева на Долгом переулке. Они вернулись в Москву из-за проблемы с помещением в Детском. Осенью 1931 Белый писал сестре К.Н.: «/.../ мы висим в воздухе: дом, в котором живем, продается, комната, в которой живем и которая предназначалась нам — лишь до 15 ноября; а далее будем тесниться в квартире Р.В.» (Кийз Р. Письма А.Белого к Е.Н.Кезельман // Новый журнал. 1976. №124. С.163). См. также письмо Белого А.С. Петровскому от второй половины декабря 1931: «пока устроились очень сносно у Разум[ика] Вас[ильевича]. Комнатой очень довольны, но на днях придет-

ся переменить ее на более неудобную (у Разумника же); но наше убежище прочно; на днях дом продается, и мы все поступаем к новому хозяину, который по закону не имеет права нас выселить *до апреля* и обязан нам предоставить жил-площадь; конечно, понятие *жил-площади* растяжимо; она может оказаться сырой и гнилой дырой; забот предстоит много; мы не знаем, где очутимся» (Новый журнал. 1976. №122. С.158). В январе 1932 Белый подал заявление в РЖСКТ о предоставлении ему жил-площади в Москве.

² 24 декабря 1931 Мейерхольд с З.Н. Райх приехали в Детское Село. Белый читал им отрывок о «Страшной мести» из книги о творчестве Гоголя, над которой он работал в это время.

³ Они оставались в Москве до 20 марта 1932.

⁴ В письме от середины марта 1932 А.С. Петровскому Белый писал: «за Петра Ник[аноровича] [ходатайствовали. — *Публ.*] Мейерхольд, Волгин, Мещеряков, Союз Писателей; и тут через К [имеется в виду Рубен Павлович Катанян, в это время главный прокурор ОГПУ. — *Публ.*] достигли, что он вернулся» (Новый журнал. 1976. №122. С.161).

⁵ «Сестра жены живет в Лебедяни; у нее остатки ревматизма; ей не повезло; чувствует одиночество; не повезло с хозяевами; жена поедет ее навестить, когда мы будем в Москве» (письмо Белого А.С. Петровскому от второй половины декабря 1931. Новый журнал. 1976. №124. С.158). Е.Н. Кезельман была там в ссылке.

[9 февраля 1932. Москва]

Милый, родной, любимый друг,
— все эти дни только и говорим о Вас; и как хотелось бы дождаться, мы уже 1 1/2 здесь!; и позднее первых чисел марта *никак* не можем остаться по ходу дел (ведь Детское приходится ликвидировать)². Какая радость была бы, если бы хоть день два прожили бы еще с Вами; я долго не знал, куда Вам писать; и только в январе узнал точный адрес. Будьте здоровы, ждем! Если не увидимся теперь, то к маю. Обнимаю Вас. Любящий

Б.Бугаев

[приписка К.Н. Бугаевой на обороте:]

9/II 32 Москва

Милый, милый Петр Никанорович!
нет слов от радости. Кажется, пока не увидишь Вас живыми глазами — не поверишь. Хочется скорее написать Вам, что до начала марта мы в Москве. Было бы обидно разъехаться на не-

сколько дней. Если можно, не откладывайте своего приезда, голубчик. Сердечный привет Вам и поздравление от мамы, тети, П[етра] Н[иколаевича] и т.д. Мама благодарит Вас за открыточку. Всего, всего, всего лучшего.

К[лавдия] Б[угаева].

Почтовая открытка. Штемпель Москвы: 10.2.32. Адрес написан рукой К.Н. Бугаевой: *Казахстан*. Алма-Ата. Октябрьская ул. Гост. Джетысу. Общежитие.

¹ См. заявление Зайцева в Правление ВССП о восстановлении в правах члена ВССП, с датой 11 марта 1932 (ИМЛИ. Оп.1. №60), где он в частности пишет: «Постановлением Коллегии ОГПУ от 3/ХІ/31 я досрочно освобожден из ссылки с правом свободного проживания по всему СССР и восстановлен во всех гражданских правах». К нему приложена копия удостоверения Полпредства ОГПУ в Казахстане о досрочном освобождении П.Н. Зайцева от ссылки, с датой 25 января 1932. В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Перед отъездом из Алма-Аты я случайно встретил там в гостинице высланного Е.В. Тарле. Узнав, что я возвращаюсь в столицу, он принес мне на другой день письмо к Волгину, которое я тщательно спрятал».

² 21 февраля 1932 Белый писал Иванову-Разумнику: «План жизни в Детском зрел до событий летом [1931]; с тех пор изменилось все: твердость помещения в Детском и для нас *уплыла /.../* Все радикально изменилось; /.../ трудно было так сразу переориентировать все планы, пока не стал представляться единственный выход: добиваться через Союз Писателей жил-площади при Союзе и отказаться от всех планов о продолжении нашей совместной жизни в Детском на предоставленной нам площади; т.е. даже явись она, — *она нас не удовлетворит; /.../* Взвесив все, я вынужден был начать решительные хлопоты о предоставлении нам площади в Москве (в принципе писатели отнесли *по-товарищески*); есть полная возможность к осени получить квартиру; лето же (с конца мая) *мы проводим у Ел[ены] Ник[олаевны] в Лебедяни* (до осени)» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.738-739).

³ Ср. письмо Белого А.С. Петровскому от середины марта 1932: «мы с К.Н. без жил-площади; на днях едем перевозиться из Детского, где и дом, в котором мы жили, продан санатории для туберкулезных, и будь даже не продан — жить там нельзя: ситуация сложилась так, что нам нужна квартира, ибо П[етр] Ник[олаевич], ожидая ребенка, должен менять свою комнату в Долгом, чтобы иметь возможность жить с женой, а Анна Алексеевна ослабела, что взывает к особым заботам; оставить двух старушек и Влад[имира] Ник[олаевича] /.../ невозможно; из этого вытекает: нам с К.Н. жить вместе с А.А., т.е. искать квартиру в Москве» (Новый журнал. 1976. №122. С.160). Белый и К.Н. пробыли в Детском Селе с 21 марта по 2 апреля.

[27 марта 1932. Детское Село]

Дорогой, милый друг, Петр Никанорович,

Приежжаем в Москву 31/III с поездом №21 (кажется) в вагоне №4 уходит 30 марта в 9 ч. 30 м. веч.¹ Огромная просьба ввиду того, что не было никакой возможности дать один чемоданчик Всеволоду Николаевичу, едем перегруженные багажем, особенно ввиду нездоровья К[лавдии] Н[иколаевны], которая слаба, обращаемся к Вам и к Дарье Николаевне с просьбой нас выручить тем, что встретить нас на вокзале; тогда каждому в руке было бы по чемоданчику и мы могли бы на трамвае доехать до-дому. Очень, очень просим, я и К[лавдия] Н[иколаевна], выручить нас; и по возможности встретить; мы по приезде поезда подождем Вас с Д[арьей] Н[иколаевной] около вагона, чтобы прямо пройти на улицу. Заранее благодарим; если Вам или Д[арье] Н[иколаевне] нельзя будет встретить, то, м[ожет] б[ыть], найдется кто-нибудь. Я очень боюсь, что К[лавдия] Н[иколаевна] переутомится; у нее сейчас в сильной форме грипп. Остаюсь искренне любящий и заранее благодарный

Б. Бугаев

[приписка Д.М. Пинеса:]

Сердечный привет Вам, дорогой П.Н. Рад Вашему возвращ[е-
нию] в первобытное состояние. Дм. Пинес.

Почтовая открытка. Датируется по ленинградскому штемпелю: 27.3.32. Два штемпеля Москвы: 28.3.32; 29.3.32. Отправлено на обычный московский адрес Зайцева, но на квартиру №39 (не как раньше, №45).

¹ Сведения о дате приезда в Москву, о номере поезда и вагона, о времени отъезда из Ленинграда, а также «кажется» вписаны рукой Д.М. Пинеса. О нем см. прим. 3 к письму Зайцева Белому от 1 ноября 1928. Белый с К.Н. уехали из Детского Села 2 апреля 1932.

[июль 1932]

Милый Петр Никанорович,

Спасибо; мне только надо было знать приемный день. А уславливаться с Б. не надо, ибо моя цель, чтобы письмо ему попало бы в руки¹; и — больше ничего.

Спасибо!

Чувствуем себя тоже выбитыми; у К[лавдии] Н[иколаевны] разыгрались зубы; с отъездом тоже трудно и неясно (и зубы, и билеты, и очереди); раньше 2-3 никак не уедешь.

Не чувствуйте себя связанным в посещении. Зайдите, когда будет время.

Остаюсь искренне

любящий Вас

Борис Бугаев

Письмо датируется на основе пометки карандашом Зайцева: «июль 1932 г. П.3».

¹ Б. — по всей вероятности, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873-1955), который в это время возглавлял Государственный литературный музей. В середине марта 1932 Белый писал А.С. Петровскому: «при "вероятности" разрешения кризиса с жил-площадью надо достать 1500 рублей паевого взноса, чтобы иметь право на въезд; а у меня сейчас нет почти никакого заработка, ибо 2 года почти лежат без движения "Маски" и "Начало века" в "Гихле"; за них получено все, что можно до выхода получить; кабы не пенсия (я стал персональным пенсионером) [23 ноября 1931 Белому назначил персональную пенсию Совнарком РСФСР. — Публ.], то заработок был бы "0"; отсюда, к квартирным хлопотам — денежные» (Новый журнал. 1976. №122. С.160).

В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «Еще в начале 30-х годов была намечена постройка Дома писателей в Нашокинском переулке /.../ Всеми делами этого кооперативного строительства ведал писатель Матэ Залка. Была открыта подписка среди писателей, желающих поселиться в этом доме. Одним из первых решил вступить в этот кооператив Андрей Белый. Но денег на взнос у него не было. За тридцать лет своей писательской жизни и непрерывной работы он их не накопил. Ему пришлось продать часть своего архива, чтобы уплатить взнос» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.587). 23 мая Белый начал переговоры с Бонч-Бруевичем о продаже своего архива в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. На следующий день он писал Иванову-Разумнику, что Бонч-Бруевич «собирается купить мой архив рукописей (увы, сколько я пережег); и собирается твердо» (Там же. С.742) и просил его вернуть оставленные в Детском на хранение рукописи. 9-10 июля Белый сдал часть архива в музей. См. также публикацию С.Д. Воронина «Статья В.Д. Бонч-Бруевича "Архив Андрея Белого"» (Археографический ежегодник за 1984. М., 1986).

К.Н. Бугаева получила квартиру (Нашокинский переулок, д.3/5, кв.55) только через два года, уже после смерти Белого.

[июль-август 1932]

Дорогой Петр Никанорович,
оставляю Вам на случай, если не встретимся завтра эту записку с изложением нескольких сердечных просьб.

1) Был в «Федерации»¹. Н.А. Свешникова сообщила мне, что следуемые мне 25% к 15-ому августу не сумеют мне дать наличными и переведут по текущему счету²; книжка сберкассы, *Гихловская*, у А[нны] А[лексеевны]; надо для этого дать точнейший адрес (адрес «Гихла»); кажется, что №-Гос-труд-Сбер. Кассы 824 (проверьте) счет №56300; все это надо указать Федерации, чтобы они *точно* перевели; Сбер-кассы в той же комнате, где сидит *Горкунов*.

2) Напомните ему, чтобы на мой текущий счет перевели за август и сентябрь по 225 рублей³.

3) Что касается Бонча, то я у него был; и завтра утром сам переведу чек на другую сбер-книжку; если бы вышли паче чаяния затруднения, то напишу из Лебедяни.

4) Переведя на текущий счет «Гихлу», верните сбер-книжку А[нне] А[лексеевне]...

5) Если возможно и будет время, посмотрите переверстку «Масок», хотя бы бегло; не в смысле корректуры, а так, с птичьего полета, чтобы не перепутали страниц и не наделали б в крупном масштабе непоправимых ужасов⁴; низко бы Вам поклонился.

Ну, дорогой друг, желаю Вам всего ясного, доброго; остаюсь сердечно любящий Вас

Б.Бугаев

P.S. Все-таки надеюсь, что увидимся завтра.

Письмо датируется на основе пометки карандашом Зайцева: «июль-август 1932 г. П.З.».

¹ Договор на новый том воспоминаний («Между двух революций») был заключен с изд-вом «Федерация» 23 июля 1932: «2 тома мемуаров», 30 печат. листов (400 руб. за печатный лист). Первый том должен был быть сдан не позже 1/II 33, а второй том — 1/VIII 33 (РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3). Позднее Белый передал рукопись книги «Издательству Писателей в Ленинграде» (См. письмо Белого С.Д. Спасскому от 29 ноября 1933: Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским / Публ. Н.Алексеевой // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.661). Оно выпустило книгу мемуаров в 1935 (на обложке 1934).

² О Нине Алексеевне Свешниковой (у Белого стоит «Свешникова») см. прим.3 к письму №10 Белого Зайцеву. До отъезда из Москвы Белый

оставил следующую доверенность Зайцеву: «Доверяю получить Петру Никаноровичу Зайцеву в счет гонорара 25% причитающейся суммы из издательства "Федерация" за том воспоминаний. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) Москва. 5-го августа 1932» (РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45).

³ 4 декабря 1931 Белый ответил на запрос Союза советских писателей в связи с назначаемой ему пенсией. Ответ на третий пункт с поражающей наглядностью рисует его финансовое положение в это время: «В среднем мой гонорар за последние года равняется около 400 рублей. Но среднюю сумму мне трудно учесть. Я пишу главным образом большие книги в 25 и более печ. листов и очень мало пишу в журналах. Большие книги с трудом печатаются и медленно оплачиваются. В прошлом году мой средний заработок в месяц превышал 500 рублей; но это потому, что я получил крупные авансы за 2 больших тома, превышавших 60 печ. листов (роман "Маски", "Начало века"), над которыми работал 2 года; кроме того: "Никитинские субботники" мне крупно задолжали; так сложилась из выплаты долгов мне издательствами и из авансов крупная сумма; но она пошла на поддержание жизни в 1931 году, ибо средний заработок этого года меньше 200 рублей; в 1929 году я получал до 300 с лишним в месяц (в среднем). Еще не получив расчетов от издательств за 1931 год, не могу точно учесть итога заработка. Могу сказать: средний месячный заработок за 3 года (последних) 400 рублей. В предстоящем 1932-ом году вследствие запозданий выхода книг "Маски", "Начало века" заработок может еще уменьшиться в сравнении даже с 1931; впереди лишь заказы на исследование и роман, а сил мало: здоровье подорвано; и не знаю, сумею ли выполнить к сроку эти работы» (ИМЛИ. Ф.11. Оп.2. №15).

⁴ 21 февраля 1932 Белый писал Иванову-Разумнику: «Работаю я, как вол; и сразу — во всех направлениях: бегаю в "Гихл", пишу "Гоголя", который — все филигранней, все медленней (кружево картинок, связанных из цитат); проверочные и полные ошибок корректуры "Масок", цензурная правка "Начала Века"; одновременно: толкаю квартирный вопрос, лечу зубы (каждый день); словом: день — бега; ночь — работа; сплю, когда придется» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.740), а 5 июля: «Добился я за это время одного успеха: все три книги, "Маски", "Гоголь", "Нач[ало] Века", в принципе решили выпустить в этом году. /.../ приняли мои условия о "Гоголе": 300 р. печ. лист (не 175); и плата — помесечно; через несколько дней перезаключим договор. /.../ Теперь "Гихл", у которого появились бумажные возможности, решил печатать все три книги, не делая пауз между ними. Можно сказать, что с апреля жил в сплошных неопределенностях. Теперь, кажется, уточнилось в одном пункте: с Гихлом» (Там же. С.745).

Тем не менее исследование «Мастерство Гоголя», над которым Белый работал с августа 1931 вышло только после смерти автора, в 1934 (ОГИЗ-ГИХЛ, 5000 экз.). ГИХЛ выпустило роман «Маски» в 1933 (на обложке 1932), как и «Начало века», тиражом 5000 экз.

Белый подписал договор с ГИХЛ'ом на «книгу о творчестве Гоголя» 8 августа 1931 (12 печатных листов, 175 руб. за печатный лист при тираже 5000 экз.) и обещал сдать рукопись в печать к 1 марта 1932. 13 июля 1932 Белый перезаключил договор с ГИХЛ'ом (в лице Н.Н. Накорякова) на книгу «Творчество Гоголя» (22 печатных листа, 250 руб. за печатный лист при тираже 5000 экз.) Рукопись уже была сдана; старый договор «аннулируется, выданный аванс /.../ в сумме р.550 переносится на данный договор» (Оба договора: РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3).

Лебедев 20/VIII 32 г.

Милый, дорогой Петр Никанорович,

Как поживаете? Вот мы уже скоро две недели, как приехали¹. Живем хорошо, тихо; чувствуется полный отдых. Теперь пишу статью о поэме Санникова, — с большим трудом, так как хочется полениться²; но надеюсь окончить к 26-му и с неделю ничего не делать. Голубчик, какой здесь воздух: сухой, степной; с каждым вздохом вбираешь в себя силу. С Е[леной] Н[иколаевной] так хорошо; она имеет вид крепкий, здоровый; в этой тишине и в этом молчании несмотря на одиночество и на ряд жизненных неудобств она окрепла. Дорогой друг, черкните два слова. И между прочим: получили ли Вы письмо к Вам, написанное мною в Москве; моя просьба: при случае будьте в Федерации, чтобы они перевели на № гихловской книжки причитающийся мне аванс, который понадобится по возвращению. Крепко обнимаю Вас

Б.Бугаев

От К[лавдии] Н[иколаевны] и Е[лены] Н[иколаевны] привет.

Почтовая открытка. Штемпель Лебедеви: 20.8.32. Два штемпеля Москвы: 21.8.32.

¹ Белый с женой приехали в Лебедев 9 августа, где они остановились у сестры К.Н. Бугаевой Е.Н. Кезельман. Воспоминания Е.Н. Кезельман «Жизнь в Лебедеви летом 1932-го года» опубликованы мною в кн. К.Н. Бугаевой «Воспоминания о Белом» (С.293-310).

² Поэма Г.А. Санникова «В гостях у египтян» была опубликована в пятом номере «Нового мира» за 1932. Статья Белого о поэме появилась в одиннадцатом номере того же журнала в 1932, в отделе «Писатели о писателях», под названием «Поэма о хлопке». 18 августа Белый писал Санникову: «Великолепно отдыхаем в Лебедеви; она превзошла все ожидания; мы попали в то именно место, где быстро излечиваются

нервы; и с питанием недурно. Первую неделю одолевала законная лень; теперь пишу статью о Вашей поэме, которую надеюсь кончить послезавтра; и отослать Вам для Гронского в конце августа; /.../ Думаю, что статья скорее для "Нового мира", [чем для "Известий"]; И.М. Гронский в это время был редактором и того и другого. — Публ.]» (Наше наследие. 1990. №5. С.93).

67

[конец августа —
начало сентября 1932]

Дорогой, милый Петр Никанорович,
Очень грустно прозвучало Ваше письмо; и в *pendans* к нему неприятно прозвучала статья Асеева; ведь он *может с маху*; а главное: Вы ни коим образом не относитесь к той категории лиц, о которых он пишет; главное: подоплека статьи — «у меня, Асеева, кто-то отнимает *мой*, Асеева, паек»; самое уязвимое место статьи: связывать вопрос о пересмотре членов Союза с изменением политики в отношении к Раппу; ведь откровенно говоря: позиция Асеева припахивает «нэпманством»¹.

Не думаю, чтобы в вопросе о пересмотре руководились статьями такого рода.

Постараюсь непременно быть на съезде писателей; и если предстоит обсуждение этого пункта, постараюсь высказать свои соображения²; ведь позицию Асеева можно уличать в «*правом уклоне*» столь же, сколь многих вчерашних «лефовцев» можно было уличать в левом.

Дорогой друг, живется нам здесь прекрасно; в начале сентября сажусь за III том воспоминаний³; пока писал статью о поэме Санникова; очень интересно выслушать Ваши впечатления от нее; нет спору, она полна промахов, если встать на точку зрения, на которой привыкли стоять (т.е. привыкли видеть достоинство поэт[ического] произв[едения] в *зάνово* завитой строке); «куаферных» достоинств и всяких «*экспрессионистических*» á ля Сельвинский прятностей мало в поэме; новизна и оригинальность ее в том, что она впервые «*героический эпос*», а не «лирика»⁴; и во вторых, что она, будучи «*производственной*» поэмой — интересна, художественна и технически *весьма удовлетворительна*: выдержать на «3х» 3000 строк героического эпоса труднее, чем дать лирическую песню на «5х»; новизна поэмы в том, что она «*новая форма*», а не в том, что в ней «новые» по технике строки.

Я за «поэму» очень стою: оригинальность ее в том, что она не «оригинальничает» в мелочах, будучи оригинальной в основном.

В конце сентября будем в Москве.

Милый друг, как бы мне хотелось вдохнуть в Вас чувство бодрости, которое чаще и чаще приходит здесь; оно правда от «отдыха»; но и правда то, что «дух уныния», которым я так бываю заражен в Москве, — от «городской пыли», а не от усталости жить. Будем, где можно, горды нашей «нищетой», даже «опустошенностью»; ибо опустошение и самое чувство уныния даны, как «испытание», лучшим, а не худшим: «Все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь Солнце Любви»⁵; а ведь луч *этого* Солнца проходит чрез Вас; не то, что озарены *Вы*, а то что будучи порой «про-зорены» Вы умеете «озарить» и других; кому дан дар «озарять», тому особенно тяжело бывает; но и эта «тяжесть» не всем дана; гордитесь ей? Она — своего рода «орден красного знамени».

Ну, дорогой друг, — сердечно обнимаю! Будьте же, будьте твердым и в «час уныния»; после него — солнце светлей! Остаюсь горячо любящий Вас

Б.Бугаев

P.S. Милый, хорошо бы суметь получить *на-руки* аванс из «Федерации», ибо из него в первую голову 600 р. М.А. Скрябиной⁶, во вторую — 1000 р. Алянскому⁷; с текущего счета таких сумм сразу не получишь; а эти 1600 придется тотчас отдать.

Письмо датируется по содержанию (конверта со штемпелями нет).

¹ 23 апреля 1932 произошел переворот в советской литературной жизни: «Правда» напечатала постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое, по свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый «принял, как факт, имеющий огромное значение для советской писательской общественности» (Летопись жизни и творчества Андрея Белого. РНБ. Ф.60. Ед.хр.107). Постановлением был распущен РАПП. 23 августа 1932 «Литературная газета», №38 (207), открыла обсуждение вопросов работы будущего Союза советских писателей опубликованием статьи Н.Н. Асеева (1889-1963) «О составе членов союза советских писателей» (под рубрикой «Трибуна писателя»). Асеев, бывший член ЛЕФ'а и только что избранный член Всесоюзного Оргкомитета союза от РСФСР, писал: «Состав членов будущего союза советских писателей представляется мне количественно не очень большим. /.../ Я нарочно привел пример с рабкорами и селькорами [которые не могут претендовать на вхождение в союз] чтобы /.../ перейти к иной категории людей, вхождение которых /.../ могло бы обременить его уже совершенно нецелесообразным балластом /.../ В первую очередь это те прилитературные люди, которые числятся в писателях, либо совсем ничего

не написав, либо, что еще хуже, написав нечто литературообразное, нечто напечатанное и сверстанное, сделав заявку о себе, примелькавшись в Доме Герцена и в Доме печати, прочно заняли места подлинных /.../ товарищей. /.../ Они паразитируют на жизнеспособности и творческой выносливости действительных литераторов. /.../ Я вижу их подписывающими договора, рвущими авансы, получающими пайки, уезжающими в литературные командировки, результаты которых навсегда остаются тайной /.../ Уж комфорта-то они не упустят!» И дальше: «Вторым при приеме в число членов союза должен стоять вопрос о литературных аппаратчиках и администраторах. /.../ эти тоже являются не менее связывающим /.../ грузом, отнимающим у писателя порядочную долю его прав, ресурсов, привилегий /.../ Кто они, эти люди? Администраторы и инструктора литкружков, неудачливые критики и весьма удачливые члены каких-то худ. и лит. советов при каких-то учреждениях /.../ им не место в союзе советских писателей /.../ было бы преступной ленью и неряшливостью не очистить будущий союз от этих мертвых литературных душ, числящихся за ним со времен рапповской литературной переписи». Статья вызвала ряд возражений.

² 30 октября 1932 Белый выступал на пленуме Оргкомитета Союза советских писателей по докладам его руководителей, И.М. Гронского и В.Я. Кирпотина. Его речь опубл. в кн.: Советская литература на новом этапе. Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.). М., 1933. С.69-71. См. также: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.679-682. В самом начале своего выступления Белый говорил: «Дружеские дебаты тем более назрели, что все, здесь сидящие, к каким бы школам или группировкам ни относили себя на 15-ый год революции, в минуту напряжения всех сил капитализма в борьбе с Советским Союзом оказались здесь, в пределах Союза. /.../ Хочется высказать пожелание, чтобы мы оставили наши вчерашние взаимные счеты и говорили бы о том, что будет завтра, а не о том, что было вчера».

³ «Работать, собственно, т.е. писать третий том воспоминаний ("Между двух революций") — он начал только с 1-го сентября» (Воспоминания Е.Н. Кезельман о жизни в Лебедяни. С.296).

⁴ В своей статье о поэме Санникова Белый писал: «Своим "романом" поэт разрешил принципиально проблему пролетарского эпоса, дав "героическую поэму" не сырьем очерков, не таблицами цифр, не риторикой лирических надстроек над ними, а показом куска жизни, сплетенного из объективных, конкретных, хорошо оформленных образов; /.../ Лирика нужна; это — неоспоримо; но эпос в поэзии еще нужнее; и это — тоже неоспоримо» (Новый мир. 1932. №11. С.232). Там же (С.234): «факт впервые художественно оформленной производственной большой поэмы выявил оригинальность поэта, как творца новой монументальной формы поэзии, а не новой стихотворной строки, что выявляет большую оригинальность, чем оригинальность в завивании туда и сюда столькими перепро-завитой лирической трели». Там же (С.236): «/.../ безвкусно

заострить 3000 строк экспрессионистическими "слоями", т.е. всовывать, как попало в поэму еще "никем неслышанные" ритмы; /.../ Словом, ни старому ямбу, ни Хлебникову, ни Сельвинскому нет места!»

13 марта 1933 Белый писал поэту С.Д. Спасскому: «о Сельвинском не хочу говорить: это — циркизм, джаз-банд, а не поэзия» (Ново-Басманная, 19. С.657).

⁵ Заключительные строки стихотв. Владимира Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь» (1887).

⁶ Мария Александровна Скрябина (р.1901) — дочь композитора А.Н. Скрябина, драматическая актриса, состоявшая в труппе МХАТ II; арестована в 1931. В 1932 она жила одно время вместе с Е.Н. Кезельман в ссылке, в Лебедяни. 21 февраля 1932 Белый писал Иванову-Разумнику: «М.А. Скрябина вероятно получит возможность ехать к мужу» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.739). В середине марта он писал А.С. Петровскому: «за Скрябину [ходатайствовал. — Публ.] — Театр (возвратят)» (Новый журнал. 1976. №122. С.161).

⁷ 15 сентября Белый писал из Лебедяни Самуилу Мироновичу Алянскому (1891-1974), владельцу издательства «Алконост» и одному из руководителей «Издательства Писателей в Ленинграде»: «С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной литературном обязательстве, — и тем более, что это неисполнение обязательства падает на "Издательство писателей в Ленинграде", выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 руб.) за предложенный роман "Германия", который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности /.../ мне "Федерация" должна уже больше месяца аванс [за 3-й том воспоминаний. — Публ.], который надеюсь получить скоро и из которого с благодарностью тотчас же верну /.../ столь выручившие меня 1000 руб.» (Из писем Андрея Белого 1927-1933 гг. / Публ. Т.В. Анчуговой // Перспектива-87. М., 1988. С.505-506).

Лебедянь. 19 сентября 32 г.

Дорогой Петр Никанорович,
простите, что я грешу молчанием; и все это оттого, что только что вписался и хочу до Москвы справиться с уроком; а вечера отрезаны, ибо 1) огней не жжем, 2) с 9 вечера ложимся, вся работа сосредоточена с 8 до часу дня; после обед; после, до 3-х отдых и вялость; а потом — прогулки, чай и чтение вслух Давида Копперфильда¹. А тут еще знакомая, попавшая в Лебедянь, с геологической командировкой, приходила с 3-х и сидела до вечера²; все это и тот факт, что скоро увидимся (будем в Москве 28-го, утром)³, —

заставляло приналечь на работу и неуспевать в письмах, — тем более, что хотелось с Вами тем сердечней поговорить, чем более по иным строкам письма грустно за Вас; не легко Вам, милый! И — как написать в письме; я же в письмах косноязычен, как идиот.

Очень радуюсь встретиться скоро, но очень, очень грущу, что приходится покидать Лебедянь, которая останется лучшим воспоминанием за эти годы милостью ландшафта, и тихостью жизни, столь уютной втроем.

Милый, есть опять-таки до Вас огромная просьба; но я пере-устыженный едва ли могу ее выговорить; и прямо таки *требую* (простите!) на правах дружбы ответа на чистоту, ибо на нет нет у меня решительно ни миллионной доли возражения; просьба — вот в чем: не сможете ли нас встретить на вокзале утром 28-го (вероятно поезд приходит к 8 1/2 часам, ибо отходит из Лебедяни в 8 часов); а то боимся, что с вещами не справимся; а втроем справились бы легчайше; напишите тотчас же открыткой, сможете ли Вы нас встретить, чтобы мы подготовились и обдумали способы переезда, но лишь при условии, что это Вас не слишком высадит из плана; итак, до скорого «здравствуйте», милый друг.

Обнимаю Вас

любящий Б.Бугаев

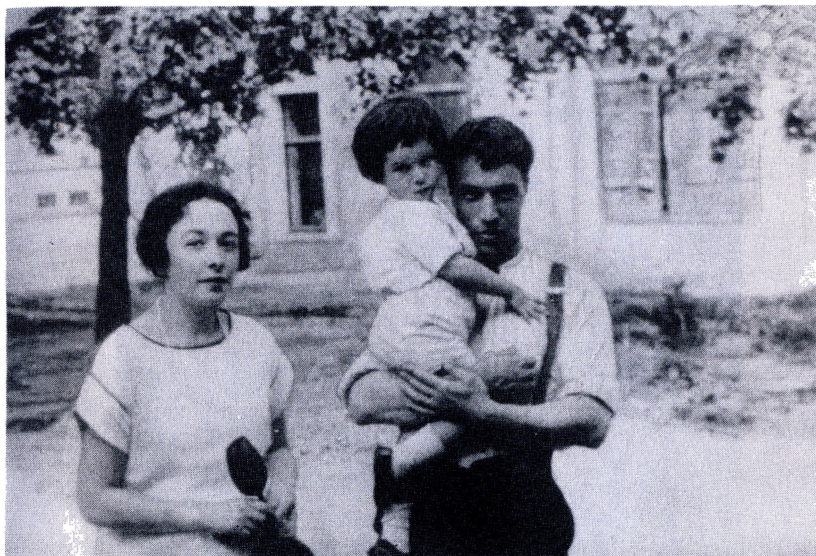
Е[лена] Н[иколаевна] и К[лавдия] Н[иколаевна] сердечно приветствуют.

Напишите открытку.

Машинопись. В верхнем левом углу: «13/11 56г. *ОРИГИНАЛА НЕТ*».

¹ «Одним из волнений моих было и то, что ограниченное количество отпускаемого керосина заставит Б.Н. перестроить весь привычный ритм работы: работать днем, а не ночью. Вставать приходилось в 6 часов, а укладываться спать часов в 9-9 1/2» (Воспоминания Е.Н. Кезельман. С.295). «Часов в пять пили чай и потом отправлялись гулять. Вернувшись с прогулки, закусывали чем-нибудь /.../ После трапезы Б.Н. полулежал, тихо покуривая, Клодя читала вслух военные рассказы Эркмана-Шатриана, или что-нибудь Диккенса» (Там же. С.296).

В своих воспоминаниях о Белом К.Н. Бугаева пишет: «В искусстве слова к безусловно прекрасно-доброму он относил прежде всего: Пушкина, Толстого, Диккенса (особенно "Давид Копперфильд"), Шекспира — творца Гамлета и Короля Лира» (Там же. С.267). См. также «На рубеже двух столетий»: «/.../ такое же сильно впечатление на меня произвел "Давид Копперфильд" Диккенса, первый роман, прослушанный при чтении его вслух мамой, прекрасной чтицей; /.../ с той поры Диккенс — мое перманентное чтение /.../ сорок лет читаю этот бессмертный роман ["Давид Копперфильд". — Публ.]; и в каждом повторном

**Е.В., Е.Б. и Б.Л. Пастернаки.
1926. Во дворе дома на Волхонке.
Фото И.Г. Эренбурга. Архив Е.Б. Пастернака**

**Р.Н. и Ю.В. Ломоносовы. Май 1937. Бад Мергентхейм (Германия).
(РАЛ. MS. 716/6.2.1.1).**

Г. А. Шенгели, 1910-е.

Г.А. Шенгели. 1956.

А.Белый и К.Н. Бугаева. 1930-е. Коктебель.

П.Н. Зайцев. 1930-е.

Слева направо: иеромон. Лев (Л.М. Егоров), иеромон. Гурий (В.М. Егоров), архим. Иннокентий (Б.Д. Тихонов). 1921.

Митр. Гурий (В.М. Егоров). 1960-е.

Еп. Иннокентий (Б.Д. Тихонов). 1930-е.

Митр. Иосиф (И.С. Петровых). Конец 1920-х.

Еп. Димитрий (Д.Г. Любимов). Конец 1920-х.

Иеромон. Варлаам (В.М. Сацердотский). Около 1924.

Прот. Н.К. Чуков. 1911.

Еп. Григорий (А.А. Лебедев). Конец 1920-х.

Еп. Сергей (И.П. Дружинин). Конец 1920-х.

Прот. М.П. Чельцов. 1920-е.

чтении открываются новые и не усвоенные оттенки» (Там же. С.215). 9 октября 1932 Белый записал: «хочу оформить [”Между двух революций“]. — Публ.] в стиле ”Давида Копперфильда“ там, где воспоминания склоняются к биографии» («Летопись жизни и творчества»).

² Имеется в виду Нина Ивановна Гаген-Торн (1901-1986), этнограф, кандидат исторических наук, навестившая Белого в Лебедяни в середине сентября. О ней см. предисловие к публикации ее воспоминаний о Белом (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.546-556), где она пишет о встрече с Белым в Лебедяни (С.554-556).

³ Белый и К.Н. вернулись в Москву 30 сентября.

69

[март 1933]

Милый Петр Никанорович,

Я совсем забыл, что до того, как нам условиться на 25-ое было окончательно решено, что встречу с Вадецким (ему нужно)¹. В 7-ой раз откладывать встречу — нельзя; и поэтому: ужасно прошу Вас зайти 23-го, или 24-го вечером (когда Вам удобно); хочется побыть вместе; и кроме того: есть о чем переговорить².

Остаюсь любящий

Б.Бугаев

P.S. Потелефоньте Дане: как обстоит дело с порцией работы? Пришел крайний срок...

После завтра книга готова.

Через 8 дней — сдавать ее.

На всякий случай: надо быть готовым отдать остаток ремингтона Вашей знакомой³.

Письмо датируется по содержанию и по пометке карандашом Зайцева на конверте (без марки): февраль-март 1933.

¹ Борис Александрович Вадецкий (1907-1962) — писатель.

² «11 февраля 1933 года в Политехническом музее был вечер Андрея Белого. Народу, жаждущего попасть на его лекцию, на улице, в вестибюле, на лестнице столько, что трудно было прорваться сквозь густую толпу /.../ Борис Николаевич беседовал с публикой о романе ”Маски“. Читал отрывки из них и главу из книги ”Между двух революций“» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.586-587). Вечер повторился 27 февраля. 10 марта он выступал на пленуме техперсонала и писателей ГИХЛ (по докладу Н.Н. Накорякова, а 20 марта принимал участие в прениях о поэме Санникова «Каучук» в редакции «Нового мира».

³ К началу февраля рукопись «Между двух революций» была готова на $\frac{4}{5}$, т.е. 12 печатных листов были отпечатаны на машинке и Белому оставалось дописать четыре печатных листа. В начале марта он писал Е.Н. Кезельман: «Я так запустил свою книгу, что теперь к сдаче рукописи пеку, как блины, главки 1 части; 1 апреля последний крайний срок (и то он — отсрочка); стало быть: опять переутомление от писаний» (Новый журнал. 1976. №124. С.164). Первая часть книги («Омут») была завершена 23 марта.

70

25/V 33. Коктебель.

Милый Петр Никанорович!

Вот уже почти неделя, как мы у моря: Все хорошо: и помещение, и питание, и виды¹. Но убийственна погода. Не просто холодно, а холодно с ветром и с припеком. Одновременно и поджаривает и продувает. Очень это утомляет и на нервы действует. Деревья фруктовые едва листиками покрылись. И даже бутонов еще нет. Раньше 15-го/VI едва ли погода установится. А как в Москве? Как Вы и дела Ваши? Б[орис] Н[иколаевич] хочет еще приписать Вам. Передайте мой сердечный привет М[арии] Серг[евне], Вашей сестре и Гале. Светлану поцелуйте. Всего, всего лучшего. Черкните о себе непременно. Долгий [переулок] не забывайте. Шлю сердечный привет.

Кл[авдия] Бугаева

Дорогой Петр Никанорович, — вот и в Коктебеле. Погода холодная; ходим в фуфайках, пальто, как в Москве. Настроение какое-то грустное; на пляже не бываем; там прохватывает ветер². Пока что чувствуется усталость от прошедшего сезона; и полное безмыслие; прежде чем получили уютную комнатку много было хлопот. Передайте, дорогой, в «Гихл» мой почтовый адрес на случай корректур. Крым. Коктебель. Литфонд. Мне. Всем Вашим привет. Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев

Почтовая открытка. Адрес написан рукой К.Н. Бугаевой. Штемпель Феодосии: 25.5.33. Два штемпеля Москвы: 29.5.33.

¹ «17 мая 1933 года вечером Бугаевы уехали в Коктебель [они приехали 19-го. — Публ.], предполагая пробыть там два месяца. Г.Санников и я провожали их. /.../ Жили Бугаевы в Доме творчества ленинградских

писателей. В письмах ко мне Борис Николаевич жаловался на плохую погоду, но хвалил хорошие условия /.../ В первое время Белого не покидала нервозность. Клавдия Николаевна впоследствии рассказывала мне:

— Сидит Борис Николаевич на камушке в Коктебеле, у моря, и думает тяжкую думу: как быть, что делать, как жить? О чем теперь писать? О своем, о прежнем?..» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.587).

² 29 мая Белый писал Г.А. Санникову: «За 10 дней жизни здесь был только один теплый день /.../ А то все холодок; ходим с придрогом; /.../ Бедные приезжие! /.../ ни разу на пляже вволю не належапись; на пляже и сыро и ветристо; жожу в зимней шкурке своей; и — только так. И настроение соответствует погоде: апатия, сонь, разуверение в своих силах» (Наше наследие. 1990. №5. С.94).

Дорогой Петр Никанорович, простите, что так долго не отвечал Вам на Ваше милое письмо; тому причиной — сон, апатия; зима таки сказалась; потом — просто разочарование сказывается в погоде. Не Крым, а... Лапландия; сегодня 7-ое июня, а в конце сентября в Лебедяни было вдвое теплее. Приехали 19-го мая; и вот 19 дней живем в придрогге: было лишь 2 ясных и «относительно» теплых дня; а то — холода; небо — в свинцовых, холодных октябрьских тучах, или в серой мази; садит и режет холодный, кусающий, все пронизающий ветер; и в полдень на солнце только для виду набросана на все сквозная фата тепловатости, которая при малейшем дуновении рвется в клочки. Словом: t° воды 7 по Цельсию, т.е. 5 1/2 по Реомюру; вода по уверению старожил холодней, чем зимой. И при том: все 19 дней нашего пребывания идет медленное понижение t°; и при том: весьма оригинальное понижение; при прояснении, т.е. в солнечные минуты t° резко падает; и ждешь хмури, чтоб согреться; прихмурится: и чуть потеплеет; потом прояснится: и резко похолоднеет; с температурой вот что: в первый день приезда нам казалось, что в Крыму холодно; а теперь мы уже мечтаем о тех блаженных днях приезда, когда можно было ходить без пальто; словом: я — в двух нижних рубашках, иногда в теплых носках; одежды зимние. В лето уже не верим; а вчера наши сожильцы распространяли шутливый слух, что в Феодосии выпал снег. И можно поверить. Словом: приехали не в Крымский май, а в конец сентября; а теперь — конец крымского октября.

К июлю, авось, выпадет снег.

Это пертурбурует все планы на купанье, пляж, тепло. Какое там купанье; согреться бы, да перейти на летние одежды; это было бы недостижимым счастьем.

Все не располагает к приятным настроениям; люди приезжают сюда из Ленинграда; и — простужаются...

Милый друг, Вы не узнали б Коктебель; на пляже — ни души; ходят греться от моря в предгорья: в теплых пальто. Камушки тоже исчезли из Коктебеля: на пляже валяется какая-то серая дрянь; да и не очень-то приятно собирать камушки, когда на море пронизывает до мозга костей.

Что приятно, так это внимательное отношение к приезжающим; кормят прекрасно, любезны, внимательны; мы живем не в Д[оме] Отдыха, а в домике над ним, принадлежащем сторожу, где нам с Клодей отведена прекрасная, отдельная комната; живем вдаль от людей, как у себя. И эту жизнь нам устроил очень милый заведующий Д[омом] О[тдыха]: спасибо ему! Как никак, — проживем до 15 июля²; все таки, — будет же лето, — хоть не Крымское, а хоть... московское; ведь не может же эта Лапландия длиться все лето.

Наш состав, т.е. состав приезжих вместе с нами, — милый: тихие, усталые люди, очень простые; с ними уютно; обстановка простая семейная. Все бы хорошо, если б не... Мандельштаммы [так!] (муж и жена); и дернуло же так, что они оказались с нами за общим столиком (здесь столики на 4 персоны); приходится с ними завтракать, обедать, пить чай, ужинать. Между тем: они, единственно, из 20 с лишним отдыхающих нам *неприятны* и чужды. Впрочем, и это не беда.

Из литераторов здесь кроме нас до Мандельштаммов не было никого; лишь 3 дня назад нелегкая принесла... Мариэнгофа!! Впрочем, — он ест отдельно; и я с ним не разговариваю³.

Наш Д[ом] О[тдыха] очень уютный. Бываем почти каждый день у Марии Степановны. Максов дом, принадлежащий орг-Комитету, — пустует⁴; там 5-6 человек, не более; очень нелепо распределены места; у нас — не хватает мест, а там — вереница комнат: под замком.

Кто так распоряжается?

Но довольно о себе. Хочется сказать о Вас. Вы спрашиваете совета, кому продавать архив; по моему — тому, кто даст больше денег; ведь Вам нужно иметь деньги, для того Вы и продаете; и по моему: продавать тому учреждению, которое больше даст. Вот вторых: Вам хочется эмансипироваться, чтобы отдаться «творчеству»; и это меня... пугает. Что значит отдаться «творчеству»?

«Про-творить» в лучшем случае 5 месяцев, и потом оказаться вновь без заработка? Да и можно ли апеллировать к «*вдохновению*»; и знать, что «вдохновение» Вас посадит через 4 месяца в новый матер[иальный] кризис. Федоров-философ всю жизнь прокорпел в Музее, а «создал» свою систему философии: в *го-да-х*, а не в месяцах⁵; Страхов всю жизнь прослужил, а дал перлы критики⁶. Я боюсь «крылатых вдохновений». «Творчество» — железная работа в *го-да-х*: лучше по часу в день уделять «творчеству»; пусть продукцией дня будут 2 отработанных фразы; в пятилетке это — *книга*. А в 4 месяца книги не будет.

Знаете, по моему, что нужно Вам. Употребить месяцы, обеспеченные продажей архива на то, чтобы найти спокойную службу без всякого «творчества», освободиться от всяких литер[атурных] консультаций и тому подобной чепухи; иметь службу прочную, обеспечивающую; и про себя, у себя, не спеша, в расчете на года работать над одной темой, Вам близкой.

Дорогой друг, увы, — простите: я не верю в устойчивость Ваших заданий: боюсь, что те немногие месяцы, которые Вы посвятите «творчеству» не приведут к желанному результату: начнете с драмы, перейдете на стихи, вдруг увлечет очерк; и — запутаетесь меж трех сосен; и не дадите свершенья; а время уйдет; деньги будут истрачены.

Мой совет: надо твердо знать, что хочешь *создать*; и — создать матер[иальные] условия для медленной упорной творческой работы (хоть $\frac{1}{2}$ [часа] в день; в год это 365×30 мин[ут] = 10950 минут т.е. 133 творческих часов). Спокойная, далекая от всякой литер[атурной] суетни служба (хотя б счетовода) бóльшая по моему гарантия для творчества, чем девиз написать книгу в 3 месяца; и потом — разбиться.

Вы будете сердиться на меня; а мой совет: употребите все усилия на то, чтобы найти себе такое занятие, которое обеспечило бы Вам года спокойное существование; и когда такое место будет найдено, сумейте в каждом дне урвать хоть $\frac{1}{2}$ часа для «прочного творчества», зная *твердо* и *точно* (раз навсегда), что Вы хотите создать.

А продавать архив, чтобы урвать 3-4 месяца для спокойного творчества без видов на будущее, — для меня значило б: ничего не написать.

Писать можно хорошо и твердо, когда живешь без семьи, или когда у тебя год, обеспеченный материально.

Вне этого, — не творчество, а «*легко-крылое вдохновение*», которому я никогда не верил и не верю.

Это сурово, дорогой друг; но суровость моих слов — из любви к Вам. Я хотел бы для Вас будущего; но мне ясно, что продавать архив для 3-4х месяцев матер[иальной] обеспеченности, — чепуха; надо его продавать, чтобы в 3-4 месяца устроить свою жизнь на года.

Милый друг, сердечно обнимаю; и простите еще раз, если эти слова Вам покажутся сухими и черствыми.

Повторяю, — они из любви: только из любви.

Искренне любящий Вас.

Борис Бугаев

Милый Петр Никанорович! Спасибо Вам за такое хорошее, сердечное письмо (и за маму, билет и пр.). Приходите почаще к нам работать. У нас ведь Б[орис] Н[иколаевич] очень волнуется за Вас. А знаете, что волнение его выражается в «крике» (помните мои простуды?!). Он очень ждет, что Вы ему ответите. Пишите скорее. Желаю Вам всего всего лучшего. Вашим привет.

К.Бугаева⁷

Штемпель Коктебеля: 7.6.33. Два штемпеля Москвы: 10.6.33.

¹ Дата вписана рукой К.Н. Бугаевой.

² Клодя — К.Н. Бугаева. 12 июня Белый писал Г.А. Санникову: «Сердечное Вам спасибо за скорую посылку путевок; мы их давно получили; и очень радовались, что легализованы до 15 июля» (Наше наследие. 1990. №5. С.94).

³ О.Э. (1891-1938) и Н.Я. Мандельштам (1899-1980) провели май-июнь в Коктебеле в 1933: «Был Андрей Белый, и из его писем мы узнаем о времени пребывания в Коктебеле Мандельштама. /.../ 21 мая Белый написал Г.А. Санникову из Коктебеля: "Здесь Мандельштамы", — 24 июня сообщал /.../ что "Мандельштамы уже уехали"» (Купченко В. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. №7. С.201).

17 июня Белый писал Ф.В. Гладкову: «Что сказать о Коктебеле? Дни текут мерно, монотонно; наш дом отдыха переполнен главным образом служащими Ленгиза, "Гихла" (Ленинградского), "Дома книги", публика — тихая, мирная; в общем очень симпатичная. Из писательских братьев кроме меня, Мандельштама с женой да Мариенгофа — никого; оба мне далеки, но с Мариенгофом относительно легко: он умеет быть любезно-далеким и легким. А вот с Мандельштамами — трудно; нам почему-то отвели отдельный столик; и 4 раза в день (за чаем, обедом, 5-часовым чаем и ужином) они пускаются в очень "умные", нудные, витиеватые разговоры с подмигами, с "что", "вы понимаете", "а", "не правда ли"; а я — "ничего", "не понимаю"; словом: М. мне почему-то исключительно неприятен; и мы стоим на противоположных полюсах

(есть в нем, извините, что-то "жуликоватое", отчего его ум, начитанность, "культурность" выглядят особенно неприятно); приходится порою бороться за право молчать во время наших тягостных тэт-а-тэт'ов; но это — сухие пустяки по сравнению с рядом преимуществ нашего Дома; администрация исключительно любезная (не за страх, а за совесть)) (Переписка Андрея Белого и Федора Гладкова / Публ. С.В. Гладковой // Андрей Белый. Проблемы творчества. С.769).

Летом 1966 Н.Я. Мандельштам писала Л.Е. Пинскому: «"Разговор о Данте" был написан летом 1933 в Коктебеле. /.../ В Коктебель приехал Андрей Белый. Ему и Мариенгофу О.М. читал "Разговор". Термин Ломоносова "далековатость" — напомнил Белый. Он недавно закончил книгу о Гоголе и, слушая, сводил схожие места. Вероятно, их много» (Вокруг «Разговора о Данте» (из архива Л.Е. Пинского) // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: «Наука», 1991. С.151).

⁴ 12 июня Белый писал Санникову: «Кстати: не можете ли сообщить, кто сейчас в Оргкомит[ете] ответственное лицо, ибо меня волнует судьба М.С. Волошиной, она всецело зависит от Оргком[итета], положение ее очень неопределенно; ввиду этого, ей надо знать лицо, а не безличное учреждение; зависимость всей жизни, судьба ее, — от безличн[ого] учреждения с текучим составом; /.../ она очень беспокоится. /.../ О ней, вообще, хотел переговорить с Вами и посвятить даже И.М. [Гронского] с особенностями ее бытия (ведь ее могут каждый день попросить очистить дом отдыха, отданный Волошиным Союзу писателей)) (Наше наследие. 1990. №5. С.94-95).

⁵ Николай Федорович Федоров (1828-1903) 35 лет был библиотекарем в Румянцевском музее (1874-1898). Его *magnit opus*, «Философия общего дела», был издан только после его смерти (том I в 1906, том II в 1913).

⁶ Николай Николаевич Страхов (1828-1896) служил в Петербургской публичной библиотеке (с 1873) и чиновником в Комитете иностранной цензуры (с 1885).

⁷ К.Н. Бугаева перевернула лист и сделала приписку между строками письма Белого.

Коктебель 19 июня 33 г.

Дорогой, близкий, милый Петр Никанорович,
с волнением читал Ваше письмо; и мне показалось: в нем речь от моего; не хочу сказать, что обида на него. Дорогой друг, верьте, что я и сам знал, что Вы знаете все то, о чем я писал. Но когда беспокоишься о человеке, то высказываешь от волнения

подчас азбучные истины; точно он их не знает; эта черта во мне наследственная; отец, бывало, принимается меня наставлять в самоочевидных истинах; но я знал, что он это от доброго чувства; и Вы, надеюсь, поймете: только искренняя любовь моя к Вам вызвала эти нелепые строки о том, как я бы поступил на Вашем месте. От всей души желаю Вам скорее продать архив; и устроиться при Копяткевиче¹; он, кажется мне, человеком простым и хорошим; а место в Центр[альном] Архиве, — преинтересное место: есть над чем поработать.

У нас все без перемен; солнца видим мало; на несколько градусов потеплело; я лишь раз окунулся в море; Клодя — 2 раза: не узнаю Крыма. Но удобно, тихо, кормят прекрасно: циплятами, пирогами. Не работаю, и не буду работать. Охватило после ряда недомоганий спокойное чувство, подобное сну; такие сны бывают у выздоравливающих; вижу, до чего нам нужно было уехать на отдых: и Клоде, и мне.

В сне, охватившем меня, поднимаются думы: промысливаешь весь минувший год; и промысливаешь предстоящее настоящее.

От Ф.В. Гладкова получил чудесное письмо: прекрасный он человек, как и Н.Н. Ляшко²; передайте последнему мой привет и то чувство симпатии и доверия, которое всегда меня охватывает, когда я вижу его; передайте ему, что постараюсь его отблагодарить за камушек камушком, если оный найду: нынешний пляж ужасно беден; вместо пестрых камней какая-то серая дрянь; камушки пропали.

Вообще Коктебель не прежний.

Дорогой друг, есть как говорят «до Вас» просьба: захаживайте в Нашекинский и спросите их или Гр[игория] Алекс[андровича] Санн[икова]: внесены ли телефонные деньги (300-400 рублей); мне писали, что до 7-го июня нужно было их внести, и тогда они сами поставят телефон; Анн[а] Алек[сеевна] писала, что деньги внесены будут; но могла произойти путаница; телефон нужен *до зареза*: если деньги не внесены, упросите их ставить телефон; деньги у Ек[атерины] Алекс[сеевны] есть; мы можем если ей мало, спешно выслать. Без телефона жить в Москве нельзя; и еще: напишите, когда срок переезда в Нашек[инский] пер[еулоч] и сообщите им, что, может быть, мы задержимся в Коктеб[еле] *до августа*; во всяком случае: до 20 июля переехать не сможем.

Держите нас в курсе Нашек[инского] пер[еулка]³. Заранее благодарю Вас за всю ту добрую помощь, которую Вы нам оказываете; и особенно сердечное спасибо за корректуры «Нач[ала] Века». Кстати: меня беспокоит верстка «*Маст[ерства] Гоголя*»⁴. А были

ли корректуры конца книги? Я их не видел. Где они? Пришли ли они в Москву; кто их правил, или кто будет править? Очень жду предисловия Каменева; при случае передайте это Н.И. Гарвею⁵.
За все это глубоко благодарю.

Много читаю беллетристики. В совершенном восторге от романа В. Катаева «Время вперед»⁶; непременно прочтите; и наслаждался книгой Тихонова «Кочевники», как теперь наслаждаюсь книгой Павленко (анатолийские рассказы)⁷.

Дорогой друг, скоро еще напишу, а сейчас спешу окончить письмо, чтобы оно пошло еще сегодня.

Остаюсь сердечно любящий Вас

Б. Бугаев

P.S. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам и Вашим сердечный привет. М[арии] С[ергеевне] — привет от меня.

Милый Петр Никанорович! Спасибо что так скоро ответили. Часто вспоминаем Вас. Напишите, куда уехали на дачу М[ария] С[ергеевна] со Светланой? Хорошее ли место? Как с продуктами? Вам теперь тихо дома. Верно отдыхаете, если только дети под окнами не шумят. Пишите опять так же скоро. Хочется знать, как с архивом? Куда Вы его сдаете. — Сердечный, сердечный привет и всего лучшего

Кл[авдия] Бугаева

Штемпель Коктебеля: 1.6.33. Штемпель Москвы: 22.6.33.

¹ Александр Антонович Копятевич — работник советской печати, в это время заместитель Н.Н. Накорякова, директора ГИХЛ'а.

² Переписка Белого и Gladкова относится к 1933 году и, главным образом, касается романа «Энергия» и статьи Белого о нем (Новый мир. 1933. №4. С.273-291). Письмо Gladкова от 3 июня («Если бы я умел писать письма /.../ я послал бы Вам целую поэму о том, как я расту в Вас всеми моими корнями, как я поражен Вами от первой встречи, как я боязливо /.../ чувствую Вашу сложнейшую красоту, прекрасную мятежность мудреца и воина») и ответ Белого от 17 июня опубликованы: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.763-771.

Ляшко (наст. фам. Лященко), Николай Николаевич (1884-1953) — прозаик, в 1920-1932 один из руководителей «Кузницы». Его переписка с Зайцевым от 1918-1929 хранится в ИМЛИ. Ф.15. Оп.2. №77-78. В середине 20-х годов он писал Зайцеву: «И только не думай об А.Белом. Ему хорошо в реторте, а ты живой человек.... Ну, не буду, прости».

³ Речь идет о квартире в писательском кооперативе, куда Белый с женой и ее матерью и тетей (Екатериной Алексеевной) собирались пере-

ехать. После возвращения в Москву ему с К.Н. пришлось продолжать жить в Долгом переулке, в старой квартире: «Там /.../ он жил с женой /.../ и ее родными. В восемнадцатиметровой комнате. Там стояли: рояль Клавдии Николаевны, его письменный стол, за шкафами — кровати. Окна — у самого потолка. В окнах — ноги проходивших по улице. Ноги выстраивались в очередь к молочной. Тени их — двигались по потолку» (Гаген-Торн Н.И. Воспоминания об Андрее Белом // *Andrey Bely. Centenary Papers*. Амстердам. 1980. С.21). См. также воспоминания Зайцева: «Беспокойство и нервозность Бориса Николаевича относительно квартиры были обусловлены еще и тем, что на квартиры в писательском доме было много претендентов, и при жилищной тесноте и сильном квартирном кризисе в Москве юридические права не всегда соблюдались. Еще бытовало право наиболее юркого и проворного, и Борис Николаевич опасался, что его будущую квартиру захватят чужие люди» (С.588).

⁴ О книге «Мастерство Гоголя» см. прим.4 к письму №65.

⁵ «Затем последовал ряд кровоизлияний и одно из них в ноябре 1933 года, когда Белый прочитал предисловие Л.Каменева к "Началу века". (Книга вышла в ноябре 1933 года в ГИХЛ'е. Борис Николаевич написал мне на заглавной странице: "Дорогому другу с горячей любовью этот искаженный предисловием Каменева экземпляр. Автор. 1933 года. 28 ноября")» (Воспоминания Зайцева о Белом. С.590). Лев Борисович Каменев (1883-1936) — деятель ВКП(б), в это время директор изд-ва «Academia». Николай Иванович Гарвей — сотрудник ГИХЛ'а.

⁶ Ср. письмо Ф.В. Гладкову от 17 июня 1933: «много читаю беллетристики; очень понравился мне роман "Время вперед" (В.Катаева); ему, конечно, далеко до "Энергии", но роман восхищает мастерством иных страниц; и тема соц[иалистического] соревнования проведена с большим захватом» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.770).

⁷ В 1930 группа советских писателей, в том числе Н.С. Тихонов (1896-1979), Луговской, Леонов, Санников и Вс.Иванов, по инициативе и с участием П.А. Павленко (1899-1951), ездила в Туркмению, с тем чтобы впоследствии выступить с пропагандой социалистического строительства. Книга очерков «Кочевники» вышла в 1931, а «Анатолия» Павленко — в 1932.

Коктебель. 28 июня. 33 г.

Дорогой друг,

Поздняя ночь. Клодя спит. Я по обстоятельствам, о которых говорить долго и сегодня, и завтра держу вахту до рассвета. И вот захотелось вдруг Вам перекинуть несколько слов, — «ни о чем» (верней об очень многом); только я стал немой: не умею высказываться; и когда говорю, то или впадаю в тон абстрактной фи-

дозофичности, либо брюжжу (неужели это «старческое брюжжание»?). И даже, когда хочу сказать поласковее, то... начинаю «назидать», или, как к Клоде «приставать». Меня все мучает мысль, что я в одном из писем к Вам «пристал» с советами Вам. Дорогой друг, но это оттого, что я Вас очень люблю и Вам очень благодарен. И вот эти простые слова к Вам (что «очень люблю Вас») и хотелось Вам еще раз сказать этой ночью... Все. Больше ничего...

Напишите, как себя чувствуете, работаете ли у нас в комнате, как архив, как дело с Копяткевичем? Мы едем 15-17 в Москву. Не знаете ли, как дело обстоит с новой квартирой? Обнимаю крепко. Клодя спит. Но самочинно шлю Вам привет от нее. Б.

P.S. Что слышно об Алекс[ее] Сергеевиче¹?

Почтовая открытка. Два штемпеля Коктебеля: 29.6.33. Два штемпеля Москвы: 2.7.33.

¹ Белый не знал, вернулся А.С. Петровский в Москву из ссылки или нет.

74

Коктебель. 10-го июля 33 г.

Дорогой, милый Петр Никанорович,

Спасибо Вам за ласковое письмо; пишу спешно, чтоб бросить на почту. И о делах.

Спасибо за отмеченные несуразности; отвечаю: относительно Ликиардопуло. Гарвею, конечно, более известно, где писал Лик[иардопуло]. Я в это время был вне России; и мне передавали лишь, что он писал в «*Нов[ом] Времени*». Значит: передавали неверно. Об Олениной: конечно, Ваше толкование верно; исправьте: «*ее удостаивали чести спеть перед Королевской фамилией в Мюзик-Холле*» и т.д. А дальше оставьте без перемен. Конечно Лосский «лысый», а не «сысый». Вместо чепухи о Свенцицком, исправьте «*несколько шальных барышен с курсов Герье да какие то раздираемые противоречиями полубомбисты, да несколько батюшек, внимали песне Свенцицкого*»¹.

Милый друг, еще одна огромная просьба; ужасно Вы выручили б меня, если б встретили нас на вокзале и помогли б нам справиться с вещами. Не знаю пока точно номера поезда (он — прямого сообщения из Феодосии, экспресс, или скорый); и не знаю,

на какой день из трех возможных достанут билеты: на 17-ое, или 19-ое (а может и на 15-ое); словом: вернее всего, что приедем 19-го, или 21-го; как только узнаю точно день отъезда (билеты берут нам в Доме Отдыха), так тотчас же пишу Вам. Есть ли надежда на автомобиль? Он разрешил бы все противоречия. Вероятно приедем в мягком вагоне (просил взять в мягком): впрочем, пока не ручаюсь (здесь все так неопределенно). Дорогой друг, если будет у Вас возможность нас встретить, то встретьте: заранее огромное спасибо.

Вот и все пока что. Желаю от всего сердца, чтобы к нашему приезду разрешился бы вопрос о службе и об архиве.

Извините за спешность письма; и еще раз спасибо за ласковое Ваше последнее письмо.

Остаюсь искренне любящий братски

Б.Бугаев

P.S. Шлет К[лавдия] Н[иколаевна] Вам, Марье Сергеевне и Вашим детям от всего сердца привет.

Штемпель Коктебеля: 10.7.33. Два штемполя Москвы: 13.7.33.

¹ В это время Зайцев держал корректуры «Начала века». М.Ф. Ликиардопуло (1883-1925) — переводчик, критик, секретарь «Весов» с 1906. В примечании Белого о нем (изд. 1990, с.421) говорится, что он был корреспондентом «Утра России», не «Нового времени».

Фраза о знаменитой камерной певице М.А. Олениной-д'Альгейм (1869-1970) находится на с.445 издания 1990 г.

«К нему подбегает с растерянным видом рыжавенький, маленький, лысый, в очках, Н.О. Лосский» (философ, 1870-1965) — с.493.

Фраза о прозаике, публицисте и церковном писателе В.П. Свенцицком (1879-1931) — см. с.495 («несколько шальных эсеров, да барышни» и т.д.).

Коктебель. 11/7 33 г.

Дорогой, милый Петр Никанорович!

Пишу вдогонку письма к Вам. Я уже просил Вас в письме (и верьте, стыжусь, что вечно докучаю Вам просьбами), если будет возможно, нас встретить на вокзале. Будем в Москве 19-го (ужежаем 17-го из Феодосии)¹; поезд №16 (мягкий вагон) приходит утром; кажется, — рано. О часах прихода можно справиться по телефону. Пора ехать. Очень, очень стыдно опять и опять просить Вас. Бо-

юсь, что авто не будет, извозчиков тоже; и в таком случае часть вещей придется сдать на хранение и вторично тащиться за ними. Скоро увидимся. Всего, всего лучшего, до скорого свидания. Б.Б.
P.S. Только что получили радостную весть.

Почтовая открытка. Штемпель Коктебеля: 12.7.33. Два штемполя Москвы: 16.7.33.

¹ В своих воспоминаниях о Белом Зайцев пишет: «17 июля Бугаевы собрались выехать в Москву. Были куплены билеты. 15-го сидели и беседовали со знакомыми в Доме творчества. Борис Николаевич был оживлен, весел, он загорел, как негр. И вдруг: — дурнота, тошнота, обморок... Это был солнечный удар. Первое кровоизлияние... Вернулись Бугаевы в Москву 1 августа 1933 года» (С.588).

См. записи К.Н. Бугаевой в «Летописи жизни и творчества»: «*Июля 15.* Все последние дни находился в состоянии крайней возбудимости и нервного напряжения. Очень много говорил, двигался. 15-го в 6 часов вечера — внезапное ощущение жара в затылке, обморок, сильнейшая головная боль.

Июля 16. Консилиум трех врачей: солнечное перегревание, сильный склероз. [Последние две недели в Коктебеле, со времени начала болезни, Белый прожил в так называемой "музыкальной комнате" на первом этаже дома Волошина. — Публ.]

Июля 20. Доктор Славоблюбов подтвердил результат консилиума и нашел еще крайнее нервное истощение. "Ваша болезнь в том, что Вы слишком молоды для своих лет" [см. воспом. К.Н. Бугаевой о Белом. С.70. — Публ.].

Июля 21-28. Перемежающиеся боли в голове, спине, ногах. Избегает солнца: гуляет до восхода и после заката. Попрежнему общителен, но утомляется от разговоров.

Июля 29. Отъезд из Коктебеля в Москву».

О состоянии здоровья Белого по пути обратно в Москву см. письма К.Н. Бугаевой Б.В. и И.Н. Томашевским от 31 июля и М.С. Волошиной того же дня (цит. в прим. А.В. Лаврова к его публикации переписки Белого и Томашевского: Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С.225).

[21 августа 1933]

Дорогой Петр Никанорович,
в настоящем письме Шпетту я уведомляю его о получении им продуктов [по] нашей коопер. книжке¹. Ознакомившись с письмом, передайте по телефону Г.Г. Шпетту содержание письма с просьбой моей ему прислать за продуктами. Буду весьма благодарен Вам.
Б.Бугаев

Письмо написано карандашом и датируется по содержанию.

¹ См. письмо Шпету (у Белого всегда «Шпетт») от 21 августа 1933 (РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.19):

Дорогой Густав Густавович,

жена уже известила Тебя о том, какие продукты мы должны Тебе, ибо мы пользовались ими еще до момента, когда узнали о том, что наши книжки поступили тебе; и стало быть: продукты мы с точностью готовы Тебе возместить. Ввиду моей болезни, случившейся в Коктебеле (отравление солнцем), я должен прятаться от солнца. Но это лишь повод к тому, чтобы сердечно просить Тебя посетить нас с женой: провести вечерок вместе; о дне легко сговориться (это зависит от тебя): П.Н. Зайцев будет с тобой говорить по телефону, и меня известит о дне, выбранном тобой.

Милый Густав Густавович, приходи к нам; кстати: я имею для тебя книги, тебе приготовленные (роман «Маски» и повесть «Крещеный китаец»); это — один из предлогов тебя залучить к Тебе; продукты для тебя готовы; я сам бы их тебе завез, но в настоящие дни я избегаю солнца и сижу дома.

Передай привет Твоей жене и дочке, если они вернулись из Коктебеля, где мы жили почти рядом и постоянно общались.

Очень жду Тебя.

Остаюсь искренно преданный

Борис Бугаев

Москва. 33 г. Августа 21-го.

На конверте (без марки) адрес: Москва. Брюсовский переулок, д.17, кв.16. Телефон 3-13-41.

Белый был большим почитателем Г.Г. Шпета (1878-1937) — философа, литературоведа, вице-президента ГАХН'а в 1920-е годы. О нем см.: Между двух революций. М., 1990. С.274-278.

77

Москва. 4 сент[ября] 33 г.

Дорогой Петр Никанорович,

пишу Вам еще раз подчеркнуть: *очень хорошо*, что Вы сосредоточились на «Кино»; работа здесь — Ваше настоящее амплуа; пишу это письмо, потому что мне показалось, будто вчерашняя наша беседа оставила у Вас впечатление каких-то сомнений во мне этого Вашего пути; ночью много говорили с К[лавдией] Н[иколаевной] о том, что «Кино» — в линии Вашего творчества; и сегодня утром хочется еще раз Вам сердечно и убежденно сказать: «Бодрее, — за дело: этот путь творчества — для Вас!»

Остаюсь с большой любовью Б.Бугаев

Почтовая открытка. Два штемпеля Москвы: 5.9.33.

7 октября 1933 Белый писал Б.В. Томашевскому: «Трудная в этом году для меня осень. /.../ Мне хочется, как зверю, найти себе берлогу, чтобы там залечь, ибо все внешние впечатления тотчас разыгрываются во мне с неудержимою силой; все мне болезненно. /.../ Нервы не переносят улицы, людей и речей; стоит поговорить с полчаса, и — вспыхивает припадок мигрени.

Словом:

Замыслил побег

В обитель дальнюю труда и чистых нег.

Только вот, — нет нигде этой "дальней обители" надо строить ее внутри себя самого, чем я и занят» (Пушкинский Дом. С.239).

8 декабря Белого отвезли в клинику. Месяц спустя, в 12 часов 30 минут дня он скончался от паралича дыхательных путей (сердце еще работало). Ему было 53 года и три месяца.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

ПИСЬМА А.БЕЛОГО Д.К.БОГОМИЛЬСКОМУ

Письма Белого к Давиду Кирилловичу Богомильскому (р.1887), тесно связанному с изд-вом «Круг», позволяют составить более определенное представление о его переговорах с издателями в трудное для него время после возвращения из-за границы в октябре 1923 и о его попытках издать свой новый роман «Москва». Письма хранятся в РГАЛИ. Ф.1607. (Богомильский). Оп.1. Ед.хр.9. Первые три письма написаны по старой орфографии. Комментарий дан минимальный, так как о большинстве лиц и событий подробный комментарий приводится в примечаниях к письмам Белого Зайцеву.

1

Коктебель. 6 июня [1924]

Глубокоуважаемый и дорогой Давид Кириллович,
На днях пишу Вам подробно, а теперь лишь деловым образом. Напишите о журнале и издательстве, когда выяснится. Очень прошу 1-го июля выслать деньги *денежным письмом*, а не переводом. В Феодосии мало денежных знаков и их не выдают. Можно получить деньги лишь при помощи денежных писем. Письмо адресуй-

те: Крым. Феодосия, дом Айвазовского. М.А. Волошину для Бор. Ник. Бугаева. И, если можно, пришлите, хоть на черв[онец] мелочи: почти невозможно разменять. На днях пишу подробно об издательстве. Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев

Почтовая открытка с адресом: Москва, Рождественский бульвар. д.17. кв.10. Штемпель Феодосии: 9.6.24. Штемпель Москвы: 11.VI.24.

2

Глубокоуважаемый и дорогой Давид Кириллович,

Я послал Вам открытку; и, вероятно, она не дошла. Вот уже 2 недели, как я в Коктебеле; здесь — изумительно; и жизнь течет нормально; и природа оказалась соответствующей мне; и погода нам благоприятствует. Если собираетесь в Крым, — навестите меня; я здесь, вероятно, пробуду до 1-го сентября: не имеет никакого смысла уезжать отсюда ранее. Эти две недели дал себе полный отдых; и теперь приступаю к роману. Очень жду от Вас вестей относительно возможности осуществления нашего издательства; на днях пишу Иванову-Разумнику и некоторым петербургским издателям¹; кстати: здесь, в Коктебеле вероятно будет кое кто из писателей; и я мог бы успешно оповестить и ознакомить с нашими «Сборниками». Надеюсь, что Вы меня уведомите о благоприятном или неблагоприятном исходе переговоров Ваших с [фамилия стерта, очевидно, не Белым. — *Публ.*]. Буду писать на днях Борису Андреевичу Пильняку; кстати, — что он? Я до сих пор не имею никаких известий из Москвы; и — даже: ни разу не прочел ни одной газеты.

Знаете ли, что меня при выезде из Москвы обокрали; исчезли ремни [так!] с множеством вещей; и с ними 7 червонцев, которые я нарочно припрятал в ремни ввиду того, что на южных дорогах бывают случаи ограбления поездов (мне говорили, что тогда осматривают бумажники, а не смотрят ручных вещей); я переусердствовал, засунул часть денег в ремни; и эти вот ремни у меня стащили с извозчика; ввиду этого я особенно жду, что Вы мне вышлете 15 червонцев 1-го июля; и при этом вот такая просьба; высылайте не денежным переводом, а *денежным письмом*; в Феодосии мало денежных знаков и переводы не выдают; так мне сказали местные жители. Итак: жду от Вас в начале июля денежного пи-

сьма, а не перевода по адресу: Крым. Феодосия, дом Айвазовского, М.А. Волошину для Б.Н. Бугаева.

И во всяком случае жду Вас в Коктебеле, если Вы будете в Крыму.

Остаюсь искренне расположенный и уважающий Вас

Борис Бугаев

Коктебель 15 июня 24 года.

¹ 17 июля 1924 Белый писал Иванову-Разумнику:

Кроме того: есть у меня литературное дело, о котором хочу с Вами посоветоваться, и которое пока *«либо будет, либо нет»*. Дело вот в чем: Борис Пильняк, к которому обратилось одно лицо, предложив денежные средства для издательства и сборников, обратился ко мне, желая меня привлечь к организации его: речь идет о создании издательства, где можно было бы печататься и о период[ических] сборниках; издательство собиралось бы блюсти интересы писателей (оно — не хищническое); меня уговорили не отказаться от приложения руки к нему, и я принципиально дал согласие на участие в редакторской группе, хотя эта группа и смущает меня; в ней Пильняк (очень глуп и совершенно без всяких *«идей»*) и Богомильский, коммунист, очень милый, порядочный, романтически настроенный человек (я его мало знаю, но ручаюсь за его безукоризненную честность); оба (Пильняк и Богомильск[ий]) и привлекли меня; издатель пока совершенно стухшевыается: если бы были литер[атурные] культурные сборники, то их официальным редактором был бы Борис Пастернак (по причинам внешним); и уже Пильняк весной называл эти сборники: *«Журнал 3-х Борисов»*. В *«трех Борисов»* не очень то верю (может получиться лебедь, щука и рак), но пока соглашаюсь; с Л.Б. Каменевым уже были переговоры о цензурном разрешении (к нему ездил Богомильский): организацию издательства и сборников отложили до осени; меня же просили оповестить Вас и друг[их] петербуржцев, чего я пока не делал, ибо для меня проблема, могу ли я работать в союзе *«трех Борисов»* и проблема, не лопнет ли все предприятие.

Как того и боялся Белый, предприятие в действительности «лопнуло».

3

[конец июня 1924, Коктебель]

Глубокоуважаемый Давид Кириллович,
простите за карандаш; пишу наспех; и — повторяюсь: у нас не доходят письма; я еще не получил ни одного письма; поэтому, боясь, чтобы не вышло недоразумений, я повторяюсь; и вкратце

передаю лишь то, о чем уже Вам писал в обстоятельном письме на случай, если бы то письмо затерялось (передаю это письмо с попутчиками в Москву). Первого июля пожалуйста вышлите гонорар, но непременно *денежным письмом, а не переводом*: по переводам деньги не выдают ни в Феодосии, ни в Коктебеле, а денежные письма доходят; можно писать по адресу Крым. Коктебель. Дача Волошина. Борису Никол. Бугаеву (и даже так, пожалуй, лучше); а можно писать и так: Крым. Феодосия. дом Айвазовского. Для М.А. Волошина. Мне.

Жду известий о журнале и издательстве. Пока еще ни одного письма из Москвы не получил.

Жму крепко руку.

Остаюсь с искренним уважением

Борис Бугаев

4

Дорогой Давид Кириллович,

Я обращаюсь к Вам с просьбой окончательно вырешить вопрос о моем романе «Москва»; даю Вам право поступать по Вашему усмотрению вплоть до разрыва договора.

Это письмо является доверенностью и, стало быть, Вы имеете [право] показать его И.Г. Лежневу и Каганскому. Я не имею физической возможности присутствовать на совещании, которое предполагалось быть между нами и редакцией «России». Прошу Вас известить это и И.Г. Лежневу.

Остаюсь с глубоким уважением

Б. Бугаев

5 декабря 24 года.

5

Глубокоуважаемый и дорогой Давид Кириллович,

В дополнение к моему письму от 5 декабря, в котором я прошу Вас взять на себя любезность вести переговоры с представителями журнала «Россия» по делу о моем романе «Москва», — обращаюсь с нижеследующим заявлением.

Я доверяю Вам вырешить вопрос о моем романе с И.Г. Лежневым и издателем журнала «Россия» Каганским; и если Вы найдете нужным разорвать мой контракт с издателем журнала «Россия», Каганским, то я не буду иметь ничего против этого разрыва.

И́ стало быть: уполномочиваю Вас разорвать договор. Прошу Вас также, если возможно, получить гонорар за статью мою о Валерии Брюсове¹, или условиться о цене гонорара. Предоставляю Вам или выплатить сполна двадцать червонцев, взятых мною, как аванс, за роман «Москва», или ту сумму, которая приходится за вычетом следуемого мне гонорара.

Простите, что пишу не на почтовой бумаге: пишу — ночью (бумага же вся вышла). Буду Вам крайне благодарен за Ваши хлопоты.

Остаюсь искренне уважающий Вас

Борис Бугаев (Андрей Белый)

Москва. 8 декабря 24 года.

¹ Валерий Брюсов (Некролог) // Россия. 1925. №4(13). С.263-280. Статья была написана в ноябре 1924. Ср. неопubl. запись Льва Горнунга от 14 января 1925: «Сегодня у Зайцева Андрей Белый читал свои воспоминания о Валерии Брюсове. Я пришел первым. Белый был уже там и беседовал с Петром Никаноровичем. Зайцев нас познакомил, но тут стали собираться участники кружка».

6

Дорогой и глубокоуважаемый Давид Кириллович,
Сто пятьдесят рублей (150 рублей) от книгоиздательства «Круг» получил.

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)

Москва. 15 декабря [1924]

P.S. Дорогой Давид Кириллович: все эти дни хворал: сегодня нашли форменную ангину. Теперь — лучше. До Рождества постараюсь сдать 2-ую главу¹.

¹ Декабрь 1924: «Переделываю 2 первых главы "Москвы" и отдаю их "Кругу"» (РД).

7

[сентябрь 1925, Кучино]¹

Дорогой и глубокоуважаемый Давид Кириллович,
Я передаю в «Круг» отработанные для печати (отдельной книгой) первую (51 страница) и третью (123 страницы) главы романа «Москва». Вторая глава находится в «Круге» в гранках, за которыми я еду.

Четвертая (и последняя) глава первого тома «*Москвы*» находится в следующем положении; страниц 60 — в ремингтоне, а 30-40 страниц еще в отработке; не моя вина, что с ними опоздал: ведь размеры 3-ей и 4-ой глав силою вещей (развитием фабулы) увеличились вдвое; и так гоню работу: просиживаю ночи без сна; ведь за лето я отработал уже более 150 страниц трудной для меня худож[ественной] формы; и не удивительно, что не поспел к 1-ому августа с концом.

Пишу это письмо Вам, чтобы передать, — в случае, если не застаю Вас. Когда мне сдать 4-ую главу? Когда вся она отработается, или — по половинкам (т.е. около 60 страниц; и — 40 страниц); первую половинку сдам, как только получу из ремингтона; а вторую, как только допишу (не позднее 2-3 недель).

Думаю, что эта задержка не помешает «*Кругу*» пустить первый том в набор (без остатка 4-ой главы), ибо у Вас в распоряжении 1-ая глава (51 печ. страница), 2-ая (72 ремингт. страницы), 3-ья (123 реминг. страниц) да $\frac{1}{2}$ четвертой (которая — в ремингтоне) (до 60 страниц); итого, имея до 300 страниц текста, — Вы ничего не теряете, если кончик первого тома (ударное место, над которым изнемогаю, и которое вследствие переутомления моего, остается пока недоработано), — если кончик первого тома отстанет от прочих мест романа на 2-3 недели. Прилагаю при сем письме несколько слов к руководству наборщикам. Скоро думаю быть в Москве дня на 2. Надеюсь, что на этот раз удастся с Вами посидеть вечером. Ведь я засел безвыездно в деревне, чтобы работать: работа с «*Москвой*» — очень трудная при моей манере письма т.е. при переделках (до 3 раз, переделывая, переписываешь текст).

С приветом и уважением

Борис Бугаев ·

В этой же единице хранения есть не совсем точная машинописная копия письма, подписанная: «С подлинным верно. Свеш[никова]».

¹ Ср. РД за сентябрь 1925: «Кучино. Числа 16-го переезжаем к Шиповым. Здесь оканчиваю вполне "Москву"».

[сентябрь 1925]

Дорогой Давид Кириллович,
возвращаю Вам корректуру; не будучи уверен в правильности некоторых своих корректурных значков, я прилагаю при корректуре листик главных замечаний (относительно «*красных строк*»,

которых не умею отметить и относительно нумерации главок, почему то пропущенных при наборе, так что текст сливается)¹; оставляю ремингтон у себя: он мне нужен был бы; полагаю, что *теперь*, после правки гранок он уже не нужен для типографии.

Буду в Москве, как только получу ремингтон первой половины 4-ой главы (с второй половиной — спешу); тогда же, если Вам будет можно, встретимся.

Кстати, — хотел бы увидеть Александра Константиновича; он хотел печатать выборки из «*Пепла*»²; может быть, — передайте ему, что как только я кончу с 1-ым томом «*Москвы*», тотчас примусь за составление книжечки стихов (составлю очень быстро); сейчас же дни и ночи занят «*Москвой*».

Итак, до скорого свидания.

Борис Бугаев

P.S. Пришлось кое-где сократить текст 2-ой главы.

Есть машинописная копия, с неточностями, подписанная: «С подлинным верно: Свеш[никова]».

¹ «*Замечания к корректурам*», написанные Белым на большом отдельном листе (Л.8 в ед.хр.), нами не приводятся.

² Ср. РД за октябрь 1925: «По просьбе Воронского готовлю сокращенный "Пепел" к переизданию; весь месяц правка стихов».

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

БЕЛЫЙ И Н.Э. ХЕЛМИНСКИЙ

Документы, которые печатаются здесь впервые: письма Белого издателю Н.Э. Хелминскому (о нем см. прим.4 к письму №2 Белого Зайцеву) и ответы на них, с приложением квитанций к почтовым и денежным переводам 1924 (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.134), а также договор между Хелминским и Белым, расписки последнего и письмо Хелминского Д.К. Богомильскому (Там же. Ед.хр.342), — документы эти дают представление о литературных делах Белого в первый год после его возвращения в Россию.

Белый — Хелминскому

Коктебель. 12 июля [1924]

Глубокоуважаемый Николай Эдмундович, Давид Кириллович Богомильский в письме мне сообщил в ответ на мою просьбу, что перешлет мне к началу июля 15 червонцев (по условию нашего с Вами договора); кроме того: от тов. Анищенко я получил соответствующее уведомление, что в первых числах июля я получу деньги. Между тем: до сих пор денег нет. Я не обращался бы к Вам так настоятельно, если бы в мае меня не обокрали, и деньгами, и вещами; поэтому в настоящее время я чрезвычайно нуждаюсь, должен платить за пансион и т.д.; между тем: единственный ресурс получаемые мною по договору 15 червонцев к первому июлю. Если Вы еще не выслали их, то немедленно вышлите денежным письмом по следующему адресу: Крым, Коктебель, дача Волошина. М.А. Волошину для Б.Н. Бугаева (Андрея Белого). Если же деньги были своевременно высланы, а я не получаю их вследствие дефекта почты, то телеграфируйте мне об этом, дабы я мог исследовать на месте (здесь часты путаницы). Я очень беспокоюсь, ибо сижу без денег, отрезан от Москвы и т.д. Злосчастная кража у меня денег в мае непредвиденно поставила меня в положение вполне зависеть от денежной высылки. Жду с тревогой от Вас известий.

Примите уверение в совершенном уважении

Борис Бугаев (А.Белый)

Письмо написано в соответствии со старой орфографией.

Хелминский — Белому

Июля 3 [1924]

Б.Н. Бугаеву

КРЫМ

Многоуважаемый Борис Николаевич,

В исполнение нашего договора пересылаю при этом письме Вам 150 р. Шлю Вам пожелания отдыха и работы.

Уважающий Вас

Н[иколай] Х[елминский]

Машинопись с подписью.

Хелминский — Белому

Б.Н. Бугаеву

26 июля 24 г. Крым

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Пересылая при этом письме 150 р. — августовский взнос по нашему договору, прошу извинить нас за задержку в высылке денег: мы воздерживались от пересылки в Крым, так как не знали, как долго Вы там пробудете.

Шлем Вам наилучшие пожелания.

Уважающий Вас Н.Х.

Машинопись с подписью. К письмам Хелминского приложены две квитанции к почтовым денежным переводам из Москвы в Феодосию, каждая на 150 рублей.

ДОГОВОР

Между Борисом Николаевичем Бугаевым (Андреем Белым) с одной стороны и Николаем Эдмундовичем Хелминским с другой 14 апр. 1924 г. в Москве заключен нижеследующий договор:

1) Б.Н. Бугаев обязуется написать роман и сдать его (или части его, удобные для печати отдельным изданием) Н.Э. Хелминскому к 1 сент. с.г.

2) Н.Э. Хелминский не предусматривает сейчас, как будет издан этот роман; он обязуется выпустить его в свет не позднее трех месяцев со дня получения рукописи.

3) Н.Э. Хелминский обязуется выплачивать Б.Н. Бугаеву ежемесячно, начиная с 1-го мая, в течение четырех месяцев, сто пятьдесят рублей золотом.

4) Если условия, кои будут предложены в сентябре, когда должно будет приступить к печатанию романа Н.Э. Хелминским, с одной стороны, и роман с другой, не будут удовлетворительны, — настоящий договор расторгается с тем, что Б.Н. Бугаев возвращает Н.Э. Хелминскому полученные от него шестьсот рублей в месячный срок. Арбитром в решении этого пункта, в случае разногласия между Б.Н. Бугаевым и Н.Э. Хелминским, является Б.А. Вогау (Пильняк).

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)

Николай Эдмундович Хелминский

Машинопись с подписями.

Москва, Декабря 5 1924 г.

Многоуважаемый Давид Кириллович,

Б.Н. Бугаевым (А.Белым) было передано мне по договору от 14 IV с/г. право на издание его нового романа. В исполнение договора я выдал ему в обусловленные сроки предусмотренную договором сумму 600 р.

Несмотря на истечение срока (1-го сентября) роман мне до се-го времени Б.Н. Бугаевым не передан.

Настаивая на выполнении Б.Н. Бугаевым договора я, зная Ваши дружественные с ним отношения, прошу Вас принять на себя урегулирование моих отношений с Б.Н. по вышеупомяну-тому договору, при чем настоящим письмом я даю согласие на все, без исключения, решения и действия, которые будут Вами приняты.

При сем прилагаю договор и расчетные документы.

Уважающий Вас

Николай Хелминский

Машинопись с подписью.

К письму Хелминского Богомильскому были приложены архивом копия контракта и следующие расчетные документы:

- а) Дорогой Федя, —
будь добр, спроси у Быкова или Базилевского, когда мне запла-тят по договору Белого, я был поставлен на очередь Ангертдом. Если сегодня, — вот доверенность, если после, доверенность держи у себя и получи. А если сегодня, пришли с запиской и Ми-тей. Вечером сегодня — увидимся, позвони в шесть.

Машинопись без подписи; на обороте написано: Дав. Кир. Богомль-скому. Рождественка, 4, Госиздат. 41 коп.

- б) Получил пятнадцать (15) червонцев в счет гонорара за роман от Давида Кирилловича Богомильского 2 мая 24 года. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый).
- в) Получил пятнадцать червонцев в счет гонорара за роман от Давида Кирилловича Богомильского. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). 25 мая 24 года.
- д) Получено от Бориса Николаевича Бугаева (А.Белого) в счет возврата выданного ему по договору от 4 [так!] апреля 24 г. аванса 400 (четыреста рублей). Н.Хелминский. 13 и[юня/юля?] 25 г.

ПИСЬМА М.А. ВОЛОШИНА П.Н. ЗАЙЦЕВУ

Письма Волошина Зайцеву (см. прим.10 к письму Зайцева Белому от 25 июня 1924 и прим.2 к письму №2 Белого Зайцеву) хранятся в ИМЛИ. Ф.15 (Зайцев). Оп.2. №32 и публикуются впервые.

1

Коктебель.
19 13/XI 24

Дорогой Петр Никанорович,

большое спасибо Вам и Ангарскому за присылку 100 руб.¹ Они пришли как нельзя более во время. Если не послали еще остальных 50-ти то будьте добры пошлите по адресу: Феодосия. Д[ом] Айвазовского. Неониле Васильевне Успенской для Волошина. Зимой в Коктебеле получение заказной и денежной корреспонденции крайне сложно.

Очень рад, что удалось «искромсанную Россию» провести через цензуру². Я не очень то верил в успех Вашего предприятия... Напомните Ангарскому, что он мне сам обещал прислать свое издание Уэлса «Краткая история мира». Оно мне было бы очень нужно. Был бы очень благодарен, если бы он прислал для Дома Отдыха и другие издания Мосполиграфа а также III и IV книгу «Недр»³.

У нас уже началась зима. Ранние холода. Коктебель пуст. Но окна замазаны, двери забиты, есть дрова и я закопался в зимнюю берлогу для работы.

Как живет литературная Москва? Как идут издательские дела? Есть ли облегчение в области цензуры?

Есть ли оживление литературной жизни?

Этой зимой я едва ли выберусь из Коктебеля. Летом жду Вас к себе, милый Петр Никанорович. Теперь Вы дорогу знаете. Приезжайте лучше пораньше и на более долгий срок. Как Ваши поэтические собрания? Передайте пожалуйста мой привет их участникам. Видаете ли Вы Альвинга⁴? Попеняйте ему, что он так и не собрался ко мне в Коктебель и скажите, что я его всегда жду. Выяснилась ли судьба Ал[ексея] Сер[геевича]⁵? Мария Степановна посылает привет Вам и Ангарскому.

Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин

На конверте: Петру Никаноровичу Зайцеву, Мосполиграф, Кузнецкий М[ост] 20. Москва. Штемпель Крыма: 17.11.24. Штемпель Москвы: 19.XI.24.

¹ Ангарский Николай Семенович (1873-1943) — литератор, организатор (вместе с Зайцевым и В.В. Вересаевым) издательства «Недра».

² Имеется в виду поэма Волошина «Россия», датируемая 6 февраля 1924. Сильно урезанный текст поэмы впервые опублик. в шестом вып. альманаха «Недра» в 1925 с подзаголовком «Фрагменты из неоконченной поэмы». Полный текст впервые опублик. в первом томе «Стихотворения и поэмы» Волошина (Париж. YMCA Press. 1982. С.339-351).

³ Редакция альманаха «Недра» находилась в правлении Мосполиграфа на Пименовской улице в Москве.

⁴ Альвинг Арсений (наст. имя и фам. Арсений Алексеевич Смирнов; 1885-1942) — поэт, прозаик, критик, переводчик. Арестован в 1932. См. неопубл. запись Л.Горнунга за февраль 1923: «Когда появился из Крыма поэт Арсений Алексеевич Альвинг и кто-то рекомендовавший его сообщил ей [Анне Арнольдшне Антоновской, в литературном салоне которой собирался кружок "Московский цех поэтов". — *Публ.*], что он большой поклонник поэта Иннокентия Анненского, она перепутала и сообщила нам в начале вечера, что у нее будет выступать сегодня поэт Арсений Анненский». Запись от 3 апреля 1924: «Помимо "Зайцевского" кружка, по инициативе поэта и в прошлом редактора издательства "Жатва" (1911-1917 гг.) Арсения Алексеевича Смирнова-Альвинга, было учреждено общество по изучению и распространению творчества И.Ф. Анненского. У нас был выработан Устав этого общества. Основная группа была членами-учредителями. Общество решено было назвать "Кифара". Председателем был Арсений Альвинг, я был секретарем».

⁵ А.С. Петровский — см. о нем прим.4 к письму Зайцева Белому от 23 июня 1921. В 1924 он был в ссылке.

2

19 17/ХІІ 24

Почт. адр. Феодосия.
д.Айвазовского
Успенским (для М.В.)

Дорогой Петр Никанорович,
спасибо за ласковое и подробное письмо. Вы правы: все наши встречи проходили до сих пор среди такой суеты и толкотни, что некогда было ни подойти, ни посмотреть друг другу в глаза по человечески — и в Москве и в Коктебеле — (в очень горячую пору Вы были) но Вас я уже давно отметил для себя, как человека мне внутренне близкого, и очень хотелось бы Вас повидать для себя — вне суеты т.е. в Коктебеле весной (либо осенью), когда нет этого непрерывного потока новых людей. Я — Вы может быть это за-

метили — мало «литературный» человек. Я гораздо более привык к строю и ладу художественных мастерских а не литературных кабинетов. А это очень несхожие между собою обстановки. Чисто литературная среда, как таковая, с ее профессиональными отличиями, мне была всегда даже несколько чужда и враждебна. И я очень ценю когда в человеке мало литератора и много человека. Что я заметил и в Вас, Петр Никанорович.

Тем не менее большое спасибо за литературные новости, хотя от таких Федераций Раб.-Крест. писателей горестно сжимается сердце.

Неужели Борис Николаевич уже успел закончить свой роман? Или он читает лишь отдельные главы? Каков он? Я глубоко ценю романы Б.Н., но тайно молюсь Богу, чтобы он не написал его снова гексамером, как все свои последние книги.

Каков роман С.Клычкова?¹ 14 лист! Это страшно.

Мне очень любопытно (и необходимо для поучения) что именно казалось цензуре недопустимым в моей «России»?

Пропуск 3 строк об «интеллигенте» меня удивил. Все что угодно, только не это думал я может навлечь на себя «не позволяли».

Я по правде сказать думал что будет все не пропущено и не знаю чему удивляться мягкости ли цензуры или дипломатии Ангарского. Но все таки никак не эти строки считал я наиболее опасными.

«Современника» я таки и не видал — что то мне не высылают². Не видал и «Коня воронова»³. Он ведь кажется был предварительно издан за границей?

Буду с нетерпением ждать «Уэлса» — которого я пока только просматривал и он мне показался очень дельным, широким и достойным всяческого внимания: книгой наталкивающей на новые обобщения.

Передайте пожалуйста мой привет посетителям Ваших сред и особенно Пастернаку. Напомните ему, что он тогда собирался мне подарить «Сестру мою жизнь» — за что я был бы ему глубоко благодарен — книга, которой я еще не держал в руках⁴. Мне бы очень хотелось узнать из Ваших посетителей молодого Вермеля, который мне написал тогда прекрасное письмо на которое мне тогдашняя моя разодранность на клочки не позволила ответить. Напишите мне его имя отчество и адрес (ведь это не автор «танок» и не его брат⁵?) и передайте ему мой привет. Крепко жму Вашу руку и благодарю еще раз за внимание.

Максимилиан Волошин.

Мария Степановна, которой сегодня нездоровится (лежит), шлет Вам привет.

Штемпели Москвы: 25.XII.24; 28.12.24.

¹ Первый роман Сергея Антоновича Клычкова (1889-1937, расстрелян) — «Сахарный немец» (1925).

² Речь идет о «Русском Современнике» (1924), по характеристике В.В. Вейдле (одного из его сотрудников) — «последнем не-казенном, последнем свободном (пусть и не полностью) журнале, открыто издававшемся в пределах нашего отечества» (Вейдле В.В. Журнал *Русский Современник* // Русский Альманах. Париж, 1981. С.393). В редакцию входили Горький, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский, А.М. Эфрос и Е.И. Замятин. Журнал был встречен с единодушной враждебностью в официальной советской прессе и был закрыт в конце 1924.

³ Имеется в виду повесть «Конь вороной» В.Ропшина (Борис Викторович Савинков; 1879-1925), одного из лидеров партии эсеров, члена ее боевой организации. Опубл. в конце 1923 в Париже, а в 1924 в России.

⁴ Ср. запись Л.Горнунга от 21 марта 1924: «Сегодня в литературном кружке у Петра Зайцева был вечер Максимилиана Волошина /.../ На чтении стихов среди присутствовавших был и Борис Пастернак» (Горнунг Л. Встречи за встречей // Литературное обозрение. 1990. №5. С.102).

⁵ По-видимому, имеется в виду Филипп Вермель, брат поэта Самуила Матвеевича Вермеля (1892-1972), автора сб. «Танки. Лирика» (М.: «Студия», 1915). Филипп Вермель выпустил один сборник стихов в 1923 — «Ковш» (М.: «Дельфин»).

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЕРЕПИСКА А.БЕЛОГО С СОВЕТСКИМИ ИЗДАТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ В 1920-1930

I

*Письма по поводу напечатания книги
«Ритм как диалектика и "Медный всадник"»*

а

[до 15 апреля 1928]

*К Издательству [«Никитинские субботники»]
(Для читающих рукопись, или ее набирающих.)*

Взяв из «Издательства» рукопись, я нашел ее в беспорядке; 1) чертежи не были вместе; 2) «приложение» было всунуто в середину текста.

Смысл всей работы — в вычислениях; отчетливость чертежей, построенных на месячных, изнурительных вычислениях,

должна быть *безукоризненна*. Эта книга взывает к тщательному набору, к тщательному воспроизведению схем и системы обозначений. Взяв рукопись для исправления, я нашел ее *в хаотическом виде*, несмотря на то, что для цензуры даны отдельные экземпляры.

Обращаю внимание издателей на то, чтобы они *бережнее обходились с текстом, без чего они сами себе затруднят работу издания*.

Андрей Белый

РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.21. На письме карандашом рукой П.Н. Зайцева написано: «1928. "Никитинские субботники"». См. схожее по содержанию письмо №22 Белого Зайцеву.

В сентябре 1928 рукопись книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» была взята из изд-ва «Никитинские субботники» и передана в «Федерацию». 27 октября Белый подписал договор с ней. В этой же единице (Л.11-18) есть и длинное письмо Белого от весны 1929 С.Я. Штрайху, в то время работающему в «Федерации», о гранках книги. В своих воспоминаниях о Белом (С.572) Зайцев пишет: «Знал, что, получая для авторской корректуры гранки, Борис Николаевич приходил в полное отчаянье, так плохо был сделан набор». В письме (машинопись, с примечаниями Зайцева) Белый писал:

б

Уважаемый тов. Штрайх!

Позвольте мне Вам высказать несколько чисто принципиальных соображений о методе набора и корректурной правки моей книги «*Ритм как диалектика*», без усвоения которых техническим аппаратом людей, ведающих выпуском книги, она *не может появиться в свет*, ибо она в том виде, в каком ее набирают и правят, — бессмыслица. Я очень прошу обратить внимание на мои слова, ибо в том виде, в каком я получил корректуры, я не могу править их; и — впредь отказываюсь; или пусть меня на время набора книги возьмут в Издательство на должность корректора.

Что было бы, если б учебник алгебры набирали так, что обращали бы внимание на слова, а формулы воспринимали бы как какое-то «*трень-брень*». Тогда алгебра перестала бы быть алгеброй, а стала дичью. /.../

Что было бы, если бы наборщики отказались понимать корректурные знаки, традиционно принятые; не понимали бы, что значит: /, $\sqrt{\quad}$, \checkmark и т.д.

Тогда *вообще* книг нельзя было бы набрать.

Все это я должен высказать, ибо 1) наборщики не набрали верно *ни одного метрического знака*, тоже принятого всеми на-

родами в столетиях, как «— / », «— / —» и т.д., а корректор, тщательно *правя* слова, относился к обозначениям, *четким в рукописи*, как к какому-то «трень-брень», т.е. ни одна метрическая формула не поправлена.

Книга же моя в тексте есть лишь пояснение знаков, к набору которых надо *Н-А-И-С-Т-Р-О-Ж-А-Й-Ш-Е* отнестись.

Ведь ошибка в одной только формуле аннулирует смысл десятков словесных страниц.

Ставится знак вопроса: возможно ли в 20-м веке напечатать книгу по стиховедению (в 15-м, 16-м, 17-м, 18-м, 19-м веках это было возможно; вдруг — стало невозможно). /.../

Если нет наборных знаков, надо уведомить автора, условиться в обозначении недостающих знаков, чтобы автор в первую голову оповестил читателей /.../ читать-то будут читатели, ведающие метрические формулы: они ведомы всякому курсанту.

Если написано — (удар над чертой), то и надо набирать так; если «— / » (удар *после* черты), то опять таки надо так набирать; нельзя смешать «— / » с «— / ».

В наборе все это смешано; ни единой ошибки в формуле не исправил; автор получил корректуры без полей и схватился в ужасе за голову: *если не понимают* четко написанных традиционных знаков, он не может даже и исправить. /.../

Книги по стиховедению и доселе печатаются; формулы набирают и по сие время. Стало быть набор и небрежность корректора — «небрежность» или сознательное игнорирование «смысла», ибо в книге, посвященной математическим вычислениям, метрические формулы суть Ф-О-Р-М-У-Л-Ы, где каждый значок, его размер, положение, где количество одинаковых значков играет роль большую, чем словесный текст (который лишь комментирует формулу).

У меня написано ---- (т.е. 5 неударных), набирают — «---», «--», «-----». (совершенно бессмысленно), а корректор, сверяя, не считает количество знаков; и получается: автор, написав «--- / », говорит о *пэоне* (знак пэона), а в тексте стоит «---», т.е. *трибрахий* (нечто другое). Так набирать нельзя, ибо все равно; *так набранное рассыплется*; автор не может допустить превращение формул в «трень-брень».

И будто трудны эти знаки? Они стары как мир; в каждой типографии имеются; надо только иметь глаза и понимание не большее, чем понимание корректурных знаков. /.../

Вообще надо точно видеть, что стоит в тексте, а не фантазировать знаками /.../; если наборщики отдаются фантазиям, путают знаки, /.../ то надо им внушать, что набирается не «трень-

брень», а книга, посвященная формулам и вычислению. И уж, конечно, корректору надо с особою пристальностью разобрать набор, *сверив с текстом форму знаков, их количество, их группировку*. Самое удивительное в том, что корректор, правя слова, относится к формулам, как к какому-то птичьему чириканью; если он в первый раз встречается с метрическими знаками, то *тем педантичнее он должен вникать* в оригинал.

Если же он возлагает корректуру (т.е. искоренение «гор бес-*смыслиц*») на автора, то он должен озаботиться аршинными полями, а не узкой каемочкой /.../

Это чисто принципиальные соображения — вот почему:

1) Автор не может, зачеркнувши весь набор и не имея возможности исправить, посвящать «томы» комментариев набору.

2) Книга не может печататься, если ни наборщики, ни корректора не вникнут в начертания и организацию весьма простых знаков, принятых во всех странах уже века, и имеющих всюду, ибо книги по стиховедению выходят в России.

Извиняюсь, если вынужден писать Вам в тоне сетований; но надеюсь, что Вы внушите корректору, что и мне, и ему, и И[з-дательств]ву будет легче, если он осмысленней отнесется к правке формул, очень простых, очень четко написанных. /.../

II

Письмо в изд-во «Никитинские субботники»

[18 декабря 1928]

Многоуважаемый товарищ корректор,

Просматривая корректуру и видя ряд вопросительных знаков я полагал, что они суть выражения Вашего недоумения. Спасибо за внимание, но ряда вопросов в свою очередь не понимаю я; и мог бы присоединить к Вашим вопросам свои вопросы.

Что касается до цифр, стоящих после каждого стихотворения, то это — года написания; их объяснение — в предисловии; года написания сопровождают стихи; это обычай от Пушкина до нашего времени, имеющий свое значение для историков поэзии.

Переиздание книги, вышедшей в первом издании 20 лет назад, тем более обязывает автора ставить года написания, а года в скобках — года ретуши, правки; в предисловии объяснено, что

08 значит 1908 год, а не 1808, ибо мне не сто лет. Раккурс — экономни набора.

Главное, все объяснено.

Другие же вопросительные знаки мне вовсе непонятны; они относимы не к ошибкам руки, глаза, ремингтона, а уже относятся к непониманию либо слов, либо синтаксиса; я их зачеркивал просто, ибо как это мне объяснять выражение «сереет часовой» (т.е. человек, одетый в серую шинель)¹; ведь тогда надо объяснять и выражение «чернеет галка»; или что означают знаки вопроса, сопровождающие слова «*верши*», «*бивни*»? Неужели незнание русского языка: «*верши*» — плетенки для ловли рыб, а «*бивни*» — боковые длинные зубы²; сравнение размоин мергелового слоя с «*бивнями*» — это, что ли, смущает? Но тогда смущает всякая метафора вообще, как «упал в обморок», ибо обморок не яма, куда падают, а состояние; и «форма знания» — метафора, ибо она — не гончарная форма.

Что означает вопрос при слове «*шинуаз*», как не незнание, что 20 лет назад еще танцевали кадрили, где была фигура, называемая «*шен шинуаз*» (китайская цепь)³.

Остальные знаки вопроса того же типа: если они относятся не к корректуре, а к «своеобразному» отношению к знакам препинания и синтаксису автора. Знаки препинания и синтаксис в пределах общих норм варьируются; и сами эти нормы — результат изучения приемов живого и художественного стиля; у Толстого «*точка с запятой*» стоит там, где Пушкин ставил точку, а у меня «*тирэ*» и две точки подчас заменяют голосовую паузу и оттенок «*потому что*»; когда «*потому что*» нет, что вполне правильно и вытекает не из незнания синтаксиса⁴; а из настолько им овладения, что следствием этого является обогащение русского синтаксиса, который искони развивали художники слова.

Я очень благодарен вопросам лишь в том случае, что они суть знаки внимательного отношения к корректуре.

Но если они суть критические замечания на полях или поправка моего синтаксиса, то я должен сказать, что я знаю, что делаю, ибо более четверти века пишу и более четверти-века изучаю *словарь* и *синтаксис* русского языка; и, печатая свои книги, порой даю ряд указаний заранее, на что обращать внимание, ибо заранее знаю, что когда напишешь «*шкала*» наберут «*школа*», напишешь «*Кант*», а наберут «*Конт*», ибо и наборщики, и корректора имеют тенденцию поправлять автора от «*газетного языка*», который ¹/₁₀₀ лишь русского языка; только этим объяснимо непонимание слова «*взадуй*»⁵, ибо и корректор и газетный работник не сидели годами над «*Словарем русского языка*» Даля и не знают,

что от всякого глагольного выражения возможно словопроизводство; и говорят: ударилась «вслезь», стала «взаверть»; крестьянин поймет, что значит «взадуй», а испорченный укороченным словарем газет — не поймет; еще сто лет назад Пушкин гнал учиться языку «у просфирни» аристократов (это значило тогда: «ближе к народу»)⁶; вот я и учусь: и сознательно употребляю народные слова, и никогда не напишу безграмотного «представляет "из себя"», а «собою», потому что «из себя» выражение, несвойственное русскому языку⁷.

Знаки вопроса я зачеркнул, а это пространное объяснение написал для того, чтобы Вы, товарищ корректор, успокоились относительно моей грамотности.

Ряд строк *очень неразборчиво* набран; надеюсь, что в тексте книги будет не так.

Примите уверения в совершенном уважении

Андрей Белый

P.S. Считаю нужным заметить, что моя правка, *необходимая* для книги, всюду карандашом (черным), а не чернилами.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21). Машинопись. В конце машинописи стоит: «Оригинал П.З.» Имеется и примечание П.Н. Зайцева: «Бор. Ник. передал мне это письмо (оригинал) в незапечатанном конверте 18 декабря вместе с корректурой "Пепла". Он был сильно раздражен пометками корректора (?) на гранках "Пепла" и подозревает иную руку. Письмо переписано с сохранением орфографии. П.Зайцев». О подготовке переработанного издания «Пепла» в ноябре 1928 см прим.2 к письму Зайцева Белому от 1 ноября 1928. Книга вышла в 1929.

¹ См. четвертую строку одиннадцатой строфы стихотв. «Бегство»: «Опять просерел часовой» (Пепел. 1929. С.22).

² «Близ речки ставят верши» (IV, 1 стихотв. «Поля», 1908) (Пепел. С.118). «Как желтые, грозные бивни, / Размытые в россыпь полей, — / С откосов оскалились в ливни / Слои вековых мергелей» — вторая строфа четвертой части стихотв. «Бродяга» (1906-1908) (Пепел. С.31).

³ См. первые две строки второй строфы стихотв. «Праздник» (1908): «Контредансом, контредансом, / Завиваясь в "шинуаз"...» (Пепел. С.93).

⁴ «Не из» дважды подчеркнуто.

⁵ См. вторую строку пятой строфы стихотв. «Россия» (1908/1925): «Тучи — взапуски. Небо — взадуй...» (Пепел. С.14).

⁶ После слова «аристократов» есть примечание Зайцева: «(интеллигентов было написано и зачеркнуто: сверху надписано: аристократов. П.З.)».

⁷ «Из себя» и «собою» — дважды подчеркнуто.

Письмо по поводу напечатания романа «Маски»

Глубокоуважаемая товарищ Колесникова, Книгоиздательство «Зиф» просило меня сократить в романе «Маски» текст, чтобы он не превышал 25 печ. листов.

В настоящее время это сокращение я произвел.

По среднему подсчету в ремингтонном тексте было 654 страницы (не считая страниц с заглавием глав); считая печ. лист 40 000 букв в среднем за 23 страницы ремингтона, я насчитал в среднем 28 печ. листов и 10 страниц, т.е. $28\frac{1}{2}$ в среднем печ. листов. После сокращения по моему подсчету в 95 страниц ремингтонного текста осталось 549 страниц, т.е. $23\frac{20}{23}$ печ. лист: будем считать 24 печ. листа (не считая заглавий 10 глав).

Ввиду интонационного принципа романа («Маски» поэма, написанная дактилем, имеющая строчки и лишь для экономии места расставленная прозой), — во многих местах расстав интонационных фраз уничтожен; главные паузы, подчеркивающие интонацию, остались; на счет уничтожения расстава — главная экономия в тексте; но есть и сокращения.

Ввиду особенности романа, я считал *невозможным* уничтожить всецело принцип расстава, ибо это для автора значит: написать вторично роман уже до последней точки художественно измеренный и взвешенный. Но полагаю, что экономия $23\frac{20}{23}$ печ. листа вместо $28\frac{1}{2}$ бывшего текста достаточная; ибо ведь контракт на 25 печ. листов. А здесь их меньше.

Обращаюсь к Вам с покорной просьбой передать при сдаче рукописи в набор заведующему техникой печатанья мое письмо с указанием, как набирать, ибо экземпляр, над которым я работал, весь испещрен знаками (уничтожение расстава, правка текста, сокращения), а я не во всех знаках уверен. Кроме того: самое начертание строк (места с расставом) без указаний автора, как набирать и с чем считаться, представит некоторые затруднения. Опыт печатания моей ритмической прозы в «Федерации», в «Никит. Субботниках» показал: с объяснительным письмом набор идет гладко, а без — ужасная путаница, вводящая в ненужный расход по исправлению корректуры; автор зарезан, если правила расстава и набора в принципе не объяснить заведующему печатанием.

Итак, сердечно прошу Вас при сдаче рукописи передать письмо Заведующему техникой набора и при всех случаях до окончательного выпуска книги сохранить правленный экземпляр, ибо он — уникам: я десять дней работал над ним. И перенос правки на

имеющийся у меня экземпляр отнял бы у меня еще 10 лишних дней, которые заняты тем, что я спешно готовлю Вам «Начало века».

Кстати о «Начале века».

Рукопись готова на $\frac{3}{4}$; в последней четверти недописано страниц 50; и вся она взывает к переработке. Ввиду слабого здоровья, ужасной усталости и 10-ти дней, вырванных у «Начала века» для переработки романа «Маски», я боюсь, что хвостик рукописи не успею докончить к 15 декабря (срок подачи по контракту); я просил бы отсрочить, обязуясь в крайний срок до 15 января 31 года представить рукопись.

Если бы даже я и справился к 15-му декабря, ремингтонистка моя не успела бы набрать.

Если кончу ранее 15 января работу, — представлю.

Осенью на случай опоздания на месяц я говорил об отсрочке с тов. Соловьевым; и он в принципе охотно шел на месячную отсрочку.

В крайнем случае я мог бы представить $\frac{3}{4}$ текста в готовом виде к 15-ому декабря без окончания, которое в переработке.

Извиняюсь за столь длинное письмо.

Остаюсь с уважением

Борис Бугаев (А.Белый)

Кучино. 24 ноября 30 г.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21; машинописная копия). В единице есть и машинописная копия письма заведующему набором романа «Маски», с датой 24 ноября 1930. В нем Белый настаивает на важности принципа ритма и расстава в своей прозе и приводит много примеров, как нужно и как нельзя печатать текст романа. В письме он пишет:

Считаю нужным поставить Вас в известность о некоторых приемах при наборе и правке моего романа «Маски», без которых и Вам, и мне не избежать лишних хлопот; мои указания продиктованы опытом. Печатаю роман «Москва» (первый том) в «Федерации», я делал те же указания.

1) Роман «Маски», не проза, а стихи, написанные размером $\text{♩} - \text{♩} / \text{♩} - \text{♩}$ (дактилем), где каждый слог имеет звуковой эффект, так что слова «скорей», «видней» (два слога - $\text{♩} / \text{♩}$) не звучат, как «скорее», «виднее» (- $\text{♩} - \text{♩}$), где три слога. Подчиняя текст размеру, я произвольно для размера ставлю слова то сокращенными («столетье»), то ставлю их без сокращения («стоletие»). Очень часто наборщики совсем не считаются с окончанием слов; и набирают, не вчитываясь в текст; тогда авторская правка сводится к перенабору всего; приходится делать тысячи лишних поправок,

ибо нарушать ритм, значит калечить роман, а переправлять все равно, что набирать заново; это и дорого «Издательству», и лишний труд корректору, и рабочим.

Вот почему я оговариваю заранее это необходимое условие текста: *все* внимание обращать на окончание слова; я пишу то «Иван Иванович», то «Иван Иванович»; были случаи, что корректора выравнивали по одному принципу: то все по «ыч», то по — «ович».

Принцип здесь не формальный, а музыкальный: принцип произношения автором; набирать так, как стоит; коли «Сергевна» — «Сергевна», а коль «Сергеевна», то «Сергеевна». Опыт с печатанием прошлых романов опять таки для избежания ненужных усилий заставляет меня оговорить и это.

2) На иных двусмысленных словах я ставлю ударение «*пóд боком*»; или при первом упоминании фамилии ставлю «*Тиме-лев*», чтобы не прочли «*Тимéлев*».

3) Стихи пишут расставом слов: короткими строчками; для экономии лишь места я сливаю строчки в непрерывность строки; но там, где стоит интонационный *подчёрк* (голосовое подчеркивание), я выделяю интонацию графически; в предлагаемом тексте она во многом сокращена; и расстав строк упрощен; они слиты в непрерывную строку прозы; все же в ряде мест остался расстав; и опять-таки: опыт показал, что необходимо оговорить набор расстава: набирать его так, как набирают строфы стихов, сохраняя расстав автора, т.е. *УЗОР СТРОК* (начертательный) [следуют примеры. — *Публ.*].

Пишу это потому, что без оговорки наборщика часто, либо не считаясь с расставом, сливают его, нарушая интонацию автора; автор на это не может итти; для него это все равно, что набирать текст — без знаков препинания; расстав слов для него — *пауза*, особый, им введенный, знак интонации, падающий, подчеркивающий читателю куски фразы, как в строчке стихов.

Иногда же наборщики, сохраняя расстав, произвольно меняют начертание строк; получается деформация; это то же, что строчки

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог» —

расставить:

«Мой дядя самых честных правил, когда не'
В
Шутку занемог»...

Совершенно меняется интонация.

Когда я печатал свои худож[ественные] произведения в «Федерации» или в «Никитинских Субботниках», я, отдавая рукопись, делал эти указания, ибо опыт показал: без них терпит, или *АВТОР*, или «ИЗДАТЕЛЬСТВО»: «АВТОР» — уничтожая,

все им написанное; «ИЗДАТЕЛЬСТВО» — перебирая заново текст.

Форма моих романов вся рассчитана на *рассказывающего* автора, который передает свой голос расставом слов и ритмом (напевом). /.../ Извиняюсь, уважаемый товарищ, что удручаю Вас всеми этими подробностями; но набирать роман-поэму в 25 листов печатных — не шутка /.../

P.S. За оглавление «главок» я не стою; не стою за то, чтобы заглавие глав печаталось на отдельном листе; непременно на заглавном листе отметить, что «Маски» — 2-ой том «Москвы».

IV

Переписка вокруг издания «Начало века»

В начале 1931 рукопись «Начала века» была сдана в Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ) и долгое время оставалась там без движения. Осенью Белый получил следующий ответ на не дошедшее до нас письмо свое Василию Ивановичу Соловьеву (1890-1939), первому директору ГИХЛ'а:

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Простите, что с опозданием отвечаю на Ваше письмо.

С первых же строк должен совершенно категорически заверить Вас, что решительно никаких оснований допускать мысль о каком-то *особом* (очевидно, отрицательном) отношении к Андрею Белому быть не может.

Мы с интересом взялись за издание Ваших «Масок». Первые гранки Вы уже получили. В ближайшее время будет послана очередная порция, но что издание подвигается не так быстро, как бы это хотелось Вам и нам, объясняется общим напряжением в издательском и полиграфическом деле.

Точно так же и «Начало века» задерживается сейчас только редакцией. Думаю, что во второй половине ноября мы сможем договориться с Вами об окончательном тексте и тогда книга пойдет в производство немедленно.

Надеюсь также, что Ваша работа над Гоголем даст нам возможность получить и эту обещанную рукопись своевременно.

Если Вы извинялись за нервный тон письма, то я прошу извинения за сухой тон, но еще раз разрешите заверить, что мы делаем все возможное, чтобы Ваши книги вышли в наикратчайший срок.

С приветом,
[подпись Соловьева]

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.340). Можно датировать письмо в связи с упоминанием гранок романа «Маски», которые Белый начал получать в октябре 1931: см. записку — Л.14 в этой же единице хранения.

3 ноября 1931 Белый писал В.П. Полонскому: «7 месяцев рукопись лежала зарезанной цензурой, пока В.И. Соловьев ее не передал другому цензору, нашедшему, что книга вполне цензурна, но требует ретушей» (РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.39; письмо опубли. с невероятным количеством ошибок в кн. «Перспектива-87» — М., 1988. С.500). Белый занимался «ретушами» в феврале-мае 1932. 5 мая он представил в издательство первую часть заново «отремингтонированного» текста и написал И.А. Сацу, ранее сформулировавшему издательские требования к книге:

Глубокоуважаемый Игорь Александрович, я внимательно прошелся по списку Ваших указаний мне; и все, что мог, сделал, чтобы книга выглядела приемлемой; кроме того: я всюду особенно подчеркнул, 1) что описываемые факты отделены от нас 25-летием, 2) что приводимые мои макетцы взглядов — отнюдь не показ моего «credo», а показ юношеских стремлений, часто курьезной путаницы, которой я не разделяю в настоящее время; 3) я «овнятил» кажущееся невнятным, что, увы, повело к разжевыванию и иногда к удлинению текста.

Легче всего мне было изменить текст в смысле «цензурном»; но Вы не представляете себе, сколько возни мне пришлось затратить, чтобы художественно впаять новые варианты так, чтобы не видно было спешных и в художественном смысле пустых заплат.

И тут была работа адская: я справился только с двумя главами; надеюсь к 10-му справиться с и 2-ой половиной; но раньше не могу; ведь изменение в одном месте взвевает изменение в 10 местах; рукопись моя стала и так во многих местах трудной для набора; ведь ужасно править по ремингтонному тексту; ряд страниц пришлось переписать от руки: что могла, переписала жена; частью переписывал я (у меня рука хуже). Машинки — нет; отдавать в переписку и нет времени, и дорого.

Но я надеюсь, что теперь текст не внушает недоумений.

Чтобы подчеркнуть установку автора, я написал объяснительное предисловие; кроме того: ради архитектоники кое-что перенес из одного места в другое; и нумерация страниц стала иной. На всякий случай указываю Вам список страниц с изменением текста. Очень прошу передать тов. Копяткевичу, что через 3-4 дня принесу и обе последние главы; сегодня сдаю $\frac{1}{2}$ работы. Медлительность от вынужденной художественной переработки, вытекающей из вставок; иначе рукопись будет в заплатках. Надеюсь, что вторично мне не придется производить этой усидчивой рабо-

ты, — тем более, что дел уйма; и главное: я должен отложить Гоголя, с которым так много возни.

Обращаю Ваше внимание на следующие места. Стр. 1-15 (предисловие); стр.31, стр.51-70 (почти заново писанный отрывок «Студент Кобылинский», отводящий Эллиса от марксизма); стр.106; стр.140-141, стр.173-184 (в этой новой главке я соединил в одно ряд поправочных указаний, мне сделанных, руководствуясь тем, чтобы отделить прошлое от настоящего).

Таковы поправки в первой главе.

«Глава вторая».

Начало второй главы пришлось все заново переработать, чтобы нужные изменения, указанные политредактурой, не казались заплатками; Вам или Елене Валериановне придется пробежать от стр.185-222, от 207-219, 223-226; но полагаю, что теперь многие моменты всей книги объяснятся сами собой при помощи этих переработок (отношение к Мережковским, в частности); далее: в главках, рисующих чету Мережковских, обратите внимание на заплатки (вписки рукой) на страницах: 271, 273, 289, 290, 291, 292, 295, 297, 300, 301.

Кроме того поправки 313, 340 (Боборыкин), 350, 353-354, 362, 368.

Если Вы пробежите отмеченные здесь страницы, то Вы увидите, какая кропотливая работа; это уже не снятие «пылинок», а в некотором смысле переработка книги в другую тональность; с правкой 3-ей и 4-ой главы я тоже кончил; остается пересмотреть и художественно ретушировать. Надеюсь, что 9-10-го все будет готово.

Остаюсь искренне уважающий и готовый к услугам.

Б.Бугаев

P.S. Передайте Елене Валериановне содержание этого письма.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.131). Большой кусок из письма был опубликован А.В. Лавровым в комментариях к переизданию воспоминаний в 1990, с.556-557). В ГЛМ Ф.7. Оп.1. Ед.хр.35 также находим следующую записку, написанную на измятом клочке бумаги:

Глубокоуважаемый Игорь Александрович,
я сдал рукопись «Начало века» г. Мартиросову. Вас — не было.
Остаюсь готовым к услугам

Борис Бугаев

В ходе напечатания книги Белый получил предложение от редактора «Нового мира» опубликовать отрывки в журнале. Поздней весной 1933 он был вынужден писать Сацу:

Дорогой Игорь Александрович,
я узнал от тов. Мартиросова, что у Вас рукопись моя «Начало Века». Ее еще сдавали в ремингтон. Ввиду того, что уже 1^{1/2} месяца назад И.М. Гронский просил доставить ему рукопись, а В.И. Соловьев просит, чтобы текст рукописи был в последней редакции, то мне крайне необходимо, чтобы скорей был ремингтон и чтобы я мог перенести правку на рукопись, предназначенную для «Нового Мира»; нельзя ли скорей ее вернуть.

Остаюсь искренне уважающий

Б. Бугаев

(ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.35).

Два фрагмента из книги появились в №7-8 журнала, а книга наконец вышла в свет во второй половине ноября 1933, почти через три года после того, как Белый сдал рукопись в издательство.

V

Белый — В.В. Вишневскому

Глубокоуважаемый тов. Вишневский*,

Я просто в отчаянии, что проклятый грипп (следствие простуды на вечере 15-го) приковал меня к дому, — да так, что неуверен, смогу ли его ликвидировать к 22-ому. А я так мечтал послушать Вашу пьесу. Но — не моя вина. Заключен дома; сижу с температурой; и, конечно, завтра было бы большим риском быть на Вашем чтении.

Верьте, до чего это мне грустно.

Остаюсь искренне опечаленный с глубоким уважением

Борис Бугаев (А. Белый)

Москва. 18-го янв[аря] 33 г.

* Простите, отчества Вашего не знаю.

(РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Ед.хр.2621).

В январе 1933 Белый участвовал в обсуждении структуры группкома ГИХЛ'а и был выбран в культурно-просветительскую секцию. 15 января состоялось его выступление в Доме Герцена с докладом «Гоголь и "Мертвые души" в постановке Художественного театра». На следующий день он заболел (прения были отложены до 26 января), из-за чего не мог присутствовать на чтении «Оптимистической трагедии» Всеволода Витальевича Вишневского (1900-1951).

Письмо в издательство «Федерация»

В издательство «Федерация»

Мне неприятно, что несколько гриппов и ряд дел, которые считал для себя обязательной нагрузкой в общественном порядке (6 отданных вечеров), две статьи для И.М. Гронского и т.д. уже полтора месяца выбили меня из рабочей колеи (работы для «Федерации») до такой степени, что с месяц я, главным образом, болею, а не работаю; иначе я бы во-время обратился к Вам с соответствующим заявлением, т.е. с просьбой о трехмесячной отсрочке срока подачи рукописи (считая ее до 1 апреля); повторяю: с ноябрьского пленума мне буквально *не дают работать* в Москве; я же работаю медленно, т.е. — *художественно*.

Не далее, как дней 8 назад, я говорил у И.М. Гронского с тов. Цыпиным о том, что нуждаюсь в отдыхе и прошу его, как заведующего «Федерацией», разрешить мне отсрочку. Он дал мне понять, что просимая отсрочка — пустяк, не требующий размышлений.

Но и в пустяках я требователен к себе, — хотя бы для того, чтобы не получать заявлений вроде полученного.

Сейчас я 1) едвадвигаюсь (полубольной), 2) нахожусь при большой жене, в условиях, недопустимых для работы (без жилплощади, телефона и т.д.); мне даже нет возможности явиться самому в «Федерацию», ибо человек — не машина, — тем более, что я полагал, что объяснение, данное т.Цыпину, уже объяснение, а не формальное его выявление — не слишком великая вещь, когда человек болен.

К сожалению, я ошибся; поправлюсь, то поспешу исправить ошибку.

Кроме того: считаю нужным заявить, что из 3000 рублей (25%), которые «Федерация» должна была мне уплатить при подписании договора (прошло 6 1/2 месяцев), я не дополучил 1200 рублей, которые мне нужны, чтобы восстановить силы свои и жены и смочь выполнить обязательство — и при отсрочке; 4/5 работы мной выполнено уже 1 1/2 месяца назад.

И: кроме того: я серьезно прошу «Федерацию» меня обеспечить бумагой и для ремингтона, и для писания (ибо я все черновики, многочисленные, пишу сам); до сих пор по ордерам «Федерации» или *не выдавали* бумаги, или давали негодную для работы.

А дежурить днями при бумаге — значит: не работать, этой роскоши я себе позволить не могу.

Обязательство выполняется при наличии бумаги, а коли ее не получаешь, то — как же его выполнить?

Борис Бугаев (Андрей Белый)

Москва.

18 февраля 1933 года.

P.S. В присланном мне уведомлении неразборчива подпись, а потому отвечаю безлично. Разговаривая на днях с т.Цыпинным, я полагал, что разговариваю с Заведующим издательством «Федерация».

P.P.S. *Сообщаю, что мое имя и отчество*

Б-о-р-и-с Н-и-к-о-л-а-е-в-и-ч

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21)

Машинопись с пометами Зайцева. В конце письма Зайцев приписал следующее:

Поводом для письма Бор[иса] Ник[олаевича] была официальная бумажка от и-ва «Федерация», написанная на бланке издательства:

13 февраля 1933 г.

А.БЕЛОМУ.

Уважаемый товарищ!

Согласно заключенного 22/VIII договора за №1208 Вы должны были к 1/11-33 г. сдать из-ву 1 том Ваших мемуаров. До сего времени никакого материала мы от Вас не получали.

Просьба поторопиться со сдачей рукописи и сообщить о причинах задержки ее.

Зав. из-вом Л.Шмит [Лазарь Шмит,
отчество его не помню. П.З.]
Секретарь Н.Свешникова

К этому Зайцев дал другое примечание:

ПРИМЕЧАНИЕ: 19 февраля 1933 г., когда я зашел к Бор.Ник. в Долгий, он — с криком — жаловался на издательство «Федерация». Показал мне полученную из канцелярии из-ва официальную бумажку, совершенно канцелярского, а не редакционного порядка. Бумажка всем своим тоном, содержанием — и — формой вызвала у него крик боли и негодования. Ответом на эту бумажку и является письмо Бор. Ник. Бугаева.

«Н.Свешникова» — техническая секретарша редакции из-ва «Федерация», это Нина Алексеевна Свешникова, работавшая еще в «Круге», при Воронском и Тихонове Ал.Ник. и хорошо знавшая Бор.Ник., хорошо и внимательно к нему относившаяся. Она знала, что Андрей Белый — это Борис Николаевич Бугаев. Но она выполняла поручение начальства...

VII

Письмо Н.Н. Накорякову, директору ГИХЛ'а

Москва, 33 года.
15 августа.

Глубокоуважаемый Николай Никандрович,

Спешу Вам ответить на запросы ГИХЛ'а о том, имеются ли у меня книги, которые я мог бы предложить Вам в течение 33-34 годов. Последний запрос был от 3-го августа.

Проживая на отдыхе в Коктебеле, я не мог на него ответить. Спешу Вас уведомить, что я мог бы предложить ГИХЛ'у издать трилогию моих воспоминаний: «На рубеже двух столетий» (последнее издание разошлось в месяц), «Начало века» (когда первое издание исчерпается) и 3-й том «Между двух революций». Последний том был дан мною «Федерации» в прошлом году летом, когда в ГИХЛ'е не было бумаги (до Вашего руководства ГИХЛ'ом, при тов.Копяткевиче).

Чувствуя себя связанным с ГИХЛ'ом, я конечно отдал бы эту книгу Вам, уведомив «Федерацию» об этом — при условии, если сам ГИХЛ выплатит «Федерации» 3000 рублей, данные ею в прошлом году в виде аванса мне. Это меня тем более устроило бы, что заведующий институтом Физметодов лечения в Коктебеле, д-р Славолубов констатировал глубочайшее нервное истощение у меня и советовал мне на несколько месяцев воздержаться от литработы и всякой нагрузки, о чем имеется у меня свидетельство доктора.

В ожидании Вашего ответа, остаюсь готовый к услугам
Борис Бугаев

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21. Машинописная копия)

VIII

Письмо в ГИХЛ по поводу «Мастерства Гоголя»

Глубокоуважаемая Клавдия Павловна, корректура книги «Мастерство Гоголя» была готова еще 1-го сентября; но посыльная девушка из «ГИХЛ'а» к сроку не явилась за ней; опоздание — не по моей вине; ввиду болезни и всяческих

«режимов» я пока сижу дома¹; и возвращаю корректуру через посредство П.Н. Зайцева. Повторяю: опоздание — не по моей вине.

Примите уверение в совершенном уважении

Борис Бугаев

Москва. 3 сент[ября] 33 года.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21)

О книге «Мастерство Гоголя» см. прим.4 к письму №65 Белого Зайцеву.

¹ 28 августа 1933 Б.В. Томашевский писал М.С. Волошиной из Ленинграда: «Проезжая через Москву, посетили Бугаевых, Борис Николаевич все еще не оправился и по предписанию невропатолога посажен на строгий режим. Работать ему не позволено» (Пушкинский Дом. С.230). 16 сентября Белый писал Томашевским: «И в Москве я продолжаю заниматься тем же организованным бездельем, предписанным доктором, взявшим в ежовые рукавицы» (Там же. С.236).

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

В ноябре 1932 Белый получил приглашение от издательства «Федерация» участвовать в готовящемся сборнике «Сто портретов советских писателей»: «В сборнике будут помещены: 1. Фотография или зарисовка писателя. 2. Автобиография. 3. Библиография». Об автобиографической справке издательством было указано: «Она должна быть написана не столько в плане биографической справки, сколько должна показывать ваш творческий путь за годы революции (эволюция жанра, сюжета, переход на новую тематику, смена "героев", переоценка творческих установок и др.), развитие ваших взглядов на роль писателя в социалистической стране, ваше непосредственное участие в гражданской войне и социалистическом строительстве. Попутно считаем чрезвычайно желательным, чтобы вы рассказали о ваших творческих намерениях, вашу оценку современного этапа литературного развития и оценку перспектив советской литературы. Размер автобиографии 5-6 тыс. печатных знаков».

Белый написал автобиографию 12 ноября 1933. Издание не состоялось.

Рукопись автобиографии (4л., написана рукой К.Н. Бугаевой) и машинопись (5 л.) хранятся в РГАЛИ. Ф.53. Оп.3. Ед.хр.18 (есть и черновой автограф в РНБ. Ф.60. №35; там же находится и письмо-приглашение от издательства. На автографе К.Н. Бугаева писала: «Сокращение [в тексте] — для получения указанного в предположении изд-ва количества печатных знаков»). Текст рукописи печатается впервые. Все «особенности» стиля Белого сохранены.

Я родился в 1880 году; мой отец — профессор математики, Н.В. Бугаев (1837-1903); по окончании естественного отделения физико-математического факультета в 1903 году, я поступил на филологический факультет, из которого вышел в 1906 году. До октябрьской революции выпустил 13 книг (не считая брошюр, статей, и т.д.). Начал печататься в конце 1901 года; первая книга вышла в 1902 году.

К моменту октябрьской революции меня занимали моральные и социальные кризисы буржуазной культуры. Резкое отрицание войны вызвало сочувствие к социальной революции; двойственность политики Временного Правительства с мая 1917 года определила сочувствие к программе Ленина; октябрьская революция отразилась переменной фронта культурной работы.

К 1910 году, разочарованный в буржуазной Москве, я прекратил чтение лекций; в 1912 году и вовсе уехал из России (до конца 1916 года); с октябрьской революции начинается ряд моих лекционных, курсовых и других выступлений, а также интенсивная работа в кружках, которая длится до конца 1921 года (времени отъезда в Берлин по личным делам).

До революции я принципиально удалялся от служб; с революцией начинается ряд служб и обязанностей: в Пролет-Культе (лектор, консультант), в Тео-Наркомпроса (завед. теоретической секцией), в «Дворце Искусств» (член Совета, член основатель, завед. археологическим отделом), в Вольно-Философской Ассоциации (Председатель, член совета, лектор курсов), в организационных заседаниях «Лито», в «Лито» (лектор), в Охране Памятников Старины (собрание материала по движению коллекций в эпоху франц. революции), в разработке программы Института Театральных Знаний (Ленинград), в Ленинградском доме Искусств (лектор), в Ленинградском отделе Управления (лектор — кратковременно), в библиотеке Ленинградского Отдела Наркоминдела, в организации Союза Поэтов в Ленинграде (1921 г.), в организации Союза писателей, членом правления которого состоял (в 1918 г.) и т.д.

Полагая, что писатель революционной эпохи должен работать с массой и поднимать ее культурный уровень, я посвящаю ряд лекций (публичных) проблемам культурной революции¹. Разработку тем культурной революции переношу я и в берлинский «Дом Искусств», членом совета которого состою в 1922-23 годах.

Но интенсивная лекционная, служебная работа отразилась на уменьшении литературной продукции в первой пятилетке после

Октябрьской революции. Вернувшись в СССР в конце 1923 года, я прекращаю лекционную деятельность, желая наверстать пробел в литературной работе; меня мало печатают в эти годы. Причина: несправедливый и крайне резкий по форме разгром моей литературной физиономии Троцким, отразившийся на издательствах и на той части критики, которая подхватила оценку Троцкого и находилась под влиянием руководителей тогдашнего РАППа (группы «напостовцев»).

Тем не менее с 1926 г. мне удается печатать отдельные книги.

Я считаю себя до сих пор писателем в «становлении», ибо мой девиз — девиз Гете: «*Кто, постоянно стремясь, движается, того мы можем освободить*» (Гете); я не имею готовых форм; до Октября придя к выводу, что буржуазная культура летит в пропасть («Петербург», «Арабески»), с Октябрьской революции я анализирую корни кризисов: социальных и познавательных (серия моих «Кризисов»).

До революции моя тематика — гибель буржуазного общества; революция подсказал мне новую тему: себязоущение лучших кадров дореволюционной интеллигенции, пришедших к необходимости революции сознания, но недоосознавших корней социальной борьбы.

Герой мной задуманной тетралогии, два тома которой уже написаны, подсказан мне революцией; это профессор, ученый мирового масштаба, плененный буржуазными предрассудками; в 4-м томе он должен явиться новым типом ученого, участвующим в строительстве социализма².

Чем глубже культурная революция, тем шире ее горизонты, тем более писатель, поднимая читателя до себя, перерабатывается сам ростом запросов, к нему идущих, что не может не изменить качественно его стиль; стиль становится живой *интонацией*, вызывающей к *произнесению вслух*.

Революция стиля есть результат изменения границы меж формами (поэзией, прозой, лирикой, эпосом и т.д.); в первую очередь революция сказывается на ритме, отражающем динамику трудовых процессов. Жизнь в далеких этапах внеклассового общества ликвидирует «*писателя*» в старом смысле; его роль в будущем — действовать не пером, а всем существом, строя в себе и в других нового «человека», высвобождая в жизни новые творческие энергии; писатель должен стать искрой к взрыву этих энергий. Роль писателя в будущем неизмеримо больше, чем ныне думают; и потому ему трудно себя заново конкретно переоборудовать «с головы до ног».

Бережно следует подходить к лаборатории писательского сознания, которое подобно начиненной бомбе; неумелое прикосновение к нему часто ведет к фатальной деформации до... саморазрыва. Это вытекает из особой сложности процессов, подготавливающих революцию культуры, завершающую социализм.

Библиография книг, вышедших в СССР и за границей с 1918 г.: I *Новые книги*: 1) «Христос Воскресе» (поэма). «Алконост». 18 г. 2) «Рыцари и королева» (стихи) «Алконост». 18. 3) «Кризис жизни». «Алконост». 19. 4) «Кризис мысли». «Алконост». 19. 5) «Кризис культуры». «Алконост». 21. 6) «Первое свидание». Поэма. «Алконост». 21. 7) «Офейра» (Путевые заметки) «Изд. пис. в Москве». 22. 8) «Возращение на родину» М. 23. 9) «Глоссология». Поэма о звуке. Берлин. «Эпоха». 23. 10) «После разлуки». Стихи. «Эпоха». Берл. 23. 11) «Котик Летаев» «Эпоха». Ленингр. 23. 12) «Звезда». Ленгиз. 23. 13) «О смысле познания». Ленингр. «Эпоха». 23. 14) «Смысл поэзии». Лен. «Эпоха». 23. 15) «Записки чудака». «Геликон». Берл. 23. 16) «Собрание стихотв.», переработан. автором. Изд. Гржебина. Берл. 23. 17) «Одна из обителей царства теней». Брошюра. Ленгиз. 25. 18) «Московский чудак». «Круг». 26. 19) «Москва под ударом». «Круг». 26. 20) «Ветер с Кавказа». «Фед.». 28. 21) «Крещенный китаец» «Ник. Субб.». 28. 22) «Диалектика ритма». «Фед.». 29. 23) «На рубеже двух столетий». «Земля и Фабр.». 30. 24) «Маски» (роман). Выходит в ноябре 32 г. «Гихл». 25) «Начало века». Вых. в 33 г. «Гихл». 26) «Мастерство Гоголя». Вых. в 33. «Гихл».

В настоящее время работаю над книгой «Между двух революций» для изд. «Фед.». Приведенный список не включает ряда статей, прошедших в журналах; между прочим «Воспоминания о Блоке», материал которых составил бы отдельный том; напечатаны в журнале «Эпопея» №№ 1-4 Берл. 22-23 гг.

Перепечатаны: «Путевые заметки» I т. «Геликон». Берл. 22. 2) «Возврат». Берл. 22. 3) «Петербург» а) «Эпоха». Берл. 22. б) «Ник. субб.». 28. 4) «Серебряный голубь». «Эпоха». Берл. 22. 5) «Москва». «Ник. субб.». 29. 6) «На рубеже двух столет.». «Гихл». 31. 7) «Пепел» «Ник. субб.». 29.

Переведены на немецк.: 1) «Петерб.». Изд. Георга Мюллера 19. 2) «Кризис мысли». «Der Kommende Tag». 22. 3) «Серебр. голубь». 2-ое изд. по немецки 4) «Сер. гол.». Пер. на венгерский язык. Не имею достоверных сведений о переводах на иностр. языки.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев)
Москва 1932. Ноября 12-го.

¹ В черновом автографе в РНБ фраза продолжается так: «и участвую в организации лекций, диспутов и бесед на эту тему, как председатель Вольно-Философской Ассоциации за несколько лет до провозглашения лозунга культурной революции».

² Фраза так продолжается в черновом автографе в РНБ: «в задуманных следующих томах я надеюсь показать моего героя в первых попытках самоопределения в революции (роман "Революция"), и наконец в участии его в стройке социализма (четвертый том)». Фраза затем была зачеркнута.

У ЦЕРКОВНЫХ СТЕН

ПИСЬМА М.А. НОВОСЕЛОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ

Публикация Е.С. Полищука

Если адресат публикуемых ниже писем не нуждается в представлении, то имя их отправителя мало что говорит современному читателю. Михаил Александрович Новоселов родился в 1864 в семье, истоками своими тесно связанной с сельским православным духовенством. Его мать Клавдия Михайловна была дочерью священника Тверской губернии Михаила Васильевича Зашигранского; отец Александр Григорьевич (1834-1887) также был сыном священника той же губернии Вышневолоцкого уезда села Заборовье — Григория Алексеевича Новоселова. Избрав для себя светскую стезю и окончив Петербургский университет, Александр Григорьевич стал в дальнейшем известным педагогом, директором тульской, а затем и 4-й московской классической гимназии. Л.Н. Толстой, часто бывавший в Туле, был хорошо знаком со старшим Новоселовым: его сближали с ним не только горячий интерес к проблеме образования вообще, но в частности и многие конкретные вопросы, относящиеся к организации учения своих собственных детей (Александр Григорьевич рекомендовал писателю домашних учителей, принимал у них экстерном экзамены и пр.). По-видимому, через своего отца еще с детских лет был знаком с Толстым и М.А. Новоселов.

Получив под руководством отца прекрасное образование (Новоселов окончил с золотой медалью ту самую 4-ю гимназию, где директорствовал его отец), он продолжил его затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Ко времени завершения учебы условно можно отнести наивысшую точку раннего, толстовского периода в духовном развитии Новоселова, о котором более подробно скажем ниже. Этот период, однако, не был длительным. Был один пункт в мировоззрении Толстого, принять который юноша не мог и в период своего самого горячего увлечения социальными идеями писателя, — это непризнание последним божественности личности Иисуса Христа. Согласиться с этим и жить в пустом и холодном мире нравственного долга, где нет ничего таинственного и сверхъестественного, внук священника никак не мог.

(Впоследствии он рассказывал своему другу о Павлу Флоренскому, что на прямой вопрос: «Но есть же, Лев Николаевич, в жизни кое-что таинственное?» — Толстой ответил, раздраженно напирая на каждое слово: «Ничего такого, друг Михаил, нет»¹). В итоге мучительной внутренней борьбы к тридцати годам Новоселов все же смог преодолеть соблазн творчества и вернуться в Церковь. В ходе своего дальнейшего духовного развития он сближается с преподобным о.Иоанном Кронштадтским, со старцами Оптиной и Зосимовой пустынь, изучает святоотеческие творения.

Обретя — после долгих лет исканий — истину и Бога в лоне Православной церкви, Новоселов посвятил ей всю свою дальнейшую кипучую деятельность. В 1902 в г.Вышний Волочек, где он тогда жил, Новоселов публикует брошюру «Забывтый путь (в связи с вопросом о характере православной миссии)». В послесловии к этой книге, посвященной выяснению важности личного религиозного опыта в деле богопознания, было сказано: «Идя навстречу пробуждающемуся в нашем обществе интересу к вопросам религиозно-философского характера, группа лиц, связанных между собою христианским единомыслием, приступила к изданию под общим заглавием "Религиозно-философской Библиотеки" ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы».

Этим выпуском началось издание новоселовской Библиотеки, книжки которой вскоре стали известны по всей России. Многие из этих книг были написаны самим Новоселовым или при его ближайшем участии, другие — его друзьями; некоторые переиздавались 2-3 раза. Уже название первого выпуска «РФБ» говорило о программе и направлении будущего издательства, желающего привлечь внимание к великим духовным сокровищам, добытым святыми отцами и подвижниками, но забытым и невостребованным потомками. Главная особенность новоселовских духовно-просветительных брошюр заключалась в том, что они были свободны от пороков рационалистического или протестантского школьного богословия и обращались к первоисточкам христианства, выводя читателя на просторы церковного познания через благодать. Слово живой водой брызнули на сухие богословские схемы, будто в душную атмосферу начтенчески отвлеченной богословско-философской мысли ворвалась вдруг струя свежего и чистого воздуха, — такими словами передавал свое впечатление от новоселовской Библиотеки один из современников².

В отличие от других широко распространенных серий такого рода (например, от «Общедоступной религиозно-нравственной библиотеки» и т.п.), новоселовские книги не ограничивались некоей вневременной проповедью, но отвечали на насущные духовные запросы, которые Михаил Александрович хорошо понимал. Говоря об истоках этой чуткости Новоселова к проблемам текущего дня, о.Павел Флоренский указывал на значение (помимо собственного богатого духовного опыта) также и продолжительного личного общения со многими выдающимися современни-

¹ Флоренский П.А. Собр. соч.: В 2 тт. Т.2. М., 1990. С.133.

² А.Ф. Разные пути // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. №8. С.347-353.

ками (Львом Толстым, Владимиром Соловьевым и др.), которое открыло ему «душу современного русского человека, и притом различных социальных слоев», и называл издаваемую им Религиозно-философскую Библиотеку «своего рода новым Добротолюбием»³. И действительно, эти книги оказывали самое благотворное воздействие на духовное развитие многих людей; в частности, о том огромном влиянии, которое имел на его духовный путь первый выпуск Библиотеки, свидетельствует нынешний митрополит Сурожский Антоний⁴.

Издательская деятельность Новоселова продолжалась до революции — вначале в Вышнем Волочке, а затем также в Москве и в Сергиевом Посаде. Всего вышло 39 выпусков «РФБ»; но кроме этой серии выходили и многие непромуерованные книги, на титульном листе которых было обозначено «Издание "Религиозно-философской Библиотеки"» — в них обычно разбирались более специальные вопросы (вышло около 20 книг). Наконец, Новоселов издавал еще и «Листки РФБ», которые выходили двумя сериями: первая («Семена царствия Божия») состояла исключительно из писаний святых отцов; вторая («Русская религиозная мысль»), рассчитанная на более интеллигентного читателя, содержала размышления о вере и религиозной жизни выдающихся русских писателей и ученых (всего вышло более 80 «Листков»).

Заслуги Новоселова в деле духовного просвещения и христианской апологетики были столь несомненны, что в 1912 он был избран почетным членом Московской Духовной Академии. Когда в 1918 на Поместном Соборе Православной Всероссийской Церкви был учрежден Соборный отдел о духовно-учебных заведениях, который должен был искать новые пути развития духовного образования в стране, Новоселов получил приглашение принять участие в его работе⁵.

Но издательская деятельность не была единственной в просветительских трудах Михаила Александровича. Одной из характерных форм духовной жизни предреволюционного десятилетия было широкое распространение множества различных религиозно-философских объединений (кружков, обществ, братств), на заседаниях которых горячо обсуждались всевозможные проблемы христианского вероучения. Смешанный состав этих объединений (духовенство, философы, богословы, ученые, писатели) давал возможность непосредственного диалога между Церковью и интеллигенцией, позволял ставить задачу воцерковления последней. Новоселов придавал большое значение такого рода деятельности, участвовал в ней, начиная с заседаний самого первого из таких объединений — Петер-

³ Из академической жизни. 1. Избрание новых почетных членов МДА // Богословский вестник. 1912. №12. С.865.

⁴ См.: Фудель С.И. У стен Церкви: Материалы и воспоминания // Надежда. Христианское чтение. 1979. Вып.2. С.281.

⁵ Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии // Богословские Труды: Юбилейный сборник Московской Духовной Академии. М., 1986. С.240. Следует отметить, однако, что в архивах Собора (ГА РФ. Ф.3431) мы не нашли никаких следов участия Новоселова в работе этого отдела.

бургских Религиозно-философских Собраний (1901-1903), неизменно выступая со строго церковных позиций в противовес Мережковскому и Розанову. Участвовал он и в работе Московского религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева (1905-1918), возле которого сосредоточились в то время основные силы русской религиозной философии.

Однако атмосфера упомянутых обществ и характер дискуссий ни них не удовлетворяли Новоселова. Это были религиозные искания «около церковных стен»⁶, а зачастую и в стороне от них, характеризовавшиеся отсутствием духовной трезвости, безответственностью в выражениях, бесцеремонным отношением к высшему началу, декадентской «дионисийской» настроенностью. По этой причине Новоселов и круг его ближайших друзей (священники о.Павел Флоренский и о.Иосиф Фудель, Кожевников, Самарины, Мансуров и др.), сложившийся вокруг издательства «РФБ», организовал свое религиозно-философское общество, которое было скромно названо «Кружком ищущих христианского просвещения». По сравнению с Московским РФО «новоселовский» кружок не был столь многочисленным (впрочем, время от времени им устраивались и публичные рефераты, которые читались в особняке доктора Корнилова на Нижней Кисловке, куда собиралось до ста человек), зато его отличало строго церковное направление — он принципиально ставил себя внутрь церковной ограды, пользовался покровительством ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского) и духовно окармлился старцами Зосимовой пустыни. На заседаниях кружка царил подлинно православная атмосфера. Люди, собиравшиеся на новоселовских «четвергах», стремились реализовать хомяковскую идею соборного богопознания. По свидетельству о.Павла Флоренского: «Конечно, московская "церковная дружба" есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе это полная *coincidentia oppositorum*⁷. Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все — "как другие"... Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей... В сущности фамилии "Новоселов", "Флоренский", "Булгаков" и т.д., на этих трудах подписываемые, означают не *собственника*, а скорее стиль, сорт, вкус работы. "Новоселов" — это значит работа исполняется в *стиле* Новоселова, т.е. в стиле "строгого Православия", немного монастырского уклада; "Булгаков" — значит в профессорском стиле, более для внешних, апологетического значения и т.д.»⁸.

Наконец, следует сказать несколько слов и об общественно-политической позиции Новоселова. Конечно, он был консерватором, монархистом, признавал религиозное значение самодержавия. Но, выступая против церковного модернизма, против попыток «обновить» церковь без ясного понимания ее сущности, в духе тогдашнего «прогрессивного» либерализма, Новоселов в то же время был непримиримым противником

⁶ Название одной из книг В.В. Розанова.

⁷ Совпадение противоположностей (*лат.*)

⁸ Приведено в статье: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский — профессор МДА и редактор «Богословского Вестника» // Богословские Труды. 1987. Сб.28. С.304.

всякой зависимости церкви от государства и выступал за реформу церковного управления. По свидетельству Бердяева, «у него не было того клерикализма и поклонения авторитету иерархии, которые характерны для правых течений русской эмиграции. Он признавал лишь авторитет старцев, т.е. людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их, как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством»⁹. И когда в конце 1911 разыгралось шумевшее по всей России дело епископа Гермогена и Илиодора¹⁰ и распространились слухи о возможном рукоположении Григория Распутина, Новоселов выпустил в своем издательстве брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство», где он не только документально изобличает всемогущего «старца» в хлыстовстве, но и резко обвиняет в попустительстве высшую церковную иерархию: «Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя?.. Где его святейшество, если он по нерадению или малодушеству не блюдет чистоты веры Церкви Божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света?»¹¹ Разумеется, эта брошюра была запрещена и конфискована еще в листах в типографии, а за опубликование выдержек из нее газетой «Голос Москвы» на последнюю был наложен большой штраф. Именно после этой истории, получившей большую огласку из-за запроса в Государственной Думе о законности карательных действий властей, русское общество впервые осознало значение союза Распутина с тронем¹².

Приход большевиков лишил Новоселова возможности открытой религиозно-просветительской деятельности. Но и в условиях нового рабства он не переставал работать на ниве церковной — вплоть до своего ареста в 1928. Памятником этой работы являются его «Письма к друзьям», которые он писал с 1922 по 1927. Вряд ли следует напоминать, что это были годы бесправия Церкви не только де-факто, но и де-юре¹³, а за слова о христианской вере можно было заплатить не только свободой, но и жизнью. Внешний разгром русской церкви дополнялся внутренней церковной разрухой, вызванной деятельностью обновленцев.

В этих условиях, во многом напоминающих нынешнюю духовную ситуацию в России, твердая и непоколебимая православная позиция Новоселова, его авторитетное мнение по многим спорным вопросам имели огромное значение. В своих письмах он рассматривал общее учение о Церкви, ее роли в Божественном Домостроительстве, выяснял значение свя-

⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. Париж, 1949. С.200-201.

¹⁰ Удаление из Петербурга епископа Гермогена и состоявшего при нем иеромонаха Илиодора в ответ на их попытку воздействовать на Распутина (получить от него обещание оставить царский двор); при этом епископ Гермоген был исключен из состава Синода.

¹¹ Новоселов М. Григорий Распутин и мистическое распутство. М., 1912. С.2.

¹² Родзянко М.В. Крушение империи. Киев, 1990. С.35-38.

¹³ С лета 1922, когда ВЦИК издал постановление об обязательной регистрации всех общественных организаций (к которым была отнесена и Церковь), — и до получения этой «регистрации» Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием летом 1927.

тоотического наследия, разбирал сущность православия сравнительно с католичеством и протестантизмом. При этом важнейшая особенность его работы состоит в том, что почерпнутые из православного предания положения Новоселов применял к современной ему действительности, к анализу текущих церковных событий.

Сейчас уже трудно установить, кому предназначались эти письма. Конечно, в число корреспондентов Новоселова наверняка входили некоторые из его друзей — соратников по религиозно-философскому издательству и собеседников по кружку ищущих духовного просвещения: известно, что большинство из этих людей не эмигрировало после революции. Однако круг читателей «Писем» явно не ограничивался его близкими по прошлой деятельности; иначе было бы непонятно, зачем Новоселов повторяет в ряде писем идеи, уже высказывавшиеся им ранее в выпусках его Библиотеки и его друзьям хорошо знакомые. Объяснение может быть только одно: эти письма с самого начала предназначались для широкого распространения среди православных, то есть, говоря современным языком, — для церковного самиздата. Об этом же свидетельствует и тот факт, что уже в 1925 «Письма» были в первый раз перепечатаны на машинке; «эпистолярная» деятельность Новоселова к этому времени еще далеко не закончилась, было написано только 14 писем, и именно этим объясняется хождение в самиздате сборника из 14 писем (на этих письмах стоит не только дата их написания, но и дата их перепечатки). Полный сборник из всех 20 писем, очевидно, был перепечатан позже. В настоящее время «Письма к друзьям», которые целиком никогда не печатались, подготовлены для опубликования одним из церковных издательств.

Свой последний труд М.А. Новоселов завершил в конце 1927. Несколько месяцев спустя он был арестован и вступил на крестный путь Христа исповедника. Год его смерти и по сей день неизвестен: несмотря на объявленную гласность, «хранители древностей» от КГБ не спешат делиться своими тайнами.

В Дневниках и письмах Л.Н. Толстого фамилия Новоселов встречается много раз: в течение ряда лет он был любимым учеником прославленного писателя, к концу жизни выступившего в качестве религиозного учителя. Известны и семь писем, адресованных Новоселову и являющихся ответами на письма последнего¹⁴. Публикуемые ниже 17 писем Новоселова к Толстому (1886-1901) позволяют лучше понять ответы Толстого на них, полнее представить себе взаимоотношения писателя со своими учениками, характеризуют период зарождения «толстовства» как религиозно-общественного движения.

Из писем выступает личность типичного адепта нового учения — молодого, интеллигентного, идеалистически настроенного, искренне-

¹⁴ Толстой Л.Н. Полное (Юбилейное) собр. соч.: В 90 тт. М.; Л., 1928-1958. (Т.63. №554; Т.64. №42, 113, 419; Т.65. №45; Т.66. №42, 507).

го, восторженного. Вот он, только что закончивший университет, делится с Толстым своими дальнейшими жизненными планами: «я отказался от всех учительских мест, которые мне предлагались, и сразу почувствовал облегчение». Он решает стать врачом, рассматривая медицину как профессию, дающую возможность в наиболее наглядной и очевидной форме приносить пользу, поработать для блага людей. Но увы, против этого плана решительно восстал его отец, желавший видеть сына учителем древних языков. Пришлось пойти на компромисс и избрать другое решение: «поступить в учительскую семинарию». В ожидании места он живет в деревне, готовясь к своей будущей педагогической деятельности. К этой умственной работе присоединяется и работа физическая, крестьянская: он пашет землю, копает картофель, возит дрова и т.п. («невыразимо приятно то более тесное общение с народом, в которое становишься благодаря общей работе»).

Спустя несколько месяцев, в начале 1887, умирает отец Новоселова. Казалось бы, теперь он беспрепятственно начнет осуществлять свою мечту о медицинском образовании; но в юности планы меняются быстро, и, став обладателем некоторой суммы оставшихся от отца денег, Новоселов решает осуществить на практике пропагандируемый Толстым истинный образ жизни — жить на земле трудом своих рук. Еще не приступив к выполнению этой программы, он уже до такой степени проникается «толстовством», что ему начинает казаться, что сам Толстой не вполне отвечает духу «великого учения». Разыгрывается настоящая трагедия, нашедшая свое отражение в двух письмах, в которых с резкостью, бескомпромиссностью и бесцеремонностью юности Новоселов «умоляет», но и укоряет, едва ли не бичует «великана русской литературы», «учителя жизни», да в конце концов — просто старого, умудренного житейским опытом человека за то, что его жизнь расходится с его учением. Поражаешься мягкости, терпению и выдержке Толстого, не одернувшего 23-летнего юношу, понятия не имеющего о семейной жизни, за, мягко говоря, некорректные высказывания о «низменных побуждениях графини», за слова о том, что преданные ученики заменят писателю 40 000 жен, и др. Но Толстой считал эти упреки во многом справедливыми: первую попытку ухода из Ясной Поляны он предпринял уже в 1884. Видимо, не случайно и то, что слова из «обличающего» письма Новоселова («не могу молчать, не хочу молчать и не должен молчать») писатель впоследствии избрал для названия своей статьи, в которой страстно протестовал против смертной казни.

Тем временем идея о «народничестве нового типа» приобретала все больше сторонников. Почти ежедневно собиравшаяся в конце 1887 года у Новоселова молодежь горячо обсуждала устройство будущих интеллигентских земледельческих поселений: создавать ли одну большую или сеть малых общин? Решено было избрать последнее: поскольку смысл общинной жизни виделся в том, чтобы личным примером «светить людям», то разумной казалась тактика «вкраплений» отдельных ячеек по всей России (иначе «будет чересчур много света в одном месте»). По этому проекту должны были возникнуть общины в Тверской, Смоленской,

Самарской, Харьковской, Полтавской, Киевской губерниях, а также на Кавказе. Однако собрания эти едва не закончились катастрофой: жизненный путь Новоселова пересекся с путем его ровесника, впоследствии известного на всю Россию начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова — в то время скромного служащего при телеграфе прокурора судебной палаты Муравьева.

Новоселов не был революционером и как ученик Толстого принципиально отвергал любое насилие (в том числе и государственное, что делало его в собственных глазах радикальнее революционеров), но власти в то время плохо отличали религиозные (и в частности толстовские) сообщества от революционных, в их глазах все это были «незаконные собрания». Кроме того, большая часть тогдашнего студенчества симпатизировала революционерам, и Новоселов в определенной мере разделял эти настроения. Во всяком случае, переписывая и размножая различные произведения Толстого на религиозные темы, он издал в 1887 гектографическим способом и рукописную брошюру Толстого «Николай Палкин» — о бесчеловечности, отличавшей царствование Николая I и присущей всякой власти, которая развращает народ, принуждая людей мучить и убивать себе подобных.

Новоселова посещал молодой человек, Митрофан Тимерин, служивший телеграфистом на железнодорожной станции Орел и считавший себя по убеждениям революционером. Впрочем, революционность его ограничивалась знакомством с некоторыми студентами, привлеченными в том же году по делу о «тульской типографии Народной Воли». Однако в начале своей карьеры Сергей Зубатов не брезговал использованием даже таких неопытных юнцов. Он постарался понравиться Тимерину, разыграв роль крайнего радикала, втерся в доверие к нему, и в какой-то момент Тимерин передал «брату по убеждениям» один экземпляр «Николая Палкина», сообщив при этом, что брошюру издал Новоселов.

Зубатов начал «раскручивать дело»: имеется нелегальный кружок и этот кружок издает нелегальную литературу. У Новоселова и его приятеля Льва Николаевича Маресса (одноклассник Новоселова по 4-й гимназии, впоследствии экономист и публицист, сотрудник «Русской мысли» и «Русских ведомостей») начали появляться какие-то господа с предложением продать двести экземпляров «Николая Палкина»... для «Русской мысли». Новоселов отвечал, что он не продает, а может дать несколько экземпляров; подчеркивалось, однако, что приобрести их в большом количестве желает именно «Русская мысль». Одновременно с этим Новоселов стал получать какие-то странные письма с приглашением на таинственные свидания. В конце концов 27 декабря, на основании агентурных указаний Зубатова, на квартире у Новоселова был произведен обыск. Найдены были гектографические принадлежности, рукописная брошюра «Николай Палкин» («возмутительного содержания»), несколько писем Л.Н. Толстого, а также стихотворение из «Вестника Народной Воли».

Новоселов, Тимерин, Маресс и еще несколько человек были арестованы; для Новоселова дело вполне могло бы кончиться высылкой в Сибирь, если бы не непосредственное вмешательство Толстого. Узнав об

аресте своего молодого друга, он лично явился к начальнику Московского жандармского управления Слезкину и заявил ему, что преследования за «Николая Палкина» должны быть направлены прежде всего против него как автора статьи, в ответ на что интеллигентный генерал заявил: «Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить»¹⁵. Вышние власти также сочли, что привлечение к ответственности прославленного писателя вызовет совершенно нежелательные толки и последствия, и решили замять эту историю (император Александр III утвердил доклад министра внутренних дел Д.А. Толстого, в котором тот отмечал, что Толстой несомненно писал эту статью «вне каких-либо преступных связей и намерений, исключительно под влиянием религиозного фанатизма»).

В начале февраля 1888 Новоселов был освобожден под гласный надзор полиции с запрещением проживания в столицах. Разумеется, о педагогической карьере более не могло идти и речи. Обстоятельства сами подталкивали его к скорейшему осуществлению плана «жизни на земле». В том же 1888 Новоселов на свои деньги покупает землю в с. Дугино Тверской губернии и создает одну из первых в России толстовских земледельческих общин, просуществовавшую около двух лет.

Поначалу дела у общинников шли прекрасно: молодость, энергия, дружба, общее одушевление от сознания новизны затеянного ими дела, за которым с вниманием и любовью наблюдает Учитель, выдающийся мыслитель, — что еще нужно для счастья? «Всем хотелось верить, что они живут настоящей жизнью, что выход найден и на деле осуществляется заветная мечта о честной, трудовой жизни среди природы»¹⁶. Общину посещает множество гостей, особенно летом; например, некоторое время в ней жил В.А. Маклаков, впоследствии крупный общественный деятель, депутат Государственной Думы.

Однако время берет свое, и постепенно у общинников накапливается раздражение и недовольство той жизнью, на которую они обрекли себя. Главным фактором здесь была неприспособленность к физическому труду: их труд не был производителен настолько, чтобы обеспечить общинникам реализацию их принципиальной установки — существования от трудов своих рук; не получалось и ожидаемого от общей работы облегчения труда, т.к. слабые работники через силу тянулись за сильными, а сильные перенапрягались, чтобы компенсировать недоработку слабых. Сыграло свою роль и стеснение в общине личной жизни, и отношение местных крестьян, быстро усвоивших идеи господ о «преступности собственности» в выгодном для себя смысле (рубка принадлежащего общине леса, кража инвентаря и т.п.). Стало ясно, что общинная жизнь удалась.

Сходным образом эволюционировало и отношение к общинам Толстого. Вначале он с интересом, хотя и с некоторой настороженностью,

¹⁵ Никифоров Л.П. Воспоминания о Л.Н. Толстом // Л.Н. Толстой: Юбилейный сборник. М., 1929. С.220.

¹⁶ Скороходов В. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал. 1914. №11. С.82.

наблюдает за ними. «Продолжатся ли эти общины или нет — все равно. Они много помогли людям, много опыта духовного вынесено из них»¹⁷. То же самое он продолжает утверждать и после распада первых общин: «Община была школа очень полезная»¹⁸. Но окончательный вывод писателя таков: «Собираться в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей я считаю не только невозможным (недостаточно еще привыкли к самоотвержению люди, чтобы ужиться в таком тесном единении, как это и показал опыт), но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир. Христианин должен жить так, как будто все люди — какие бы они ни были — были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь. И тогда только, хоть и не при его жизни, но когда-нибудь осуществится братская жизнь на земле, а устройство малых общин избранных — церковей, не улучшает, а часто ухудшает жизнь людей, делает ее более жестокой и равнодушной к другим»¹⁹.

На некоторое время бывшим участникам новоселовской и других общин суждено было еще раз собраться вместе по призыву их учителя — в конце 1891 и первой половине 1892 они объединяются вокруг Толстого в деле оказания помощи голодающим в Рязанской губернии. Но дальше дороги Новоселова и Толстого окончательно расходятся. Близкое общение с народом, его молчаливое неприятие того чисто нравственного религиозного учения, которое исповедовали общинники, его духовная крепость, позволяющая безропотно выносить тяжелую жизнь, не могли не возбудить вопроса об истоках этой крепости, о вере, дающей силы переносить ниспосылаемые испытания. Внимание Новоселова стало все более привлекать Православие, испокон веков служившее духовной поддержкой во всех бедствиях на Руси.

Но и после их идейного расхождения Толстой продолжал относиться к Новоселову с искренней любовью. Об этом свидетельствуют его письма М.В. Алехину от 24 июня 1894 («Пути, по которым идут Новоселов и ваш брат Аркадий, совершенно непонятны для меня, но уверен, что они ведут туда же, куда мы все идем: к истине и Богу») и П.Н. Гастеву в 1895, через которого он передает Новоселову дружеский привет²¹. Даже открытое письмо Новоселова против Толстого в связи с его отлучением от Церкви (см. ниже, прим. к письму 17) не смогло поколебать расположения писателя. Вскоре после появления этого письма Новоселов решил опубликовать пять писем Толстого к нему в журнале Мережковских «Новый путь»; цензура не разрешила печатать эти письма без согласия писателя, и 25 ноября 1902 Толстой дал необходимое разрешение.

Интересно отметить, что именно новоселовские брошюры были последними книгами в жизни Толстого — он просматривал их за несколь-

¹⁷ Письмо к М.А. Шмидт от 9 августа 1890 // Толстой Л.Н. Полное (Юбилейное) собр. соч. Т.65. С.144.

¹⁸ Письмо к М.А. Шмидт в сентябре 1891 // Там же. Т.66. С.42.

¹⁹ Письмо к А.Н. Каневскому // Там же. Т.68. С.133-134.

²⁰ Там же. Т.67. С.161.

²¹ Там же. Т.68. С.274.

ко дней до смерти, и они так понравились ему, что писатель поручил Д.П. Маковицкому обратиться к своему бывшему другу и сподвижнику с просьбой присылать все вышедшие и имеющиеся выйти выпуски его Библиотеки.

Публикуемые ниже письма позволяют проследить все этапы изживания «толстовства» Новоселовым. Вначале он вслед за учителем отрицает личное бессмертие (письмо от 4 апреля 1887). Но уже осенью того же года после изучения буддизма он решительно отвергает его («чем-то холодным, мертвенным, пессимистическим повеяло на меня от Буддизма. Нет, далеко ему до Жизнерадостного, бодрого, энергичного благовествования Христа!»), и это предвещает дальнейшую эволюцию его взглядов, принимая во внимание, что мировоззрение самого Толстого окрашено в буддийские тона. А через три года Новоселов уже ловит себя на лжи при попытке защищать «толстовство» перед другими (письмо от 21 мая 1890).

Тем не менее, влияние, которое оказал Толстой на Новоселова, было очень велико. Здесь прежде всего следует отметить усвоение им принципа, что слово не должно расходиться с делом. Этот принцип Новоселов пронес через всю свою жизнь, наполненную неустанной деятельностью, и не только издательской (кстати, на выбор Новоселовым издательской деятельности как основного жизненного поприща, несомненно, повлияло и его сотрудничество в издательстве «Посредник»), но и связанной с оказанием конкретной практической помощи людям. «Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращать. Он производил впечатление монаха в тайном постриге», — так характеризует Новоселова Н.А. Бердяев²². Следует отметить также, что не без влияния критики Толстым «попов» Новоселов остался чужд столь часто встречающемуся среди православных «практическому папизму» — преклонению перед иерархией, отождествлению ее со всей Церковью.

Письма публикуются по оригиналам, находящимся в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве. Старая орфография заменена новой; явные опiski исправлены; неразборчивые места отмечены в квадратных скобках: [нрзб.]; сокращения раскрыты и также помещены в квадратных скобках; предположительная расшифровка сопровождается вопросительным знаком. Дата письма всегда указывается в его начале; подчеркнутые в тексте слова выделены курсивом.

Пользуюсь случаем выразить признательность сотрудникам музея Л.Н. Толстого за помощь в подготовке публикации.

²² Бердяев Н.А. Указ. соч. С.200.

9 октября [1886]

Неделю тому назад получил я письмо от доброго Исаака Борисовича¹, который сообщил мне все успокоительное относительно Вашего здоровья, дорогой Лев Николаевич.

Нечего говорить о моей радости. Вы сами, конечно, знаете, что значите Вы для меня, и что, следовательно, должен я чувствовать, услышав, что скоро Вы совсем поправитесь и вернетесь к обычной неусыпной деятельности и святому служению нам — людям, ищущим просвета.

Спасибо Вам, родной Лев Николаевич, за поцелуй, который Вы прислали мне, и за желание узнать, чем живу я теперь. Скажу предварительно, что я думаю делать в ближайшем будущем.

На медицинский факультет я не поступил, как я уже сообщал Вам в предыдущем письме, так как против этого высказался отец, желавший видеть меня учителем древних языков² и находивший, что 5 лет пребывания на медицинском факультете могут быть напрасно потраченным временем. Не скажу, чтобы я соглашался с ним, но идти против его воли и в то же время требовать от него средств (хотя об этом и речи не было, но я не мог не думать) для дальнейшего образования, — я не считал удобным. К тому же другие соображения, о которых шла, кажется, речь у нас с Вами в Мае, заставили меня отказаться от задуманного плана и избрать другое решение, которое на всякий случай имелось у меня в виду. Решение это — поступить в одну из народных школ какого бы то ни было разряда. От этого второго решения я не мог уже отступить, хотя отец и настаивал на своем предложении. Чтобы не огорчать его, я решил поступить в учительскую семинарию (раньше я думал о сельской школе), а пока, в ожидании места (в Торжке), я отправился в деревню. Признаюсь, и на свое поступление в семинарию я смотрю лишь как на временное направление по диагонали, которое, надеюсь, прекратится через 4 года, когда отец оставит службу и выйдет из той бюрократической среды, которая делает его до некоторой степени рабом своих мнений и чувств. Правда, он высказал как-то мысль, что он не может встать на мою точку зрения, хотя не хочет и противиться моим начинаниям. Но... Вы, я думаю, поймете, мой дорогой Лев Николаевич, что иначе поступить, чем поступил я, едва ли было бы удобно. Вы поймете, почему я не мог теперь сразу стать тем, что составляет венец всех моих желаний и помыслов. Сводятся же все и желания, и помыслы к тому житью, единственного представителя коего (из нашей среды) я вижу в Исааке Борисовиче³. Я прочитал давне-

нько уже рассказ о Франциске Ассизском⁴, и с тех пор слова великого человека не перестают звучать в моих ушах: «если будет собственность, то нужна и сила, чтобы оберегать ее». Не говорю уже о том, что самое жалованье, которое придется получать на службе (как неприятно звучит это слово теперь!), есть результат насилия, и сознание такого происхождения моих будущих средств мутит меня. Успокаивает одно: этими средствами я лично буду пользоваться в таких размерах, в каких пользуюсь последнее время средствами отца, т.е. постараюсь до minimum'a расход на себя. Это, надеюсь, даст мне силы проработать в семинарии эти немногие годы.

Вот что предстоит мне через несколько месяцев, а может быть, и спустя год. В деревне я занимаюсь так. Готовлюсь к своей будущей педагогической деятельности, прочитывая и обдумывая то, что придется внедрять в молодые умы мне, как учителю русского языка и истории. Особенно много вопросов ставит преподавание истории. Как сделать преподавание этого предмета целесообразным? Больше всего, конечно, хотелось бы внести в преподавание истории моральную точку зрения. Но как она уживется с программой? Бесспорно, воспитанники должны будут усвоить требуемое разного рода инструкциями, чтобы кончить курс. Требуются же факты, и не в малом количестве. Как выбросить их? А если не выбрасывать, то как справляться с этой массой, когда нужно было бы так немного данных, чтобы дать понять то, что полезно понимать каждому в жизни человечества? Пока мне представляется дело так: выдвигать вперед лица с той стороны, которую обыкновенно игнорируют «ученые» историки, увлекаясь своими научными построениями. Мне хотелось бы, чтобы прошлая жизнь человечества дала юношам понятие о людях и их поступках со стороны их приближения или удаления от учения Христова. Может быть, мысль эта покажется и Вам странной и наивной, но я серьезно остановился на ней и пока не вижу ничего, чем бы мог заменить ее. Средневековая история особенно поучительна в этом отношении: отрицательная деятельность пап и королей так и бьет в глаза. («Христианнейший» Хлодвиг⁵, благочестивый наместник Христа — Григорий VII⁶, Иннокентий III⁷ и масса других). Словом, начиная от аристократизации христианства, пойдет ряд самых поучительных примеров отступничества и, главное, отступничества, отличительным признаком коего — Иудино целование⁸, а иногда и искреннее, но тем самым еще более поразительное и ужасное заблуждение: выдвинуть эти примеры было бы, думается, небесполезно. Как скажете Вы, дорогой помощник наш и утешитель? Найдете ли мою мысль заслуживающею отрицания, или

увидите в ней что-либо и положительное? Я был бы невыразимо доволен, если бы услышал от Вас совет и наставление.

Теперь много думаю я над Вашей статьей о народном образовании⁹ (не той, которая помещена в 12-м томе¹⁰), которую я первый раз прочитал в Августе месяце этого года. В конце ее Вы говорите, как различно отнесутся читатели к Вашей мысли, что мы не знаем, чему учить, и что главная задача наша дать возможность подняться учащимся на известную высоту понимания, как мать, будучи не в состоянии спуститься до ребенка, старается поднять его до собственного уровня. (Кажется, такова Ваша мысль?) Людей, которые, по Вашему мнению, не примкнули к выраженной Вами мысли, Вы подразделили на несколько разрядов, и к одному из них (к людям, считающим Ваше мнение фантастическим и утопическим) я невольно причислил себя, прочитав эту статью (решив однако, что нужно подумать об этом). Окончив некоторые работы и подав кандидатское сочинение, я уехал в деревню, где между прочим стал заниматься в школе, помогая своей троюродной сестре-учительнице¹¹. В это же время мне попала в руки брошюра Рачинского о народных школах¹². Я с удовольствием прочитал брошюру и задумался над ней. Результатом было почти полное согласие с Вами. Но еще больше подтвердили справедливость Вашей мысли мои подготовительные занятия (по своей специальности), когда я задал себе вопрос, что и как я буду делать в учительской семинарии. В ответ должен был сказать: давать средства подняться уровню понимания, и больше почти ничего. Не знаю, так ли я понял Вас и достаточно ли ясно показал, как понял. Если ошибаюсь, помогите мне и укажите ошибку.

К занятиям в школе и дома присоединяются работы в поле и в огороде. В деревне я с 5-го Сентября. В это время я пахал, копал картофель, рубил капусту, ворошил масло, возил дрова, — все это, конечно, не в таких размерах, какие желательны. Но... надеюсь, в этом году усвою в деревне все, что необходимо. Не буду говорить, как невыразимо приятно то более тесное общение с народом, в которое становишься благодаря общей работе; не буду говорить об этом, потому что иначе не кончил бы беседы с Вами, которая и без того затянулась. Простите мою докучливость!

В прошлом письме я сообщал Вам о своем намерении заняться изданием «Субботника»¹³; но до сих пор мне не выслали его, и я издал лишь 80 экземпляров «Церковь и Государство»¹⁴. (Если Вам нужно, я с удовольствием вышлю Вам несколько штук; другие же отправляю в Москву).

Нет ли у Вас другого экземпляра «Субботника»?

Не можете ли прислать тех сочинений, о которых я писал в первом письме: «Исповеди», «В чем моя вера», «Учение 12-ти Апостолов»¹⁵. Я еще слышал о 2-х брошюрах Ваших. Одна, если я не ошибаюсь, носит название «Николай Палкин»¹⁶. Не можете ли и их присоединить? Если можно, пришлите хотя на *минимальный* срок.

Пока прощайте, мой дорогой Лев Николаевич! Поправляйтесь скорее и помогайте нам выбраться из мрака.

Позвольте поцеловать Вас, мой родной, и обнять крепко-крепко.

Любящий Вас и вечно Вам благодарный

М.Новоселов.

P.S. Низкий поклон и привет Исааку Борисовичу.

Если найдете возможным исполнить мою просьбу, то вот мой адрес: по Рыбинско-Бологовской ж.д., на станцию Еваново, мне. Я боюсь беспокоить Вас лично, мой дорогой Лев Николаевич, а потому дайте весточку хотя через Исаака Борисовича.

Когда думаете перебраться в Москву? С нетерпением жду времени, когда приведется увидеть Вас и побеседовать о вопросах, трудно поддающихся разрешению.

Читали ли Вы статью Оболенского в «Русском Богатстве»: «К вопросу о насилии»?¹⁷ На мой взгляд, очень умная статья, хотя и можно бы кое-что выкинуть из нее. В последних книжках этого журнала напечатано несколько статей по поводу Ваших сочинений (большую часть ответы Скабичевскому¹⁸).

Не могу кончить. Хочется задать Вам вопрос, который недавно поднят был в нашем юном кружке. Вопрос заключается в следующем. Существуют ли в нашем деревенском люде какие-либо нравственные принципы помимо строго религиозных? Иначе, руководствуется ли народ в своих действиях исключительно соображением о наказании или награде в будущей жизни, или он отличает доброе от худого на основании чистой морали, не имеющей той подкладки, какую дает нравственности церковное учение, обещающее ад и рай в загробном существовании? Очень бы хотелось знать Ваше мнение об этом предмете. Пока я остаюсь одиноким сторонником последнего мнения, находя, что единственным стимулом к добрым деяниям нельзя признать боязнь будущих мук и желание награды. На основании некоторых наблюдений я готов даже усомниться в прочности веры в загробную жизнь. Разумею не какую-либо секту, а массу народа. Мне кажется (утверждать не могу), что вера эта есть в значительной степени что-то внешнее относительно самой жизни, и что она, если и существует прочно, то в стороне от деятельной жизни, а не как основная машина,

направляющая жизнь. Говорю лишь о вере в награду или наказание, о которых говорит церковь, не имея в виду той веры, без которой вообще невозможна жизнь¹⁹.

Еще вопрос, который, надеюсь, уместится на этих строках. Что разумеете Вы под *учительством*, которое отрицает Христос, и до которого, говорите Вы, был большой охотник Павел²⁰. Ведь, конечно, это не то, что делал сам Христос, а, полагаю, то, что делает насилующая церковь. Но ведь Павел без насилия делал дело?! Разъясните это, если найдете свободную минутку. Может быть, Вашу мысль разъяснит какая-нибудь из Ваших брошюр.

Еще одно последнее сказанье. Чувствую потребность заняться ознакомлением с историей христианства. Через одного академика²¹ узнал, к каким руководствам обратиться для изучения догматической и иерархической сторон христианства. Но представляется затруднение, откуда исходить при изучении. Я совершенно незнаком с историей текста Евангелий. Не можете ли указать мне, куда обратиться? Кроме того, не знаете ли сочинения, которое могло бы дать полное представление о выдающихся религиях древности и позднейшего сравнительно времени. Если нет полного изложения истории религий, то не назовете ли отдельных сочинений для знакомства с каждой из них. Извините, что засыпаю Вас просьбами так бесцеремонно. К кому же и обратиться, как не к Вам, дорогой Лев Николаевич?! Вы больше всякого другого имеете и готовности помогать, и умения, особенно в тех вопросах, с которыми я к Вам обращаюсь²².

Кажется, все, т.е. собственно не все, что хотелось бы сказать, но все на этот раз. Еще раз простите, мой дорогой Лев Николаевич, мою бесцеремонность и позвольте на будущее время изредка делиться с Вами тем, что требует выхода, разрешения или совета.

Не черкнет ли иногда Исаак Борисович?! Поблагодарите его за письмо. До свиданья, хорошо бы скорого.

А что Ваше полное Евангелие²³ — все еще в одном экземпляре? Как бы его пустить в ход? Гектографировать очень долго, особенно кому-нибудь одному. А нужно бы!

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС. Т.63. №554).

Год написания письма устанавливается исходя из упоминания о болезни Толстого и об окончании Новоселовым Московского ун-та. В середине июля 1886 Толстой, возивший сено для яснополянской вдовы Анисьи Копыловой, ушиб ногу, что позднее привело к воспалению надкостницы, почти на два месяца приковавшему его к постели. Не получив ответа на свое письмо Толстому, написанное, по-видимому, в августе или начале

сентября 1886 (это письмо не сохранилось), и обеспокоенный состоянием здоровья писателя, Новоселов написал жившему тогда в Ясной Поляне И.Б. Файерману (см. ниже, прим.1) следующее письмо:

20-ое сентября.

Осмеливаюсь беспокоить Вас, уважаемый Исаак Борисович, просьбой ответить мне на то письмо, которое я отправил из Москвы Льву Николаевичу. Не знаю, передал ли он Вам мою просьбу уведомить меня о состоянии его здоровья, которое очень беспокоит меня, вследствие разноречивых слухов о положении дорогого больного и незнании действительного хода болезни.

В том же письме я просил о присылке некоторых вещей Льва Николаевича: двух брошюр, о которых сообщал мне Буткевич [см. прим.5 к письму 9. — *Е.П.*], «Исповеди» и «В чем моя вера». Черкните, пожалуйста, хотя несколько строк обо всем этом, а главное о первом.

Я теперь в деревне, куда и адресуйте письмо: По Рыбинско-Бологовской ж.д., на станцию Еваново Мих. Ал. Новоселову.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

М.Новоселов.

P.S. Льву Николаевичу передайте низкий поклон с горячим пожеланием скорее поправиться.

Не удивляйтесь, что я беспокою Вас. Все это время я не могу отогнать от себя мысли о болезни дорогого человека, а неизвестность усиливает тяжесть этой мысли.

Данное письмо написано после успокоительного ответа Файермана.

¹ *Исаак Борисович* Файерман (1863-1925), окончил гимназию в Киеве, увлекся учением Толстого, приехал летом 1885 в Ясную Поляну, перешел из иудаизма в православие (чтобы быть ближе к народу), поселился в одной из крестьянских семей, некоторое время учительствовал, затем занимался столярным ремеслом. Осенью 1886 был призван в армию и уехал на родину в Кременчуг. В 1889 организовал земледельческую общину в Херсонской губернии. Впоследствии стал журналистом (псевд. Тенеро-мо), много писал о Толстом.

² Отец Новоселова Александр Григорьевич Новоселов (1834-1887) был известным педагогом, директором тульской, а с 1881 — 4-й московской гимназии, где он же преподавал древние языки в старших классах.

³ Речь идет об «опрошении» и «жизни на земле».

⁴ *Франциск Ассизский* (1182-1226), святой католической церкви, основатель названного его именем монашеского ордена нищенствующих.

⁵ *Хлодвиг I* (466-511) — король франков из династии Меровингов; принял в 496 христианство.

⁶ *Григорий VII* Гильдебранд (между 1015 и 1020-1085) — римский папа (с 1073), выдающийся церковный и государственный деятель, способствовавший возвышению папства, святой католической церкви.

⁷ *Иннокентий III* (1160/61-1216), римский папа (с 1198), церковный деятель периода наивысшего могущества средневекового папства, инициатор 4-го крестового похода.

⁸ См.: Лк.22, 47-48 и др.

⁹ Имеется в виду статья «О народном образовании» (1862), помещенная в 1-м номере издаваемого Толстым журнала «Ясная Поляна».

¹⁰ В 12-м томе собрания сочинений Л.Н. Толстого (М., 1886) была помещена другая статья с тем же названием «О народном образовании», впервые опубликованная в 1874 в журнале «Отечественные записки» (№9. С.147-204).

¹¹ Во многих публикациях указывается, что Новоселов в начале своего жизненного пути (до организации земледельческой общины) был преподавателем в одной из московских гимназий (см., напр.: ПСС. Т.50. С.254; Т.63. С.391 и др.); встречаются даже сообщения о том, что он был профессором классической филологии в Московском ун-те (Польский М. Новые мученики российские. Т.2. Джорданвиль, 1957. С.135); однако упомянутая в данном письме работа в сельской школе — единственная педагогическая деятельность в жизни Новоселова (см. также письмо 7).

¹² *Рачинский* Сергей Александрович (1836-1902) — магистр ботаники, известный деятель народного образования. Оставив профессию, поселился в деревне (с.Татево Бельского уезда Смоленской губ.) и всецело посвятил себя народной школе. В своей брошюре «Заметки о сельских школах» (СПб., 1883) С.А. Рачинский подчеркивает национально-религиозный характер народной школы, которая должна быть «училищем благочестия и добрых нравов», и высказывается за передачу всего дела начального образования Церкви.

¹³ «*Субботником*» Новоселов называет писателя-крестьянина Тимофея Михайловича Бондарева (1820-1898). В результате тяжелых жизненных невзгод (в частности, несправедливого отдания помещиком в солдаты) Т.М. подпал под влияние секты субботников и перешел в иудаизм (с обрядом обрезания и принятием имени Давид Абрамович); за это был сослан на поселение в дер.Иудино Минусинского уезда Енисейской губ.; занимался земледелием, проповедовал спасительность для людей этого труда. Написал произведение «Торжество земледелия, или трудолюбие и туеядство», которое восхитило Л.Н. Толстого, увидевшего в нем подтверждение своим мыслям. Л.Н. написал предисловие к этой работе и искал возможности для ее опубликования (отрывки были опубликованы в газете «Русское дело». 1888. №12-13).

¹⁴ Новоселов занимался гектографическим размножением и распространением запрещенных произведений Толстого; одним из них была статья «Церковь и государство» (1879), содержащая критику Церкви.

¹⁵ «*Исповедь*» (1882, опубл. 1884) и «*В чем моя вера?*» (1882-1884), произведения, выразившие религиозно-философские искания Толстого. «*Учение 12-ти Апостолов*» (Дидахи) — памятник древнехристианской пись-

менности (к. I — нач. II в.), найденный в 1873 в Константинополе и изданный в 1883 (рус. пер. 1884; новый перевод Толстого с его предисловием и послесловием опубликован в журнале «Детская помощь». 1885. №8).

¹⁶ Статья «*Николай Палкин*» (1886) была отгектографирована Новоселовым в 1887 и вызвала его арест (см. предисловие).

¹⁷ *Оболенский* Леонид Егорович (1845-1906) — литератор, философ, редактор-издатель журн. «Русское Богатство» (1883-1891). По своим взглядам был до некоторой степени близок Толстому, и в 1886 поместил в своем журнале ряд статей, так или иначе связанных с идеями толстовства (№4 — «Лев Толстой о женском вопросе, искусстве и науке. По поводу заметки г. Скабичевского»; №5 — «К вопросу о насилии»; «Лев Толстой и О. Конт о науке (ответ г. Скабичевскому)»; №8 — «Русская мысль-боязнь и критики Л. Толстого»; №9 — «Основные начала философии Льва Толстого»; №10 — «Мораль и социальные взгляды Л. Толстого»).

¹⁸ *Скабичевский* Александр Михайлович (1838-1910) — критик и историк литературы.

¹⁹ На этот вопрос Новоселова Толстой ответил: «Мнение ваше о том, что добро в народе независимо от наград и наказаний, не только справедливо, но удивительно, как могут люди не видеть того, что понятие о наградах и наказаниях есть не что иное, как образная форма выражения того, что добро не может иметь реальной действительной награды. Правда, что дети и грубые сердечные люди понимают это прямо, и тогда невероятно, но как только человек познал добро, он делает его для добра и не имея никакого рассудочного объяснения для чего он делает, охотно берет то, которое ему представляется» (ПСС. Т. 63. С. 390).

²⁰ Толстой разделял характерное для протестантизма противопоставление богословия ап. Павла учению Иисуса Христа: «Обратясь к началу христианского учения, в Евангелиях мы находим учение, прямо исключющее внешнее богопочитание, осуждающее его и в особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство [Толстой имеет в виду слова Христа: "не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос" (Мф. 23, 8). — *Е. П.*]. Но от времени Христа, приближаясь к нашему времени, мы находим отклонение учения от этих основ, положенных Христом. Отклонение это начинается со времен апостолов, особенно охотника до учительства Павла» (Церковь и государство // ПСС. Т. 23. С. 478).

²¹ *Академиками* называли тогда выпускников Духовных академий.

²² В ответ на эту просьбу Новоселова Толстой указал на работы протестантских богословов Э. Рейсса (по библейской текстологии) и Пресансе (по истории Церкви), однако добавил: «Впрочем, не советую вам углубляться в эти занятия. Тот, кто в Евангелии не сумеет разделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому не нужно. Умеет же отличать тот, кому нужно руководство Евангелия для жизни, а не для мудрствования» (ПСС. Т. 63. С. 390-391).

²³ «*Полным Евангелием*» Новоселов называет работу Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880-1881).

[осень 1886 (после 9 октября)]
[без начала]

...Кончили ли статью и когда она будет напечатана?¹ Читали ли статью Оболенского в «Русском Богатстве»?² Душевно он пишет! Алехин³, кажется, на днях купит землю в Тверской губ[ернии], чему я очень рад. Субботник⁴ отправляет он за границу для напечатания.

Пока до свидания, родной Лев Николаевич! Желаю Вам бодрости телесной, и еще больше душевной!

Любящий Вас М.Новоселов.

P.S. Как жаль, что я не знал о вашем приезде в Москву в Апреле!⁵ Так хотелось повидаться с Вами.

Читал на днях заметки Ваши из Записной книжки и Ник[олая] Палк[ина]! По поводу некоторых заметок скоро напишу Вам, так как о многом, что нашел там, думал раньше. Ник[олай] Палк[ин] зажигателен, но хорошо зажигает. Только повторений много и мало обработан с внешней стороны, что умаляет несколько внутр[енние] достоинства.

Предположительная датировка этого письма, от которого сохранилась лишь последняя страница, основана на следующих соображениях: оно написано после возвращения Новоселова в 1886 из деревни в Москву, где он ознакомился с текстом «Николая Палкина» и узнал о кратковременном апрельском приезде Толстого в Москву (см. ниже, прим.5), но до встречи с Толстым в Москве после его возвращения на зиму (21 ноября) из Ясной Поляны.

¹ О какой статье идет речь — установить не удалось.

² См. прим.16 к письму 1.

³ Алехин Аркадий Васильевич (1854-1918) — бывший студент Петровской сельскохозяйственной академии, примыкал к народникам, потом стал последователем Толстого; весной 1888 со своими братьями Митрофаном и Алексеем организовал земледельческую общину близ с.Успенского (Шевелево) (Дорогобужский уезд Смоленской губ.), просуществовавшую около двух лет. Затем вернулся в православие, занимался общественной деятельностью (был городским головой в Курске в 1905-1914). В конце жизни присоединился к баптистам.

⁴ См. прим.12 к письму 1.

⁵ 4 апреля 1886 Толстой отправился пешком в Ясную Поляну, однако 14 апреля вернулся в Москву, и только 28 апреля выехал, как обычно, на лето в Ясную Поляну.

1-ое Марта [1887]

Милый, дорогой Лев Николаевич!

Не удивляйтесь, что вместо того, чтобы говорить с Вами, я начинаю писать Вам. Все, что я скажу, я давно собирался сказать, но как-то не решался: частью ложная деликатность, частью обычное присутствие посторонних лиц, а, главное, боязнь не получить желанного ответа, который бы разрушил мучительные сомнения; все это отнимало у меня язык. Заранее прошу прощения, если мое слово будет Вам неприятно, и мое вторжение покажется неуместным. Но я не могу молчать, не хочу молчать и не должен молчать, потому что бесконечно люблю Вас...

Много, много раз перечитывал я Вашу «Веру»¹ и всегда выносил одно и то же чувство умиления, радости, бодрости и охоты переменить свою языческую жизнь на жизнь христианскую. При этом от жизнерадостного учения, передаваемого Вами, я никогда не мог отделить образа человека, раскрывшего людям заповеди Христа, которые исказило лжеучительство. Все славное, великое, громкое в этом человеке отошло на задний план, и вместо прежнего художника-беллетриста встал передо мной несравненный образ человека-христианина... Так привык смотреть я на Вас, так смотрю и теперь, пораженный и ослепленный этим светлым образом... Я боюсь расстаться с ним: слишком мне дорог он и слишком глубоко засел он в моей душе, как только услышал от Вас, что нам делать и во что верить. Но... *теперь* я с болью смотрю на этот образ, с тоской, глубокой, безысходной тоской думаю о нем!

Лев Николаевич! дорогой, незабвенный наш! Зачем, скажите, зачем Вы остановились на полдороге в своем великолепном шествии за Христом? Зачем Вы отнимаете у нас, ваших учеников, ваших детей, возможность взглянуть прямо в глаза каждому, кто осмелится сказать о Вас слово осуждения? Зачем Вы не доделываете величайшее дело, начатое Вами? Зачем засиявший было так ярко лик Христа Вы омрачаете остановкой на полпути?

Дорогой наш! сделайте еще усилие и станьте одним из тех учеников Христа, которые первые разнесли по миру Христово учение! Выбросьте из своей жизни то, что дает право людям упрекать Вас, оскорблять нас (ибо они хулят Вас) и безжалостно гасить огонь, который Вы раздули спустя почти 2000 лет после его зажигания. Зачем, когда в Вашем сердце то, что было направо, стало налево, что было высоко, стало низко, зачем Вы продолжаете приобщаться левому и низкому?

Зачем пользуетесь Вы теми самыми деньгами, незаконность жизни на которые Вы открыто признаете? Зачем блеск и роскошь обстановки Вашей семьи окружает Вас и делает участником языческой трапезы? Зачем все эти [тоги?], которые так противны Христу? Зачем эта передача авторского права жене?² Зачем отказ в пользу семьи 600 000 руб., называемый некоторыми не без оснований злостным банкротством? Зачем, зачем Вы не сразили своим примером самой страшной язвы нашей жизни — жажды рубля? Я не хочу этим сказать, что Вы должны были бы раздать *все* состояние нищим или сжечь деньги, нет! Таким образом действий нарушена была бы справедливость по отношению к семье, привыкшей издавна к роскошной жизни: отрешившись сами от нее, Вы не имели бы права силой влиять в том же смысле на семью. Но отчего бы Вам не отделить на свою долю, ну хотя бы 100 000, и распорядиться по своему христианскому разумению, оставив остальное семье? Этого было бы совершенно достаточно. Но отделив эти 100 000 и распорядившись с ними, как должно, не пользоваться потом купонами, получаемыми графией с полумиллионного капитала, а жить своим трудом (не исключая писательства, которое, раз откажетесь от монополии, будет вполне христианским средством к жизни). Много ли и нужно-то Вам с теми запросами, какие Вы недавно практиковали, питаясь простой пищей, а не изысканными яствами графского стола?!

Да что я говорю? Точно Вы не знаете, как можно Вам устроить по-божески свою жизнь! Неужели Вы, к которому, как к живому источнику, идем мы — люди, ищущие просвета, не просуществоете без этого ужасного прикрытия $1/2$ миллионного состояния?

Лев Николаевич, свет наш! Засияйте так, чтобы все недруги Ваши и наши пали ниц, ослепленные и обезоруженные светом истинной жизни! Ведь Вы можете, можете это сделать!

Ради Христа не отвергните с презрением моих слов, но подумайте о них хотя немножко: ведь изболевшее сердце диктует их; внемлите им постольку, поскольку согласно с ними Ваше честное, искреннее сердце.

Любящий Вас, как и всегда, и бесконечно благодарный

М.Новоселов

P.S. Простите, мой родной Лев Николаевич, мою смелость, но я не могу, не могу молчать: я люблю Вас, страдаю за Вас, ибо не верю, чтобы Вы были счастливы в таком положении. Если слова мои окажутся не нужны Вам, то забудьте их и не отталкивайте за мое искреннее, может быть, чересчур увлечение!

Если этому письму суждено лишить меня Вашего доверия и близости, которыми я пользовался до сих пор с такой радостью, то скажите прямо.

Мой адрес: 4-ая Гимназия, у Покровских ворот.

Год написания письма устанавливается, исходя из ссылки на него в письме от 23 марта 1887 (см. ниже, письмо 5).

¹ Речь идет о работе Толстого «В чем моя вера?» (1882-1884).

³ В январе 1885 С.А. Толстая, с 1883 имевшая от мужа доверенность на ведение всех имущественных дел, берет в руки все хлопоты по изданию и продаже сочинений писателя; в 1891 Толстой публично отказался от авторской собственности на все свои сочинения, написанные после 1880.

4

16-ое Марта [1887]

Простите, Лев Николаевич, мою ошибку. Спешу отослать Вам «Русское Богатство», взятое Вами из Публичной библиотеки. Книжки 83-го года у меня нет.

Вчера весь день думал о Вашем реферате¹, и то, что благодаря ему выяснилось мне, наполнило мое сердце несказанною радостью. О многом хотелось бы спросить Вас по поводу Вашего доклада, т[ак] к[ак] в нем еще кое-что недосказанное и недоясненное, чего прения не выяснили, к сожалению. Потороплюсь явиться к Вам с недоразумениями, которые, думаю, разрешатся к общему удовольствию. Теперь скажу только относительно смешивавшихся в заседании понятий: отречение от личности и уничтожение личности. Смешивать их нельзя потому, что, как мне кажется, нелепа самая мысль об уничтожении личности; особенно нелепой явится она, как только из области рассуждения перейдем к повседневным фактам. *Можно и должно* отречься или, лучше сказать, отречься от личности, но не нужно уничтожать ее, ибо это противно здравому смыслу. Мне кажется, что только смешение этих понятий и возбудило некоторые несогласия, которые произошли среди «заседателей». Впрочем довольно. Вам гораздо важнее получить поскорее книгу, чем слушать мои несвязные замечания, и потому, отложив последние до скорого свидания, иду отсылать требуемое.

Любящий Вас М.Новоселов.

P.S. Как Ваше здоровье? Хоть бы два словечка черкнули о нем; ведь знаете, как оно дорого.

Год написания устанавливается, исходя из упоминания о реферате Толстого (см. ниже, прим.1).

¹ Речь идет о реферате «Понятие о жизни», прочитанном Толстым 14 марта 1887 в Московском Психологическом обществе и представлявшем собой первоначальную редакцию произведения «О жизни» (закончено в августе 1887, опубликовано отдельным изданием в январе 1888).

5

23 марта [18]87 г.

Почти все время думаю о Вас, и думы — одна тяжелее другой. Редко думы эти не сопровождаются приступом трудно сдерживаемых слез. Сегодня, идя по улице и думая по обыкновению о Вас, я не выдержал и заплакал. Вы, может быть, улыбнетесь, читая эти наивные строки, но что же делать, когда я так глупо настроен на посторонний взгляд?

Эти слезы заставляют меня вторично писать Вам¹. Пишу потому, что хочу, чтобы Вы одни прочитали мои эти искренние, хотя, может быть, и неразумно-настойчивые строки.

Вы помните, я говорил Вам, какое горькое, мучительное чувство удручало меня, когда я вспоминал умирающего отца с улыбкой на губах и с бессильным желанием сказать что-то мне и маме! Такое же чувство испытываю я теперь, когда вспоминаю наш разговор по поводу Вашего положения. Вот так и вижу Вас в кресле с грустью и полной безнадежностью повествующего о том, что теперь Вы и не ждете ничего, и не верите, что может измениться это безумное распинание Христа. Когда я слушал Вас, я не мог говорить того, что хочу сказать сейчас, не мог потому, что чувствовал подступавшие слезы. Последний раз говорю об этом, а потому... сам не знаю, что потому. Мысли что-то путаются, и в глазах темнеет... Не ждите связности...

Лев Николаевич! отец мой по духу! скажите, ради чего терзаетесь Вы? ради чего терзаемся мы? и ради чего страдает Христос? Скажите, неужели страдания эти не так велики, чтобы стоило для них сделать даже большое усилие и низринуть диавола? Подумайте: один человек вызывает столько зла! Неужели ради низменных побуждений его можно губить столько радостей? Неужели, при самом ужасном даже исходе, то благо, которое последует за Вашим отречением от ничем не оправдываемого права на эксплуатацию, неужели это благо, говорю я, не покроет тех огорчений, которые могут быть вызваны безумным (простите, я иначе не могу сказать) поведением графини? Представьте себе самое

худшее, на что решится графиня, представьте все раздирающие, как принято выражаться, души сцены упреков, жалоб на пускание по миру детей, представьте ее усилившуюся несдержанность и горячность, представьте, что она даже решится силой взять свое и прибегнуть к помощи лиц, власть имеющих, чтобы лишить Вас возможности отнять кусок хлеба у семьи, представьте, что в озлоблении она не захочет к Вам относиться, как к близкому человеку и отшатнется от Вас, представьте все это! Но рядом с этим поставьте те сияющие счастьем и благодарностью лица десятков, даже сотен тысяч людей, которые будут простирать к Вам свои руки, чтобы приветствовать Вас! Представьте то безграничное уважение, которым наполнятся сердца людей, недоверчиво относившихся теперь к Вам, представьте радость людей, любящих Вас так, как 40 000 жен не могут любить Вас, представьте всех, всех людей, без различия национальности, убеждений, направлений, всех, кто узнает о Вашем святом подвиге! Ведь Вы художник, могущий ясно нарисовать все эти картины, так рельефно рисующиеся и в воображении простого смертного; нарисуйте их, и Вы неизбежно будете приведены к необходимости единого по заповеди Христа.

Во имя чего можно лишать Божий мир такого блага? Каким инстинктам графини служит Ваша уступчивость? Ведь Вы не отнимаете того, что молчаливо обещали ей, соединяя свою жизнь с ее жизнью. Вы не лишаете ее того имущества, которое было у Вас прежде чем Вы начали обогащаться благодаря своим сочинениям, на которые, думаю, не могла рассчитывать графиня, выходя замуж. Лев Николаевич! Я не верю, чтобы Вы могли остановиться и с болью в сердце, но ни на что не решаясь, смотреть на это безобразное и возмутительное явление. Нет, Вы оправдаете *наши* надежды, Вы пойдете за Христом и увлечете за собой всю ту массу существ, которые теперь с недоумением смотрят на Вас, не зная, на что решиться. Я чувствую, что я слишком незначителен, чтобы мог вызвать в Вас полную решимость, но уверенность, что и другие, близкие Вам и *истинно* любящие Вас люди подпишутся под моими строками, подает мне надежду, что слова мои не будут тщетны.

Милый, родной Лев Николаевич! соедините нас, преданных Вам беззаветно людей, и, опираясь на них, свершите великое святое дело!

Мы поможем, поможем Вам, наш незабвенный наставник!

Целую Вас.

М. Новоселов.

Скоро приду к Вам, чтобы услышать слово веры, надежды и любви.

Родной мой! пожалейте себя так, как мы Вас жалеем! Если это письмо окажется бесполезным с одной стороны, и неприятным — с другой, как повторение прежде сказанного, то, когда увидимся, пусть идет все по-старому, как будто я и не писал Вам. Но... неужели так и будет? Сердце разрывается, когда видишь Вас!

Вспомните слова Христа, приводимые Вами в «Вере»: *и как томлюсь*, пока не разгорится!²

Еще раз умоляю: подумайте о том царстве любви, которое наступит в Вас и кругом Вас, когда Вы исполните завет Христа!³

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС. Т.64. №42). По сохранившемуся конверту видно, что письмо отправлено Новоселовым из Москвы по московскому адресу Толстого.

¹ Впервые на эту тему Новоселов писал 1 марта 1887 (см. письмо 3).

² «Мир горит уж 1800 лет, горит с тех пор, как Христос сказал: я огонь низвел на землю; и как томлюсь, пока не разгорится, — и будет гореть, пока не спасутся» (ПСС. Т.23. С.401); ср.: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк.12, 49).

³ На эти страстные призывы Толстой ответил: «Благодарю вас за ваше письмо; оно заставило еще думать о предмете, о котором не перестаю думать, и было мне полезно, как всегда правда и искренность. Любящий вас Лев Толстой» (ПСС. Т.64. С.30).

6

Суббота [4 апреля 1887]

Был с Алехиным¹ третьего дня у Вас, дорогой Лев Николаевич, и к сожалению не застал дома. Видеть Вас, хотя бы изредка, стало потребностью; а потому более или менее продолжительная разлука вызывает грусть, которую и спешу рассеять, перекинувшись с Вами несколькими словами.

Приносил я к Вам Плещеева², из которого выбрал несколько стихотворений, удовлетворяющих, мне кажется, требованию лиц, которые составляют сборник избранных поэтических произведений. Из Плещеева можно взять немало христианских стихотвор[ений]³. Не могу удержаться, чтобы не указать Вам на 2 лучшие по моему мнению произведения, которые и прилагаю к письму. Если эти вещи понравятся Вам, то я спишу еще некоторые. Как

устроилось дело исправления книг, предназначенных для народа? Организовано ли оно?

Начало «Будды» я списал⁴, но не отсылаю Вам вашего экземпляра, так как боюсь, что письмо может пропасть. Рассказ начат Вами превосходно, дух именно такой, какой должен быть. Когда я собирался писать о Будде, то именно думал писать в том направлении, в каком начат Вами рассказ; только я не думал, что можно написать то, что написали Вы. Боюсь, что многое из написанного Вами о браминизме времен Будды не будет пропущено, а это и есть самое существенное.

Обдумываю теперь еще другую работу: изложить для народа «Les misérables»⁵. В том виде и в тех пределах, в каких мне представляется эта вещь, ее можно кончить в непродолжительном времени.

Вчера прочитал «Изложение и критику современных систем морали» Альфреда Фуллье⁶ и вынес весьма отрадное впечатление. Несмотря на то, что он симпатизирует школе эволюционистов, он делает такие существенные добавления к выводам теории эволюционистов, что радуешься невольно этому строго-научному переходу (столь необходимому для людей, воспринимающих добро не столько сердцем, сколько умом) к разумному учению Христа. Если Вы не читали этой брошюры (она издана редакцией «Русского Богатства»), не бойтесь потерять 2-3 часа для ознакомления с ней.

Собирались с Алехиным смотреть имение в Твер[ской] губ[ернии], да дорога помешала; пришлось отложить. А мне очень хочется устроить его рядом с собой в деревне! Очень мне нравится его непосредственность; чересчур только сильно откачнулся он от позитивизма: размах оказался так силен, что явилось на сцену *личное* бессмертие и стремление взглянуть на *этот* мир, как на постоянный двор.

Любящий Вас М.Новоселов.

Сегодня в 12 час[ов] ночи люди соберутся праздновать воскресшего будто бы Христа! Я все думал об этом и нахожу, что разумнее было бы радоваться в пятницу, когда дух одержал окончательную победу над телом.

P.S. Не взыщите, что пишу так бессвязно: спешу сказать Вам побольше, а с другой стороны тороплюсь отнести письмо на вокзал, чтобы оно пошло сегодня же.

Датируется на основании содержания, из которого следует, что письмо написано в Великую субботу 1887.

¹ См. прим.3 к письму 2.

² Плещеев Алексей Николаевич (1825-1893) — поэт, прозаик и критик демократического направления.

³ Напр., стихотворения «Молитва», «О нет, не всякому дано», «Ты мне мила, пора заката!» и др.

⁴ Речь идет о неоконченной работе Толстого, начатой им в 1886. Написав две первые главы и общий план, Л.Н. поручил продолжать ее по своему конспекту сотрудникам издательства «Посредник», в том числе Новоселову; однако работа последних не удовлетворила писателя, и замысел остался не осуществленным; написанный Толстым отрывок под названием «Сиддарта, прозванный Буддой, т.е. святым» опубликован в ПСС. Т.25.

⁵ «Отверженные», роман В.Гюго (1862); замысел адаптированного издания не осуществился.

⁶ Фулье Альфред (1838-1912) — французский философ позитивистского направления; речь идет о его работе «Изложение и критика современных систем морали (Мораль эволюционистов и дарвинистов. Мораль позитивистов. Независимая мораль)» (Русское Богатство. 1886).

7

10-е авг[уста 1887]

Дорогой Лев Николаевич!

Занимаясь в свободное время перепиской полного Евангелия¹, я встретил немало мест, неправильно и натянуто, на мой взгляд, истолкованных. Нечего говорить, что в общем и в массе частных полное Евангелие так хорошо, что лучшего нельзя желать. Я то и дело отрываюсь от переписки, бегу к деду² и с криком «слушай, слушай» начинаю читать поразившие меня места. Дед в восторге, особенно от главы о богочитании³. Но к сожалению есть пункты, которые выполнены, как я думаю, спешно: ничем иным я не могу объяснить тех толкований, которые я встретил, напр[имер], во II главе. Мне особенно хочется указать на 2-3 места очень ясные, но почему-то натянуто истолкованные вами. 1) Слова τῆρου μεῖζον ἔστιν ὅδε вы переводите: «то, что важнее внешней святости». «Церковь», пишете вы, «искажает текст и говорит: "Тот"». Конечно, не выдерживает критики «Тот» (с большой буквы в начале слова), но еще меньше основания имеете вы ставить средний род «то», когда по-греч[ески] поставлено μεῖζων, а не μεῖζον. Почему бы вам не принять за подлежащее при μεῖζον ἔστιν — ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου (Мф. XII, 8). Вы говорите, что уж если подразумевать подлежа[щее] «тот», как делает церковь, то под этим «тот» нужно видеть «человека»; но говорите это, делая уступку неправильному будто бы переводу церковному, а сами удержива-

ете «то» и переводите «говорю вам, что важнее храма, То, чтобы вы понимали, что значит: жалости к людям хочу, а не служб церковных». Мне думается, что правильнее было бы сказать: «здесь *тот*, кто (человек: ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου из 8 ст[иха]) важнее храма». Если бы вы раньше знали, что значит: ἔλεος θέλω καὶ οὐ θυσιάν... — потому человек господин и субботы, т.е. форм внешнего богопочитания. Мысль та: вы почитаете бога в храме, и храм для вас выше всего; а я вам говорю, что милость нужна (в противоположность почитанию Бога в храме) и что проявлять ее нужно в человеке, который выше храма, насколько выше любовь внешнего богопочитания. Иначе сказать: любовь выше жертвы (стих 7), след[овательно] и человек выше храма, ибо, при посредстве, отсылительно человека проявляем любовь, т.е. служим Богу. Выражаясь математически, любовь > жертвы; ergo⁴ человек > храма.

2) Вы пишете: «слова: если бы ты знала δωρεάν τοῦ θεοῦ, καὶ τίς ἐστὶν я перевожу „если бы сама ты знала, в чем дар Бога и *кто есть Бог*“, и после ἐστὶν ставлю запятую, п[отому] ч[то] вслед за этим Иисус гов[орит] Самарянке, что есть Бог». При таком толковании непонятно, куда деваются след[ующие] слова ὁ λέγων σοὶ и проч[ее], а, главное, мысль совершенно ясна при обычном переводе: «если бы ты знала в чем дар Бога (тот дар, который получен Христом) и кто (т.е. человек, имеющий этот дар — воды живой) говорит тебе, то ты сама просила бы у него» и проч[ее].

3) Третий пункт — изгнание из храма торгующих. Толкование или, лучше сказать, разъяснение ваше так хорошо, так согласное с разумом, а, главное, с сердцем (ибо оно указывает на отрицание Христом того, что ему теперь навязывается и что своей нелепостью причиняет боль каждому, любящему Христа), что с радостью принимаешь его. Но меня беспокоит одно: не есть ли факт изгнания из храма то же самое явление, какое имеет место напр[имер], у нас в Тверской губ[ернии]. Я знаю одно село, в котором укоренился обычай в праздничные дни, особенно, в великий пост, когда много причастников, торговать на паперти калачами: причастившийся, вместо того, чтобы оставаться до конца службы в церкви, выходит и закусывает калачами тут же. Таким образом, изгнание того, что было в храме, не равносильно ли тому, если бы кто, придя в это село, прогнал торгующих, как *нарушивших законный* порядок. Я хочу сказать: не была ли торговля жертвенными животными в самом храме нарушением господствовавшего в то время порядка; и, может быть, этим-то и можно объяснить безнаказанность Иисусова поступка со стороны иудеев? Был бы очень благодарен вам, дорогой Лев Николаевич, если бы вы ответили несколько строчек относительно этого во-

проса⁵. Впрочем, если не найдется свободного времени на это, то отложите ответ до личного свидания в Москве, где расскажу вам и о перемене моих планов: я отказался от всех учительских мест, которые мне предлагались и сразу почувствовал облегчение⁶.

Напишите, здоровы ли вы! Кланяйтесь Исааку Борисовичу, о котором недавно читал в одной из церковных газет⁷.

Крепко целую и обнимаю Вас.

М.Новоселов.

Мой адрес до 17-го Авг[уста]: по Рыбинско-Бологовской ж.д. на станцию Еваново; с 17-го Авг.: Москва, Малый Казенный пер., д.Мещерской.

Дед кланяется вам и выражает радость по поводу вашей борьбы с тем учреждением, которое он до глубины души презирает⁸.

Кстати он просил спросить у вас, откуда вы взяли поговорку, особенно ему понравившуюся: прежде были чаши деревянные, а попы золотые; теперь чаши золотые, а попы деревянные (из «что же нам делать»⁹).

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС, Т.64. №113). Год написания устанавливается по московскому адресу, который Новоселов указывает: в 1886 он еще жил в казенной квартире при 4-й гимназии (у Покровских ворот), а в 1888, после ареста в связи с изданием «Николая Палкина», ему уже было запрещено проживание в Москве.

¹ Некоторые из своих религиозных трактатов, которые по цензурным условиям не могли быть в то время опубликованы в России (в том числе «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Церковь и государство» и др.), Толстой размножал ручным способом, привлекая для этого нескольких переписчиков; одним из них был и Новоселов.

² Дед Новоселова по матери, Михаил Васильевич Зашигранский, в 1887 священник на покое, проживавший в своем имении при с.Поддубье Вышневолоцкого уезда.

³ Глава 2, где речь идет о ложном внешнем богопочитании (соблюдение субботы) и о богопочитании истинном («делом и жалостью к людям»).

⁴ Следовательно (*лат.*).

⁵ На замечания Новоселова Толстой ответил: «Получил ваше письмо, милый друг М.А., и очень порадовался тому, что вы проверяете перевод Евангелия. Я вперед согласен с теми поправками, слишком отдаленно от прежних переводов и хитро переведенных, и согласен с частными случаями — "О субботе и беседе с Самарянкой". Об изгнании из храма не согласен. Почему, долго писать, — увидимся, поговорим. Вообще в переводе моем грубых ошибок не думаю, чтобы было (я советовался с филологом, знатоком и тонким критиком), но много должно быть таких

мест, как те, которые вы указали, где натянута смысль и перевод искусствен. Это произошло оттого, что мне хотелось как можно более деполяризовать, как магнит, слова церковного толкования, получившие несвойственную им полярность. Исправить это — будет полезным делом» (ПСС. Т.64. С.62-63).

⁶ См. прим.11 к письму 1.

⁷ Упомянутую публикацию разыскать не удалось.

⁸ Имеется в виду Церковь.

⁹ «"Были попы золотые и чаши деревянные; стали чаши золотые — попы деревянные", говорит староверческая пословица» (Так что же нам делать // ПСС. Т.25. С.374).

8

[осень 1887]

Письмо ваше, дорогой Лев Николаевич, я получил¹ и шлю Вам за него большое спасибо.

За последнее время набралось немало такого, о чем хочется поговорить с вами.

Прежде всего просьба, но не от себя, а от группы лиц, живущих на родине Христа. Дело следующее: один из старинных знакомых моего отца был командирован на три летних месяца в Палестину по делам, касающимся, если не ошибаюсь, Палестинского общества². На днях он вернулся оттуда и проездом в Петербург побывал у нас. Между прочим вот что он сообщил мне. Может быть, это уже известно вам, тем не менее я расскажу, что слышал.

Шесть лет тому назад в Иерусалиме образовалась секта, члены которой известны под именем адвентисты (advenio), получившие такое название по тому воззрению, которое они положили в основу своей жизни³. Во всем они опираются на Евангелие, из которого выделяют, как основу своего религиозного мировоззрения, слова Иисуса, что мы не знаем ни дня, ни часа, когда Сын человеческий придет на землю⁴. Отсюда вытекают все остальные положения, которыми они руководствуются в своей жизни. Так как мы не знаем, когда явится Христос, то должны ждать его постоянно и быть вечно готовыми принять Его, т.е. вести такой образ жизни, который соответствовал бы словам Христа. Мы не должны думать о следующем дне, не должны ничего запасать себе, не должны вступать в брак (ибо в Царствии Бож[ием] не женятся) и проч[ее]. И действительно они строго следуют на деле этим выводам. Они (их всего 28 человек; б[ольшой] ч[астью] аме-

риканцы из интеллигентных — адвокат, епископ и т.д.) живут в 2 домах: в одном мужчины, в другом женщины, сходятся для совершения трапезы и общих работ. Всю черную домашнюю и огородную работу исполняют сами, но земли не обрабатывают, а живут тем, что подадут им жители Иерусалима, которые так любят их, что стоит одному из членов этого общества выйти с корзиной на базарную площадь, как корзина тотчас наполняется всевозможными продуктами. Если у них сегодня вечером нет пищи, они не пойдут за ней раньше следующего дня. Работы постоянной на других (все они знают какое-нибудь ремесло) у них нет. А вот как они служат ближним. В определенное время они расходятся по городу (преимущественно, по многолюдным местам) и всюду, где замечают, что человек нуждается в помощи, они подают ее ему. Несет ли кто непосильную тяжесть, не может ли кто чего-либо сделать по болезни, они поспешно помогают ему. Услышат, что кто-либо болен, один или одна (смотря по полу больного) идут к нему и ухаживают за ним до выздоровления. Окрестные бедуины, наводящие страх на все городское население, радушно принимают адвентистов, и взаимные отношения их самые братские. Адвентисты никогда не прибегают к медицинской помощи, а исцеляют больного пением. Захварывает, например, кто-либо из них лихорадкой, они тотчас кладут больного на постель и начинают петь излюбленные гимны (псалмы); характер пения совершенно особенный и действует, как усыпляющее средство. (Не знаю, как врачуют они другие болезни). Внешнего богопочитания никакого (разве что пение гимнов), церкви все отрицаются. Мужчины и женщины живут, как братья и сестры. Учения своего не проповедают словом и не имеют никаких определенных, строго сформулированных правил. Читая Евангелие, говорят: «вот что здесь сказано, отсюда мы заключаем, думаем и проч[ее]». Если кто приходит к ним, то встречает самое широкое гостеприимство; если он, глядя на их жизнь, захочет остаться у них, они очень рады. Недавно было несколько случаев перехода к ним евреев.

Вот приблизительно все, что я услышал об этой секте. (Сами они не называют себя сектой на том основании, что все полагается в деле). Так вот эти-то адвентисты слышали много о вас, но до сих пор не имели возможности приобрести ваших последних произведений. Им очень хочется узнать вашу веру, и, если у вас есть возможность достать английский перевод «В чем моя вера», то вы оказали бы большую услугу этим людям, выслав им один экземпляр.

Прилагаю адрес: Яффа. Русское императорское вице-консульство. Владимиру Николаевичу Тимофееву⁵, для передачи Платону

Григорьевичу Устинову⁶, а последнего прошу доставить в Иерусалим мистеру Спекфорд⁷. (Адрес должен быть написан и по-английски, кажется).

Следующий пункт. Посылаю вам статейку одного студента-медика о табаке. Он хотел переслать ее в «Посредник»⁸, но не знал, как это сделать. Исправьте, что найдете нужным.

Алехин⁹ в своем новом имении, купленном в Смоленской губ[ернии], в Дорогобужском уезде. Я ездил туда вместе с ним в мае, когда он только что приобрел его. Имение в 109 десятин, на берегу Днепра, с заливными лугами. С тех пор я с ним не видался; дважды писал ему и получил в ответ одно коротенькое письмо, в котором он сообщает, что все превосходило его ожидания: и населением соседним доволен, и работы идут успешно, и им, кажется, довольны. По праздникам принимает больных и, по-видимому, с успехом. Пишет: «руки и плечи ломают от усталости, голова горит от дум, но я счастлив». Думаю, что скоро заглянет в Москву.

В заключение о себе. Все лето провел в Тверской губ[ернии], в деревне: пахал, косил, жал, ригу сажил¹⁰, а дома занимался, главным образом, перепиской и проверкой Евангелия¹¹, изданием Ник[олая] Палк[ина]¹² (я не просил вашего разрешения, т.к. всегда слышал от вас, что вы ничего не имеете против распространения всех ваших произведений) и чтением некоторых исследований о Буддизме. К слову сказать, при ближайшем знакомстве с Буддизмом (Ольденберг¹³, [нрзб]) я разочаровываюсь в нем, находя в нем гораздо больше смерти, чем жизни. Кажется, Добролюбов говорил, что христиане должны радоваться близости мировоззрений буддийского и христианского, ибо это облегчит переход от буддизма к христианству¹⁴. Это положительно неверно. Сходство есть частное, хотя, быть может, и в важных пунктах, но ведь в некоторых этических положениях и Милль сходен со Христом¹⁵, а какая разница между «отрекись от себя, возьми крест и по мне гряди»¹⁶ и этим материалистическим «каждому по заслугам», т.е. *suum cuique!*¹⁷ Какая громадная разница между отречением Будды и Христа! Будда говорит: «все — одно страдание, убей в себе все желания и стремись к покою, ибо выше покоя нет ничего, в нем одном счастье. Отрекись от своих хотений (но не в пользу кого-нибудь, а вообще уничтожь в себе "я")». Христос благовествует: «все от Бога, весь мир — царство этого совершенного, благого Начала. Но чтобы ты мог быть участником моего царства, служи Богу, а служить ему ты можешь, лишь отказавшись от своей животной природы и любовно слившись с носителями Бога — людьми. Живи (а не стремись к покою) и в этом полагай

все (а не делай добра, как чего-то постороннего главной и единственной цели)»).

Словом, чем-то холодным, мертвенным, пессимистическим повеяло на меня от Буддизма. Нет, далеко ему до жизнерадостного, бодрого, энергичного благовествования Христа!

Однако ближе к делу. Теперь я в Москве, и вот мои планы. Я сгруппировал нескольких молодых людей (большею частью из студентов последних курсов: 4-5), с которыми решено отправиться в деревню. У меня есть 8 000 руб. На них я покупаю землю, как для вышеозначенных лиц, так и для тех, кто еще пожелает вступить на одну с нами дорогу (так как задача наша — работать, поставив себя в условия крестьянина средней руки, то земли на эту сумму окажется слишком много для нас одних). Я уже поручил одному землемеру родственнику подыскать подходящую усадьбу¹⁸, а сам пока пробуду в Москве, чтобы с одной стороны прослушать некоторые курсы по естествознанию, те, которые пригодны в хозяйстве, и те, которые дадут возможность освоиться с элементарными, но необходимыми в деревне медицинскими знаниями. Кроме того начинаю столярничать, и, если успею и сумею устроиться, хотел бы поработать в каком-либо кузнечно-слесарном заведении. Кстати, где и как учились вы сапожному делу и долго ли им занимались под руководством мастера?

В деревне, конечно, будем обходиться исключительно своими силами; затрудняет лишь отсутствие женского элемента, который можно, правда, заменить во многих работах самим, но далеко не во всех. Впрочем, авось не пропадем сначала, а там найдем и работниц, может быть, даже и до переселения в деревню в этом году!

Дальше (т.е. помимо общего земледельческого труда) картина рисуется такая: школы в обыкновенном смысле открывать не будем, а будем принимать к себе детей или очень бедных родителей, которым не под силу их кормить, или бесприютных и безродных сирот, с тем чтобы они поступали к нам, как бы в семью, и жили общей с нами жизнью. Это сделает нас свободнее и в деле обучения, не говоря об остальных удобствах.

Затем о врачебной помощи. Будут, конечно, лишь приходящие больные, хотя, если окажется возможность содержать 2-3 больных, то это не преминем сделать. Но, кроме этого, по зимам, когда особенно важных работ не будет, и когда часть лиц может с ними управиться, хотелось бы совершать обходы окрестных (верст на 50) селений — медику вместе с другим лицом, могущим помогать в трудных случаях. Полагаю, что это было бы полезно

и для тех, кого коснутся эти посещения, и послужило бы, может быть, добрым примером для других.

Вот какой план содался у меня в это лето. С ним в принципе согласны все, принимающие участие в этом деле; теперь обдумываем частности, которые, конечно, лучше всего определятся на месте. Ну, а затем... затем, нет, страшно загадывать, хотя это «затем» должно наступить через год, много два после переселения в деревню. Об этом рано говорить, а, когда увижу, что пора, то, конечно, вы первый узнаете об этом. А пока скажите, что вы думаете о деле, намеченном мною? Нет ли тут чего, что нужно бы на ваш взгляд изменить? Черкните хоть что-нибудь: ваши добрые теплые письма дают мне столько бодрости и энергии. Не забывайте горячо любящего вас

М.Новоселова.

Р.С. Я слышал от Герасимова⁹, что вы думаете провести весь этот год в деревне! Правда ли это? А ведь как бы хотелось повидаться с вами, милый, дорогой учитель!

Крепко целую и обнимаю вас.

М.Н.

Датируется на основании упоминания о гектографировании Новоселовым работы Толстого «Николай Палкин» (см. предисловие).

¹ Речь идет об ответе Толстого на письмо Новоселова от 10 августа 1887 (ПСС. Т.64. №113).

² *Императорское Православное Палестинское общество* основано в 1882 с ближайшей целью облегчения православного паломничества в Палестину, а также для поддержания там православия, защиты его от латинского и протестантского прозелитизма и ознакомления русских с прошедшим и настоящим Святой земли.

³ В действительности секта *адвентистов* (от лат. *adventus* — пришествие) была основана в 1833 в Нью-Йорке баптистом У.Миллером, предсказавшим второе пришествие Христа в 1843, и лишь позднее распространила свою деятельность на старый континент.

⁴ Мф.25, 13 и др.

⁵ *Владимир Николаевич Тимофеев* — в то время консульский агент в Яффе.

⁶ Лицо не установленное.

⁷ Лицо не установленное.

⁸ «*Посредник*» — книгоиздательство просветительского характера, возникшее по инициативе Толстого в 1884.

⁹ См. прим.3 к письму 2.

¹⁰ *Рига* — сарай для сушки зернового хлеба в снопах, *насаживаемых* на специальные жерди, и обмолота.

¹¹ См. письмо от 10 августа 1887 (письмо 7) и прим. 1 к нему.

¹² См. предисловие.

¹³ Герман *Ольденберг* (1854-1920) — немецкий санскритолог и буддолог, автор кн. «Будда, его жизнь, учение и община» (1881, рус. пер. 1894).

¹⁴ Имеется в виду опубликованная в журн. «Современник» (1858) рецензия Н.А. Добролюбова на работы о буддизме проф. В.Васильева и архиепископа Ярославского Нила, в конце которой утверждается: «Нельзя не сознаться, что и в догматическом, и в нравственном учении, и в самих обрядах он [буддизм. — *Е.П.*] имеет много сходного с христианским учением. Но это обстоятельство не должно несколько смущать нас: напротив, мы должны радоваться этому в том убеждении, что на более подготовленной почве легче и скорее может приняться семя истинного слова Божия» (Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 тт. Т.4. 1962. С.412). Следует отметить, что проводимое Добролюбовым сближение двух мировоззрений имело целью выразить идею общности происхождения и сущности всякой религии; заключительное же замечание продиктовано цензурными соображениями.

¹⁵ Джон Стюарт *Милль* (1806-1873), английский философ-позитивист; ввел в этику наряду с принципом эгоизма принцип альтруизма, который находился в противоречии с утилитаристскими предпосылками его мировоззрения.

¹⁶ Мф.16, 24 и др.

¹⁷ Каждому свое (*лат.*)

¹⁸ Новоселов приобрел землю в с.Дугино Вышневолоцкого уезда Тверской губ., в 12 верстах от имения в Поддубье, где жили его мать и дед.

¹⁹ Осип Петрович *Герасимов* (ум. 1920) — педагог, сотрудник журн. «Вопросы философии и психологии», в 1914 и 1917 был товарищем министра народного просвещения; в 1880-е — заведующий книжным складом изданий сочинений Толстого, помещавшимся во флигеле его хамовнического дома.

9

2 августа 1889

Дорогой Лев Николаевич. Кажется, два месяца собираюсь писать вам, но не могу приняться. Теперь пишу вам, чтобы сообщить следующее письмо Алехина¹, полученное мною на днях.

Воскресенье, 3 часа утра.

Дорогой Михаил! Только что с нашего двора укатили 4 тройки, унося с собой ночных гостей, которые в свою

очередь унесли с собой *все* наши письма, чему я очень рад: из писем, по крайней мере, они с точностью, не допускающей сомнения, выяснят для себя наши взгляды на жизнь. Надо полагать, не далее как через неделю, скажутся последствия посещения, но что бы со мной ни случилось, знай, что теперь я более, чем когда-либо, чувствую неотступность моего верования в то, во что я верую.

Самочувствие мое спокойно, светло и радостно.

Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой брат Аркадий.

Я не мог не поделиться с вами этим радостным письмом. Дай Бог, чтобы первый удар не сломал начинающейся жизни. Ведь рано или поздно, а этого нужно было ожидать. Если бы их не гнали, то это было бы верным признаком, что среди них нет Христа.

Так хотелось бы поговорить с вами теперь о том, что произошло и происходит и у нас, но боюсь пропустить случай отправить письмо на станцию. Нас теперь 5 человек: я, Рахманов², Гастев (семинарист, бросивший твер[скую] семинарию под влиянием ваших сочинений³), Марья Владимировна Черняева⁴ (учительница, которая была у вас с Буткевичем⁵) и ее подруга Варвара Павловна Павлова⁶. Все мы живем дружно, чувствуем себя бодро и радостно, вера растет — чего же больше?

Что касается меня лично (хотя едва ли можно говорить так, ибо все мы, по-видимому, становимся «одним»), то государственная машина, в которую я попал с Ник[олаем] Палк[иным]⁷, вертится не ослабевая. Начиная урядником, продолжая старшиной и попом, и кончая губернатором — все это атакует меня (след[овательно] и нас). На днях пришла бумага из консистории, предписывающая [местному попу?] вернуть меня в лоно православной церкви. Что будет дальше, не знаем. Ждем и надеемся. Простите, что так намазано: сейчас молотим, и спешу опять на гумно.

Все наши шлют вам сердечный привет, а Володя и я целуем вас горячо. Черкните словечко, мой дорогой! Через 2-3 дня кончатся спешные работы и я буду писать вам и больше, и, надеюсь, толковее.

Любящий вас М.Новоселов.

Мой адрес: Рыбинско-Бологовская ж.д., станция Еваново, М.А. Новоселову.

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС. Т.64. №419), где он в частности писал: «постарайтесь не смотреть на всякие преследования и вмешательства в вашу жизнь и нарушения ее течения как на нечто слу-

чайное, от которого надо как-нибудь поскорее избавиться, а как на самое важное дело жизни (на отношение к уряднику, попу, губернатору, на которое надо употребить все внимание, чтобы поступать с этими людьми по-божьи и по-божьи же с теми учреждениями, которых они служат представителями, т.е. чтобы не нарушить любви, или хоть готовности любви к людям, и не признать заблуждения, которому они служат)» (Там же. С.302).

¹ См. прим.2 к письму 3.

² *Рахманов Владимир Васильевич* (1865-1918) — студент-медик Московского ун-та (окончил в 1889), знакомый и последователь Толстого; в 1889-1890 жил в общинах Новоселова, Аলেখина и др.

³ *Петр Николаевич Гастев* (1866-?) — участник новоселовской общины в Дугино, впоследствии ушел пешком на Кавказ, где работал в различных земледельческих общинах.

⁴ *Марья Владимировна Черняева* (р. 1860-е), окончила высшие женские курсы Герье в Москве, работала учительницей в Бронницком уезде Московской губ.; в 1888-1889 жила в общине Новоселова; в 1892 работала с Толстым «на голоде».

⁵ *Андрей Степанович Буткевич* (1865-1948), окончил медицинский факультет Московского ун-та (в 1889), последователь учения Толстого; вместе со своим другом и однокурсником Рахмановым летом 1886 посетил писателя в Ясной Поляне; впоследствии работал врачом в Москве.

⁶ *Варвара Павловна Павлова* (ум. 1902), окончила высшие женские курсы Герье в Москве, затем работала учительницей; в 1888-1889 жила в общине Новоселова.

⁷ См. предисловие.

10

10 сент[ября 1889]

Как ни старался улучшить время для толковой беседы с вами, милый Лев Николаевич, никак не мог собраться повести оную. Видно, нужно подождать осеннего ненастья, а пока ограничусь лишь немногими строками.

Письмо ваше получил¹. Нечего говорить, что оно очень порадовало меня. Что касается вашего совета смотреть на вторжение в нашу жизнь «инородных элементов», как на самую высшую, трудную и в то же время неизбежную задачу жизни, то я должен сказать вам, что уже несколько месяцев я не только знаю это, но и чувствую, что этого нельзя и не должно обходить. До последних преследований мне казалось еще, что возможна тихая борьба с природой, не прерываемая извне, и мирное общение с людьми.

Теперь я всем существом своим *сроднился*, с мыслью, что, если в нас есть хоть частичка Христа, она должна вызывать нападки мира. Об этом я писал вам и в первом письме², говоря об Алехине³. И с тех пор, как я почувствовал это, радостно и уверенно стало на душе. Я знаю, что я буду волноваться, может быть, при столкновениях с братьями насильниками, но не буду уже думать, как бы отделаться от них. Хотелось бы побольше поговорить об этом, но страница кончается. А потому целую вас крепко, крепко, мой дорогой, и с нетерпением жду обещанного длинного письма. Скоро надеюсь писать еще.

Любящий Вас Миша.

P.S. Ждем в октябре Алехина!

Год написания указан в письме к Толстому В.В. Рахманова, написанном на том же листе бумаги.

¹ См. прим. к письму 9.

² Речь идет о письме от 2 августа 1889 (письмо 9).

³ См. прим.2 к письму 3.

11

21 октября [1889]

Лев Николаевич! если Володя¹ еще у вас, гоните его скорее домой. Приехал Аркадий Васильевич², и жаль, если ему придется уехать, не повидав собрата. От нас А.В. собирается к вам. Приезду его мы несказанно рады. Много радостей привез он с собой. Пишите же, мой дорогой. Пока до свидания, хорошо бы скорого. Целую вас и шлю привет Марье Львовне³.

Миша.

Все наши кланяются вам. А нас не навестите?

Год написания (открытка из Еваново в Ясную Поляну) устанавливается, исходя из упоминания о приезде А.В. Алехина в общину Новоселова, а также из сопоставления с письмом от 10 сентября 1889 (письмо 11).

¹ В.В. Рахманов (см. прим.2 к письму 9).

² А.В. Алехин (см. прим.3 к письму 2).

³ Толстая (Оболенская) *Мария Львовна* (1871-1906) — вторая дочь Л.Н. Толстого.

21 мая [1890]

Дорогой, милый Лев Николаевич! Что с вами случилось? Как теперь ваше здоровье? Пусть добрая Марья Львовна черкнет несколько строчек о вас. Так захотелось повидать вас и поговорить с вами, мой дорогой. Узнав от деда о вашей болезни (он прочитал в газете)¹, я почувствовал больше, чем когда-нибудь, как сильно люблю я вас. Припомнились мне наши беседы с вами, споры, несогласия, осуждения мои, нападки на вашу жизнь (правда, из любви же к вам вытекали они), и мне страстно захотелось обнять вас, прижаться к вам и со слезами просить прощения за то дурное, что я сказал вам когда-либо или подумал о вас. Родной мой! ведь вы видели, как дороги были вы мне, как жадно следил я за каждой мыслью вашей, за каждым шагом, который вы делали в жизни. Я всегда хотел вас видеть светлым, чистым, безупречным. Всякое обвинение, направленное против вас, было для меня несравненно больнее упреков, относившихся ко мне. Иногда я ловил себя в лжи, или, по крайней мере, в недоговоренности и неясности, чтобы только на вас не ложилось никакого пятна. Так всегда было, когда я встречался с людьми, стоящими против вас. Но оставаясь с самим собой или чаще с человеком, безусловно вам преданным, я находил стороны вашей жизни, с которыми не мог примириться, и которые мучили меня, особенно когда я думал о вашей жизни в связи с жизнью Марьи Львовны, которая, как мне казалось, не находила выхода своим силам, не видя поддержки со стороны дорогого и любимого отца. Мне мучительно было думать, что ее юная жизнь протечет в тех условиях существования, которые закрывают от человека общую жизнь людей, призванных к тяжелому, грубому, но радостному труду. Простите же меня, что мысли эти вызвали во мне чувство недовольства вами. Поймите, что только любовь заставляла меня так относиться к вашей жизни, дорогой для многих, многих душ. Эта же любовь заставила меня и говорить, и писать вам о моих тягостных думах относительно вас. Во многом я был, может быть, слишком легкомыслен и не видал за внешними фактами того содержания душевного, которое должен был видеть, вторгался в область души вашей, которая не могла быть открыта мне, требовал, когда нужно было только понять. Обо всем этом нередко думаю и пытаюсь сознать, в чем я заблуждался относительно вас. О Марье Львовне думаю, как и прежде, что жизнь может быть найдена там, где все люди, а не избранники, где труд труден, работа обязательна, где человек становится лицом к лицу с природой и от нее зависит

в своем плотском существовании (что не только не исключает человеческой помощи, но непременно предполагает ее). Говорю это по тому [еще?] опыту, который я и живущие со мной вынесли из непродолжительного существования на земле. Любовь и желание добра заставляют говорить это.

Целую вас, дорогой Лев Николаевич.

Марья Львовна! Не поленитесь сообщить о Льве Николаевиче и о себе. Желаю вам радостей душевных. Будьте бодры и сильны!

М.Новоселов.

Дед шлет привет Льву Николаевичу. Он очень огорчен известием о его болезни.

¹ В начале мая 1890 Толстой заболел воспалением двенадцатиперстной кишки.

7 октября [1890]

Припоминая то состояние, в котором я писал вам, дорогой Лев Николаевич, последнее письмо¹, я нахожу, что вы очень верно определили его. Действительно, намерение было доброе, по отношению сказалось не любовное. И странно то, что нелюбовность эта всплыла, словно какие-то подонки моего отношения к вам, именно тогда, когда я начал писать вам. Перед этим я немало думал о вас и о моем прежнем настроении относительно вас. Много пережитое за последнее время заставило меня иначе отнестись к вашей душе и к вашей внешней жизни, чем как я относился раньше. Когда я написал письмо, я почувствовал, что написал не то, что нужно, т.е. не то, что подсказывала мне действительная любовь (о которой вы говорите в письме). Всплыла именно муть прошлого — моего *внешнего*, требовательного отношения к вам. Я отправил письмо только потому, что хотелось вам напомнить о себе, рискуя вызвать в вас нехорошее чувство. Вскоре думал написать еще, но сборы оказались слишком долги, и прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я начал собираться. Недавно, т.е. в самом конце июля, я был в Москве и твердо решил написать вам, пользуясь свободным временем. В это время я отвечал одной девушке, жившей перед этим у Алехина², на письмо, полное отчаяния и криков о помощи. Когда я написал ей, то мне вдруг пришла в голову мысль отправить свое письмо сначала к вам, чтобы, прочитав его, вы переслали по назначению. Но т[ак] к[ак]

откликнуться на этот призыв нужно было скорее, то я отослал ответ с просьбой возвратить его мне. Этот ответ я и прилагаю теперь к моему письму. А вот и объяснение этой м[ожет] б[ыть] странности.

Обыкновенно, когда я писал вам, именно вам, я не мог отрешиться от сознания, что говорю с Львом Николаевичем, тем самым Львом Николаевичем, которому я так многим обязан и которого я так за многое осуждаю. И начиная писать, я невольно отдавался, как мне казалось, тому или другому из этих настроений. Между тем мне всегда хотелось, чтобы вы поняли меня так, как понимаете самый простой механизм, части которого вы можете беспрепятственно рассматривать. Я чувствовал, что этот субъективизм отношений мешал мне быть для вас тем, чем я был для себя и для многих других людей. При личных свиданиях с вами я это испытывал реже и слабее. Иногда мне приходило в голову прийти к вам и сказать: «Лев Николаевич! словами ведь не передашь себя, а поймите меня, если можно, без слов». И мне казалось, по временам, что вы это можете сделать, даже что вы сделали это, т.е. поняли меня, каков я есмь в действительности, а не в внешнем проявлении моего «я». И вот я подумал, что мое письмо к Т. может осветить вам одну, а м[ожет] б[ыть] и несколько сторон моей души совершенно независимо от моего бывшего отношения к вам (теперь оно во многом изменилось). Недели через полторы я получил ваше письмо и пожалел было, что не успел раньше переслать вам своего ответа Т. Но скоро решил, что получить лишний урок за нелюбовность очень полезно, и что письмо к Т. могу *теперь* отправить и как ответ на ваше. Писал я его спешно, а потому не ищите большой ясности и определенности тем более, что это письмо предполагает многое известным для собеседницы, чего вы м[ожет] б[ыть] не знаете. Постарайтесь дополнить пробелы, поняв главное, что передает письмо. (Последний лист почему-то моя корреспондентка не возвратила; впрочем он почти ничего не прибавил бы к сказанному, т.к. там я сообщаю, насколько помнится, внешние факты нашей жизни, как и в зачеркнутых строках первого листа; зачеркнул их потому, что они являются вставкой, совершенно не нужной для читающего, а пока собирался писать вам, ждали письмо уже несколько человек).

За самое последнее время много пришлось увидеть, а, главное, почувствовать нового в новой обстановке, в которой я прожил месяца полтора. Был я у Никифорова³ и соседей его, был в Твери, в Москве, где познакомился с Коган⁴, Орловым⁵ и др. Из г.Москвы меня выслали в 24 часа, как бывшего под гласным надзором полиции и не имеющего права жить в столицах, — этим

неожиданным событием прерваны были мои странствия по Москве. Там важные для меня ответы получил я, кажется, взглянув со стороны на общину, поняв, чего не достает нашей жизни. Понял я, думается, и многие причины нашей обособленности от людей, одну из которых вижу в том, что нами выдвигались слишком сильно пункты несогласий с другими людьми, и оставалось не замеченным то, на чем мы могли бы сойтись. Смешивалось также важное с неважным, отрицалось *все*, когда была дурна часть, и немало других несообразностей порождалось у нас. Обо всем этом напишу вам, вероятно, скоро. Теперь думаю между прочим о христианских общинах первых веков и пытаюсь выяснить, как выродились они в настоящую церковь. Сравнивая некоторые течения нашей жизни с тем, что было там, я пришел к мысли, которую хотелось бы проверить на основании положительных данных. Вы слышали, вероятно, об идее Алехина⁶ создать из «общин» «братство», покоящееся на признании всеми членами его известных религиозно-моральных норм. По поводу этой мысли писал прекрасное письмо Хилков⁷ (он впрочем писал с одной точки зрения), а весной написал я, указывая, к какой пропасти приводит эта идея внешнего братства, т.е. церкви. Вдумываясь в извращение того, что было у первых христиан, я усмотрел там факт однородный с только что указанным в нашей жизни (факта собственно у нас не было, но идея у А[лехина] была). Извращение истины началось со лжи, как иначе и быть не может. Ложь состояла в том, что люди словами определяли себя, верили такому же самоопределению других, и на этом словесном самоопределении строилось единение. Вместо истинной *духовной*, а потому невидимой церкви явилась ложная вещественная, осязаемая, членами коей люди становятся прежде (крещение), чем поймут содержимое своей будущей «духовной матери». Регламентировалось то, что должно быть свободно, принималось за факт жизни то, что было только на языке. И беда не в том, что не было фактов, а в том, что при неимении их предполагалось и утверждалось их существование. Человек *судил* о том, о чем не *дано* ему судить, и естественно приведен был ко лжи таковым суждением. Ложь теперешней церкви слишком ясна, чтобы о ней говорить (в «Церкви и госуд[арстве]» вы отчасти указали на нее), но *как* стремления людей — жить по учению Христа, — *постепенно* подменились в ряду поколений идолослужением, это важный вопрос, тем более что первым преемникам Христа нельзя отказать в таких качествах, которых многим из нас и во сне не видеть. Откуда же *сие*? Какими путями пришли люди от света к тьме, самый свет прикрыв трудно разрываемой пеленой? Ведь церковь должна быть средством, путем,

ведущим к одной человеческой цели — царствию небесному, возвешенному Христом. И людям естественно приходиться к таким формам жизни, которые легче приводят человека к желанной цели; люди пытались жить именно руководясь этой целью, сходились, помогали друг другу, соединенные одной верой — и вдруг в конце концов церковь, как нечто самодовлеющее, вместо царствия небесного! Это меня глубоко занимает теперь, и я нахожу, что, если опыт прошлого вообще для нас нужен, то *этот* опыт людей нужнее всякого другого. Написал я вам обо всем бессвязно, потому что голова что-то не свежа, и неразборчиво, потому что засорил третьего дня один глаз, а другой от напряжения ломит. Не взыщите, мой дорогой!

Целую вас крепко-крепко. Очень хочу, чтобы вы не забывали меня, как не забывали до сих пор. За последнее письмо большое спасибо, а о предпоследнем нужно было бы поговорить. Вы не поняли меня там⁸.

Любящий Вас М.Новоселов.

Хочу написать вам о многом, но не знаю, когда найду подходящее время. Марье Льв[овне] кланяюсь.

Если не трудно, возвратите мне письмо мое к Т. Ей нужно м[ожет] б[ыть] будет его переслать.

Мой дед вам кланяется. Прочитал он недавно речь Никанора о христ[ианском] браке⁹ и из себя выходит. «Неужели», говорит, «Толстой не скажет ему (Никанору): Ваше Пр[еосвященств]о, разве так можно ругаться?» От Крейцер[овой] сон[аты]¹⁰ в восторге!

Если можно, пришлите что-ниб[удь] из написанного вами за последнее время. Дед просил меня достать «Плоды просвещения»¹¹. Не знаете ли, где можно добыть?

Сейчас перечитал ваше письмо. Вы пишете, чтобы я сказал вам, что думаю о вас — скажу в след[ующий] раз. Теперь отвечаю только на ваш дружеский упрек и совет. Вы увидите, что в моем письме к вам я был не тем, чем бываю обыкновенно или по к[райней] м[ере] стараюсь быть, и что мы сознали необходимость одного и того же независимо один от др[угого].

Датируется по почтовому штемпелю на конверте (10 октября 1890, отправлено из Еваново в Ясную Поляну).

¹ Имеется в виду письмо от 21 мая 1890 (письмо 12).

² По-видимому, речь идет о некоей Т.В.Т., упоминаемой в воспоминаниях В.В. Рахманова (Минувшие годы. 1908. №9. С.26), которая, испытав много перемен в жизни (была революционеркой, пробовала серьезно

заниматься наукой) и, не найдя ни в чем удовлетворения, пришла в 1890 в земледельческую общину А.В. Алехина, как в последнее прибежище.

³ Лев Павлович *Никифоров* (1848-1917), народник, познакомился с Толстым в середине 1880-х; в конце 1880-х и в 1890-х жил в деревне, занимаясь земледелием и литературным трудом (переводил Мопассана, Рескина) при содействии Толстого.

⁴ *Коган* Наталья Николаевна (1846-1917), учительница, принимала участие в революционных студенческих кружках; позднее — участница нескольких земледельческих общин.

⁵ Возможно, речь идет о Владимире Федоровиче *Орлове* (1843-1898), учителе и знакомом Толстого, привлекавшемся вместе с Л.П. Никифоровым по нечаевскому делу; впоследствии жил в земледельческих общинах на Кавказе.

⁶ См. прим.3 к письму 2.

⁷ Дмитрий Александрович *Хилков* (1858-1914), князь, бывший лейб-гусар, участник русско-турецкой войны; в 1880-1890-х покровитель религиозных сект, преследовавшийся за это правительством; раздал крестьянам свою землю, оставив себе лишь 3 десятины, которые сам обрабатывал; позднее революционер; в последние годы жизни вернулся в Церковь; с началом войны в 1914 ушел добровольцем в действующую армию; погиб в бою.

⁸ Эти письма Толстого к Новоселову не сохранились.

⁹ *Никанор* (Бровкович, 1827-1890) — архиепископ Херсонский и Одесский, духовный писатель; речь идет о его статье «Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве», впервые опубликованной в южных провинциальных газетах, а затем перепечатанной рядом духовных журналов (отд. изд.: Одесса, 1894). В этой статье, посвященной разбору «Крейцеровой сонаты», Толстой именуется «безумцем, решительно выжившим из ума», «Велиаром нашего времени» и т.п.

¹⁰ Хотя «Крейцера соната» была опубликована только в 1891, однако широко распространялась в литографированных списках, начиная с ноября 1889, когда в редакции издательства «Посредник» было изготовлено 300 таких списков.

¹¹ Комедия «Плоды просвещения» была опубликована в 1891.

[2 октября 1891]

Дорогой Лев Николаевич! Так и не пришлось повидаться с вами на обратном пути. Дело в том, что меня чуть было не отправили этапным порядком домой за неимение паспорта. Вследствие этого, а еще более вследствие полученного мною из Тверской гу-

б[ернии] письма я должен был ускорить отъезд из Тул[ьской] гу-
б[ернии].

П[етр] Н[иколаевич] остался пока у матери¹. Пробудет там, вероятно, несколько дней. Родственники его — хорошие люди. Бабушка, мать, сестра — все любят его и рады ему, но жить ему с ними трудно, чтобы не сказать больше. Главная причина этой трудности — поповский ultra-хозяйственный режим жизни, создаваемый главным образом его зятем — молодым священником. Да и беседы последнего могут раздражать и не такого пылкого человека, как П[етр] Н[иколаевич]. И слишком он отвык от этой обстановки, чтобы приспособиться к ней с своим теперешним содержанием. Я уж ругаю себя и за то, что оставил его одного там на эти несколько дней. Когда приедет, напишу вам о нем.

А здесь маленькие новости, которые могут оказаться и большими. На Троицкую станцию наехали неделю тому назад товарищ прокурора, жандармский полковник с братией и исправник. Все думали (это случилось как раз в день моего приезда), что дорогие гости явятся в Дугино и на Мызу². Но ожидания не оправдались. Потолкались они на станции, у станowego, некоторые из них побывали кое-где в окрестностях — и удалились. Если верить «молве», то наезд этот был вызван корреспонденцией из Вышнего Волочка, помещенной в 243 № Петерб[ургского] Листка³. Корреспондент доводит до всеобщего сведения о возникновении новой секты «Перховцев»⁴, основателем которой называюсь я. При этом сообщаются биографические данные об основателе секты, устроившем в своем имении общину из интеллигентных единомышленников, которые проводят в жизнь учение, представляющее собою смесь пашковщины и толстовщины (смесь эта получилась в голове корреспондента, вероятно потому, что у нас жила летом девушка-пашковка). Говорится далее, что мы ожидаем прекращения рода человеческого, а потому отрицаем брак, что у нас устраиваются диспуты, на которые допускаются и посторонние и проч., и проч. Упоминается о Рахманове⁵, о его медицинской практике на новых основаниях. В заключение указывается на индифферентизм местного духовенства и на быстрое распространение нового учения.

Я еще в Москве услышал об этой корреспонденции, перепечатанной некоторыми другими газетами, а на Троицкой станции получил и вышеупомянутый № Петерб[ургского] Листка, присланный нам неизвестно кем. Весьма возможно, что это сообщение о новой секте, да еще быстро распространяющейся, вызвало некоторое беспокойство среди начальствующих. Во время их пребывания в наших краях приезжал к Скороходовым⁶ становой и спра-

шивал обо всех лицах, которые были у нас за последнее время. Особенно тщательно расспрашивал о Клопском⁷ и выражал удивление по поводу нашего знакомства с лицами, биография коих нам неизвестна. «Неужели вы не знаете, откуда родом такой-то, где его родители, куда он пошел?»

Старики мои переполошились немало, узнав о происшедшем и на основании его заключая о будущем. А к этому присоединилось внезапное увольнение моей троюродной сестры — земской учительницы, — причем не указаны и причины увольнения. Догадки же наводят на мысль, что причина — знакомство со мной. Есть и еще факты, указывающие на мою зловередность. Все это вместе взятое повергло в уныние моего деда, так что мать уже держит мою сторону, доказывая ему, что не могу же я стать иным, и что меня нечего обвинять за бестолковые действия других. Как бы то ни было, а тяжелая дилемма ставится жизнью. Я вижу, что силы старика слабеют с каждым днем, что каждое душевное волнение вредно отражается на нем; вижу, что вся возможная для него радость заключается в *моей матери* и во мне, что от нас зависит, как проведет он остаток своей жизни. Мать, живя с ним, делает все, чтобы он был покоен. А я? Я не могу не знать, что самое психическое состояние матери всецело зависит от меня, не *спокойствие* только ее, а то — быть ли ей в больнице душевнобольных, или жить с здоровыми людьми и с своим сыном, в котором у нее вся улада жизни. И все-таки, готовясь к аресту (мне на станции сказали, что [нрзб.] дожидается меня), я ясно отдал себе отчет в том, что я могу и чего не могу сделать для устранения страданий близких мне людей.

Приехав на станцию и узнав о приезде властей, я тотчас же отправился к матери и деду, чтобы повидаться с ними и предупредить их. Шесть часов шел я, раздумывая о возможном будущем, и нашел в душе своей только готовность принять все последствия, могущие вытечь из моей жизни, как ни тяжелы они будут. Только в первые минуты я готов был молиться, чтобы миновала чаша сия, но потом твердо и ясно сказалось одно желание: чтобы достало масла в свечильнике⁸. Не удивляйтесь, что я так говорю, когда ничего нет сию минуту особенно угрожающего. Теперь я почти и не думаю об этом, но когда я приехал, я был в полной уверенности, что меня арестуют, и желал только одного, чтобы арест не был произведен раньше моего свидания с матерью.

Ну, довольно об этом. Теперь несколько отрывочных сведений. Видел в Богородицком уезде частичку «голода» в виде невозможного *черного* хлеба, более черного, чем чернозем, с которого его получили. Если закрыть глаза и есть, то едва ли сразу

решишь, что это хлеб, а не иное какое тело. Видел мать с 4 детьми, которые по два дня не едят ровно ничего. Даже этого «черного» хлеба нет. Проголодаются — заплачут: услышат соседи — принесут по кусочку. Что будет к весне, Бог знает. Сходите в эти края, как собирались.

К нам едут и Козловы⁹ — муж и жена. Уже в Москве.

Я у Скороходовых. Они отдают мне огород и маленький сад с тем, чтобы мне одному их ведать, а за это брать все нужное для прокормления¹⁰. Жить хочу в старой избе, которая им не нужна. Теперь пока свозим камни с полей для фундамента под избы, да рубим лес на лучину (у нас лучиной крыши кроют).

От Рахманова получил письмо. Молоканам недоволен¹¹. Буква заела. Только Желтов¹² с матерью понравились. Действительно ему предлагают там остаться врачом, и он соглашается, судя по этому письму, в котором он просит меня переслать его вещи. Но недавно прислал телеграмму: просит подождать и не высылать ничего. Что это значит, не знаем.

Ну, пока довольно.

Крепко целую вас, мой дорогой, и прошу не забывать любящего вас

М.Новоселова.

Р.С. Марье Львовне и всем домашним мой сердечный привет. Милую и добрую Марью Львовну прошу прислать, если можно, вашу статью об искусстве¹³, о которой очень говорили перед отъездом Петру Николаевичу¹⁴, а также и статью о воздержании¹⁵, если она пока не нужна. Здесь бы их переписали. Отказом не стесняйтесь! А Фаррара¹⁶ не выслали из Москвы, т.к. кто-то взял его в это время. На днях я вышлю отсюда другой экземпляр.

С Ив[аном] Дм[итриевичем] Р[угиным]¹⁷ у всех нас нехорошо. Всех нас он обвиняет очень сильно, а мы удивляемся ему. Чем кончится, не знаю. Думаю, что нехорошо, т.е. не поймем и не поверим друг другу. Знаю, что это худо, но... Впрочем видно будет. Он хотел вам писать и изложить все. Мне же не хочется ничего говорить об этом, т.к. толку не будет никакого от взаимообвинений. Это — одно действительно неприятное для меня.

Кончили ли статью о религии и церкви и в[оинской] пов[инности]¹⁸. Не забудьте нас, когда все будет готово. Простите, что надоедаю.

Еще о своем старике. Ворчит-ворчит он на меня, а уеду я, со слезами матери говорит: «Так бы и воротил Мишку, хоть письмо пиши. Зачем это я говорил-то ему. Ведь *они* хорошо живут».

Страшно благодарит за доброту и любовь, а потому я не благодарю вас за это, но в то же время не могу не сказать, что никогда мне не было так хорошо у вас, как в этот приезд¹⁹.

Вчера получил 2 странные брошюры²⁰. Через несколько дней пришлю вам.

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС. Т.66. №42). Дата письма, отправленного из Еваново в Ясную Поляну, устанавливается по почтовому штемпелю на конверте (2 октября 189?, последняя цифра неразборчива), год — по содержанию.

¹ Речь идет о П.Н. Гастеве (см. прим.3 к письму 10), который в марте 1891 заболел нервным расстройством и был помещен в Бурашевскую психиатрическую больницу близ Твери, откуда вышел в конце лета.

² Осенью 1889 О.Ф. Скороходова (см. ниже, прим.5) купила мызу Кубыч в 10 верстах от Дугино, где также была организована община, рассматривавшаяся как продолжение дугинской; туда перешли жить некоторые новоселовские общинники.

³ И.Т. П-ий. Новая секта «перховцы» // Петербургский листок. 1891. №243. 6 сентября.

⁴ «Перховцы» — по названию ближайшего к новоселовской общине села Перхова.

⁵ См. прим.2 к письму 9.

⁶ *Скороходовы* Владимир Иванович (1861-1924) и Ольга Федоровна (1863-?), последователи Толстого; в 1890-1891 В.И. работал в общине Новоселова в Дугино; убедившись в неустойчивости интеллигентских земледельческих общин, поселился на хуторе и работал на земле со своей семьей; уже в советское время пытался организовать общину близ Майкопа.

⁷ *Клопский* (Клобский) Иван Михайлович (1852-1898), народоволец, позднее последователь Толстого; бросил Петербургский ун-т в 1892, жил в различных земледельческих общинах; в 1892 был арестован; впоследствии эмигрировал в Америку.

⁸ Аллюзия на притчу о десяти девах (Мф.25, 1-13).

⁹ Федор Александрович *Козлов* (1865?-1918) в конце 1880-х оставил университет и поселился в тверской общине Новоселова; в 1892 работал с Толстым в Рязанской губ. «на голоде»; позднее окончил университет и стал земским врачом. Жена Козлова — В.П. Павлова (см. прим.6 к письму 9).

¹⁰ После распада дугинской общины Новоселов некоторое время жил на мызе Скороходовых (см. прим.2).

¹¹ Осенью 1891 Рахманов уехал из тверской общины в Нижегородскую губ. и поселился в качестве вольнопрактикующего врача в селе Богородское, где жило много молокан.

¹² *Желтов Федор Алексеевич* (1859-?), крестьянин с. Богородское Нижегородской губ., сектант-молоканин; сотрудничал в издательстве «Посредник», автор рассказов и повестей из жизни крестьян и рабочих.

¹³ Возможно, речь идет о неоконченной статье «Об искусстве», написанной в 1889 по просьбе редактора журн. «Русская мысль» В.А. Гольцева, включившего ее в свою статью «О прекрасном в искусстве» (Русская мысль. 1889. №9. С.68-69); возможно также, что имеется в виду одна из ранних редакций статьи «Что такое искусство?», полностью законченной лишь в 1897 и опубликованной в журн. «Вопросы философии и психологии» (1897. Кн.40. С.979-1027; 1898. Кн.41. С.5-137).

¹⁴ См. прим.1.

¹⁵ Речь идет о статье «Первая ступень», опубликованной в журн. «Вопросы философии и психологии» (1892. Кн.13. С.109-144), в которой Толстой призывает к воздержанию как первой ступени духовной жизни.

¹⁶ *Фаррар* Фредерик Вильям (1831-1903), английский духовный писатель, популярный в России, автор книг «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь и труды апостола Павла», «Жизнь и труды отцов и учителей Церкви» и др.

¹⁷ *Иван Дмитриевич Ругин* (1866-?), подпоручик, окончил Морское техническое училище в Кронштадте, знакомый и последователь Толстого; в 1890-1891 жил в общинах Алехина и Новоселова.

¹⁸ Имеется в виду трактат «Царство Божие внутри вас», над которым Толстой работал до 1893 (опубликован за границей в 1893, в России — только в 1906).

¹⁹ Новоселов и Гастев приезжали в Ясную Поляну в начале сентября 1891.

²⁰ О каких брошюрах идет речь — установить не удалось.

18 июля [1893]

Несколько раз собирался я писать вам, дорогой Лев Николаевич, да все что-то внутри мешало этому. И наше расхождение в некоторых вопросах, и ваше отношение ко мне, о котором я слышал и которого не мог не предполагать, вызывали во мне эту нерешительность. — Почему я пишу вам, на это ответит прилагаемое письмо одной девушки, Веры Александровны Даниловой, которая излагает тяжелую историю сестры своей¹. Зная вашу родственную близость с Кузьминским², с одной стороны, и горячее сочувствие ко всем, испытывающим гнет правительственного насилия — с другой, я предложил Даниловой написать вам об участии ее сестры. Она очень обрадовалась моему предложению и

в прилагаемом письме изложила факты, рисующие положение бедной заключенной. Мне нечего прибавлять к ее письму. Уверен, что вы сделаете, что можно, для облегчения участи так страдающего человека³.

Другая просьба моя к вам, Лев Николаевич, касается Л.П. Никифорова⁴. Не можете ли вы чем-нибудь помочь ему? Если бы вы посмотрели, как живет он с семьей своей, то, конечно, не задумываясь, причли бы его к тем голодающим, которых кормили в Ряз[анской] и Тул[ьской] губерниях⁵. Я нередко обращаюсь к матери за денежной помощью для них, но что значит эта помощь для семьи в 9 человек! Не говорю уже о мало-мальски питательной пище, у них не бывает часто печеного домашнего хлеба, и приходится покупать куски у нищих, которые заходят к ним. Обеды в «столовых для голодающих» были бы для семьи Л[ьва] П[авловича] роскошью. Вы, вероятно, видите его бодрым и неунывающим, когда он заходит к вам в Москве, а потому с трудом поверите моим рассказам. А между тем то, что я передаю вам, факт не менее несомненный, чем прошлогодняя голодовка. Пишу я вам, дорогой Лев Николаевич, конечно без ведома Л[ьва] П[авловича], а потому хорошо было бы, если бы вы не сообщали ему об этом ходатайстве моем за него. Если бы вы могли дать ему хотя небольшой заработок, лишь бы он был постоянный! Во всяком случае не откажите в помощи какой бы то ни было. Сердце разрывается, когда видишь эту семью дома. Нищета поразит всякого, кто побывает у них. Я близко знаком с их жизнью, и могу только удивляться той нравственной живости, которую вижу в Л[ьве] П[авловиче]. Но за последнее время не могу не замечать, что «уходили Сивку крутые горки». Или по к[райней] м[ере] ухаживают.

Простите, голубчик, что с первого раза наседаю на вас с просьбами. Я рад, впрочем, этим случаям, нарушившим молчание, о котором не могу не жалеть. Надеюсь, что теперь заговорим с вами, если в вашем сердце что-нибудь осталось от прежнего чувства ко мне.

Любящий Вас М.Новоселов.

Передайте мой привет всей семье.

Простите меня за те огорчения, которые доставил вам!

Как ваше последнее сочинение?⁶

Адрес: Рыбинско-Бологовская ж.д., ст.Еваново, М.А. Новоселову.

На это письмо имеется ответ Толстого (ПСС. Т.66. №507).

¹ Письмо не сохранилось в архивах Л.Н. Толстого, и ни о Даниловой, ни о истории ее сестры, привлеченной к суду по политическому делу, сведений разыскать не удалось.

² Александр Михайлович *Кузминский* (1843-1917) — муж сестры С.А. Толстой, в 1889-1893 был прокурором Петербургской судебной палаты; впоследствии сенатор.

³ Толстой предпринял некоторые шаги через свою свояченицу Татьяну Андреевну Кузминскую (1846-1925), о чем сообщил Новоселову в письме от 3 августа 1893 (ПСС. Т.66. С.376), но о результатах его хлопот ничего не известно.

⁴ См. прим.3 к письму 13.

⁵ В 1891-1892 Толстой выступил инициатором и организатором общественной помощи голодающим в Рязанской и Тульской губерниях, устранивая бесплатные столовые.

⁶ По-видимому, речь идет о романе «Воскресение».

16

30 ноября [1899]

Дорогой Лев Николаевич!

Господь да укрепит, да утешит Вас в тяжком недуге Вашем¹, Им же всеблагим попушенном!

Да поможет Он Вам покорно нести крест, несомненно для пользы Вашей на Вас возложенный!

Да успокоит Он скорбные сердца домашних Ваших, так Вас любящих и в меру любви своей скорбящих!

За последние годы не раз собирался писать Вам, чтобы сказать — если не многое, то много. Теперь же скажу одно: верьте, что люблю Вас, люблю нередко с мучением и ежедневно почти молюсь о Вас и семье Вашей. Так было и есть со времени последнего нашего свидания с Вами.

Еще сказал бы, но м[ожет] б[ыть] и это трудно будет прочитать Вам среди страданий.

Простите, если что имеете в сердце против меня.

Господь мира да раскроет душу Вашу для приятия мира небесного!

М.Новоселов.

Год написания устанавливается по почтовому штемпелю на конверте; письмо отправлено из Вышнего Волочка в Москву.

¹ Толстой тяжело заболел 21 ноября 1899.

23 июня 1901

Лев Николаевич!

Сегодня я узнал, что мое открытое письмо к Вам, помещенное в июньской книжке Мисс[ионерского] Обозрения¹, не было своевременно доставлено по назначению. Случилось это помимо моей воли и моего желания, вследствие рассеянности лица, которому поручено было отправить Вам рукопись. Простите мою невольную невежливость.

М.Новоселов.

Заказное письмо из Вышнего Волочка в Ясную Поляну.

¹ «Открытое письмо графу Л.Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода» М.А. Новоселова, помещенное в журн. «Миссионерское обозрение» (1901. №6. С.823-835), было затем трижды издано им в качестве брошюры «Религиозно-философской Библиотеки» (в 1902, 1908 и 1911). Реакция Толстого на него известна из его письма к Л.П. Никифорову: «Письмо же его [Новоселова. — *Е.П.*] в Миссионерское обозрение ужасное, жалкое. Это прямо гипнотическое внушение, вследствие которого человек, рассуждая здраво обо всем, как только попадает на предмет внушения, начинает бредить» (ПСС. Т.73. С.105).

В.В. Антонов
ПРИХОДСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА
В ПЕТРОГРАДЕ (1920-е годы)

Во времена притеснений и гонений на защиту Православной Церкви всегда вставали образуемые из мирян церковные братства. Так было в период унии в XVI-XVIII веках в западно-русских землях, отошедших к Польше и Австрии, так было в нашем Отечестве после 1917, когда власть пыталась покончить с вековой верой народа, так происходит и в сегодняшней России... История православных братств, действовавших в 1920-е по всей стране, еще не написана, но несмотря на это, можно утверждать, что они очень много сделали для защиты Церкви от преследований со стороны большевистского режима и инспирированного им обновленческого раскола.

Разного рода братства, благотворительные, миссионерские и просветительные, действовали задолго до революции при многих петербургских храмах, наряду с другими церковными организациями. Часть из них после Октябрьского переворота сохранилась, но одновременно возникли новые объединения, ставившие перед собой задачи, обусловленные новой общественно-социальной обстановкой. Продолжало, например, свою работу основанное в 1915 миссионерское братство при Андреевском соборе, которое помогало больным и бедным, заботилось о благолепии и охране храма и занималось изготовлением облачений. Братчики по-прежнему собирались на свои особые богослужения и вели духовные собеседования. Действовал при братстве и «Детский союз», в который входили дети от 4 до 13 лет. Около 3000 членов насчитывало созданное тоже до 1917 Мефодиевское братство при одноименной церкви детского приюта на Суворовском пр., 32. Ру-

ководил им прот. Петр Магистрианович Кремлевский, и занималось оно также в основном благотворительной и просветительной работой.

Однако одновременно, откликаясь на призыв Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 к верующим «защитить храмы и святыни» и «в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых», возникают совершенно новые братства «из преданных церкви людей», чаще всего на основе ранее существовавших приходских обществ и организаций. Одновременно с попыткой красногвардейцев силой захватить 1 февраля 1918 Александро-Невскую лавру, Патриарх Тихон выпускает в Москве послание, в котором говорится: «Зovem всех вас, верующих и верных чад Церкви: встаньте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей»¹. И ровно через год молодой иеромонах Иннокентий (Тихонов) создает на базе работавшего в лавре с марта 1918 кружка молодежи — Александро-Невское братство, включившее в себя лаврских монахов и мирян обоего пола. Еще раньше, осенью 1918, началась деятельность братства при церкви правв. Захарии и Елизаветы на Захарьевской ул., основателем которого был о.Александр Введенский, позднее возглавивший обновленцев.

Лаврское братство сразу стало главным в городе и на него стали ориентироваться другие, позже создававшиеся братства. Его основатель на допросе у чекистов скромно уверял, будто «братство есть группа верующих, входящая в общий лаврский коллектив верующих, но посещающая лаврскую Крестовую церковь и обслуживающая ее религиозную жизнь»². На самом деле деятельность братства с первых дней его основания была гораздо разнообразнее и глубже и заключалась в «воспитании религиозного характера»³ его членов, о чем особенно хорошо свидетельствует краткая памятка, составленная для них архим. Гурием (Егоровым)⁴:

1. Живи под руководством духовника;
2. Неси послушание по указанию руководителя братства;
3. Соблюдай молитвенное правило;
4. Посещай братские богослужения и праздничные службы;

¹ Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. Париж, 1977. С.225.

² Архив Управления Министерства безопасности РФ по городу Санкт-Петербургу и области (далее: Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб.). Д.20682. Т.2. Л.38.

³ Там же. Л.41.

⁴ Там же. Л. 72. Памятка принята 8 августа 1921 на 2-й общебратской конференции.

5. Будь скромнен в одежде, в прическе и во всей своей жизни;
6. Неси слово Христово детям, подросткам, молодежи и взрослым;
7. Почитай каждого лучше себя.

Отдельного устава это братство не имело и руководствовалось «некоторыми пунктами приходского устава». Принимались в него «все желающие, уяснив, что они преданные религии люди». Через два года после своего основания Александро-Невское братство насчитывало 70-100 человек. Основой духовной жизни братиц и братчиков были, безусловно, богослужения, которые проходили в основном в Крестовой митрополичьей церкви, часто при участии самого митрополита Вениамина. Службы длились дольше, чем в приходских храмах, ибо устав соблюдался более точно. За каждой службой обязательно произносилась проповедь, практиковалось строго уставное чтение и общенародное пение, хотя у братства были собственные два хора: один пел за ранней, другой за поздней обедней. Хорами руководили Иннокентий и Гурий. Первый был прекрасным знатоком устава и старинных церковных распевов и поэтому с мая 1920 возглавлял внутри братства «Кружок любителей православного богослужения».

Члены братства посещали также беседы и лекции в лавре, «на которых обсуждаются вопросы духовной жизни, касаясь иногда философии, но не касаясь политики»⁵, согласно словам Веры Николаевны Киселевой, молодой и ревностной братчицы, дочери статского советника, которой после революции пришлось заняться перевоспитанием несовершеннолетних преступников. Одну из бесед, посвященную Боговоплощению, провел Иван Павлович Щербов, будущий проректор Богословского института. Духовными беседами и собраниями руководили Иннокентий, Гурий и его брат иеромонах Лев (Егоров), а научно-философскими — «различные профессора и случайные лекторы»⁶. Последние беседы проходили обычно в кружке Иоанна Златоуста. 28 апреля 1920 П.В. Дмитриев читал в нем, в присутствии 40 человек, доклад о чуде, который возбудил «интерес слушателей... многие указали на примеры чудес в их личной жизни»⁷. При лавре в 1920 работали также пастырские курсы, которые — согласно машинописной «Миссионерской хронике» (1920. №18) — «подготовили 8 проповедников, начинающих: с Пасхи дело благовестия в Крестовой церкви»⁸.

⁵ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.36.

⁶ Там же. Л.41.

⁷ Там же. Л.87об. Сообщение в машинописной «Приходской хронике», издаваемой лаврским братством (1920. №5).

⁸ Там же. Л.60, 54.

1920 был годом окончательного становления Александро-Невского братства, да и большинства других. По его предложению, 5 мая 1920 в лавре, после молебна и приветствия митрополита Вениамина, открылась первая общербратская конференция, на которой было принято совместное решение об объединении в союз всех существующих городских братств «на почве религиозной и благотворительной деятельности» и о создании Совета. Председателем на конференции был о.Александр Введенский, секретарем — энергичный иеромонах Мануил (Лемешевский), недавно организовавший Спасское братство. Кроме Александро-Невского братства в конференции участвовали: Захарьевское, Спасское, Воскресенское, церкви св.Андрея Критского при Экспедиции заготовления государственных бумаг, а также наблюдатели от других братств и приходоов.

На конференции работали 5 секций. Первая под руководством Введенского разрабатывала вопросы внутренней жизни братств; вторая (иером. Мануил) — внешней; третья (иером. Гурий) — взаимоотношений между братствами и другими церковными организациями; четвертая (иером. Иннокентий) занималась проблемами: братство и мир, просветительская и миссионерская работа; пятая (иером. Лев) — работой с детьми.

На конференции был принят примерный общербратский устав, написанный Иннокентием, Гурием и Львом и основанный на уставе «Православных миссионерских братств во имя Воскресения Христова, учреждаемых при церквях Петрограда», который был издан в 1915, и выбран Совет общербратского союза. В этом Совете действовало несколько секций: духовной жизни, миссионерская богословская, просветительная, богословская, детская, библиотечная и административно-организационная. В секции входили не только члены Совета и заседали они от него отдельно.

Так как каждое братство сохраняло в союзе свою автономию и самостоятельность действий, то решения составленного из представителей братств Совета носили чисто рекомендательный характер. Свои заседания Совет проводил ежемесячно, соблюдая все формальности (протокол, прения и голосование), под председательством одного из своих членов. Высшим органом союза было общербратское собрание, которое устраивалось не реже одного раза в год и выбирало Совет, куда на правах несменяемых членов обязательно входили духовные руководители братств, трое из которых — Иннокентий, Гурий и Лев из лаврского братства — практически вершили все дела в самом Совете, призванном «случить объединяющим центром всех братств» и «разрешать всевозможные вопросы братской практики».

Согласно примерному уставу (см. Приложение), «каждый член братства должен иметь свое определенное, указанное руководителем дело в братстве, от исполнения которого не имеет права уклониться /.../ жить под руководством избранного им духовника». Братство могло возникать «лишь с благословения епархиального епископа и должно находиться в каноническом ему подчинении». Его организатором мог быть мирянин, но руководить братством мирянин мог только при крайней необходимости. Руководителем обычно становился приходской священник, ибо братства теснейшим образом привязывались к приходскому храму. Исключения предусматривались «лишь в тех случаях, когда приход не осуществляет обязательных для него по приходскому уставу задач». Поскольку таких приходов не было, то все петроградские братства этого времени были приходскими, отчего в примерном уставе одной из целей их учреждения указывалось «возрождение и развитие приходской жизни».

Двумя другими целями были: «Выполнение отдельных служений по христианскому просвещению и воспитанию» и «Объединение людей, ревнующих о высших подвигах христианского благочестия». Достигнуть этих целей предполагалось в основном через ревностное участие в богослужениях, духовную и материальную помощь страждущим ближним и просветительно-миссионерскую работу среди взрослых и детей. Кроме вышеназванных секций в Совете работали: «тюремная миссия», занимавшаяся помощью заключенному духовенству и его семьям, и комиссия по устройству братских молений. Исполняя просьбу митрополита, Совет никогда не просил городские власти об официальной регистрации.

Собственного информационного органа Совет не имел, да и иметь в те годы, конечно, никак не мог. Владимир Борисович Шкловский, преподаватель Богословского института и член Спасского братства, издавал от себя машинописную «Миссионерскую хронику», которая к тому же выходила нерегулярно, по мере сбора материала, в количестве 5-6 экземпляров. Вначале этот самиздатский листок получали только петроградские епископы, но с появлением объединенных братств издатель сделал его летописью их деятельности и превратил как бы в неофициальный братский бюллетень, выпустив до своего ареста 27 или 28 номеров. На допросе Шкловский рассказал, что «сведения собирал попутно, при посещении отдельных храмов /.../ Нося материалы в портфеле, я писал, где придется, в отдельных домах»⁹.

⁹ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.1. Л.522.

Почти вся работа Совета общецерковного союза состояла в координации деятельности отдельных братств и в соответствующих рекомендациях. Например, на заседании 21 июня 1921, по инициативе Комиссии по устройству братских молений, было предложено провести общее моление в Знаменской церкви, когда в нее прибудет из Колпина чтимая икона свт. Николая Чудотворца. На заседании 21 февраля того же года решено «обратиться с братским советом оказывать как духовную, так и материальную помощь непосещаемым больным», ввиду того что попечением о них регулярно занимались не все братства¹⁰.

Многие братства обслуживали определенную, расположенную неподалеку больницу, куда их члены приносили передачи и ухаживали за одинокими больными. Никольское братство опекало Обуховскую больницу, Василеостровское — св. Марии Магдалины. Оказывалась также помощь бедным в своем приходе: «по личному заявлению» деньгами (Вознесенское братство) или обедами в бесплатной столовой (Спасское братство). Обычно средства и продукты для этой цели братчики сами собирали в собственном приходе, но в Захарьевском братстве для этой цели было введено добровольное самообложение.

Особо много работы было у «тюремной миссии», ибо практически всегда в те годы кто-нибудь из питерского духовенства находился в заключении. Этой работой занимались главным образом женщины, среди которых отличались Мария Сергеевна Зверева и Вера Николаевна Мудьюгина. О последней в доносе ГПУ сообщалось: «ходит по тюрьмам, кроме пищи, арестованным передает письма, рассылает по всем церквам Петрограда о здравии попов».

Надо заметить, что исполнять свой долг милосердия верующим было действительно нелегко. Спасское братство выбрало тюремный лазарет на Переяславской улице. «Что поступало к нам в корзину, мы вешали, записывали, а потом, разделив на порции, весом фунта по два, связывали пакетом и сдавали все это в канцелярию /.../ затем нам разрешили лично раздавать продукты по камерам». Помня еще, очевидно, заповедь о любви к ближнему, лазаретное начальство снизило даже до того, что позволило сестрам вкладывать в передачи записки со словами: «Будь здоров, храни тебя Бог!», «Мы помним о тебе», «Да будет воля Твоя!», «Верую, Господи, помоги моему неверию!» и другие сходного содержания. В камерах было роздано 18 Евангелий. Оказывалась

¹⁰ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.59.

узникам и «юридическая помощь» — сердобольные женщины постоянно запрашивали следователей и прокуроров о состоянии дел своих подопечных и следили за точным соблюдением властями закона. Однако кто-то, очевидно, донес в отдел юстиции о «поповской агитации», и он через полгода запретил работу от имени православного братства. Братчицы стали посещать заключенных только как частные лица¹¹.

Совет общецерковного союза часто командировал членов одного братства в другое «для участия в богослужениях, для ведения бесед, лекций и т.п.». Особенно активным лектором был бывший надворный советник, инженер-технолог Николай Дмитриевич Красильников, который в своих апологетических беседах призывал «к распространению веры в Бога среди неверующих путем убеждения, ибо неверующие, пока остаются таковыми, особенно подвергаются коварным и злым внушениям дьявола»¹². Следствие вменило ему в вину эти «научного характера лекции о прямом существовании Бога» и потребовало наказания наравне с руководителями объединенных братств.

Кроме командировок лекторов, Совет организовывал также общецерковные моления, которые включали в себя ночные службы. Например, в 1922 митрополит Вениамин служил для братчиков всенощную накануне Жен-Мироносиц в Вознесенском братстве, затем в Знаменском — литургию, а в 12 ночи начиналось ночное пасхальное богослужение в Крестовой церкви лавры. 19 января 1920 в Спасском братстве состоялось «ночное моление в присутствии колпинской иконы свт.Николая с общим соборованием и причащением, при хоре лаврского братства /.../ Настроение создалось превосходное»¹³. После службы была устроена общая для всех трапеза. Ночные моления полюбились братчикам и стали ими часто («почти ежедневно») практиковаться в некоторых братствах. Общецерковное моление с участием митрополита проводилось также в праздник Успения в 1920 в Захарьевской церкви и Троицком соборе лавры с последующим крестным ходом до митрополичьего храма.

В крестных ходах каждое братство участвовало со своими хоругвями и иконами. Братчицы шли в белых платках, братчики — с нарукавными повязками. В грандиозном крестном ходе в лавру в Фомино воскресенье 1921 объединенные братства выступали под собственным «плакатом» и со своим образом. Для большей

¹¹ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.96.

¹² Там же. Л.324; Т.1. Л.665.

¹³ Там же. Т.2. Л.85 — из «Миссионерской хроники». 1920. №18.

сплоченности братств о.Иоанн Чокой, руководитель Вознесенского братства, предложил избрать особую по распеvu братскую «Херувимскую», особое «Господи помилуй» и «прочие молитвенные песнопения», но, похоже, это предложение не было осуществлено¹⁴. Не найдены, к сожалению, пока сведения о том, как отмечался в 1920-1921 общебратский праздник, назначенный уставом на ближайшее воскресенье перед успением св.Александра Невского.

В составе Совета важную роль играла миссионерская секция, которую до июня 1921 возглавлял о.Сергий Бычков из Симеоновской церкви, а затем вышеупомянутый Шкловский. В ее задачи, наряду с распространением Православия — в чем секция тесно сотрудничала с Петроградской церковной частной миссией — входило также противодействие сектантам (особенно баптистам и чуриковцам) и резко усилившейся в эти годы католической пропаганде. 28 марта 1922, по предложению архим.Льва, на заседании Совета было решено, что «необходимы элементарные общедоступные курсы, дающие возможность каждому православному защитить свою веру», для чего — «организовать центральное содружество для более серьезного изучения вопроса», пригласив в него известного профессора И.Н. Соколова, бывшего преподавателя Петроградской Духовной академии. При организации содружества было рекомендовано «войти в контакт с уже работающей комиссией по борьбе с католичеством при Общеприходском совещании и его деятельным членом о.Митроцким»¹⁵.

Кроме Общеприходского совещания, с которым Совет объединенных братств общался по мере надобности, его члены, как и братчики вообще, были причастны к работе Пастырско-богословских курсов в лавре и Женских благовестнических курсов, открывших весной 1921 на Ямской ул., 1, кв.6 «содружество, на собраниях которого были прочитаны доклады на темы: о Церкви, о спасении, о возможности последнего вне Церкви, вызвавшие оживленные прения». Когда в Светлую неделю 1920 на Троицком подворье открылся Богословский институт, то его проректором стал И.П. Щербов, ревностный член Александрo-Невского братства, а в слушатели записались многие участники разных братств.

Приходилось Совету заниматься и чисто организационными делами: помогать перевозить иконы и утварь ликвидированных домовых храмов со склада в Гостином дворе в будущий Музей

¹⁴ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.58об.

¹⁵ Там же. Л.60об.

отжившего культа в Волховском переулке; книги из библиотеки б.Духовной семинарии (около 60 тыс. томов) — в новооткрытый Богословский институт; отбирать нужные Церкви книги из б.Синодальной типографии. Когда в июне 1922 арестовали прот. Николая Платонова, Совет предложил оказать ему «общественное внимание», посылая ему домой от каждого братства передачу.

Сколько же всего братств действовало в Петрограде к лету 1922, когда власти начали их разгром? Наиболее полный список привел в своих показаниях иером. Мануил: 1. Александро-Невское (сп. Иннокентий), 2. Спасское (сам Мануил), 3. Андреевское (прот. Николай Платонов), 4. Захарьевское (прот. Александр Введенский), 5. Знаменское (о.Виталий Лебедев), 6. Симеоновское (о.Сергий Бычков, после его ареста — о.Николай Вертоградский), 7. Вознесенское (о.Иоанн Чокой), 8. Мефодиевское (прот. Петр Кремлевский), 9. Преображенское в Лесном (прот. Николай Сыренский), 10. Троице-Измайловское (о.Михаил Чельцов), 11. Сергиевское (прот. Евгений Запольский), 12. Предтеченское или «Свет Христов» (прот. Иоанн Заборовский), 13. Никольское («Ивановское») при церкви б.Городского арестного дома (о.Алексий Соколов), 14. Андреевское при церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг (прот. Петр Ивановский), 15. Пантелеймоновское, 16. Матфиевское (первое миссионерское братство в Петрограде, основанное в 1914 известным епархиальным миссионером И.Г. Айвазовым. Его структура стала образцовой), 17. Борисоглебское (о.Николай Рудинский), 18. «Тамбовское» (по названию улицы) при церкви б.Общества благотворения в память 1861 года (о.Константин Верзин), 19. Екатерининское на Васильевском острове (о.Михаил Яворский), 20. Введенское при одноименном подворье за Невской заставой (иером. Серафим Протопопов, будущий епископ)¹⁶. Почти треть из перечисленных и пока выявленных братств в общественный союз не входила. Для маскировки некоторые из них именовались «приходской комиссией» (Симеоновское братство) или «религиозно-просветительной» («Свет Христов») и приглашали на свои заседания местных партийцев.

Опираясь на разработанный союзом устав, провинциальные батюшки начали в 1921 тоже создавать братства. Лужский епископ Артемий основал братство в Луге, о.Никифор Стрельников — в Ямбургском уезде, о.Александр Боярский — при Троицкой церкви в Колпине (1922). Намеревался организовать братство

¹⁶ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.226.

прот. Владимир Покровский, настоятель Скорбященской церкви за Невской заставой, а И.М. Семин — на Красностокомском подворье в Полюстрове, но неизвестно, удалось ли им это сделать.

Среднее число членов в братствах колебалось в пределах сотни: лаврское насчитывало 70-100, Вознесенское — 50, Преображенское — 40, Лужское — 37, Симеоновское — около 100, Андреевское — 80 человек, «Свет Христов» — 48. Не превышало этой цифры и Спасское братство. Реальную численность всех действительно работавших братчиков в Петрограде можно поэтому оценить от 1200 до 1500 человек. Не следует забывать, что в рассматриваемые годы количество жителей города сократилось по сравнению с дореволюционным почти в три раза.

Три тысячи в Мефодиевском братстве и полтысячи в братстве при церкви Экспедиции заготовления существовали скорее всего на бумаге, как признавали сами руководители. Разумеется, больше всего было в братствах женщин, преимущественно среднего и пожилого возраста, хотя в лаврском и Спасском хватало также молодежи. Среди активисток лаврского братства в поступившем в ГПУ доносе отмечены: Вера Николаевна Киселева, 24-х лет; Ольга Осиповна Костецкая, 27-ми лет; Евгения Сергеевна Миллер, 26-ти лет, окончившая Сорбонну. Из братчиков мирян выделялись: вышеупомянутый Шкловский; монархист Александр Михайлович Шабельский из Знаменского братства, в прошлом стеноначальник в Министерстве финансов; проф. Н.М. Егоров и Н.И. Цуканов из Андреевского, оказавшиеся вскоре, вместе с главой своего братства, среди обновленцев; Н.Д. Красильников, который, несмотря на свой возраст (ему было 52 года), кроме богословских бесед и лекций распространил 30 пудов религиозно-общественной литературы и намеревался организовать политическую партию с названием «Удельная республика Русь». Активистами в братствах были в основном интеллигенты, имевшие среднее или высшее образование, но среди их помощников можно найти много простых людей, ибо в братства вошли все слои тогдашнего общества, кроме, разумеется, правящего слоя.

Так как отчеты, подаваемые ежегодно братствами в Совет, очевидно, не сохранились, то об их текущей работе можно пока судить в основном по кратким упоминаниям в уцелевших листках «Миссионерской хроники», по протоколам заседаний самого Совета и его секций, а также по протоколам допросов ГПУ арестованных или задержанных членов разных братств. Хотя общая картина, несомненно, получается неполной, тем не менее, она позволяет представить, чем занимались в Петрограде наиболее активные братства и чем они отличались друг от друга.

Как уже говорилось, главным в городе было Александроневское братство в лавре, руководимое деятельными и одаренными молодыми монахами: Иннокентием, Гурием и Львом. Кроме вышеописанной работы это братство занималось и другим. В нем, например, в 1921 возник миссионерский Сергиевский кружок под руководством студента Безбородова, действовавший главным образом среди молодежи и сменивший молодежный кружок, который существовал с 1918, но постепенно захирел. Лев и проф. Егоров возглавляли содружество св.Василия Великого, занимавшееся богословскими проблемами. Такой же характер носил Златоустовский кружок, по-видимому, входивший в содружество.

Много внимания уделялось катехизации детей — их учили церковному пению и чтению по-славянски, проводили для них говение и сокращенную литургию, на которой дети пели, читали и помогали священнику. Лаврские братчики работали в близлежащих тюрьмах, вели обличение чуриковцев, посещали больных, хотя уже с весны 1920 это было «осуществимо лишь в порядке личного посещения, групповые не допускаются администрацией»¹⁷. Гурий с членами братства ездил 7 мая 1920 в Троице-Сергиевскую пустынь, Лев в мае 1921 — с 15 детьми в Колпино — на престольный праздник в Николин день. Подобные паломничества практиковались тогда и в других братствах и пользовались большой популярностью.

Богослужение в братской церкви лавры было по возможности приближено к уставному, благодаря прежде всего стараниям Иннокентия. Поскольку на каждом клиросе пел свой хор, то в церкви часто звучало антифонное пение знаменным или другим старинным распевом. В августе 1920 Иннокентий объявил Совету, что готов открыть при братстве иконописную мастерскую, после чего ему предложили «представить несколько икон, могущих служить образцами работ мастерской». Неизвестно, реализовался ли этот проект.

Считалось, что Иннокентий, ставший в епархии викарным епископом, имел определенное влияние на митрополита Вениамина, и поэтому он выставлялся в доносе, полученном ГПУ 31 мая 1922 как «главный вдохновитель последнего воззвания» (от 28 мая) митрополита, которым тот отлучал обновленцев¹⁸. Фактически это обвинение и привело в действие карательные органы, ибо уже на следующий день, 1 июня, начались аресты лаврских братчиков.

¹⁷ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20862. Т.2. Л.86.

¹⁸ Там же. Л.29.

Спасское братство иером. Мануил основал в марте 1920 при Никольской церкви б.Литейного отделения Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, освященной в 1906 в доме №27 на Спасской (ныне Рылеева) улице. Вскоре после основания, на Крестопоклонной неделе, он уже возложил белые платы, символы служения Богу и людям, на 14 братчиц. Некоторое время спустя иером. Иннокентий начал читать в братстве лекции о богослужении. Библейский кружок вел псаломщик братского храма В.Б. Шкловский, специализировавшийся на борьбе с сектантами. Он подготовил, в частности, брошюру против американской секты Христианской науки, проникшей тогда в Петроград.

Другой ревностный братчик Леонид Дмитриевич Аксенов, знаток канонического права и владелец епархиального свечного завода, руководил состоявшим из 10-20 человек «Никольским содружеством», которое проводило в храме совместные моления. Сам Мануил 2 июля 1920 прочел лекцию «Кончина мира по учению Библии и новейшим научным данным». Кроме того, в храме работали курсы церковнославянского языка, а в праздничные дни шли беседы на евангельские темы.

Мануил лично посещал больных и бедных там, «где люди теплеи крайнюю нужду /.../ Целые палаты голодающих больных, лежавших в Биржевой больнице, жили на средства отца Мануила и его братства»¹⁹. У братства была комиссия, «на обязанности которой лежит принимать самое горячее и живое участие в судьбе опасно больных сестер, напутствовать их по христианскому обряду на исход души и заботиться о надлежащем погребении»²⁰. Над усопшим читалась Псалтирь, а если не было денег на похороны, то они брались из братского похоронного фонда.

В столовой братства, которая существовала помощью благодетелей и жертвователей, питалось каждый день от 60 до 100 человек. Это была единственная в городе братская столовая. В трапезной устраивались также поминальные обеды с литией, что было совершенно внове. Стоит ли напоминать, что за свой труд никто из братчиков не получал ни рубля, — все работали только ради Христа и любви к ближним.

У Мефодиевского братства была своя особенность. Наиболее достойные братчицы избирались в диакониссы по особому чину:

¹⁹ Митрополит Иоанн (Снычев). Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1993. С.57.

²⁰ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.92. На проскомидии и литургии члены братства читали кроме общего синодика также личный синодик Мануила, в котором были «записаны имена древних князей и царей, литераторов и общественных деятелей».

вначале они давали обет следовать прочитанным ими правилам, а затем о.Петр Кремлевский произносил над ними молитву перед начатием доброго дела и прикреплял на белом платке диаконисс лиловый крестик. Это братство было зарегистрировано властями в 1919 как «приходская братская община» и входило в структуру прихода²¹. Ее уставом требовалось: «Возможно чаще причащаться. Каждый день по возможности читать Евангелие. Утром и вечером стараться с глубоким вниманием выполнять молитвенное правило».

В Андреевском братстве, в совет которого входили профессор университета Б.Тураев, профессор Духовной академии С.Зарин, детская писательница А.Платонова, жизнь тоже была налажена по уставу: в 7 часов братчики собирались на молитвенное собрание; монахиня Анастасия (Платонова) вела беседы по изучению творений св.отцов; молодой дьякон Семен Платонов дважды в неделю собирал на спевки хор, певший на ранних обеднях; работала библиотека; женщины оказывали «помощь нуждающимся больным больницы Марии Магдалины при содействии сестры милосердия — братчицы»²². По четвергам в соборе собирались для пения 12 псалмов все желающие и свободные от работы сестры и братья, которые именно так называли себя, общаясь друг с другом.

Профессор Никита Александрович Мещерский (1906-1987), вспоминая об Андреевском детском союзе, филиале братства, писал: «Когда в 1921 г. было детское пасхальное богослужение, я читал Апостол. В следующем году /.../ я начал регулярно читать Апостол на каждом богослужении. Кроме того /.../ бывали всякие вечера и утренники художественного содержания, на которых я выступал с декламацией стихов. В каком-то году (1921 или 1922) готовилась инсценировка драмы К.Р. "Царь Иудейский", где я играл Иосифа Аримафейского»²³.

У о.Иоанна Чокоя в Вознесенском, основанном в ноябре 1920, братстве, кроме детского союза и благотворительного отдела, действовала особая группа церковного благолепия и благочестия. Члены группы следили за порядком во время миропомазания, поклонения плащанице и при крестных ходах, а во время евхаристического канона закрывали пеленами чтимые образа, чтобы

²¹ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.70, 320.

²² Там же. Л.60об. — Отчет И.Н. Цуканова на заседании Совета 28 марта 1921.

²³ Мещерский Н.А. Отрывки воспоминаний // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. №4. С.78. О дореволюционной работе братства см.: Душеполезное чтение. 1916. №4. С.84-96.

внимание богомольцев не отвлекалось. «Каждый член группы выбрал себе особый уголок в храме, следить за чистотой которого сделалось его прямой обязанностью»²⁴.

В кружке молодежи (в нем было 18 человек), созданном просветительной группой, о.Иоанн читал доклады: о мироздании, о христианской любви и милосердии, о необходимости духовного обновления христианской общины в духе апостольском, о великом значении таинств. Учитель литературы А.П. Виноградов выступил однажды на тему «Религиозный элемент в произведениях Л.Толстого». Обычно эти просветительные беседы велись по вечерам в самом храме, ибо здание, где некогда размещалось приходское общество, было национализировано властями. Так, в храме или на частных квартирах, шла катехизация и духовное просвещение и в других братствах.

Братство в Измайловском соборе, которым руководил известный церковно-общественный деятель о.Михаил Чельцов, посвятило себя в основном благотворительной работе. Да и само братство, похоже, называлось «благотворительной комиссией». Его члены собирали для нуждающихся деньги, продукты и одежду, которые затем разносились по домам. Когда выяснилось, что подобная практика не совсем удобна, то было решено «устраивать трапезу по окончании богослужения в самом храме»²⁵. Остается только поражаться тому терпению и мужеству, с которым верующие собирали для бедствующих помощь в голодном Петрограде.

Следует подчеркнуть, что в приходах, где не было организационно оформленных братств, действовали различные объединения мирян, имевшие сходные с братствами цели. Например, в Воскресенском храме у Варшавского вокзала работал кружок милосердия, на Кашинском подворье, что на Выборгской стороне, — детский союз. Очень активно занималась катехизацией и борьбой с сектами Петроградская церковная частная миссия, насчитывавшая уже в 1919 25 богословски подготовленных мирян, которые выступали с благовестием прежде всего в храмах и на религиозных встречах.

Поскольку подготовка и проведение ежегодных общербратских конференций была одной из задач Совета, то соответствующая предварительная работа началась уже весной 1921. Был образован оргкомитет, который предложил созвать очередную 2-ю конференцию 29 мая, определив представительство в 8-10 человек от

²⁴ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.100.

²⁵ Там же. Л.62об.

каждого братства. Согласно расчетам, общее число делегатов должно было составить около 100 человек. Предполагалось после молебна и приветствия митрополита провести также «моление по особому чину о благословении единого братского дела». Однако идея единого братства была в Совете и на сей раз отвергнута.

Митрополит Вениамин предложил братчикам «ввиду политических условий церковной жизни» отложить конференцию и «связать каким-либо образом братскую деятельность с деятельностью Общества петроградских приходов», очевидно, пытаясь подобным маневром отвести от братств подозрения в какой-то непонятной для властей активности. Совет решил отложить конференцию и просил о.Виталия Лебедева и Н.М. Егорова провести соответствующие переговоры с президиумом Общества. По-видимому, или переговоры не дали никакого результата, или изменилась обстановка, но конференция осенью 1921 состоялась. Состоялись, однако, всего два заседания, после чего их участники «совершенно разошлись в своих идейных направлениях»²⁶. Это вполне объяснимо, ибо часть руководителей братств и активистов была настроена обновленчески. Судя по всему, новые выборы Совета не удалось провести, и он фактически распался. Таким образом, общепатриарший союз проработал скорее всего только год с небольшим.

Братства продолжали работать самостоятельно и координировали свою работу, очевидно, посредством личных контактов между их членами и руководителями. К сожалению, не удалось выяснить, продолжала ли выпускаться в последующее время «Миссионерская хроника», — в следственном деле ее за 1922 год нет. Можно лишь предполагать, что «Хроника» по-прежнему выходила до драматических событий, которые развернулись в этом году.

Победив в гражданской войне, большевики не пожелали в мирное время уживаться со своими идейными противниками, которыми они считали верующих, а православных — более всего. 23 февраля 1922 было объявлено об изъятии церковных ценностей, якобы на нужды голодающих, и началось новое наступление на Церковь, о чем со всей откровенностью Ленин писал 19 марта в секретном письме членам Политбюро: «данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за

²⁶ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.2. Л.66; Т.1. Л.507.

собой необходимые для нас позиции на много десятилетий»²⁷. Широко запланированная провокация требовала, естественно, подавления любого возможного сопротивления, откуда бы оно ни исходило, и применения всех способов для максимального ослабления Православной Церкви.

26 апреля 1922 некий Сурожский опубликовал в «Известиях» первое предупреждение петроградским властям: «В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ. Духовенство обрабатывает этим путем молодежь...» Прошел еще месяц. Выполняя указание Москвы, местное ГПУ арестовало митрополита Вениамина. Тотчас в ГПУ поступил тревожный донос: «В связи с арестом Вениамина в Доме ученых — великое смятение /.../ В городе идет агитация против прогрессивной части духовенства /.../»²⁸. Через день после доноса Иннокентий, Гурий, Костецкая, Миллер очутились за решеткой, и следователь Шибов начал первые допросы. Когда пришли в лавру забирать Льва (Егорова), то выяснилось, что он куда-то «выбыл». Заподозрив укрывательство, чекисты задержали эконома — иеромонаха Илариона (Бельского).

Выявляя в ходе следствия новых причастных к братствам людей, ГПУ немедленно вызывало их к себе на допрос, после которого они чаще всего препровождались с Гороховой на Шпалерную. 16 июня арестовали иеромонаха Мануила, через десять дней схватили о.Льва. Всего по делу проходил 31 человек: монахов, священников, братчиков и простых мирян, в числе коих оказалась Варвара Панкратьевна Палевич, купеческая вдова, не имевшая к братствам никакого отношения, но организовавшая 5 июня 1922 шествие женщин числом около 200 человек к Дому предварительного заключения, где сидел митрополит Вениамин.

Следствия по делу митрополита и других, формально арестованных из-за «сопротивления» изъятию церковных ценностей, велись в петроградском ГПУ параллельно, и потому братчикам постоянно задавались вопросы об их отношении к изъятию и действиям прот. Александра Введенского, которого власти использовали для создания в Петрограде «церковной оппозиции» из модернистски настроенного духовенства и провокации раскола среди верующих. На вопрос об изъятии еп.Иннокентий отвечал: «С канонической точки зрения полагаю, что ценности, имеющие

²⁷ Цит. по: Регельсон Л. Указ. соч. С.281.

²⁸ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.1. Л.38, 33.

значение для верующих как святых, должны были бы, согласно канонической практике, реализованы благодатствованными представителями Церкви, т.е. духовенством». Поведение Введенского большинством допрошенных братчиков осуждалось более или менее резко. О.О. Костецкая, например, заявила на допросе: «/.../ относительно деятельности Введенского могу сказать, что нахожу его поведение неправильным в отношении его поездки в Москву без благословения на то митрополита»²⁸. В сохранившемся в деле доносе, посланном 11 июля самому Введенскому «одним из служащих лавры», утверждалось, будто «Ваше отлучение составлено Иннокентием Тихоновым и по его настоянию послано — вопреки мольбам епископов Алексия и Николая — к митрополиту — не делать этого, Иннокентий вернулся из Ладоги и всю ночь просидел у митрополита, составляя эту грамоту»²⁹. В этом анонимном доносе прямо говорится о влиянии на Вениамина «видных» братчиков и братчиц, которые перечислены пофамильно: Гурий, Лев, Парийский, Аксенов, Клавдия Савельевна Селюгина, Ольга Петровна Волкова, Антонина Васильевна Васильева, Глафира Мятилева, Елена Талицкая. Насколько сильно было это влияние и имелось ли оно вообще, судить трудно. Тем не менее чекисты обратили внимание на донос и вызвали к себе названных братчиц, но их допрос мало что дал.

Дело «о принадлежности к нелегально организованному братству» явно не получалось. 18 августа большинство арестованных освободили под подписку о невыезде, оставив в Доме предварительного заключения только Иннокентия, Гурия, Льва, Шкловского, Шабельского и Красильникова. Через шесть дней следователь ГПУ Лютер признал, что «нет материала для трибунала», и приказал провести следствие, которое продолжалось до конца года, но не закончилось желанным для начальства результатом — арестованных не рискнули вывести на суд.

Относительно епископа Ладожского Иннокентия, главного обвиняемого, составленное 13 сентября обвинительное заключение гласило: «/.../ организовал братство в лавре /.../ устраивал продолжительные беседы не только на религиозную тему, но и касался вопросов о государственной деятельности /.../ стал проповедовать под флагом религиозного возбуждения о деятелях прогрессивного духовенства, называя их большевистскими соглашателями /.../»³⁰. Как видно из этих слов, борьба Иннокентия с

²⁸ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.1. Л.38, 33.

²⁹ Там же. Т.2. Л.340.

³⁰ Там же. Отдельное дело без пагинации.

обновленцами очень сильно обеспокоила чекистов, мешая исполнению плана по расколу Православной Церкви. А потому, хотя никакого состава преступления у Иннокентия и его поделщиков обнаружить не удалось, постановлением ГПУ от 4 января 1923 он был осужден на два года ссылки в Архангельскую губернию. Туда же и на тот же срок отправлялись Гурий (Егоров), Шкловский и Красильников. Для Льва (Егорова), Шабельского и Палевич органы выбрали место потеплее — Оренбургскую губернию, где им предстояло пробыть до весны 1925³¹. Однако 23 февраля того же 1923 года постановление было пересмотрено и место заключения для некоторых осужденных изменено: Иннокентия и страдавшего туберкулезом Гурия направили в Туркестан, а в Архангельскую губернию вместо них выслали Шабельского. Палевич поехала в Карелию. Один из главных деятелей братского движения иером. Мануил, просидев три месяца за решеткой, был выпущен на свободу, хотя его храм на Спасской ул. власти 4 апреля 1923 все-таки закрыли. Мануилу предстояло осенью того же года стать епископом, повести борьбу с обновленцами и только после этого отправиться в соловецкий лагерь.

Относительную мягкость наказания братчиков нужно объяснять, по-видимому, стремлением властей не возбуждать еще раз православную интеллигенцию и простой народ, не оправившихся еще от недавнего расстрела своего духовного главы. На фоне жестокой расправы с митрополитом и окружавшими его «дело о братствах» не получило большого общественного отклика: осужденных по нему было немного и наказание относительно слабым.

Тем не менее, этими репрессивными и последующими административными мерами большевикам удалось покончить в Петрограде с легальной деятельностью приходских братств, которые, несомненно, были крепкой опорой и митрополита, и всего духовенства. Отныне братства могли существовать только полуподпольно, что они и делали. Появились новые виды объединений мирян — внеприходские братства, состоявшие из мирян-интеллигентов и молодежи и ставившие перед собой исключительно просветительные цели. ГПУ пришлось нанести еще несколько ударов, чтобы пресечь эту деятельность, казавшуюся властям оппозиционной, но только в 1932 им удалось с ней полностью и надолго покончить.

Всего четыре с половиной года работали приходские братства в Петрограде, а Совет общеправославного союза действовал и

³¹ Архив Управления Министерства безопасности РФ по СПб. Д.20682. Т.1. Л.575, 668.

того меньше — полтора года. Однако в новых условиях братства помогли верующим сплотиться и не поддаться отчаянию и страху. Будучи традиционной формой противостояния натиску враждебных Православию сил, братства сразу возродились, едва эти силы, опираясь на власть, обрушились на Церковь. Хотя атеистам в конце концов удалось подавить братства, победа в конечном счете осталась за Православием, и уже в наши дни можно снова наблюдать расцвет братств и братского дела в России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ БРАТСТВА.

Ч. I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

§1. Братства устраиваются в целях:

1. Выполнения отдельных служений по христианскому просвещению и воспитанию.

2. Возрождения и развития приходской жизни.

3. Объединения людей, ревнующих о высших подвигах христианского благочестия.

§2. Каждый член братства должен иметь свое определенное, указанное руководителем дело в братстве, от исполнения которого он не имеет права уклоняться.

§3. Каждый член братства должен жить под руководством избранного им духовника.

Ч. II. О ЦЕРКОВНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ.

§4. Богослужение в братских храмах должно совершаться истово, неторопливо, по возможности с соблюдением церковного устава.

§5. В определенные сроки, не менее одного раза в месяц, в каждом братстве совершается братская литургия.

§6. Обязательно для каждого члена братства посещение воскресных и праздничных всенощных бдений и литургий, и местных братских богослужений, и участие в крестных ходах с братскими хоругвями.

§7. В каждом братстве, с разрешения епархиального епископа, учреждаются праздники в честь святого небесного покровителя братства и братских организаций и совершаются особые чинопоследования (молитвенные), как-то: обряд приема в братство, общая братская свеча и т.п.

Ч. III. О ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ БРАТСТВА.

Гл. I. Вступление в братство и переход из одного братства в другое.

§8. Каждый православный христианин, желающий вступить в братство, заявляет о сем руководителю братства и по обязательном ознакомлении

с уставом братства и исполнении тех условий вступления, кои выработаны для сего местным братством, принимается в число членов братства.

§9. Каждый имеет право состоять членом только одного из однородных по целям братств.

§10. Желаящий перейти из одного братства в другое одновременно с этим заявляет о причинах сего руководителю своего братства и без его письменного согласия не может быть принят в другое братство.

Гл. II. Отношение братства и его членов к церковной власти, приходу и мирянам.

§11. Братство как организация церковная и для обеспечения правильных отношений своих к приходам может возникать лишь с благословения епархиального епископа и должно находиться в каноническом ему подчинении.

§12. а) Организатором братства может быть каждый православный, но руководителем не должен быть мирянин без крайней к тому необходимости.

б) Братства образуются в приходах или самими приходскими учреждениями или независимо от них.

в) Братства, имеющие целью исполнение отдельных служений в приходе или возрождение и развитие приходской жизни (см. §1 сего устава, п.п.1, 2), могут быть организованы независимо от органов приходского управления лишь в тех случаях, когда приход не осуществляет обязательных для него по приходскому уставу задач.

§13. Взаимные отношения между братством и приходом должны покоиться на достойном уважении одного к другому и на соблюдении тех правил такта, без которых немислимо плодотворное служение православно-церковным задачам и целям.

§14. Все члены братства, достигшие соответствующего возраста, обязаны состоять членами какой-либо приходской общины.

§15. Отношение членов братства ко всем окружающим, как единомышленникам, так и инакомыслящим, должно быть приветливым, отзывчивым и расположенным к доброму мнению о братстве.

Гл. III. Совет братства и должностные лица.

§16. Управление всеми церковно-хозяйственными делами, учреждениями и различными организациями местного братства находится в непосредственном ведении местного братского совета, права которого определяются братским собранием.

§17. В совет братства входят: руководитель братства, заведующие отдельными отраслями деятельности братства, а также лица, избранные общим собранием братства.

§18. Совет братства собирается возможно чаще, в определенные им сроки, не реже одного раза в месяц.

§19. Заведующие организациями и функциями братства дают ежемесячные отчеты совету братства.

Гл. IV. Внешность членов братства.

§20. Каждый член братства должен соблюдать скромность в одежде и прическе.

§21. Сестры носят белый головной плат. Отступления от этого правила допускаются: 1) для всего братства по постановлению общего собрания братства и 2) для отдельных лиц — с разрешения руководителя, действующего в согласии с духовником.

§22. Плат имеет четырехугольную форму и носится по древнерусскому обычаю в роспуск.

§23. Плат носится в братских храмах во время богослужений, во время всех братских богослужений и торжественных собраний братства, а также и в крестных ходах, в коих братства принимают участия как организация. Прим.: ношение плата вне указанных выше случаев допускается с особого каждый раз благословения-разрешения руководителя братства.

§24. Желательно, чтобы сестры, принимая плат, смотрели на него как на одежду, имеющую для них религиозное значение и надевали его в первый раз с благословения священника и окропления плата святой водой.

Гл. V. Просветительно-миссионерская деятельность братства.

§25. Просветительно-миссионерская деятельность братства в отношении забот о взрослых выражается в организации занятий по Закону Божию, в изъяснительном чтении Свящ. Писания, в учреждении богословско-пастырских и миссионерских курсов, в организации лекций, диспутов и собеседований на религиозно-философские, церковно-общественные темы и миссионерские, в организации кружков молодежи с религиозными целями, паломничеств, экскурсий, в устройстве обще-религиозных библиотек со специальными миссионерскими отделами при них, в посещении больниц и мест заключения с раздачею религиозной литературы, ведении бесед на религиозные темы и с обслуживанием и удовлетворением духовных нужд больных и заключенных.

§26. Просветительная деятельность по религиозно-нравственному воспитанию и образованию детей и подростков имеет целью заложить в них религиозно-нравственные начала жизни, воспитание в них будущих деятельных братчиков, и выражается в организации для них преподавания Закона Божия, в устройстве особо для них богослужений, крестных ходов, паломничеств, а также в учреждении для них разумных развлечений, экскурсий и пр.

§27. Издательская деятельность братства выражается в издании местных братских хроник, в участии в издании хроники общебратского союза, журналов, листков, стенных церковных календарей, плакатов, объявлений и пр.

Гл. VI. Благотворительная деятельность братства.

§28. Благотворительная деятельность выражается: 1) в посещении больных, больниц, богоделен и тюрем и раздаче там денежных пособий, продовольствия и одежды для нуждающихся, в писании писем, в исполнении поручений безродных больных и т. д.

2) в учреждении особого фонда для оказания помощи нуждающимся членам братства в случае болезни, лишения места, заработка, трудоспособности, в случае вступления в брак, смерти близких и помощи семье умершего члена братства.

3) в оказании той же поддержки и помощи всем церковно-общественным деятелям в случае надобности.

Гл. VII. Общебратский союз.

§29. Общебратский совет: Совет общебратского союза является постоянным учреждением, имеющим целью: 1) служить объединяющим центром всех братств, 2) проводить в жизнь выработанные и принятые 1-й конференцией братств постановления и следить за их неуклонным исполнением во всех братствах, 3) служить в случае надобности посредником между братством и епархиальной властью, 4) разрешать всевозможные вопросы церковно-братской практики, 5) подготавливать материал для представителей братских съездов, конференций, 6) созывать ежегодно эти съезды, 7) в целях большей осведомленности всех братств издавать вестник (хронику) общебратского союза.

§30. В Совет общебратского союза от каждого братства входят руководители братств, заведующие отдельными организациями союза, а также по два от каждого братства из числа членов местных братских советов, выбираемых братским советом сроком на полгода.

§31. Сроки, место собрания общебратского Совета намечаются руководителями братства в зависимости от срочности и количества подлежащих их разрешению дел.

§32. В целях более тесного и постоянного единения всех братств, с благословения епархиального епископа, устраиваются и учреждаются: 1) общебратские моления (особенно ночные с ранней литургией). 2) особый общебратский годовой праздник, который совершается в ближайший воскресный день к зимнему (23 ноября) дню памяти св. Александра Невского, 3) командировки членов братства из одного братства в другое (по мере надобности) для участия в богословских дискуссиях, для ведения бесед, лекций и т.п., 4) издание общебратского вестника (хроники) и 5) единый фонд общебратской взаимопомощи.

§33. Устав братства прочитывается раз в месяц на братском собрании всем в напоминание и назидание.

ИОСИФЛЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОППОЗИЦИЯ В СССР (1927-1943)

Публикация М.В. Шкаровского

В 1920-е по мере усиления тоталитарных тенденций и свертывания других возможностей легальной оппозиционной деятельности, часть православного духовенства неизбежно становилась одним из важнейших очагов свободомыслия, оппозиции политическому режиму в СССР. Вплоть до 1927 попытки гражданских властей подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать придатком государственного аппарата (обновленческий, григорианский расколы и т.п.) в целом заканчивались неудачей. Рубежом в этом плане явилась «легализация» Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском), потребовавшая значительных уступок власти. «Декларация 1927 г.», означавшая переход с позиций аполитичности на позицию внутренней духовной солидарности с властями, перемещения епископов по политическим мотивам и ряд подобных актов создавали новую форму взаимоотношений Патриаршей Церкви с государством. Именно с этого времени начал утверждаться почти полный контроль последнего над внутрицерковной жизнью.

Такие далеко ведущие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами. Попытка части православного духовенства, хотя и обреченная на поражение, спасти Церковь от внедрения в нее чужеродных государственных начал, от внутренней эрозии — вызывает сейчас особый интерес. Возникшее в 1927 движение «непоминающих» (гражданские власти и митр. Сергия) было достаточно широко распространено по стране. Всего насчитывалось около 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и ВПСС. Однако большинство из них не было связано между собой. Центральное место занимала наиболее сильная и сплоченная «иосифлянская» группа, получившая свое название по имени руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых).

В научной литературе можно встретить утверждение, что именно «Декларация 1927 г.» послужила одной из основных причин массового недовольства духовенства и верующих. Однако в действительности она существенно не отличалась от аналогичных посланий Патриарха Тихона 1923-1925. Составленная на высочайшем уровне церковной дипломатии — выглядела сверхлюющей, но фактически не несла ничего принципиально нового. Если бы уступки властям ограничились изданием «Декларации», никаких «расколов», возможно, не случилось бы. Хотя следует отметить, что определенное несогласие с текстом этого документа возникло сразу же после его опубликования. Проявилось оно и в одной из важнейших епархий страны — Ленинградской. В середине августа Мособлюститель клириков «северной столицы» отправили высланному в 1926 в Моденский монастырь Новгородской губернии митр. Иосифу послание о своем неодобрении принципов «Декларации».

Вероятно, по настоянию ОГПУ, 13 сентября Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Синод приняли постановление о переводе Ленинградского Владыки на Одесскую кафедру. Однако 28 сентября митр. Иосиф написал о своем отказе подчиниться указу как неканоничному, принятому под влиянием посторонних факторов и поэтому пагубно сказывающемуся на церковной организации. 3 октября временный управляющий епархией еп. Петергофский Николай (Ярушевич) доложил Синоду о волнениях в городе в связи с переводом Владыки Иосифа. Вскоре, ввиду серьезности положения, митр. Сергей взял на себя управление епархией. В Ленинграде, как и во многих других местах, основной причиной недовольства стало то, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство государства в самое, может быть, важное тогда — кадровую политику (за несколько месяцев оказалось перемещено около 40 архиереев).

Ситуацию в Ленинграде очень обострил указ митр. Сергея от 21 октября о поминовении во всех храмах за богослужением предрержавшей власти и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Теперь уже не только сторонники митр. Иосифа, но и ряд других епископов стали выражать свое несогласие. Следует отметить, что государственные органы первоначально в этом конфликте занимали двойственную позицию. С одной стороны, после достижения соглашения с митр. Сергием возглавленной им Церкви были предоставлены некоторые отсутствовавшие ранее права. Но с другой, власти устраивал новый раскол, значительно ослаблявший Патриаршую Церковь. В середине ноября, в связи с амнистией по случаю десятилетия Октябрьской революции, было освобождено большое число ленинградских священнослужителей, несомненно, укрепивших оппозицию митр. Сергию. Последний собирался посетить Ленинград, и даже был назначен день его приезда¹. Однако власти воспрепятствовали этому, хотя вступление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в управление епархией, вероятно, притупило бы конфликт. Власти явно недооценили масштабы возможного сопротивления «просоветской» церковной политике.

¹ ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.3. Д.321. Л.156.

В конце 1927 конфликт продолжал обостряться. В ноябре в Ленинграде появились приходы, не поминающие имя митр. Сергия за богослужением. Волна недовольства захватила и низшее духовенство. «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия». В его политике «они видели прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством»². Патриарший Синод совершил серьезную тактическую ошибку, слишком поспешно проводя новую церковную политику, без учета подготовленности к ней верующих.

Желая предотвратить надвигавшееся разделение, группа священнослужителей и мирян Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергия и, если возможно, заставить изменить намеренный им курс. Их основные требования были изложены в специальном обращении, написанном в начале декабря проф. прот. В.Верюжским (см. док. №1). Еще до получения ответа значительная часть высшего и низшего духовенства, а также мирян города направила своих представителей к митр. Сергию. 12 декабря они передали ему 3 соответствующих послания, одно из которых подписали 6 из 8 ленинградских архиереев. Однако переговоры закончились безрезультатно. Делегация вернулась с чувством глубокого разочарования и твердым намерением порвать молитвенное общение с митр. Сергием.

26 декабря еп. Гдовский Димитрий (Любимов) и еп. Нарвский Сергей (Дружинин), взяв на себя инициативу руководства, подписали акт отхода³. Он был зачитан в кафедральном соборе Воскресения Христова, ставшем центром иосифлянского движения в Ленинграде. В дальнейшем еп. Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним. В ответ Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов и их сторонников. Разрыв стал фактом.

Одно время казалось, что от митр. Сергия отпадет большинство приходов «северной столицы». К тому же верность ему сохранили лишь 2 епископа. Четверо архиереев: арх. Гавриил (Воеводин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Григорий (Лебедев), еп. Стефан (Бех), не присоединяясь открыто к иосифлянам, отрицательно относились ко многим актам Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В тех храмах, где они служили, поминали за богослужением только митр. Петра, а имя митр. Сергия опускали.

Антисергианское движение не ограничилось Ленинградом. 6 февраля 1928 объявила о своем самоуправлении Ярославская епархия в лице митр. Агафангела и трех его викариев, этот документ подписал и проживавший с октября 1927 в Ростове митр. Иосиф. 2 марта он написал послание к ленинградской пастве о том, что признает прежние распоряжения митр. Сергия не имеющими силы, требует канонически правильного решения судом епископов вопроса о переводе из Ленинграда и до этого суда, не

² Иоанн (Снычев), митр. Расколы // Христианское чтение. 1991. №6. С.19.

³ Там же. С.27.

считая себя вправе предоставлять паству «произволу» «церковных администраторов», поручает временное управление епархией еп. Димитрию и просит еп. Григория в качестве его заместителя продолжать управление Александро-Невской лаврой⁴. Митр. Иосиф попытался объединить «Ярославскую Церковную область» с ленинградскими иосифлянами, но Ярославская группа решила управлять самостоятельно без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями. А 16 мая 1928 митр. Агафангел и его викарии в основном примирились с митр. Сергием.

Но иосифлянам все же удалось распространить свое влияние за пределы Ленинградской области — в Воронежскую, Новгородскую, Тверскую, Вологодскую, Псковскую епархии. В г. Серпухове Московской епархии почти половина (8 церквей) присоединились к еп. Димитрию (Любимову). В феврале 1928 сюда был назначен иосифлянского поставления еп. Максим (Жижиленко). 3 храма находилось в разделении в Москве (см. док. №2). Отдельные церкви присоединились к ним на Кубани и на Урале. Небольшие иосифлянские общины были образованы в Киеве, Харькове и Красноярске. Параллельно с ленинградским возникло самостоятельное разделение во главе с тремя епископами в ряде уездов Вятской епархии (так называемый «викторианский раскол»). В целом же волна отхода от митр. Сергия охватила сравнительно небольшую территорию. Подавляющая часть православного духовенства и верующих последовала за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя — более чем две трети (в 1928 8-9% приходов отпали в автокефалию — иосифлянство и т.п., около 5% подчинялось григорианскому Церковному Совету и около 16% — обновленческому Синоду)⁵.

Подобное положение существовало и в Ленинградской епархии. Хотя движение «непомянувших» в ней было значительно шире, открыто присоединилось к иосифлянам, по уточненным архивным данным, 45 приходов, в том числе 15 в Ленинграде (из более чем 100). Еп. Димитрию не удалось склонить на свою сторону даже основную часть причта и прихожан его родного храма — Покровской Церкви в Коломне. Видные церковные деятели, служившие в ней, — протоиереи В.А. Акимов и Н.В. Чекурин — поддержали еп. Петергофского Николая. 5 января общее собрание прихожан, рассмотрев заявление еп. Димитрия и еще 2 священников об оставлении ими службы в храме, решило просить их отложить свои намерения и «быть в единении со всею Православной Церковью»⁶. Однако их просьба не подействовала, и в заявлении двадцатки в районный стол регистрации от 20 января уже говорилось, что из ее состава за еп. Димитрием последовало 6 членов и «с этого момента они перестали быть нашими единоверцами и членами одного с нами исповедания»⁷.

На ситуации в Ленинграде сказались многообразные меры увещания и прещения митр. Сергия, например, оглашенное в воскресное богослужение

⁴ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. Париж, 1977. С.270, 455.

⁵ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола в русской православной церкви. Казань, 1970. С.335.

⁶ ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.321. Л.90.

⁷ Там же. Л.100-101.

жение почти во всех храмах города его послание от 30 января 1928 «К архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Ленинградской епархии». Важным фактором стали активные действия специально присланных в Ленинград сторонников митр. Сергия авторитетных архиереев — назначенного митрополитом Серафима (Чичагова) и еп. Серпуховского Мануила (Лемешевского). Свое воздействие, конечно, оказала и резко враждебная по отношению к «раскольникам» позиция государственных органов.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рамки. Не без оснований некоторые исследователи считают, что «ядро идеологии иосифлянского раскола — отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка»⁸. Это не совсем так, однако в трагические годы «великого перелома» движение имело немалую оппозиционную властям социальную базу. Очевидцы вспоминали: «В церкви Воскресения на крови тогда было очень много народу... Сюда хлынула масса раскулаченных... Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем»⁹. Не случайно одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 августа 1918 о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Наиболее активных участников движения из среды мирян можно условно разделить на три категории: представители ученой интеллигенции, которые по своему религиозным взглядам не могли идти на сделку с совестью; фанатично верующие люди — «блаженные», «юродивые», «странники», «провидцы» и т.п.; представители социальных слоев, недовольных новым строем, — именно они придавали движению политическую окраску. В иосифлянском же духовенстве имелось особенно много людей идейных, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество. Не зря еп. Мануил (Лемешевский) в своей проповеди 29 апреля 1928 в Ленинградском Троицком соборе выражал свою скорбь по поводу их отделения: «Отпали, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»¹⁰.

Неоднородность состава иосифлян определяла и различие их взглядов. Большинство смотрело на митр. Сергия как на иерарха, превьсившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные

⁸ Цит. по: Иоанн (Снычев), архимандрит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — «Григорианский», «Ярославский», «Иосифлянский», «Викторианский» и другие. Их особенности и история. Куйбышев, 1966. Рукопись. С.5.

⁹ Мещерский Н.А. На старости я сызнава живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С.10.

¹⁰ Иоанн (Снычев), архимандрит. Церковные расколы... Указ. изд. С.238.

действия, а часть видела в нем настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель. Последние говорили: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть»¹¹.

Уже давно в советской научной литературе утвердилась традиция называть иосифлян раскольниками. Священнослужители Московской Патриархии продолжают считать так до сих пор. Эта традиция восходит к указу митр. Сергия и Синода от 6 августа 1929, фактически приравнявшего иосифлян к обновленцам и григорианам: «Таинства, совершенные в отделении от единства церковного /.../ последователями быв. Ленинградского митр. Иосифа (Петровых), быв. Гдовского епископа Димитрия (Любимова), быв. Уразовского епископа Алексия (Буй), как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания»¹². Сами же иосифляне себя раскольниками никогда не считали. Так, митр. Иосиф в своем письме к архим. Льву (Егорову) в феврале 1928 указывал: «/.../ не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть осуждения»¹³.

И фактически иосифляне действительно раскольниками не были. Они не претендовали, подобно обновленцам и григорианам, на создание нового центра церковной власти. Митр. Иосифу, еп. Димитрию и в голову не приходило устанавливать самостоятельную параллельную Церковь, тем более Катакомбную, существовавшую бы вне связи со Вселенским Православием. Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата, и в конечном счете завоевание Высшего Церковного Управления в существующей Патриаршей Церкви. Именно поэтому ленинградские епископы вышли из области своих полномочий — обращались с архиерейскими посланиями в различные города с целью склонить на свою сторону духовенство и мирян, рукополагали священников и даже поставили своего еп. Максима (Жижиленко) для других епархий. Желая заручиться поддержкой со стороны «соловецкого» епископата, еп. Димитрий тайно посылал в Соловецкий лагерь особого назначения своего послушника. Но

¹¹ Иоанн (Снычев), митр. Расколы. Указ. изд. С.35.

¹² Регельсон Л. Указ. соч. С.168-169.

¹³ Иоанн (Снычев), митр. Расколы. Указ. изд. С.36.

в беседе с ним епископы заявили, что они осуждают действия ленинградцев. В феврале 1928 митр. Иосиф направлял к еп. Мануилу (Лемешевскому), только что освобожденному из Соловецкого лагеря, иеромонаха с предложением возглавить порвавших молитвенное общение с митр. Сергием в Москве и на юге России и в случае согласия приехать к нему для возведения в сан митрополита. Однако еп. Мануил как представитель большинства «соловецкого» епископата, поклявшегося не отделяться от митр. Сергия, отказался. Иосифляне были обречены еще и потому, что в тех условиях возглавить Русскую Православную Церковь у них шансов не было.

Основная часть из 40 архиереев движения «непоминающих» не примкнула ни к одному из появившихся «расколов» и, не порывая молитвенного общения, старалась обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни. Эти архиереи, уходя от митр. Сергия, в сущности уходили за штат, в архивах сохранилось мало сведений, чтобы они рукополагали других священников или епископов.

Пик влияния иосифлян пришелся на начало 1928. Большим ударом для них была высылка ОГПУ митр. Иосифа в феврале из Ростова снова в Моденский монастырь. В апреле 1928 Владыка писал Е.А. Тучкову, прося снять возводимые на него обвинения и разрешить въезд в Ленинград, но ему отказали. После этого митр. Иосиф к властям уже ни за чем не обращался. В 1929 он был арестован и сослан в Казахстан. Прожил в ссылке несколько лет недалеко от Аральского моря, затем 22 сентября 1937 — новый арест и наконец расстрел 20 декабря 1937. До конца жизни митр. Иосиф остался при своих убеждениях. У сменившего его на посту руководителя иосифлянского движения еп. Димитрия не хватало архиерейского авторитета для такого большого дела.

Неверным является широко распространенное утверждение, что движение постепенно угасло само. Несомненно, главной причиной его гибели стали широкомасштабные репрессии органов ОГПУ. Документы ЦГА Санкт-Петербурга свидетельствуют, что из 15 иосифлянских храмов Ленинграда лишь 4 перешли затем под управление митр. Сергия, 11 же были закрыты властями. Да и «изменившие» в основном сделали это вынужденно под угрозой ликвидации. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянам осенью 1928. А нижний храм церкви Воскресения Христова (Малоколоменский) в Ленинграде стал иосифлянским 31 октября 1929, хотя настоятелем церкви был такой авторитетный «сергианец» как прот. М.П. Чельцов¹⁴ (новомученик, четыре раза арестовывавшийся, приговоривавшийся к расстрелу еще в 1922 и расстрелянный по постановлению Тройки ПП ОГПУ от 2 января 1931¹⁵). Иосифлянская община храма отнюдь не угасала, несмотря на репрессии (в декабре 1930 был арестован диакон, в июне 1931 — регент хора). Ее доходы быстро росли — с 13 тыс. рублей в 1930 до 26 тыс. за январь — октябрь 1931. Но в марте 1932 церковь была закрыта и снесена.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф.4914. Оп.3. Д.2. Л.50.

¹⁵ Архив Управления Министерства безопасности РФ по городу Санкт-Петербургу и области. Д.П-28774, П-42182, П-66675.

Постепенно гонения на иосифлян нарастали. Большая группа их была арестована в ноябре-декабре 1929, в том числе еп. Димитрий и настоятель собора Воскресения Христова прот. В.Верюжский (см. док. №3, 4). А 18 ноября 1930 власти закрыли и сам собор, передав его Обществу политкаторжан. Однако в 1930 «автокефалия» иосифлян не распалась, как считают почти все исследователи. Хотя в 1931-1932 в Ленинграде и в пригородах сохранялись лишь 6 их официально незакрытых церквей, общественная деятельность сторонников митр. Иосифа не прекратилась, а ее антиправительственная окраска даже усилилась¹⁶. Роль центрального храма перешла к церкви св. Моисея на Пороховых (см. док. №5, 6).

В условиях режима 1930-х иосифлянское движение являлось уникальной, возможно, единственной формой полуполюгальной оппозиционной организации в стране. Его участники старались удержаться именно в рамках легальности — подавляющая часть иосифлянского духовенства все же проходила обязательную для священнослужителей регистрацию у районных инспекторств по делам культов, приходские общины избирали двадцатки, которые заключали договоры на пользование храмами, и т.п. Однако подобная тактика принесла лишь временные результаты.

Считается, что в 1933 с легальной деятельностью «непоминающих» было покончено. Действительно, в этом году в Москве оказался закрыт их последний храм. Аналогичные попытки предпринимались и в Ленинграде. Еще в 1932 была уничтожена одна из основных опор иосифлян — монашество. В одну ночь 18 февраля в ленинградских тюрьмах исчезли практически все оставшиеся на свободе иноки, а также связанные с монастырями представители приходского духовенства и мирян — около 500 человек¹⁷. 21 ноября Президиум Ленсовета вынес решение закрыть 3 из 4 действующих иосифлянских церкви города, в т.ч. Моисеевскую. Прихожане последней пытались сопротивляться, подали жалобу во ВЦИК, но 25 января 1933 храм закрыли. А 16 марта при проведении паспортизации населения совещание районных инспекторов по вопросам культов по указанию ОГПУ постановило «не выдавать паспорта служителям культа иосифлянского вероисповедания»¹⁸, что означало автоматическое выселение последних из Ленинграда.

И все же окончательно запретить деятельность иосифлян не удалось. Слишком массовой поддержкой они обладали в «северной столице». Власти, видя, что в других регионах наиболее стойкая часть сторонников митр. Иосифа после исчезновения легальных возможностей деятельности переходила на катакомбный путь, видимо, опасались повторения этого в значительно больших масштабах в Ленинграде. Все 1930-е в городе функционировал маленький деревянный иосифлянский храм св. Троицы на окраине — в Лесном.

Судьба его много раз висела на волоске. Но прихожане, которые переполняли храм, сумели отстоять его. Эта церковь сохраняла роль цент-

¹⁶ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.48. Д.77. Л.3, 7.

¹⁷ Краснов-Левитин А. Лихие годы. 1925-1941: Воспоминания. Париж, 1977. С.222; Мещерский Н.А. Указ. соч. С.102-106.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.2. Д.20. Л.5.

ра притяжения и для политических противников режима. В многочисленных доносах тех лет говорится о пребывании в храме «высланных попов», «лишенок монашек», «беспаспортных темных личностей» и т.д.¹⁹ (см. док. №7). Постепенно сокращалась численность членов его клира, насчитывавшего осенью 1933 5 человек. После страшного 1937 в храме остался лишь один священнослужитель — настоятель иеромонах Павел (Лигор)...

Исчезновение последнего иосифлянского храма произошло уже в другой исторической обстановке — во время Великой Отечественной войны. Патриотический подъем и сплочение верующих в критической обстановке блокадного Ленинграда коренным образом изменили ситуацию. 24 ноября 1943 прихожане Троицкой церкви обратились с ходатайством к Ленинградскому митрополиту Алексию (Симанскому) о переходе их под его архипастырское покровительство. В тот же день митр. Алексей (будущий Патриарх) наложил резолюцию о принятии общины храма в каноническое общение с Патриаршей Церковью (док. №8). При этом иеромонах Павел был лишен сана и монашества.

Во второй половине 1930-х существовали тайные иосифлянские общины в ряде регионов страны — Москве, Казахстане и т.д., но почти все они не пережили Великой Отечественной войны. Существующая ныне в России так называемая Катакомбная Церковь, получившая в последние годы возможность легализовать свою деятельность, происходит в основном от других уцелевших групп «непоминающих».

В работе в основном использованы материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга: фонды Ленинградского Совета (Ф.1000) и Ленгорисполкома (Ф.7384). Публикуются также архивные справки Управления Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области, документы из частных архивов видных церковных деятелей: М.А. Новоселова и митр. Мануила (Лемешевского). Последний цитировался ранее в исторических трудах митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), однако автору показалось необходимым использовать его для иллюстрации требований идеологов иосифлянского движения. Тексты публикуемых материалов приводятся, как правило, полностью, в отдельных оговоренных случаях — в выдержках. Заголовки документов даны публикатором. Купюры заключены в косые скобки, раскрытые сокращения и смысловые конъектуры — в квадратных.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.114. Л.98, 129.

Из обращения протоиерея Василия Верюжского
к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергию
от имени части ленинградского духовенства и мирян.

[Начало декабря 1927]

1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству в той форме, какую Вы найдете более подходящей, но которая сделала бы ясным для верующих таковой Ваш отказ.

2. Отказаться от перемещений и назначений епископов, помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых или назначенных епископов, ибо таковые перемещения и назначения являются ударом по Церкви, нанесенным Вашею рукою.

3. Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, состоящего лично при Вас и полномочия которого прекращаются с прекращением Ваших полномочий. Вследствие этого все распоряжения и постановления, исходящие от Высшего Церковного Управления, должны объявляться только от Вашего имени, но не от имени Синода, хотя бы они предварительно и рассматривались в нем.

4. Пересмотреть состав Временного Патриаршего Синода и удалить из него пререкаемых лиц, в особенности митр. Серафима Тверского (Александрова) и архиеп. Алексия (Симанского), которые являются совершенно неприемлемыми для православных верующих.

5. При организации Епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917-18 гг. и особенно авторитет епископата, который так блестяще оправдал себя в тяжелое время борьбы с обновленчеством.

6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа, так как только этой мерой может быть установлен церковный мир в епархии.

7. Во избежание излишних разговоров и волнений впредь до назначения постоянного митрополита отменить возношение Вашего имени во время богослужения.

8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о страдальцах за церковь Христову и возношении молений за гражданскую власть, так как таковое распоряжение при современных условиях государственной и общественной жизни

является не чем иным, как издевательством над религиозным сознанием верующих.

9. Мы убеждены, что только такими мерами возможно успокоить взволнованное Вашей декларацией церковное общество и тем предотвратить неизбежный в противном случае раскол в Церкви. Поэтому мы призываем Вас, Владыко, вспомнить Святейшего Патриарха Тихона, который не стеснялся никакими обстоятельствами в отношении отмены своих распоряжений, когда он убеждался, что они не находят себе поддержки в церковном сознании верующих.

Архив митр. Мануила (Лемешевского). №26. Копия.
Иоанн (Снычев), митр. Расколы. Указ. изд.

2

Письмо епископа Гдовского Димитрия (Любимова)
московским священнослужителям иосифлянам.

29 ноября 1928 г.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца да будет с Вами, возлюбленные о Господе о.Александр Сидоров, о.Сергий Голощанов, о.Никодим и все священнослужители церковью Крестовоздвиженской, Грузинской Б.М. и Николо б. Крест, — да поможет вам Господь пребывать в мире, единомыслии и единодушии в твердом исповедании чистот и истин православной веры, с любовью во всем помогая друг другу. Не смущайтесь никакими прещениями, которые готовят вам отступники от веры Христовой. Никакое запрещение или извержение вас из сана м.Сергием, его синодом или епископами для вас недействительно. Доколе останется хоть один твердо православный епископ имеете общение с таковым. Если же Господь допустит и Вы останетесь одни без епископата, — да будет Дух истины, Дух святой со всеми вами, который научит вас решать все вопросы, могущие встретиться на нашем пути в духе истинного православия. Где бы я ни был, моя любовь и мое благословение будет с вами и с вашей паствой.

Димитрий, еп. Гдовский.

Второй архив М.А. Новоселова, 4 папка. Копия.

Из архивной справки Управления Министерства безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и области №10/16-6373/4 от 19 июня 1992 г.

Епископ Любимов Дмитрий Гаврилович /.../ арестован 29 ноября 1929 года ПП ОГПУ в ЛВО по обвинению в том, что «состоял фактическим руководителем церковной группы "Защита истинного православия", совместно с руководящим ядром этой группы вел контрреволюционную агитацию, направленную к подрыву и свержению Советской власти. Принимал духовенство и руководил этой группой в СССР», т.е. в пр. пр. ст.58-10 УК РСФСР.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1930 года определено содержание в концлагере сроком на 10 лет. Срок отбывал в Соловецком лагере особого назначения.

Архивное следственное дело № П-78806.

Из архивной справки Управления Министерства безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и области №10/16-6373/5 от 19 июня 1992 г.

Верюжский Василий Максимович, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель Храма «Воскресения на Крови» /.../ арестован 3 декабря 1929 года ПП ОГПУ в ЛВО по обвинению в том, что «состоял в группе "Защиты истинного православия", распространял контрреволюционную литературу, направленную на подрыв и свержение Советской власти. Принимал приезжающее из различных мест СССР духовенство, исповедовал и давал инструкции по борьбе с Советской властью», т.е. в пр. пр. ст.58-10, 11 УК РСФСР.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1930 года определено содержание в концлагере сроком на 10 лет. Срок отбывал в лагере Сан-Городок близ Лодейного Поля Ленинградской области. Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.04.1932 года ИТП заменен ссылкой на оставшийся срок. Ссылку отбывал в г.Архангельске до августа 1936 года, а затем в г.Каргополь Архангельской области. Освобожден 3 декабря 1939 года.

Архивное следственное дело № П-78806.

Докладная записка инспектора по делам культа
Выборгского района А.В. Татаринцевой
в сектор административного надзора Ленсовета
по жалобе двадцатки церкви Св.Моисея.

20 декабря 1932 г.

1. В церкви Моисея сосредоточен приход последователей староцерковно-монархической ориентации «истинно-православная» церковь, возглавляемая изолированными органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность митрополитом Иосифом Петровых и заключенными в политизоляторы архиепископом Дмитрием Любимовым и т.п.

2. Приход церкви Моисея состоит из граждан, проживающих в пригородах (Детское Село, Стрельна, Вырица, Красное Село, Тайцы и т.д.), в центральной части Ленинграда и незначительной части на Пороховых.

3. У церковной ориентации «истинно-православных» церковников в Выборгском районе остается не закрытой еще Свято-Троицкая церковь в Лесном.

4. В церкви Моисея «истинно-православными» церковниками производятся сборы денег и продуктов в пользу репрессированного за контрреволюционную деятельность духовенства и монашества (митрополиту Иосифу и прот. Дмитрию и др.).

5. Церковь Моисея была и есть место, где устраиваются пострижения фанатически настроенных верующих в тайное монашество (ранее постригал епископ Василий Дохторов и в последнее время иеромонах Иванов и Анатолий Согласнов).

6. Церковь Моисея после ареста органами ОГПУ 4 ноября 1932 г. особенно активных элементов «истинно-православных» церковников стали обслуживать скрывающиеся от арестов иеромонах Аркадий и священник П.Петухов.

7. Никаких заполненных анкет духовенством 20-ка в Выборгский райсовет не приносила, поэтому в регистрации отказывать было некому и не отказывалось вообще. Указания в жалобе о том, что якобы мною было отказано в регистрации духовенства — ничто иное как скрытый социальный протест против якобы гонений советской властью на духовенство «истинно-православных» церковников.

8. В 1931 г. при проверке имущества оказалась недосдача последнего на 265 руб. В 1932 г. была кража, это значит, что в одном

случае «истинно-православные» церковники растащили имущество, а в другом — не желают охранять госимущество.

9. При проверке надписей на сборочных тарелках, несмотря на наши указания, какие должны быть надписи, до сих пор существуют наглым образом надписи: на налоги, на духовенство, на общую свечу и т.д.

10. Наглая ложь со стороны 20-ки о том, что им не было объявлено постановление Ленинградского облисполкома о закрытии церкви, на обратной стороне постановления есть соответствующая расписка председателя 20-ки Лебедева и кроме этого было объявлено некоторым членам 20-ки.

11. Никаких авторитетных комиссий от райсовета по осмотру здания культа не было, а потому отпадает вопрос о том, что церковь Моисея под использование признана негодной.

12. Если 20-ка указывает на закрытие Ильинского собора, так только потому, что Ильинский собор является обновленческой ориентацией.

13. С момента ареста служителей культа больше месяца в церкви ни одного богослужения не было, церковь стоит закрытой.

14. Считаю своим долгом сообщить еще следующее: 10 или 11 декабря — точно не помню — здание культа осматривалось двумя начальниками отделений ЛГМ и управделами Совета, через два дня снова поехал осматривать здание культа начальник 26 отделения ЛГМ Гарнец. Видимо это немало повлекло за собой указанную жалобу. Со своей стороны считаю такие выезды преждевременными, срывающими работу инспектора.

Инспектор — Татаринцева.

ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.50. Д.29. Л.20-21. Подлинник.

6

Черновые записи к докладной записке А.Татаринцевой*

[1932]

Церковь Моисея на Пороховых с 1927 г.** является филиалом Центрального храма Воскресения церковно-монархической ориентации «истинная православная церковь», возглавляемая ссыльным митрополитом Иосифом Петровых (в ссылке г.Чимкент),

* Записи, составленные неизвестным автором, использованные Татаринцевой при составлении докладной записки.

** Исправлено, было «1929 г.».

архиепископом Дмитрием Любимовым, епископами Сергием Дружин[иным] и Василием Дохторовым (в политизоляторе).

Возглавляли приход скрывающиеся от арестов священник Павел Кузьмич Петухов, иеромонах Аркадий, тайные монахи Василий Киселев и Федор Зудкин, осужденные протоиерей (быв. полковой священник старой армии) Василий Славцов и священник Михаил Власов, бежавший из ссылки протоиерей (быв. придворный) Сергей Демин.

В церкви производятся «службы» — беседы религиозно-нравоучительного характера — не только дьяконами, но и без духовенства, что воспрещается даже основой канонических правил Православной церкви.

В церкви производились не только нелегальные собрания под видом богослужений, но и устраивались постриги фанатически настроенных верующих в тайное монашество (в 1929/30 гг. епископом Василием Дохторовым и впоследствии архимандритом Никоном Катанским и иеромонахом Серафимом Ивановым).

Фактическим контингентом прихожан являются жители Центральной части г. Ленинграда, пригородов (Детское Село, Стрельна, Вырица, Тайцы, Красное Село и т.п.), а также жители Лен-области (Солецкий, Псковский и др. районы).

В церкви производились сборы денег и продуктов в пользу изолированного за контрреволюционную деятельность духовенства «истинно-православных» (протоиерей Дмитрий Кратиров, митрополит Иосиф Петровых и др.).

После ареста органами ОГПУ духовенства (4 октября 1932 г.) и последователей ИПЦ не было*. Никакой заполненной анкеты в Райсовет на священнослужителей представлено не было, и надо полагать, что скрывающееся от ареста духовенство «истинно-православных» (Павел Петухов, иеромонах Аркадий и др.) на регистрацию идти не хотят, т.к. они ее считают вообще недопустимой с канонической точки зрения. Это указание в жалобе является скрытой формой социально-политического протеста против якобы гонения на духовенство «истинно-православных» церковников.

ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.50. Д.29. Л.16-18. Подлинник.

* Предложение не окончено. По смыслу текста, скорее всего, отсутствует слово «служб».

Заявление инспектору по делам культов
Ленгорисполкома
от студента Н.Иванова

1934 г.

Т.Татаринцева. Мы, студенты, живущие поблизости [от] деревянной церкви в Лесном, Б.Спасская, 40. Там устроили прямо выразиться — ночлежный дом, особенно [в] эти дни. Все собравши попы, дьяконы высланные и конечно лишены монашки. Регент дьякон — тоже лишенец, недавно вернувшийся из ссылки — работает там как регент и промышляет по кладбищу. Живет [на] ст. Новинка, но все время где-то обретается здесь. Жалованье получает. Делает спевки почти каждый день. Все попы там и двадцатка — одна шайка. Мы думаем даже наверное сторож, живущий при церкви, посвятит вас в более обширные подробности.

Просим обратить ваше внимание, особенно [в] эти дни.

Уполномоченный Н.Иванов.

ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.114. Л.129-129об. Подлинник.

Заявление двадцатки и верующих Свято-Троицкой церкви
в Лесном Ленинградскому митрополиту Алексию
с просьбой принять церковь под свое покровительство.

24 ноября 1943 г.

Ваше Высокопреосвященство! Владыко Святейший!

Двадцатка и верующие Лесновской Свято-Троицкой церкви покорнейше просят Ваше Высокопреосвященство принять под свое архипастырское покровительство и духовно руководить нашу церковь.

Наша церковь длительное время принадлежала к «иосифлянской» ориентации, признавая Главой Церкви Высокопреосвященного митрополита Иосифа (Петровых).

Отделившись от Русской православной Церкви, руководимой Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Сергием, мы, последователи митрополита Иосифа, совершили вели-

кий грех перед Русской Церковью, нарушив ее единство, и одновременно не меньший грех совершили мы и перед Советской властью и Родиной, стремясь поставить себя в какое-то изолированное положение вне государства, не разделяя обращение Его Святейшества Патриарха Сергия, провозгласившего своими устами волю Всевышнего нашего Господа Бога, что: «Радости Советского Союза есть радости Церкви, а горе Советской власти есть наше горе». Забыли мы слова правды Св.Писания, что: «Нет власти, аще не от Бога», став на путь вражды к богоданной Советской власти, выражающей и защищающей интересы народные.

Прошедшие годы и особо годы Великой Отечественной войны, показали ненужность, несостоятельность существования «иосифлян», мы оказались «заблудшей овцой», оторванной от своего стада. Когда все паствы и пастыри других храмов творили горячие молитвы ко Господу нашему о даровании победы воинству нашему над ненавистниками всего рода человеческого — фашистскими грабителями, напавшими и разоряющими Родину нашу, когда все молились за здравие доблестных воинов наших и делали посильные денежные взносы в фонд Красного Креста и на нужды обороны Родины нашей, — мы, иосифляне, были в стороне и горько теперь сознавать нам это.

Велики грехи наши, Владыко Святейший, перед Родиной и Церковью каемся и осуждаем свое поведение и просим Господа Бога нашего, да пусть Он внемлет молитвам нашим, простит грехи наши и выведет нас на путь истинный, на путь праведный.

В нашем храме вот уже несколько лет как нет и не совершается Архиерейского и торжественного богослужения, которого мы лишены, которое нам хотелось бы слышать. Мы не имеем в данное время епископа, хотя местный наш священник о.Павел Лигор и поминает в своих молитвах на церковных службах «Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Петра и Высокопреосвященнейшего митрополита Иосифа», но нам, верующим, думается, что мы находимся без духовного Высшего руководства и по сие время.

Желая положить конец разногласиям в нашей церкви, вместе со всеми верующими помогать молитвой, делом и словом нашей доблестной Красной Армии громить врагов Родины нашей, мы, верующие и двадцатка Свято-Троицкой церкви в Лесном, выражаем свое желание порвать окончательно и бесповоротно с иосифлянской ориентацией и объединиться под единое Высшее Духов-

ное Управление Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Сергия, дабы по слову Св.Писания было: «едино стадо и един Пастырь».

Следует 32 подписи.

Резолюция Митрополита Алексия Ленинградского.

24 ноября 1943 г.

Во внимание к просьбе церковной общины при Свято-Троицком храме, что в Лесном, о принятии ее в церковном общении, при чем эта община в лице подписавших из ее членов сознает свой грех отпадения от единства св. Православной Церкви, уклонением в раскол иосифлянства и кается в этом грехе, — принять ее, церковную общину при Свято-Троицком храме, в каноническое общение со Святой Православной Церковью. Поручается настоятелю Кн.-Владимирского собора Протоиерею Павлу Тарасову совершить чин присоединения указанной общины, принять храм со всем его церковным имуществом и передать его вновь назначенному к этому храму священнику; получить от меня св.Антилигмоны для обеих престолов, совершить в храме малым чином его освящение и Божественную литургию в ближайший воскресный день и о последующем донести мне.

С подлинным верно

Секретарь Митрополита Ленинградского и Новгородского
подпись

ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.126. Л.214-215. Копия.

Архим. Варлаам (Сацердотский)
ПИСЬМА ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ К ДУХОВНЫМ ДЕТЯМ

Публикация А.Воронцова

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф.5, 11). Эти слова Спасителя невольно приходят на ум, когда читаешь письма, написанные в тюрьме и лагере одним из петербургских новомучеников — архимандритом Варлаамом Сацердотским (1896-1937), чье имя было до сих пор известно лишь небольшому кругу его духовных детей, оставшихся в живых после репрессий и блокады. В тяжелые годы они сумели сохранить эти письма, которые, естественно, не предназначались для широкого распространения, а читались только среди тех, кому о.Варлаам доверял и кого духовно опекал. В свое время точно так же не для публикации писали своим духовным чадам свв. оптинские старцы, свт. Феофан Затворник, св. Иоанн Кронштадтский и другие подвижники благочестия. Однако пришло время, когда написанные ими частные письма вышли в свет, поучая, наставляя и утешая многих людей, подвижникам совершенно незнакомых. «Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.5, 15). Написанное святыми и мучениками за веру и есть такая свеча, подающая свой свет всем духовно жаждущим и ищущим.

Жизнь о.Варлаама в годы гонений на веру и Православную Церковь не могла быть долгой и окончиться мирной кончиной. Он перестал писать из лагеря осенью 1937. Запросившим о его судьбе близким во время «оттепели» сообщили, что заключенный умер 5 мая 1941. Однако известно, что подобного рода «справки» высылались с одной-единственной целью — скрыть массовые расстрелы, с помощью которых «очищались» в конце 1937 северные лагеря. Можно предположить, что о.Варлаам был расстрелян именно тогда. Он прожил на свете всего 41 год, т.е. был уничтожен в пору расцвета своего дара как пастыря и духовного наставника.

Родился Василий Михайлович Сацердотский 30 декабря 1896 в семье потомственных священников Новгородской епархии в Волхове, где провел детские годы. Учился он в семинарии, которая находилась в Новго-

роде, в Антониевом монастыре, и по окончании ее был направлен в Московскую Духовную академию, но пробыл в ней только три года вместо четырех. С февраля 1917 по 1921 Сацердотский жил в деревне Треповка Саратовской губернии, хоронясь, очевидно, от революционной смуты, а затем переехал в Петроград, где начал посещать Крестовую церковь Александро-Невской лавры, одновременно занимаясь в Богословском институте и активно работая в лаврском братстве.

В этой церкви 17 февраля 1922, в четверг первой недели Великого поста, Василий был пострижен в монахи самим митрополитом Вениамином, а через два дня им же рукоположен в иеродиаконы. Посвятить в священники молодого иеродиакона митрополит не успел — его арестовали, предьявив обвинение в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В иеромонахи рукополагал Василия vikарный епископ Венедикт (Плотников) за литургией в Греческой церкви вмч. Димитрия Солунского, что некогда стояла на месте нынешнего зала «Октябрьский».

После ареста 1 июня 1922 руководителей лаврского братства: еп. Иннокентия (Тихонова), архим. Гурия (Егорова) и иером. Льва (Егорова) молодому иеромонаху, получившему в постриге имя Варлаама, пришлось самому окормлять это самое влиятельное в городе братство, конечной целью которого, по словам Сацердотского, было «духовное самоусовершенствование путем полной преданности Церкви». Поскольку часть монахов лавры стала обновленцами, то паства о. Варлаама вынуждена была кочевать из храма в храм — из Никольской церкви Спасского братства в единоверческую на Волковом кладбище, обосновавшись наконец в Троицкой на Творожковском подворье, где часть прежнего братства существовала под видом хора.

Братство вело тайные занятия Законом Божиим с детьми и заботилось о религиозном воспитании молодежи, главным образом при помощи бесед, которые вел на квартирах о. Варлаам. «Наиболее религиозно настроенные члены братства организовали монашеские общезития, целью которых было подготовить себя и жить иноческою жизнью, оставаясь в миру». По благословению арестованного архим. Гурия такая община была создана в 1922 Ольгой Осиповной Костецкой и тремя подругами на Конной ул., 8, близ Старо-Невского пр. Состав общины со временем изменялся: одни сестры уходили в монастырь, на их место приходили новые. Число сестер никогда не превышало 10-12 человек.

Руководимые о. Варлаамом, они придерживались в своей жизни монашеского устава, который в данном случае предусматривал «общность имущества, общую кассу, общий стол, общую молитву, обязательное посещение церкви, обязательное воздержание от посещений кино и театров, воздержание от употребления мяса и спиртных напитков, строгое соблюдение постов, воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии».

В январе 1924 настал черед иером. Варлаама: его арестовали и, продержав девять месяцев на Шпалерной под следствием, отправили на три года в известный Соловецкий лагерь. В эти годы на Соловках еще жила часть братии, разрешались богослужения, можно было пользоваться

монастырской библиотекой. Среди заключенных было очень много православных епископов, священников и церковно настроенных мирян. Все они общались друг с другом, обменивались мнениями, участвовали в богослужениях. Вернувшись из Соловков осенью 1926, о. Варлаам был полон ярких впечатлений, вынесенных им из заточения.

В Ленинграде его ждало Александро-Невское братство и сестры из общины на Конной улице, которых в отсутствие батюшки опекал вернувшийся из ссылки архим. Гурий. Из-за того, что община была невелика и жила незаметно и изолированно, власти не знали об ее существовании. Даже когда в 1930 на третий день Пасхи было закрыто Творожковское подворье на Роменской ул., 12, где служил архим. Варлаам и молились сестры, самих сестер не трогали еще два года, как, впрочем, — и членов Александро-Невского братства, центром которого была Феодоровская церковь в лавре, и небольшую женскую общину в Дивеевском подворье Старого Петергофа, окормляемую архим. Варсонофием (Вережкиным).

Эту общину и о. Варсонофия часто посещали о. Варлаам и его сестры. Петергофские сестры жили в стороне от мира, «стремясь подготовить себя к монашеству и впоследствии уйти в монастырь». Выезжали также в Макарьевскую пустынь близ станции Любань, где монахи держались строгого устава. Общались с духовно опытными монахами, которые еще сохранились в Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, и сестрами из закрытого Иоанновского монастыря на Карповке, жившими в разных местах города. «Большинство проживавших в общежитии сестер, в том числе и я, считали монашество высшим идеалом», — говорила позднее на допросе Александра Сергеевна Борисова, работавшая секретарем в местном комитете и вступившая в общину в 1924.

«Тихое и безмолвное житие» маленькой, в 9 человек, общины о. Варлаама продолжалось до 17 февраля 1932, когда по всей стране начались массовые аресты монашествующих и ликвидация уцелевших монастырей и тайных общин. В этот день был взят о. Варлаам, за ним последовали и сестры. Следователь Волков начинает допрашивать их, членов и руководителей лаврского братства, общежития в Старом Петергофе, монахов Макарьевской пустыни. Приговор не заставляет себя ждать: выездная сессия ОГПУ выносит его уже 22 марта того же года и по ст. 58/10 приговаривает архим. Варлаама к 10 годам концлагеря с конфискацией имущества. Костецкая, старшая сестра в общине, получает 5 лет Караганды.

О. Варлаама этапировали на строительство Беломорканала, и там написано большинство публикуемых писем. Они адресованы духовным дочерям, оставшимся в основном в Ленинграде, и исполнены подлинно христианского смирения. «Вера-то у нас есть, — пишет он, — а для борьбы и страданий у нас еще мало опыта. Ведь одно дело — читать книги, другое — встретиться с этим же самым лицом к лицу». Проходя через эти испытания, он остается до конца таким же, каким был: «В моих воззрениях нет никаких изменений или колебаний. Для меня все ясно и непререкаемо, также твердо и непоколебимо. Быть может, поэтому и хотелось бы мне теперь же умереть, но да будет во всем не наша слепая и страстная, потому всегда ошибочная воля, а воля Всевышнего, святая, непогрешимая».

3/16.IV.1924 г.
 Понедельник,
 День Св. Духа.
 Дом предварительного заключения
 на Шпалерной ул.

Услышит тя Господь
 в день печали...
 Спаси мя, Утешителю
 Благий, поюция Тя.
 (Антифон)

В праздники душа наша приобщается к тем Божественным Тайнам, которые открыты нам пришествием Христа Господа, и полнота и глубина переживаний праздников знаменует полноту и глубину вхождения в область постижения тайны Богочеловечества. Отсюда — всегдашняя радость, связанная со днями праздничными, отсюда праздники — великое духовное утешение, отрада и отдых.

О Духе Святом, Утешителе Благом, Раздаятеле благодатных дарований, поет эти дни Церковь, к Нему, Благому, Подателю неизреченной радости, Огню очистительному, вечному Истоку благодати, к Нему — Непостижимому, живущему в чистых и святых сердцах, опаляющему всякие скверны, Дыханию Божию, услаждающему души, к Нему — Богу Истинному, Единосущному Отцу и Сыну, в эти дни устремляется сердце наше.

Однообразно-пустынна в духовном смысле жизнь окружающего мира. Непроходимые и знойные пустыни лежат и пред каждым из наших сердец, все это создает печаль, наполняет скорбями и лишениями жизнь нашу. Но если сердце наше рвется к Богу, вечно хочет быть с Ним, ожидает пришествия Утешителя Благого, то иные должны быть взгляды на все лишения и скорби.

Дух Святой обитает только в чистых и непорочных сердцах, тогда как у нас чистота является очень часто вожделенным, но далеко стоящим идеалом, к которому стремится наша душа, то естественно, вместе с молитвами о пришествии Духа, подумать о чистоте.

И вот тут святые подвижники открывают нам нечто необычайное: прп. Исаак Сирий различает чистоту ума и чистоту сердца. «Если ум приложит старание к *чтению* божественных Писаний, или потрудится несколько *в постах, в бдениях, в безмолвиях*, — так направление своих интересов в сторону духовной жизни очищает ум. Прп. Исаак считает возможным достигнуть этой чистоты в сравнительно короткий срок, но чистота, быстро приобретаемая, скоро и теряется. «Сердце достигает чистоты *многими скорбями, лишениями*, удалением от общения со всем, что в мире мирского

и умерщвлением себя для всего этого» (Слово IV). Здесь чистота достигается длинным и упорным трудом: сердце наше может любить чтение Божественных Писаний, ему может быть не трудны лишения, удаления и умерщвление себя — все это встречает страшный протест в нашей природе. Искать радости и покоя так свойственно всем нам, и вместо этого предлагается умерщвление себя, предлагается скорбь и лишение не только как неизбежное, но прямо как желательное и вожденное. Какой длительный путь должно пройти наше сердце, прежде чем дойдет до такого восприятия. Вот поистине очистительный огонь, где очищаются души.

Каждый день мы молимся Утешителю Благому придти к нам и вселиться в нас; в светосносный Праздник Его особенно сильно рвется душа ввысь, смиренно умоляя коснуться ее струями огнедуховенной росы благодати. Скорби и беды, лишения и напасти уже перестают быть тяжестью, они вожденны, они относительны, они вещают о желанной чистоте, которая так далеко от нас, они привлекают Небесное Утешение Благое — Духа Святаго.

Прииди к нам, Утешителю Благий, прииди очисти, просвети и возведи к горнему наши грешные сердца.

(Прочитайте вступление к гимнам прп. Симеона Нового Богослова — молитва к Св. Духу).

Дорогая о Господе Д.Л.! Понимаю скорбь души Вашей и как хотелось бы мне чем-нибудь помочь Вам, но Господь — Пастырь наш и Просветитель — Он Един может помочь и направить стопы наши на путь мира.

Тяжесть души Вашей — одиночество, а затем колебания в выборе пути жизни. Если одиночество не все люди испытывают на себе, то моменты решения в избрании путей всегда у всех бывают тяжелы и мучительны. Мне еще недостаточно ясно вообще состояние Вашей души, а также и внешних обстоятельств. Стремление Ваше так или иначе определить себя на пути Господнем, даже внешне приняв известный образ и главное — получив соответствующую среду и обстановку, — это стремление вполне естественно, его нужно только приветствовать. Но прежде, чем принять то или иное решение, необходимо взвесить все обстоятельства, чтобы не было потом тяжело.

Вы должны быть монахиней, так думается мне, на этом же останавливаетесь и Вы сами. Но если в прежнее время нужно было только выбрать между монастырями и потом окончательно ре-

шиться, то теперь положение значительно усложнилось — это Вам хорошо известно. Вы собираетесь уехать в N; мне совершенно не известны условия тамошней жизни, но почему-то думается, что условия жизни там очень и очень нелегки, как с внешней стороны, так и с внутренней. Ищущие монашества думают, что в монастыре они сразу попадут в великий покой, где можно трудиться, молиться и преуспевать; жизнь же показывает нечто другое: покой сразу не дается, многие искушения, гораздо большие, чем в мире, окружают нас на каждом шагу, многие начинают унывать, — и вместо ожидаемого преуспеяния — уныние.

Собирающиеся в монастырь должны заранее готовить себя ко многим скорбям и трудам над собою. Это имеет место при всех решительно случаях, какой бы Вы монастырь ни выбрали.

Но если многие искушения и скорби присутствуют в монастыре не менее, а даже больше, чем в миру, всегда нужно искать такую среду, чтобы можно было получить известную поддержку духовную. Сам Господь подкрепляет подвизавшихся, но раз в Церкви Его есть известные внешние формы и определенные средства, то к ним и нужно прибегать. Поэтому-то в деле монашеского делания главное — руководство через духовника или старицу является основанием и ручательством прочности дела. Вот поэтому всякий уходящий в тот или другой монастырь прежде должен задать себе вопрос — *найдет ли он там необходимое в смысле руководства своей души?* Если ответ положительный, то можно спокойно идти, хотя бы внешние условия были и не очень благоприятные, если же нет, то лучше не ходить. Вы понимаете, дорогая моя, как мне сейчас трудно дать Вам определенное указание, но все же, почему-то мне кажется, что Вы не получите желаемого в обители N. А если так, то Вы спросите меня: что же мне делать? Около П. есть же монастыри, хорошо было бы к ним присмотреться, может быть и нашлось бы что-либо подходящее (сам-то я ничего не знаю), а может быть и в самом П. Бог благословит что-либо вроде обители, но это зависит от многих условий — все в воле Господа.

Простите меня, ради Господа, что вместо совета ясного, вместо одобрения, утешения, пишу Вам эти бестолковые строки, здесь не небрежность моя (всегда я помню Вас и люблю), а просто скудость моя. Вы чувствуете себя одинокой, видит Господь, как хочу быть полезным Вам и помочь. Сейчас скажу только одно — если Вам тяжело и Вы страдаете, то это спасительный путь: от mnogой грязи очистит он Вас и понемногу приведет Вас к уразумению, что такое Вы сами представляете, а истинное познание себя является необходимым условием подхода к Богу, как говорит прп. Исаак Сирин: «Узревающие себя, устаиваются увидеть ан-

гелов». Познание себя ведет к смирению, а смирение — дверь на небо. Подкрепляйтесь молитвами, приобщайтесь Св. Тайн Христовых. Не оставит Вас Господь, раз Вы идете к Нему, но путь — узок и прискорбен.

Простите и помолитесь за меня грешного. Да будет благословение Господне с Вами.

16/29.IX.1924

Ваш и.В.

Дорогая о Господе Д.Л.! Рад я, что мои мысли не расходятся с основными намерениями и устремлениями Вашими. Путь жизни всех людей (это можно наблюдать как на людях, близких нам, равно и на самих себе) представляет определенную линию, направление которой и повороты находятся не в наших руках. Это вовсе не фатализм, который отрицает какое-либо участие в нашей судьбе нашей же собственной воли. В отыскании путей Божиих первым моментом, являющим полную и совершенную нашу свободу, является подчинение себя воле Божией. До сих пор человек искал своих путей, осуществления своей воли, а теперь, найдя единый путь спасительный, хочет идти только по нему одному, а так как при входе в этот путь стоит надпись, определяющая полное отречение от своей личности, то вступить на него и откажутся от своей воли, подчинить себя Божией — с человеческой точки зрения здесь что-то непонятное, нарушающее законы логики; но высота Христова учения и величие Его как раз и заключается не в премудрости слова человеческого, а в юродстве проповеди, сокрытой от мудрецов и открытой простым сердцам.

С того момента, когда человек твердо решил идти путем спасительным (у еп.Феофана есть книга «Путь к спасению», если не читали, то обязательно прочтите ее), то с этого момента усиливаются искушения, препятствия к совершенному и полному отречению усиливаются, или испытывается прочность и твердость решения, и вместе с этим кто-то Благой и Премудрый охраняет эту душу, оберегает и ведет так искусно к намеченной цели, что потом, когда путь завершится, нужно будет удивляться слепоте и близорукости нашей, вследствие которых мы не уразумеваем путей Божиих. И это бывает не только с особо избранными душами, а со всеми, хотящими улучшить спасение. И Вы особенно не беспокойтесь о устройстве своем, Господь приведет Вас во дворы Свои. Вот об одном необходимо постоянно заботиться и никогда не отлагать на будущее — это неустанная забота о своей духовной чи-

стоте, внутренней борьбе. И здесь много может помощь от Господа, но и наша воля не может бездействовать. Вот об этом ревнуйте и неустанно трудитесь, прочее же отдайте в руки Господа; да благословит Он Вас!

30.IX/13.X.1924 г.

Ваш и.В.

Всем братьям и сестрам.

Да не смущается сердце ваше...
(Ин.14, 1)

Много мне приходилось говорить и писать о смысле скорбного пути, его необходимости и спасительности; в настоящий момент эта тема должна занимать исключительное положение в наших размышлениях — и ваших и наших.

Душа не только примирилась с совершившимся, а принимает это, как исходящее из рук Господа, как самое лучшее и спасительное. Так ведь всегда можно себя успокаивать, но дело, конечно, не в таких успокаиваниях, а в действительном устроении души, которая утверждается на не временном и не земном. Все время хотелось подвига и труда, и все это отлагалось до какого-то неизвестного будущего, а тут Господь Сам дал все необходимое к осуществлению этих намерений. Помните, писал я вам слова прп. Исаака Сирина о чистоте ума и чистоте сердца; основная мысль там такая: совершенная и полная чистота достигается многими лишениями и скорбями. А сейчас как раз и необходимо готовиться к принятию этих многих скорбей и лишений. И лишь только суетность теперешних дней забывается и душа принимает все с этой вечной точки зрения — не только не страшно и не грустно становится, а даже радостно.

Помните — верно сказано: в скорбях человек ближе становится к Богу, да это и понятно. В такие минуты многие связи земные ослабевают, и надежда на человеческое отпадает; перед Богом один остаешься, потому и ближе, потому и радостнее и вместе с тем как-то страшнее, не в смысле боязливости, а в смысле сознания важности и предстоящей трудности.

Если за все должны благодарить Бога подвизающиеся за Имя Его и во дни скорбные, то это же чувство благодарности, не по обязанности, по долгу, но по действительному сознанию безмерной благодарности Всевышнему, до конца возлюбившему нас и все ведущему к последней, совершенной и блаженной цели — Себе Самому — находится в нашей душе. Помните, все время говорил

вам и себе внушал необходимость такого устройства жизни, чтобы внешнее было только придатком к другому, основному, заключенному внутри нас самих. Все это не дается зараз, оно предмет устремлений во все дни нашей жизни, и если сейчас скорби наши общие могут помочь нам в таком устройении, то как же как не с радостью нужно принимать все находящееся на нас?

По-человечески грустно расставаться с вами, но ведь не навсегда разлучаемся; да, Бог даст, связь не совсем будет порвана. Но много времени пришлось мне потрудиться вместе с вами и уже сколько времени, как мы разлучены... Но до сегодня мне казалось, что внутренняя связь между нами несколько не нарушилась, да и понятно почему — момент соединения у нас в полной мере является в молитве; у Господа мы встречаемся, у Него приобретаем силы на взаимное общение, исполненное любви. А молитву не задержат стены тюрьмы, они, может быть, ей способствуют; грех только один удаляет от Бога, а, следовательно, и нас друг от друга. Все мы, грешные и ничтожные, по милости Господа в молитве слабой обретаем эту силу, единящую нас. Скажу больше: молитвы ваши много помогли нам во дни печали и искушений, а так как дни эти не прекращаются, то умоляю вас не забывать в своих молитвах нас недостойных.

Проповедь наша и все дело хотело быть всегда одним; это великое благовестие блаженной жизни в Боге, открытой нам Иисусом Христом, Господом нашим Спасителем. Великое служение и радостное; если бы не было греха и врага спасения, то благовестие о блаженстве было бы уже самим блаженством. А сейчас это блаженство, едва мерцающее, влечет нас к себе силою неудержимою, а путь к нему именуется крестным.

Об этом всегда говорили, это пытались вместе осуществить; простите ошибки наши, иногда по греховности природы, исполненной всяких немощей. Все это простите, покройте любовью своею и молитвами своими помогите до конца сохранить спасительное терпение... Мое же пожелание к вам выражается словами ап. Павла: «начный дело благо в вас, совершит е даже ко дне Иисус Христова» (Флп. 1, 6), а вы положили начало дела благого. Умоляю вас, не оскудевайте в этом пути, а идите до конца, до дня Иисуса Христова, до дня, когда вы предстанете пред ликом Господним. Ведь этим может и моя душа оправдаться. Со своей стороны, сколько могу, буду помнить о вас в своих молитвах и, если благословит Бог, то немногими словами утешения.

Любви вашей не забуду до конца дней своих; а если бы только Господь помог и мне приобрести такую ко всем вам.

Но нет печали безысходной, что-то грустное и вместе с тем

радостное, чистое и прекрасное охватывает душу... Господь Всемилостивый, Милосердный, Любящий сохранит вас; скоро ведь вы будете иметь полноту пастырей своих*.

Пречистая Матерь покроет Вас Пречистым Покровом Своим.

4/17.X.1924.

Любящий вас и.В.

* В это время кончались сроки высланных в 1922 отцов. Вернулись в конце 1924 о.Лев (Егоров), в марте 1925 — еп. Иннокентий (Тихонов), потом снова арестованный в зимний Николин день; о.Гурий (Егоров) вернулся после похорон Свят. Патриарха Тихона.

Совсем коротенькую записочку смогу Вам послать, дорогая Д.Л., очень тороплюсь.

Отвечаю: 1) правило исполняйте, как в общежитии; 2) есть разные шутки, не все же время ходить в печали; тем более среди людей надо показать и радость. Если душа Ваша почувствует, что шутки Вам и веселие опустошают душу, то ясно, что это нужно оставить. 3) Вся жизнь подвиг, подвиг крестный, к нему нужно приготовиться, а если крест уже возложен, то — кротко и безропотно его нести. 4) Более же всего помышляйте о том, как предстанете пред Господом и какой будете давать ответ Ему. Это во многом утешит Вас и наставит.

Простите меня и помолитесь. За любовь благодарю.

7/20.X.1924 г.

Ваш и.В.

[Примечание адресата:]

Через день или два отправляли большую партию заключенных в Соловки. Никогда не было известно, где будет погрузка, бывало на Финляндской железной дороге; в Обухове, на путях Московской дороги. Искало везде много людей, провожающих своих близких. В этот раз это оказалось на путях Московской железной дороги. Много собралось провожающих, шел дождь, уже было темновато. О.Варлаама видели в окошке, но говорить нельзя было.

Вероятно, из пересылочной тюрьмы по пути в Соловки о.Варлаам прислал такую весточку [след. письмо. — Публ.]:

Всем моим дорогим братьям и сестрам шлю привет свой и благословение от Господа!

Грустно мне было расставаться с вами, но 9 месяцев заключения ослабили несколько эту остроту, самые же проводы до слез тронули меня; видел я скорбные лица и ничем не мог помочь, даже сказать несколько слов и то не был в состоянии. Тяжело вам было, да и погода не благоприятствовала вам...

Поехали в места суровые, но вся дорога была весела и настраивала на приятные размышления. Все время мелькали перед нашими глазами красивые места северной суровой природы — как много подвижников спасалось в этих краях! О спасении как хорошо размышлять, и Соловки в мыслях не так страшны казались — сурово там и трудно, но ведь и весь путь спасения не легок. Суров он и претруден.

От этих мыслей легко становилось на душе, даже радостно, хотелось и самому приобщиться к этим трудам великим. Но если мы в мыслях только к этому можем подойти, то Господь Сам премудрым путем ведет нас всех к этому же. Еще ближе стала мне понятна внешняя суровость (не сухость, не черствость), в ней скрыты истоки той теплоты, которой не в силах дать никакие южные страны.

А сейчас живем совсем по-походному — ни читать, ни молиться нет времени и места, но Господь не дает ни одной минуты унылой, слава Ему Милосердному! Детки мои, хотелось мне сказать на прощанье из вагона (так я и говорил и теперь повторяю), мои незабвенные, дорогие и любимые детки: до конца возлюбите Господа, Он не оставит вас, а нас помяните в молитвах своих!

Память о вас сохранит навсегда мое сердце. Благодарю и благословляю всех вас, дорогих.

13/26.X.1924 г.

Ваш и.В.

Далее следуют несколько писем из Соловецкого лагеря. Их было много, но не все сохранились. Помещенные здесь списаны с копии. Пропуски слов обусловлены тем, что писавший с подлинника не разобрал почерка.

3/16.XI.1924 г. Воскресенье.
Соловки

Вчера получил открытку от о.И. — первое письмо в Соловках. Сегодня отдыхали, конечно молились, в церкви еще не были. Не-

много читаю, работаю. Погода стоит не очень холодная, небольшой снег и каждый день оттепель. Вижусь с Владыкой Илларионом [Троицким]. Не вернулись ли В.М. [архим. Гурий] и Вл. Иннокентий? Об этом сообщите мне.

Как-то теперь все вы живете, по-прежнему, вероятно, трудитесь и служите Господу; пользуйтесь временем благоприятным, чтобы потом не сожалеть о днях, проведенных бесцельно. О, как бы хотелось видеть вас всех, всегда присутствующих и восходящих к Господу — да вы такие и есть! Господь Всемилостивый, да утвердит вас и укрепит, да будет Он с вами. Всех благословляю.

и.В.

8/21.XI.1924 г.

Соловецкий лагерь

Завтра праздник Богоматери, Ее иконы чудотворной, именуемой Скоропослушницей, явленной на Афоне. Прочитал про себя службу и акафист, радостно и тихо стало на душе. На небесах Скоропослушница Божественная взирает на нас и наши молитвы слышит и, поистине, скоро на помощь приходит.

Афон, монастырь, размышления о всем этом, о монашестве и подвижничестве, — все это сильно не само по себе, а внутренней связью с тем Единым на потребу, чем живет душа наша: Богом Живым, Им Единым сохраняемся, Он — конец нашего странствования, покой и жизнь наша, и все Божественное сильно и свято для нас своею близостью с Единым Светом Триипостасным. Даруй нам, Господи, молитвами Пречистой Матери Твоея, молитву крепкую и сердце чистое. Сохрани вас Господь.

Ваш и.В.

P.S. Подпишитесь на газету для нас.

14/27.XI.1924 г.

Соловки

Дорогие мои, сейчас получил посылки (2), но еще не успел их и рассмотреть хорошенько. Благодарю за поздравление, за память о мне, за все заботы, за любовь постоянную. Не скорбите о нас, живем мы сносно: в тепле, в среде своих, продовольствие имеем (благодаря заботам вашим) с избытком. Постоянно вспоминаем

о вас, далеких и близких, всегда дорогих и никогда не забываемых. Господь хранит нас невредимыми во всех отношениях.

Погода стоит очень мягкая: -3-4°, снег небольшой, видели на днях северное сияние, но очень слабое, в письме напишу подробнее. Получил открытку от П.П.К., поздравление от З.Ф. и больше пока ничего; пишите чаще, выпишите нам газеты. Если еще удастся вам прислать посылку, то пришлите, пожалуйста, сахару; больше нам ничего не надо. Храни вас Господь.

Ваш и.Варлаам.

1/14.XII.1924 г. Воскресенье.

Соловки

Дорогая о Господе Е.С., это письмо, вероятно, придет как раз ко дню Вашего Ангела, потому поздравляю Вас с праздником Вашим и молю Господа не оставить Вас милостями Своими. День этот и так памятный, как Навечерие Рождества Христова, у Вас приобретает особое значение.

Как прекрасно бывает в это время в храме: и службы особенные, усталость соединяется с ожиданием чего-то светлого и радостного, умиление и молитвенность, всегда приходящие как бы свыше, все это и создает праздничное настроение. И Вам хочу теперь пожелать особенно радостно, умиленно, духовно встретить свой праздник и Праздник всех нас общий.

Но ведь будней-то в жизни гораздо больше, чем всех праздников, и скорби больше, чем радости, длиннее ночь, чем день... Теперь, когда читаю Евангелие и Апостол, когда слежу за Библией, когда молитвы читаю, все одно хочу постичь и навсегда себе усвоить — Божественную вечную жизнь, принесенную нам на землю Сыном Божиим. Все, что говорит о Боге, благовествует о Христе, все — простое и многотрудное, ясное и сокровенное, все заключенное в наше чело, всяческие слова, но в глубине своей носящие неизреченные тайны Откровений Божественных, — все это привлекает сердце, чтобы самому как-нибудь проникнуть [пропущены слова. — *Публ.*] в последние и сокровенные глубины [пропущены слова. — *Публ.*] в меру сил своих и милости Господней подойти [к познанию? — *Публ.*] Его. Когда смотрю на здешнее небо, полное необычайных красот пред восходом и заходом солнца, когда вижу это многообразие красок и тонов света, мне всегда делается как-то особенно радостно и тихо на душе...

Душа псалмопевца рвалась к Богу живому, как лань к источникам вод, у нас нет этого дерзновения и ревности. Но все же

если и хочет чего-либо душа, то только Единого Господа. У себя в келии я приобщался Св. Таин Христовых, потому особенно радостно и тихо на душе. Приближается Праздник, но знайте, у меня даже в мыслях не бывает горести, что не придется молиться в храме, тем более с вами всеми, не только нет горести и печали, а что-то странное и суровое и вместе с тем истинно христианское чувство отречения стоит около меня и оберегает и утешает и ободряет.

Разве плохо молиться с вами — можно ли лучше создать условия для моления и трудов духовных теперь [пропущены слова. — *Публ.*]; но кто знает, где скорее слышит наши слабые молитвы Господь? О Нем Едином хотел бы всегда размышлять, об Едином говорить — Он все в жизни моей, хотя и часто Его забываю. Простите меня за бессвязное письмо, Вы, глубоко уверен, прекрасно меня понимаете.

Теперь о делах житейских. У нас все есть, благодаря заботам и любви всех вас; мы получили по почте: я — 5 посылок, Н.Н. — 4 и одну посылку через С.Город.; письма также получаем. Живем в келии 6 человек: еп. Мануил, еп. Гавриил Осташковский, Андрей Викторович [брат еп. Мануила. — *Публ.*], архим. Макарий [лаврский благочинный монастырей. — *Публ.*] и нас двое. Работаем на железной дороге; в канцелярию не хочу идти, а Н.Н., может быть, пойдет туда. В книгах не нуждаюсь, только хотелось бы мне иметь акафист Успению Богоматери (впрочем, сейчас пользуюсь иерейским молитвословом епископа, где он помещен).

Передайте мой привет Юрочке, его записочка у меня сейчас перед глазами; скажите ему, что поминаю его имя, также и мамаше Вашей передайте благодарность и привет.

Сестрам Вашим О.В.Л. и А. шлю свое благословение и привет. Сохрани вас Господь! О, как бы хотелось мне видеть вас радостными [пропущены слова. — *Публ.*], полными любви; об этом подвизайтесь.

Ваш и.В.

8/21. I. 1925 г.
Соловки

Вот и праздники закончились вчера, по благодати Божией отпраздновали Крещение Господне. Бегут дни за днями, труды, заботы, суетливость житейская наполняет их, но когда огляды-

ваешься назад, все это оказывается каким-то дымком, через несколько времени уже рассеявшимся в воздухе...

Крест несешь спокойно, впрочем, он не так уж тяжел, а вместе с тем затаенное желание снятия его со своих плеч часто присутствует в душе — это немощь и слабость нашей природы.

Но все больше и больше на себе самом познаешь, как неизмеримая премудрость Божия к лучшему все устроит, к одной цели всех ведет и из самого ужасного, страшного, казалось бы ненужного и вредного, из всего этого создает условия, необходимые для очищения всякой души. Впрочем, кажется, бывает так: когда человек думает, что он подвизается и очищается, в этот момент очищение и подвиг далеки от него. В простоте сердца и смирении души, кротко и покорно принимающий все настоящее со стороны — такой всегда очищается, где бы он ни был.

О больших лишениях и трудах мы часто любим мечтать и готовы добровольно их принять на себя, но обязательно все это относится к неизвестному будущему. И вот, когда это же самое, но только в гораздо меньшей степени, и приходит к нам, не как мечтание, а как действительность, в принятии этого и обнаруживается истинная настроенность и готовность души, верность раба в малом... Большое не всем дано понести. Какие мы все ничтожные и маленькие существа, и как часто думаем о себе высоко, а между тем путь к Господу исполнен необычайной простоты; для многих из нас он делается трудноприемлемым, ввиду усложненности грехом нашей души.

Все от Господа исходит, Им живет и к Нему возвращается. Счастливые те, которые прямо к Нему идут, а не скитаются по изворотам. Хотелось бы всем нам быть в числе этих блаженных!

и.В.

ПИСЬМА С БЕЛОМОРКАНАЛА

Дорогая М., был очень обрадован твоим интересным и обстоятельным письмом. Много скорбей выпало на твою долю, так видно всем, только в разной форме приходится пить чашу страданья. Никто от нее не избавляется.

Запасайся терпением и покорностью. Чаше очищай свою душу и подкрепляй ее благодатию — это вместе с молитвой единственное, что может поддержать и укрепить немощную душу. В.И. передай мой привет и благословение, помоги ей Господь безропотно перенести вставший тяжелый крест.

Приветствуй от меня Л.К.; бедной ей тоже дан нелегкий жизненный путь. Помоги ей Господь! Привет и сестре ее О. Приветствуй Л.Б.; как бы хотел слышать, что успокоилась и устроилась ее душа. Да поможет ей Господь!

От З.У. — сестры В. получил трогательное письмо и послал ответ на свою сестру. Передай ей его и мое сочувствие утрате их прекрасной матери. Привет В., ее сестре О. Да благословит Господь их жизнь! От Клавушки только что получил письмо; она — молодец, за нее приходится только радоваться. Если будешь писать о Варнаве, то передавай ему мой привет и усердную просьбу молиться о мне. И ты помолись за меня — это самое дорогое и ценное для человека. Вообще прилежнее будь на молитве, это очень поможет тебе в твоём тяжелом положении. Вспоминаю с любовью всех друзей своих, любящих и помнящих меня доселе. Всех их прошу не оставлять меня в своих молитвах. С. передай мой привет, Нюре П. и Жене. Да благословит Господь семейную жизнь Жени. Буду рад получать хоть изредка твои письма, сообщающие так много интересного.

Не скорби, не унывай, отдай себя в волю Божию! Храни тебя Господь и благослови. Сообщи, когда в будущем году Пасха.

P.S. Передай письменно привет от меня Бел. Ив. и Н. Хак.

Мой искренний привет и благословение Н.Г.

2/15.VII.1933 г.

Архим.В.

Дорогая Маруся, прими мой привет. О всех близких и любящих меня вспоминаю и очень жалею, что ничем не могу отблагодарить их за их внимание и любовь ко мне. Чувствую себя неоплатным должником. Господь сторицей всем вам воздаст.

Рассказы приехавших — грустные. Всюду скорбь и теснота. И нет нигде ничего отрадного, да и будущее пока сулит лишь одну скорбь. Тем сильнее потому возрастает наша надежда на Господа, милующего и любящего Свое создание, и мы живем только этой верой и упованием жизни небесной. В этом смысл всей жизни нашей. И как хорошо, сладостно и утешительно в серой и неприглядной обстановке помыслить о другой, блаженной жизни, которая ведь не так уж далеко от нас. Жизнь-то очень быстро приближается к концу.

В свете этих мыслей наши скорби, недоразумения, обиды, огорчения, все, что иногда кажется исключительно важным и значительным, тут теряет свою значимость — ничтожными и малыши они оказываются.

О мне прошу не беспокоиться, — явите же любовь ко мне своими усердными молитвами и мирной дружной жизнью между собой.

Больше снисходите друг к другу и покрывайте всепрощением и любовью недостатки и ошибки близких своих.

Господь да благословит и утешит.

а.В.

9/22.I.1934 г.

Дорогая О., был очень обрадован получением твоего первого письма с нового места жительства (открытка, написанная тобой из Ленинграда, о которой ты упоминаешь, до меня не дошла). Радуюсь за тебя, что ты сможешь хоть несколько отдохнуть, впрочем, видно, легкости, слабости и спокойствия жизни нигде теперь нет. Пользуйся тем немногим, что еще дается, и не медли восполнить то недостающее, без чего, нет сомнения, нельзя и жить. Не критикуй, не осуждай, а покорно и смиренно прими то, что еще осталось. Будь мудрой, чтобы потом не жалеть и не печалиться об утраченном и трудно вознаградимом.

В моей жизни нет никаких перемен — все по-старому. Изредка получаю открытки от В. Жалко только, что теперь мы не имеем возможности иметь то малое общение, которое было в этом году. Вероятно, скоро она будет у вас. И как рад я за всех вас, что опять, хоть на некоторое время, вы сможете отвести душу одна с другой. И как только жалко, что мне-то не придется быть вместе с вами. Зато в мыслях своих ни с кем, кажется, не бываю так часто, как с вами тремя — самыми близкими и дорогими мне. От души желаю вам полного единодушия и взаимной любви, в чем, правда, не приходится сомневаться, хоть и бывают расхождения в незначительном и маловажном — без этого не обойтись. Как бы хотелось мне побыть в другой обстановке, подышать дружим воздухом, по душам поговорить с близкими и дорогими!

Здесь я в полном одиночестве. Мои собеседники — книги, мое общение с близкими — мысли, мечтания. Но благодарю Бога — нет у меня уныния, нет тоски, нет печали — спокойно и бодро, но едва ли достойно, несу свой крест. Надеждой лучшего будущего живу, хотя и не считаю себя достойным лучшей участи. Тебе желаю бодрости и мира, неослабевающей верности и твердости. Да осуществится желание сердца твоего! О тебе храню всегдашнюю память. Прошу меня не забывать. Слава Богу, нужды ни в чем не испытываю. Да благословит и сохранит тебя Господь! Привет твоей сестре.

а.В.

1934 г.

Наступает уже осень, теперь немного сырая, неприветливая, холодная. Сегодня выпал даже снежок, но сразу же таял. Приближается зима с ее темнотой и холодом. Обычно это время очень хорошо для усидчивой, сосредоточенной работы. Правда, сейчас работы прибавилось по сравнению с летом, но почему-то сейчас другая работа в моем представлении предносится как близкая и дорогая сердцу. Ее сейчас нет в помине. Возможность ее рисуется в будущем. Но осуществится ли что-либо из предполагаемого, знает один Бог. Собою крайне недоволен. Не только много времени и сил, а внимания и забот, уделяю своей временной, случайной работе. Для самого себя ничего не остается, а остающееся время тратится на пустяки. Нищ и наг в полном смысле.

Завтра — воскресенье, память св. Дмитрия Ростовского — автора прекрасных житий Святых Угодников, отдание Праздника Воздвижения. Это все еще помню; при воспоминании умиляюсь душой и почитал бы себя счастливым, если бы получил возможность дышать тем же благодатным сладостным воздухом, который веет в нашей Церкви. Ничего не имея внутри себя, живу надеждою Милости Божией, являемой к немощным и слабым, но верным сынам.

Быстро проходит время, особенно здесь совсем незаметен неудержимый бег его. Это милость Божия. На условия жаловаться не могу...

а.В.

3.Х.1934 г.

...День Покрова Богоматери. В самом наименовании праздника сокрыта величайшая радость для живущих на земле. Далеко не всем даны ласки земной матери, а если они и даны, то обычно на очень короткое время — счастливое детство только их знает.

А здесь нам говорится об Одной Великой Любящей Матери, которая омофором своей милости покрывает немощных рабов своих. И это не фантазия художника, а живая действительность, истинная реальность. А если это так, то жизнь наша, загадочная и таинственная, иногда тяжелая и мрачная, начинает озаряться небесным светом и впереди начинает блистать рассвет, и радость нисходит в души живущих на земле.

Люблю этот праздник и по самой идее, лежащей в основе его, и по времени года — наибольшая сосредоточенность и спокой-

стве, и по любви его нашим народом православным, и по личным воспоминаниям, связанным с ним. Любили этот праздник наши предки, сколько храмов было построено в честь его.

В моей жизни лучшее празднование было в дни пребывания в Академии. Храм и службы там были божественно прекрасны, а этот день — праздник престольный — отмечался необычным торжеством. Уставная служба, прекрасное пение, множество служителей алтаря создавали обстановку не только праздничную, но исключительную по красоте и благолепию. И божественная благодать осеяла место служения праздничного, касаясь сердец пришедших на этот праздник. Недалеко от нас был Господь.

Теперь нет праздников. Мы призваны к несению подвига великого — скорбей и лишения утешений...

[1934]

Дорогая О., как только получил твое письмо, сразу же по почте отправил ответ на адрес Е. Теперь хочу еще написать несколько строк. Вероятно, В. приедет к вам. Если жизнь не только сера, но нередко пошла и противна, то, по-видимому, и там, где ты, она недалеко от этого ушла. Тягота всюду. Скорбь повсеместная. Радость и утешение отняты от земли. На нашу долю осталось одно — терпение, и надежда через эти испытания и страдания получить нечто совершенное и лучшее — вечность.

Какою непередаваемой радостью сопровождалось у нас чтение житий мучеников, подвижников и писаний аскетических! Когда читали, казалось, мы всей душой вместе с ними — мы готовы быть мучениками, непоколебимыми исповедниками веры, самыми суровыми, строгими подвижниками. А когда жизнь позвала нас на осуществление этих святых порывов, то мы далеки оказались от пленявших нас идеалов. Наши страдания ничтожны по сравнению со страданиями «святых мучеников, добре страдавших и венчавшихся»; даже могут ли они быть названы страданиями? Разве только по тому контрасту между тем, что имеем и чего лишились, это может быть названо страданием и лишением. Пусть будет так. Самое скверное в нашей жизни — это отсутствие горения, пламени огня, о котором Господь сказал: «как хочу, чтобы возгорелся». Вместо веры пламенной — теплохладность; смирение и покорность подменяются тупой рабской приниженностью, воля парализуется, и не светильниками мира являемся мы, а каким-то отживающим ненужным никому отребьем мира.

Впрочем, может быть, это и не совсем так. Вера-то у нас есть. А для борьбы и страданий у нас еще мало опыта. Ведь одно дело — читать книги, другое — встретиться с этим же самым лицом к лицу. Понемногу наберемся опыта и с помощью Божией явим себя, если не первохристианскими мучениками и исповедниками, то все же достойными учениками Христа.

Раз в неделю ты можешь быть у службы; теперь мы скромны — рады и этому. А то ведь здесь-то совсем одичаешь, и все службы забудешь.

Дорогая О., ты не скорби и не отдавайся чрезмерным размышлениям, которые портят тебе настроение и мешают быть бодрой и твердой, а используй лучше каждый момент для того, чтобы потом не надо было жалеть и раскаиваться, для этого же надо прежде всего иметь молитву — память о Боге и любовь к людям. Господь зрит на сердце человека, и добрые намерения наши, если они и не полностью осуществляются, приемлет и посылает благодать и помощь нашей немощи. Не забывай, что мы, христиане, должны быть всегда радостными и бодрыми. Только печаль о грехах нам разрешается, а в остальном мы — великие оптимисты.

Твои четочки до сих пор я не получил. Свяжи другие, может быть, В. сможет как-нибудь прислать мне. Помолись о мне. Храню всегдашнюю память о тебе. Храни тебя Господь и благоволит.

а.В.

25/X. (7/XI). 1934 г.

Дорогая О., сегодня день твоего рождения. Прими мой привет и наилучшие пожелания. Завтра значительный день в моей жизни (день Ангела), который обычно отмечался исключительным вниманием, и день этот становился таким значительным для меня, что едва не превосходил все остальные значительные дни года. Отбрасывая в сторону все личное, нахожу такое проведение знаменательных дней вполне правильным, — ведь это был не мой личный, а наш с Вами общий праздник. Праздники кончились. Непрерывный серый будень тянется. Но все же и среди глубокого ненастья временами проглядывает солнышко и немного веселит усталую, измученную душу. И опять эти дни памятные, значительные и бывают обычно днями отрады и покоя. Потому теперь еще больше их любишь и ценишь. Да, пространство не разделяет, а время не всегда имеет над нами власть!

Пишу в канун своего праздника. Вчера получил твое письмо, открытку от Е., а сегодня пришла праздничная посылка — все, как видишь, вовремя. Сейчас друзья мои ходатайствуют отраду моей душе.

Продолжаю уже утром 6-го. Слава Господу, не оставляющему моей бедственной души! Сколько раз темой наших бесед была речь о Начальнике тишины, о покое невозмутимом, мире, тишине и радости, сопровождающих приближение наше к Истоку Жизни. Если все полно борьбы и смятения, если радость мира — только маскировка, самообман, прикрывающий неутолимую скорбь и печаль, то все это — только в области, удаленной от Начальника Жизни. И всякое приближение к Нему снимает с души тревогу, успокаивает и радует ее. Это субъективное в силу общности для всех является более объективным, чем все лежащее перед нашими глазами. В этом глубочайшее доказательство реальности мира Иного.

Так, я праздную сегодня и благодарю всех, содействовавших получению мною милости от Бога.

Узнал о болезни З.Ф.; Люсе, конечно, придется труднее, если З.Ф. умрет. Но да будет во всем воля Господня!

Сейчас особенно подробно мыслями возвращаюсь к прожитому совместно с моими друзьями. Нахожу его прекрасным, но с утратой совершенно примирен. Пожалуй, единственное теперь приобретенное — это примиренность и покорность, перенесение надежды за пределы этого мира.

а.В.

5/XI.1934 г.

Приближается великий праздник, наступают Святые дни. Поздравляю всех вас... «Бог мира и Отец щедрот», пославший к нам Своего Сына спасти нас падших, да исполнит души радости истинной, святой, небесной... Как в далеком детстве чистом и святом непередаваемой радости наполнились наши души, так пусть и теперь после долгих дней брани, искушений и невзгод свет небесный снова да озарит нас.

Уже совсем стариком себя чувствую. Все хочется пристальнее взглянуться в то бесконечно далекое и вместе с тем необычайно близкое, о чем иногда вспоминаем, но часто забываем, хочется хоть одним глазком посмотреть на жизнь иного мира. Но сокрыта она от нашего взора. Знаем только, что этот земной мир — искаженное испорченное отражение того, небесного, святого.

Теперешняя земная жизнь представляется мне сплошной юдолью горя и печали, нет места, где мог бы отдохнуть наш немощный дух, все полно смятения, борьбы, горя и слез.

И каким светозарным, полным красоты и радости является небесный мир! Там нет печали и вздыхания, там нет греха, нет брани ужасной, утомительной, нескончаемой; там свет, там радость, там полнота жизни, там покой истинный, там жизнь с Господом. Хочу пристальнее взглянуться в конечную цель своего долгого бедственного странствования, но нет нужной сосредоточенности, нет среды помогающей, наоборот, все служит к тому, чтобы забыть, потерять единственное сокровище.

Если Господь Милосердый продлит дни земного странствования, чтобы хоть напоследок очистить себя и приготовиться к переходу в иную жизнь, если даст возможность переменить обстановку, то как бы хотелось все от начала до конца отдать Ему — Милосердому Отцу, Спасителю и Промыслителю. О, Христе, снисшедший к немощи нашей, «пощади души наша»!

а.В.

30.XII. [1934?]

Дорогая О., давно очень писал тебе. Все суета, все занятость мешают спокойной переписке. Твое последнее поздравительное письмо получил. Спасибо за память. Как видно из твоих слов, ты не очень-то довольна своей жизнью. Да это и неудивительно. Человек может довольствоваться настолько малым в жизни, если к тому побудят обстоятельства, или он сам захочет так ограничить себя, что можно только поражаться крайней приспособляемости к жизни человека.

Этот же самый человек тут же рядом не может быть удовлетворен кажется всеми благами жизни. Между этими двумя крайностями располагаются отдельные человеческие личности. Быть довольным своим положением, своей судьбой, быть довольным не от тупости и великой лени, а от глубокого проникновения в самое существо жизни, вернее от возвышения своей личности над обыденной действительностью — такое устроение души есть величайшее приобретение.

Легко так философствовать в области отвлеченной, значительно труднее претворить эту философию в жизнь. Однако необходимо претворить это именно в жизнь. Сейчас возьми все так, чтобы потом не было упрека у тебя же самой: пропустила время, не воспользовалась предоставленным. Ведь кое-какие хорошие

возможности, несомненно, у тебя есть и сейчас. Всем предоставленным воспользуйся!

Моя жизнь сейчас полна служебных тревог и забот. Это, между прочим, причина моих перерывов в корреспонденции. Недостаточное же умение возноситься над действительностью, ослабленность внутренней жизни — причина внутренних скорбей и падений в некоторый мрак. Сейчас как будто начинаю поправляться. Поэтому у всех друзей прошу себе незримой, но явно ощутимой помощи — сам-то очень немощен.

Знаешь, О., иногда кажется, что идешь по темному длинному коридору, которому нет конца, чувство беспросветности, некоторой безнадёжности охватывает тебя. А в минуты раздумья, сосредоточенности в себе, этот мрак рассеивается, всходишь как будто на какую-то возвышенность, с которой обозреваешь весь мир. Спокойно и легко тогда становится на душе.

О конце своем надо чаще думать, потому что конец наш не так уж далек, ведь время-то, смотри, как будто бежит.

Передай мой искренний привет своей сестре и твоим подругам. Будь здорова, мирна и спокойна. Бодришь, крепишься!

а.В.

8/XII.1935 г.

Дорогая О., только что сейчас получил твое письмо, а 15/1 получил вашу посылку. Спасибо за память, заботы, поздравления.

Эти дни, так же как и вы, нахожусь под впечатлением неожиданной смерти З.Ф. Для нее, думаю, это очень хорошо, а для Люси — тяжелая, невозвратимая утрата. Но ведь рано или поздно смерть должна была прийти, и только наше обычное отношение к жизни — воспринимать поверхностно, без достаточного углубления, ставит нас пред фактом чьей-либо смерти, как чем-то неожиданным, необычайным и страшным.

А ведь если посерьезнее вдуматься, то каждый прожитый день, каждый час приближает к нам этот неизбежный и страшный момент. Вопрос только в том, как долго еще осталось нам ждать этот час и кто раньше из нас должен будет отойти в иной мир. И знаешь, дорогая О., эти размышления теперь не только не печалят, не тревожат, а прямо радуют, успокаивают меня. Скажу даже больше — это, пожалуй, единственное, что бодрит и радует мое сердце.

Ты пишешь, что, встречаясь с друзьями, часто вспоминаешь прошлое, говоришь о настоящем и почти нет бесед о будущем —

так неопределенно оно. То же самое и у меня, только друзей у меня нет и беседовать приходится только с самим собой, а вот думы о будущем обычно перескакивают через ближайшее, устремляясь к тому отдаленному (а может быть это самое ближайшее, кто знает!), конечному моменту, который кажется таким вожделенным, радостным, успокоительным. Ты мне скажешь: но жить-то ведь надо, а живое должно думать о живом. Да, это верно. Но будем думать о живом только настолько, насколько нужно жить, а главные думы пусть будут уже о грани жизни.

О смерти З.Ф. — М. прислала подробное письмо, она же писала о выздоровлении Л.Д. [Аксенова]. Это последнее, конечно, радует меня. Чем это он расстроил тебя? Смотри на все с точки зрения необычайной кратковременности нашей жизни и будешь мудрой.

Писал тебе о своей болезни, немного нога продолжает болеть, так что хожу немного прихрамывая, и понемногу болит сердце.

Привет мой искренний Е., В., также Н.

Будьте здоровы и бодры, о мне не беспокойтесь.

Не теряю надежды все же когда-либо встретиться с вами.

а.В.

20.I.1936 г.

Дорогая О., сегодня получил твое и Е. письма. Правда, твое пришло несколько раньше, но так как я был в лазарете, то письма передали одновременно. Сегодня как раз я возвратился из лазарета, где пробыл пять дней, болел распространенной теперь болезнью гриппа. Теперь как будто опять поправился. Ведь в течение двух месяцев я третий раз захварываю, правда, всякий раз на очень непродолжительный срок. А вот в лазарете за все свое долговременное пребывание в лагерях был теперь только первый раз. И не люблю же больницы; впрочем, кто их может любить!

Одновременно с вашими письмами получил письмо от своего отца. У него что-то не в порядке с сердцем, опасается скоропостижной смерти. Это неизбежно, однако становится грустно при этих размышлениях; впрочем, тем для печальных размышлений немало.

Вот Люся, естественно беспокоит[ся] и сама за себя, а также ввиду совместной жизни с Верой. М. писала, что в ближайшее время собирается отвезти ее в психбольницу. Это, пожалуй, был бы наилучший исход.

А ты все философствуешь и по-прежнему терзаешь себя действительными и выдуманнными тобой же противоречиями и проч. Как и прежде, желаю тебе прежде внутренней умиротворенности, изжития всяких противоречий и борений.

Сегодня очень памятный и прямо юбилейный день в моей жизни [день пострига в монашество: 1.III.1922. — *Публ.*]. Много воспоминаний приятных и радостных, но много горестного и печального сочетания в одном и том же.

Е. и В. передай мой привет. Будь здорова и бодра. Пиши.

1.III.1936 г.

а.В.

Дорогая О., на твое письмо, полученное мною ровно месяц тому назад, сразу же написал ответ, но оно, по-видимому, не дошло до тебя. Не получая от тебя весточки, решил написать тебе, тем более, что сегодня получил вашу посылку. Спасибо тебе и твоим подругам за заботы и всегдашнее внимание ко мне. Ваша любовь — величайшее утешение для меня. На днях послал ответ на только что полученное письмо В., а сегодня отправил письмо Е. в ответ на ее письмо, полученное около двух недель тому назад.

Вести отовсюду очень грустные. Если Е. получит мое письмо, то ты можешь увидеть, как печально настроен я. Ведь сейчас самым радостным в представлений моего будущего является исход из мира сего — смерть. Это было бы очень хорошо, если бы подобное ощущение было плодом глубокого внутреннего подвига, результатом внутреннего духовного роста. Ни того, ни другого тут, конечно, нет.

Все это является скорее следствием соприкосновения и долгой жизни в такой ужасно тяжелой среде, а главное — результатом тех вестей, которые поступают с воли. Здесь нелегко, а там видно тоже почва из-под ног уходит у многих, потому страшно становится за всех, а больше всего за самого себя. Поэтому радостнее, хотя бы очень относительно, когда не вижу и не ожидаю. Как-то хочется еще дальше от людей отойти; никогда ведь близок ни с кем не был — в этом большой мой недостаток. Но дружбу с вами очень ценю, и дорожу вами, и прошу всех вас троих не оставить меня это время своей молитвенной помощью.

В моих воззрениях нет никаких изменений или колебаний. Для меня все ясно и непререкаемо, также твердо и непоколебимо. Быть может, поэтому и хотелось бы мне теперь же умереть, но да будет во всем не наша слепая и страстная, потому всегда ошибочная воля, а воля Всевышнего, святая, непогрешимая.

Здоровье мое направилось, чувствую себя относительно хорошо, хотя сердце часто дает себя чувствовать и иногда бывает общая слабость.

Время быстро идет, не успели вступить в подготовительный период, как близок уже и сам Великий праздник. Святые небесные слова волнуют душу, поднимая ее из окружающей грязи — это их сила и действенность — лучшее и непререкаемое доказательство их святости и действительной связи с Вечностью.

Прости за мое грустное и бессвязное письмо. Не знаю, дойдет ли оно еще до тебя, во всяком случае при ответе о нем не упоминай.

Будь здорова и бодрa. Привет подругам и твоей сестре.

а.В.

12/25.III.1936 г.

Прошла неделя, а письмо все еще не отправлено. А теперь уже пора посылать приветствия с наступающим праздником. Как ни грустно кругом, одно имя праздника из праздников, или отдельные фразы из песней, которые поются в эти дни, сразу же переносят вас в другой, без всякого преувеличения светозарный мир, мир, где — непрестающее радование и ликование. И что этот мир — не плод нашей фантазии, не самогипноз и самообман, а что он так же реален, как и этот чувственный, — самым лучшим и неоспоримым доказательством являются эти единственные дни года, когда без особых усилий и трудов дается многим душам приобщение к Истине.

Приветствую тебя и твоих подруг с этими светозарными днями и шлю пожелание быть и вам всем светозарными, радостными, окрыляемыми надеждой лучшей совершенной жизни. Да будет так!

а.В.

18/31.III.1936 г.

Дорогая О., на праздниках получил твое письмо, и еще раз от души приветствую с этими светозарными днями, исполняющими радостью все верные сердца. Необычайно хорошо встретил и провел эти святые дни. Был праздничным в полном смысле слова, хотя воспоминания прежних торжеств и оставляли в душе место желания чего-то большего и лучшего. Но самое главное и

единственно наполняющее жизнь было со мной, во мне, потому радость была полной, тихой, святой. И сейчас спокоен и радостен, хотя окружающая среда и собственная лень не могут не наложить своих темных пятен: так выходит, что после праздника опять уже немного загрязнился. Такова уж участь нас смертных — в отдельные мгновенья можем только возноситься к небесам, а то приходится с трудом и усилием отрывать себя от земли. Положим, — это смысл и содержание в высшем смысле всей нашей жизни.

Все грустные мне пишут письма, да оно и понятно — жизнь никого теперь не балует, откуда братья радости и бодрости. И тебе, видно, не очень-то весело живется. Ты, конечно, права, когда говоришь, что нет предела желаниям человека: дай ему одно, как он уже хочет другое и т.д. Но попробуй перенеси эту безграничность, вернее некоторую неудовлетворенность к исканию другого, большего и лучшего в области внутренней, сокровенной жизни. Там получается несколько иначе. А между тем это лучший, даже больше того — единственный выход нашему природному стремлению ввысь, к лучшему, совершенному.

Все время нам твердили, и мы, кажется, твердо усвоили, — правда, теоретически — одну непререкаемую истину: счастье внутри нас — сердце — вот где обретается покой и радость, и только в нем можно достичь чего-либо значительного. Если бы эта хорошая усвоенная теория была бы так же усердно усвоена нами на практике, — мы были бы уже блаженными здесь на земле. Вот как близко счастье, блаженство к каждому из нас.

Ты, конечно, вполне согласна с моими словами. Значит, нечего нам на окружающее жаловаться, себя извинять и оправдывать. Если плохо нам, то только от нас же самих, от нашей лени, от нашей любви к греху, ради призрачной и обманчивой его сладости. Все эти слова прежде всего к себе отношу. И всех зову, а также самого себя, на подвиг внутренний, на всегдашнюю память о небесном, горнем. Как это делается, ты прекрасно знаешь. Только не ленись, усердствуй и радостные плоды скоро ощутишь в душе своей.

О Люсе спрашиваешь меня — не знаю, что и ответить. Тебе виднее, сделай все, что можешь на пользу ее, Господь вознаградит тебя.

Привет подругам твоим. Е. радуется моими письмами, а В. не пишет.

Будь здорова и бодра. У меня все благополучно, вполне здоров. О письме, конечно, не упоминай. Приветствуй Л.Д. а.В.
16.IV.1936 г.

Дорогая О., сразу же как только получил твое письмо, написал тебе ответ, но письмо провалялось неделю и теперь хочу уже написать новое. Мне было радостно получить твое письмо, хотя содержание его не очень-то может радовать, много грусти и печали кругом, видно всюду радость отнята от наших сердец. Вчера получил вашу посылку. И хоть стыдно мне получать подарки, все же очень приятно здесь в отдалении знать, что старые друзья еще помнят о тебе. Спасибо вам за все заботы и память о мне. А тебе, О., спасибо за посещение моих сестер, за совет о Люсе. Как ты думаешь про нее, так точно с самого начала думал и я. При теперешних условиях жизни, когда никто дома не может следить за ней, когда все так заняты службой, совершенно невозможно брать ее из больницы, так как этим самым она будет подвержена постоянным опасностям во время ее походов. Поэтому решение оставить ее в больнице, при всей кажущейся жестокости, все же наиболее благоразумное и, пожалуй, единственно правильное. Конечно, жалко ее. Вообще судьба подобных несчастных наводит на многие и многие размышления, наш рассудок едва ли может дать полное объяснение.

Ты опечаливаешься слухами о Ник. Ксен. Мне об этом писали, и я в письме к Е. подробно высказал свои мысли, вызванные этими сообщениями. Основное, что теперь во мне — это страх, даже ужас перед той таинственной, но несомненно реальной силой, которая сметает многое, казавшееся непоколебимо твердым, неизменным. Страшно вообще, и, конечно, страшно за самого себя. Ты права, когда говоришь, что больно делается при слухах о близких и дорогих нам людях. Конечно так, потому известия о Павле и Амвросии, можно сказать, потрясли меня.

Мне начинает казаться, что теперешнее мое положение, может быть даже лучшим, так как избавляет меня от многих неожиданностей. Не будем никого судить, а для себя выведем урок — пример других — предостережение сильнейшее. Только бы благодать Божия не покинула нашей немощи, потому что оставленные одни ничего не сможем сделать, и бездна поглотит нас.

Хорошо было бы повидаться с кем-нибудь из вас, но с кем поедет моя сестра, не знаю, предоставляю этот выбор ей самой.

Со свиданиями у нас строже, да и вообще в нашей жизни нет той простоты, которая была когда-то, даже не исключена возможность перемены местожительства.

Про себя скажу — живу по-прежнему, здоровье в порядке, только временами болит нога, даже палочку себе заказал, —

совсем стариком делаюсь, но чувствую себя бодро и спокойно. Всех вас помню, люблю и уважаю.

Привет твоей сестре, подругам и Л.Дм. Будь здорова и благополучна. О письме, конечно, не упоминай.

а.В.

2/15.V.1936 г. Св. Бориса и Глеба.

Р.С. Дорогая О., все время я помню о том подарке, который ты обещала когда-то мне сделать, который когда-то имелся у меня — говорю о схиме — не теряю надежды когда-нибудь надеть ее.

Равным образом думаю, что и твое желание должно обязательно исполниться. Да будет так. Будем об этом просить Господа!

а.В.

15.V.1936 г.

Получил твое письмо, но все никак не могу собраться написать ответ.

Ты все сетуешь на свое одиночество; собиралась было жить вместе с М.Ст., а та поехала к Кл., теперь думаешь о новой подруге. Ты, конечно, права, считая, что вдвоем гораздо лучше можно жить, лучше во всех отношениях. Но найти подходящего человека не так-то легко — в этом ты убеждаешься на своем опыте уже немало лет. И кто знает — найдешь ли ты такую! Пока еще хорошо, что все же ты не одинока в полном смысле — все же недалеко от тебя твои близкие единомысленные подруги, что тоже немалое облегчение.

Ты даже подумываешь о переезде в большой город. Что же, это неплохо, если только удастся. А почему не попытаться?! Конечно, и тут ты права, когда говоришь, что только привычка, может быть, тянет нас к насиженным местам, потому что ведь особых-то преимуществ, пожалуй, там и нет. Впрочем, тебе самой-то гораздо виднее. Ведь я-то совсем отстал от той жизни и, вероятно, совсем не так представляю, как это есть на самом деле. Меня, знаешь, все не покидает мысль, может быть, и не имеющая никаких оснований, — не буду ли я еще полезен тебе.

У нас лето — тепло, жарко. Но кругом нас нет совершенно зелени — ни травки, ни кустика, ни деревца, только камни, песок и пыль кругом. Выйти прогуляться решительно некуда — только несколько десятков метров полотна железной дороги и то среди складов, сараев.

Время мчится. Обещала сестра приехать на свидание. Я уже получил разрешение на 7 суток. Но с кем она приедет, не знаю. И почему-то ты не могла договориться с ней, чтобы вместе приехать, или сестра не хотела с тобой — едва ли это так.

Вчера получил открытку от Е. Слава Богу, что вы все благополучны и здоровы. Храню о всех вас самую светлую память. Как бы хотелось хоть кого-либо из вас повидать, а Вы, видно, сами не захотели это как-нибудь устроить. Ну, будем ждать терпеливо тот день, когда уже не Вы, а я сам буду к вам собираться ехать. Е. пишет, что это будет скоро. Да будут слова ее пророческими, хотя у меня нет веры в них. Впрочем и остающийся срок 2,5-2 г. не так уж велик, принимая во внимание прожитое и наше терпение.

Будьте здоровы, благополучны. Да хранит вас Господь!

а.В.

16.VI.1936 г.

Дорогая О., на днях от меня уехали гости. Все было очень хорошо, как говорится, без сучка и задоринки. Однако я посетовал на свою сестру за то, что она не договорилась с тобой о совместной поездке ко мне. Она говорит, что с удовольствием поехала бы с тобой, но не подняла разговора об этом, зная, что ты едешь на юг. Ну, это дело уже прошлое и теперь об этом говорить нечего, а в будущее заглядывать еще преждевременно. Во всяком случае, повторяю, повидаться с тобой или с кем-либо из твоих подруг мне очень и очень хотелось бы, так как есть несколько вопросов, о которых хотелось бы знать ваше мнение, а также получить разъяснение интересующего меня. К сожалению, мои гости не были вооружены достаточным знанием, чтобы дать действительные ответы на вопросы, интересующие меня.

Но и помимо этого, беседа с вами всегда доставляла мне большую радость, а после столь продолжительной разлуки встреча, знаю, была бы полна радости. Писал нашей В., что если она имеет желание и некоторое основание получить разрешение, то было бы хорошо ей приехать. Однако мое письмо, по-видимому, несколько обидело ее, так как в ответ получил «недовольное письмо», Впрочем, может быть, во всем виноват я сам.

В моей жизни нет никаких перемен. Только сразу же после отъезда почувствовал себя очень плохо — очень болят ноги и сердце. Сейчас хотя несколько лучше, но еще не совсем оправился. К доктору собираюсь сходить.

А ты как будто собираешься совсем перебраться на юг. Так, пожалуй, мы с тобой и совсем не увидимся. Об этом последнем буду, конечно, очень сожалеть.

Про себя не знаю, что и сказать — когда захварываешь, все думаешь, не пора ли отправиться к праотцам. И хоть умом ясно понимаешь, что умереть безразлично в каком месте, все же не хочется умереть здесь вдали от всех. Но над всем да будет не наша греховная, а иная высшая святая воля!

Желаю тебе здоровья, бодрости и умиротворенности.

Привет твоей сестре и подругам.

а.В.

1.VII.1936 г.

P.S. Сегодня ходил к врачу — ничего страшного нет — обычное у меня невроз сердца.

Пиши. Буду рад получать твои письма.

а.В.

3.VII.1936 г.

Дорогая О., поздравляю тебя с днем твоего Ангела. Желаю тебе бодрости и внутренних сил на пути к идеалу. Уже который год — пятый, приходится заочно приветствовать тебя с твоим праздником. Не знаю, застанет ли мое письмо тебя дома, — ты как будто собираешься на юг. А писем ни от тебя, ни от твоих подруг не получаю уже целый месяц. Да и от своих также ничего не получал. Возможно, что никто не пишет, а, может быть, перебой в работе почты.

Вспоминая твой праздник, не могу не перенестись мыслью к следующим памятям, столь дорогим и близким нашим сердцам. Это дни прп. Серафима и вмч. Пантелеймона. Ни в одном из житий угодников не выявлены с такой ясностью, многообразием и красотой великие дары Духа. Дух Святой почил на этом старце как бы ощутимым образом, и через него благодать разливалась многим. А явление многократной Пречистой (правда, и в других житиях прп. Сергия, прп. Афанасия) волнуют, потрясают до слез. Для меня жизнь прп. Серафима и все чудесное, связанное с его именем, — не подлежит сомнению, и опять-таки лично для себя считаю это наилучшим неопровержимым доказательством бытия иного лучшего совершенного мира, — действительных возможностей проникновения нас туда ввысь еще в условиях земной жизни.

Это же самое, несколько по-иному, говорит мне и св.Пантелеймон. Память его мне особенно дорога по воспоминаниям детства — праздник этот особо чтился в Званском монастыре, у дедушки.

И как скудно сейчас вокруг, да и в душе — полная опустошенность и темнота. Только в глубине души теплится лампада веры, она и дает силы спокойно и бодро переживать все.

Если будет желание и возможность, напиши мне. Привет друзьям.

Храни Господь.

21.VII.1936 г. День Казанской иконы Б.М.

а.В.

Дорогая О., сегодня получил твое коротенькое письмо. Совсем уже заждался, потерял надежду, хотя ни одной минуты не сомневался в добрых твоих отношениях ко мне. Да, не всегда ведь можно писать письма — надо хоть немного иметь доброго, мирного настроения. А в серый сумрачный день трудно бывает и два слова связать. И сам-то я давно уже не писал тебе. Конечно, ты не можешь сомневаться в неизменности моих исключительно добрых отношений к тебе. У тебя есть надежда на встречу когда-нибудь, на встречу и возможное устройство своей жизни. И у меня теплится эта же надежда. А осуществление в воле Иной!

Но все же следовало бы тебя и В. побранить. Если бы не Е., которая регулярно пишет мне, что бы я должен был думать про вас, когда вы целыми месяцами не присылаете ни строчки. В. почти три месяца не пишет. Не нужно забывать, что я с вами все же в неравных положениях, и как бы ни было вам тяжело, а отсюда и плохо настроение, скорее вы должны снизойти к моей слабости, чем вам дожидаться моего снисхождения...

Прошла почти неделя. Сегодня наш престольный праздник св. бл. Александра Невского. Ты писала в канун Успения, а я отвечаю в другой день, так же дорогой и близкий нам.

Поистине «переходит образ мира сего». Ведь если бы наши идеалы покоились только в пределах сего мира, а этот мир на наших глазах разрушается, то какая беспредельная неисцельная тоска должна бы покрыть нашу душу при разрушении наших надежд и чаяний! И теперь ведь многое нелегко перенести, ибо все же сердце наше хоть частично да привязано к смердящему трупу мира сего. Но слава Господу, давшему нам познать свет Истины! Если немного и печалимся, то только по немощи своей человеческой природы.

«Наша жизнь на небесах», благовествует божественный Павел. Не только отвлеченные идеалы будущей жизни должны вдохновлять и укреплять нас — отвлеченное имеет очень слабую способность влиять на жизнь — а сама жизнь, пронизанная небесным светом, обвеваемая воздухом нетленных обитателей, именно жизнь, хотя и сокровенная, незримая, — она только имеет власть, давая душе радость и блаженство среди скорбей мира сего. О, как хотелось бы мне вновь соприкоснуться с живущими по духу, и самому хоть немного воспрянуть, поднять очи горе! Сейчас в скудости духовной обретаю себя нищим, обнаженным какого-либо одеяния брачна. Но есть одно упование — неизреченная милость Владыки жизни нашей. Может быть, Он еще даст ощутить сладость блаженной жизни в общении с Ним!

На это уповаю, этим живу, без этого был бы самым несчастным из всех живущих на земле. А теперь бодр и крепок, хотя и нищ и немощен.

Дорогая О., все же время от времени пиши, как писала когда-то раньше.

А вести церковные не могут порадовать. Грустно.

Привет Е. и В. и Н. Будь здорова. Храни вас Господь и благослови.

а.В.

12.IX.1936 г.

Дорогая О., вчера получил твое письмо вместе с письмом В. Вы так редко стали писать, особенно В., что иногда начинаю искать особых объяснений такой перемене. Но, по-видимому, ничего особенного нет у вас, кроме иногда посещающей вас хандры, а отсюда нежелания что-либо делать, в том числе писать письма далеким друзьям...

Смотри, как быстро мчится время: завтра мы уже старики и недалеко от нас смерть, а мы все еще только собираемся «положить начало благое». Не теряй времени, потому что его не удержишь и не возвратишь обратно. Условия твоей жизни не так плохи, многие, очень многие не имеют того, что доступно тебе. Только греховное чувство, присущее всем нам, делает нас недовольными даже тогда, когда в действительности к недовольству и повода настоящего нет. К сожалению, таковы почти все мы. Чувства покорности и благодарности почти незнакомы нам. Там, где их нет, нельзя ожидать и прихода благодати, животворящей душу. У тебя это — застарелая болезнь, к врачам чаще обращайся, мень-

ше философствуй, смиряйся, покоряйся. Об «исходе» своим думай, о будущей вечной жизни размышляй.

Сегодня память св. Иоанна — апостола любви, наперсника и друга Христова, Богослова. Боговдохновенные писания его, прошедшие века, и чтимые нами в течение всей нашей жизни, дают пищу и уму нашему для размышлений высоких и сердцу для чувств благородных. Можно сказать, что каждый стих может быть темой многих и многих размышлений. Моя мысль очень часто останавливается на одном стихе: «се есть живот вечный, да знают Тебе Единого Истинного Бога и Его же послал еси Иисусе Христе», т.е. — жизнь вечная это знать Единого Истинного Бога и Посланного Им Иисуса Христа. Со стороны может показаться странным и непонятным приравнивание, отождествление жизни и знания. Знание — дело ума, нечто отвлеченное, а жизнь нечто более обширное, охватывающее все существо человека, знание только одна частица жизни. Однако это разделение знания и жизни, применяемое к обычным понятиям человеческим, не приложимо к делам божественным. Познание Истинного Бога, Живого и Животворящего, объемлющего весь мир и недалеко сущего от человеческих душ, Его призывающих, познание Триипостасного Бога через Сына Божия, принявшего образ человека — это познание не может быть отвлеченным, сухим, оторванным от жизни. Уже начало этого великого откровенного знания вводит человека в иной высший мир, где душа невольно должна парить в высоте, отрываясь от земного. Она делается участницей некоего блаженства — начала и залога жизни вечной. Полное познание этой сокровенной тайны есть полнота вечной жизни. Впотьмах и ощупью бродим мы здесь на земле. Сколько преткновений, искушений, соблазнов, падений встречает наша душа на пути своем! Но Господь Всемилостивый зрит на души человеческие, и если они остаются Ему верны, то как бы немощны и слабы они ни были, Он охраняет их, подкрепляет и приводит к блаженному концу. Это так радует и успокаивает наше сердце.

Будем искать Господа, Он недалек от наших душ; Он — наш Отец, Пастырь и Наставник. Он — наша жизнь и блаженство!

Завтра память прп. Савватия Соловецкого. Образ древних подвижников да будет примером в наших малых трудах!

Желаю тебе быть истинной подвижницей! Привет Е., В., Н., М.А. и Л.Дм. Храни вас Господь и благослови.

а.В.

P.S. Почему ты спрашиваешь — не прислать ли химический карандаш — карандашей у меня много всяких. Вот у меня опять иссякла картофельная мука.

а.В.

Дорогая О., получил опять несколько грустное письмо. Ты ни на что определенное не жалуешься, а всюду сквозит явная неудовлетворенность...

Правда, быть довольным трудно. Надо иметь величайшую внутреннюю силу, прямо сверхчеловеческую, чтобы в окружающей обстановке сохранить высоту и чистоту настроения и помыслов. Неизбежны ниспадания, ослабления, а если то так, то тут же рядом идет недовольство, печаль и уныние. Но из твоего письма все же вижу ты стала молодцом, не даешь себе распускаться, держишь себя в руках... Это очень радостно слышать. Помоги тебе Господь! Несколько позже твоего письма получил открытку от Л.Дм., пишу ему ответ, вкладывая в твой конверт.

В. уехала в отпуск. Почему-то она опять мне не пишет. Ты, слышал я, тоже скоро собираешься ехать на юг. Желаю тебе благополучия в жизни и осуществления твоих благих намерений, когда будешь гостить у аввы [архим. Гурия]. Ему конечно мой искренний привет и просьба его св. молитв. Хотелось бы знать про его жизнь, как она устроена, чем он живет во всех отношениях?

В моей жизни никаких перемен нет. Теперь начались разговоры (не впервые во время моего пребывания в лагере) о возможных изменениях нашей участи. Даже Леонид Дмитриевич в своей открыточке дает такую же надежду. Не очень обнадеживаю себя этим, но мысли невольно влекутся к этому вопросу, так что начинаю думать, куда же ехать — вопрос серьезный. Определенного и ясного плана не имею, можно сказать, что совсем не представляю, как устраивать свою жизнь, если паче чаянья действительно срок будет сокращен.

Е. тоже стала очень редко писать, одну открыточку имею от нее, ответ был сразу же послан. Ужели почта плохо работает — это очень печально. Письма так радостны бывают здесь, без них совсем скучно.

Передай мой привет Е.Н. и М.А.

Храни вас Господь и благослови.

а.В.

28.X.1936 г.

Дорогая О., в день получения от вас, троих, писем, написал сразу ответ Е. и В., написал, но не отправил, а сегодня, в день знаменательный для меня, хочу побеседовать с тобой. Спасибо тебе

за твою всегдашнюю память обо мне, за неизменную любовь и внимание. Как писал тебе, твои письма (по пути на юг и обратно домой из Москвы) получил: спасибо за них.

Видно, поездка твоя доставила тебе не только приятную радость свидания с дорогими и близкими, но и глубокое внутреннее удовлетворение. Это очень хорошо, что ты смогла запастись на некоторое время силами и желанием подвизаться подвигом добрым.

Сейчас, конечно, тебе трудновато привыкать к прежней, несколько скучной и однообразной обстановке, но общение с подругами, с которыми прожила почти полжизни, восполнит недостающее. При общности интересов, вы все так разны, не похожи одна на другую, что вместе являетесь необходимым дополнением одна другой. Не знаю, можно ли в жизни встретить такое сочетание. И особенности ваших индивидуальностей несколько не отделяют вас одну от другой, ибо есть нечто роднящее и соединяющее вас узами нерушимыми, — это любовь к Господу. Тут нет места вражде, соперничеству, ревности, ибо любовь, коею невольно проникается всякое искренне верующее сердце, она исключает все разъединяющее, разделяющее; ученики Господа союзом любви связуются, и это одинаково относится ко всем ученикам — великим и малым. Слава Господу, что вы искренно любите друг друга. Взаимное общение да будет вам силой укрепляющей и воспламеняющей многое недостающее в жизни вашей.

Ты, О., все скорбишь (может быть, и не без основания), что тебе приходится быть одной, а не так, как твои подруги. Конечно, слабым волей, кои не могут твердо держаться раз установленного правила, лучше жить вдвоем, втроем. Это особенно приложимо к юности. Но ты уже приближаешься к старости (правда, старость не числом лет исчисляется, а внутренняя крепость присутствует не обязательно в соответствии с числом лет), имеешь некоторый опыт, и тебе не так уж страшно уединение, в некоторых же случаях оно определенно имеет преимущества. Впрочем не будем загадывать в будущее: Господь Всемилостивый Сам устроит твою жизнь!

Вчера получил открытку от Л.Дм. Большое ему спасибо. Постараюсь написать ему отдельно. Сейчас очень занят работой, буквально нет времени написать письмо, эти строки пишу между делом.

Вечер. Вспоминаю его 15 лет тому назад [день пострига. — *Публ.*]. Стал монахом, но крылья имею не огненные, высоко возносящие, а отяжелелые, влекущие вниз — образ настоящего и последних дней (по видению старца), одно только утешает, что все

же и с этими тяжелыми крыльями все же перелетел море, хотя несколько раз ему грозила опасность упасть и потонуть в море. «Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!»

Вспоминаю всех друзей своих, в течение столь долгого времени сохранивших в памяти мое имя и являющих свою любовь и внимание доселе. Господь да вознаградит их сторицею! Некоторые из них уже отошли в обители небесные, да успокоит их Господь!

Прошу вас всех не оставлять меня в молитвах своих.

Жалею, что В. не приехала, был бы очень рад, ожидал это время. Видно, так надо. Терпением нам как будто не надо запасаться — большой опыт. О мне не беспокойся — у меня все благополучно.

Тулома закончила свою стройку, очень много из административно-технического персонала приехало к нам, многих из наших старых рабочих заменяют ими, помимо того происходит сокращение в количестве людей и в отношении нашей оплаты.

Привет подругам, твоей сестре и Л.Дм.

Храни вас Господь и благослови.

С любовью многогрешный

а.В.

17.II.1937 г.

P.S. Прошу простить меня за все вольное или невольное, что когда-либо было причиной вашей обиды и горечи. Простите меня и помолитесь.

Дорогая О., сегодня получил твое письмо из Москвы, написанное уже по пути домой, и первое твое письмо, также с пути, мною было получено.

Рад за тебя, что ты встряхнулась, повидалась с дорогими, близкими, запаслась новыми силами. Правда, теперь тебе труднее приниматься опять за прежнюю работу и возвращаться к старой обстановке. Вполне понимаю твое настроение. Но у нас ведь почти всегда так — редко мы бываем довольны, душа все время ищет чего-то большего и лучшего. Находить это лучшее, приобретать его, хранить и беречь — вот это мы не особенно-то хорошо умеем.

Да, самое затруднительное в вопросе переезда на юг — дальность расстояния. Хоть пространство и не господствует над нашими душами — все же оно нередко тяготит нас. Но все же это об-

стоятельство второстепенное, если вопрос о переезде будет поставлен серьезно.

Очень хотелось бы узнать о жизни южных друзей, меня это очень интересует. В моей жизни нет никаких перемен — все идет по-прежнему. Но уехать отсюда смогу при самых благоприятных обстоятельствах, если угодно Богу, только летом будущего года. Времени уже не так много, но кто знает, какие события могут произойти, прежде всего доживем ли, не будет ли днем освобождения — день исхода нашего из мира сего?!

Здоровье мое направилося, больше не хвораю, в столовую не хожу, а готовлю пищу сам. Можешь же представить себе, каким кулинаром теперь я стал?

Погода по-прежнему морозная, уже долго стоят довольно сильные морозы, но при всей своей мерзлоте, особенно морозов не чувствую, так как одет тепло.

Приближаемся уже к дням особого воздержания, через несколько дней вы будете читать Постную Триодь, преисполненную покаянных слезных молений грешной падшей души. Все это так близко и родственно нам, ибо, к несчастью, грех царит в наших душах. И вместе с этим великое желание, горячее, непрекращающееся, как неутолимая жажда и голод — желание очищения, спасения, приближения к Богу. О, как хотелось бы сбросить с себя тяжкую ношу греховную, и вкусить сладость чистоты.

Господи, помоги!

С любовью храню память о вас, моих дорогих друзьях, и прошу одного — молитвы теплой о грешной душе моей.

Привет Е., В., Н. и Л.Дм.

Храни вас Господь и благослови.

С любовью, многогрешный

а.В.

18.II.1937 г.

Дорогая О., сегодня только что получил твое письмо вместе с письмом Е. Спасибо вам, моим дорогим друзьям за вашу всегдашнюю память и любовь ко мне!

Да, очень жалко, что В. не удалось побывать у меня; может быть, это и ей было бы неплохо, а мне, конечно, она сообщила бы много интересного и нового. Будем терпеливо ждать будущего года, может быть Господь приведет еще свидеться всем нам на грешной земле.

Ты, конечно, живешь воспоминаниями своего путешествия. Наш дорогой авва [архим. Гурий. — *Публ.*], видимо, по-прежнему трудится, спасая малых сих. Господь помогает ему. Как бы хотелось узнать об образе жизни его — вероятно, есть чему поучиться. Ты вспоминаешь в письме наше первое служение с аввой Варсонофием — да, много воды утекло за эти 15 лет. Чувствую себя уже совсем стариком, только мудрости старческой нет, вот горе!

Ты пишешь, что конец представляешь по Флоренскому, а я ведь, представь, забыл, как он обрисовывает этот момент. Вот бы повстречаться с ним и попытаться у этого кладезя премудрости.

Хорошо еще, что не лишен возможности встречаться и беседовать с собратиями и читать небесные слова Господни и молиться молитвами св. Отцов. О, это великая благодать. Благодарю Господа!

Когда у меня было много книг и икон, то один вид их безмерно радовал меня, так я их любил, но всякий раз потом упрекал себя, что, имея такое величайшее богатство, так мало пользуюсь им, оно скорее ласкает мой взор, чем вливает свои благодатные струи в бедную мою душу. Теперь осталось от всего богатства две малюсенькие книжечки, маленький крестик на груди и маленькое «умиление». Вот в меру трудов оставили малую часть из великих дарований. И уже теперь жалею не утерянное, а небрежение и леность свои. Хотя бы этим малым оставшимся и теперь при моих условиях кажущимися очень большим богатством, воспользоваться как следует — полностью.

Весна и у нас показывается, но нет-нет да и опять холод со снегом. Кругом горы снега. А днем всюду лужи. Но время быстро идет к теплу, скоро весна и лето.

Спрашиваешь про диету: ничего мясного, острого и консервов. Сейчас питаюсь: гороховый суп с картофелем, иногда гречневая каша и компот, конечно чай и белый хлеб — хорош постник?!

Привет Е., В. и Н. и Л. Дм.

Храни вас Господь и благослови.

С любовью, многогрешный

а.В.

27. III. 1937 г.

Дорогие О. и Е., только что получил вашу посылочку и сейчас имею возможность написать вам несколько строк. Вы помните меня — и за эту память, вашу любовь, внимание ко мне приношу

вам искреннюю признательность. Только очень-то о мне не беспокойтесь; в одном только можете быть чрезмерными — ваших молитвах к Господу. Теперь как раз наступает очень тревожное, чреватое серьезными последствиями время. Хоть в моей жизни не произошло никаких перемен — пока здоров и благополучен, но настроение тревожное, беспокойное. Прошу теперь особо усердных молитв ваших.

Беспросветно-серая, уныло-однообразная жизнь. Нет никакого просвета... Но нужно сознаться — корень зла в себе самом: скудость внешней жизни не преодолевается высотой и интенсивностью внутренней жизни. Внутренняя жизнь едва-едва теплится. Умом не сделал ни одной самомалейшей уступки, полнота и крепость веры неизменно те же самые, какими были на заре сознательной духовной жизни. А сердце... Как далеко оно ушло от тех небесно-прекрасных, чудесных переживаний, какими было полно в дни юности духовной и потом в последующие — уже в более зрелом возрасте. Как далеко оно теперь от истоков благодати, как осушилось, опустилось, огрубело, отяжелело, развратилось!

А ведь в сердце текут истоки жизни, от него весь тон, все направление жизни человека. Все же живешь надеждой исправления, улучшения, очищения, возврата к утраченной чистоте, близкой ощущаемой святости.

И надежда это — единственное, что бодрит, крепит часто изнемогающий наш немощный дух.

Но какое великое лишение — отсутствие храма, святых книг, духовного общения, беседы. Мы слишком оказываемся слабыми, чтобы без всего этого преодолеть косность окружающей среды, рассеять всюду лежащий мрак. В борьбе изнемогает дух и падает. Но надежда Воскресения светозарного не покидает бедное сердце, в нем она живет, а с нею живет и грешный человек. Даже намеренно отгоняю воспоминания святых небесных дней и переживаний, отгоняю не потому, что не ценю их или не люблю, а потому, что среди этого мрака как-то неловко быть в мыслях со светлым прошлым, — можно расплакаться совсем. Правда, это не всегда так. Иногда и здесь все же размышляю о грядущем, вспоминая прошлое, святыеиной освежаю опустошенную душу свою.

Правда, ведь я имею возможность величайшего утешения — общения с Господом в Его Святом Таинстве Тела и Крови. О, как светозарна поистине небесна вера наша! И как бы ни было мрачно и темно кругом, с верой Христовой можно жить спокойно, не боясь никаких превратностей судьбы.

Есть ли какие-либо вести от аввы Гурия, Льва, — как они живут? Нередко вспоминаю Макария и Петергоф — там много

было пережито светлых, святых дней. Жив ли авва Варсонофий, как его здоровье?

Привет М.А.

Храни вас Господь и благослови и утеши.

Любящий вас а.В.

15/28.III.1937 г.

Дорогая О., сегодня был порадован получением твоего письма. Теперь меня не так балуют письмами, как было в предыдущие годы, впрочем это ограничение по моей инициативе, правда, вызванной независимыми от меня обстоятельствами. Теперь привык к краткости сообщений и их редкости — только изредка получаю открытки. Поэтому ты можешь представить себе мою радость при получении весточки от тебя.

Если ты теперь живешь воспоминаниями, то, конечно, мне-то остается только жить в прошлом. Так оно и есть на самом деле. Сейчас я нахожусь в состоянии какого-то полубытья, нередко сам не узнаю себя в действительной жизни. Прошлое кажется прекрасным неповторяемым сном, хотя и не забываю о тяжелых минутах, трудах и неприятностях, нередко встречавшихся и в то время. На настоящем не останавливаю свое внимание ни на одну минуту, а будущее так туманно и неопределенно, что опять-таки мало думаю. Вообще, очень мало отдаюсь внутренней сосредоточенной жизни. Это очень удручает меня, и действительно это очень плохо.

Если моя мысль и останавливается временами на будущем, то только на самом отдаленном — уже за пределами этого мира. Ведь только там будет истинный покой, а душа ничего другого теперь не ищет, как только покоя, — так много терзаний пришлось пережить. Прошлое прекрасно, хотя лично сделано немало ошибок, они искупаются печальной действительностью. Не теряю надежды в ближайшем будущем повидаться с моими дорогими друзьями, помнящими и любящими меня, которых и я не менее сильно люблю, уважаю и неизменно помню.

Как бы хотел повидать тебя и Е., но боюсь, что еще долго придется ждать этого. У нас сейчас свиданья не разрешаются, но, по-видимому, с мая они будут разрешаться. Как Е. во время своей поездки в город договорилась ли с Верой о возможности летней поездки ко мне — я ее жду с моей Верой. От твоей В. время от времени получаю открытки, только вот эти последние не-

дела она почему-то молчит. Если бы не ее открытки, довольно частые, мне долго бы не приходилось ждать писем.

Благодарю Бога, дающего бодрость духа и терпение, хранящего среди всевозможных [пропущены слова. — Публ.]

а.В.

[конец марта 1937 г.]

25.III.1937 г.

День Благовещения. Вечер. Слава Господу, посетившему Своею благодатью мою немощь. Вместе со всеми вами праздную и радуюсь.

Есть предание, что в этот день был сотворен мир, в этот же день был распят Господь наш — таким образом, это день первой истинной Пасхи. Это в дали веков. Для нас — это праздник события, давно совершившегося, однако имеющего значение настоящего и даже будущего, ибо спасение каждого из нас еще совершается и ожидается в будущем, потому так живы и действительны праздники наши.

Но есть и другая, более существенная причина радости праздничной — это живое общение с Господом Истинно Сушим и недалеко отстоящим от наших душ. Храмы, полные благодати Божией, в эти дни как бы преисполняются ее и обильно насыщают души молящихся. Но, увы, мало осталось храмов! Многие могут вознести молитвы только в келии сердца своего, которое также есть храм пребывающего в нас Духа Божия. И здесь Господь в дни праздничные осеняет нас Своею великой и богатой милостью.

Прожил большую половину жизни своей и все еще только начинаю учиться, что же будет, когда придется дать ответ за всю свою жизнь?

Не окончил это письмо в день праздника. Вчера, на другой день праздника, получил вашу посылку, она пришла одновременно с посылкой из Ленинграда. Спасибо вам, дорогие, за ваши заботы и память о мне. Если бы благодатные дарования в душе соответствовали моим матерьяльным, то был бы поистине благодатный человек. Но как трудно приобрести что-либо в сокровищницу души своей, видно, она сможет наполняться только по милости Владыки Господа, а наши усилия, хоть и нужны они на каждый час, весьма ничтожны и могут оказаться бесплодными. Еще раз благодарю вас за всегдашнюю память о мне. Конвертов те-

перь мне наслали (вы и Ленинград) столько, что, пожалуй, до конца срока хватит.

Понемногу весна приближается к нам, но снега еще очень много и еще больше воды на дороге, так что пройти несколько шагов — труд немалый, особенно если сапоги плохие.

Чувствую себя хорошо — здоров и во всех отношениях благополучен. Храни вас Господь и благослови!

Привет всем!

Многогрешный а.В.

27.III. - 9.IV.1937 г.

+ Христос Воскресе!

Вот и «священная и всепразднственная спасительная ночь, светозарная, светоносного дне восстания сущи провозвестнице» пришла.

Не в храме, среди восторженных и ликующих песнопений, преисполняющих сердце неизъяснимой радостью, пришлось и на сей раз встречать этот единственный светоносный день — «праздников праздник и торжество из торжеств», а в обстановке исключаящей все духовное, среди людей или забывших этот день, или скрывающих празднование его, или вовсе не знавших и не желающих знать его.

В постели пропел Пасхальную Заутреню, мысленно похристосовался со всеми друзьями и заснул. Утром рано (в 6 ч.) встал, снова пропел Пасхальное песнопение и принял Небесный Дар — величайшее утешение и подкрепление для всех живущих на земле.

Не могу не вспомнить ту величественную песнь, которая воспевается однажды в год — вчера: «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом и ничтоже земное в себе да помышляет, се бо Царь Царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным». Неизъяснимое, непостижимое таинство, когда человек питается Божественною Плотию! Это для укрепления нашей немощи, это высшее питание духовное, это залог теснейший общения со Христом в будущем веке.

И торжество Пасхальной ночи, единственное из всех торжеств на земле есть предвестие всеобщего воскресения и блаженной жизни со Христом. К этой будущей жизни в небесных обителях все время устремляю свой взор, и в надежде грядущего освобождения от греха и страстей, мучающих и тиранящих душу, черпаю

силы для здешней жизни, полной непрестающей брани, искушений, соблазнов, преткновенений, падений и восстаний.

Сейчас полная и совершенная тишина на сердце — Господь приходит в тихом веянии «хлада тонка». И Он — Сладчайший, радости исполнивший учеников, эту же радость подает и нам, хотя и недостойным, но все же ученикам Его.

«О, Божественного, о, сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века». И верен Господь слову Своему. На протяжении всех веков все верные Христу были неизменно Им охраняемы, подкрепляемы, утешаемы; реально ощущали близость Господа, некоторым же в исключительных случаях Он являлся в чувственном образе. И всех верных питал Он и доселе питает Своею Божественною Плотию, и всякий вкушающий тело Господне знает и реально ощущает, что это действительно есть Плоть Господа.

Слава Господу всемилостивому, премудро устрояющему нашу жизнь.

Да будет милость Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами, да благословит Он вас и утешит!

С любовью, многогрешный

а.В.

19.IV. — 2.V.1937 г.

Светлое Христово Воскресение.

P.S. Сейчас бытовые условия изменились, несколько ухудшились; перед праздником нас всех перевели на лагпункт, где живем не в отдельных комнатах, как это было раньше, а в общем бараке, правда, нар нет, только койки, состав — только ИТР, помещение чистое, хорошо отделанное, но вот горе для меня — нет плиты, придется свою кухню прикрыть и идти в столовую, в которую не ходил месяцев пять. Пишите. а.В.

25.IV. — 8.V.1937 г. Святая Суббота.

+ Христос Воскресе!

Дорогая О., сегодня был порадован получением двух твоих писем. Эти две недели совсем не получал писем и начал было уже серьезно беспокоиться, а сегодня вдруг сразу получил 10: от М. — 4, от Б., В.Н., А. и Л.Дм. Это очень ободрило и обрадовало меня, а то ведь у нас тут немало печального: стало значительно строже, зачеты обещают пересчитать на 18, так что и срок прибавится.

Но все это мелочи жизни, которые к великому счастью не затрагивают глубин души. Имея длительный опыт терпения, спокойствия и легко принимаешь решительно все, что раньше, казалось, могло бы потрясти душу до глубин ее, теперь все это только скользит по ее поверхности. И верно — в скорбях и тесноте человек обретает сам себя, а найдя самого себя, взор его естественно устремляется ввысь — к Богу. Потому и сказано: «многими скорбями надлежит нам войти в Небесное Царство».

Так, праздники прошли. Милостью Господа, встретил их и провел очень хорошо, остается только благодарить Всемилющего.

Ежегодно повторяющееся празднование все глубже и глубже отпечатлевает в душе духовную красоту этих дней и как бы посвящает нас в тайники свои, скрывающие безмерное море великих тайн и чудес, сокрытых от обычного взора. Плоть тяжела и не может вместить Духа, а страсти, обуревающие ее и грех, царящий в мире, делают ее темницей Духа, а потому понятны становятся слова Апостола: «окаянный я человек, кто избавит меня от тела смерти!».

Светозарные дни праздника просветляют и окрыляют наш мощный дух, благодать Божия обильно изливается в эти дни в наши сердца. И вся вера наша и все упование наше да будет в одном Имени Сладчайшего Господа Иисуса Христа, да будет Оно неизменно отпечатлено в сердце нашем, тогда все будет покой, радость, непоколебимость.

Леонид Дмитриевич сообщил грустные вести о болезни Первосвятителя. Уповаю, что Господь воздвигнет Пастыря, который упасет наши души. Много философствовать и расстраиваться не стоит — только укрепляйте веру свою и приобретайте богатство неветшающее. Привет мой искренний твоей сестре Е. и племянницам — они, вероятно, уже взрослые барышни.

Храни Господь и благоволити.

С любовью, многогрешный

а.В.

Дорогая О., только что получил твое письмо, а вчера открытку от В. Как хорошо, что вам удалось повидаться друг с другом, а главное — побыть в родной нам и дорогой среде. Ты пишешь, что я грустен в своих письмах. Конечно, это так. При всей несокрушимости своей веры, своих идеалов длительная жизнь в беспросветной серости и будне не могут не наложить своей печати.

Правда, если бы быть более сильным и внутренне устроенным, то никакая бы обстановка и условия не смогли бы разрушить или омрачить то внутреннее спокойствие и радость, которые сопровождают жизнь по духу. Но, к сожалению, несмотря на свой возраст, относительно почтенный — мы еще младенцы (говорю про себя) в области духовной жизни. Поэтому свою внутреннюю бодрость и спокойствие отношу исключительно действию благодати Божией, привлекаемой молитвами вашими и друзей моих. Поэтому так и прошу у всех единственно — молитв.

Возможно, что мой срок несколько удлинится, хотя определенно еще ничего не знаю. Но к этому отношусь с полным спокойствием и покорностью.

Желаю и тебе бодрости, спокойствия и внутренней радости, проистекающей от неустанной работы над собой. Твои четочки доставляют мне немало радости — очень благодарю тебя за них.

Храни тебя Господь и благослови.

а.В.

2/15.V.1937 г.

Наступила теплая пора. После долгого периода холода теплое дыхание воздуха и ласкающие лучи солнца действуют радостно-бодряще, вселяя, если не любовь к жизни этой, то какую-то примиренность со всем происходящим. Есть некая отрада, утешение и в этой жизни, отрада не переходящая в грех, это радость, возвещенная в псалме: «Небеса поведают славу Божию». У нас ни о какой красоте природы говорить не приходится — так скудно все кругом: песок, камни и вода. Ни травки зеленой, ни деревца давно уже не вижу. Вот только солнце, ласкающее нас лучами своими и обдающее теплым дыханием своим, может говорить нам о переменах природы, и также возвещает о величии Творца.

Сегодня день св. ап. Иоанна, Богодухновенные писания которого возвещают нам сокровенные тайны Божественной жизни: Бог-Дух, Бог-любовь, Бог-свет, и пути познания Божественного идут по этим определениям: пребывающий в любви, пребывает в Боге; соблюдающий заповеди и тем одухотворившийся делается обителью, где Отец, Сын и Дух почивают; и неизреченный Божественный свет зрится только оком чистым и светлым, освобожденным от всякой тины греха.

Высокие созерцания могут быть для нас только предметом некоторых размышлений, направляющих наши мысли к горнему. Дела же любви и очищения сердца своего — забота наша на каж-

дый день. Неудержимо мчится время, дни нашего пребывания на земле сокращаются, а еще не положено и начало благое, ибо рассеянность, суета, рассеянность мыслей и похоти разные наполняют жизнь. Потому трудно будет рассчитывать, что при переходе в тот мир мы будем находиться во свете среди радости и ликования праведных. [Далее стерта строка. Вероятно, говорится об изучении в молодые годы Посланий. — *Публ.*] Послания Апостольские — послания Иоанна производили какое-то особое действие на душу. Казалось, как будто приоткрывается завеса, скрывающая от нас небесный мир. Потом и Послания Павла — также преисполняли душу духовного трепета.

Уже давно не читал этих Посланий.

Вчера получил две открытки от М. и письмо от Ол.Г. Отец живет по-прежнему; может быть, гроза и минует его. А Вера как будто не особенно склонна ехать ко мне с Л.Дм., хотя сама до сих пор еще не написала ничего. Может быть, при нынешних строгостях, еще не бывших за все время моей здесь жизни, и не благоразумно ему ехать. К женщинам как-то спокойнее и легче относятся.

Привет всем.

Храни вас Господь и благослови.

С любовью, многогрешный

а.В.

8/21.V.1937 г.

+ Христос Воскресе!

Вчера был порадован получением твоего, О., письма вместе с письмом Е. и открыткой М. Слава Богу, что все благополучны, здоровы и сохраняется доброе настроение. Сохранение внутреннего равновесия, неизменной бодрости и непоколебимого устремления к одной цели, являясь необходимым условием внутреннего роста, движения вперед, представляется нам как некий дар, сходящий свыше.

Да и трудно представить себе возможность такого устроения внутреннего при нынешних условиях без помощи свыше, ибо естественное течение жизни как раз создает впечатление крайней изменчивости, неустойчивости, отсюда ослабления духа, некоторого смятения. Только Дух Божий Животворящий может сохранить неизменной бодрость в нашем немощнейшем сосуде. И Господь не оставляет Своими милостями.

Ты хочешь знать о неких изменениях моей жизни, которые беспокоят тебя.

Пока беспокоиться и волноваться особенно нечего. Первый вопрос о сроке моем. Прежние мои зачеты не сняты, и не перечтены; за 1 кв. этого года получил, правда, несколько уменьшенный (23 дня), но все же нормальный зачет. Снятие всех зачетов и пересчет на 18 происходят пока только персонально. Будет ли это применено ко мне — неизвестно, пожалуй, больше шансов, что меня не коснется. Отсюда конец моего срока колеблется от июня 38 до февраля 40, т.е. от одного года до 2 лет 8 месяцев. После всего прожитого это уже не такие большие сроки, если милость Господа по-прежнему будет охранять мою немощь, как это было неизменным на протяжении этих пяти с лишним лет.

Что же касается изменений условий жизни, то существенно они не изменились. Переселили с поселка на лагпункт за проволоку; несколько теснее, меньше удобств, но все же значительно лучше и удобнее, чем было когда-то лет 5-3 тому назад. Живу среди интеллигентной и культурной публики, имею возможность почитать, как свою любимую литературу, так и случайно находимую в библиотеке. Так вновь прочел «Войну и мир» Толстого, восторгался красотой его художественного творчества. И как грустно, что он, — искренно искавший высшую правду, все время устремлявший очи горе, запутался в своей ложной философии благодаря своей непомерной гордости и крайнего самомнения. Некому и нечему было его смирить, а без смирения закрыт вход в Высший мир. Он все же пытался войти «перелезая инуде», путем неправым — и был свергнут. Его богословские и философские сочинения, нужно сказать, очень слабые при самой снисходительной критике — читать совсем не могу, да и не может сердце, любящее Христа, читать его ничтожное богохульство. Художественные же его творения — творения человеческие, земные — высоки и прекрасны. А тема этого романа — война 12 года — дает богатый материал для разных размышлений.

Как суетна и ничтожна вся жизнь человечества; непрерывная цепь насилий, убийств, войн, всегдашнего разделения ничтожной части — благоденствующих и большей — страждущих и угнетенных. Так в мире царит грех, и плоды его чувствуются в каждом моменте истории, на каждом отдельном человеке. И прав древний мудрец, когда, наблюдая ничтожность жизни, сказал слова, повторяемые через века: «все суета сует, всяческая суета».

Мы также повторяем эти слова, относя их к внешнему течению жизни, ибо нам дано знать другую высшую сокровенную жизнь, жизнь вечную, а «жизнь вечная — знать Тебя Единого Истинного Бога и Посланного Тобою Иисуса Христа». Потому для

нас близки другие слова апостола: все преходит и мир преходит, а творящий волю Господню пребывает во век.

Из этого потока неустойчивой и поистине суетной жизни мы как бы уходим, погружаясь в благодатные воды жизни в Церкви. Да, без этой жизни благодатной, без этой веры животворной мы были бы самыми несчастными и жалкими из всех живущих на земле.

Поэтому призыв литургии «Благодарим Господа» всегда должен звучать в ушах наших. Благодарим Господа за все благодеяния Его — за то, что просветил нас светом вечной Правды, омыл нас пречистой Кровию Своей и питает нас Пречистой Плоти Своей. Ему слава во веки. Аминь!

Радует меня, что как будто гроза, собравшаяся над головой моего папы, проходит мимо, не причинив ему особого вреда. Уповаю на Господа, что и скорби, облегающие это время меня, также развеваются, не оставив следа о себе. На днях мы все пережили тревожные минуты, опасаясь перевода в особо тяжелые условия, часть из нас и попали туда. Господь сохранил меня невредимым.

Ты спрашиваешь еще меня о столе. Переезд на л/п в этом отношении, лишив меня возможности самому готовить пищу, несколько устроил, так как здесь столовая наряду с мясными блюдами готовит ежедневно рыбу, чего в нашей ИТР-ской столовой не было. Также ежедневно беру гороховый или макаронный суп и рыбу. Это более чем достаточно. Дома же пью чай. Когда у меня был сухой кисель, то заваривал его. Теперь просил М. прислать его, а то у нас в продаже нет. На все содержание получаю (вместе с т.н. премиальными) 150 р. в месяц — для меня это более чем достаточно, тем более, что меня так часто балуют посылками, ведь и здесь можно купить решительно все. Ты предлагаешь зеленый горошек — не люблю, не посылай. Так же неудача с сыром — быстро плесневеет, приходится сразу отдавать, да и не люблю сыр.

Знаю, что сейчас ты скажешь — что же посылать? — то не любит, того нельзя, этого не хочет — задача трудно разрешимая. Сам знаю это. Да ничего и не надо. Но если уж мы так привыкли, чтобы любовь наша как-то внешне проявлялась и при разделенности пространства имела какую-то вещественность, то посылайте в самом малом количестве то, что посылали раньше. Только как бы не было это тяжелым бременем для вас, а то ведь условия жизни, знаю, и у вас нележки.

Жду вашего письма с канонами Вознесенью и Троице.

Привет В.Н. и Леон.Дм.; Е. буду писать отдельно.
Храни вас Господь и благослови.

С любовью, многогрешный

а.В.

24.V. — 6.VI.1937 г.

Неделя о слепом.

P.S. Мне хотелось бы очень знать о твоих планах на будущее, ты вскользь о них упоминаешь, только хочу знать все.

а.В.

Дорогая О., сегодня в день Всех Святых, получил твое письмо; оно опущено в Ленинграде 25, а 27 — уже у меня, быстрота необычайная. Печальны твои строки; впрочем, нет причин к радостному настроению.

И мои строки едва ли могут прибавить бодрости, так как все же здесь мы переживаем невеселые тревожные дни. Если все же бодрость не покидает нас и спокойствие с нами, — то только потому, что не здесь, на тревожной и печальной земле, мы утверждаем свои идеалы, а в небесном горнем мире — все наши надежды, наше упование.

Ты пишешь, что многое хотела бы сказать, да трудно на расстоянии. Конечно, повидаться было бы очень хорошо, но теперь это невозможно. С радостью повидался бы с тобой, с Е. и с В., но в нынешнем году, вероятно, ни с кем это не удастся. Опять нужно терпение. Будем ждать будущего года — что он принесет.

Тебя по-прежнему беспокоит твоя некоторая неустроенность. Трудно сейчас что-нибудь сказать по этому вопросу. Может быть, теперешнее твое положение — наилучшее из возможных в наше время. Но сам-то я слишком оторван от жизни и с трудом представляю условия ее. Когда начинаю думать, как же сам-то буду жить, если получу возможность возвратиться обратно, то совершенно не представляю конкретно форм, в которые облечется моя жизнь.

А сейчас об этом и думать как-то не хочется. Еще Л.Дм. писал, что М.Сер. хворает и лежит в больнице, если это так, то сообщи, кто же теперь возглавляет. Есть ли какие-либо сведения о жизни Л.М. [архим. Лев (Егоров). — *Публ.*], когда он собирается возвращаться? Очень интересно было бы узнать что-нибудь о жизни В.М. [архим. Гурий (Егоров). — *Публ.*], имею очень смутное, неясное о ней представление. И, конечно, очень

интересует судьба Леонида Дмитриевича. Напиши, что знаешь. Печально, что у тебя существенные разногласия с В. Хотелось бы мне узнать что-нибудь поподробнее из ее жизни и ваших разномыслий. Думаю, ты могла бы написать мне об этом, и это не было бы ни сплетней, ни нарушением дружбы.

Иногда мелькает мысль, что по своем возвращении мог бы быть немного полезен вам, живя где-либо поблизости или даже вместе с вами. Но да управит стопы наши Сам Господь!

С особой любовью вспоминаю Макарьевскую пустынь — вот если бы в таком уголке довел Господь дожить дни свои, было бы высшим здесь счастьем; но и это едва ли возможно.

Да, вы так ничего и не пишете о Б. [архиеп. Иннокентий (Тихонов). — *Публ.*], устроился ли он на юге или опять возвратился в наши места — напиши.

Завтра — пост, на этот раз очень кратковременный и относительно легкий. Нам, хотящим (пока все только еще собираемся) жить по духу, крепко надо возлюбить пост, ибо без воздержания ничего мы не сможем сделать, без утеснения себя не сможем подняться ввысь. Будем пользоваться всяким благоприятным случаем, чтобы приобрести нечто в вечности.

Дорогая О., не могу ничего тебе посоветовать, Господь Всемилостивый да управит стопы твои! Сам-то совсем стал никудышным, и будет ли еще какой-нибудь из меня толк — кто скажет?! Привет мой искренний В., Ж., Н., М.А. Приветствуй от меня Е.О. и твоих милых племянниц.

Храни вас Господь и благослови.

С любовью, многогрешный

а.В.

27.VI.1937 г.

День св. ап. Петра и Павла.

Давно уже не приходилось читать их Божественные писания, точно так же давно не имел возможности радовать душу лирикой пророка Давида. Слава Господу, что величайшая из всех на земле книг доступна и по сей час.

Оглядываюсь кругом, вижу великое множество разнообразных книг, но нет в них ни в одной животворного духа, о котором воздыхает жаждающая душа, эти книги или плод ограниченной, но мнящей себя великой, мудрости человеческой, или, что хуже, — и их гораздо больше — сборник тлетворных слов о страстях и похотях человека, восхваляющих последние, рисующих их как

что-то прекрасное, вожаделенное. «Суета сует» — слова Екклезиаста лучше всего подойдут к оценке их по существу. И несмотря на это люди тратят массу времени и сил на их писание и еще больше на их чтение. И даже те, кто должен питаться только Божественными писаниями, и те отдают часть своего времени, а отсюда и часть души своей на это ненужное, и часто тлетворное чтение.

Словеса Божественного Павла объемлют во всей полноте и глубине всю веру нашу, и приступающий к их изучению «погружает, — выражаясь словами поэта, — свой ум в глубину писаний его». И мы, читавшие его и читающие, далеко не все понимаем. Если есть возможность в отношении времени и книг, то необходимо положить за правило не только читать его, но и изучать, руководствуясь творениями св. Иоанна Златоуста и писаниями еп. Феофана. После такого длительного и тщательного изучения какое богатство небесной мудрости станет вашим достоянием, насколько тверже будут стоять ноги ваши на камне веры. Если есть возможность у вас, — она как будто бы есть — не пренебрегайте этим, не тратьте безрассудно времени дорогого, дайте душе то, что необходимо для ее жизни и роста. Да поможет вам в этом Господь!

«Желание имею разрешиться и со Христом быть» — вот конечная цель многотрудной жизни апостола, как она представлялась ему. Живет на земле и трудится больше всех остальных, но по существу он уже не земной человек, ибо таинственные видения Господа, открывшие ему тайны Церкви, и благодатное восхищение до третьего неба, где он созерцал неизреченную сладость и красоту рая, уготованного всем возлюбившим Господа, — все это отрешило апостола от земной жизни. Он, призывая всех к горнему мудрованию, прежде всего и больше всего явил образ этого небесного жития на земле на себе самом.

Испорчена наша природа человеческая — когда внешне все благополучно и спокойно, то небесное и духовное ослабевает, земное и плотское притягивает к себе, и, наоборот, скорби и печали как нельзя лучше возводят нас к небесам. А мы-то немощные и слабые так боимся всякого рода неприятностей и испытаний.

Живу по-прежнему, — здоров, благополучен и бодр. От М. имею письмо от 2/VII; почему-то Е. не пишет, разве в большом городе она очень занята и не имеет свободного времени? В. по-прежнему молчит. На последнее письмо О. давно написал ответ.

Пишите.

Храни всех вас Господь и благослови!

С любовью, многогрешный

а.В.

29.VI. — 12.VII. 1937 г.

Дорогая О., как только что написал В., повторяю тебе — в праздник св. вмч. Пантелеймона был обрадован получением сразу пяти писем, в том числе и от тебя. Спасибо, что не забываете. Так, положение Леон.Мих. [архим. Лев (Егоров) находился в лагере под Кузнецком. — *Публ.*] ухудшилось, это мне очень понятно, ведь и сам все время нахожусь под угрозой этого ухудшения. Вчера провожали многих из своих товарищей, отправившихся в путь далекий — Колыму. Про себя ничего сказать определенного не могу — временно оставлен на своем месте, но, по-видимому, нас всех отсюда отправят, только в разные места и в разное время. Это хотя и не слишком сильно беспокоит, однако все же вносит некоторую тревогу.

Но, оказывается, тревога и беспокойство посещает сейчас и многих других. Ты пишешь о тревожной жизни В.М. [архим. Гурьев после лагеря находился в Средней Азии. — *Публ.*], да и брат Насти [игум. Иоасаф Черемнецкого монастыря находился в ссылке, откуда не вернулся. — *Публ.*] тоже отправился странствовать. Все это на грустные мысли настраивает. Это время еще очень беспокоюсь за своего отца, но пока он, слава Богу, здоров и благополучен. Сейчас работа у меня увеличилась — во-первых, прибавили один час к рабочему дню, уничтожив завтрак, так что теперь работаем без перерыва с 9 до 6, а затем нагрузка из-за отъезда товарищей. На работе чувствую себя иногда утомленным.

Ты на свою судьбу сетуешь — успехи родных и друзей, их материальное преимущество рождает как бы некоторую зависть, а главное недовольство своим положением и разочарованием в правильности избранного пути. Конечно, это минутное искушение, так как ты прекрасно знаешь, что в той области, в которой ты работаешь, можно приобрести ценности безмерно большие, чем новый учебник, научная диссертация и пр. другие ценности жизни этой. Ты говоришь, что вот в своей-то специальности усовершеншение идет очень медленно, не заметно явно ощутимых плодов. Что ж, в меру трудов и по степени смирения Господь посылает Свою благодать, которая и преобразует нашу душу и возносит ее на высоту. И нередко плоды сокровенными остаются в душе до времени, ибо не всем и во всякое время полезно бывает узреть себя в ином облагодатствованном виде. Здесь особенно нужно помнить слова Господа: «в терпении стяжите души ваша». Великое прилежание и терпение нужны всякому подвижающемуся.

О К.В. Если раньше при обстановке, ограждающей от многих соблазнов, а главное — побуждающей к некоторой духовной

деятельности, ей все же было трудно, то представляю, как тяжело ей теперь в условиях менее благоприятных. Хорошо еще, что она живет вблизи вас, а то могла бы совсем споткнуться. Надо ей помочь, снисходя к ее способностям, помогая нести лежащую на душе тяготу, главное же — оказывать молитвенную помощь. Да поможет ей Господь!

Так, прежде всего не озирайтесь по сторонам, не смотрите назад. Избранный путь жизни — верен. Большая половина жизни уже прожита. Устремим свои очи духовные к Единому Безгрешному. Конец жизни этой и начало будущей вечной — вот о чем больше всего мы должны размышлять.

Оглядываясь назад, удивляешься быстротечности человеческой жизни — она одно мгновение, по-видимому, это же чувство, еще более усиленное, будет в момент расставания с землей. Теперь сумрачно, грустно кругом, нет места покою и уже в буквальном смысле ничто не привязывает к этой временной жизни. Надо только молить Господа, да даст силы перенести все испытания без ропота, и в вере несомненной, в совести чистой отойти к Небесному Отцу.

Вспоминаю часто Петергоф, его авву больного и благостного [игум. Варсонофий. — *Публ.*], сестер, усердствующих в подвиге. Там очень хорошо было служить в храме. Некоторые службы были неповторимыми в жизни моей. Да благословит Господь этот святой уголок.

Еще чаще мысли устремляются к Макарьевской пустыни и обитателям ее. Это была настоящая обитель, полная благодати... Как хорошо там было теперь в августе, в дни перед Успеньем.

Передай мой привет Ел.Ос., племянницам и всем друзьям.

Храни вас Господь и благослови!

Не печалься, а понемногу трудись и войдешь в радость Господа!

С любовью, многогрешный

а.В.

11.VIII.1937 г.

***ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ***

Прот. Николай Чуков
ОДИН ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ
Страницы из дневника
Публикация В.Антонова

Публикуемые записки охватывают 1924 год. Их автору еще многое предстояло пережить в будущем в отпущенные ему Богом годы. Снова его будет арестовывать ГПУ и в конце концов вышлет в Саратов, где он семь лет будет лишен возможности служить священником. До этого он будет по-прежнему настоятельствовать в Ленинграде, в великолепном Никольском соборе, давать советы архиереям, проповедовать и читать лекции на Богословских курсах. Он увидит массовое закрытие храмов в городе, их безжалостный снос, депортацию духовенства, его расстрелы — «пятилетку безбожия».

Потом будет в жизни протоиерея Николая Чукова (1870-1955) и самый блистательный период, который начнется с его пострижения в 1942 в монахи с именем Григория и хиротонией во епископа Саратовского. Новый архиерей был всегда очень близок к митрополиту Сергию, который вскоре после смерти Патриарха Тихона возглавил руководство Русской Православной Церкви с титулом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, каковым долгие годы являлся сосланный на Север митрополит Петр (Полянский). У Сергия и Григория были сходные взгляды на то, как строить отношения Церкви с властью, ставившей своей задачей создание в России атеистического общества.

Когда во время войны выяснилось, что, опираясь на атеизм, нельзя одолеть врага, и Сталин принял решение даровать Православной Церкви некоторые отнятые у нее права, то митрополит Сергей сразу вспомнил о своем стороннике и приблизил прот. Николая к себе. Тотчас после хиротонии во епископа его делают архиепископом, а в 1945 — митрополитом и назначают на вторую после московской кафедру — в Ленинград. Владыка Григорий принимает участие во всех важнейших совещаниях и решениях митрополита, а затем и Патриарха Всея Руси Сергия, становясь в Синоде человеком, равным по значению митрополиту Николаю

(Ярушевичу), который выполнял в восстановленной Московской патриархии роль министра иностранных дел.

После скоропостижной смерти Патриарха Сергия митрополит Григорий сохранил свое влияние у нового Патриарха Алексия I (Симанского), с которым был тоже прекрасно знаком с 1920-х. Как энергичному и опытному администратору ему поручают восстановление духовных школ, с чем он отлично справляется, привлекая к работе сохранившиеся старые кадры и лично составляя программы и планы учебных занятий. Доверяют ему и «деликатные» дипломатические поручения, впрямую направляемые НКВД-МГБ: Владыка посещает несколько стран Европы, Азии и США, чтобы привлечь на сторону патриархии местные приходы и целые епархии, и делает это весьма успешно, ибо после войны часть русских эмигрантов поверила, что советское государство изменит свою сущность.

Главное, чем ему приходится заниматься, — кропотливое и очень трудное в послевоенных условиях восстановление церковной жизни в управляемых им епархиях: Ленинградской, Новгородской, Псковской, а одно время Эстонской и Олонейской — открытие храмов, нахождение для них священников, возвращение в церковь кающегося обновленческого духовенства. И все это — под контролем неизменного надзирателя, уполномоченного по делам Православной Церкви. Здесь Владыке Григорию приходилось употреблять весь многолетний дипломатический опыт, но часто он оказывался бесполезным перед лицом «партийно-государственных соображений». Постоянно лавируя, управлял митрополит Григорий своей епархией долгие десять лет.

Если бы ему в 1924 предсказали, что он будет служить в Никольском соборе как правящий архиерей, он, очевидно, никогда бы не поверил. Протоиерею Николаю было 54 года, и он уже чрезвычайно много потрудился для Православной Церкви в родном Олонецком крае, особенно в области духовного просвещения. Он был ректором Петрозаводской семинарии, преподавал, писал на разные церковные темы, работал в Православном Карельском братстве, редактировал газету. По сути дела, ни одно крупное событие в Олонецкой епархии не проходило без участия прот. Чукова и не обходилось без его отклика. Казалось бы, ему до скончания дней суждено остаться провинциальным епархиальным деятелем. Деятелем видным, умным и в меру «прогрессивным», которого жалуется начальство и уважает «передовая общественность».

Но грянул 1917 — и вся налаженная жизнь маститого протоиерея резко изменилась. Семинарию в следующем году закрыли, Чукова арестовали и выслали. Вскоре он очутился в Петрограде, начался новый этап его жизни. Работу в советском учреждении пришлось совмещать с настоятельством в университетской церкви. К счастью, открылся Богословский институт, и опытный педагог сразу стал в нем ректором. «Мирное житие» длилось, однако, не долго — по делу об изъятии церковных ценностей Чуков был 30 мая 1922 арестован и приговорен Ревтрибуналом к смертной казни вместе с митрополитом Вениамином и другими заключенными. Сорок дней отсидел он в камере смертников, но приговор был смягчен, и в заключении о. Николай провел только полтора года.

Выйдя 30 ноября 1923 со Шпалерной на свободу, Чуков очутился в самой гуще острой церковно-политической борьбы, которая кипела тогда в Петрограде между обновленцами и сторонниками Патриарха Тихона. Ныне уже известно, что обновленчество, как организованное течение внутри Православной Церкви, возникло по инициативе и помощи самого режима, при личном участии Троцкого, с определенной целью — ослабить и расколоть Церковь, чтобы со временем ее добить. По этой причине огромнейшую роль в обновленчестве сыграло ГПУ, которое направляло, финансировало и всячески опекало «красных попов».

С помощью властей обновленцам вначале удалось достигнуть впечатляющих успехов: в середине 1922 половина архиереев присоединилась к обновленческому Высшему Церковному Управлению, через год у православных в Петрограде из 123 осталось лишь 8 приходов. Патриарх Тихон сидел в тюрьме, и большевики готовились его судить. Однако едва Патриарх был освобожден, как к нему начали сразу возвращаться захваченные обновленцами храмы. Прибывшему в Петроград епископу Мануилу (Лемешевскому) потребовалось всего три месяца, чтобы вернуть в Православие 83 прихода. Увидев внутреннюю слабость обновленчества, Патриарх Тихон стал мужественнее отвергать попытки ГПУ принудить его к компромиссу со своими ставленниками.

Чтобы взять хоть какой-то реванш за понесенное в борьбе с Патриархом поражение, 8 декабря 1923 Наркомат юстиции издал циркуляр, запрещающий поминать Патриарха на богослужении, что было вопиющим нарушением декрета самих большевиков об отделении Церкви от государства. Если циркуляр нарушался, то в местном исполкоме ставился вопрос «о возможности оставления в силе договора с группой верующих, взявшей в пользование храм». Таким административным способом власти стремились отделить от Патриарха верующих и духовенство. Однако сделать это не удалось — большинство вернувшихся приходов остались верны Тихону. 15 января 1924 Патриарх нанес ответный удар — обновленческая иерархия была объявлена неканоничной и обновленцы стали раскольниками.

Казалось бы, примирение Патриаршей Церкви с обновленцами возможно отныне только через покаяние последних в своей пагубной для Православия деятельности. Покаяние церковное и принародное, что хорошо понимали и сами возглавители обновленчества: Введенский, Красницкий, Платонов, Чуев и Боярский, действовавшие в основном в Петрограде, и сверщенное ими духовенство. Поэтому в дневниковых записях Чукова все время упоминаются усилия — главным образом Платонова и Чуева — как-то отрегулировать взаимоотношения с Православной Церковью. По словам Чуева, обновленцы вроде бы ничего не имели «против Патриарха Тихона, могут "отмести" свой Свящ. Синод, брачный епископат, второбрачие священников и только требуют более "приличного" приема...». Правда, достигнуть своих целей они пытались посредством «органов», которые по их доносу арестовывали наиболее стойких противников среди духовенства и запугивали самого Патриарха. Боярский даже уверял Чукова, будто он и его группа поставит вопрос «о неправиль-

ном осуждении Патриарха» обновленческим собором и соединении с ним, а в случае сопротивления «они отойдут от остальных обновленцев и присоединятся к Патриарху». Решения, однако, как вести себя обновленцам и что делать, принимались не ими, а их покровителями с Лубянки и Горюховой.

К сожалению, не было единства по отношению к обновленцам и среди православного духовенства. Большая его часть, опираясь на мнение церковного народа, не хотела идти с ними ни на какие компромиссы, требуя одного — полного и безусловного покаяния. Другая, либерально настроенная и довольно активная, полагала, что «ради церковного мира», общей угрозы со стороны атеистической власти и особенно из-за ограничений, вызванных отсутствием у Православной Церкви легального статуса, который большевики даровали обновленцам, необходимо достичь с ними хоть какого-то приемлемого соглашения, даже при помощи определенных уступок. Чуков был среди лидеров этого активного меньшинства, и из его дневника можно видеть, насколько благосклонно относится он к «примирению» и озабочен тем, что Патриарх совершает ошибку, соглашаясь принять Красницкого и его «Живую Церковь» без нужных для верующих «искуса, без епитимии», и готов предупредить Красницкого «не вдаваться в крайности (брачный епископат, уничтожение монашества и т.п.)» на переговорах с Патриархом. Протоиерей искренне верил, будто живоцерковники пойдут на условия (включая покаяние), которые он изложил в приводимой в дневнике записке, поданной 16/29 июля еп. Венедикту, и «первый шаг к созиданию внутреннего церковного мира будет сделан, а вместе с тем откроется возможность и к установлению легализации управления во всей Русской Церкви». Однако затеваемые обновленцами переговоры нужны были исключительно для поддержания иллюзии, будто они от властей независимы и тоже жаждут «мира церковного».

С удивлением читаешь об одобрении о. Николаем замысла Боярского создать «с разрешения властей комитет, объединяющий все обновленческие группы с весьма умеренной программой /.../ По-моему, — пишет он, — вот такое объединение, не кричащее, — самое умное; постепенно можно сблизиться на деятельности».

Под давлением властей и обстоятельств Патриарх Тихон тоже поддался иллюзии «примирения» с Красницким, который еще два года назад выступал в Ревтрибунале обвинителем митр. Вениамина, а 8/21 мая 1924 опубликовал постановление о создании Высшего Церковного Управления, куда вошли руководители живоцерковников. Сам Красницкий признавал, что уступка Патриарха входила в условия прекращения Президиумом ЦИК «дела» Тихона. Лишь полное неприятие верующими компромисса и твердая позиция некоторых ссыльных архиереев, прежде всего митрополита Кирилла, заставила Патриарха два месяца спустя отказаться от примирения. Не прошло и полугода, и 9 декабря Тихону отомстили, организовав покушение, во время которого погиб его келейник.

Как видно из дневника, либеральное духовенство надеялось через соглашение с обновленцами добиться легализации Православной Церкви властями, ибо отсутствие легализации действительно давало обновлен-

ческому ВЦУ определенные преимущества, юридически ставило вне закона руководство Православной Церкви и крайне осложняло всю приходскую работу. В действиях Тучкова и его отдела в ГПУ либеральное духовенство пыталось усмотреть хоть какой-то намек на готовность режима «образумиться» и, учтя «выгоды», пойти навстречу Православной Церкви и ее многомиллионной пастве.

Этим усилиям, которые в основном предпринимались келейно и чаще всего кончались неудачей, посвящены многие страницы дневника Чукова, который в свойственном ему ясно-деловом стиле объясняет, отчего так срочно нужна «легализация». Для епископского управления — «вследствие засилья двадцаток, расстройств от этого церковной дисциплины», для духовной школы — «так как по местам уже нет образованных кандидатов священства», кроме того, насущной была «необходимость положить конец и шатанию духовенства и всем этим доносам, арестам, ссылкам и пр. При примирении и легализации все это могло бы быть ликвидировано» — с несколько наивной уверенностью заключает прот. Николай.

Зная об этих усилиях духовенства, готового к компромиссу, Тучков заманивал его разными посулами, предлагая «легализацию управления центра и на местах, право открытия пастырских школ, обучение детей Закону Божию, созыв Собора /.../ уменьшение налогов с духовенства, права их детям обучаться в школах /.../». Взамен от Патриарха требовалось пойти на «уступки»: «осудить заграничное контрреволюционное движение наших эмигрантов, духовных и светских», т.е. сделать чисто политическое заявление, и согласиться на «назначение на епархии и в Синод не контрреволюционеров (право отвода)», т.е. позволить ГПУ контролировать высшую кадровую политику Церкви. В этой попытке ГПУ путем шантажа поставить Русскую Православную Церковь под свой контроль автор дневника не видит ничего пугающего, руководствуясь сугубо прагматическими соображениями: «существо дела требовало бы, чтобы Патриарх воспользовался благоприятным моментом и упрочил положение Церкви». Подобный прагматический подход не возобладал при жизни Тихона, но в 1927 митрополит Сергей (Страгородский), «спасая» Церковь, все-таки заключил на основе этого подхода компромисс с советской властью. Значительно больше компромисса Чуков боится противоположной опасности — того, что «непримиримые возьмут перевес». Он упрекает Патриарха в безволии, в том, что на него отрицательно влияет Данилов монастырь с епископом Феодором (Поздеевским). Ту же борьбу «прагматиков» и «непримиримых» отмечает он и в Петрограде. Недавно прибывший сюда епископ Григорий (Лебедев) отстаивает бескомпромиссные позиции, в то время как правящий епископ Венедикт (Плотников) разделяет более умеренную точку зрения. Раздробленным оказывается и местное духовенство: видные протоиереи Чельцов и Чепурин настроены примирительно, а столь же уважаемые Верюжский и Богоявленский — иначе. Епископ Мануил считается крайне правым, и один из проектов соглашения с обновленцами предусматривал «ликвидацию "мануиловщины"» как крайнего движения «тихоновщины», отставившего позицию Патриарха до 1922.

На фоне и в гуще этих дискуссий среди петроградского духовенства разворачивается у Чукова летопись церковной жизни Петрограда в 1924. Прошло всего полтора года с расстрела митрополита Вениамина и «процесса церковников», разгромлены православные братства, в ссылке епископы Иннокентий, Алексей, Николай, в начале 1924 в Соловки отправляют Мануила. И тем не менее обновленчество держится только поддержкой властей. «Живой Церкви» Красницкого в городе принадлежит новый 4 храма, обновленческому ВЦУ — 30. Попытка ввести в храмах новый стиль провалилась — народ по-прежнему придерживается старого календаря и наполняет не обновленческие, а патриаршие храмы. Духовенство всячески притесняется — его уплотняют, облагают как «чуждый классовый элемент» дополнительными налогами, детей священников отчисляют из вузов. В дневнике Чукова есть и об этом: сына Шуру выгоняют из консерватории, другому сыну грозит отчисление из университета — «ведь отец — священник, судим по делу церковников...» И все-таки по сравнению с тем, что развернется в стране с коллективизацией и пятилеткой безбожия, 1924 год выглядит еще относительно спокойным и не особенно тягостным. Три четверти храмов, бывших в Петрограде до Октябрьского переворота, закрыты, но большинство приходских церквей еще действует. Монастыри ликвидированы, но монашествующие еще молятся и в Троице-Сергиевой пустыни, и в Новодевичьем монастыре, и в лавре, в Вохоновском монастыре и Макарьевской пустыни. Разогнанные приходские братства еще существуют в подполье, а среди церковной интеллигенции появляются новые. Богословский институт закрыт, но вместо него работают Богословские курсы, на которых преподает и Чуков. Православной Церкви не дают легализации, но в Петрограде действует Совет епископов, происходят хиротонии, священников делают протоиереями и они безбоязненно ездят к Патриарху, которому хотя и приходится постоянно маневрировать, делая уступки, но все-таки удается сохранять по отношению к режиму определенную независимость.

У Чукова мы читаем об этих противоречивых явлениях, в которых отражается сложность жизни, существующая даже при тоталитарном режиме. Кипят в Церкви обычные человеческие страсти, между «двадцатками» и бесправными батюшками вспыхивают конфликты, кто-то кого-то обижает, подсиживает... Эти приходские склоки порой неприятно задевают, но не стоит забывать, что публикуемый текст — дневник, т.е. непосредственная и неприглаженная фиксация событий, еще не отшлифованный рефлексией отклик на них. В этом — главная особенность и ценность записок Чукова, в отличие от обычных мемуаров.

Есть у дневника и другая важная особенность — его писал человек, близкий к тем кругам, где творилась тогда «высшая церковная политика», влиявший на нее лично, и потому историки найдут в дневнике интересные подробности и факты. Можно лишь сожалеть, что от всего дневника уцелели лишь отдельные фрагменты, остальное было, очевидно, уничтожено автором в годы гонений и ссылки. Сохранились, к счастью, воспоминания Чукова, написанные им во время саратовской ссылки, первая часть которых была опубликована в двух выпусках «Богословских тру-

дов» (юбилейный выпуск к 175-летию Ленинградской Духовной академии и вып.29), издаваемых Московской патриархией.

Гонимое и притесняемое духовенство писать дневники просто боялось, так как они могли быть изъяты при обыске и использованы против их авторов. По этой причине до сих пор не обнаружено ни одного дневника, подобного публикуемому. А без такого рода свидетельств беднее и одностороннее выглядит духовная жизнь эпохи, ибо она создается не только людьми культуры, но также пастырями и наставниками миллионов верующих.

В качестве комментария к тексту дневника мы ограничились возможно более подробным указателем упоминаемых Чуковым лиц. По вполне понятным причинам указатель не полон — в нем собраны лишь те, о ком удалось обнаружить сведения. Пользуемся случаем выразить искреннюю признательность М.В. Шкаровскому за уточнения и помощь при составлении указателя.

*20 декабря 1923 г. (2 января 1924 г.)
Среда, 12 часов дня.*

Вот и Новый год. Что-то он несет с собой? Встречали мы его дома все вместе (была часть знакомой детям молодежи). За четверть часа до 12 ночи я отслужил краткий молебен, а в 12 часов ровно сели за стол.

Предполагалось мое служение в Покровской церкви, но Пресв. Венедикт испугался собрания чуть не всех бывших арестантов (Чельцов, Покровский, я, он) и просил служить только своему причту. И очень хорошо. Время, по-видимому, опять надвигается опасное, грозят еп. Мануилу, что-то такое отпечатано в «Юридическом вестнике» по поводу поминовения Патриарха... Словом, лучше сидеть дома. И я думаю больше не служить нигде.

В воскресенье отслужил (сам) литургию в Воскресенском храме, произнес проповедь, прихожане встрепнулись, пошла молва. А это небезопасно: по соседству, в Казанском соборе, с 25 декабря появился о.Красницкий в качестве настоятеля для того (как сам заявил на беседе), «чтобы собор не захватили тихоновцы», и всякое лишнее выявление, подрывающее его интересы, постарается «ликвидировать».

Да, неприятности неожиданно появились и с другой стороны, и ни от кого, как от своих же: в среду я служил с Преосв. Венедиктом литургию (а накануне всенощную) в Воскресенском храме. После литургии, за чаем, настоятель о.Верюжский зачем-то, обращаясь к Прохорову (прикомандированному к тому же храму), говорит, что «Николай К-ч изъявил желание в воскресенье послужить у нас. Я уже высказал ему свое согласие, не говоря с Вами...» Тот вдруг изволил изречь: «Ну, что ж, я ничего не имею против...» — Это в отношении своего бывшего настоятеля-то! Я хотел было тут же отказаться от службы, но жалко было прихожан, которые просили. Все боязнь конкуренции... Бог с ними! Буду служить дома.

26 декабря был с женой у А.С. Николаева, обедали, беседовали. Человек мыслящий, он настроен пессимистично относительно будущего Церкви. Говорит, что молодежь вся захвачена марксистским мировоззрением; что толпа большей частью равнодушна к вопросам религии, как он мог заметить во время праздника 7 ноября, когда изображали в лицах, между прочим, и духовенство, и толпа не выражала несочувствия этому; что литература последнего времени также ведет к переоценке ценностей (повесть Барбюса, кажется, «История одного взвода»); что коммунизм планомерно идет к вытеснению прежнего быта и замене его новым — своим: создает свои праздники, свои обряды (крестины) и пр. и т.п.; что, вероятно, в дальнейшем будет введена цензура в отношении текста богослужения, где много «монархического»...

Под влиянием этой беседы я и произнес в воскресенье 17 (30) проповедь, где говорил о натиске социализма, и о том, что самая возможность появления подобных учений происходит вследствие того, что мы не выявляем христианства в своей жизни.

«Живая Церковь» в лице Красницкого (в воскресенье он вел беседу в Казанском соборе; я был, но скоро ушел, вследствие начавшихся криков толпы) хочет приспособляться к современному направлению коммунистической мысли и по вопросу о том, что разделяет ее от «тихоновцев», заявляет, что — не имя Патриарха Тихона, не Собор 1923 года и не желание белого епископата вместо монашеского, а «особое миропонимание»... Это он высказывал и в своем журнале, но далее этой общей фразы не шел и в статье, и в беседе. Надо думать, что они разумеют крайний аскетический взгляд Православия на совершенную неценность здешней жизни и игнорирование всего, что касается земной жизни ради Царствия Небесного.

Сами они идут в другую крайность и примазываются к учению, которое дальше земли ничего не видит. Между тем истинное

Христово учение говорит о Царствии Божием, которое «внутри» человека, которое надо осуществлять в жизни, т.е. в земных условиях существования, чтобы воспитать в себе «мужа совершенна, в меру полного возраста Христова» и затем уже, по смерти, войти в «радость Господа своего». Здесь не только не исключаются земные интересы, но они ставятся условием осуществления Царствия Божиего, наступление которого Христос заповедал молиться в молитве Господней, которая и вся приспособлена к жизни земной. Вопрос только в том, что дело христианина ограничивается своей внутренней жизнью, а живоцерковники примешивают сюда заботы об общественном устройении, «оправдывают» тот или иной общественный строй и т.п.

Это, по-моему, не дело христианства: человеку, знакомому с историей различных общественных течений, стремящихся достигнуть «райского блаженства» в общественных отношениях, не может не быть ясным, что ведь нет надежды найти безусловную форму общественного устройства, нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни. Это потому, что 1) жизнь зависит не от общественных форм, которые хотят регулировать ее, а от внутреннего строя мыслей, чувств и воли отдельных индивидуумов, строящих жизнь; а 2) что между личностью и обществом есть неустранимое несоответствие: личность, ее душевная жизнь шире и глубже «политики» и «общественности», и человек должен искать удовлетворения прежде всего *в себе*. Тут, конечно, нет отказа от общественного идеала, но пред сознанием ставится не вера в «земной рай», а вера в человеческую личность, непреклонную в своих нравственных стремлениях. Вот, следовательно, что должно братья за основу общественного сознания.

Если так, то все дело сводится на направление внутренне-го «я» человека, на его внутреннюю работу. И здесь дело переходит уже в область близкую к морали, и нет места для какой бы то ни было «борьбы» из-за форм общественной жизни. Потому-то христианство и безразлично относится к этим формам, имея дело с отдельными личностями и говоря только о «внутреннем» усовершенствовании... «Ищите Царствия Божия и правды его» (а оно «внутри» вас) и «все остальное» (т.е. лучшие общественные формы) «приложатся» вам (т.е. естественно с неизбежностью вытекут из того внутреннего настроения, которое будет в членах данного общества). Конечно, не сразу, а постепенно.

22 декабря 1923 г. (4 января 1924 г.)

Пятница.

В среду вечером у меня был Преосв. Венедикт, сообщивший ряд сведений о церковной жизни.

В Петрозаводске, куда им был направлен игумен Трифон с поручением о присоединении вследствие полученной телеграммы, дело не вышло. Прихожане помешали присоединиться и послали телеграмму сюда. Из соборного причта согласились все, кроме [нрзб.]. В заводском приходе причт (о.А.Крючков и о.П.Герасимов) отказался присоединиться. Вслед за этим и соборный причт взял свое согласие назад. Таким образом, остались одни прихожане, и дело присоединения расклеилось. О.Трифон побывал секретно только у членов приходского совета, а духовенства так и не видел.

Вся история закончилась приглашением некоторых членов приходского совета в ГПУ и высылкой второго Подколозина (Валентина). По словам посетившего меня вчера А.К. Бурцева (родственника о.А.Крючкова), заводской причт после собрания откровенно заявил, что присоединение влечет за собой высылку, а чем прихожане обеспечат их и их семьи? Действует там энергично о.П.Дмитриев, которого по-прежнему «никто не любит и все боятся». У него в ГПУ служит и сын и брат Александр... «Связи» крепкие.

Поездка Преосв. Александра Надежина в Лодейное Поле была неудачна. За всю ночь было много народа, но после его проповеди об обновленческом движении народ стал уходить и к концу остался будто только один причт. Литургию на другой день он не служил и поторопился в Петрозаводск, где происходили волнения прихожан и составлялось постановление о присоединении к Патриарху. Живется ему там, по словам Бурцева, не особенно хорошо, народ к нему относится несочувственно.

В Москву, по сообщению Преосв. Венедикта, вызвали до 20 архиереев, посланных Патриархом в епархии; все они обязаны подпиской о невыезде... По-видимому, дело ухудшается; стараются опять живocerковники. Еп. Мануил вызывается Патриархом в Москву и вчера уже уехал. Вопрос о поминовении Патриарха опять стал ребром, вследствие разъяснения, помещенного в «Юридическом вестнике» от 13 декабря. Здесь еп. Мануил решает дела как будто так: помянуть Патриарха за богослужением будет только правящий епископ за Великим входом; во всех остальных церквях поминают только правящего епископа. Разрешение на это Ма-

нуил хотел испросить у Патриарха. Но необходимо ведь и разрешение гражданской власти, хотя бы для одного Мануила...

Сообщил Преосв. Венедикт и одну подробность весьма характерную, касающуюся нас — бывших заключенных. Он заговорил с еп. Мануилом о том, что есть люди с большим административным опытом, которые могли бы быть очень полезны для епархиального управления и которых к тому же надо бы обеспечить, как и их семьи. — «Вы кого разумеете?» Преосв. Венедикт назвал нас — союзников. Тогда еп. Мануил изрек чрезвычайно характерное для его образа мыслей возражение: «Да, но они — *опороченные...*» Вот взгляд на нас епископа, который, очевидно, не знает и не понимает, что народ смотрит на нас, как на исповедников, что в таком случае надо большую часть св. отцов времен арианства тоже считать «опороченными», что для Церкви мы уже ни в каком случае таковыми считаться не можем, что это взгляд гражданской власти, а не церковного общества. Да, утешил...

Заходил А.К. Бурцев, сообщил петрозаводские новости.

*23 декабря 1923 г. (5 января 1924 г.)
Суббота. 10 часов вечера.*

Вчера был на пострижении В.В. Соболевой, ныне м.Дамианы. Постригал ее еп. Григорий, с которым познакомился, если, конечно, так назвать получение благословения. После обряда я и о.Митроцкий и о.Аникиев приветствовали новопостриженную. Постригалась в общине м.Анастасии (Платоновой).

Сегодня был у Преосв. Венедикта по поводу приглашения меня служить в Косимовскую церковь и на Графскую станцию. Он только что вернулся от еп. Мануила, приехавшего из Москвы и привезшего следующие новости.

1. Патриарший Синод озабочен выселением из Москвы на епархии «епископского пролетариата», не желающего почему-то отправляться на епархии, вероятно, «страха ради».

2. Еп. Мануил подавал Патриарху рапорт о принятии Боярского с наклоном в сторону весьма благоприятную: что «приобретем незаменимого сотрудника по управлению» (!). Ввиду того, что Боярский требует «над собой суда 6 епископов» (!), то ради этого (!..) здесь будут хиротонисовать о.Клементьева и о.Серафима Протопопова, чтобы составить собор для суда над Боярским (удивительная нужда!).

Преосв. Артемия Патриарх предполагает поддержать с полгода в Макарьевской пустыни, а затем дать ему Архангельскую епархию.

4. Циркуляр НКЮ выпущен без Курского, который им недоулен. Еп. Мануил виделся с ним (?) и с Тучковым и выяснил, что поминовение Патриарха должно быть только по формуле: «Святейшего Патриарха Тихона», и что в таком роде это не будет преследоваться. Что дело Патриарха к апрелю будет ликвидировано, что сейчас происходит как бы «искус» его властью в лояльности; ему дана печать.

5. Тучков говорил Патриарху о приеме Красницкого и о помещении его членом Патриаршего Синода. На последнее Патриарх будто бы не согласился.

*28 декабря 1923 г. (10 января 1924 г.)
Четверг. 11 часов утра.*

В ночь под Рождество служил у себя дома всенощное бдение и обедницу. Были только свои, да Нина Никитина с Константином Семеновичем. Канон читал сам, переведя его по-русски: иначе непонятен. Днем был с крестом у П.Ф. Заплаткина, Ф.Л. [нрзб.], Н.А. Ульянова, И.П. Акимова, Л.Д. Аксенова и вечером у А.Г. Савина. Вечером были у нас Куренковы. Членов приходского совета благодарил за поддержку семьи. У Аксенова встретил Преосв. Мануила, который «сыпал» всеми сведениями и слухами, перемешивая их и везде выставляя себя. Прощаясь, заметил мне, что «озабочен нашим устройством»... Это — результат разговора с ним Преосв. Венедикта.

Народу в церквах за праздничным богослужением везде была масса, так что окружающие улицы были им наполнены; в церковь Вознесения Нина не смогла пробраться и потому пришла к нам на богослужение.

На второй день я был у Огнева, Елачича и Преосв. Венедикта, а вечером у А.В. Смирнова. К Преосв. Венедикту ходил [нрзб.] полученных из Петрозаводска (через Ярославлева) от прихожан и о. Дроздина вопросов.

Там, оказывается, староцерковное движение так разрослось, что, несмотря на запугивания о. Дмитриева с Преосв. Александром и ГПУ, прихожане настояли на служении в Рождество Христово по старому стилю. Машезерский с Громовым отошли от еп. Александра, Дроздин смущается и спрашивает меня... Пишу сейчас записку вообще о церковной жизни в Олонии.

Вчера заходил ко мне Л.Д. Аксенов, а вечером был у П.Д. Новицкой и Аникиевых. Там определенно отрицательное отношение к Боярскому, на свидание меня с которым, по-видимому, направляют цели Е.М. Лазаревской (вчера у Новицкой).

29 декабря 1923 г. (11 января 1924 года).
Пятница. 8.30 часов вечера.

Вчера вечером был у Л.Д. Аксенова, а затем у прихожанки Семеновской церкви А.Д.М., приславшей нам передачи и пожелавшей собрать к себе всех бывших узников. Были, впрочем, только я, о.Леонид Богоявленский, о.А.Петровский, о.С.Бычков, Преосв. Венедикт.

За Л.Д. Аксеновым следят (с 5-го января): кто к нему ходит, особенно из духовенства, нет ли собраний, поздно ли, как он живет, бывает ли в Москве и т.п. Был там недолго, только пообедал.

На «собрании узников» посмотрел на здешнее приходское духовенство... Впечатление не в их пользу. Преосв. Мануила бранят основательно. Окружил он себя Вертоградским и Серафимом, которые расцениваются очень низко и творят много глупостей. Все это не к пользе Церкви и духовенства.

Сегодня у меня — день приемов. С утра приезжал о.А.Мошинский, потом зашел И.Н. Лебедев. Были с [нрзб.] В.Н. Прозоров, Д.Ф. Огнев. Приходил побеседовать Л.Д. Аксенов и Н.В. Чепурин. И наконец зашла В.М. Холодова, звала к себе 3-го числа ст.ст. (16 января).

По-видимому, собирается гроза на церковников. Красницкий и его адепты принимают меры к ликвидации «тихоновщины». Говорят о возможности в конце января какого-то процесса из массы духовенства и мирян, около 60 человек. Называют имена всего Казанского причта (кроме меня), о.Чепурина, Митроцкого, Вертоградского, еп. Мануила, трех от Вознесения (Чокоя, Никитина, Виноградова), еще кого-то из духовенства и много мирян. Введенский пророчит к Пасхе закрытие почти всех храмов. К этому, по-видимому, направляет циркуляр НКЮ от 8 декабря о поминовении Патриарха (губисполкомы могут из-за этого расторгать договоры).

Л.Д. Аксенова подозревают во влиянии на Мануила и Патриарха (знают об его недавней поездке к нему и даже весь разговор его), называют «черным обер-прокурором», «заместителем Новицкого» и хотят изъять его тремя путями: через процесс Мануила, или как «валютчика», или за сношение с заграницей, откуда (из Кенигсберга) будто бы перехватили к нему письма от каких-то двух лиц. Он не чувствует себя ни в чем виноватым: с Мануилом за 4 месяца виделся всего пять раз и тщательно избегает бывать у него, именно чтоб не подумали об его влиянии. С Патриархом беседовали только о том, чтобы тот разрешил не помянуть его имя временно и милостиво отнестся к Боярскому и Крас-

нижнему и — только. С черной биржей не имеет никаких отношений: всегда официально в банке меняет деньги. С заграницей ни с кем не переписывается, но не гарантировал, что какие-нибудь идиоты могут ему что-либо писать. Советовали ему уехать куда-либо, а пока повидаться с еп. Мануилом и внушить ему, чтобы он в своих проповедях не затрагивал живоцерковников, не пропагандировал старый стиль; в своих беседах с людьми держал язык за зубами, а не болтал направо и налево всякий вздор, слухи и сплетни; чтобы познакомился с Леоновым (из отдела Управления); чтобы немедленно издал распоряжение о форме поминовения Патриарха «во исполнение циркуляра НКЮ». Жаль его бедного! Столько добра он делает сиротам, что без него тяжело им будет!

Я предполагаю заняться составлением записок о церковной жизни в Олонии и обновлеческом движении в Петрограде.

*4 (17) января 1924 г.
Четверг. 7 часов вечера.*

За это время: в ночь с 1/14 на 2/15 января, в память прп. Серафима, совершал «ночное моление» в Спасо-Колтовской церкви (всенощную и литургию); 2/15, вечером, был у И.П. Щербова, 3/16 был у В.М. Холодовой; сегодня были у В.Н. Прозорова, а вчера заходила ко мне Дубова (студентка Богословского института).

Ночное моление совершал впервые. Тяжело — с 9 часов вечера до 3.30 ночи; на ночлег идти не менее получаса, к тому же и ночлег неудобный. Переломлен весь следующий день... Говорил слово о преп. Серафиме; но просьбы свел на покаянное и думаю, что едва ли было удачно... Народу было довольно много, причастников тоже. Отец Флеров хотел было, чтобы я провел общую исповедь, но я отказался.

У И.П. Щербова узнал, что дело с Пастырским училищем у них налаживается, кажется. О.Макарий рассказывал о своей поездке в Москву за «кандидатством». История довольно странная. Прежде всего сочинение ему, надо думать, кто-нибудь написал, может быть, тот же Зарин... Потом, Советов Б.И. в последнем заседании отказал о.Макарию в его ходатайстве об утверждении его темы и представлении работы к степени. После этого И.П. Щербов должен был отстраниться и предоставить о.Макарию самому действовать административным путем через еп. Мануила. Тогда никаких нареканий от Института не было бы. А между тем И.П. ввязался... Затем, свое «кандидатство» о.Макарий справлял, пригласив трех епископов и профессоров. А где же «рек-

тор»?! Кстати, и епископы не пришли. Тут я усматриваю проявление той «партийности», какая является в последнее время в жизни Института и которую поддерживают Ф.К. Андреев и о.Макарий. Кстати, о.Андреев доселе меня не видел, и в день, когда меня приглашал И.П. Щербов, вместе с ним, он не явился. Как все это мелко и дико и не похоже на «умного» человека!

У Прохорова присидели с час; беседовали только о «присоединениях».

Дубова говорила о Боярском. Я определенно высказал, что ни о каких соборах он помышлять не должен, а должен прямо присоединиться к Патриарху и нести епитимию. Вина очевидна: помимо всяких догматических и канонических вопросов, чисто рационалистически подходя к делу, все равно он должен признать, что неправда на стороне обновленцев: в общину снова нельзя, логически абсурдно, вносить насилие, а его учинили обновленцы 12 мая 1922 г. с Патриархом.

Сегодня Н.А. Никитина сообщила, что Л.Д. Аксенов поуспокоился.

*27 (14) января 1924 г.
Воскресенье.*

Не писал 10 дней: все некогда. Ко мне приходили председатель приходского совета Христорожественской церкви И.П. Лазарев с казначеем и предлагали место настоятеля. Там был о.Левитский; за переход к обновленцам его сместили и назначили настоятелем второго священника о.Н.Удальцова, который будто бы не соответствует роли настоятеля. В ноябре приглашался о.Л.Богоявленский, но сменилась двадцатка, и он взял согласие обратно. Просили послужить всенощную накануне Крещения и сказать слово. На последнее я согласился, а о первом сказал, что подумую.

На всенощной видел весь причт, порядок служения, храм, прихожан. Последние мне понравились: много детей, подходят к иконе чинно, много мужчин, настроение хорошее. Что же касается причта, то заметны «неладья»: Левитский нехотя уступил место Удальцову при выходе на литию, без ведома настоятеля вышел после славословия говорить слово о жертвах на нужды храма; вообще заметна расшатанность. Много хозяев: члены приходского совета самостоятельно пригласили о.Яворского для проповеди в то время, когда был приглашен председателем я.

Все это мне не понравилось. Затем поступили сведения, что при вхождении Богоявленского Левитский ходил в исполком пре-

дупредить, что избирают настоятелем контрреволюционера. По слухам, батюшки очень алчны и корыстолюбивы, а я являюсь лишним (четвертым) священником... Обсудив все это, я послал председателю приходского совета письмо с отказом «по обстоятельствам времени» ... но несмотря на то, что рекомендовал меня приходскому совету Преосв. Мануил как «опытного администратора с твердой волей» и т.п.

22 (9) января состоялась хиротония архим. Серафима (Протопопова) во епископа Колпинского. Я получил приглашение от Серафима и официальное — от Преосв. Мануила, как «настоятель Казанского кафедрального (!) собора, кафедральный (!!)-протоиерей»... Но стихии были против: страшная вьюга остановила движение трамваев, а наречение и хиротония были за Невской заставой, и я, доехав до вокзала, не мог попасть дальше и вернулся домой, тем более, что и Преосв. Мануил, явившись также к трамваю, узнал невозможность проезда, «отменил» торжества, хотя потом его вытребовали туда телефоном, и хиротония свершилась.

22-го днем обедал с Преосв. Венедиктом у о.Макария.

В Крещение вечером, с Преосв. Венедиктом служил всенощное бдение у Спаса в Колтовской, а на другой день — там же литургию по случаю именин общего благодетеля, о.диакона Ивана Евдокимовича Максимова. У него и ночевал. От него днем пришел к А.Г. Петрову, а оттуда к о.Михаилу Прудникову — поблагодарить его за молитвы о нас — сидевших в тюрьме — и привет. Обедал у него.

11 (24)-го снова был у о.Прудникова по случаю дня его Ангела; там встретил несколько батюшек, привезших к нему чтимые иконы: Скоропослушницы, св. Николая из Колпина и прп. Сергия из Сергиевой пустыни. Духовенство попросило меня совершить молебен перед святынями.

Узнал, что в храме Воскресения двадцатка разделилась и часть стоит за о.Верюжского, а другая желала бы «обновить» состав, «оживить» его и потому пригласить о.Л.Богоявленского. В то же время узнал, что наш приходской совет тоже не единомышлен: Баранов бороздит, не желая возвращения некоторых из духовенства в собор. Я очень подозреваю, что он против меня почему-то...

21 или 22 скончался Ленин. Сегодня хоронят. Здесь громадное траурное шествие. Шура в эти дни устал от частых исполнений Реквиема.

Всенощную вчера и обедницу сегодня служил дома.

На этих днях написал записку о церковной жизни в Олонцкой епархии в 1922-23 г.

Вчера был у меня о.Николай Вешкельский, которого Пресв. Венедикт назначил духовником по приему возвращающихся от обновленческого раскола. Между прочим, о.Николай сообщил, что ему в Олонце в ноябре 21-го года в ГПУ предлагали быть агентом и раз в неделю доносить обо всем, что узнает. Он отказался и на следующий день его посадили в тюрьму, произведя обыск в квартире. Ничего не нашли; пошли в кладовку холодную, незакрывающуюся и там на полу подняли листок, оказавшийся «воззванием» каким-то. О.Николай считает, что листок подбросили сами обыскивавшие, потому что у него ничего подобного не было. За это продержали в тюрьме 5 с половиной месяцев, судили и осудили на полгода.

В то же время сидел и о.П.Дмитриев и неожиданно был выпущен (24 марта 22 г.), на другой день говорил речь на митинге об отдаче церковных ценностей, затем поместил в газете письмо о том же, а через два дня на суде был оправдан. Интересно сопоставить эти два случая, чтобы сделать соответствующие выводы...

*3 февраля (21 января) 1924 г.
Воскресенье. 1 час дня.*

Всего неделю занимался подборкой материалов для записки об обновленческом движении в Петрограде. Это будет потруднее: здесь центр движения, много активных деятелей, много группировок. Прочитал Титлинова о «новой Церкви», чтобы не повторяться в описании причин явления.

Второе воскресенье служу дома — и всенощную и обедницу. Семья поет.

На этом времени мы были у А.И. Назаренко и А.Н. Первенцева. У меня был Н.К. Ядрышев.

В четверг неожиданно меня посетил о.Теодорович, бывший с марта настоятелем Казанского собора, потом сидевший на Шпалерной и в Рождество вернувшийся домой. Явился с оригинальным проектом, благодаря каким-то (не выяснил) причинам, воспользоваться возможностью взять Казанский собор у Красницкого! При этом нет мысли о прихожанах-верующих, а только мысль о борьбе и борьба. Много красивых фраз, но пустых и бездельных. Хочет будто «официально» уходить из группы «Живая Церковь». Куда же? К обновленцам, под митроп. Вениамина

(б. викария) и Свящ. Синод? На мое возражение, что он неприемлем в [нрзб.], что «его только признает гражданская власть»... Я все-таки выяснил ему принудительную неправду акта 12 мая 1922 г. и исключительную, вследствие этого, необходимость всех ориентироваться только на Патриарха и не расходиться с верующим сознанием. С тем он и ушел. У него, по-видимому, мысль организовать трио — из него, меня и М.П. Чельцова, адрес которого он у меня спрашивал. Бог с ним!

В пятницу вечером ко мне зашел о.Н.В. Чепурин и почти одновременно Н.А. Морозов. Побеседовали вместе. Я благодарил Николая Александровича за ходатайство обо мне. Он рассказал, как все было. Потом говорили на научные темы. Взял мое курсовое сочинение, заинтересовавшись интерполяциями.

Вчера днем был у Преосв. Венедикта и Мануила. Дело в том, что с утра приходила М.В. Васильева и сообщила, что Преосв. Мануил передавал слух о предположении высылки тех священников, которые не причислены к церквам («безработных»). Я поэтому и пошел к епископам. Преосв. Мануил встретил радушно. Я изложил причину посещения. Он подтвердил, что о.Платонов говорил обо мне с кафедры. Я просил прикомандировать меня (без содержания и доходов) к храму Воскресения и в письме объяснить причину о.Верюжскому. Он сейчас же обещал исполнить это.

Между прочим сообщил, что обо мне идут разговоры в приходском совете Екатерининской церкви на Екатерингофском проспекте, и что будет с церквами вообще. Сообщил и о том, что здесь распускают слухи о разногласиях между епископами, что еп. Евдоким и Красницкий что-то соображают по поводу этого, и что они с Преосв. Венедиктом решили громко заявить с кафедры о вздорности этих слухов и затем собрать собрание духовенства и предложить вопрос о выборе правящего епископа, причем выставить кандидатуры Т.А. Налимова и К.В. Ивановского, сняв свои.

Преосв. Венедикт сообщил, что в Петрозаводске с 19 января Преосв. Александр перенес свою кафедру в кладбищенскую церковь, что старый собор посещается очень многими. Обновленцы хотели бы перерегистрации, но боятся, что это даст нежелательные для них результаты. О.Дроздин примкнул к Преосв. Александру. Ожидает от меня «указаний», он, вероятно, говорил об этом, и таким образом пустил в оборот мое имя, а, не дождав-ши, примкнул к обновленцам, он набросил тень на меня. Беда с дураками.

*4 февраля (22 января) 1924 г.
Понедельник. 1 час дня.*

Предупреждение 11 января оказалось верным: в ночь на вчерашний день (3 февраля — 21 января) арестованы о.П.Виноградов и о.И.Чокой, Л.Д. Аксенов, Преосв. Мануил, его секретарь и о. иер. Варлаам, о.А.Западалов, о.Н.Либин, о.Т.Налимов, о.В.Прохоров, 5 членов приходского совета Сергиевского собора. Других сведений пока нет. Отцы Н.В. Чепурин и М.В. Митроцкий целы. Везде производились обыски. У Либина с 1 ч. до 4 ч., у Налимова и Прозорова недолго; у Виноградова тщательно искали (за зеркалами, в самоварах...). У Л.Д. Аксенова был, как будто, сам следователь, сказавший в Управлении, что «хочет посмотреть, как он живет», обращение было деликатное, обыск был только в спальне, забрали переписку. Жаль его очень. Могут выслать.

*19 (6) февраля 1924 г.
Вторник. 12 часов дня.*

Не писал 2 недели: все опасался ареста. О.Л.Богоявленский благополучно уехал, по слухам, в Пензу; но вероятно, где-нибудь поблизости находится.

Есть сведения о новых арестах: о.М.Яворский, М.Тихомиров, Вл.Лозинский, о.архим. Досифей, архим. Макарий (лаврский) и арх. Макарий (афонский), о.Трифиллий (Киевское подворье), иером. И.Егоров (Творожковское подворье), прот. Филоненко, архим. Николай Муравьев, о.Вертоградский, о.Александр Сахаров и много еще мирян. Все они содержатся в ДПЗ на Шпалерной. Вчера принесли сведения, что освобожден о.Т.Налимов и еще несколько священников. По их сообщению, сидят они по трое (еврей, коммунист и священник...), следователь Шибов (хороший), допрашивает о том: 1) не был ли на собраниях в Кирпичном (вероятно за богослужениями о.Либина), 2) не служил ли по домам, 3) не бывал ли у о.Прозорова, и 4) не бывал ли у еп. Мануила? Отсюда можно заключить, что инициатива арестов исходит от «живоцерковников», которым: 1) нужно покончить с «мануиловщиной» и 2) оградить свои материальные интересы, нарушаемые служением по домам.

По вопросу о причислении к храму я просил Нину Никитину побывать у источника слухов об этом — о.Н.Платонова. Тот сообщил, что слух исходит от него, но не от власти, хотя нет ничего невозможного, что она может сделать это. Поэтому лучше

причислится, но — к «тихоновским» церквам — бесполезно: «пусть Н.К. как-нибудь пересилит себя и зарегистрируется в Петроградском Епархиальном Управлении...»

Вследствие такого «авторитетного» разъяснения я был у о.Верюжского и просил его. Спустя несколько дней он прислал ко мне сторожа с извещением, чтобы я подал заявление «двадцатке», прибавив, чтоб не рассчитывал на содержание (! об этом я с самого начала ему сам заявил...). Я послал заявление, в котором написал, что «ввиду того, что Казанский собор, в котором я состоял настоятелем, принадлежит группе "Живая Церковь", к которой я не принадлежу, и, с другой стороны, в виду необходимости, по каноническим основаниям (6 пр. 4 Всел. Собора) быть приходским совет храма Воскресения Господня причислить меня к этому храму сверх штата и зарегистрировать в соответствующем гражданском учреждении. Согласие на это Управляющего епархией еп. Мануила мною получено 2 февраля лично» (2 февраля — 30 января).

В то же время, видя непрочность этого причисления (по словам Платонова), я побывал в Академии наук у Моласа и Крачковского с просьбой устроить меня куда-либо хотя бы сверхштатным сотрудником. Они обещали поговорить с Ольденбургом. Но оказалось, что тот боится за Академию наук, и без того состоящую не в почете у какого-то Петрова в Москве, особенно в виду известности, какую приобрела моя фамилия, и со своей стороны хотел попросить за меня Н.Я. Марра как президента Академии материальной культуры. Что из этого выйдет, пока трудно сказать. О том же Марре говорил и Н.А. Морозов, читавший мое кандидатское сочинение и узнавший из него, что я знаю древне-еврейский и халдейский языки. Будем ждать.

На днях о.Макарий принес мне 10 золотых рублей — частную помощь от АРА, кажется. Как раз вовремя, потому что в финансовом отношении переживаем «постоянный кризис», осложняющийся вопросом топливным.

Заходили ко мне на этом времени мои бывшие ученики по семинарии: Павел Иванович Казанский, Ал.Ив. Беляев, иером. Иларион. Заходили и приезжавшие из Олонии: о.о. Н.А. Вешкельский и В.И. Даманский.

3-го февраля ст. ст. была именинница Анечка и была память мамы. Накануне (2-го) отслужил панихиду, а утром (3-го) молебен. Вечером у Ани была молодежь.

Мои именины совпали с воскресеньем. С вечера я отслужил всенощную, а утром обедницу и молебен. Днем были у меня:

иером. Иларион, В.Д. Лысанов, П.А. Иткин и б. студент Богословского института Архипов. За обедом были К.С. [нрзб.], Гавриил Ал. Якушев и Смирновы. К чаю пришли Преосв. Венедикт с А.И. Беляевым. Вечером были: трое Ядрышевых, С.И. Зинкевич (недолго), Д.Н. Якшич, Чепурины, о.М.Митроцкий, Аникиевы, В.В. Соболева, М.В. Васильева, Нина Никитина и А.И. Куренков с супругой. Вечер прошел приятно.

Записка моя о церковной жизни в Олонии перепечатана на машинке. Ввиду ареста Л.Д. Аксенова я отослал ее Преосв. Венедикту. Теперь собираюсь писать об обновленческом движении в Петрограде. Материал подобран в значительном числе.

*7 (20) февраля 1924 г.
Среда. 7¹/₂ ч. вечера.*

Вчера днем заходил к о.Т.А. Налимову, выпущенному в воскресенье. Вместе с ним освобождены: о. архим. Макарий (Старофонское подворье), о.А.Запаладов (Смоленское кладбище), о.Ушаков (церковь при Экспедиции) и до 30 человек разных светских лиц. Сообщает тоже, что и Николая Николаевича из духовных не видел (на прогулке ему говорили про о.Либина и о.Прозорова; сам плохо видит). На все вопросы, говорит он, ему было легко отвечать, потому что еп. Мануила нигде не видел, ни у кого из духовных не бывал, у себя служит — молится только для себя, по требам ходил — и только. Думает, что Москва не одобрила высылки и постепенно, вероятно, будут выпускать.

Сегодня утром вдруг приходит А.И. Куренков и сообщает, что из-за меня поднял на улице целый шум: Ардентов — диакон Казанского собора его встретил и сообщил, что трое казанских протоиереев посажены из-за меня (или даже мной)! Что это будто бы сказал сам о.Тимофей, только что выпущенный. Что только не сочинит сплетня, руководимая интригой, завистью и т.п.!

Это все выходит из дома №15 по Казанской, оттуда всегда шли всякие сплетни и слухи. В конце концов все это может быть извращено, но в основе возможно, что мое имя пушено кем-либо из лиц, настроенных против моего вхождения в собор. Да Господь с ними! Если бы я устроился в Академии наук, я ни за что не пошел бы ни в какие соборы: так надоели все эти дразги, интриги и сплетни.

Сегодня днем был в Академии, виделся с А.Е. Ферсманом, который обещал устроить «во что бы то ни стало», сделав «какие-нибудь передвижения». Просил зайти в следующий четверг. Дай Бог!

12 (25) февраля 1924 г.
Понедельник. 1.30 дня.

Вчера всей семьей были в Капелле; шла оратория Генделя «Самсон»; выступал Шура. Очень боялись за него, так как он простудился и голос его накануне хрипел; но прошло хорошо. Общие отзывы очень хорошие.

Сегодня заходила Вал. Вл. Соболева, побеседовали. Сообщила, как в монастыре (в Лесном) муссировался слух о моем «неправославии», о моей партийности с Преосв. Венедиктом против Преосв. Мануила, даже чуть ли не о моем участии в его аресте. Она громко поговорила там с матушкой, о. Всеволодом и другими, распространяющими эти слухи, и думает, что слух исходит из правых институтских кругов, намекает даже на В.В. Грабовскую (жену И.П. Щербова), и советует мне побеседовать с И.П. Щербовым. Возможно. Но мне не хочется принимать никаких мер против: главные лица (тот же Преосв. Мануил) знают, что это неправда, а на толпу чем же воздействуешь? Пусть болтают, истина выявится когда-нибудь.

Вчера меня посетили Преосв. Венедикт и б. студентка Богословского института Кузьмина-Караваева; она обновленческой идеологии, но за каноническую связь с Патриархом.

В именины жены утром совершил молебен. Днем были В.А. Симанский, случайно А.Ф. Шидловский, Г.П. Губарев, П.Г. Губарев, М.В. Васильева, о.Л.К. Богоявленский, Нина Никитина, Е.А. Холостова, К.Л. Брянчанинова с Оксаной Новицкой, о.С.И. Зинкевич, А.И. Куренков. Вечером молодежь веселилась.

Рубль так падает, что для сохранения случайно образовавшегося запаса денег я поместил 10 р. зол. (207 000 р.) в банк на текущий счет. Это полезно и для Шуры, которому надо подкопить денег на ботинки и брюки фрачные.

На днях был у меня Н.А. Морозов и просил сообщить А.Е. Ферсману, что если они опасаются зачислить меня сотрудником по политическим мотивам, то он может дать рекомендательное письмо обо мне. Это тоже хорошо.

Заходил С.А. Тиккоев с письмами из Петрозаводска. Послал с ним туда сообщения родным и А.Д. Кириковой, которая спрашивала 1) не может ли приехать в Петрозаводск Преосв. Венедикт и 2) нет ли подходящего одинокого священника для собора? Трудно это.

Для первой главы записки об обновленческом движении почти весь материал подобран и план разработан.

Заходил о.Н.В. Чепурин и сообщил, что у него был о.Павел Чуев и говорил о возможности воссоединения и примирения. Это-де исходит от властей и убедиться в этом можно во всякое время путем личной беседы с ними. Он ничего не имеет против Патриарха Тихона, могут «отместить» свой Свящ. Синод, брачный епископат и второбрачие священников и только требуют более «приличного» приема... Нынешние аресты есть результат стремления к примирению (довольно оригинальный, правда!): изъятие «мануиловщины», т.е. слоя крайне правых церковников, во главе с еп. Мануилом. Если и Преосв. Венедикт в вопросе о приеме пойдет по стопам еп. Мануила, то через месяц и еще слой крайних во главе с Преосв. Венедиктом будет снят.

Политика правительства в отношении Церкви, по словам о.Чуева, изменилась: если раньше оно желало разделения церковного на возможно большее число групп, то теперь оно увидело, что это разделение создает «церковный фашизм», идет в глубину озлобление и заражает массы, и потому оно желает теперь объединения с целью прекращения этого «фашизма». Спрашивал Чуев, кто мог бы из арестованных повлиять в желательном смысле, и сам назвал в виде вопроса Л.Д. Аксенова. Просил Н.В. Чепурина о содействии в этом деле.

Решили побывать по этому поводу у Преосв. Венедикта и поговорить с ним и Преосв. Григорием.

Вечером был у Иткиных.

Татьяна Дмитриевна была вечером у Е.Ф. Тураевой и пришла оттуда совершенно расстроенной: та слепо верит всем обо мне сплетням и даже чуть ли не сама является их распространительницей, если не досужим автором. Тут все: и какие-то собрания у меня против Преосв. Мануила, и то, что «видные протоиереи» были против избрания Мануилом в епископы архим. Серафима, и то, что арест Преосв. Мануила нам «на руку», и то, что меня не посещают ни о.Богоявленский, ни о.Макарий и Щербовы, ни о.Аникиев, что профессор Н.А. Булгаков сказал будто бы, что не будет у меня исповедываться, что что-то говорил А.В. Королев, Л.И. Жижиленко и пр., и пр., и пр. ...

«И вот общественное мнение!» Маленькие, слепые, узкие люди! Заботящиеся о «спасении» и живущие клеветой и злобой! Вместо сочувствия и моральной поддержки в тяжелом положении обливающие грязью и всяческими инсинуациями! И все это будто бы «для славы Божьей», «да святится имя Его!» Недавно я писал

о. Дроздину об обновленцах, что, вводя насилие в Церковь, где все должно быть проникнуто духом любви, они рискуют на все «Господь! Господь!» услышать: «Я никогда не знал вас». А эти, проникнутые злобой, живущие клеветой, топчущие в грязь ни в чем не повинных людей, — что эти услышат от Господа на свои призывы? Прости им, Боже, ибо не знают, что делают...

27 (14) февраля 1924 г.
Среда. 1.30 дня.

Заходил вчера И.П. Щербов. Пастырское училище может существовать под условием сдачи учениками предварительного экзамена по политграмоте. В этом отношении Богословские курсы у о.Чепурина поступают практичнее, предлагая ввести у себя в течение года лекции по политграмоте. Пройдет ли только это?

Вечером был у Преосв. Венедикта, где застал еп. Григория и Н.В. Чепурина. Последний дополнил свое сообщение тем, что о.Чуев снова вчера был у него, торопил и подчеркивал государственное значение предложения преимущественно пред церковным. Сообщил и что на днях будет много церковников освобождено; часть с Преосв. Мануилом выслана. Предупредил, что Преосв. Венедикт получит от митр. Вениамина приглашение на братскую беседу.

Действительно, приглашение уже было вручено с приложением вступительного послания к пастве, составленного в тонах, далеко не благоприятных для объединения: он призывает соединиться с ним вокруг Свящ. Синода, оставив Патриарха. Решили поэтому, чтобы Преосв. Венедикт немедленно послал ему ответ с просьбой воздержаться от опубликования послания. Ответ был такой: «Охотно соглашаюсь пожаловать к Вам в четверг для братской беседы, вместе с тем прошу воздержаться с печатанием Вашего воззвания до обмена мнениями между нами; этого требует общецерковная польза».

Преосв. Венедикту советовали на этой беседе больше слушать, что скажет Преосв. Вениамин, и выяснить их точку зрения и желания, стоя вместе с тем твердо на своей позиции, на православной. Вместе с тем просили Н.В. Чепурина побывать завтра же (т.е. сегодня) у о.Чуева и просить его воздействовать на Преосв. Вениамина в смысле напечатания воззвания, потому что это сильно повредит всяким разговорам о примирении, так как он несомненно возбудит против себя очень и очень многих.

По вопросу о переговорах с гражданской властью я предлагал было возложить это на Преосв. Григория, не надеясь на дипломатический такт Преосв. Венедикта и боясь, что крайне

правые элементы будут резко возражать против примирения уже по одному тому, что в этом замешан Преосв. Венедикт, в то время как имя Преосв. Григория чисто от подозрений. Преосв. Григорий отклонял от себя это, но вместе сообщил, что они уже раньше решили отправиться в отдел Управления с тем, чтобы выяснить линию поведения Церкви, возможную с точки зрения власти. Это поможет разрешению вопроса, и о.Н.В. Чепурин предложил в таком случае придать переговорам в ГПУ характер предварительный и поручить их протоиерею. Не отказываясь сам, он прочил моего соучастия. Мне это совершенно не улыбалось, но Владыки стали настаивать и я согласился с тем, чтобы это было потом зафиксировано где-то, что делалось по поручению Совета епископов, что Владыки, конечно, подтвердили.

Чем кончится это, пока трудно сказать. Власть выскажет свои пожелания. Нам придется уповать на ту обстановку, при которой возможно примирение (удовлетворение народной совести), для чего необходимо будет светское воздействие на обновленцев в смысле согласия на наши условия (отказ от Собора 1923 года), при возможно безболезненном и деликатном чиноприеме. Задача — трудная. Я вчера поднимал вопрос о том, делается ли что-либо в этом роде во всероссийском масштабе. Преосв. Григорий отвечал утвердительно.

*28 (15) февраля 1924 года.
Четверг. 8 часов вечера.*

Сейчас был у Преосв. Венедикта; он виделся сегодня с митр. Вениамином. Впечатление отжившего старца, плохо разбирающегося в обстоятельствах, не руководителя, а руководимого... Встретил словами: «Вы как меня мыслите?» — «Как архиерея старого рукоположения», — ответил Преосв. Венедикт и после сего облобызались. На вопрос Преосв. Венедикта, почему в воззвании он стоит с буквою «б» (бывший), Вениамин ответил, что не он составлял воззвание, но он мыслит Преосв. Венедикта как епископа и vicария.

В дальнейшей беседе Преосв. Венедикт выяснил вопрос о неканоничном начале Свящ. Синода, о каноничности Патриарха; митр. Вениамин сам признал, что Собор 1923 года был «политический», что брачный епископат и второбрачие духовенства — ошибка. В результате видно, что митр. Вениамин весьма умеренный, но переговоров с ним вести нельзя, так как им руководит Епархиальное Управление, а там, по его словам, «раздорники»,

«ругаются друг с другом, как извозчики». Текст воззвания будет пересмотрен завтра в Епархиальном Управлении.

Н.В. Чепурин заходил и сообщил, что завтра, в 3 часа, нас примет Шибов. Вырабатываются 7 пунктов для переговоров. Точный текст их Н.В-ч получит сегодня вечером. Посмотрим, что будет.

Был в Академии, но А.Е. Ферсман еще не приехал из Москвы.

*1 марта (17 февраля) 1924 года.
Суббота. 1 час дня.*

Вчера у Шибова не были: утром о.Чуев встретил Н.В. Чепурина и сказал, что беседа отложена до понедельника, что пункты переговоров одобрены Леоновым в отделе Управления и будут рассмотрены где-то еще выше — в Смольнинском политбюро что ли... Самые пункты, как они выглядят после внесения в них поправок Н.В. Чепурина, были таковы:

1. Ликвидация «мануиловщины» как крайнего движения «тихоновщины», берущей Патриарха Тихона в «первом издании».

2. Ликвидация сношений с заграничной белогвардейщиной и церковной реакцией, руководимой Антонием Храповицким и другими членами Карловацких соборов.

3. Обязательно руководить церковными массами в соответствии с существующим советским строем.

4. Легализация канонического общения с Патриархом Тихоном как исключительно церковным главою.

5. Легализация группы в ее внутреннем церковном управлении.

6. Устав группы входит в силу по утверждении его гражданской властью.

7. Право на сношение с существующими различными церковными группировками (кроме контрреволюционных) на предмет достижения церковного объединения.

Возможно, что при пересмотре в различных инстанциях кое-что будет изменено. Что же касается данного текста, то, обдумав его, я сделал для себя такие примечания:

1 пункт может гарантироваться направлением центрального ядра, выражающимся в твердых директивах епископата. Способы осуществления: характер управления (главным образом, отношения к инакомыслящим) и церковной кафедры.

2 пункт может гарантироваться безусловным обязательством того же центрального ядра пресекать всякую возможность влияния заграничной реакции на характер и направление церков-

ного управления и церковной жизни. Способы осуществления: твердое ведение раз принятого (п.1) направления и полная лояльность.

3 пункт может достигаться твердыми директивами правящего епископата подчиненным органам (благочинным, духовенству, приходским советам) — не допускать в церковной жизни ничего, не соответствующего декретам и распоряжениям Советской власти, и не касаться с церковной кафедры той или иной оценки советских установлений, честно принимая установившийся строй.

По 4-му пункту необходимо в переговорах выяснить, в чем реально может выразиться легализация сношений с Патриархом? — Поминование его? Обмен письменными документами? Прочтение с церковной кафедры его посланий?

По 5-му и 6-му пункту тоже необходимо выяснить подробности легализации группы. Допускается организация управления? Печать? Функции управления — назначения, перемещения, увольнения и т.п.? Отношение к двадцаткам? Только ли выборные двадцатки или и административные? В Уставе право собраний богослужебных и организационных и права пастырских училищ и курсов? право богословского просвещения, лекций и бесед?

По 7-му пункту — разрешаются ли всякие собрания: и общие с народом, или только пастырские, или комиссии смешанные и т.п.?

*29 февраля (13 марта) 1924 года.
Четверг. 12 часов дня.*

Вот уже и первая неделя Великого поста. Бываю в церкви на Великом каноне и у Преждеосвященной литургии. Был и у Воскресения, и у Вознесения. Народу больше в последнем — там и поют лучше, и вся служба совершается чинно, и в храме теплее. У Воскресения служат в маленьком храме — неудобно и грязно.

«Переговоры» все еще отлагаются. Да будут ли и вообще-то? Ведь уже не раз в 1922 и 1923 году о.Чувев с Журавским приходили в тюрьму и поднимали вопрос о примирении, и все от имени властей якобы, и дело кончалось ничем. Может быть, так и теперь? Подождем — увидим.

На этих неделях чувствовал себя очень скверно. 3 марта явился жилинспектор, осматривал квартиру и проверял закрепленное в 1922 году имущество. Нашел, что не все закреплено. Составил акт. Очевидно, был какой-то донос на дом, потому что такая же проверка была и в квартире 20 и 18-й. Я побывал у юрисконсульта Откомхоза Б.М. Добротворского, и тот, ознакомившись

со всеми данными, сказал, что оплата по конфискации имущества покрывает все. На этих днях надо сходить за получением официального ответа на поданное мною заявление.

В связи с этими неприятностями и вообще с неприятностями от квартирантов, приходит мысль о подыскании квартиры: более подходящей и удобной.

На Маслянице в среду были у Чепуриных, где виделись с Акимовым, Аникиевыми и Митроцким. Особенного ничего.

Приходил староста Никольского Морского собора приглашать меня заместителем настоятеля. Там какая-то неурядица и с о. Дмитриевским, и в двадцатке. Надо подождать.

Узнал, что Глазунов говорил по поводу увольнения Шуры из Консерватории с Луначарским в Москве. Тот против подобных постановлений. Надо теперь здесь подействовать для восстановления Шуры в Консерватории.

Переживаем сильный дровяной кризис. Наконец, И.Е. Максимов прислал воз дров и теперь «живем» пока. В деньгах постоянный кризис: утром соображаем, где их достать, чтобы купить хлеб и что-нибудь изготовить к обеду...

В Академии наук Ферсман, много наобещавший, теперь просит подождать. Впечатление такое, что и вообще трудно надеяться. Конечно, ему не до меня, и то что ему я?

На днях арестованы Преосв. Серафим Протопопов и о.А.Толстопятов. Из сидящих никто больше не освобожден.

Из Петрозаводска приезжал о.Гавриил Громов. Там по-прежнему продолжается разделение.

*17 (4) марта 1924 года.
10 часов утра.*

Вчера служил в Покровской церкви с Преосв. Венедиктом. Настроение послужить отличное — с одной стороны, давно не служил полной литургии и истосковался, а с другой — приятно было видеть вполне сохранившийся приход, с массой богомольцев, с полным порядком в храме. Как ни критиковали о.Н.В. Чепурина, как ни обвиняли его в нетвердости позиции, как ни «заподозревали» в чистоте Православия и т.п., но человек пронес свой приход благополучно, сохранил всех и все, сохранил места для осужденного о.В.А. Акимова и Д.Любимова, все время благородно содержал их семьи. Это редко вообще, а теперь в особенности. Пример других церквей и пастырей — налицо. И совершенно правильно в конце обеда тов. председателя обратился к Пре-

осв. Венедикту с просьбой о награждении о.Н.В. Чепурина к Пасхе палицей. Достоянному достойное.

Наши переговоры пока «заморожены». Платонов увидел у Бакаева рапорт Чуева с пунктами, одобренными Леоновым, и принял меры к остановке. Очевидно, недоволен, почему не он это делает, а во-вторых, может быть, боится подпустить нас поближе к власти, боясь потерять собственный авторитет. Пока советуется обождать, а там потом будет указано, когда возможно, как и с кем говорить. Вчера же об этом был извещен Преосв. Венедикт, недоумевавший о приостановке. Освобождение Л.Д-ча отдалается.

В церкви вчера со мной беседовал о. Дмитриевский, предложивший «комбинацию»: войти мне, и [нрзб.] и ему. Я ответил, что я ничего не знаю, ничего против этого не могу иметь, сам не ищу, меня просят, я принудительно согласен, но с условием, чтобы не на живое место идти; во всяком случае пойду лишь тогда, когда благословит на это Преовященный. Сегодня, по-видимому, В.М. Мартышев поедет к Преосв. Венедикту говорить и просить о Дмитриевском.

Вечером вчера заходил А.И. Куренков и, как очевидец, сообщил о состоявшемся вчера открытии Богословского института (Миллионная, 34), молебен служил митр. Вениамин. Раевский, как ректор, объявил открытие, речи говорили Титлинов, Стефанович, Боярский и представители Америки. Средства собрали американские религиозные общества, оповещенные архиепископом, присутствовавшим на Соборе 1923 года и узнавшим о полном отсутствии в России богословских училищ. Предполагаются к открытию такие училища в 10 пунктах России. В речах отмечалась живучесть религий (Титлинов), периодически выявлявшееся и ранее обновленческое течение — у Филарета в его петербургский период, у Янышева и Болотова (Стефанович); было упомянуто Боярским и о нашем бывшем Богословском институте, как «болотном огоньке», где, однако, его обновленческий доклад был встречен так неприветливо, что с ним осталось только человек 5-6 студентов, а остальные не только не смотрели на него, не подходили к нему, но даже и не крестились, проходя мимо «обновленческих церквей». Какой из этого был сделан вывод, к сожалению, я не успел дослушать: ко мне пришла А.О. Вахтина, бывшая моя прихожанка по Университетской церкви, с которой я должен был беседовать. — Слушателей около 50 человек, большинство женщины. Кто читает — пока неизвестно.

19 (6) марта 1924 года.
Среда. 10.30 часов утра.

Третьего дня был у Н.В. Чепурина по его приглашению. Оказывается, еп. Серафим, по тупости, трусости или злобе, на показании наговорил массу и осложнил дело, запутал многих: наговорил на Л.Д. Аксенова («оберпрокурор», «поставил Мануила», «сносился с Патриархом» и т.п.), на Преосв. Венедикта и Григория («они засадили Мануила, чтобы начать соглашательство», и пр.). Пришлось устроить очную ставку Л.Д. Аксенова с еп. Мануилом (или Серафимом), в результате которой Л.Д. как будто очистился от взведенных обвинений, и вопрос об его освобождении опять наладился. Кажется, еп. Венедикта и Григория вследствие этих наговоров едва не арестовали.

Пункты переговоров увезены в Москву, куда вызываются Шибов и Чуев (вчера должны были уехать). Это очень хорошо, что дело будет вестись во всероссийском масштабе: а то здесь уже пошли слухи о нашем «предательстве», «соглашательстве»... Досужих языков много.

Заходил М.П. Чельцов; все знает от Чуева. Говорит о ненадежности его: с одной стороны обещает его устроить в Измайловский собор, а с другой — все тормозит. Тут, может быть, кроются и личные причины — боязнь сдачи *своего* собора подорвать свой престиж в Епархиальном Управлении и ГПУ.

М.П. Чельцова Стефанович приглашал к участию в Богословском институте и в Епархиальном Управлении, где, по словам Стефановича, «четыре чекиста, а остальные умеренные»; последние предполагают выжить первых не только из Управления, но и из епархии. М.П. Чельцов поставил условия: Собор и покаяние главарей в насилии над церковной властью.

12 (25) марта 1924 г.
Вторник. 10.30 часов утра.

В пятницу в газетах появилось сообщение, что следствие по делу Патриарха и с ним Преосв. Арсения Новгородского, Никандра Крутицкого и П.В. Гурьева прекращено. Таким образом, начинается новая эра в тихоновской церкви, когда возможно будет говорить и о легализации группы.

В воскресенье был у иг. Афанасии с запоздалым визитом благодарности за ее внимание во время тюремного заключения.

Вчера был у А.Т. Савина и дал ему мысль разузнать о возможности входа в Казанский собор: нынешняя двадцатка несо-

стоятельна экономически: большая задолженность, и, может быть, на этом основании возможно заговорить о перемене двадцатки и смене причта. Попытаемся.

Заходил Н.В. Чепурин и сообщил, что хорошо бы теперь еп. Венедикту обратиться к прокурору о возможности поминовения Патриарха: это важно и для реабилитации самого еп. Венедикта от всяких клеветнических сплетен. Почему-то Платонов «грызет зубы» на еп. Венедикта и не прочь засадить его.

В воскресенье были Мартыновы; нового пока о Никольском соборе ничего.

Погоды стоят морозные и довольно снежные.

Написал о начале церковно-обновленческого движения в Петрограде; указал пока причины этого явления и подошел к действительному его началу в марте 1922 года.

*14 (27) марта 1924 года.
Четверг. 8.30 часов вечера.*

Сегодня именинник еп. Венедикт. Был у него и встретил очень многих батюшек, монашествующих, еп. Григория, своих союзников. Батюшки заняты вопросами уже о времени начала вечерни в Великую пятницу, звоне к пасхальной утрени. Рассуждают как о вопросе чрезвычайной важности... По вопросу о поминовении Патриарха прокурор сказал, что пока не будет получено официального сообщения в «Еженедельнике» Наркомата, ничего нельзя сказать; просил справиться через неделю.

В Морском соборе, по-видимому, для меня ничего не выйдет. Несколько депутатий просило за Дмитриевского. Когда явились представители двадцатки, еп. Венедикт сказал им, чтобы они пересмотрели постановление о Дмитриевском, так как многие прихожане за него просят, и он не может его уволить — нет оснований. Те запротестовали. Владыка ответил, что при таких условиях он не может назначить меня к ним. Они заявили, что будут искать другого. На замечание Владыки, что он и вообще никого не может к ним назначить при таком отношении их к Дмитриевскому, они ответили, что тогда уходят в «обновление». Рассуждать больше не о чем...

Удивительно, как время развратило и приходские советы: усвоен совершенно протестантский принцип — избрание причта общиной без всякого значения в этом деле епископа. Принцип — совершенно недопустимый в Православии, что я и высказал еп. Венедикту. Право прихода рекомендовать, но последнее слово принять или не принять рекомендуемого кандидата должно всецело

принадлежать епископу: иначе какой бы смысл его «пасения» и ответственности нравственной за своего помощника — пастыря?! Вопрос о «пасении» должен отпадать, ибо не он посылает священника к овцам, а овцы по своему вкусу (а, возможно, и неразумению) выбирают себе того, кто им «люб» не по мотивам выгоды пастырско-педагогической, а, может быть, по совершенно иным соображениям.

Вопрос, однако, на этом не окончился. Через несколько дней приходят к еп. Венедикту о.о. Дмитриевский и Бобовский с предложением: оставить в клире Дмитриевского и Яблонского, а Бобовского сделать настоятелем. Последнему этого, очевидно, и хотелось, и он все равно начал бы интриги против меня. Пресвященный с такой комбинацией не согласился.

Наше домашнее положение обострилось. С 1 апреля Коля и Боря прекращают дежурить у дома (нанят дворник) и таким образом эта часть средств к жизни отпадает. Надо принять меры к скорейшему отысканию мест, а это — не легко. Для Ани как будто открывается возможность устроиться в Ученый Агрономический институт художницей — пойдет на будущей неделе справиться.

За Шуру просил Н.А. Морозов. Может быть, и восстановят его в консерватории, что сейчас особенно важно: в мае его год призывают.

Вот уже два дня (с вечера 25-го) температура поднимается, тает, идет дождь; на улицу хоть не показывайся.

*26 марта (8 апреля) 1924 года.
Вторник. 7 часов вечера.*

Не писал почти две недели: было некогда. Произошло многое. Начну с начала.

В субботу, 29 (16) марта, утром приходит одна из двадцатки Морского собора — В.М. Михайлова с поручением от Владыки Венедикта, утвердившего весь новый штат и в том числе меня в качестве и.о. настоятеля. В приложенном письме Владыка писал: «Наконец-то окончилась более или менее благополучно канитель с Морским Никольским собором, и я с облегченной душой могу поздравить Вас и сердечно порадоваться Вашему новому назначению. В добрый час благословил Вас Господь на духовную работу в вертограде Божиим, столь долго прерванную по неизреченной воле Божией. Остается Вам только написать заявление о желании вступить в эту должность, ибо одного уст-

ного, пожалуй, будет и не совсем достаточно. Помогите Господь Вам на месте святе водворить мир, порядок и любовь»...

Я тут же написал Преосвященному официальное согласие.

«Имею честь почтительно доносить Вашему Преосвященству, что, согласно сделанного мне представителями приходского совета Никольского Морского собора предложения, с Божиим благословением и Вашего соизволения, я с покорностью готов временно заместить должность настоятеля Морского собора». Лично съез я к еп. Венедикту этот доклад. Он на нем положил резолюцию: «16 (29).III.1924. Да благословит Господь Бог миром и благополучием вступление в Морской Никольский Богоявленский собор протоиерея Николая Чукова на пользу Святой Православной Церкви. Еп. Венедикт».

С благословения Владыки направился я вечером в собор. Пришел рано. Осмотрел. Собор большой, с массой старых икон, разставленных и разложенных на аналоях. Познакомился с причтом. Служил всенощную о.Бобовский, потом предполагалась моя неделя. Я облачился только на вынос креста. Выносили торжественно, обходили всю церковь. Народу было много. Я у креста благословлял, потом исповедывал. По-видимому, получилось впечатление острое.

О.Бобовский выступал с патетическим словом (в его духе... больше все фразы); потом объявил о богослужениях целой недели; потом читал протоколы двадцатки об увольнении о.Дмитриевского; новом составе причта и назначении меня; потом заявлял, что он не выживал о.Дмитриевского и т.п. Впечатление какой-то шумихи. Ночевал у Мартышевых. Наутро я служил позднюю литургию и говорил слово. Понравилось. Вечером (я вступил в неделю) служил вечерню и пессию и опять говорил слово. Отзывы добрые. Почувствовалось расположение прихожан; с причтом установились хорошие отношения.

Во вторник — обычный акафист св. Николая, соборный, народу много, поют все. Мне очень понравилось. Чтение во время богослужения хорошее. Пение порядочное. Исповедывал много. В пятницу у меня было около 60 человек, в субботу около 40 человек. Здесь только я почувствовал возможность действительного пастырствования. В Казанском приходе собственно прихода нет и прихожан почти тоже. Характер отношений причта какой-то сухой, холодный и формальный. Здесь не то — никто не бежит от богослужения, наоборот, сами идут и совершают.

В четверг устроил причтовое собрание. Дьяконов волновал вопрос о введении о.Дмитриева в кружок. Боялись, что уменьшится их доход. Я предварительно переговорил со старостой и

провел вопрос к общему удовольствию. Дмитриева в кружку ввели; таким образом создали единство в причте и для посторонних — мир. В компенсирование приходской совет гарантирует уплату квартирных налогов, а на этот месяц (с 1. апреля) выдал пособие в 15, 12, 10 рублей.

Мы, впрочем, решили все поровну. Дьяконы довольны, что и блюдо со сбором в пользу причта приходской совет оставил по-прежнему. В довершение всего и кружка за неделю оказалась хорошою (впервые такая, говорил о.Овечкин). Таким образом создалась атмосфера благоприятствия. Отношение всего причта ко мне хорошее. Бобовский — тоже. Он несколько честолюбив, любит выступать, но я этому не препятствую, и он доволен. Отношение прихожан тоже, по-видимому, хорошее. Но вот беда: ГПУ почему-то приказало меня отвести. Староста просил Мичурина; тот хотел поговорить сам о причинах. Во всяком случае надо добиваться, так как в правах я не поражен, а мои союзники еп. Венедикт и Богоявленский допущены.

Эти дни я простудился и сижу дома. На днях выясняется обо мне вопрос. Боюсь, что придется доходить до Смольного, а, может быть, до Москвы.

С поступлением в собор несколько поправился; а то дожили до краю: одно блюдо и черствый хлеб без перемен все время, да и на то денег не было. На уплату за электричество уже Нина Никитина достала 10 рублей от Николы Трунилы (о.М.Митроцкий).

Коля попытался поступить в лесной отдел Мурманской ж.д. Наобещал с три короба А.Н. Первенцев. Я писал письмо старинному своему знакомому (по губернскому земству) Д.С. Богданову; тот обещал помочь, но предупредил, что это очень трудно. Хотел зайти.

Аня устроилась писать декорации в Александрийский театр пока на практику. На Богословских курсах б. II благочиния, а теперь Центрального района, в среду 20 марта (2 апреля) меня избрали заведующим и предложили читать церковную историю в Пастырском училище. Опять я буду завален делом и с трудом удастся привести в исполнение свои планы о написании разных работ.

*18 (5) апреля 1924 года.
Пятница. 10.30 утра.*

Сегодня день рождения жены и тещи. Пред утренними часами служил молебен.

С моим утверждением в Никольском соборе все еще заковычка. Староста добивается. Двдцатка очень желает.

Собор готовится к празднику. Я написал весь распорядок богослужений. Жалко только, что срывают праздник — по-видимому, субботу и понедельник устроят рабочими днями, а вместо них отдых дадут 1-4 мая, т.е. не в начале, а в конце Пасхальной недели. Ну как это назвать иначе, как не намеренным отвлечением и затруднением для верующих праздновать свой главный праздник. А все говорят, что религия не преследуется...

Во вторник 2 (15) апреля вечером, по записке Н.В. Чепурина, собрались у М.П. Чельцова. Был еп. Венедикт и о.П. Чуев. Речь шла о способах приема, нежелательных (освящение), и вообще о нежелательности дальнейшего присоединения. Было предупреждение о возможной высылке безработного духовенства. Я поднял вопрос о необходимости поставить в известность Патриарха о критическом положении в Петрограде и серьезно побудить его к принятию тех или иных мер к ликвидации раздора. Политический мотив у обновленцев теперь, с реабилитацией Патриарха, отпал, и можно было бы найти пути к ликвидации. Делается ли что-либо в Москве? Как смотреть на возможность этого у власти? Все эти вопросы необходимо уяснить в Москве и решительно повлиять на Патриарха. Со мной согласились. Вопрос был только в том, кого послать. Преосв. Венедикт отказался ехать, я предложил М.П. Чельцова, как члена авторитетного для епархии, для Патриарха, известного митр. Евдокиму, прямого и решительного, кстати, вообще не одобряющего политику Патриарха. Тот долго отказывался по обстоятельствам семейным. Но в конце концов согласился. О. Чуев обещал на другой день зайти за ним, чтобы получить в ГПУ разрешение написать записки Степанову и Тучкову и т.п. Но, как оказалось, почти ничего этого не вышло. Чуев не зашел, и дело отклонилось. А между тем сам же торопил. Указывал, что в Епархиальном Управлении решено взять чуть ли не 15 храмов, в том числе Воскресения на крови, Митрофаньевское подворье, Вознесенскую церковь.

Вчера вечером был у меня о.Макарий. Сообщил, что ездил в Вышний Волочек и по пути был в Москве с поручением у Патриарха. Привез наградные списки. Сообщил последние новости: Патриарх издал запрещение митр. Евдокима и Антонина в священном сане. Был у Патриарха о.Красницкий и предложил «работать вместе», так как между нами нет догматических разделений. Патриарх отклонил это, сказав, что наши пути различны. Сам Патриарх в бытовом отношении стеснен: к нему, в одну из четырех комнат, вселен рабочий с женой. В смысле легализации здешнего

Епархиального Управления, по-видимому, ничего сделать не может: сказал — пусть существуют нелегально, хотел поговорить с комиссаром юстиции Курским, но потом не мог принять о. Макария и сообщить результаты — устал и отдыхал. Вообще одряхлел.

Во всяком случае о примирении как будто совсем нет речи. Думаю, что отклонение разговора с Красницким было сделано напрасно, надо было поручить переговоры Синоду. Запрещение митрополитов тоже может быть чревато последствиями, особенно здесь, в Петрограде.

Мои личные дела далеко не приятны. В Откомхозе все по-прежнему: инспектор не представляет акта, может быть, намеренно затягивает, а той порой Румянцев делает свое дело: настоял на увеличении платы за квартиру с 10 до 42 рублей, записал на меня целых три комнаты и насчитал плату в этом размере за прежнее время — с 1 марта. Как быть — не знаю.

За Шуру Н.А. Морозов ходатайствовал пред Циперовичем, и тот обещал восстановить его. Шура снес прошение. Сегодня пойдет справляться.

Я был в Академии наук у Д.Д. Руднева. Он обещал напомнить обо мне Ферсману. Дети еще не устроились, и скоро ли — неизвестно. С определением на места чрезвычайная трудность — везде сокращения.

*18 апреля (1 мая) 1924 года.
Четверг.*

Прошла Страстная и проходит Светлая седмица. Все время — службы; почти за каждой службой на Страстной неделе, начиная с Вербной субботы, говорил поучения. Службы прошли очень стройно и чинно, по заранее указанному расписанию как духовенству, так и хору. Все довольны — и духовенство, и прихожане, порядком, торжественностью и умирительностью. Отовсюду добрые, благодарные отзывы. Исповедников у меня было очень много: в среду исповедывал с 5 часов до 1 часа ночи, а в пятницу с 7 до 2 часов ночи. Так что перед субботней утреней спал только 1 час.

Впечатление от исповедников хорошее: грамотное большинство сознательно относится; со всеми беседовал; много колебаний религиозных под влиянием антирелигиозной агитации; много грустных фактов с барышнями; многим очень тяжело живется. Были у меня такие, которые не говели по 3, 5, 15 и более лет, даже 30 лет. Было порядочно молодежи мужской, были студенты. Ходят к нам с Васильевского острова, с Петроградской сто-

роны. В четверг, пятницу, Пасху храм был переполнен; в Пасху и наверху был почти полный храм.

В Пасху славил два дня, сделал около 40 посещений. Был у солидных прихожан — торговцев, был и у самых бедных, заботившихся в голодные годы о духовенстве. Был у членов причта, начиная с супруги о.А.Беляева (настоятеля). Во вторник вечером служил Преосв. Венедикт; чинно угощала его двадцатка в квартире о.Боротинского.

С моим утверждением дело окончилось: 23 апреля, в среду вечером анкета была зарегистрирована.

Устал за это время очень.

Материально дела поправляются: всего за месяц, с пособием собора в 30 рублей, получил 250 рублей (около), не считая последних дней Страстной недели и славление, что еще не разделено. В частности, относительно славления младшие члены причта говорят, что и раньше так не получали (больше 200 рублей).

С этим вопросом вышло недоразумение: младшие члены настроены против Бобовского и Яблонского и не старались устроить им, чтобы и им были записаны места для славления, так что Яблонский в первый день совсем не ходил. Но на второй день я устроил собрание, заявил, что все славление есть общий братский доход и поэтому, кто бы ни ходил, должны все участвовать в разделе. Это изменило положение дела, и на второй день ходят с кружкой все. Слава Богу! Все-таки приходится бороться с интриганами...

Вчера служил в Малой Коломне, в церкви Михаила Архангела; отпевали о.Н.Изборского.

С Шурой вопрос плохо устраивается — Разовский затягивает дело.

С квартирой, может быть, дело устроится: вчера беседовал с Румянцевым и подал заявление в Правление.

*10 (23) мая 1924 года.
Пятница. 10 часов утра.*

Так все время был занят или отвлечен мыслями, что совсем ничего не писал. Накопилось много за это время. Начну с внешнего. Вопрос о квартире разрешился довольно трудно: увеличенную плату за март сняли, но с апреля наложили и насчитали 67 рублей в месяц. За вычетом уплоченного и выслуженного детьми, вышло за апрель и май с нас 102 рубля. Занял у старосты 60 рублей, отдал; на днях надо доплатить. Но дело еще хуже: на покрытие дефицита и ремонт обложили квартиры на 100%. Таким

образом, за май еще надо уплатить 67 рублей. Где взять? Решил подать заявление и платить постепенно, а с 1 июня уплотниться, сдав большую спальню сыновей Румянцеву и освободить кладовые (уже освобождены). Тогда площадь с 48 саж. сократится до 20 саж., из которых на мою долю придется оплачивать около 14-15 саж., т.е. всего около 31 рубля. С мебелью вопрос продвинулся — передан в Юридический отдел.

С Шурой устроилось: М.Т. Климов от Капеллы написал ходатайство о нем к начальнику мобилизационного отдела, где высказал буквально, что без Шуры Капелла будет в «безвыходном положении...» Тот положил резолюцию о направлении Шуры в территориальные войска, т.е. по-прежнему — в ратники, что означает — обучение в учебном сборе около 3-х недель. Это, конечно, очень устраивает Шуру с пением в Капелле; в то же время к осени, вероятно, устроится вопрос с консерваторией. На приеме Шуру нашли — роста выше среднего (что-то около 170 см), ширина груди около 90; вес 5 пудов 2 фунта.

Боря спокойно может кончать университет, хотя идет массовое увольнение студентов, но последовало постановление Совнаркома о том, что оканчивающие курс не должны быть уволены.

Коля продолжает занятия на курсах; Аня — в рисовальной школе; Веруся — у себя в школе. Год заканчивается благополучно.

Жена предполагает побывать в Петрозаводске. Может быть, удастся и мне куда-нибудь съездить. Надо бы отдохнуть и девочкам.

В соборе служение идет по-прежнему. Начал по вторникам перед акафистом вести апологетические беседы. Уже провел три. Удачно — нравится. Общие отзывы хорошие. Хочу эти беседы использовать для Богословских курсов — в апологетическом кружке, который предполагаю вести, вместо русской церковной истории. И.И. Соколов просил дать ему чтение лекций, и я надумал поручить ему общую церковную историю. Сегодня на заседании Правления проведу.

Можно использовать содержание моих бесед и еще: о.Благодатов вчера сообщил, что в их районе духовенство надумало собираться и обсуждать совместно пререкаемые вопросы, чтобы быть готовыми и везде одинаково проповедывать пастве. Это хорошо.

Взаимоотношения в соборе у причта по-прежнему добрые. О.Бобовского сдерживают, хотя и не всегда: нет, нет, да и выкинет что-либо. Вызывали его в суд по делу о Введенском соборе, где он встретился с обновленцами, причем тот и другие одновременно служили. Вдруг с кафедры после акафиста он объявляет:

«в четверг я служу раннюю литургию; приходите сами и зовите ваших знакомых, а там я вам скажу, зачем меня в 11 часов вызывают в суд...». Начались среди женского элемента опять толки и сплетни о настроениях и интересах в причте и т.п. Я рассердился и тут же высказал ему неодобрение. То же сделал и староста.

Вчера справляли престольный праздник. Литургию служил Преосв. Венедикт, а всенощную — я сам: Преосв. Григорий отказался, ссылаясь на престольный праздник в лавре. Всенощную служил в нижнем храме и — напрасно: было ужасно душно и тесно, народу была масса. Литургия была в верхнем храме, и, хотя народу было также очень много, но воздуху было много. За всенощной я говорил снова и призывал к пожертвованию на ремонт храма и колокольни. За литургией поручили говорить о.Евгению. Приглашал служить о.о.Петровского, Богоявленского (только на литургию), Благодатова, Маляревского (был только на акафисте вечером и молебне утром), о.Карпа (был на молебне утром), о.И.Никитина как бывшего священника собора (был на акафисте вечером). Остальные пришли сами. Кроме своего причта служил еще о.С.Зинкевич, только что приписанный к нашему храму.

Таким образом служили — всенощную: я, о.Поляков, Петровский, Альбов, Благодатов, Яблонский, Бобовский, Зинкевич, Быстревский, о.С.Платонов, Тишанов, о.М.Николаевский, о.Мартиниан. На литургии: о.о. Богоявленский, Петровский, Благодатов, Николаевский, Тишанов, Зинкевич, Платонов, Бобовский и какой-то молодой священник. Канон — о.Яблонский, Быстревский и о.Мартиниан. На молебен пришли: о.Маляревский, Эльб, Казанский и еще каких-то 3 священника, всего 18 человек. Было очень торжественно. Пели хорошо. Жаль только, что приглашение о.Леонида попрепятствовало пригласить о.Акимова (мне пришлось бы стоять далеко, что неудобно в праздник). Но об этом просил староста: у них были намерения прикомандировать и о.Леонида к собору, но после моих разъяснений эти намерения оставлены.

Диакону Боротинскому исполнилось 25 лет служения. Мы чествовали его в неделю жен-мироносиц, а вчера Владыка возложил на него двойной орарь.

Из дефектов вчерашнего дня — для соображений в будущем:

1) у нас мало ковшичков для теплоты; 2) мальчишки не умеют согласовать разных обязанностей и не поставили аналоя к Евангелию; 3) псаломщик А.И. Овечкин небрежно относится к пению молитв у образа: не сменил вовремя С.Н. Веселовского; 4) все диаконы ушли, и во время благословения епископа, когда о.Бобовский давал крест, кропить должен был чужой диакон.

Для будущего тоже необходимо запомнить: 1) на солее с левой стороны была поставлена решетка, сдерживающая публику: это всегда надо; 2) чудотворную икону поднимали наверх на молебен, износили из алтаря, епископ осенял; по окончании — тоже; 3) ранняя началась в 6 часов, затем все время молебны до вечера; накануне в 5 часов — малая вечерня, после которой тоже молебны до всенощной. После всенощной — без отпуска — акафист (прямо с кондака), затем Евангелие, запевы, ектении, молитвы и отпуст закончились в 11.30.

Вчера был в лавре на наречении арх. Нектария. Речь нарекаемого была весьма содержательна и искренна. Потом пили чай у Преосв. Григория. Вечером были с женой у Н.В. Чепурина. К Н.К. Ядрышеву съездил уже Боря.

В лавре очень многие подходили ко мне с выражением своих добрых чувств. Так народ, а свои — м.Юлиания, Ф.К. Андреев — еще недавно где-то характеризовали меня как «социал-соглателя...»

В трамвае встретились с о.Боярским, который просил позволения зайти ко мне «обменяться мыслями», но не зашел, предупредив, что под наш собор ведется «подкоп». Староста виделся с Мичуриным, и тот успокоил, что «пока он» — бояться не нужно.

Преосв. Венедикт видел Боярского (тот был у него), который сказал ему о своих планах: он со своей группой предполагает на соборном совещании поставить вопрос о неправильном осуждении Патриарха; надеется, что к нему примкнет большинство епископата. Тогда или естественен вопрос о признании Патриарха и соединении с ним, или они отойдут от остальных обновленцев и присоединятся к Патриарху. Дай Бог!

По сведениям, Патриарх получил разрешение побывать на родине, во Пскове, и на обратном пути посетить Петроград.

Дай Бог, чтобы скорее мир церковный совершился. Но боюсь, что крайности все-таки не сойдутся, и даже, может быть, в расколе будут виноваты больше крайние правые как совершенно непримиримые.

*26 мая (8 июня) 1924 года.
Воскресенье. 8 часов вечера.*

Не писал две с лишком недели — время и голова были заняты; приходится готовиться к беседам, к лекциям, к проповедям; в промежутки разные дела, а главное — беспокойство о плате за квартиру, о мебели и т.п. Тут еще «уплотнились», переносили вещи: освободили обе кладовые, где поселились жильцы, и осво-

бодили комнату мальчиков Румянцеву, которому дали часть мебели. Теперь вся наша площадь — 29 кв. саж., т.е. около 32 рублей, но с 100% — до в 2 р. Тоже не знаю, как справлюсь платить, потому что в соборе двадцатка — из мелких торговцев и очень скупа — дает все какие-то «пособия» то в 15, то в 20 рублей, а не принимает оплату квартиры. Сегодня я уже прямо сказал об этом ради других членов причта. Не знаю, сделают ли что-либо?

В семье пока все по-старому.

На Богословских курсах начал читать лекции по апологетике. Н.В. Чепурин уехал в отпуск — в Кисловодск, куда собрали ему на дорогу средства в приходе. Слушателей прибавляется.

В церковной жизни переживаются «газетные волнения»: появилось известие о «блоке Патриарха с Красницким» и целые ушаты грязи лили обновленцы на Патриарха. Народ был смущен. Наши легковверные батюшки (да и Преосв. Венедикт) тоже приходили «в отчаяние». А на самом деле, как говорят, было что-то, что Красницкий по ордеру поселился в Донском монастыре и стремится соединиться с Патриархом. Тот ответил, что примет через публичное покаяние. Красницкий с посланием обратился к своим живоцерковникам, разъясняя, что политический мотив, разделявший их с Патриархом, отпал и теперь он просит всех объединиться около Патриарха как главы Русской Православной Церкви.

Боярский был уже три раза у Преосв. Венедикта и очень говорит о соединении. Тот предполагал просить письменное заявление, а потом и письменное исповедание. Я советовал последнее с заключением послать к Патриарху. И уже по получении резолюции — присоединить. Это — для реабилитации Преосв. Венедикта, которого «истинно-православные» все стараются обвинить в «соглашательстве».

10-го открывается обновленческое Предсоборное совещание. Отсюда едут: Боярский, Платонов, Раевский и др. Боярский хочет ставить вопрос о Патриархе. Интересно, что-то будет. Боярский думает, в случае неудачи на совещании, устроившись автокефально, перетавив на эту позицию и некоторых архиереев.

Вчера приехал Введенский. Предполагает читать лекции в Богословском институте.

Погоды все время очень холодные. Лета не видно.

30 мая (12 июня) 1924 года. Четверг.

Сегодня день памяти прп. Исаакия Далматского. Исаакиевские прихожане хотели справить свой праздник в нашем соборе. Пригласили уже Преосв. Венедикта. Но Чуев (теперешний обнов-

ленческий настоятель Исаакиевского собора), услышав, высказал угрозу ареста (!). Преосвященный уклонился от служения. Тем не менее вчера в нашем соборе собралось много народу и о.Бобовский устроил торжественное служение с литией, за которую я ему выговорил. Пришли несколько посторонних батюшек.

О.Бобовский вообще таков, что надо постоянно сдерживать: в субботу и воскресенье выступал с проповедями, где все время бранил обновленцев. Возмущались и духовенство и прихожане. Староста уже ему выговаривал.

Мои беседы апологетические по вторникам, перед акафистом, по-видимому, нравятся и привлекают много народа. Лекции на курсах по апологетике — тоже. Зато сам я нервничаю, мысль постоянно занята, приходится готовиться. А тут еще разные волнения из-за квартиры, мебели и т.п.

С квартирой вопрос как будто разрешается. Во вторник было заседание президиума двадцатки, на котором я заявил о необходимости приходскому совету взять на себя оплату квартиры духовенства полностью. Выяснили общую сумму в месяц у всех — что-то около 27 рублей: не так уж много, раз теперь уже выдают пособие в 150 рублей. По-видимому, вопрос разрешится. Слава Богу, хоть одна тяжесть забот свалится с плеч. Теперь еще покончить бы с мебелью. Тогда останется только отправка семьи на летний отдых. С этим как-нибудь справимся.

Л.Д. Аксенов писал, что, по-видимому, главным вопросом на допросе были: не обращался ли кто-либо из духовенства за помощью. Так как никто не обращался, то и ответ был отрицательный. Я сообщил ему о церковных событиях.

В воскресенье был на именинах у о.Карпа Эльба. Было много гостей, хороший ужин. Славно поживают отдельные питерские батюшки даже в это время. Нам и мечтать не приходится об устройстве таких праздников. Говорят, впрочем, что у него почти все служат и получают. А у нас — почти я один...

В воскресенье заходил ко мне из Олонии о.В.Пепшин: едет с Преосв. Александром в Москву на Предсоборное совещание. Интересно, чем это кончится. Наши-то олонцекие — умеренные; весь вопрос у них — в стиле, да в признании обновленческого Синода. Я объяснял правильную точку зрения.

На днях, после Троицы, приезжает к нам Тася, как писала об этом Софья Михайловна. Не видел ее с 1918 года.

*5 (18 июня) 1924 года.
Среда. 7.30 вечера.*

Среда — наиболее свободный день: вчера была беседа, лекция

еще в пятницу, и я отдыхаю. Кстати, сегодня погода превосходная: на солнце до 28°: я пекся на крыше и загорел уже. Читаю все только относящееся к апологетике, да антирелигиозные брошюры для той же цели. На единственную более или менее похожую на научную наткнулся на «Пасхальную мифологию» Н.А. Румянцева. Недавно прочитал «Три самодержца» — дневник генерала Богдановича, где собраны все разговоры, слухи и сплетни петербургского высшего общества за 1879-1912 гг. Впечатление крайней мелочности, тупости, оскудения умственного правящего класса: аристократия изжила сама себя, а притока свежих сил из «иных слоев» не терпела. «Семинарист» — там ругательное слово...

Леонид Дмитриевич писал, что подробности их дела таковы: 1) перлюстрация переписки двух духовных лиц, предававшихся радости по поводу неудач в политике; 2) какой-то устав «Белого Креста» с призывом против власти; 3) открытие какой-то военной организации; 4) связь с католиками и униатами (потом отпавшая). Все это, конечно, никакого касательства к нему не имеет. Возмутительное показание дал о.Ник. Муравьев: отрицательно характеризовал нравственную и политическую личность еп. Мануила и Серафима; объявил черносотенцем Преосв. Григория, что дурное сказал про о.Лозинского. И откуда у них берутся подобные сведения: я живу в Петрограде и ничего этого не слышал и не знаю.

В церковных сферах идет какая-то неразбериха. От Патриарха нет никаких сведений. Последние говорят, что Красницкого он примет через покаяние и признание всех канонов. А сегодня читаю письмо в редакцию Красницкого, где он подписывается «член Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне». Значит, уже принят, обновленцы бьют тревогу, бранят Патриарха, Красницкого. Введенский напоминает дело Боткина. Красницкий привлекает его к суду... До чего еще дойдет эта вахханалия?!

В соборе у нас настроение неважное. Староста, Королев И.И. и Фирсов, по-видимому, настроены отрицательно по вопросу о квартирных и налогах. А духовенству где взять? Мне, например, за июнь надо внести за квартиру 62 рубля и налог подходящий 14 рублей. На меня недовольны, что не говорил в Троицу о ремонте. Подумали, что нарочно. Сказал в Духов день. Идут слухи, что говорю напрасно, потому что нет доверия к двадцатке. Да и как доверять, когда всем распоряжается один староста единолично и никто ничего не знает.

Сегодня заседание двадцатки. Не знаю, как и реагировать. А жить трудно.

21 июня (4 июля) 1924 года.
Пятница. 11 часов утра.

Не писал две с половиной недели: во время очередной недели совершенно некогда, потому что проповеди, беседы, лекции заполняют подготовкой все свободное время; а во внеочередные недели приходится исполнять и приводить в порядок то, что (бумажное) не успеваю сделать в очередную. Так и течет время. Так что начатое писание об обновленческом движении стоит; стоит и воспроизведение дневника во время процесса; как стоит и намерение описать период последний существования церковно-приходских школ в Олонии. К тому же и настроение все время довольно тяжелое, главным образом из-за недостачи денег: квартирная плата так высасывает все деньги, что никуда не хватает, а тут на этой неделе еще поездка Ани и Веруси в деревню, жены — в Петрозаводск и другие расходы. Собор не может полностью оплатить квартиру, хотя и относится ко мне внимательно и помогает насколько может.

Отношения несколько улучшились. Вопрос о диаконах разъяснен, хотя и им прямо высказан в заседании 18.VI, что это было не их дело, что православный принцип заставил меня внести коррективы в постановление двадцатки и представить его епископу.

В квартирном вопросе Корнев все делал возражения; в конце концов мне сделали прибавку по строительной комиссии.

Дело в том, что с ремонтом двадцатка стала в положение безвыходное: поступлений не было, строить нечем. Ей сказали, что пока я [не] буду стоять во главе дела, до тех пор пожертвований не будет. И вот сначала президиум, а потом и двадцатка (26.VI) просили меня взять на себя председательствование в строительной комиссии. Пришлось согласиться, чтобы помочь делу.

В субботу я говорил после всенощной, что ревизионная комиссия проверила деятельность казначая за 10 месяцев, нашла все в порядке и выразила ему благодарность. Поэтому я призвал к доверию и поддержке. Также я сообщил о своем вхождении в строительную комиссию и просил о сочувствии и помощи. Раздали подписные листы, обещают жертвовать. В причте пока наружно все благополучно. Но внутри интриги несомненны.

Мои вторичные беседы привлекают служителей, нравятся. Заранее спрашивают, буду ли я говорить; просили списать содержание и т.п. Составил план бесед до января (около 30). Хотя хотелось бы летом отдохнуть.

На курсах занятия продолжают. Отсутствуют пока Н.В.Чепурин, М.В. Митроцкий и П.П. Аникиев. Зато временно я пригла-

сил прот. Холопова, сразу очень понравившегося слушателям (по апологетике — о христианстве).

Церковные события получают особый интерес. Преосв. Венедикт мне показывал две недели назад копию приглашения Красницкого к Патриарху от 19 мая, в котором он, прилагая на одобрение Патриарха свое воззвание к членам группы «Живая Церковь» с приглашением о присоединении к Патриарху как законному главе Русской Церкви, просил о принятии его, Красницкого, а с ним и его группы, в общение и о прощении согрешений, содеянных во время пребывания в обновлении. На этом прощении 19 же мая была наложена Патриархом резолюция, что «в порядке патриаршей милости», т.е. значит до Собора, который должен обсуждать вопрос о главарях движения, он — Патриарх — согласен принять Красницкого в общение и сделать его членом Высшего Церковного Совета при Патриархе.

Таково истинное положение дела. Между тем в воскресенье, 9 (22) июня, в Казанском соборе, на докладе Красницкий почему-то скрыл это и говорил, что Патриарх пригласил его к соединению. Если действительно Красницкий желает «мира церковного», как он заявил, то для этого «мира» совершенно необходимо без утайки сообщить, что он принес покаяние Патриарху и что не Патриарх его приглашает, а он шел к Патриарху, сознав необходимость этого; что Патриарх первый раз (зимой) отказал ему, когда он явился «помочь в управлении», без покаяния. Все это повлияло бы на спокойное отношение массы к факту присоединения Красницкого и не колебало бы отношения к Патриарху. А теперь в толпе (да и в «толпе» ли только?) начинает уже подрываться доверие к Патриарху. Может быть, это, впрочем, и надо кому-то, чтобы дискредитировать Патриарха Тихона, отколоть от него верующих, сделать так, чтоб и «тихоновские» церкви тоже пустовали, таким образом постепенно отучить народ от церкви вообще и тем содействовать успеху борьбы с религией. Все это очень похоже на правду.

Красницкий вошел в общение с Патриархом и в Высший Церковный Совет со всей своей идеологией. Как он высказывался в Казанском соборе, он стоит за брачный епископат, говорит об «изжитии идеалов монашества» (!) и т.п. Здесь, несомненно, увлечение крайностью. Жаль, если около Патриарха не будет людей передового образа мыслей, которые бы составили мост между крайней правой группой, его окружающей, и крайней левой — Красницким. Все-таки хорошо, что теперь у Патриарха будет не одностороннее освещение вопросов.

Но правая группа «феодоровская» строит «ковы»: недовольна

действиями Патриарха и готова отколоться от него. Есть такие «кафары» и здесь — в роде еп. Нектария и группы около иг. Афанасии. Вот кто действительные раздорники!

В понедельник, 7.VII, будет диспут в Думе — «Кризис Российской Православной Церкви»; выступают: Красницкий, Платонов, [нрзб.] и Покровский. Приходили из ГубОНО (Якубов), приглашают меня выступить официально на диспуте, но я отказался, потому что не в курсе всех событий московских.

Сегодня наречение, а в воскресенье 23.VI (6.VII) хиротония прот. Клементьева во епископа Охтенского. Я приглашен.

Коля держит уже экзамены на курсах. У Бори остался тоже только один экзамен. Слава Богу! Кажется, и с Шурой дело наладилось: в газетах было сообщение, что Глазунову предоставлено право восстанавливать даровитых учеников в консерватории.

На этом времени у меня были из Олонии: Явленский И.Т., Надежин Н.С., Лепшин О.В., Даманский В.И. и Борис Иванович Вознесенский.

*27 июня (10 июля) 1924 года.
Четверг.*

В воскресенье уехала в Петрозаводск жена с Тасей: провожали дети, потому что у меня была всенощная. В понедельник был на диспуте. Красницкий уяснял историю вопроса о примирении. По нему, мысль об этом возникла у членов Патриаршего Синода с целью установления мирных отношений с государственной властью. Началось сразу после освобождения Патриарха, но замолкло почему-то: в ноябре 1923 года снова, но — также без успеха. В половине марта — вновь. Был вызван Красницкий, который поставил вопрос о созыве Собора и принятии политической программы Собора 1923 года и группы «Живой Церкви». Так как Красницкий усмотрел, что влияние Патриарха велико и что Собор может быть созван только именем Патриарха, то он решил соединиться ради мира и блага Церкви. Во время 6-тинедельных переговоров политическая программа будто бы была принята, в принципе не возражали и против лозунгов Собора 1923 года (белый епископат).

19 мая Красницкий обратился к Патриарху с прошением о принятии его, и Патриарх согласился. Был составлен акт об организации Свящ. Синода и Высшего Церковного Совета и послан на утверждение Наркомата внутренних дел. За благонадежность ВЦС поручился Красницкий. Фактически эти органы не открыты, потому что ведет борьбу «старая монашеская епископская партия», которая распространяет резолюцию Патриарха от 26 июня,

которую он отказывается от резолюции 19 мая. 27 июня Красницкий был у Патриарха, но тот ему ничего об этом не сказал. 2 июля Патриарху Тихону представились представители группы ЖЦ в числе 19 человек, и сначала Патриарх отказал им в благословении, а после благословил. Таким образом получается в конце концов что-то неясное. Платонов выступал против примирения, желая, чтобы кризис захватил не только духовенство, как сейчас, а самую толщу верующих. Зачем-то нашел нужным «донести» собравшимся на диспут («отметить»), что на хиротонии присутствовали («все по-прежнему») настоятели Исаакиевского и Казанского соборов — Богоявленский и Чуков, «хотя они давно не настоятели этих соборов», прот. Акимов ... что Преосв. Клементьев «отрицался обновленческого раскола» и т.п. В конце концов он вызвал скандал: ему долго кричали «довольно», не давали говорить. Боярский приветствовал «ответ» Красницкого, но не верит блоку, а вследствие «шатания» Патриарха даже поставил вопрос, есть ли около чего объединяться?.. Во вторник, на беседе, вместо очередной апологетической темы, я рассказал фактическую сторону переговоров о примирении Красницкого с Патриархом так, как изложил это Красницкий. От себя ничего не добавил, кроме только того, что надо «спокойно выждать», веря, что Патриарх и Синод управят Церковью по верному пути. Господь хранит Свою Церковь, и потому будем верить Божественному Промыслу.

Очень многие меня благодарили за осведомление. Но были и такие «дамы и старушки», которые сейчас же стали перетасовывать мои слова, говорить, что я «защищаю» красных (потому что называл все время Красницкого «протоиереем»). Другие им возражали, но тем не менее очень характерно это для того, как реагирует толпа и как она составляет мнение. Во всяком случае необходимо отметить, что масса очень настроена против обновленцев вообще и против Красницкого в частности, не верит его искренности, подозревает, интригует и даже высказывается, что Патриарх не должен примиряться с ним «без согласия народа». Вся беда в том, что Патриарх вздумал принимать Красницкого без того искуса, который применял к другим и который только и мог примирить несколько массу с приемом его.

Последние слухи показали, что дело примирения расстроилось. В результате надо ждать опять репрессий.

Сегодня был в Откомхозе. Заключение юрисконсульта таково, что все имущество, как выкупленное, принадлежит жене и не является бесхозным. Слава Богу! Вчера был у Кукушкина. Подписал на ремонт 300 рублей.

Завтра Верусе день рождения — 16 лет.

28 июня (11 июля) 1924 года.
Пятница.

Сегодня день рождения Верочки. Утром отслужили молебен, поздравили. Скромно. Вчера день волнений, так что ночью — мигрень и принимал пирамидон.

С утра был в Откомхозе. Там удачно — заключение юрисконсульта благоприятное: вещи — небесхозные, поскольку все куплены и принадлежат жене. Днем — громадная неприятность: Боря, которому остался один зачет для окончания курса, оказался исключенным «за неактивность...» Ему надо было 7-го числа сдать уголовный процесс. Он захотел получше подготовиться и подал заявление об отпуске на неделю. На словах пообещали, а на деле проверочная комиссия уволила. Предложили апеллировать в Президиум. Бегал вчера к Энгелю, Серебрякову, Державину — никого не застал. Сегодня утром взял письма у Н.А. Морозова к Энгелю, и он пошел с прошением. Не знаю, что выйдет. Неприятнее всего, что я предвидел это, всячески торопил его кончать к 1 июля; но он без меня отложил один экзамен и без меня подал заявление об отпуске. А все — русское «авось...»: «неужели из-за одного зачета» и т.п. Дай Бог, чтоб устроилось. И он-то нервничает: ведь как работал все время напряженно и вдруг — все пропало.

Сейчас был у Преосв. Венедикта. Тот сообщил резолюцию Патриарха от 26 июня, аннулирующую вопрос о примирении, начатый 19 мая. Вот она:

«Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия. И если всякие слухи и толки о примирении, особенно в газетном изображении о.Красницкого и других, вместо радости, возбуждают в сердцах верующих скорбь и тревогу, что подтверждается многочисленными заявлениями архипастырей, пастырей и мирян, то в виду сего почитаю благовременным ныне прекратить всякие переговоры о примирении с о.Красницким и подписи на журнале от 21 мая 1924 года об организации при мне Высшего церковного управления считать недействительными.

Патриарх Тихон. 26.VI.1924».

28.VI Патриарх о том же писал письмо Тучкову Е.А., прося прекратить рассмотрение этого дела в гражданских учреждениях.

Таким образом, начавшийся шум сделал свое дело, и вопрос о примирении прекращен. А между тем все это напрасно. Все дело должно было быть не в существовании вопроса о примирении, а в способе принятия о.Красницкого, которого Патриарх принял в обще-

ние слишком поспешно и уж очень просто: без всякого искуса, без епитимии, даже с сохранением сана протопресвитера, словом — вопреки всей им же установленной практике. Если бы наложен был искус, более или менее продолжительный, аннулировано звание протопресвитера, это примирило бы несколько смущенную совесть верующих, и они спокойнее отнеслись бы к приему, тем более, если бы Патриарх воззванием объявил, что все-таки вопрос о поступке Красницкого, как главаря движения, переносит на Собор. Ничего этого не было сделано и, конечно, верующие смущались. Довольно легкомысленно все было ведено и не может не колебать авторитета Патриарха. А примирение все-таки было бы нужно.

Прочитал у Преосв. Венедикта присланное ему прот. Платоновым 6.VII открытое письмо по поводу того, что на хиротонии о.Клементьева в числе исповедания было отречение от «обновленческого раскола». О.Платонов не может никак согласиться, что они в расколе, потому что ничего «раскольнического» у них нет ни «в верованиях», ни «в идеологии». Странно, что богослов не уясняет себе разницы между ересью и расколом.

*6 (19) июля 1924 года.
Суббота. 9 часов утра.*

К неприятности по поводу увольнения Бори прибавилось еще новое — увольнение Веры из музыкальной школы. После не совсем удачного экзамена на Пасхе она стала меньше заниматься музыкой по совету учительницы (Елены Адамовны) — нашла, что ей надо отдохнуть. Так и успокоилась, не посещала школы, кстати, не снесла за два месяца деньги (всего 3 рубля), не держала экзамена по общей теории и не подала даже заявления об этом, как ей говорили. Словом, полная небрежность. Вера думала, что можно осенью. А на этой неделе приезжает Елена Адамовна и сообщает, что советом она уволена (автоматически выбыла) с правом преимущественного поступления осенью. Но это весьма не улыбается: поступление будет связано с разбором социального положения, и тогда, конечно, не попасть. Пробуем принимать меры к восстановлению, но не знаем, что выйдет.

С Борисом вышли осложнения. Президиум утвердил постановление проверочной комиссии, и Энгель сказал, что нужно действовать через уполномоченного Наркомпроса Циперовича. К сожалению, Н.А. Морозов до 1 августа уехал, просить не хочу. Направился Боря вчера в ГубОНО, но неудачно: Циперовича не было, а его помощник Карпетьян сказал, что ничего не может де-

лать, пока нет бумаг из университета. Он — туда. Еще накануне он говорил с проректором Серебряковым, подробно рассказал ему все. Встретил студента-коммуниста, члена комиссии. Тот (знакомый) сказал, что в Ленинграде в учебных заведениях два Чукова: один — в консерватории, другой в университете. Из консерватории уволили, теперь из университета... Ведь отец — священник, судим по делу церковников. Словом, ясно, что ждали только случая, чтобы воспользоваться и уволить.

Однако неожиданно Борю позвали к Энгелю, и он разрешил держать зачет «в виду оставления в числе студентов...» Что это значит? Как случились приписки в «постановлении»? Странно. Но слава Богу! И он, бедный, переволновался так, что даже седые волосы на висках появились.

Коля, слава Богу, окончил бухгалтерские курсы, и Вас. Мих. обещал устроить его. Как-то легче на душе стало, когда двое старших закончили образование.

Теперь забота о местах — по нынешнему времени чрезвычайно трудная. С деньгами страшно трудно: квартира поедает массу.

Сейчас был у Преосв. Венедикта и в Откомхозе. С мебелью вопрос покончен, наконец — признана принадлежащей нам (жене), как выкупленная, а бильярд, ввиду того, что я не заявлял на него претензий, — вывозят. Слава Богу!

У Преосв. Венедикта получил резолюцию Патриарху о награждении о.Карпа Эльба саном протоиерея. Рассказал ему о действиях нашей двадчатки, уволившей псаломщиков Веселовского и Овечкина, последнего за якобы небрежное отношение к обязанностям. Я протестовал против такой меры в президиуме; сообщил причину; тот тогда просил вопрос пересмотреть, но все безрезультатно: все, что у них созрело, — непререкаемо, а всякое возражение принимается чуть не за личное оскорбление. Я предложил сообщить об этом Преосвященному, но и это встретили несогласием, хотя потом и записали, кажется, в протокол. Никак не могут понять нашей канонической зависимости от епископа, а не от района...

Да что говорить о простецах, некультурных и самоуправных в настоящее время, когда сами батюшки и интеллигентный состав приходского совета вносит разруху в церковный строй. Преосв. Венедикт сейчас рассказал, что двадчатка храма «Воскресения на крови» просит его о награждении митрой о.Верюжского. Тот отказал вследствие того, что недавно еще он получил палицу. Тогда двадчатка обратилась в Москву и там просила сделать их храм кафедральным собором и таким образом предоставить настоятелю право ношения митры. Патриарх удовлетворил, не

спросив Преосв. Венедикта. Когда здесь явились к Преосв. Венедикту, тот сказал, что храм их — еще не собор, и нужно возбудить ходатайство сначала о возведении их храма на степень собора и составить штат соборный. На просьбу о возложении митры ответил, что когда-нибудь исполнит резолюцию Патриарха и возложит. Вечером однако написал Верюжскому, если он находит это возможным, сообщить о времени возложения.

Покойный Владыка-митрополит в одном подобном случае поступил определеннее — когда явился подобный батюшка, Владыка ему сказал, что раз Патриарх Вас наградил помимо меня, то возложите и носите, а я возлагать не буду. Так и тут надо было поучить. Это был пример для остальных. А то зарвались с этими наградами...

*10 (23) июля 1924 года.
Среда. 9 часов утра.*

На прошлой неделе приехали из отпуска Н.В. Чепурин и М.В. Митроцкий. Чепурин заходил ко мне в собор в пятницу днем, и мы прошли с ним до Мариинской площади. Поправился. Рассказал, что встретился в Москве с Д.И. Боголюбовым, который говорит, что примирение необходимо, так как нелегализованная Церковь находится в «невыносимом» положении.

Митроцкого встретил у себя. Много рассказывал бытовых сцен из своей поездки. Вчера был снова, побеседовали. Также скорбит о слабости власти (по поводу разных домогательств и выходов приходских советов) и в этом отношении определенную политику Преосв. Мануила ставит выше; скорбит о безработности Преосв. Венедикта в смысле налаживания финансового аппарата, чтобы иметь средства на помощь нуждающимся (некоторым профессорам). Говорили о крайней необходимости наладить духовное образование, потому что нет подготовленных кандидатов на священство. Надо подумать о поездке преподавателей во всероссийском масштабе. А для всего этого необходима сначала легализация церковного управления, а для этого необходимо примирение с Красницким, без чего легализации не добиться.

О.Митроцкий охарактеризовал Красницкого как человека довольно умного, довольно наглого, но энергичного; всегда лояльного и благонамеренного к власти, но обозленного затиранием его о.Богоявленским. Советовал осуществить мою мысль о предупреждении Красницкого не вдаваться в крайности (брачный епископат, уничтожение монашества и т.п.), но не самому идти к нему, а устроить посещение меня Красницким.

На этом времени заходил ко мне И.П. Щербов, И.Д. Холопов, М.В. Васильева, а вчера вечером навестили меня Елена Андреевна и Маргарита Львовна по случаю болезни: заболел расстройством желудка и вчера, вследствие головной боли, не был в соборе на акафисте и не вел беседы.

Сегодня у Бори экзамен последний. Как-то Господь поможет. Коля уже получил выпускное свидетельство с бухгалтерских курсов и теперь на несколько дней уехал на дачу.

*11 (24) июля 1924 года.
Четверг. 6.30 вечера.*

Вчера, около 6-ти часов вечера, пришел Боря радостный и сообщил, что сдал последний зачет. Слава Богу! От души поздравил его и сразу же сходил и купил ему значок, о котором он уже мечтал и на который просит денег у Коли. Теперь дело только с получением свидетельства.

Относительно Веруси тоже как будто пока ничего. Аня была у заведующего — тот велел подать прошение; экзамен 20-го. Списываемся с учительницей Еленой Адамовной о том, что готовить к экзамену.

Сегодня был у Преосв. Венедикта, где, кстати, встретил Преосв. Николая Клементьева. Поднятый мною вопрос о ненормальном положении приходских советов, не считающихся с епархиальной властью, давящих причты, нашел подкрепление и у епископов, которые указали на производящееся разрушение церковной дисциплины, с другой стороны: вмешательство центра, «патриаршей личности» и т.п. Я советовал, чтобы Совет епископов, набрав массу фактов, самым определенным образом поставил центр в известность, что таким путем можно не восстановить церковную жизнь, а только вконец разрушить. Преосв. Николай мне понравился по очень быстро и ясно намеченному им решению. Преосв. Венедикт ненадежен в этом отношении: не тверд, отступает.

*14 (27) июля 1924 года.
Воскресенье. 9 часов утра.*

В пятницу на курсах виделся с Н.В. Чепуриным и А.В. Петровским. Отец Чепурин сообщил, что Патриарх высказывает недовольство на Преосв. Венедикта, что из Петрограда ему нет никакой поддержки в его деятельности. Пусть другие епархии молчат, но в Петрограде есть силы, которые могли бы сказать свое слово по поводу разрухи и примирения.

Кстати, он сообщил, что [нрзб.] и Красницкий, оба «приятели» о.Богоявленского по прежней совместной службе, недовольны им за его якобы вмешательство в церковную политику, что он не держит данного им слова об этом, и т.п. Было будто бы сказано и обо мне, как бы в противовес, что вот хорошо еще, что есть там Чуков (!) При чем тут я? Не понимаю. Стараюсь вообще держаться дальше. Не знаю и о влиянии Богоявленского, хотя иные говорят об этом.

Побеседовав, мы пришли к мысли, что надо поставить Преосв. Венедикта в известность обо всем и просить, чтобы 1) опросил мнение пастырей различных направлений по вопросу о примирении с Красницким; 2) обсудил вопрос об этом затем в Совете епископов; 3) сообщил Патриарху заключение с подробной мотивировкой.

При опросе необходимо иметь в виду: 1) крайнюю необходимость легализации епископских управлений вследствие засилья двадцаток, расстройств от этого церковной дисциплины и затруднительность пастырской работы; 2) крайнюю необходимость организации духовной школы, так как по местам уже нет образованных кандидатов священства; 3) большой соблазн для верующих и оружие в руки неверующих от взаимной перебранки различных группировок духовенства; 4) необходимость положить конец и шатанию духовенства и всем этим доносам, арестам, ссылкам и пр. При примирении и легализации все это могло бы быть ликвидировано. Самое примирение, конечно, надо обставить так, чтобы оно было приемлемо для слабой, смущающейся совети масс верующих.

О.Петровский сообщил, что староста их С.М. Сорокин был у Красницкого. Тот советовал собирать подписи мирян под приветствием примирения и послать Патриарху. Дела, конечно, сложные.

Вчера днем ездил в Сергиевскую пустынь, к о.Макарию, подышать и отдохнуть. Побыл там с 1 часу до 9.30 вечера. Побеседовали много. Я все устраиваю его епархиальным казначеем для добровольного собирания взносов с церкви на «содержание епископата» и другие нужды. Он тоже подозревает влияние о.Богоявленского на Преосв. Венедикта и большую несамостоятельность последнего.

Вчера вечером, по приезде, Коля заговорил со мной о женитьбе. Якшичи хлопчут о заграничном паспорте, и Вера должна будет уехать, и тогда — как и когда они сойдутся. Что же! Господь благословит. Я просил поговорить с Сусанной Наркисовой и хлопотать о месте. Надо сообщить жене.

14 (27) июля. 3 часа дня.

Пришел от обедни, ожидает о.Н.Вешкельский. Выражает сильное недовольство Преосв. Венедиктом за то, что тот не дает никаких руководящих указаний по вопросу о примирении, как держать себя, чего ждать, будет ли легализация и пр. Человек горит, а встречает в ответ только сообщения о сплетнях, мелочах... Отказался даже от производства в сан протоиерея. Обескуражен, машет на все рукой, сложил с себя все полномочия, уезжает и хочет замкнуться. Часть правды есть в отношении Преосв. Венедикта: погряз в мелочах, нет заботы об общих нуждах и под влиянием засилья правых, по-видимому, склоняется к ним. Печально.

16 (29) июля 1924 года.
Вторник. 1 час дня.

Сейчас был у Преосв. Венедикта. Вчера набросал докладную записку по вопросу о примирении (см. особо приложенную); посылал к о.Чепурину, и тот одобрил; сегодня снес ее Преосв. Венедикту. Пусть обсудят в Совете епископов и свое заключение, может быть, сообщает Патриарху. Удивляюсь Преосв. Венедикту — он как-то не осознает важность вопроса и необходимость действия. Когда я сказал ему, что Патриарх недоволен их молчанием отсюда, он ответил: «а нас разве спрашивали?» Как будто только на вопросы надо отвечать, а на события не надо откликаться, самим возбуждать вопросов тоже не надо... Жалкие управители!

Вчера вечером были у меня мои прежние сослуживцы по семинарии — преподаватели А.К. Бурцев и Н.П. Громов. Посидели вечер, побеседовали. Вспомнили семинарию, Н.П. вспомнил, как свободно и непринужденно обменивались мыслями в каждую перемену, особенно жалко вспоминать день прощания 5 июня 1918 года. Теперь стоит здание сиротой, общипанное, полуразрушенное. А сколько потрачено было сил и средств на его благоустройство и как прекрасно было оно оборудовано сравнительно с теперешними школами. Мне было особенно тяжело выслушать, что весь архив солдаты уничтожили в собственном смысле: все изорвали, превратили в бумажную массу. Погибли все материалы для истории семинарии за последние 40 лет (за первое 50-летие составлена историческая записка). Надо будет написать воспоминания и воспроизвести по живым следам всех служивших, по крайней мере.

Чрезвычайно тяжелое положение Православной Русской Церкви и ее служителей в настоящее время повелительно требует принятия мер к его изменению: пастырская работа крайне стеснена; образовательный уровень духовенства понижается; притока новых, богословски образованных лиц нет — и это при возрастающей нужде апологетической работы; внутренняя церковная дисциплина расшатывается; духовенство склоняется то к одной, то к другой группировке на соблазн верующих и торжество недругов; одна часть пастырей запятнала себя предательством, а другая — томится в бесправии и заточении; в приходской жизни господствует безудержное засилье «двадцаток» и полное порабощение не всегда находит поддержку своего значения даже и в центре и пр. т.п.

Выход из этого, во всех отношениях гнетущего положения представляется только во внутреннем умиротворении Церкви и во внешней легализации всего строя церковного управления.

Кто бы что ни говорил, мир церковный должен быть первой заботой всех, а особенно поставленных у кормила власти церковной. Вызываемый вышеприведенными обстоятельствами церковной жизни, он заповедан нам Господом, как неперемнная и непреложная цель и условие жизни Церкви (Ин. 17, 31; 10, 16). Конечно, для действительного умиротворения Церкви нужен не «мир во что бы то ни стало», а мир с рассуждением, с соблюдением верности заветам Христовым, с сохранением всей чистоты Православия, как она выразилась в канонах и преданиях церковных и святоотеческих. Против такого мира (с кем бы то ни было) никто не может и не должен возражать, не идя вразрез с Евангелием и учением святоотеческим.

С этой точки зрения надо приветствовать шаги к примирению прот. Красницкого с Свят. Патриархом, и непонятными представляются «тревоги и скорби» крайних ревнителей Православия по поводу этого примирения, если Свят. Патриарх (в резолюции от 26.VI) заверяет, что он «в чистоте Православия не уступит». Весь вопрос только в том, чтобы способ приема о.Красницкого был таков, чтобы смущенная его действиями в продолжение обновленческого периода совесть верующих была успокоена. Необходимость этого поймет и сам о.Красницкий и, если он искренне желает мира и блага Церкви, то, конечно, пойдет навстречу. Во всяком случае верующим должно быть объявлено от Свят. Патриарха, что: 1) о.Красницкий принимается через

покаяние; что 2) вопрос о нем, как одном из руководителей обновленческого движения, будет передан на обсуждение Поместного Собора Православной Церкви; что 3) занятые возглавляемую им группой «Живой Церкви» храмы восстанавливаются с прежним составом через архиерейское служение; что 4) намеченные программой группы «Живой Церкви» реформы в области канонического строя церковной жизни могут получить осуществление не иначе, как только по обсуждении и одобрении их Православным Поместным Собором.

Если эти условия приема о.Красницкого будут соблюдены, и верующие о них будут осведомлены, то всякие «тревоги и скорби» не будут иметь оснований, и воссоединение о.Красницкого и его группы может быть безбоязненно совершено. Тогда первый шаг к созиданию внутреннего церковного мира будет сделан, а вместе с тем откроется возможность и к установлению легализации управления во всей Русской Церкви.

И только тогда можно будет говорить об упорядочении расшатавшегося строя церковной жизни; только тогда можно будет надеяться на постепенный выход из создавшегося внешнего и внутреннего положения Православной Церкви; только тогда можно будет ожидать прекращения тех испытаний, которые приходится переносить представителям Православной Церкви.

Совету епископов Ленинградской епархии было бы необходимо:

1) опросить мнение подведомственных ему православных пастырей различных оттенков и направлений по вопросу о примирении;

2) обсудить этот вопрос;

и

3) сообщить Свят. Патриарху свое мотивированное заключение по нему.

*17 (30) июля 1924 года.
Среда.*

Вчера вечером вел беседу «о происхождении мира». Прошла удачно.

Народу собирается много, с интересом относятся, ждут, иные даже записывают.

Предполагал было сегодня ехать на 2 дня в Пудость, но обстоятельства слагаются иначе, приходится остаться.

24 июля (6 августа) 1924 года.
Среда. 10 часов вечера.

На прошлой неделе в пятницу (20.VII) служил в Эстонской церкви с Преосв. Венедиктом, который посвящал о.Карпа Эльба в протоиереи. За всенощной со мной долгий разговор имел Колесников А.С. по поводу отказа о.Паплярю в палице, несмотря на представление двадцатки (ему прошло только 2 года). Как ни объяснял ему, что тут не принимается во внимание «удельный вес» лица, а просто формальный принцип — трехлетний срок, ничего не толкуешь.

За ужином председатель приходского совета в тосте тоже провел мысль, что теперь «к голосу приходских советов не прислушиваются...»

Я не мог выдержать и против своего обыкновения громко возразил, что «мне смешно слушать, что приходские советы теперь на втором плане... наоборот, теперь яркое засилье двадцаток, которые делают, что хотят, не считаются совершенно с мнением и волей епархиального епископа, лезят к Патриарху, выхлопывают разные вещи — вроде кафедрального собора и митры. Это ведь развал церковной дисциплины. Что же, этого Вы и хотите?» Неожиданность моего выступления заставила несколько смягчить первое заявление, и председатель заметил, что у них-то контакт и т.п.

Я же, выступая, имел в виду свой собор, где двадцатка уволила псаломщиков, не считаясь с мнением причта, и даже сначала не хотела доносить об этом епископу. Только сегодня дали мне выписки об этом из протокола, уже после моего напоминания, и с просьбой, чтобы Владыка утвердил. На место С.Н. Веселовского приглашен диакон Ткаченко, по-видимому, человек хороший и усердный.

Преосвященный в пятницу сообщил мне, что по поводу моей записки беседовал с о.М.Тихомировым и о.Л.Богоявленским. Первый, оказывается, все еще мнит себя уполномоченным от Патриарха и пишет ему; написал и об о.Красницком отрицательное мнение. О.Леонид, по обычаю, порекомендовал повременить, «когда нас спросят». Долго ждать примирения при таком положении...

25 июля (7 августа) 1924 года.
Четверг. 11 часов вечера.

Сегодня был у Преосв. Венедикта. Снес ему выписки из протокола президиума двадцатки об увольнении псал. Овечкина и Веселовского. Последний резолюцией уволен, ибо уходит по сво-

ему желанию. Об Овечкине Владыка просил дать справку, когда и как назначен; если приглашен вольнонаемным, то вопрос разрешается легче.

Преосвященный сказал, что Преосв. Григорий вернулся из Москвы и сообщил, что Патриарх прервал с Красницким всякие переговоры, что последний был у него всего две минуты, что Патриарший Синод разогнан, и управляет Патриарх единолично, что — в случае соглашения с Красницким — был готов план роспуска обновленческого Синода. Преосв. Евдокиму давался трехмесячный отпуск с разрешением даже выезда за границу. И все это рушилось. На мой вопрос о причинах Владыка ответил: «Вероятно, потому, что Красницкий не выполнил условий». «Каких?» — «Не принес покаяния публичного...»

Жаль, если все это так. Очевидно, разруха в Церкви еще будет долгое время. Моя записка, по словам Преосв. Григория, теперь потеряла значение.

По вопросу о взаимоотношениях Патриарха с Константинопольским Григорием VII Преосв. Григорий сообщил со слов Патриарха, что они переписываются, что Патриарх Григорий поминает при богослужении Патриарха Тихона, что слух о запрещении Григорием Тихона пошел, вероятно, вследствие того, что в письме к Тихону Григорий писал, что «он не сомневается, что если бы причины разрухи церковной в России были в нем — Патриархе Тихоне, то последний, конечно, удалился бы на время для блага и мира церковного...»

*29 июля (11 августа) 1924 года.
Понедельник. 10 часов утра.*

Закончилась очередная неделя; устаю, думаю на этой неделе съездить в Черемнецкий монастырь. Становится по ночам прохладно. Шура приезжал на вчерашний день; сегодня уехал. Аня — на даче. С местами для Коли и Бори туго. А жить трудно, да и свадьба на носу. Как Господь поможет?

Некто Заботкин, «протоиерей Троицкой (на Стремянной) церкви», священствующий с 1919 года, следовательно, того периода, когда шли под влиянием событий все, кому не лень, и поставлялись без разбора, теперь пишет в газетах, что снимает сан, причем мотивируя это «долгом совести»... Письмо интересно. Пишет, что ему «тяжело, душно и страшно» в рядах «духовенства», потому что разочарован в возможности «возрождения» Церкви, «потерявшей голову без своей старой няньки — царского самодержавия» и растаскиваемой по клочкам и справа и слева

самими же «отцами». Душно, потому что видит в этой среде призраки старого мира, доизживающего свои ветхие ризы... Страшно, потому что еще нигде, никогда не встречал такой общественной организации, настолько проникнутой ложью. Чувствуется, что поступает правильно с точки зрения честного священника, для которого неприемлема самая малейшая ложь и с точки зрения гражданина и личности... «Пред современным русским священником, — заключает он, — только два пути — либо собственным лбом упереться в византийско-буржуазную "тихоновщину" во славу международного капитала, либо с одним крылом... подбитым парить в линючих и серых туманах интеллигентски буржуазного "обновленчества" для вящей славы беспочвенной маниловщины и омерзительной хлестаковщины». «И вообще, думается, — заключает он, — довольно рыться на раскопках контр-христианства...»

Все, что касается явлений быта в жизни духовенства, во многом верно: и привычка к «няньке», и воспитанная столетиями беспомощность русской иерархии, и плохое приспособление к условиям и понятиям «нового мира», и «ложь» в жизни... Но 1) забыто, что все это (и в частности «нужда в няньке» и т.п.) свойственно отдельным и, конечно, неумным людям, а ведь сама-то Церковь в ее идеологии — выше всего этого, и ее истина остается истиной — только нужны яркие провозвестники ее; 2) забыто, что воззрения, восанные с молоком матери, вообще не скоро меняются и «старый мир» — греза еще многих умов (может быть, недалековидных, отсталых и пр.); 3) забыто или просмотрено, что «ложь» в жизни — явление общее всем, конечно, только в духовенстве она виднее вследствие яркости разницы по сравнению с идеологией его; но Церковь опять же тут ни при чем, а по существу — она-то и есть спасение от этой лжи; 4) если говорить о точке зрения «честного священника», то, сняв сан, Заботкин поступил совершенно неправильно (если, конечно, остался верующим): священник должен быть героем, и там-то он и должен бороться, гда больше лжи и неправды. Просто оказалось не под силу бороться, — правда, в трудных условиях, в подавляющей лжи кругом и косности — но все-таки слагать оружие — не «честь», а малодушие; 5) для современного священника, кроме двух путей, указываемых Заботкиным, есть еще третий, им просмотренный: не упираться лбом в «тихоновщину» и не парить в серых туманах обновленчества, а лично идти прямым мужественным путем к евангельской правде, безбоязненно отмечая, обличая и отметая и ретроградство и косность одних, и показные взлеты других; 6) если все эти явления, отмеченные Заботкиным, есть «контр-

христианство», то, конечно, производить «раскол» его и восстанавливать бесполезное дело, но тогда тем с большей энергией надо заняться «раскопками» подлинного христианства, которое также не терпит «лжи», которое может осветить и освещает любую хотя бы «самую величайшую» эпоху истории, и которое дает вполне «гармоническое» мировоззрение, которого так жаждет Заботкин, не рассмотревший прекрасного леса из-за стоящей перед его глазами группы плохих деревьев.

8 (21) августа 1924 года.
Четверг. 4.30 дня.

Не писал 10 дней. За это время удалось съездить в Черемнецкий монастырь с 1 по 4 августа. Спасибо Елене Андреевне: она властно захватила и устроила эту поездку; без нее я никогда не собрался бы. Проехали прекрасно; там — службы, лес, солнце, масса воздуха, беседы... Я совершенно забыл о городе, о соборе, о разных «примирениях» и прочих хлопотах. Настроение все время было приподнятое, радостное. Елена Андреевна окружала меня заботами, и я прямо-таки воскрес и телом и особенно духом. Почувствовал прилив энергии... Ближе узнал ее и увидел удивительно сильную религиозную натуру. Одинаковость взглядов и общность интересов дали удовлетворение духу и создали полную гармонию отношений. На душе так было светло и радостно, что жаль было уезжать.

Дома уже застал возвратившихся с дачи Аню и из Красной армии Шуру. У Ани Константин Семенович уехал на Кавказ по телеграмме из-за болезни сына. Она плакала, подозревая возможность невозвращения его. Если это и случится, — то значит такова воля Божия.

В соборе я служил 6-го. Говорил слово и приглашал к жертвам на выкуп похищенного и найденного серебра. Две службы покрыли необходимые 100 рублей. 5-го вечером (в 7-8 часов) скончалась Ел.Мих. Лазаревская, у которой я был перед отъездом. Во вторник вечером я зашел — отслужил панихиду; вчера вечером был на выносе ее в Сенновскую церковь (выносил Боярский), а сегодня был там же на отпевании. Вчера беседовал с Боярским о церковных делах, а, дорогой, с Н.А. Котляревским — о политических.

По словам Боярского, Патриарху Тихону не дадут организоваться — тянут пока, ибо идут переговоры, а когда достигнут, то, вероятно, будут разделяться. Здесь Боярский организует (с разрешения властей) комитет, объединяющий все обновленче-

ские группы с весьма умеренной программой, без всяких крайностей «Живой Церкви». По подписании предлагается послать к Патриарху, чтобы он благословил работать. По-моему, вот такое объединение, не кричащее, — самое умное; постепенно можно сблизиться на деятельности, а так — церковно, для весьма многих будет неприемлемо.

Н.А. Котляревский привез поклон от Н.Н. Глубоковского, который профессорствует в Софии на богословском факультете. Карсавин — в Берлине и «не срамит русского имени»; ездил в Италию читать лекции о России. Великие князья спорят и инсинуируют. На будущее экономическое положение России смотрят пессимистически: иностранцы рады нашим тягестям, чтобы возможно больше воспользоваться нашим стесненным положением. Да, Европа — черства и эгоистична.

*24 сентября (7 октября) 1924 года.
Вторник. 12 часов дня.*

Не писал с лишком месяц — чуть немного запустишь, наберется материал, комбинировать все труднее и труднее, и потому все откладываешь и откладываешь, и так и не приступаешь. А время идет, события будто сменяют друг друга, иные, — правда, неважные — улетучиваются из памяти и в результате не получаются в дневнике той полноты картины жизни, какая есть в действительности.

В настоящий раз были еще и особые причины, мешавшие своевременно вести дневник: масса хлопот, соединенных с большим событием в нашей семейной жизни — женитьба Коли. Свадьбу пришлось ускорить в виду возможного скорого отъезда родителей невесты. Назначили на 30 августа по старому стилю. Жена только что приехала 25 августа, прогостив в Петрозаводске два месяца, хорошо поправившись.

Начались спешные приготовления к свадьбе. Решили провести ее совсем скромно — пригласить только самых близких. В общем, расходы понадобились бы небольшие. Но беда в том, что все обносились и пришлось экстренно кое-что справить и Ане, и Верочке, и Коле, и жене (главным образом, обувь). Нужны деньги. Где их взять? Кое-что сэкономил раньше; кое-что привезла жена, заняв у знакомых в Петрозаводске. Обратилась к М.Н. Кукунину, и тот одолжил 50 рублей. По его указанию обратился к Н.И. Корневу — не тут-то было: пообещал было, но потом отказался. Ну, кое-как вывернулись. Все-таки израсходовали до 200 руб.

Венчались в Никольском соборе. Венчал я сам. Пели свои — Шура и его знакомые по капелле (8 человек), — прекрасно. В церкви вообще прошло все очень торжественно, красиво и с настроением. Затем у нас. Поздравили шампанским; затем закуска и ужин, чай. Около 10 человек немного потанцевали и пели (Шура, Чурин, Доронин, Женя). В первом часу все разошлись. Прошло все очень прилично, непринужденно, весело. Я очень был доволен, что вообще бывает редко; всегда с некоторым на душе осадком.

За Колю я очень рад — Верочка мне очень нравится. Дай Бог им счастья и любви. Живут пока у Якшич, потому что у нас еще несвободна для них комната: еврейка медлит выезжать и вымогает «отступное» — просит 50 рублей.

Неожиданно приехал К.С. Балабуха, так же как и неожиданно уехал. Ничего не писал за эти полтора месяца. Я обижен за Аню и говорил ей. Она как будто легко отнеслась к этому непозволительному и невнимательному его отношению. Неприятно.

Был у профессора Сергеева (Спаская, 10); осмотрел мои глаза, прописал новые стекла, значительно более сильные; нашел предрасположение к «зеленой воде», просил немедленно обращаться к врачу, если почувствую радужные круги при взгляде на свет и огонь. Тоже не особенно приятная перспектива.

Вступил в общество мироведения, как и Верочка, — в кружок молодых мироведов. Я — ради нее, а ей интересно.

В соборе приняли сверх штата о.Ф.М.Ласкеева и о.С.И. Зинкевича. 14 августа за всенощной совершал чин погребения Богоматери (то же совершал в Крестовоздвиженской церкви 17 августа), а 14 сентября — обряд воздвижения Креста. Торжественно. Но с чином погребения очень затянули (до 11 с половиной часов); много народу ушло после первой же молитвы. Лучше совершать этот чин отдельно, в день праздника, или на другой его день.

В одно из воскресений служил Преосв. Григорий; было много народу. Как будто хотел служить и 21 сентября, но отказался и служил Преосв. Венедикт — всенощную и литургию. День будний и народу было очень мало. Напрасно устраивали архиерейское служение. Я протестовал, но с нашей двадцаткой трудно что-либо поделать — всегда желают поставить на своем, несмотря ни на что. В служение Преосв. Григория был у меня обед — очень небольшой: мы с ним, староста с Фирсовым, [нрзб.] и трое служащих (иподиакон и [нрзб.]). Прошло очень прилично. Но не понравилось старостихе, которая «распорядилась» было все поставить сразу на стол, по-деревенски. Сделано было иначе. Поэтому в служение Преосв. Венедикта, когда пригласили весь причт и президиум (21 человек всего было), она сама всем распоряжалась

(до неприличия игнорируя жену и наших) так, что расстроила нас всех, и я решил на будущее время покончить с этими обедами у себя в квартире — пусть устраивают, где хотят, только не у нас.

Вопрос о квартирной плате обострился: плата повышена у меня до 90 рублей, а собор помогать не думает, да и дела нет. Как будем выкручиваться — не знаю.

Беседы веду регулярно: отнимают много времени для подготовки. Народ слушает внимательно. Хотя Королев заявил на обеде, что «старушки не понимают».

Очень был расстроен и событиями: игумен Иларион (Бельский, мой ученик по семинарии, крайне ограниченный) воспылил желанием епископства (в 30 лет!), поехал к Патриарху, и тот предложил Преосв. Венедикту представить его в епископа Каргопольского. Представлен... Ужас, что за епископат!! Куда мы ведем Церковь?!

Обновленцы составляют программу, довольно обширную, охватив вопросы и вероисповеднические, и нравоучительные, богослужения, управления, дисциплины и отношения к Патриарху.

Дети все еще не устроились (Коля и Боря), Аня в своем техникуме. Шура все еще «выясняет» положение относительно консерватории или студии. Разучивает партии в ораториях: «Страсти» (Христа), [нрзб.] (Прометей) и «Фауста» (Мефистофель) Берлиоза.

30 сентября (13 октября) 1924 года.

Понедельник. 1 час дня.

В день Иоанна Богослова вечером служил акафист в часовне Черемнецкого монастыря. Потом был с Преосв. Венедиктом (который молился и говорил слово) у о.Сергия. Там Преосвященный показал мне письмо к нему о.архим. Досифея из Москвы, куда он поехал «искать епископства». Дело не выгорело, пробыл там «зря» (так он пишет в письме), и потому просит Преосвященного написать «отношение об нем» — так, на всякий случай, чтобы предъявить как рекомендацию. Ужасные люди! Что будет с нашим епископатом при подобных кандидатах!

На другой день в церкви о.Митроцкого был у всенощной — престольный праздник прп. Харитона. Был о.Н.В. Чепурин. После собрались, но беседа была не содержательна — коротко время, да и не было повода глубоко затронуть вопрос.

Сегодня встретил о.Боярского. «Надо кончать войну», — говорит. «Нужен Собор; нужно воздействие на Патриарха от отдельных общин и духовенства, чтобы настоять на Соборе, от которого его удерживают кучка окружающих епископов». Недоволен Преосв. Венедиктом, который «держит в черном теле ба-

тюшек, обратившихся из обновленцев». Я возразил, что как раз его обвиняют в противном и даже жалуются за это на него Патриарху. «Надо бы поговорить, побеседовать по всему этому», — говорю. — «Да, но где, когда и как?» — ответил он и с этим расстались.

*3 (16) октября 1924 года.
Четверг. 3 часа дня.*

В Покров служил у себя. Народу было много, но староста отказал хору из-за отсутствия средств. Пели плохо, а на другой день и совсем никого на клиросе — пел народ. Отучаем народ от храма! Затеваётся архиерейское служение 13 (26) для «освящения» после ремонта. Опять расходы, а духовенство без пособия...

Вчера вел беседу о Церкви. Удачно. Народу много.

В Покров о. Чоккой вызывался в ГПУ и там остался. По сообщению прокурора все арестованные в феврале высылаются на два года в Соловки, в том числе и о. Чоккой, выпускавшийся на поруки. Интересно, что с о. М. Тихомировым. Остается только, кажется, о. П. Виноградов и о. Досифей. Жаль Леонида Дмитриевича, дома у него, кажется, все разворовали.

Сегодня у меня беседа с группой студентов, а завтра начинаю читать лекции по патристике на Богословских курсах.

*6 (19) октября 1924 года.
Воскресенье. 4 часа дня.*

Сейчас заходил ко мне новопоставленный еп. Иларион (Бельский), назначенный в Каргополь. Посвящен в Покров, 1 октября, в Москве, в Покровском монастыре. Я сказал ему, что радуюсь, что мои ученики — уже архиереи, но что в отношении лично его считаю, что рано получил он сан. Но, раз воля Божия совершилась, надо ему чистотою жизни заслужить должное к себе отношение. Спрашивал он у меня разных советов, как приехать, куда явиться, как начать дело и т.п. Советовал ему возможно скромнее себя держать, приехать тихо, зарегистрироваться, побывать и познакомиться с председателем исполкома, ГПУ, предъявить назначение, попросить указаний; причислиться к церкви; не назначая особой встречи, в субботний день начать служение со всеобщей, с обычным словом и т.д.

Говорит, что Патриарх еще бодр, с ним ездил в Сергиеву лавру. Митр. Петр справлялся обо мне и посылал поклон. Его — Илариона не производили в архимандриты, а прямо из игуменов во епископы. Озабочен облачением и мантией.

Началась моя очередная неделя.

Служу в церкви. Стал уставать, и после литургии необходимо отдыхать. Старость или заботы? Последние очень удручают, так как материально жить очень трудно. Это очень волнует, беспокоит и отрывает.

В соборе тоже много неприятных переживаний. Староста с президиумом самоуправствуют в полном смысле; меня, как настоятеля, совершенно игнорируют, ни о чем не советуются, а делают только «по своему нраву». Так, недовольные регентом, наметили, очевидно, сменить его и в целях привлечения народа (ибо с регентом запугались и не знают, что начать), пригласить А.П. Рождественского, певшего в Исаакиевском соборе, а теперь — у Воскресения на крови, и известного своею «концертностью» в исполнении и в выборе вещей.

Мне сказали об этом стороной, и я обратился к старосте с вопросом: «правда ли это?» Отрицает, но тем не менее спросил: «А что же?» Я ответил, что, прежде всего, это — очень дорогой хор и, судя по храму Вознесения, он выжмет все соки и у собора не будет средств на удовлетворение других нужд, например, причта. А во-вторых, он нежелателен и с принципиальной стороны: его регентирование соблазняет многих (как на сцене, с прискакиваниями и ажитацией), а исполнение, как и выбор вещей, совсем не церковное, а концертное, и, таким образом, мы сознательно постепенно будем отучать народ от церковных мелодий в угоду уже отставшим от церкви любителям светского хорового пения. Все это староста выслушал. И тем не менее вчера мне о.Е.Бобовский передает, что к нему заходил г.Рождественский и спрашивал, как будет принято его вхождение, так как староста его приглашал.

То же с архиерейским служением: как я ни отговаривал, они все-таки хотят его и, кажется, наметили 26 и 27 октября. Таким образом, опять-таки как раз в дни гражданских празднеств, когда народ будет отвлечен на демонстрации и манифестации. Относительно ремонта уже и говорить нечего: меня совершенно «не тревожат».

Теперь прибирают нижнюю церковь. Я сказал сторожу, чтобы завесил завесой сзади Распятие с предстоящими, потому что хор, стоящий как раз сзади «Голгофы», перемешивается в глазах молящихся с «предстоящими» у креста. Нет, «старосте это не нравится». Так все это волнует, так неприятно, что бросил бы непременно, если бы только дети имели службу... Приходится пока терпеть.

Наших церковников, кажется, завтра отправляют в Соловки. Леонид Дмитриевич прислал мне письмо с прощальным приветом и сообщением, как подбирали и меняли статьи Уголовного кодекса в отношении их.

Сегодня был у П.Д. Новицкой — именинница.

Вчера встретился с С.Н. Молчановым, который рассказал, что видел в воскресенье служение возвратившегося из поездки по Сибири и Кавказу о.А.Введенского, который теперь уже «митрополит», в белом клобуке, с тремя крестами на клобуке и митре и т.п. Словом, забыто все обновление, и все повторяется в том же виде, как прежде. Служение неврастеника. На величании поминают «высокопреосвященного митрополита Александра, благовестника Христовой правды».

11 (24) октября 1924 года.

Пятница. 8.30 утра.

Вчера перед вечерним богослужением заезжал Преосв. Венедикт, только что съездивший к Патриарху. Сколько я раньше ни говорил ему о необходимости побывать в Москве, чтобы лично переговорить о церковных делах, все отказывался, ссылаясь на «приемы» и недосуг. А тут пронесся слух, что его перемещают в Олонецкую, и — когда дело коснулось лично его, — немедленно собрался. Как и следовало ожидать, слух вздорный. Но поездка полезна в том отношении, что все-таки вопросы многие выяснил. Прежде всего, Патриарх не против созыва Собора, только затрудняется вопросом — как и из кого? Многие высланы... По поводу стиля — стоит пока за старый; в этом утверждают его Патриархи Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский и Сербский; в Константинополе — разделение по этому поводу. В Польше правительство разрешило праздновать праздники по старому стилю. Вот главное. О ликвидации раскола, по-видимому, не было речи (особо, отдельно от вопроса о Соборе); по крайней мере, ничего не говорил мне Преосв. Венедикт, хотя и упомянул, что о Платонове речь была.

Здесь, оказывается, вызывали в ГПУ Преосв. Николая (Клементьева), а к Преосв. Григорию является агент из ГПУ с предупреждением, что если будет держаться политики непримиримой, то... и т.д. Это повлияло на то, что в Совете епископов обсуждали вопрос о созыве Собора и решено составить доклад Патриарху по этому делу, причем труд разделен: Преосв. Николай опишет современное тяжелое положение Церкви, Преосв. Григорий — способ созыва Собора и условия его работы; а Преосв. Венедикт — то, что от Собора надо ждать (вопросы и надежды — перспективы).

По поводу помощи и совета в последнем Преосвященный и приезжал ко мне.

Днем вчера около дома встретил Н.Ф. Платонова, погуляли, побеседовали о необходимости ликвидации раскола. Решили, что я побываю у него во вторник на будущей неделе, пригласив с собой и М.П. Чельцова. Интересно.

Вчера вечером было собрание президиума приходского совета. Очень тяжелое впечатление. Прежде всего с вопросом о помощи духовенству вышла какая-то путаница в беседе М.Л. Ивановой со старостой: припутался сбор членских взносов и будто бы отказ духовенства обращаться к народу, когда на самом деле я говорил только, что нам неудобно обращаться с кафедры о помощи себе. Затем Королев по обычаю выявлял себя с самой эксплуататорской стороны. Говорил, чтобы духовенство участвовало в пении ранних обеден, чтобы оно пело в будни поздние литургии, а о пособии, его увеличении чтобы не помышляли, ибо оно и без того получает, «а мы трудимся, имеем массу неприятностей и ничего не получаем».

Коснулись вопроса о пении и приглашении Рождественского. Я высказал свой взгляд на характер его пения. Но разве проймешь и убедишь этих столбов... Вопрос открыт только потому, что требует расход двойной сравнительно с нынешним (125 рублей за две службы), а денег нет. О пособии духовенству и помышлять нечего... Если бы только была какая-нибудь возможность уйти от этих людей, минуты не оставался бы; но как жить?

Церковников увезли в среду вечером, посадив в вагоны на запасном пути. Л.Д. Аксенов прислал письмо, в котором сообщает «для истории» о подборе статей кодекса.

*12 (25) октября 1924 года.
Суббота. 8.30 утра.*

Очередная неделя прошла сравнительно легко благодаря тому, что о.С.И. Зинкевич заменял меня в среду днем (чтобы дать мне возможность готовиться к беседе, которая, кстати, была слишком суха, неконкретна) и вчера вечером (я был на лекции на Богословских курсах).

Вчера было первое собрание всех преподавателей Богословских курсов (не был только о.П.П. Аникиев). Доклад прочел о.Н.В. Чепурин о необходимости разгрузки апологетики от тех вопросов, которые входят в состав других предметов. Он представил и список тем (42) на наиболее большие вопросы апологетического характера. Пришли к решению: 1) обращать особенное внимание каждому преподавателю на апологетический эле-

мент в своих курсах; 2) распределить указанным докладчикам темы по предметам; 3) по основным большим вопросам прочесть (по специальностям) доклады в собраниях преподавателей для установления единообразных точек зрения; 4) выпускать подробные конспекты лекций (докладов) по этим же вопросам, распространяя их — если возможно — на машинке, в помощь апологетам-пастырям. Было высказано пожелание делать разборы входящих антирелигиозных книг (на тех же преподавательских «докладах»); переводить новые иностранные труды по разбору важнейших вопросов пререкаемых; приобрести на Богословские курсы всю вышедшую здесь в последнее время антирелигиозную литературу, а также и важнейшие работы по общей апологетике (Лютардта, Рождественского и др.).

Таким образом, собрание вышло весьма плодотворное. С будущей пятницы начнем «доклады». Отец Н.В. Чепурин предложил прочитать и разобрать статью М.П. Чельцова о человеческих приношениях в Св.Писание (из «Христианской мысли»). Я доложил также о желательности устроить на Рождестве вечер для объединения студентов и профессоров с докладами слушателей. Решили устроить 29 декабря.

*24 октября (6 ноября) 1924 года.
Четверг. 8 часов вечера.*

Опять две недели прошли без записи из-за недосуга. 15 (28) октября, во вторник вечером, был у о.Платонова. Сидел около трех часов. Чельцова не было — оказалось, что он телеграммой вызван в Москву Преосв. Серафимом Тверским. Беседа вертелась около вопроса о примирении церковном. На мой вопрос, допустит ли власть примирение, он ответил, что «объединения» с Патриархом власть не допустит, а только «единение» со священным Синодом, что в случае непримиримости возможны дальнейшие репрессии в виде высылки.

Какими же мерами возможно было бы достигнуть единения? На этот вопрос о.Платонов оказался большим фантазером, мало — в увлечении — соображающим о практичности и жизненности той или другой меры. По нему, необходимо со стороны нас, духовенства, давление на Патриарха в смысле его отхода от управления. Желателен одновременный переход всего духовенства в Петрограде к признанию священного Синода как церковно-административного центра. Когда я высказал свои предположения о способе созыва Собора Патриархом (изложено в моей докладной записке Преосв. Венедикту), он ответил, что «Синод не примет приглашения Патриарха на Собор».

Сообщил, что в ноябре приезжают в Москву представители восточных Патриархов для уяснения вопроса о церковной распре. В заключение говорил о желательности молитвенного общения, например, 2 ноября, в дни годовщины смерти Преосвященного митр. Антония. Говорит, что программа их группы, переработанная, печатается и будет разослана всему духовенству. В беседе я сообщил ему откровенно об одиозности его личности вследствие предполагаемой тесной связи его с ГПУ. В общем, та же психология, что у Теодоровича (с которым я раз беседовал) — игнорирование массы верующих и исключительная опора на власть.

В среду, 16 (29) октября, был у Преосв. Венедикта, предоставил ему докладную записку (соображения) о созыве Поместного Собора (он просил меня). Преосвященный сообщил, что Красницкий прислал ему программу вопросов для Собора, где обращают на себя внимание: 1) полное умолчание об основаниях; 2) пункт об отношении Церкви к вопросу собственности (!), и 3) пункт о докладе Патриархом отчета о своей деятельности за все время управления (это с целью некоторого суда над ним).

Сообщил Владыке мысль о желательности выражения приветствия власти по поводу семилетия и в связи с возвращением духовенства из ссылки. Вернулось уже 8 человек (о.А.Никитин, В.Покровский, Д.Гидаспов, А.Никольский, А.Тихомиров, В.Вену-стов). У некоторых из возвратившихся заметно приподнятое настроение с ультраправым направлением.

В четверг виделся с о.Н.В. Чепуриным и наметили, чтобы Преосв. Венедикт побеседовал с епископами и некоторыми из духовенства: 1) о приветствии, 2) о сдерживании возвратившихся; что я и сообщил Преосв. Венедикту на другой день.

Вечером, возвращаясь домой, попал в милицию! Есть обязательное постановление — не ходить по мостовой под угрозой штрафа. Я шел через Мариинскую площадь по тротуару, в двенадцатом часу ночи; темно. Перешел Морскую, уже вступил на тротуар, как из-за угла сзади слышу окрик милиционера — остановиться и уплатить штраф. «За что?» — «Перешли мостовую». «Да как же иначе мне понасть на тротуар?» — «Вы по площади шли по мостовой». — «Уверяю вас, что шел по тротуару, доказать нечем, свидетелей нет, но ведь и Вы ничем не можете доказать противное. К тому же, почему не дали свистка, я остановился бы, и вы могли бы убедиться, что я шел действительно по тротуару». Достаяю деньги и говорю: «Не знаю, найдется ли у меня 25 копеек». — «У Вас деньги есть», — заявляет полупьяный милиционер. Оказывается, он брал штраф с каких-то курсантов и писал квитанции; в этот момент проходил я. Они и говорят ему:

«Вот нас штрафует, а там поп идет, его не трогаешь». Словом, науськали, а он, не разобравши дела, и привязался.

Подавая деньги, я спросил фамилию. Тогда он предложил мне идти в отделение милиции. Я говорю: «Это насилие». По пути какая-то дама, видя наш разговор, спросила, а как ей перейти площадь; он ей на это: «За вмешательство в действия милиции 3 рубля штраф». И так как у той не оказалось денег, да она и не виновата совсем, то тоже повели со мной в отделение. Там милиционер написал рапорт (фамилия — Жукин), записал мой адрес и предложил явиться в субботу в кабинет начальника. Явился. Но моей регистрационной карточки не оказалось, как будто отправлена в Административный комитет (Невский, 41). Начальник успокоил, сказав, что мне пришлют повестку на дом, где я могу уплатить 1 рубль 25 копеек, и все. Пока ничего не слышно. Но взвинтило нервы очень все это происшествие.

В пятницу читал на курсах вторую лекцию по патристике, а затем было собрание преподавателей, на котором читали статью М.П. Чельцова «О человеческих привнесениях в Библию» и обсуждали семь вопросов, представленных Н.В. Чепуриным по поводу нее, главным образом о том, вытекает ли из текста Библии и не расходится ли с учением Церкви (если таковое установлено) воззрение, что человек создан не из земли непосредственно, а из доразвившейся формы животного? На основании филологического анализа текста и святоотеческих толкований пришли к положительному ответу. Очень содержательное было собрание.

В воскресенье вечером был у меня М.П. Чельцов, только что возвратившийся из Москвы, где выхлопотал посвящение во епископы архим. Сергия Дружинина (бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни). Сообщил последние новости, со слов Преосв. Серафима Тверского. Гражданской власти нужно для каких-то целей, чтобы Патриарх выступил с посланием, где осудил бы заграничное контрреволюционное движение наших эмигрантов, духовных и светских, сказав «не больше того, что уже сказал в прошлом году в своем раскаянии и первом послании». Это предлагал ему Тучков в присутствии Преосв. Серафима. В то же время указывал, что в таком случае староцерковная группа может надеяться на следующие льготы: легализация управления центра и на местах, право открытия пастырских школ, обучение детей Закону Божию, созыв Собора («только не громоздкого», не больше 400 человек), снятие или во всяком случае уменьшение налогов с духовенства, права их детям обучаться в школах, назначение на епархии и в Синод не контрреволюционеров (право отвода).

Патриарх колеблется между двух влияний: Данилов монастырь с Преосв. Феодором влияет отрицательно, а между тем положение Церкви, да и существо дела требовало бы, чтобы Патриарх воспользовался благоприятным моментом и упрочил положение Церкви. Жаль, если непримиримые возьмут перевес. Беда иметь во главе управления человека безвольного...

В воскресенье вечером был в капелле на «Литургии» Чайковского; купил мне билет Ф.М. Журавлев, который вечером зашел и сообщил очень тяжелую весть: в ночь на четверг (17/30 октября) в Петрозаводске сгорели два собора: старый и Петропавловский.

В понедельник Шура экзаменовался, в академической студии (на Театральной пл., 2), и из 80 человек выдержал только он, да еще какой-то Гусев — коммунист. Принят. Я доволен, что он будет продолжать учиться и как раз в оперном классе.

Во вторник были у Преосв. Венедикта с Н.В. Чепуриным и П.А. Кедринским. Был Преосв. Николай. Преосв. Григорий, по-видимому, хочет уходить, недовольный действиями Патриарха, положившего резолюцию о возведении во епископы архим. Сергия вопреки заключению Совета епископов. Одобряю, и рекомендовал Преосв. Венедикту поехать в Москву и сделать то же. Беседовали о приветствии. Долго рассуждали. По-видимому, порешили написать Патриарху о желательности во все-российском масштабе выразить власти благодарность за возвращение ссыльных. Это может ему дать толчок и в вопросе о послании, может быть.

По собору у меня неприятности. Староста и Королев орудут, не поставляя меня в известность ни о чем. Отказан хор. Приглашается другой регент; без меня вывешивается объявление о каком-то торжественном освящении и многое другое. Если бы только была возможность, дня не оставался бы в такой компании...

*27 октября (9 ноября) 1924 года.
Воскресенье. 8 часов вечера.*

Годовщина нашей свадьбы. Прошло 28 лет. Сколько пережи-то и доброго и дурного. За все слава Богу! Весь смысл и отрада жизни все-таки в детях. Как хотелось бы, чтобы они были хорошими, умными, деловыми. Старшие радуют и степенностью и рассудительностью. Будут хорошими людьми и честными работниками. Аня — с порывами; дай Бог, чтобы ее семейное счастье устроилось только. Шура заботит больше всего: талант большой, но нет усилия воли работать, и слишком слабая воля, с наклоном

к безделью и «компаниям». Что выйдет из него — Бог знает. Веруся еще мала, но условия школьной жизни сейчас очень портят. Удастся ли сохранить ее в мировоззрении семьи...

Сегодня заходил поздравить Н.К. Ядрышев; вечером будут Якшичи.

Вчера и сегодня в соборе служил Преосв. Николай (Клементьев). Народу было очень много — все ждали торжества освящения после ремонта; но его не было, потому что не успели закончить. Пели из капеллы под руководством П.А. Богдановича. Хорошо. Если этот хор будет у нас, то впечатление будет очень хорошее.

Сегодня за обедом беседовал с Преосв. Николаем Клементьевым. Сообщает, что иг. Макарий в понедельник направляется к Патриарху. По поводу резолюции Св. Патриарха Совет епископов посылает ему доклад, где канонически разбирает правильность подобного поставления архим. Сергия: 1) Красное Село, куда он назначается, не просит епископа; 2) в сельские приходы (а у Андрея Критского — сельский) доселе епископы не ставились; 3) неуказание территориального объема власти епископа, а лишь «приходы, которые его признают» — грозит большими последствиями (несолидарные с другим епископом приходы могут приходиться к этому), и добавляет, что в случае его поставления на указанных условиях Совет епископов принужден будет уклониться от дальнейшего духовного руководства епархий.

Этот шаг я вполне одобряю, и давно побуждал Преосв. Венедикта по массе поводов указать Патриарху на необходимость считаться с местным епископатом. А то «кому не лень» — все тянутся к Патриарху помимо епископа, а тот вершит «не смотря ни на что», что только ни попросят. Получается полнейший развал в церковной дисциплине.

Только боюсь, что все это Патриарх по обычаю обратит в шутку и сведет на нет.

*1 (14) ноября 1924 года.
Пятница. 4 часа дня.*

Во вторник виделся с Н.В. Чепуриным, делились впечатлениями по поводу вечера, проведенного у Преосв. Венедикта; недоволен мертвенностью епископата, как и вообще «стоячестью» церковной жизни. Надо оживлять, надо спасать положение, надо упрочивать православную Церковь и духовенство. Для этого надо хотя бы пастырям некоторым сплотиться и влиять на епископат. Сегодня вечером собираемся снова об этом побеседовать.

Сейчас был у Владыки Венедикта, пригласил его служить на 9-10 ноября (освящение нижнего храма). Сообщил, что на днях был у него Платонов все по тому же вопросу об единении в молитве. Под конец расплакался, объясняя это душевной тяжестью, и просил помолиться. В то же время Преосвященный познакомил меня с двумя бумажками того же Платонова к священнику Новой Ладогои о. П.Георгиевскому, где он будирует против Преосв. Венедикта, как нелегально управляющего епархией, контрреволюционера и т.п. Двоится человек между юридическим и нравственным течением своих мыслей...

Вчера вывезли в Откомхоз от нас бильярд. Наконец-то! Собщили при этом, что опять кто-то (Румянцев, Воробьев или Троицкий) приходили в отдел и поднимали дело о нашей мебели. Заведующий, просмотрев дело, ответил, что все законно. Тогда они подали донос прокурору, и теперь дело из Откомхоза затребовано прокурором (помощником). Удивительно гнусные люди, только и живущие мыслью о доставлении неприятностей другим.

*11 (24) ноября 1924 года.
Понедельник. 12 часов дня.*

Вчера у нас, в Никольском соборе, было торжество «обновления» храма. Служили внизу. Был Преосв. Венедикт. Народу за литургией было больше, чем за всеношной. Заметно, что на служение Преосв. Венедикта народ не так стремится, как на служение Преосв. Григория или Преосв. Николая. Духовенства было постороннего несколько человек. Ремонт почти закончен, хотя исполнен (окраска) не везде хорошо. Реставрация произведена совсем плохо, придется, кажется, переделывать. Обедали у Ларина. За обедом староста поделился со мной, что «можно бы взять Казанский собор». Очевидно, ему говорил об этом Мичурин.

Конечно, было бы очень желательно возобновить религиозную жизнь в Казанском соборе: там народ не посещает богослужения и ходит только из интереса к новинкам православной церковной жизни, на беседы о.Красницкого. Но много есть обстоятельств, заставляющих задуматься: 1) жаль очень мне Никольского собора, его прихожан, которые так тепло ко мне относятся, ценят; в Казанском соборе этого не было, вечно веяло каким-то холодком; да и прихода в сущности там нет; 2) опять придется иметь дело с тем же старостой Семеновым, очень своеобразным человеком и идущим на получение собора, по-видимому, из-за карьерных расчетов; 3) опасность может быть со стороны и о.Красницкого, который может «засадить» и выслать, и со сто-

роны о.Платонова, мечтающего взять Казанский собор в «обновление»; 4) громаднейшие расходы по ремонту крыши Казанского собора потребуют больших забот и непременно коррективы к старосте со стороны других лиц, которых надо умело ввести в двадчатку; 5) забота о подборе причта, певчих... 6) а главное — жаль «пастырской» работы в Никольском соборе. Ну — как будет угодно Господу!

7 и 8 ноября служил в Михаилоархангельской церкви у М.П. Чельцова. Было много духовенства, обед. Там он чувствует себя полным хозяином, очевидно; двадчатка далеко не похожа на нашу.

Вечером 8-го ноября были у о.М.Митроцкого (именины); побеседовали об общих церковных делах. Но удивительно, как всегда в этом вопросе разговор не доходит до логического конца: поговорят, поговорят, констатируют положение, а по выходе из него — молчание. Все боимся, то толпы, то вмешательства в действия епископата. Надо, очень надо было бы проявить решительное отношение к вопросу о примирении или во всяком случае — о получении легализации у власти.

Сверх указанных выше возвратились еще о.С.Вознесенский (с приподнятым самосознанием «исповедника», как заметил я вчера у себя в соборе), о.В.П. Афанасьев, кажется, еще о.Г.Сербаринов. Возвращается о.Рудинский.

Вопрос о квартире стоит остро: надо покрыть задолженность за сентябрь и октябрь, и не знаю, как. Хотел бы продать ковер большой, часы... но очень трудно теперь это сделать по безденежью общему.

Коля утвержден в должности.

16 ноября устраивается концерт в пользу нашего причта. Инициаторы — Елена Андреевна и Марк Львович. В кружке любителей камерной музыки. Пел Шура Андреев. В общем — 145 рублей. И то — спасибо.

*16 (29) ноября 1924 года.
Суббота. 12 часов дня.*

В среду вечером арестован о.Е.А. Бобовский с о.Философовым. По-видимому, по делу Введенского собора. В четверг утром я служил за него, сделал распоряжение в казначействе (Овечкину) и ризнице (о.Яблонскому), как и о порядке служения. Вечером в соборе предполагалось собрание двадчатки, но не состоялось — заболел староста; перенесено на понедельник.

Сообщают, что в понедельник все председатели двадцаток и старосты церковей Центрального района вызывались в район, где им указали: 1) иметь свечи только обандероленные; 2) сообщать о количестве свечного дохода; 3) за три дня заранее извещать о тех посторонних священниках, которые будут служить с епископом; и 4) (будто бы) быть полными хозяевами в отношении причта — увольнять, приглашать и прочее по своему желанию...

Положение духовенства все более ухудшается. А Патриарх не думает торопиться о легализации и других мерах к улучшению положения Церкви. Вчера я был у Преосв. Григория, пригласил его служить всенощное бдение на Николин день (согласен) и попутно беседовал о косности нашего центра. Он вполне согласен со мной и советует представить документальную записку с обрисовкой церковного положения и точным указанием мероприятий и предложений о необходимости действовать во всероссийском масштабе. Если же Патриарх почему-либо уклонится, то чтобы предоставил возможность действовать и вести переговоры с правительством здесь в Ленинграде.

Отец Н.В. Чепурин вчера показывал заготовленную им записку о сношении с властью. Волнуется, придумывает, а будет ли какой-либо толк при полной инертности Патриарха и отсутствии при нем ответственного органа управления?!

Сегодня и завтра служу на Федоровском подворье. Завтра исполняется год со времени нашего освобождения из заключения.

*20 ноября (3 декабря) 1924 года.
Среда. 2 часа дня.*

Надумал переделать свое кандидатское сочинение, но, как на грех, академическая библиотека закрыта и книг получить нельзя. А мне необходимы некоторые для справок и дополнений.

Страшно тяжелое материальное положение — задолженность в дом за квартиру, и трудно ликвидировать вещи. Это так беспокоит, что ни о чем не могу думать...

В понедельник происходило собрание двадцатки. Прошло в общем благополучно; были интересные моменты, весьма характерные для общего отношения двадцатки к церкви. Так, Королев (купец, скряга и форменный эксплуататор, крайне презрительно относящийся к духовенству и желающий сорвать с него семь шкур) находил приличным приглашение епископа на всенощную, насчет престольного праздника 6 декабря: «Архиерей нас стеснит, а народу и без того будет очень много».

Таким образом, архиерей только как приманка для большой выручки, дохода... Староста Семенов еще лучше, в том же роде — говорит о желательности устройства в церкви в одно из воскресений духовного концерта с моей беседой. Спрашиваю о времени. «С 5 часов». Говорю: «Неудобный час, лучше бы в 7 часов, тогда мы могли бы всю ночь отслужить в 5 часов». — «Всю ночь? Зачем? Что она даст?» Очень характерный подход к богослужению, совершенно «марксистский». И вот с такими людьми приходится вести *одно дело*. Могут ли они понять нас, и можем ли мы всегда и во всем быть с ними солидарны?

При этом полное игнорирование интересов и положения духовенства. 1 декабря предстояло всему духовенству внести налог, всего 198 рублей. Мы предложили обратиться к приходу с кафедры и произвести сбор. «Вы все деньги заберете и нам ничего не останется», — вот ответ, и, конечно, не разрешили идти особо собирать. В результате, за тремя службами собрали на духовенство 24 рубля. Бери, где хочешь, и плати...

*25 ноября (8 декабря) 1924 года.
Понедельник. 10 часов утра.*

Состояние духа удрученное, ничем не могу заниматься. А все — деньги и квартирный вопрос. Домоуправление предложило мне самому указать предельный срок ликвидации задолженности. А когда и как ее покроешь, если 1) собор пособия не только не увеличивает, но и назначенное задерживает; 2) вещи, намеченные к продаже, не продаются; 3) заимообразно достать чрезвычайно трудно, да и надо знать, чем и когда расплатиться... Был у М.Н. Кукунина — тот сам в критическом положении вследствие наступления срока платежей по векселям и непоступления уплаты долгов, хотя и обещал что-нибудь прислать к 15-му, если вывернется. У старосты денег нет и, хотя обещал в праздник (24-го) дать, но не хватило даже и певчих оплатить. Обратился уже к И.Е. Максимову и Бычковскому о заимообразном одолжении в счет имеющихся за старостой. Может быть, как-нибудь соберу рублей 50 к вечеру... Все это так нервирует, что ни о каком занятии не могу думать.

В субботу, 23 ноября, в самый праздник лавры, пригласили Преосв. Григория, двух архимандритов, двух иеромонахов и двух членов приходского совета лавры в ГПУ. По слухам, Преосв. Григорий и архиеп. Николай отправлены на Шпалерную. Печально. Говорят — по поводу неплатежа монахами платы за помещение.

Об о.Бобовском распространяются сведения, будто бы высылаются в Красноярск. Не знаю, правда ли.

Да, скорбное время переживаем. Ждешь и сам возможных арестов и высылку в связи с обновленческим течением. А Патриарх все молчит и молчит и никаких мер не принимает ни к легализации своей группы, ни к примирению церковному. Давно пора было бы позаботиться об этом.

Вчера (24 ноября) был у Куренковых на именинах; понравилось очень — тишиной, уютностью и симпатичным дружным обществом (все свои — родственники Берты Викторовны). Потом был у о.Александра Казанского (сам именинник 23-го и жена — Екатерина Васильевна 24-го). Был весь Покровский причт, с наших курсов я, о.Эльб, о.М.Митроцкий, о.П.Аникиев, о.А.Петровский. Не понравилось. Как-то мелко-провинциальным духом проникнуто было все: эти тосты по заказу, принуждение к вызову, восхваление «добродетелей» именинника, «объединившего всех» (около именинного пирога...), «хлебосольного», «попавшего в образцовый причт» и т.п. В конце концов свелось к восхвалению о.Акимова, как образцового администратора и настоятеля и к самовосхвалению: мы, мол, не ограничиваемся «требничеством», а расширяемся в работе в сторону просвещения. Все это может быть и верно, но для чего все это преподносить в виде тостов, с вызовом по очереди. Как будто об этих вещах нельзя говорить серьезно и деловито вообще в виде обмена мыслей. Да, и у умных людей мало бывает иногда такта и общественной воспитанности...

*1 (14) декабря 1924 года.
Воскресенье. 10 часов вечера.*

Из критического положения в смысле денежном в понедельник выручили: Бычковский, одолживший на несколько дней 20 рублей, и Елена Андреевна, одолжившая (неожиданно) 30 рублей на неделю. С души прямо бремя свалилось, а то совершенно не мог ни о чем думать. Теперь только бы ликвидировать вещи и уплатить долг; с декабря плата за квартиру может уменьшиться, в виду записи комнаты на Мусю Ершову.

В соборе по-прежнему хамство. Аня с Робертом Петровичем взяли было рисовать плафоны на потолке в храме. Нарисовали один, но старосте не понравилось: «не соответствует» (чему?). Ушли. И лучше; не стоило связываться. Есть слух, что Отдел охраны памятников сообщает райисполкому, что эта двадцатка не надежна в смысле охранения храма как исторического памят-

ника; в частности, ремонт не может быть принят, и потому предлагает расторгнуть договор. Дело серьезное.

Возвращается о.А.Беляев, бывший настоятель Никольского собора. Интересно, как мы разжегемся. Охотно бы ушел совсем, если бы была возможность иначе устроиться.

Сегодня служил, но не здоров; завтра сию дома.

14 (27) декабря 1924 года.

Суббота. 11 часов дня.

Удивительно скверное время приходится переживать и с подлыми людьми иметь дело. Впущенные женой квартиранты столько принесли и приносят неприятностей, что, кажется, бежал бы сию минуту без оглядки из дома, если бы была возможность расплатиться за квартиру и переехать.

Вызвали в уголовный розыск о ванне, что управдом перенес к Бычковскому — дело, однако, ликвидировано. Теперь другое. Крыжевская присваивает себе наш экран и нет возможности доказать противное. Жену это волнует с чисто принципиальной стороны, но что заведешь делать? За квартиру необходимо до 1 числа внести хотя бы сто рублей, но никак не можем достать денег. К довершению приехал о.Беляев и неприятности по собору. Просто голова идет кругом.

В Николин день и за всенощной и за литургиями народу было очень много — полный собор. Литургии служил Преосв. Венедикт. Я говорил слово за всенощной. Обед у Беляева. Отношение его супруги ко мне — весьма холодное.

18-го неожиданно был выслан о.Е.Бобовский. Говорят, в Ново-Николаевск. Досужие кумушки по этому поводу стали судить-рядить: кто поспособствовал высылке? И решили — о.Сергий Зинкевич. Поэтому прислали ему ругательное анонимное письмо, где его честили как «доносчика», «подлеца», «мерзавца» и грозили «прогнать» его, а за ним и «его покровителя» — меня... Об этом я в среду говорил с кафедры, прося записываться в члены общины, чтобы можно было слышать голос не отдельных кликуш, а всего прихода. Говорят, что в интриге против о.Стефана замешан и о.Яблонский. Как это все мерзко!

Говорил с Преосв. Венедиктом о предоставлении мне другого места. Принял в соображение; говорит, что возможно место в Луге. 21-го приехал о.Беляев. На другой же день, в воскресенье, пред литургией я заявил президиуму, что слагаю с себя обязанности настоятеля ввиду приезда бывшего. На желание президиума, чтобы я остался, я ответил, что, если угодно, могу остаться.

ся только предстоятелем. Староста передал это о.Беляеву. А там, оказывается, — другие планы: он хотел бы *сам* передать мне «до поры до времени» настоятельство, оставив за собой предстоятельство, или чередуясь со мной!

В четверг было заседание президиума по этому поводу. Я снова подтвердил свой отказ от настоятельства и просил занести в протокол. Королев старался примирить дело «и нашим, и вашим». Остальные члены все категорически высказывались за оставление меня настоятелем и за вхождение о.Беляева на штатное место второго священника.

Затем я зашел к Беляеву, чтобы переговорить, но переговоры вышли очень удивительные. Прежде всего он пригласил свою супругу: «Это и тебя касается», и вот изложил свой план, торгуясь из-за места при богослужении. Так было мелко, глупо и противно, что я выдержал, конечно, себя, но поторопился уйти и на другой день написал письмо Преосв. Венедикту с подробным изложением дела и своего отношения к этому, прося вместе с тем о предоставлении другого места.

Ах, если бы можно было уйти и из собора, и из квартиры. Но все — средства, средства, средства... Тяжело.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ

Акимов Василий Александрович (1864-?) — родился в семье дьякона Орловской губ. Окончил в Петербурге Духовную академию. Служил священником, а затем настоятелем Покровского храма в Большой Коломне в Петербурге. В 1935 выслан в Астрахань.

Аксенов Леонид Дмитриевич (1877-?) — родился в Торопце, в детстве был дружен с будущим Патриархом Тихоном. После революции был владельцем б.епархиального свечного завода. 30 апреля 1922 арестовывался по делу об изъятии церковных ценностей. В начале 1924 снова попал на Шпалерную — по делу о православных братствах и получил три года Соловков, после чего жил в Любани. 17 февраля 1932 арестован «за валюту», отправлен в лагерь. Освободившись, жил в Сольцах, где его следы теряются во время войны. Будучи хорошим канонистом и проницательным политиком, оказывал большое влияние на «либеральную группу» в патриаршей церкви.

еп. *Александр* (Надежин Александр Петрович, 1857-1931) — окончил в Олонце семинарию и в Петербурге Духовную академию (1883). С 1897 — священник в Петрозаводском соборе. В 1906 начал преподавать в родной семинарии, а в 1908-1912 был ректором семинарии в Твери. В 1912 изб-

ран от духовенства в Госсовет. 19 февраля 1920 хиротонисан во еп. Кашинского и вскоре был переведен в Тверь. Перейдя к обновленцам, занял весной 1923 кафедру в Петрозаводске, на которой оставался до конца жизни.

мон. *Анастасия* (Платонова Александра Федоровна) — родная сестра известного обновленца Н.Ф. Платонова. Была строго православным человеком, не разделявшим взгляды брата. До революции работала учительницей и редактировала детский журнал «Незабудка».

иером. *Анатолий* (Толстой Александр Михайлович, 1878-?) — родился в Москве в семье профессора. Кончил Михайловскую артиллерийскую академию, участвовал в русско-японской войне, до революции преподавал в Морском корпусе и гимназиях Петербурга, дослужившись до капитана 2-го ранга. Затем учился в Богословском институте и в 1920 принял сан, но продолжал работать в Училище комсостава. 13 марта 1922, служа в церкви Консерватории, арестован по делу об изъятии церковных ценностей, получил три, но отсидел только полтора года. Весной 1924 снова взят по делу о православных братствах и сослан на два года в Соловки.

о. *Андреев* Федор Константинович (1887-1929) — родился в купеческой семье в Петербурге. Проучившись два курса в Институте гражданских инженеров, поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1913. Был оставлен преподавать философию в академии. К числу его друзей и коллег принадлежали П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, М.А. Новоселов и др. В 1919 вернулся в Петроград и начал работать на Богословско-пастырских курсах. 6 декабря 1922 рукоположен в священники, служил в Сергиевском соборе, а затем в Спасе на крови. Не принял декларацию митр. Сергия (Страгородского) и стал одним из самых деятельных сторонников его противника — митр. Иосифа (Петровых).

о. *Аникиев* Павел Петрович (1878-1932) — видный пастырь и церковно-общественный деятель. Родился в семье учителя 1 Кадетского корпуса в Петербурге. Окончил историко-филологический факультет (1902) и Духовную Академию (1906), защитил диссертацию. С 1906 преподавал историю русской религиозно-философской мысли в Женском Педагогическом институте, в церкви которого с 1911 до закрытия в 1922 служил также священником. Затем был священником в Николо-Труниловской церкви. Принимал участие в работе Религиозно-философского общества. Получил в 1930 по «делу Академии наук» три года ссылки и умер в Усть-Виколево на Енисее.

митр. *Антоний* (Алексей Павлович Храповицкий) — известный богослов, духовный писатель и церковно-общественный деятель. Окончив СПб. Духовную академию (1885), преподавал, а с 1890 был в ней ректором. 7 сентября 1895 хиротонисан во еп. Чебоксарского с оставлением в должности ректора Казанской Духовной академии. В 1902-1912 занимал Волынскую, в 1914-1918 — Харьковскую кафедру. Был одним из трех кандидатов на место Патриарха на Всероссийском Поместном Соборе в 1917. Эмигрировав в Югославию, возглавил управление Русской Пра-

вославной Церкви за границей и рассматривался большевиками как один из самых крупных врагов.

еп. *Антонин* (Александр Аркадьевич Грановский, 1865-1927) — один из ученейших дореволюционных архиереев, с 1922 — видный деятель обновленчества. Родился в Полтавской губ. После окончания Киевской Духовной академии и пострижения (1890) работал в разных духовных учебных заведениях. 2 марта 1903 хиротонисан во еп. Нарвского, но в 1908 ушел на покой. В 1913-1917 — еп. Владикавказский и Моздокский. Участвовал в Поместном соборе 1917-1918. В 1922 был первым архиереем, пещедшим к обновленцам, возглавив группу «Церковное возрождение».

Ардентов Василий Алексеевич — многолетний дьякон Казанского собора.

митр. *Арсений* (Авксентий Георгиевич Стадницкий, 1862-1936) — известный духовный писатель и ученый. Родился в семье молдавского священника в Бессарабской губ. Учился в семинарии в Кишиневе и Духовной академии в Киеве. В 1895 защитил магистерскую диссертацию, а через три года назначен ректором Московской Духовной академии. 28 февраля 1898 хиротонисан во еп. Волоколамского; в 1903-1910 был на кафедре в Пскове, в 1910-1922 — в Новгороде. Был одним из трех кандидатов в Патриархи. В 1922 и 1929-1933 находился в ссылке. Закончил жизнь митр. Ташкентским.

еп. *Артеми́й* (Ильинский Александр Матвеевич, 1870-1937) — родился в Архангельской губ., окончил Духовную семинарию в Архангельске (1890) и Академию в Петербурге (1898). Служил священником в разных храмах столицы, особенно долго (1900-1914) в Воскресенской церкви при Институте принцессы Ольденбургской на Петербургской стороне. Овдовев, был в 1915 пострижен в иноки, а 30 июля 1917 хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1922-1923 был обновленческим архиереем, получив сан митрополита Петроградского и Лужского. 4 декабря 1923 принес покаяние и принят в прежнем сане. В 1924-1928 находился в ссылке, после чего занимал кафедры в Олонце и с 1930 — в Тобольске, получив в 1937 титул архиепископа. В том же году арестован и расстрелян.

прот. *Афанасьев* Владимир Павлович — до революции служил священником в церкви Воскресения Словущего Константиновского артиллерийского училища. В 1922-1924 был в ссылке в Оренбургской губ.

Бакаев Иван Петрович — советский аппаратчик, член Петросвета и президиума Петрогубисполкома.

прот. *Беляев* Александр Николаевич (1866-?) — родился в семье священника Калужской губ. Окончил Духовную академию. Настоятель Никольского Морского собора в Петрограде. 10 февраля 1923 арестован и до конца 1924 был в ссылке в Зырянском крае. Вернувшись, служил священником в том же соборе.

о. *Благодатов* Иоанн Георгиевич (1881-1942) — родился в семье священника в Енисейской губ. Окончил в Красноярске семинарию (1902) и в Пе-

тербурге — Духовную академию (1912). Рукоположен в 1902 и служил в с.Рыбинском, а после академии до 1922 — в церкви Крестовоздвиженской общины. Арестован 8 января 1926 и сослан в Каракалпакию. Затем до 1932 жил в Новгороде. Вернувшись в Ленинград, в основном не служил. Скончался от голода в Рождественский сочельник.

о.Бобовский Евгений Андреевич (1890-?) — в описываемое время служил в Никольском соборе. В 1924 административно выслан в Сибирь. В 1966 был настоятелем Казанской церкви в Тосно.

о.Богоявленский Леонид Константинович (1871-1943) — родился в крестьянской семье в Пензенской губ. Окончил СПб Духовную академию. В 1912 назначен настоятелем Владимирского, а в 1919 — Исаакиевского собора. 29 апреля 1922 арестован по делу об изъятии церковных ценностей как председатель Общества православных приходов, освобожден 21 августа 1923. При митр. Серафиме (Чичагове) возглавлял Епархиальный совет, будучи настоятелем Измайловского собора. Арестован 11 марта 1935 и сослан с женой на пять лет в Тургай. Умер в ссылке.

Боротинский Леонид Александрович — дьякон с 1899 в Никольском соборе Петербурга-Ленинграда.

о.Боярский Александр Иоаннович (1885-?) — крупный деятель обновленчества в Петрограде. Родился в семье псаломщика Варшавской губ. Окончил Волынскую семинарию (1906) и СПб. Духовную академию (1910), после чего служил в западных губерниях и участвовал как полковник священник в Первой мировой войне. В конце 1915 назначен в Троицкую церковь в Колпине, затем был настоятелем обновленческого Спасо-Сенновского собора в Ленинграде.

Брянчанинова Ксения Леонидовна — дочь полковника царской армии. По профессии — агроном. В 1928 преподавала в Ленинграде.

Булгаков Николай Александрович — профессор Петроградского ун-та, в 1893-1901 преподавал в СПб. Духовной семинарии.

Бурцев Александр Кондратьевич — окончил семинарию в Астрахани и Духовную академию в Москве (1902), после чего преподавал философию и дидактику в Олонецкой семинарии в Петрозаводске.

о.Бычков Сергей Иоаннович (1882-1952) — родился в Старом Осколе, в мещанской семье. Окончил семинарию в Курске (1904), Духовную академию в Петербурге (1908) и работал псаломщиком и миссионером в Андреевском соборе. Рукоположен 6 апреля 1912 священником к церкви свв.Симеона и Анны, от которой в 1920 вошел в иправление Общества православных приходов. 30 апреля 1922 арестован по делу об изъятии церковных ценностей и освобожден из заключения 9 августа 1923. В 1929-1937 был за штатом. В войну эвакуирован. В 1947 пострижен в монашество и хиротонисан во еп. Лужского. В следующем году назначен ректором Ленинградских Духовных школ.

иером. Варлаам (Василий Михайлович Сацердотский, 1896-1937) — родился в семье священника Новгородской губ. Окончив семинарию в Новгороде, поступил в Московскую Духовную академию, где проучился толь-

ко три года. В 1917-1921 жил в деревне. Руководил Александро-Невским братством лавры до своего ареста в начале 1924 (по делу о братствах), отсидел два года в Соловках. Вернувшись, встал во главе женской общины на Конной ул. и служил в Творожковском подворье. Арестован в феврале 1932 и осужден на 10 лет лагерей. Был на строительстве Беломоро-Балтийского канала и, очевидно, расстрелян. См. публикуемые в этом выпуске его «Письма из заточения».

прот. *Введенский* Александр Иванович (1889-1946) — известный глава обновленческого движения, имел сан митрополита.

еп. *Венедикт* (Плотников, 1872-1937) — родился в семье священника под Петрозаводском. Окончил Олонецкую семинарию и СПб. Духовную академию (1902). Овдовев, 15 августа 1920 хиротонисан во еп. Кронштадтского. На процессе по делу об изъятии церковных ценностей был приговорен к расстрелу, но помилован и в 1923 освобожден. С февраля 1924 управлял Ленинградской, а затем и Олонецкой епархиями. В конце следующего года арестован и выслан на 3 года в Нарымский край. Затем жил в Иркутске, а с 1929 — в Нижнем Новгороде. В 1931 стал епископом Вологодским, осенью 1933 вернулся в Ленинград, имея сан архиепископа, но кафедру снова получил в провинции. Будучи архиеп. Казанским, арестован в начале 1937 и расстрелян.

о. *Венустов* Василий Алексеевич (1884-195?) — родился в семье народного учителя. В 1908 окончил Духовную академию в Петербурге и уехал преподавать в Самарскую семинарию. Рукоположен в 1912 и назначен священником церкви Морского инженерного училища в Кронштадте. В 1916 переведен в Преображенский собор в Петербурге, от которого вошел в правление Общества православных приходов. В 1922-1924 находился в ссылке в Архангельском крае. Вернувшись, служил в Преображенском соборе. Арестован 20 января 1934 и получил три года Колымы. После войны получил место в Чудове Новгородской епархии.

прот. *Вертоградский* Николай Николаевич — родился в семье священника Костромской губ. Окончил семинарию в Костроме и Духовную академию (1900) в Петербурге. Служил в Луге и Кронштадте, а с 1906 — в церкви свв. Симеона и Анны в Петербурге. Как полковой священник участвовал в Первой мировой войне. В 1924-1927 сидел в Соловках по делу о православных братствах, затем был выслан в Ростов Великий.

прот. *Верюжский* Василий Максимович (1874-1955) — известный деятель иосифлянского движения, направленного против церковной политики митр. Сергия (Страгородского). После окончания (1898) в Петербурге Духовной академии трудился два года в Болгарии, а затем в семинарии и Духовной академии в Петербурге, где в 1913-1918 возглавлял кафедру истории славянских церквей. С 1909 служил священником, позже — настоятелем Спаса на крови, который стал центром иосифлянства. Арестован и 30 августа 1930 приговорен к 10 годам Соловков. Освободился в конце 1939, жил в ссылке. Примирился с Московской патриархией, с 1951 состоял профессором Ленинградской Духовной академии.

прот. *Виноградов* Павел Павлович (1856-?) — родился в Ярославской губ. Окончил СПб. Духовную академию. Рукоположен в 1883 и постоянно служил в Вознесенской церкви (с 1914 настоятелем) в Петербурге. Проходил по делу об изъятии церковных ценностей, получив три месяца принудительных работ. В 1924 по делу о православных братствах приговорен к двум годам.

прот. *Вознесенский* Сергей Александрович — до революции был священником Воздвиженской церкви при Государственной Думе. В 1922-1924 находился в ссылке в Оренбургском крае.

прот. *Герасимов* Павел Матвеевич (1863-1934) — учился в Духовном училище и с 1898 священствовал в разных храмах Олонецкой епархии. Уклонился в 1924 в обновленчество и 18 октября 1925 хиротонисан обновленцами во викарного еп. Каргопольского. С 1931 пребывал на покое.

прот. *Гидаспов* Димитрий Федорович (1870-1938) — родился в Бузулуке в семье священника. После окончания семинарии в Самаре и Духовной академии в Петербурге (1895) служил главным образом в Троицкой церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в центре Петербурга и приобрел славу проповедника. В 1922-1924 находился в ссылке в Оренбурге. В 1931-1935 служил в Знаменской церкви Ленинграда, затем выслан в Новгород. Арестован по доносу и 6 марта 1938 расстрелян.

проф. *Глубоковский* Николай Никанорович (1863-1937) — известный русский экзегет. Учился в Московской Духовной академии. С 1891 преподавал Новый Завет в Духовной академии в Петербурге; в 1919-1921 — профессор Петроградского университета и Богословского института. С конца 1921 занимал кафедры в Пражском и Белградском университетах, с весны 1923 — в университете в Софии, где и скончался.

Грабовская Вера Васильевна — жена Щербова И.П.

Патриарх *Григорий VII* (1855-?) — митрополит Халкидонский. Избран 6 декабря 1923 в Константинополе Вселенским Патриархом вместо свергнутого Мелетия IV, проводившего обновленческую политику.

еп. *Григорий* (Лебедев Александр Алексеевич, 1878-1937) — родился в семье священника в Коломне, где окончил семинарию, а в Москве — Духовную академию (1903). Затем четыре года преподавал гомиетику в Симбирской семинарии и историю в Московском Сиротском институте. В 1921 пострижен в монахи и три последующих года провел в Даниловом монастыре в Москве. 2 декабря 1923 состоялась хиротония во еп. Шлиссельбургского и назначение в Петроград. Не поддержал декларацию митр. Сергия (Страгородского) и с симпатией относился к иосифлянам. В 1928 уехал в Кашин, работая как будто на гражданской службе до своего ареста в 1937 и гибели в ГУЛаге.

о. *Громов* Николай Петрович — закончил Олонецкую семинарию и СПб. Духовную академию (1901). Преподавал в олонецкой семинарии Свящ. писание. С 1917 был членом Епархиального совета.

Губарев Георгий Петрович — до революции служил статс-секретарем Синода, а после — завхозом Государственного института опытной агрономии (позже — Всесоюзный институт растениеводства).

Даманский Виктор Иоаннович — окончил семинарию в Петрозаводске и преподавал в ней потом пение. В 1923 несколько месяцев был настоятелем собора в Пудуже, пока не был выслан ГПУ за противление обновленцам.

мон. *Дамиана* (Соболева Валентина Владимировна) — пострижена в начале 1924 и входила в общину мон. Анастасии (Платоновой).

о. *Дмитриев* Павел Васильевич — настоятель кладбищенской церкви в Петрозаводске. До революции преподавал Закон Божий в женской гимназии и женском епархиальном училище. Не раз арестовывался и высылался ГПУ. В 1923 перешел к обновленцам и стал активно поддерживать еп. Александра (Надежина).

архим. *Досифей* (Григорьевич Степанов, 1884-?) — подвизался в Александро-Невской лавре. В 1924 получил по делу о православных братствах два года Соловков.

о. *Дроздин* Иоанн Николаевич — в 1881 закончил семинарию в Петрозаводске и служил в Олонецкой епархии приходским священником и окружным миссионером. С 1904 — духовник в родной семинарии, с 1910 — священник кафедрального собора в Петрозаводске. Перешел в 1924 к обновленцам.

митр. *Евдоким* (Василий Иванович Мещерский, 1869-1935) — после окончания Московской Духовной академии был пострижен в монахи и в 1903 стал епископом. Через четыре года послан в Америку викарным епископом архиеп. Тихона (Белавина). Почти без оговорок принял большевистский переворот. В 1918 был назначен на кафедру в Нижний Новгород, а в 1922 присоединился к обновленцам, установив теснейшие связи с ГПУ. В 1930 обновленцы перевели его в Одессу, где он снял сан, женился и вскоре скончался.

Елачич Николай Александрович (1872-?) — окончил юридический факультет СПб. университета и служил помощником статс-секретаря в Государственной канцелярии. В 1918-1920 работал в музыкальном отделе, а затем преподавал русский язык в Военно-автомобильной школе. Будучи членом правления Общества православных приходов от Преображенского собора, арестован весной 1922 по делу об изъятии церковных ценностей и приговорен к расстрелу, замененному пятью годами, из которых отсидел полтора. Затем работал тапером в кинотеатре. 10 февраля 1930 по делу Преображенского собора получил пять лет лагеря.

Жижиленко Любовь Ивановна — жена известного проф. Александра Александровича Жижиленко, специалиста по уголовному праву, преподававшего в Петроградском университете и бывшего защитником на процессе 1922 по делу об изъятии церковных ценностей. Оба супруга принимали активное участие в церковной жизни города.

прот. *Заботкин* — с 1919 был священником Троицкой церкви на Стремянной ул. Опубликовал в «Красной газете» в начале августа 1924 свое отречение от сана и критику положения в Православной Церкви, на что Чуков откликнулся заметкой, не увидевшей света.

прот. *Запаладов* Алексей Иосифович (1870-1938) — выходец из семьи крестьянина Тверской губ. Окончив Московскую Духовную академию, пять лет служил в канцелярии обер-прокурора Синода. В 1900 рукоположен в священника, служил в Тосно и Гатчине и много занимался вопросами церковных школ. В 1917-1925 служил в кладбищенской Смоленской церкви в Петрограде, затем, перейдя к иосифлянам, в нижнем храме Воскресенской церкви в Малой Коломне, с 1932 — Сретенской в Полюстрове. 4 окт. 1932 арестован и сослан на 10 лет в Свирьлаг, 10 июля 1938 расстрелян.

Зарин Сергей Михайлович (1875-1936) — в 1899 окончил СПб. Духовную академию и оставлен при кафедре. С 1909 преподавал в Александро-Невском духовном училище и Исидоровском епархиальном женском училище. В 1907 защитил магистерскую диссертацию, в 1909 стал доцентом, а в следующем году — экстраординарным профессором в родной Академии. При ее закрытии в 1918 занимал место ректора. Позднее преподавал в Богословском институте. Уклонился в обновленчество и, переехав в Москву, работал в обновленческом Синоде и преподавал.

о. *Зинкевич* Сергей Иоаннович (1885-1937) — родился в Сестрорецке в семье священника. Окончил исторический факультет СПб. университета и работал учителем истории и латыни. В июле 1921 принял сан священника. Служил в Исаакиевском соборе и был арестован в апреле 1922 по делу об изъятии церковных ценностей как секретарь правления Общества православных приходов. 31 октября 1927 хиротонисан во еп. Лодейнопольского с именем Сергия и занимал разные кафедры. Весной 1933 получил 10 лет лагеря «за тайные постриги». Позже расстрелян.

прот. *Ивановский* Константин Васильевич — до 1918 был настоятелем церкви Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы на Московском пр.

прот. *Изборский* Николай Иоаннович (ум. 1924) — в 1887 окончил Духовную академию в Петербурге. Служил сначала в Сестрорецке, а потом долгие годы настоятелем Мало-Коломенского храма Михаила Архангела, одновременно исполняя обязанности священника церкви св.Николая при доме министра путей сообщения в Петербурге.

еп. *Иларион* (Бельский, 1893-1937) — родился в Олонецкой губ. и окончил семинарию в Петрозаводске. 1 октября 1924 хиротонисан в Москве во еп. Каргопольского. В 1926-1927 управлял как еп. Почепский Смоленской епархией. Не принял декларации митр. Сергия и в 1929 был сослан на Соловки.

Иткин Петр Ананьевич (1860 -?) — вытегорский купец, управлявший до революции частным пароходством на Свири. Почетный мировой судья. В 1924 работал в «Госпароходстве» в Ленинграде. Давний знакомый семьи Чуковых.

Казанский Александр Андреевич — до революции служил настоятелем Спасской церкви в Литовском замке, сожженном во время февральского переворота 1917, после чего перешел в Покровский храм в Большой Коломне.

Казанский Павел Иоаннович — окончил Олонецкую семинарию и Духовную академию в Петербурге (1884) и в 1890-1907 работал смотрителем Духовного училища в Петрозаводске.

Карсавин Лев Платонович (1882-1952) — известный философ и историк-медиевист. В 1922 вместе с другими инакомыслящими выслан из страны. Работал в Каунасском университете, сотрудничал в евразийских изданиях. В 1946 арестован, умер в лагере.

прот. **Кедринский Павел Антонович** (1863-?) — родился в семье священника в Ярославской губ. Окончил СПб. Духовную академию. С 1892 служил священником, а затем настоятелем Владимирской церкви в Петербурге. 29 апреля 1922 арестован по делу об изъятии церковных ценностей, получил три года, 14 июля 1923 досрочно освобожден и вернулся в свой храм. С 1932 служил в Симеоновской церкви. В апреле 1935 выслан, вероятно, на Волгу.

Козьмина Татьяна Дмитриевна (1885-1964) — близкая знакомая семьи Чуковых. Работала корректором. Сопровождала автора в саратовскую ссылку. Умерла в Ленинграде.

Котляревский Нестор Александрович (1863-1925) — историк русской литературы, с 1909 — академик.

о.**Красницкий Владимир Дмитриевич** (1881-1936) — один из главных деятелей обновленчества, сотрудничавший с ОГПУ. Сын коллежского советника. После окончания семинарии в Екатеринославе и СПб. Духовной академии (1907) служил священником и законоучителем церкви Елизаветинского института в Петербурге. В 1919 стал лектором политотдела бригады особого назначения, встречался с Лениным «для доклада о положении служителей культа» и был представителем совдепа «при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства». Выступал в 1922 свидетелем обвинения на процессе митр. Вениамина.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951) — ученый-арабист, с 1921 — академик.

Куренков Александр Ильич — близкий знакомый автора, работавший в книжной торговле.

Курский Дмитрий Иванович (1874-1932) — видный советский партийно-государственный деятель. С 1918 был наркомом юстиции РСФСР, в 1928 попал в опалу и назначен послом в Италию.

Лазарев Иван Петрович — торговец. Председатель приходского совета Христорождественской церкви на Песках.

Лазаревская Елена Михайловна (ум.1924) — жена Николая Ивановича Лазаревского, специалиста по русскому государственному праву. В 1922 была членом Дома литераторов.

прот. *Ласкеев* Федор Михайлович (1861-?) — в 1885 закончил СПб. Духовную академию и работал затем учителем в Торопце. Священник с 1895, после чего служил в военных храмах столицы. В 1914 назначен в Адмиралтейский собор, а через год — редактором журнала «Вестник военного и морского духовенства». После закрытия собора в конце 1919 священствовал в разных храмах, а в 1924 принят сверх штата в клир Никольского собора.

иером. *Лев* (Михайлович Егоров, 1889-1942) — окончил в Петербурге историко-филологический факультет университета и три курса Духовной академии. Вместе со своим братом архим. Гурием возглавлял с 1920 Александро-Невское братство лавры. Арестован в 1922 по делу об изъятии церковных ценностей и три года провел в сибирской ссылке. Вернувшись, был настоятелем Феодоровского собора до своего нового ареста 17 февраля 1932 по делу монашеских общин и осуждения на 10 лет лагерей в Осинниках под Новокузнецком, где и погиб от несчастного случая.

прот. *Левитский* Павел Петрович (1875-?) — родился в духовной семье в Вологодской губ. Окончил Духовную академию и до революции был настоятелем церкви при Мариинском институте в Петрограде. Затем служил настоятелем храма Рождества Христова на Песках. В 1922 перешел в обновленчество. Проходил по делу об изъятии церковных ценностей.

Леонов Александр Григорьевич — партийно-советский аппаратчик, член Петросовета.

о.*Либин* Николай Константинович (1878-1936) — родился в семье чиновника в Калуге. После окончания юридического факультета СПб. университета (1901) работал юристом. Вскоре после революции стал священником в Казанском соборе. В 1924-1926 сидел в Соловках по делу о православных братствах. После развода с женой был 1 июля 1929 хиротонисан во еп. Лужского с именем Амвросия. После убийства Кирова выслан в Саратов на три года, затем в какой-то районный центр, где был якобы отравлен по приказу НКВД.

о.*Лозина-Лозинский* Владимир Константинович (1885-?) — родился в дворянской семье в Петербурге, в семье профессора биологии. Учился на юрфаке СПб. университета и в Богословском институте. В 1920-1922 — священник университетской церкви Всех святых на Васильевском острове. В феврале 1923 арестован, но вскоре отпущен как нервнобольной, после чего нигде не служил. Проходил по делу лицейстов и был отправлен в Соловки. После отбытия срока жил в 1931-1933 в ссылке в Братске, а затем в Новгороде.

о.*Любимов* Димитрий Гаврилович (1857-1935) — родился в семье священника в Ораниенбауме. Окончил СПб. Духовную академию и после ру-

коположения в 1886 назначен в Михайловскую церковь в Ораниенбауме. С 1898 служил в Покровской Коломенской церкви в Петербурге. В 1922-1924 находился в ссылке в Уральской обл. 30 декабря 1925 хиротонисан во еп. Гдовского. Был одним из главных деятелей иосифлянства, за что был в конце 1929 арестован и приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет лагеря. Умер в Ярославской тюрьме.

архим. *Макарий* (Федорович Воскресенский, 1866-?) — родился в семье священника Костромской губ. и окончил в 1888 в Костроме семинарию, после чего два года служил приходским батюшкой. В 1890 стал монахом Александро-Невской лавры, позже — благочинным монастырей и подворий. Участвовал в 1903 в Саровских торжествах. С 1912 — библиотекарь и архивариус лавры. В 1924 получил два года Соловков по делу о православных братствах.

Максимов Иоанн Евдокимович — дьякон в Спасо-Колтовской церкви на Петроградской стороне.

прот. *Малыревский* Александр Иоаннович — до революции служил в Вознесенской церкви на Екатерининском канале и состоял членом Епархиального училищного совета.

Еп. *Мануил* (Виктор Викторович Лемешевский, 1884-1968) — известный историк Церкви и борец с обновленчеством. Учился в Петербурге на юридическом факультете университета и в Духовной академии. В 1912-1916 служил миссионером в Киргизской духовной миссии, в 1921-1923 преподавал на Богословско-пастырских курсах в Петрограде. 23 сентября 1923 хиротонисан во еп. Лужского, но через несколько месяцев арестован по делу о православных братствах и отправлен на Соловки. В 1928-1929 находился на кафедре в Серпухове, затем снова в заключении. С 1945 управлял Чкаловской епархией, но всего три года, после чего до 1956 снова сидел. Выйдя из лагеря, был назначен в Чебоксары, а позднее — в Куйбышев. Неустанно работал в области богословия и церковной истории, создав среди прочего многотомный справочник о русских архиереях, живших с 1892 по 1965 годы.

Март Николай Яковлевич (1864-1934) — лингвист, востоковед и археолог, с 1912 — академик.

прот. *Машезерский* Иоанн Алексеевич — окончил в 1881 в Петербурге Духовную академию. До революции преподавал в семинарии в Петрозаводске греческий язык, был настоятелем кафедрального собора и членом консистории. Противник обновленчества.

о. *Митроцкий* Михаил Владимирович (1883-?) — окончил семинарию в Холме и Духовную академию в Киеве (1908), после чего служил епархиальным миссионером Киевской епархии. В 1912 избран членом Государственной думы и в следующем году получил место священника в Крестовоздвиженской (Никола-Труниловской) церкви в Петербурге, на котором служил и последующие годы до ареста 31 декабря 1929 по «делу Академии наук». Получил 10 лет лагеря.

Молас Борис Николаевич — юрист. До революции служил чиновником особых поручений при Госконтроле в чине действительного статского советника, после — заведовал секретариатом Академии наук. В 1931 получил 10 лет по «делу Академии».

Морозов Николай Александрович (1854-1946)— известный революционер-народник, просидевший 21 год в Шлиссельбургской крепости.

о.*Мошинский* Александр Иоаннович (1885-1955) — священник в Лодейнопольском уезде. За сопротивление обновленцам был весной 1923 арестован и провел в заключении четыре месяца. После войны служил в Спасо-Парголовской церкви Ленинграда.

прот. *Надежин* Николай Степанович — служил в Вытегре. Родственник обновленческого еп. Александра (Надежина), но сам был твердым сторонником Патриарха Тихона.

еп. *Нектарий* (Трезвинский Нестор Константинович) — происходил из семьи священника; в 1917 окончил Духовную академию в Киеве. С 1918 по 1920 был архимандритом Александро-Невской лавры в Петрограде. 3 июня 1924 хиротонисан во еп. Велижского, викария Полоцкой епархии. В 1925 назначен викарием в Вятку, а через два года сослан в Соловецкий лагерь. Резко осуждал обновленцев и митр. Сергия за его политику. Умер в ссылке.

архиеп. *Никандр* (Феноменов Николай Григорьевич, 1872-1934) — во время учения в Киевской Духовной академии был пострижен в монахи и рукоположен во священника. После работы в разных духовных школах был 10 июля 1905 хиротонисан во еп. Кинешемского, а через три года переведен в Петербург викарием еп. Нарвским. Участник Всероссийского Поместного Собора. В 1918 назначен архиепископом Крутицким. С 1925 — на кафедре в Одессе, а два года спустя перемещен в Ташкент.

о.*Никитин* Александр Николаевич — до революции был настоятелем церкви Преображенского синодального подворья на Б.Подъяческой ул. В 1922-1924 находился в ссылке в Архангельском крае.

о.*Никитин* Иоанн Григорьевич (1880-1938) — родился в Новгородской губ. После окончания (1907) СПб. Духовной академии служил в церкви свв. Константина и Елены при гимназии Императорского Человеколюбивого общества до ее закрытия в августе 1918, затем — в Вознесенском храме и Спасе на крови на Екатерининском канале. Примкнул к исофлянам, за что в 1929 арестован и сослан на 10 лет на Соловки.

Никитина Нина Александровна (1903-?) — близкая знакомая семьи Чуковых. Активная участница Вознесенского братства. Окончила Богословский институт и Петроградский университет, поступив затем в аспирантуру Историко-лингвистического института, занимаясь — по данным на 1934 год — славяноведением.

о.*Николаевский* Михаил Васильевич (1880-?) — родился в семье дьякона. После окончания СПб. семинарии (1903) назначен священником церкви

мц. цар. Александры при образцовом детском приюте на Лермонтовском пр., закрытой в 1934.

еп. *Николай* (Клементьев Николай Федорович, 1875-1936?) — родился в семье священника Костромской губ. В 1899 окончил Духовную академию в Петербурге и затем преподавал латынь в Александро-Невском Духовном училище. 30 мая 1904 рукоположен священником Георгиевской церкви на Большеохтинском кладбище. В 1919 назначен настоятелем Свято-Духовской церкви на Охте. 23 июня 1924 как вдовый иерей хиротонисан во еп. Сестрорецкого. В мае 1926 выслан в Нарымский край, с 1929 жил в Твери, в 1933 назначен еп. Велико-Устюжским, год спустя получил сан архиепископа. В начале 1936 репрессирован.

архим. *Николай* (Муравьев-Уральский Владимир Михайлович, 1882-1961) — родился в Екатеринбурге. Закончил (1910) Военно-медицинскую академию и вольнослушателем — СПб. Духовную академию (1912), после чего пострижен в монашество. В годы Первой мировой войны был полковым священником, затем вернулся в Александро-Невскую лавру. Получил в 1924 по делу о православных братствах три года Соловков, потом жил в ссылке в Троицке. 29 марта 1931 хиротонисан во еп. Кимрского, но вскоре был арестован. Недолго побыв на кафедре в Рыбинске, снова попал в 1933 в заключение, выйдя из которого, работал врачом.

о. *Никольский* Александр Петрович (1873-?) — родился в Ярославской губ. Окончил СПб. Духовную академию (1898) и служил в церкви при училищном совете Синода, затем в Воскресенской в Малой Коломне. В 1922-1924 отбывал в Тюменской губ. ссылку по делу о помощи репрессированному духовенству.

Новицкая Пелагея Д. — очевидно, вдова расстрелянного в 1922 по делу митр. Вениамина проф. Юрия Петровича Новицкого, специалиста по уголовному праву, работавшего в Петроградском университете и принимавшего активное участие в церковной жизни. Упомянутая в тексте Оксана Новицкая, скорее всего, ее дочь.

Огнев Дмитрий Флорович — юрист. До революции работал начальником законодательного отдела Государственной думы. В 1922 на процессе об изъятии церковных ценностей приговорен к смертной казни, но затем помилован, и, проведя полтора года в заключении, вышел на свободу.

акад. *Ольденбург* Сергей Федорович (1863-1934) — индолог, с 1900 — академик, в 1904-1929 — непреременный секретарь Академии наук.

Пакляр Александр Викентьевич — с 1918 служил священником, а после революции настоятелем эстонской православной церкви свмч. Исидора Юрьевского в Петербурге. В 1926 арестован и получил год условно. После закрытия (1935) эстонской церкви был два года настоятелем Никольского собора, а затем переведен в эстонскую церковь в Гатчине. Расстрелян в 1937.

митр. *Петр* (Полянский Петр Федорович, 1863-1936) — известный архиерей-новомученик, бывший с 1925 Патриаршим Местоблюстителем.

Родился в Воронежской губ. и окончил в Воронеже семинарию. Много лет занимал разные посты в Учебном комитете и Училищном совете при Священном Синоде. 25 сентября 1920 состоялась его хиротония во еп. Подольского. Вскоре последовала трехлетняя ссылка. В 1924 Владыка Петр стал митрополитом Крутицким. 12 декабря 1925 Местоблюститель Петр был арестован и уже не вышел из заключения, ибо упорно отвергал любые компромиссы с властью.

прот. *Петровский* Александр Васильевич (1869-1929) — родился в Ярославской губ. Учился в семинарии в Ярославле. Окончил (1892) СПб. Духовную академию, где с 1911 служил экстраординарным профессором на кафедре Ветхого Завета, будучи с 1905 священником в Успенской церкви на Сенной пл. Арестован по делу об изъятии церковных ценностей и приговорен к 3 годам, однако уже 23 июля 1923 освобожден из заключения и продолжал служить в ленинградских храмах.

прот. *Платонов* Николай Федорович — крупный деятель обновленчества. Родился в дворянской семье. Окончил СПб. Духовную академию и служил затем в Андреевском соборе, где возглавлял также братство. С 1922 — настоятель этого собора. После недолгого заключения в 1923 присоединился к обновленцам. В 1927 был ими хиротонисан во епископа, затем стал митрополитом. В 1938 отрекся от сана и работал научным сотрудником Музея истории религии и атеизма. Скончался в блокаду, раскаявшись, по некоторым сведениям, в своем отступничестве.

диакон *Платонов* Семен Федорович (р. 1900) — успел окончить СПб. гимназию и с 1920 служил в Андреевском соборе, руководя в нем также братством.

прот. *Покровский* Владимир Алексеевич — служил в Скорбященской церкви на Шлиссельбургском пр. В 1922-1924 был в ссылке в Тюменской губ. по делу о помощи репрессированному духовенству.

Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) — историк-марксист, с 1918 — замнаркома просвещения.

прот. *Прозоров* Василий Аникитич (1856-?) — служил в Казанском соборе. Был членом консистории и Епархиального училищного совета. Получил в 1924 по делу о православных братствах два года Соловков.

о. *Прудников* Михаил Кириллович (1850-1929) — известный пастырь и духовник. Родился в Петербурге в офицерской семье и, окончив Морской корпус, служил во флоте, участвовал в Русско-турецкой войне, в 1902 окончательно подал в отставку. 2 сентября 1907 рукоположен в священники и определен к приютской церкви в Райволе (Рошино). После постройки в Петербурге храма-памятника Спас-на-водах стал в 1911 его настоятелем.

прот. *Раевский* Павел Васильевич (1878-?) — родился в семье учителя Новгородской семинарии. Окончил в Петербурге Духовную академию (1903) и Археологический институт. Служил священником, а с 1915 — настоятелем Спасо-Бочаринской церкви на Выборгской стороне. В 1922

перешел к обновленцам и через два года был ими назначен ректором Богословского института.

прот. *Рудинский* Николай Симеонович (1871-?) — до революции служил настоятелем Борисоглебской церкви на Калашниковской набережной и председателем братства «Борисоглебская лепта милосердия». Преподавал с 1920 литургику в Богословском институте и на пастырских курсах. В 1921-1924 находился в ссылке.

Руднев Дмитрий Дмитриевич — ученый секретарь Академии наук в Петрограде и заведующий канцелярией Комиссии по исследованию естественных производительных сил России (КЕПС).

прот. *Сахаров* Александр Николаевич (1872-1927) — родился в семье военного. Окончил СПб. Духовную академию и служил в храме Михаила Архангела в Малой Коломне, в Петербурге. Арестован 2 февраля 1924 по доносу за слова: «одного антихриста [Ленина] убили, а второй [Троцкий] болен». Получил три года Соловков, где и умер 8 сентября 1927.

митр. *Серафим* (Александров Дмитрий Александрович, 1867-1938) — родился в Саратовской губ. и окончил в Саратове семинарию. 14 декабря 1914 хиротонисан во еп. Кустанайского, викария Оренбургской епархии. Участвовал во Всероссийском Поместном Соборе 1917-1918. С сентября 1918 управлял Тверской епархией, получив в 1924 сан митрополита. В 1928-1933 занимал кафедру в Саратове, затем в Казани. Репрессирован.

еп. *Серафим* (Протопопов Александр Алексеевич, 1894-1937) — родился в Области Войска Донского в семье врача. Окончил в Новочеркасске гимназию (1913), после чего учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета и одновременно в Духовной академии. 1 декабря 1917 пострижен и вскоре назначен иеромонахом Введенского подворья, откуда перешел в Спасо-Мирожский монастырь в Пскове. 9 января 1924 хиротонисан во епископа Колпинского, но через два месяца был арестован и сослан на Соловки. В конце 1926 вернулся и, поддерживая Местоблюстителя митр. Сергия, занимал разные кафедры. В 1935 возведен в сан архиепископа и назначен в Елец. Через два года арестован и погиб в заключении.

о. *Сербаринов* Григорий Александрович (1880-1938) — родился в семье личного почетного гражданина в Рязанской губ. Окончил в Рязани семинарию и в Петербурге Духовную академию (1905), после чего служил священником в Скорбященской церкви на Шпалерной. В 1922-1924 по делу о помощи репрессированному духовенству отбывал ссылку в Оренбургском крае. Вернувшись, служил в Сергиевском соборе, затем в 1928-1930 в соборе Сестрорецка, с 1930 до ареста (осенью 1933) — в Рождественской церкви на Песках. В 1934-1937 был на Колыме, а после освобождения жил в Казани, где снова арестован и 8 января 1938 расстрелян.

Сергеев Василий Петрович — известный в Петрограде профессор-окулист.

еп. *Сергий* (Дружинин Иоанн Прохорович, 1863-1936) — из крестьян Тверской губ. Получил домашнее образование. С 1887 — в Троице-Сергиевой

пустыни в Стрельне под Петербургом (с 1898 — иеромонах), где с 1915 стал настоятелем. В 1924 хиротонисан во еп. Нарвского. Поддержал иосифлянское движение. В 1930 арестован, позднее, очевидно, расстрелян.

Серебряков Михаил Васильевич — философ и социолог. В описываемое время — проректор Ленинградского ун-та, позже преподавал в Ин-те советского строительства им. Калинина и был председателем секции в Ленинградском отделении Государственной академии искусствознания.

Соколов Иван Иванович (1865-?) — окончил (1890) Духовную академию в Казани и с 1903 по 1918 занимал в СПб. Духовной академии кафедру истории греко-восточной церкви. Редактировал «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества» и журнал «Церковный вестник». Был крупным византинистом и автором множества книг. В 1920-1924 преподавал в Богословском институте в Петрограде. Затем ему пришлось переключиться на историю новой Греции и преподавать новогреческий в Историко-лингвистическом институте.

прот. *Стефанович* Димитрий Феофанович (1876-?) — активный церковный деятель. Сын священника Полтавской губ. Окончил семинарию в Полтаве и Духовную академию (1900) в Петербурге. С 1901 служил в Мало-Коломенском храме, откуда перешел в Исаакиевский собор. Преподавал Закон Божий в Психо-неврологическом институте. В 1922 примкнул к обновленцам и был профессором в их Богословском институте.

прот. *Теодорович* Терентий Павлович (1867-?) — родился в семье священника Волынской губ. Окончил в Житомире семинарию (1887) и в Москве Духовную академию (1891). Рукоположен в священники 17 сентября 1895 и служил в 1902-1915 в Варшаве. Эвакуировавшись в Петербург, получил место настоятеля Преображенской церкви л.-гв. Гренадерского полка, закрытой весной 1930.

проф. *Титлинов* Борис Васильевич — историк Русской Церкви. Родился в семье топографа в Вятской губ. В Вятке окончил семинарию, а в Петербурге Духовную академию (1903), где после защиты магистерской диссертации преподавал историю Русской Церкви и одновременно редактировал журнал «Церковный вестник». Участвовал в Поместном Соборе 1917-1918. В 1922 стал обновленцем и работал профессором в обновленческом Богословском институте в Петрограде.

Тихомиров Александр Николаевич (1882-?) — сын псаломщика Новгородской губ. Окончил семинарию в Петербурге и служил сперва псаломщиком, а затем дьяконом в Воскресенском храме в Малой Коломне. В 1922-1924 находился в ссылке в Уральской губ.

прот. *Тихомиров* Михаил Владимирович (1869-?) — родился в семье священника. После окончания в Риге Духовной семинарии (1890) слушал лекции на юридическом факультете Юрьевского университета, в 1893-1897 учился в Духовной академии в Петербурге. 1 августа 1902 рукоположен во иерея и через два года начал служить в Преображенском соборе, став в 1916 его настоятелем. Привлекался в 1924 по делу о православных братствах, но был из-за возраста освобожден.

Патр. *Тихон* (Василий Иоаннович Белагин, 1865-1925) — святейший Патриарх Московский и всея Руси, избран на Всероссийском Поместном Собрании 21 ноября / 3 декабря 1917. До этого был всего несколько месяцев митрополитом Московским и Коломенским. 9 мая 1922 арестован и содержался в заключении до июня следующего года. После освобождения 15 июня наложил запрет на обновленцев. Скончался при не полностью выясненных обстоятельствах.

архим. *Трифиллий* (Арсеньевич Смага, 1867-?) — родился в семье казака Черниговской губ. До лета 1922 подвизался в Киево-Печерской лавре, а затем в ее подворье в Петербурге. Арестован в феврале 1924 по делу о православных братствах и получил два года Соловков.

иг. *Трифон* — настоятель северного Кирилло-Челмогорского монастыря, имевшего после революции подворье в Петрограде. Был в 1923 послан правящим еп. Венедиктом (Плотниковым) в Олонецкую епархию для борьбы с обновленцами.

Тураева Елена Филимоновна (урожд. Церетели, мон. Иулиания, 1867-1948) — жена известного египтолога акад. Б.А. Тураева (1868-1920), бывшего также старостой церкви Петроградского университета. Изучала русскую литературу, защитила магистерскую диссертацию. После смерти мужа постриглась в монахини, но жила в миру, имея большой авторитет в кругах церковной интеллигенции.

Тучков Евгений Александрович — работник управления ГПУ-НКВД, ведавший «церковными» делами.

прот. *Удальцов* Николай Дмитриевич — до революции был настоятелем Введенской церкви на Петроградской стороне, после — вторым священником в церкви Рождества Христова на Песках, исполняя в конце 1923 обязанности ее настоятеля. Выслан в марте 1935 из Ленинграда, когда служил в Знаменской церкви.

о. *Ушаков* Наркис Владимирович (1881-?) — с конца 1918 был настоятелем Спасо-Колтовской церкви на Петроградской стороне, после 1922 — церкви св. Андрея Критского при Экспедиции заготовления государственных бумаг.

еп. *Феодор* (Поздеевский Александр, 1876-194?) — родился в Костромской губ., окончил в Костроме семинарию (1896) и в Казани Духовную академию (1900), после чего пострижен и рукоположен во иеромонаха. В 1903 получил звание магистра богословия. С 1906 — ректор в Москве семинарии, а с 1909 — Духовной академии. 14 сентября 1909 хиротонисан в Храме Христа Спасителя во еп. Волоколамского, в 1917 назначен настоятелем московского Данилова монастыря. Твердо противостоял обновленцам и митр. Сергию, возглавляя «даниловскую» группу. В 1924-1927 находился в заключении. Умер после войны, приняв схиму с именем Даниила.

Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945) — минералог и геохимик. С 1919 — академик и секретарь КЕПС.

прот. *Филоненко* Федор Дмитриевич (1869-?) — родился в Воронежской губ. Окончил семинарию и служил священником в провинции. В 1919 стал настоятелем церкви Милующей Божией Матери в Гавани (Петроград). В 1924 арестован по делу православных братств и получил три года Соловков.

о. *Флеров* Константин Николаевич (1889-?) — сын дьякона. Окончил в 1904 два класса СПб. семинарии и был назначен дьяконом к церкви Убежища артистов. Через два года переведен в Спасо-Колтовский храм на Петроградской стороне. В начале 1920-х рукоположен в священники.

прот. *Холопов* Иродион Дометрианович — окончил в Петербурге Духовную академию, служил настоятелем закрытой в 1918 церкви при 2-й мужской гимназии, где был одновременно законоучителем.

Циперович Г.В. — член президиума Петрогубисполкома и уполномоченный Наркомпроса при ГубОНО.

прот. *Чельцов* Михаил Павлович (1870-1931) — известный пастырь, духовный писатель и историк Церкви. Родился в семье сельского батюшки, окончил Духовную семинарию в Рязани и Академию в Казани (1894), после чего преподавал в Калуге. В 1898 переехал в Петербург, защитил магистерскую диссертацию «Церковь Королевства Сербского», работал епархиальным миссионером и в канцелярии обер-прокурора Синода. С 1903 служил в церкви Института гражданских инженеров и читал в нем курс богословия, активно участвуя в церковно-общественной жизни и часто выступая на разного рода собраниях и диспутах. В 1920 перешел из закрытой институтской церкви в Измайловский собор, где прослужил настоятелем пять лет, после чего столько же занимал это место в Мало-Коломенской церкви. Читал лекции на Высших Богословских курсах и был председателем Епархиального совета. Арестован в 1922 по делу об изъятии церковных ценностей, приговорен к смертной казни, но помилован и освобожден через полтора года. О своем заключении оставил «Записки смертника» (Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1993. Вып.11). В последний раз арестован по «делу Преображенского собора» и расстрелян в ночь на Рождество 1931.

Чепурин Николай Викторович (1881-1947) — родился в крестьянской семье в Харьковской губ. Окончил в Петербурге Духовную академию и юридический факультет университета. До 1914 служил священником в Харьковской епархии, затем в Петрограде, с 1918 — в Покровской церкви в Коломне. Арестован в 1922 по делу об изъятии церковных ценностей. После освобождения вернулся на прежнее место и руководил богословскими курсами. Закончил жизнь ректором восстановленных Московской Духовной академии и семинарии.

о. *Чокот* Иоанн Иоаннович (1875-1962) — родился в семье дьячка Бессарабской губ. Окончил три курса университета, рукоположен в 1909 и служил до 1920 в церкви Петропавловской больницы Петрограда, а затем в Вознесенском соборе. В 1924 арестован по делу о православных братствах и получил два года Соловков. Вернувшись, работал в храмах регентом

до высылки из Ленинграда в 1933. После войны служил в ленинградских храмах.

о. *Чуев Павел Порфирьевич* (1889-?) — видный обновленец. Родился в семье псаломщика Воронежской губ. Окончил в Воронеже Духовную семинарию. До 1914 служил священником в Ташкенте; с 1920 — в Петрограде. Перешел через два года к обновленцам и назначен ими настоятелем Исаакиевского собора. Был осведомителем ГПУ. 5 апреля 1924 арестован, но тут же освобожден.

Шибов — следователь ГПУ-НКВД в Петрограде-Ленинграде в 1920-1930-х по делам «церковников».

Шидловский Александр Федорович (1863-после 1934) — вице-губернатор Олонецкой губ. и член Русского Географического общества, с которым Чуков был знаком по Петрозаводску, по совместной работе в «Обществе изучения Олонецкой губернии». После революции был председателем Северного отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Академии наук, куда в 1918 пригласил Чукова сотрудником в библиографический отдел. Чуков проработал в отделе полтора года.

Щербов Иван Павлович (1875-?) — сын сельского священника. Окончил Духовную академию в Петербурге и до революции преподавал в ней. С 1919 заведовал в лавре Богословско-пастырским училищем, заменившим семинарию, и был проректором Богословского института.

прот. *Эльб Карп Карпович* (1869-1937) — родился в семье крестьянина-эстонца Лифляндской губ. Окончил Учительскую семинарию в Гольдингене, работал учителем в Куремье (Эстония). В 1899 рукоположен в дьяконы, в 1918 — в священники. С освящения (1907) эстонской православной церкви свмч. Исидора Юрьевского в столице служил в ней, с 1924 в сане протоиерея. После закрытия (1935) церкви перешел в храм на Красеньком кладбище. В 1937 по доносу арестован и 24 сентября того же года расстрелян.

о. *Яблонский Александр Михайлович* — до революции служил в Исаакиевском соборе, позже перешел в Никольский, где был ризничим.

о. *Яворский Михаил Семенович* (1888-?) — родился в Нижегородской губ., окончил в Петербурге Духовную академию (1917) и Археологический институт. В 1916-1923 служил священником в Екатерининской церкви на Васильевском острове. Арестовывался по делу об изъятии церковных ценностей, но был оправдан. 4 февраля 1924 снова подвергся аресту по делу о православных братствах и получил три года Соловков, после чего жил в Любани. В конце 1920-х снова взят, получил 10 лет и погиб в заключении.

Ядрышев Николай Константинович (1869-1928) — учитель русского языка. Окончил гимназию в Олонце (1881) и Историко-филологический институт (1891) в СПб. С 1898 работал в известной гимназии Мая в Петербурге; участвовал в подготовке академического «Словаря русского языка».

Якушев Гавриил Алексеевич — до революции служил в Управлении казенных железных дорог, а после работал бухгалтером. Дружил семьями с Чуковыми.

прот. *Якшич* Димитрий Николаевич — бывший настоятель русской церкви в Дрездене. В 1924 работал в Публичной библиотеке в Петрограде. На его дочери Вере был женат сын Чукова Николай.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Авзоний Д.М. 271
Агафангел, митр. (Преображенский А.Л.) 448, 449
Агранов Я.С. 299, 300, 306, 307
Агрелл С. 182, 183
*Адалис А.Е. 264-266, 268, 269, 275, 277
Азадовский К.М. 202
Айвазов И.Г. 432
Айвазовский И.К. 336-338, 345, 346
Акимов В.А. 449, 548, 559, 567, 597, 599
Акимов И.П. 532, 548
Аксаков И.С. 224
Аксаков К.С. 224
Аксаков С.Т. 224
Аксаковы, семья 221
Аксенов Л.Д. 435, 440, 487, 498-502, 507, 508, 510, 513, 514, 532-535, 539, 541, 543, 549, 550, 562, 563, 584, 586, 587, 599
*Алданов М.А. 169
Александр, еп. (Надежин А.П.) 530, 532, 538, 562, 599, 605, 610
Александр III, имп. 92, 379
Александра Македонский 81
Александра Федоровна, имп. 122, 194
Алексеев В.Н. 288, 294, 310
Алексеев Н. 313
Алексеева А.А. 288, 290, 292-294, 297, 299, 301, 302, 304, 310, 313, 326, 328, 329
Алексей Михайлович, царь 22, 151
Алексий, еп. (Буй) 451
Алексий, еп. (Симанский С.В.) 440, 454, 455, 461, 463, 522, 526
Алексинский И.П. 191, 192
Алехин Ал.В. 390
Алехин Арк.В. 380, 390, 396, 397, 403, 406-409, 411, 413, 415, 420
Алехин М.В. 380, 390
Альбов И.Ф. 559
*Альвинг А. 345, 346
Алянский С.М. 317, 319
Амвросий, еп. см. Либин Н.К.
Амелино, историк 65
Аменхотеп IV, фараон 33
Амфитеатров А.В. 167
Амфитеатрова И.В. 167
Анаксимандр 83
Анастасия, мон. см. Платонова А.Ф.
Анатолий, иеромон. (Согласнов) 458
Анатолий, иеромон. (Толстопятов А.М.) 548, 600
*Ангарский Н.С. 345, 347
Ангертд, сотр. изд-ва 344

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Андреев А. 594
 Андреев Л.Н. 70, 76, 187
 Андреев Ф.К. 535, 600
 Андреева Е.А. 204
 Андреева М.Ф. 173, 174
 Андрей Критский 592
 Андроник (Трубачев), игум. 373, 374
 Аникиев П.П. 531, 532, 543, 564, 587, 597, 600
 Аникиевы, семья 532, 541, 548
 Анисимов Ю.П. 8, 52-54, 56-58, 63, 72-74, 76, 77, 98, 104, 107, 121, 143, 154, 159
 Анисимовы, семья 116, 124, 133, 135, 136, 143
 Анищенко К.Р. 342
 Анненский И.Ф. 346
 Антоний, митр. (Блум А.Б.) 373
 Антоний, митр. (Вадковский А.В.) 589
 Антоний митр. (Храповицкий А.П.) 546, 600, 601
 Антоний Марк 40
 Антонин, еп. (Грановский А.А.) 181, 555, 601
 Антонов В.В. 424-445, 521-618, 464-517
 Антоновская А.А. 346
 Анчугова Т.В. 319
 Апулей 10, 14, 106, 110
 Аргутинский-Долгоруков В.Н. 169, 191, 192
 Ардентов В.А. 541, 601
 Аристотель 59-61, 155
 Аркадий, иеромон. 458, 460
 Арсений, митр. (Стадницкий А.Г.) 550, 601
 Артемий, еп. (Ильинский А.М.) 432, 531, 601
 Архипов Н.Г. 541
 Асеев Н.Н. 74, 76, 77, 98, 106-108, 110, 111, 117, 157-159, 197, 220, 221, 250, 316-318
 Асеева К.М. см. Синякова
 Афанасия, иг. 550, 566
 Афанасьев В.П. 594, 601
 Афиногенов А.Н. 285
 Афиногенов Н.А. см. *Степной Н.
 *Ахматова А.А. 8, 97, 98, 158, 193, 197, 200, 250, 253, 259, 273, 276
 Бабенышева И.П. 150
 *Багрицкий Э.Г. 250, 272, 279
 Базилевский, сотр. изд-ва 344
 Байрон Дж.Н.Г. 248, 280
 Бакаев И.П. 549, 601
 Балабуха К.С. 532, 541, 580, 582
 Балтрушайтис Ю.К. 119, 158
 Бальзак О. де 14, 16
 Бальмонт К.Д. 150, 157, 250, 253, 296
 Барабанов Е.В. 296
 Баранов, чл. прих. совета 536
 Баратынский Е.А. 48, 145, 153
 Барбарус И. 280
 Барбе д'Оревильи Ж.А. 103
 Барбюс А. 528
 Барнз К. 193-247
 Бартнев П.И. 92
 Бахметьев Б.А. 167
 Бахрах А.В. 184, 186
 Безбородов, студент 434
 Бекетова М.А. 157
 *Белый А. 8, 11, 16, 24, 25, 42, 45-47, 49-57, 72, 75, 102-104, 106, 128, 136-139, 144, 145, 150-154, 156, 158, 160-162, 167, 250, 263, 276, 277, 283-285, 285-344, 345-347, 348-367, 368
 Беляев А.И. 540, 541
 Беляев А.Н. 557, 598, 599, 601
 Бем И. 143
 Бергсон А. 9, 69, 80, 100
 Бердяев Н.А. 102, 103, 151, 158, 167, 375, 381
 Берия Л.П. 250, 280
 Берлиоз Г. 583
 Бернацкий М.В. 191, 192
 Бертен Э. 93
 Бетховен Л. ван 119
 Благодатов И.Г. 558, 559, 601, 602
 *Блистаев-Сияльский, артист 31, 32, 35, 43

- Блок А.А. 8, 23, 25, 32, 46, 49, 53-55, 63, 108, 139, 152, 154, 159, 161, 295, 367
- Блуа Л. 103, 158
- Бобовский Е.А. 552-554, 557-559, 562, 584, 594, 597, 598, 602
- Боборыкин П.Д. 359
- Бобров С.П. 10, 73, 74, 76, 77, 98, 106-109, 136, 139, 156, 159
- Богданов Д.С. 554
- Богданович А.В. 563
- Богданович Е.В. 563
- Богданович П.А. 592
- Боголюбов Д.И. 571
- Богомилский Д.К. 335-342, 344
- Богославская Н.М. 201
- Богоявленский Л.К. 525, 533, 535, 536, 539, 542, 543, 554, 559, 567, 571, 573, 577, 602
- Бодлер Ш. 38, 39, 258
- *Божидар 260
- Боков, критик 18
- Болотов В.В. 549
- Большаков К.А. 160
- Бондарев Т.М. 384, 388, 390
- Бонч-Бруевич В.Д. 311-313
- Борис Годунов 83
- Борисова А.С. 466
- Боричевский Е.И. 27, 28, 35-38, 40, 45-49, 64-67, 73, 74, 84, 97-101, 104, 125, 126, 144, 146, 150
- Боричевский И.К. 27
- Борман А.А. 165-168, 171, 176, 189
- Боротинский Л.А. 557, 559, 602
- Бортневский В.Г. 165
- Боткин С.Д. 563
- Боярский А.И. 432, 523, 524, 531-533, 535, 549, 560, 561, 567, 580, 583, 602
- Браун Е.Г. 59, 154
- Брюсов А.Я. 51, 144, 153
- Брюсов В.Я. 7, 8, 11, 14, 15, 17, 23, 26, 33, 40, 41, 44, 48-51, 55, 56, 63, 66, 67, 72, 126, 127, 144, 145, 149-153, 155, 156, 160, 162, 250, 252, 256, 258, 263-265, 268, 269, 273-275, 277, 296, 339
- Брюсова Е.Я. см. Калужная
- Брюсова И.М. 40, 41, 144, 264, 273
- Брюсова Л.Я. 144, 145
- Брюсова Н.Я. 144, 145, 162
- Брянчанинова К.Л. 542, 602
- Бубликов А.А. 194
- Бугаев Н.В. 128, 328, 365
- Бугаева А.Д. 295, 320
- Бугаева К.Н. см. Васильева
- Булгаков М.А. 199, 250
- Булгаков Н.А. 543, 602
- Булгаков С.Н. 42, 102-104, 151, 158, 167, 176, 374, 600
- Бунин И.А. 16, 165, 168-172, 172-190, 191, 192, 250
- Бунин Ю.А. 175, 176
- Бунины, род 186
- Бурихин И.Н. 249
- Бурлюк Д.Д. 76, 250
- Бурнакин А.А. 24, 25, 150
- Бурцев А.К. 530, 531, 574, 602
- Бурцев В.Л. 167
- Буткевич А.С. 387, 407, 408
- Бутурлин А.С. 33, 34, 43, 44, 151
- Бутурлин С.А. 151
- Бутурлины 151
- Бутчер П. 193-247
- Быстревский, клирик 559
- Быков, сотр. изд-ва 344
- Бычков С.И. 431, 432, 533, 602
- Бычковский, знакомый Н.К. Чукова 596-598
- *Вагинов К.К. 273, 279
- Валецкий Б.А. 321
- Валентин, философ 65-67, 155
- Варгафтик Е. 249
- Варлаам, архим. (Сацердотский В.М.) 464-466, 467-517, 539, 602, 603
- о.Варнава 479
- Варсонофий, архим. (Веревкин) 466, 504, 517
- Варустина Е.Л. 165
- Василий, еп. (Дохторов) 458, 460
- Васильев В. 406

- Васильев П.Н. 288, 292, 294, 300, 301, 303-306, 308, 310
Васильева А.В. 440
Васильева Д.Н. 311
Васильева К.Н. (урожд. Алексеева) 284, 286, 288-295, 297-304, 306-312, 315, 317, 320-324, 326-334, 361, 364
Васильева М.В. 538, 541, 542, 572
Васильева Ю.В. см. Косова
Васильевы, семья 298
Ватто А. 45, 93
Вахтина А.О. 549
Введенский А.И. 425, 427, 432, 439, 440, 523, 533, 561, 563, 586, 603
Веденеев, крестьянин 222
Вейдле В.В. 348
Векшинский С.А. 269, 278
Венгеров С.А. 258, 276
Веневитинов Д.В. 260
Венедикт, еп. (Плотников) 465, 524, 525, 527, 528, 530-533, 536-538, 541-545, 548-557, 559-562, 564, 568-575, 577, 578, 582, 583, 586, 588, 589, 591-593, 598, 599, 603, 615
Вениамин, митр. (Казанский В.П.) 426, 427, 430, 434, 438-441, 465, 522, 524, 526, 607, 611
Вениамин, митр. (Муратовский В.А.) 537, 538, 544, 545, 549
*Венский Е. 262, 277
Венустов В.А. 589, 603
*Вергезский А. см. Тыркова-Вильямс А.В.
*Вересаев В.В. 346
Верзин К. 432
Верлен П. 23, 26, 150, 157
Вермель С.М. 347, 348
Вермель Ф.М. 347, 348
Вернадский Г.В. 167
Вертоградский Н.Н. 432, 533, 539, 541, 603
Верхарн Э. 33, 248, 251, 258, 265, 271, 274, 275, 280
Верюжский В.М. 448, 453, 455, 457, 525, 528, 536, 538, 540, 570, 571, 603
Веселовский С.Н. 559, 570, 577
Вешкельский Н.А. 537, 540, 574
Виллард О.Г. 203
Вильгельм II, кайзер 119, 144
Вильям И.Н. 232
Вильям-Вильмонт Н.Н. 13, 154-158
Вильямс Г.В. 165-168, 171, 173-176, 179, 180, 183-185, 187-190, 192
Винавер М.Л. 269, 278
Виноградов А.П. 437
Виноградов П.П. 533, 539, 584, 604
Виппер Р.Ю. 59, 81, 82, 154
Вишневский В.В. 360
Власов М. 460
Вознесенский Б.И. 566
Вознесенский С.А. 594, 604
Волгин В.П. 302, 309, 310
Волин Б.М. 296
Волков, следователь 466
Волкова О.П. 440
Волконская З.А. 134
Волошин М.А. 250, 251, 253, 257-259, 275, 276, 324, 327, 333, 336-338, 342, 345-347, 348
Волошина М.С. см. Заболоцкая
*Вольтер 71
Воробьев, сосед Н.К. Чукова 593
Воронин С.Д. 312
Воронский А.К. 255, 275, 301, 341, 362
*Воронцов А. см. Антонов В.В.
Врангель П.Н. 167
Врубель М.А. 101
Вулф В. 177, 179, 180, 183, 184
Вулф Л.С. 177-179, 181-185
Вундт В. 68, 69
Вырубова А.А. 263
Высоцкая И. 109, 110, 159
Высоцкий В.А. 144, 162
Высоцкие, семья 109, 110, 159
Гавриил, еп. (Абалынов) 477
Гавриил, архиеп. (Воеводин) 448

- Гаген-Торн Н.И. 295, 319, 321, 330
 Гапкина, дочь В.К. Кюхельбекера (?) 30, 33, 151
 Гарвей Н.И. 329-331
 Гарнец, нач. отд. милиции 459
 Гарэтто Э. 151
 Гартман Э. 36, 64, 151
 Гастев П.Н. 380, 407, 408, 416, 418-420
 Гейне, влад-ца гимн. 135
 Гейнсборо Т. 32
 Гендель Г.Ф. 542
 Георгиевский П. 593
 Герасимов О.П. 405, 406
 Герасимов П.М. 530, 604
 Герман Васильевич, дядя Локса К.Г. 89-91, 93
 Гермоген, еп. (Долганов Г.Е.) 375
 Геродот 81
 Герцен А.И. 21, 22, 150
 Герье В.И. 331, 408
 Гессен И.В. 167
 Гессен С.И. 158
 Гете И.В. 136, 151, 160, 366
 Гехт В.М. см. Синякова
 Гидаспов Д.Ф. 589, 604
 Гиппиус З.Н. 150, 167, 170, 171, 179, 190, 192, 270, 278, 359, 380
 Гладков Ф.В. 326-330
 Гладкова С.В. 327
 Глазунов А.К. 548, 566
 Глинка Ю.К. 151
 Глубоковский Н.Н. 581, 604
 Гоголь Н.В. 14, 15, 25, 44, 64, 65, 85, 112, 114, 115, 150, 155, 255, 258, 276, 309, 314, 315, 327, 330, 357, 359, 360, 363, 364, 367
 Головенченко Ф.М. 281
 Голощанов С. 456
 Голсуорси Дж. 183, 184
 Гольцев В.А. 420
 Гонта И. 112, 159
 Гораций 94, 271
 Гордеев Б.П. см. *Божидар
 Горкунов, сотр. изд-ва 313
 Горнунг Л.В. 339, 346, 348
 Городецкий С.М. 108, 159
 *Горький А.М. 16, 169, 170, 173, 180, 181, 185, 187, 192, 193, 197, 198, 202, 217, 218, 242, 243, 245, 275, 279, 297, 298, 348
 Готье Т. 98
 Готье Ю.В. 83, 157
 Гофман Э.Т.А. 89, 157
 Грабовская В.В. 541, 604
 Грановский А.А. см. Антонин, митр.
 Грацианская Н.П. 255
 Грацианский Н.П. 255
 Грегор В. 183, 184
 Гржебин З.И. 158, 161, 367
 Григорий, еп. (Лебедев А.А.) 448, 449, 525, 531, 543-545, 550, 551, 559, 560, 563, 578, 582, 586, 591, 593, 595, 596, 604
 Григорий, еп. см. Чуков Н.К.
 Григорий VII Гильдебранд, папа 383, 387
 Григорий VII, патр. 578, 604
 Григорьев Ап.А. 20, 27
 Григорьев Б.Д. 167
 *Грин А.С. 250
 Грин М.Э. 169, 173, 181
 Громов Г., свящ. 548
 Громов Н.П. 532, 574, 604
 Гронский И.М. 316, 318, 327, 360, 361
 Гроссман Л.П. 277
 Грушка А.А. 61, 62, 155
 Грэм С. 190, 191
 Губарев, сотр. Г.И.Челпанова 68
 Губарев Г.П. 542, 605
 Губарев П.Г. 542
 Гукасов А.О. 192
 Гукасов П.А. 191, 192
 Гуль Р.Б. 189, 191
 Гумилев Н.С. 8, 97, 98, 158
 Гурий, архим. (Егоров В.М.) 425-427, 434, 439-441, 465, 473, 475, 498, 502, 503, 513, 516, 608
 Гурьев П.В. 550
 Гусев, коммунист 591

- Гюго В. 248, 280, 398
 Гюйсманс Ж.Ш. 110, 159
- Давыдов А.А. 123, 129, 132
 Давыдов А.И. 121-125, 127-129, 132, 135, 139, 146, 149, 160
 Давыдов И. 123
 Давыдова С.В. 123, 128, 160
 Даль, гипнотизер 99
 Даль В.И. 86, 352
 Даль С.П. 99
 Даманский В.И. 540, 566, 605
 Дамиана, мон. (Соболева В.В.) 531, 541, 542, 605
 Даниил, сх. см. Феодор, еп.
 Данилова В.А. 420, 421
 Данте А. 73, 83, 327
 Дашкова Е.Р. 21, 150
 Делавинь, историк 61
 Дельвиг А.А. 185
 Дельгядо М.М. 201
 Дельгядо Ф.И. 201
 Демель Р. 154
 Демин С. 460
 Деникин А.И. 167, 176, 275
 Деникина К.А. 167
 Денисов Н.Х. 191, 192
 Державин Г.Р. 14, 15, 153
 Державин Н.С. 568
 Джером Д.К. 170, 189
 Джонсон Б. 205, 206
 Диесперов А.Ф. 51, 70-72, 115, 116, 153, 156
 Диккенс Ч. 320
 Дмитрий, еп. (Любимов Д.Г.) 448, 449, 451-453, 456-458, 460, 548, 608, 609
 Диоген 71
 *Дионео см. Шкловский И.В.
 Дмитриев А.В. 530
 Дмитриев Пав.В. 530, 532, 537, 605
 Дмитриев Петр В. 426
 Дмитриевский, свящ. 548, 549, 551-554
 Добролюбов А.М. 66, 145, 155
 Добролюбов Н.А. 403, 406
- Добротворский Б.М. 547
 Доронин, знакомый Чуковых 582
 *Дорош Е.Я. 16
 Дорошевич В.М. 250, 263
 Досифей, архим. (Степанов Д.Г.) 539, 583, 584, 605
 Достоевский Ф.М. 8, 42, 46, 54, 55, 116, 145
 Дроздин И.Н. 532, 538, 544, 605
 Дроздов А.М. 284, 285
 Дубова М.П. 534, 535
 Дурылин С.Н. 43, 76, 102, 104, 152
 Дыбовский В.В. 189
 Дэвис Р. 170, 193-247
 Дюамель Ж. 197, 216, 217, 224
- Евневич А. 20, 21
 Евдоким, митр. (Мещерский В.И.) 538, 555, 578, 605
 Егоров В.М. 570
 Егоров Н.М. 433, 434, 438
 Ежов И.С. 278
 Екатерина II, имп. 93
 Екатерина Алексеевна, тетка Васильевой К.Н. 328, 329
 Елачич Н.А. 532, 605
 Елизавета Петровна, имп. 151
 Ермилов В.В. 249
 Ершова М. 597
 Есенин С.А. 248, 250
- Жалю Э. 169, 184, 185
 Жданов А.А. 200
 Желтов Ф.А. 418, 420
 Жемчужникова М.Н. 161
 Живокини В.И. 34, 151
 Жижиленко А.А. 605
 Жижиленко Л.И. 543, 605
 Жукин, милиционер 590
 Жуковский В.А. 14, 185, 186
 Журавлев Ф.М. 591
 Журавский, обновленец 547
- Заболоцкая М.С. 258, 276, 324, 327, 333, 345, 347, 364

- Заборовский И. 432
 Заботкин, прот. 578, 579, 606
 Завадовская (ур. Апраксина) 94
 Завадовские, род 93
 Завадовский А.П. 94
 Завадовский П.В. 92-95
 Завалишина Н. 295
 Зайцев Б.К. 167, 180, 181, 183, 191
 Зайцев П.Н. 161, 260, 276, 283-344, 345-368
 Зайцева В.А. 191
 Зайцева М.С. 293, 302, 304-307, 322, 329, 332
 Зайцева С.П. 293, 322, 329, 332
 Закржевская Е.А. 569, 572
 *Залка М. 312
 Замятин Е.И. 271, 279, 294, 296, 348
 Западалов А.И. 539, 541, 606
 Заплаткин П.Ф. 532
 Запольский Е. 432
 Зарин С.М. 436, 534, 606
 Зашигранская К.М. см. Новоселова
 Зашигранский М.В. 371, 398, 400, 406, 410, 414, 417, 418
 Збарский Б.И. 125, 160
 Зверс А. 191
 Зверева М.С. 429
 *З-д, сестры 124
 Зельдович М.А. 251, 270, 274
 Зельтцер Т. 183-185
 Зенкевич М.А. 284
 Зиммель Г. 35, 151
 Зинкевич С.И. 541, 542, 559, 582, 583, 587, 598, 606
 Зошенко М.М. 200
 Зубакин Б.М. 250, 251, 267, 270, 275
 Зубатов С.В. 378
 Зудкин Ф. 460

 Иван IV Грозный 57, 154
 Иванов Вс.Вяч. 298, 302, 330
 Иванов Вяч.И. 8, 76, 108, 116, 119, 120, 127, 136, 139, 157, 159, 160, 250, 260, 263
 Иванов Н. 461
 *Иванов-Разумник Р.В. 285-289, 291-295, 297, 298, 303, 304, 307-309, 312, 314, 319, 336, 337
 Иванова В.В. 172
 Иванова (урожд. Оттенберг) В.Н. 288, 293, 294, 295
 Иванова М.Л. 587
 Ивановский К.В. 538, 606
 Ивановский П. 432
 *Игнатъев И. 260
 Изборский Н.И. 557, 606
 *Изгоев А.С. 167
 Илиодор, иеромон. (Труфанов С.М.) 375
 Илларион, еп. (Бельский) 439, 540, 541, 583, 584, 606
 Илларион, еп. (Троицкий В.А.) 475
 Инбер В.М. 255, 275, 282
 Иннокентий, еп. (Тихонов Б.Д.) 425-427, 432, 434, 435, 439-441, 465, 473, 475, 514, 526
 Иннокентий III 383, 388
 И[оанн], иеромон. (Егоров) 539
 Иоанн, митр. (Снычев И.М.) 435, 438, 450, 451, 454, 456
 Иоанн Златоуст 515
 Иоанн Кронштадтский 372, 464
 Иоасаф, игум. 516
 Иосиф, митр. (Петровых И.С.) 446-453, 455, 458-462, 600
 Иосиф Флавий 112
 Иринея, еп. 65, 66, 155
 Истомина Е.И. 37, 94
 Иткин П.А. 541, 543, 606
 Иулиания, мон. см. Тураева Е.Ф.

 Йетс У.Б. 184

 *К.Р. 436
 Каганский З.Л. 338
 Казак В. 249
 Казанская Е.В. 597
 Казанский А.А. 559, 597, 607
 Казанский И.В. см. *Игнатъев И.
 Казанский П.И. 540, 607

- Каликина Л.В. 293, 300
 Калюжная Е.Я. 145
 *Каменев Л.Б. 329, 330, 337
 Каменские, бр., фирма 173
 Каменский В.В. 118, 160
 Каменский В.М. 173-175
 Каминский, архитектор 150
 Каневский А.Н. 380
 Кант И. 45, 52
 Капабланка Х.Р. 251
 Каплун Б.Г. 288, 289, 293, 295
 Каплун (*Сумской) С.Г. 295
 Кардашевский Ф.С. 182
 Карзинкин А.А. 105
 Карпетьян, чиновник 569
 Карпов Л.Я. 158
 Карпов В.Л. 158
 Карсавин Л.П. 581, 607
 Карташев А.В. 167, 176
 Катаев В.П. 250, 329, 330
 Катанян В.А. 198
 Катанян Р.П. 307, 309
 Кателина 139, 161
 Катулл Г.В. 139
 Кедринский П.А. 591, 607
 Кезельман Е.Н. 292, 293, 300,
 303, 308-310, 315, 318-320, 322
 Келлерман Б. 195, 212
 Келлерман М. 195, 212, 215
 Кепинов Л.И. 191, 192
 Керенский А.Ф. 147
 Кваренги Дж. 93, 94
 Кийз Р. 308
 Кирикова А.Д. 542
 Кирилл, митр. (Смирнов К.И.)
 524
 *Киров С.Н. 608
 Кирпотин В.Я. 318
 Киселев В. 460
 Киселева В.Н. 426, 433
 Киссин С.В. 97, 144-146, 158
 Кисина Л.Я. см. Брюсова
 Клеопатра 40
 Климов М.Т. 558
 Клопский (Клобский) И.М. 417,
 419
 *Клычков С.А. 75, 157, 347, 348
 Ключевский В.О. 20-22, 59, 82,
 150
 Кобылинский Л.Л. 55, 72, 156,
 359
 Коваленские, семья 138
 Ковригин В.Д. 542
 Коган Н.Н. 412, 415
 Коган П.С. 263
 Коген Г. 9, 46, 69, 80, 81, 100
 Кожебаткин А.М. 74, 75
 Кожевников В.А. 374
 Козлов Ф.А. 418
 Козьмина Т.Д. 543, 607
 Колесников А.С. 577
 Колесникова Е.В. 354, 359
 *Коневской И.И. 66, 72, 145, 155,
 260
 Константин Константинович,
 вел. кн. см. *К.Р.
 Конт О. 389
 Копылова А. 386
 Копяткевич А.А. 328, 329, 331,
 358, 363
 Корнев М.М. 285
 Коркина Е.Б. 248, 276
 Корнев Н.И. 564, 581
 Королев А.В. 543
 Королев И.И. 563, 583, 587, 591,
 595, 599
 Косова Ю.В. 30, 151
 Костецкая О.О. 433, 439, 440,
 465, 466
 Котелянский С.С. 177, 184, 185
 Котляревский Н.А. 580, 581, 607
 Котов А.К. 281
 Красильников Н.Д. 430, 433, 440,
 441
 Красин Б.Б. 75, 157
 Красницкий В.Д. 523, 524, 526-
 528, 532-534, 537, 538, 555, 556,
 561, 563, 564, 566-569, 571, 573,
 575-578, 593, 606
 Краснов-Левитин А.Э. 453
 Красовская Э.С. 247
 Кратиров Д. 460
 Крахт К.Ф. 69
 Крачковский И.Ю. 540, 607

- Кремлевский П.М. 425, 432, 436
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кристи Й. 172
 Крылов П.П. 180, 181
 Крючков А., свящ. 530
 Крючков П.П. 298
 Кубицкий А.В. 59, 154
 Кузмин М.А. 45, 152, 250
 Кузминский А.М. 420, 422
 Кузминская (урожд. Берс) Т.А. 422
 Кузьмина-Караваева А.Д. 542
 Кук, соседка К.Г. Локса 30, 33, 34, 43
 Кук Дж. 30
 Кукунин М.Н. 581, 596
 Кукушкин, чиновник 567
 Кульман Н.К. 169, 191, 192
 Кунин И.Ф. 14-16
 Кунина Е.Ф. 7, 14-16
 Куприн А.И. 167, 169, 176-178, 185, 187
 Купченко В.П. 326
 Куренков А.И. 532, 541, 542, 549, 607
 Куренкова Б.В. 597
 Куренковы, семья 532, 541, 597
 Курский Д.И. 532, 556, 607
 Кусиков А.Б. 139, 263, 277
 Кускова Е.Н. 167
 Кюхельбекер В.К. 30, 33, 151
 Кюхельбекер Ю.В. см. Косова
- Лавров А.В. 151, 333, 359
 Лазарев И.П. 535, 607
 Лазаревская Е.М. 532, 580, 608
 Лазаревский Б.А. 167
 Лазаревский Н.И. 608
 Лансере Е.Е. 167
 Лапенкова М. 172
 Ларин, мирянин 593
 Ларошфуко Ф. 35, 47
 Ларсон К. 222, 224
 Ласкеев Ф.М. 582, 608
 Ласкер Э. 251
 Лебедев, пред. двадцатки 459
 Лебедев В. 432, 438
- Лебедев И.Н. 533
 Лев, архим. (Егоров Л.М.) 426, 427, 431, 434, 439-441, 451, 465, 473, 503, 513, 516, 608
 Левитский П.П. 535, 608
 *Лежнев И.Г. 338
 Лемешевский А.В. 477
 *Ленин В.И. 365, 438, 536, 607, 613
 Леонов А.Г. 534, 546, 549, 608
 Леонов Л.М. 330
 Леонович В.Н. 247
 Леонтьев К.Н. 10, 36, 92, 103, 158
 Лепшин О.В. 566
 Лермонтов М.Ю. 14, 39, 42, 43, 151, 152
 Либин Н.К. 539, 541, 608
 Ликиардопуло М.Ф. 144, 162, 331, 332
 Ликур К. 172
 Липскеров К.А. 124, 160
 Листовские, семья 96, 97
 Листовский И.И. 92, 94, 95
 Листовский И.С. 92-96
 Листовский С.И. 95
 Листопадов С. 160
 Лозина-Лозинский А.К. 260
 Лозина-Лозинский В.К. 539, 563, 608
 Локс Е.Г. 18, 20, 111
 Локс К.Г. 7-16, 17-149, 150-162
 Ломоносов М.В. 327
 Ломоносов Ю.В. 194-197, 201, 204, 208-215, 217, 218, 224, 226, 228-232, 236, 237, 239, 243, 247
 Ломоносов Ю.Ю. 201, 208, 209, 211-215, 217, 218, 224, 226, 228-232, 235-237, 243
 Ломоносова Р.Н. 193-247
 Ломоносовы, семья 193-247
 Лопатин Л.М. 9, 52, 64, 65, 83, 155
 Лопатина Р.Н. 150
 Лопатина С.Н. 150
 Лосев А.Ф. 151
 Лосский Н.О. 167, 331, 332

- *Лугин Н. см. Степун Ф.А.
 Луговской В.А. 330
 Лукаш И.С. 167
 Лукрещий 61, 62, 155
 Луначарский А.В. 263, 548
 Лундберг Е.Г. 10
 Лунц Л.Н. 260, 276
 Лурье А.В. 214, 215
 Лурье Е.В. см. Пастернак Ев.В.
 Лысанов В.Д. 541
 Льюис С. 170
 Любимов Д.Г. см. Димитрий, еп.
 Людовик XVI 95
 Лютардт, богослов 588
 Лютер, следователь 440
 Ляшкевич Л.А. 20, 22, 23, 25-29,
 35-39, 44, 45, 51, 52, 67, 70, 71, 150
 *Ляшко Н.Н. 302, 328, 329
- Май К.И. 617
 Майков Л.Н. 30, 150
 Макарий, архим. Староафонского
 подворья 539, 541
 Макарий, архим. (Воскресенский
 М.Ф.) 477, 503, 534-536, 539, 609
 Макарий, игум. 540, 543, 555,
 556, 573, 592
 Маклаков В.А. 167, 379
 Маковицкий Д.П. 381
 Максим, еп. (Жижиленко М.А.)
 449, 451
 Максимов И.Е. 536, 548, 596, 609
 Малларме С. 26, 35, 36, 78, 80, 108
 Мальбранш Н. 64
 Мальстад Дж. 161, 276, 283-368
 Мальярский А.И. 559, 609
 Мамонова З.М. см. Синякова
 Мандельштам Е.Э. 271, 278
 Мандельштам Н.Я. 324, 326, 327
 Мандельштам О.Э. 249-251, 278,
 324, 326, 327
 Мансуров П.Б. 374
 Мануил, еп. (Лемешевский В.В.)
 427, 432, 435, 439, 441, 450, 452,
 454, 456, 477, 523, 525-527, 530-
 534, 536, 538-544, 550, 563, 571,
 609
- Манухин И.И. 191, 192, 272
 Манухина Н.Л. 262, 264, 265,
 267-269, 277
 Маньковский А.В. 248
 Маресс Л.Н. 378
 Мари Дж.М. 177
 Маренгоф А.Б. 324, 326, 327
 Марк Аврелий 155
 Маркс К. 122
 Марр Н.Я. 540, 609
 Марта К. 62
 Мартиниан, клирик 559
 Мартиросов, сотр. изд-ва 359,
 360
 Мартыновы, семья 551
 Мартышев В.М. 549
 Мартышевы, семья 553
 Махтумкули 280
 Машезерский И.А. 532, 609
 Маяковский В.В. 11, 59, 63, 97,
 98, 107, 108, 118, 140-143, 160,
 161, 167, 181, 197-199, 220, 221,
 248-250, 279
 Медведев П.Н. 296
 Мейерфельд М. 204
 Мейерхольд В.Э. 193, 285, 294,
 302, 308, 309
 Мелетий IV, патр. 604
 Мельгунов С.П. 171
 Мельников П.И. 86
 Мережковский Д.С. 23, 42, 64,
 152, 155, 167, 169, 170, 179, 187,
 190, 192, 263, 296, 359, 374, 380
 Меролинг, династия 387
 Метнер Э.К. 136, 158, 160
 Мещерский Н.А. 436, 450, 453
 Мещеряков Н.Л. 309
 Миллер, учитель 133
 Миллер Е.С. 433, 439
 Миллер У. 405
 Милль Дж.С. 47, 403, 406
 Милюков П.Н. 167
 Митроцкий М.В. 431, 531, 533,
 539, 541, 548, 554, 564, 571, 583,
 594, 597, 609
 Михайлова В.М. 552
 Михайловский В.Г. 120

- Мицкевич А. 129
 Мичурин, чиновник 554, 560, 593
 Мишке М.А. 25, 38, 151
 Молас Б.Н. 540, 610
 Молчанов С.Н. 586
 Монтень М. де 47, 122
 Мопассан Г. де 415
 Морозов М.А. 152
 Морозов Н.А. 538, 540, 542, 552, 556, 568, 569, 610
 Морозов С.И. 160
 Морозова М.К. 41, 54, 56, 101, 135, 143, 152, 161
 Морозовы, династия 101
 Мошинский А.И. 533, 610
 Мудьюгина В.Н. 429
 *Муни см. Киссин С.В.
 Муравьев Н.В. 378
 Муратов П.П. 10, 104-106, 158
 Муромцева-Бунина В.Н. 169-171, 173, 174, 176, 179-181, 184, 186-188, 190
 Муссолини Б. 210
 Мэнсфилд К. 177
 Мюллер Г. 367
 Мятилева Г. 440
- Набоков В.В. 167
 Набоков В.Д. 167
 Надежин А.П. см. Александр, еп.
 Надежин Н.С. 566, 610
 Надсон С.Я. 260
 Назаревская Г.А. 284, 322
 Назаренко А.И. 537
 Накоряков Н.Н. 315, 321, 329, 363
 Налимов Т.А. 538, 539, 541
 Наполеон I, имп. 52
 Нарбут В.И. 250, 272, 279
 Нейгауз З.Н. см. Пастернак
 Некрасов Н.А. 246, 247
 Нектарий, архим. 560
 Нектарий, еп. (Трезвинский Н.К.) 566, 610
 Немировский А.И. 275
 Ненюков Ф.С. 75, 76, 121, 123-125
 *Нерваль Ж. де 53
- Никанор, архиеп. (Феноменов Н.Г.) 550, 610
 Никандр, архиеп. (Бровкович А.И.) 414, 415
 Никитин А.Л. 275
 Никитин А.Н. 589, 610
 Никитин И.Г. 533, 559, 610
 Никитина Н.А. 532, 535, 539, 541, 542, 554, 610
 Никифоров Л.П. 379, 412, 415, 421, 423
 о.Никодим 456
 Николаев А.С. 528
 Николаевский Б.И. 181
 Николаевский М.В. 559, 610, 611
 Николай, еп. (Клементьев Н.Ф.) 531, 566, 567, 569, 572, 586, 591-593, 596, 611
 Николай, архим. (В.М. Муравьев-Уральский) 539, 563, 611
 Николай, еп. (Ярушевич) 440, 447, 449, 521, 522, 526
 Николай I, имп. 57, 83, 378
 Николай II, имп. 114, 122, 146, 147, 194
 Никольский А.П. 589, 611
 Никон, архим. (Катанский) 460
 Нил, архиеп. 406
 Нилендер В.О. 139, 161
 Ницше Ф. 17, 23, 25, 35, 46-48, 151, 152
 *Новалис 33
 Новиков А.И. 277
 Новицкая К.Ю. 542, 611
 Новицкая П.Д. 532, 586, 611
 Новицкий Ю.П. 533, 611
 Новоселов А.Г. 371, 377, 382, 387, 394, 401
 Новоселов Г.А. 371
 Новоселов М.А. 371-381, 382-423, 454, 456, 600
 Новоселова К.М. 371, 394, 406, 417, 418, 421
- Оболенская М.Л. см. Толстая
 Оболенский Л.Е. 385, 389, 390

- Овечкин А.И. 554, 559, 570, 577, 578, 594
 Огнев Д.Ф. 532, 533, 611
 *Огнев Н. см. Розанов М.Г.
 Одоевский В.Ф. 10, 105, 158
 Оленина-д'Альгейм М.А. 331, 332
 Олеша Ю.К. 250
 Оловянный, купец 88
 Ольденберг Г. 403, 406
 Ольденбург С.С. 167
 Ольденбург С.Ф. 540, 611
 Орлов В.Ф. 412, 415
 Орлов Г.Г. 21

 Павел, иеромон. (Лигор) 454, 462
 Павел I, имп. 51, 94, 153
 Павленко П.А. 329, 330
 Павлова В.П. 407, 408, 418, 419
 Пакляр А.В. 577, 611
 Палевич В.П. 439, 441
 Парийский, братчик 440
 Парни Э. 93
 Паскаль Б. 35, 47
 Пастернак А.Л. 13, 62, 97, 155, 232, 235
 Пастернак Б.Л. 7-13, 15, 16, 54-59, 61-63, 67, 69, 76-83, 97, 98, 106-111, 114, 115, 117, 118, 125, 136, 139, 140, 143, 148, 154-162, 193-202, 203-247, 248, 250, 268, 285, 337, 347, 348
 Пастернак Е.Б. 197, 200-202, 210-212, 218, 223, 226, 229-232, 235-237, 239, 240, 243, 244, 246
 Пастернак Ев.В. 193, 196, 197, 200, 201, 204-207, 209-215, 218, 220, 221, 223, 225, 226, 228-230, 232, 233, 235-239, 242-244, 246, 247
 Пастернак Ел.В. 7-162, 200-202
 Пастернак Ж.Л. 210-213
 Пастернак З.Н. 196, 197
 Пастернак И.Н. 232, 235
 Пастернак Л.О. 62, 63, 97, 98, 150, 154, 155, 162, 200, 201, 213, 218

 Пастернак Р.И. 62, 63, 155, 162, 213, 233
 Пастернак Ф.А. 232, 235
 Пастернаки, семья 81, 97, 109, 157, 162, 193-247
 Пастернак-Слэйтер Л.Л. 200, 201, 213
 Патер У. 106
 Пауль С. 178
 Пельман Р. 81
 Пепшин В. 562
 Первенцев А.Н. 537, 554
 Перельмутер В.Г. 248-250, 277
 Песис Б. 15
 Петр, митр. (Полянский П.Ф.) 448, 451, 462, 521, 584, 611, 612
 Петр I, имп. 83, 151
 Петров А.Г. 536
 Петров Ф.Н. 540
 Петров-Водкин К.С. 292, 295
 Петровская Н.И. 40, 41, 51, 151, 152
 Петровский А.В. 533, 559, 572, 573, 597, 612
 Петровский А.С. 300, 307-310, 312, 319, 331, 345, 346
 Петухов П.К. 458, 460
 *Печерский А. см. Мельников П.И.
 Пешкова Е.П. 278, 307
 *П-ий И.Т. 419
 *Пильняк Б.А. 296, 336, 337, 343
 Пинес Д.М. 311
 Пинский Л.Е. 327
 Пинто-Саймон Е. 172
 Пиранези Дж.Б. 93
 Пичета Н.М. см. Синякова
 Платон 25, 35, 36
 Платонов Н.Ф. 432, 433, 523, 538-540, 549, 551, 561, 566, 567, 569, 586-588, 593, 594, 600, 612
 Платонов Сем.Ф. 436, 559, 612
 Платонов Сер.Ф. 83, 157
 Платонова А.Ф. 436, 531, 600, 605
 Плеханов Г.В. 263
 Плещеев А.Н. 396, 398
 Плотин 69

- Подколотин В. 530
 Покровский В.А. 433, 527, 589, 612
 Покровский М.Н. 566, 612
 Поливанов К.М. 7-162
 Поливанов М.К. 8
 Полищук Е.С. 371-423
 Полонский В.П. 358
 Польский М. 388
 Поляков, свящ. 559
 Понс М. 124
 Поспелов П.Н. 281
 Потоцкая В.В. 14, 84, 97, 114
 Правдин А.Г. 206, 208
 Правдина Е.А. 204, 206-208
 Пресансе, историк 389
 Прозоров В.А. (В.Н.) 533, 534, 539, 541, 612
 Прохоров В. 528, 535, 539
 Прудников М.К. 536, 612
 Пруст М. 14
 Птолеми, династия 76
 Пугачев Е.И. 248
 Путята О.Н. см. Тютчева
 Пушкин А.С. 14, 15, 24, 30, 32, 37, 38, 44, 45, 50, 57, 64, 65, 67, 94, 101, 107, 125, 126, 129, 143, 150, 153, 160, 166, 185, 186, 258, 260, 269, 273, 276, 293, 295, 320, 352, 353
 Пушкина Н.Н. 251
 Пшибышевский С. 144, 162
 *Пяст В.А. 251, 275
 Пяткин Е.О. см. *Венский Е.

 Радлов Э.Л. 60, 155
 Раевские, семья 129
 *Раевский см. Дурьлин С.Н.
 Раевский А.Н. 258, 276
 Раевский П.В. 449, 561, 612, 613
 Разовский, чиновник 557
 Разумовская, гр. 95
 Райс Э. 235, 236
 Райх З.Н. 193, 285, 309
 Рамсес II, фараон 33
 *Распутин Г.Е. 122, 146, 147, 263, 375

 Рахманинов С.В. 18, 99
 Рахманов В.В. 407-409, 414, 416, 418, 419
 Рачинская Т.А. 74
 Рачинский Г.А. 16, 41, 55, 74, 75, 102, 104, 116, 143, 152
 Рачинский С.А. 384, 388
 Регельсон Л.Л. 425, 430, 449, 451
 Резвая З.Г. 160
 Рейман Е.А. 134
 Рейснер Л.М. 250
 Рейсс Э. 389
 Рембо А. 156
 Рембрандт Х. ван Р. 151
 Ремизов А.М. 167
 Ремизова-Довгелло С.П. 167, 192
 Ренан Ж.Э. 38, 65
 Ренненкампф П.К. 113
 Ренье А. де 169
 Рескин Дж. 415
 Риккерт Г. 46, 104, 105
 Рильке Р.М. 53, 54, 58, 107, 154, 197, 202, 207, 209, 228, 230
 Рогожин, сотр. ОГПУ 307
 Родзянко М.В. 375
 Рождественский, богослов 588
 Рождественский А.П. 584, 587
 Розанов В.В. 71, 263, 277, 374
 Розанов И.Н. 14
 Розанов М.Г. 44, 152
 Розанов М.Н. 59, 154
 Розен Р.Н. см. Ломоносова
 Роллан Р. 179, 180, 182, 183, 217, 218
 Романовы, династия 114, 122
 *Ропшин В. см. Савинков Б.В.
 Ростовцев М.И. 167, 186
 Ростовцевы, семья 186
 Рубанович С.Я. 76, 157
 Ругин И.Д. 418, 420
 Рудинский Н.С. 432, 594, 613
 Руднев Д.Д. 556, 613
 Рукавишников И.С. 250-253, 264, 274
 Румянцев, сосед Н.К. Чукова 556-558, 561, 593

- Румянцев Н.А. 563
 Рунт Б.М. 144
 Русов Н.Н. 24
 Руссо Ж.Ж. 59
 Руставели Л. 265
 Рындина Л.Д. 155
- Саади 130
 Савин А.Г. 532
 Савин А.Н. 59, 154
 Савин А.Т. 550
 Савинков Б.В. 347, 348
 Садовской Б.А. 54, 56-59, 74, 77, 152-154
 Саймондс Дж.О. 106
 Сальери А. 266
 Самарины, братья 374
 Самсонов А.В. 113
 Санников Г.А. 281, 301, 304, 306, 315, 316, 318, 321-323, 326-328, 330
 Санников Д.Т. 304
 Сапожников В.В. 133
 Сапожникова Т.В. 133, 134
 Сахаров А.Н. 539, 613
 Сац И.А. 358-360
 Свентицкий (Свенцицкий) В.П. 46, 47, 152, 331, 332
 Сverbеев Д.Н. 74, 156
 Сverbеева Е.А. 74, 156
 Свешникова Н.А. 313, 340, 341, 362
 Святополк-Мирский Д.П. 167, 195, 197, 207, 209
 *Северянин И.В. 248-251, 256, 258, 259, 275, 276
 Сельвинский И.Л. 316, 319
 Селюгина К.С. 440
 Семин И.М. 433
 Семенов, церк. староста 593, 596
 Семенов Ю.Ф. 191
 Семенченко О.Л. 201
 Септимий Север 155
 Серафим, митр. (Александров Д.А.) 455, 588, 590, 613
 Серафим, иеромон. (Иванов) 458, 460
- Серафим, еп. (Протопопов А.А.) 432, 448, 513, 531, 533, 536, 543, 548, 550, 563, 613
 Серафим, митр. (Чичагов) 450, 602
 Серафим Саровский 534
 Сербаринов Г.А. 594, 613
 Сервантес С.М. де 83, 253
 Сергеев В.П. 582, 613
 Сергеев И.И. см. Иоанн Кронштадтский
 Сергей, еп. (Дружинин И.П.) 448, 460, 590-592, 613, 614
 Сергей, еп. см. Зинкевич С.И.
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 375, 446-452, 455, 456, 461-463, 521, 522, 525, 600, 603, 604, 606, 610, 613, 615
 Серебряков М.В. 568, 570, 614
 Серов В.А. 217, 218
 Серова Н.В. 217, 218
 Серовы, семья 217, 218
 Сидоров А. 456
 Сидоров А.А. 76, 157
 Сидоров Ю.А. 32, 33, 35, 36, 38, 39, 44, 64, 65, 151, 152, 155
 Симанский В.А. 542
 Симеон Новый Богослов 468
 Синякова В.М. 159
 Синякова З.М. 159
 Синякова К.М. 159
 Синякова М.М. 110, 159
 Синякова Н.М. 159
 Синяковы, сестры 110, 117, 118, 159
 Сиповская Е.Л. 294
 Сиповский В.В. 294
 Сиповские, семья 291
 Скабичевский А.М. 385, 389
 Скаррон П. 43
 Скаруффи Э. 172
 Скороходов В.И. 379, 416, 418, 419
 Скороходова О.Ф. 416, 418, 419
 Скрябин А.Н. 18, 104, 119, 120, 319
 Скрябина М.А. 317, 319

- Славлюбов, врач 333, 363
 Слезкин И.Л. 379
 Слободинская Р.А. см. Яррос
 Слонимский М.Л. 273, 279
 Смирнов А.А. см. *Альвинг А.
 Смирнов А.В. 532, 541
 Смирнов Н. 281
 Смирновы, семья 541
 Собинов Л.В. 29, 30, 32, 33, 119
 Соболевский С.И. 31, 59-61, 83, 151
 Советов Б.И. 534
 Соколов А. 432
 Соколов И.И. 558, 614
 Соколов И.Н. 431
 Соколов С.А. 40, 150, 152, 155
 Соколов Ю.М. 14
 Соколов-Микитов И.С. 167
 Соловьев В.И. 287, 355, 357, 358, 360
 Соловьев В.С. 8, 41, 66, 138, 143, 155, 319, 373
 Соловьев С.М. 138, 139, 152, 161
 Сорокин С.М. 573
 Сорокина М.Ю. 165
 Софья Алексеевна, царевна 84
 Спасская С.Г. 288, 289, 313
 Спасский С.Д. 198, 288, 313, 319
 Спокке А.А. 82, 83
 Спенсер Г. 47, 122, 123, 129
 Сперанский С.И. 59, 154
 Спекфорд, адвентист 403
 *Сталин И.В. 249, 250, 280, 282, 303, 521
 Станевич В.О. 45, 46, 51-54, 56-59, 72-74, 76, 98, 121, 123, 138, 143, 152
 Станкевич Н.В. 20, 27
 Станчинский А.В. 54, 119, 154
 *Стендаль 48
 Степанов, сотр. ГПУ 555
 *Степной Н. 284, 285
 Степун Ф.А. 102, 104, 105, 158
 Стефан, еп. (Бех) 448
 Стефанович Д.Ф. 449, 550, 614
 Столыпин А.А. 39, 151
 Столяров М.П. 138, 161
 Столярова В.Н. 51, 52, 135, 138, 153
 Страхов Н.Н. 325, 327
 Стрельников Н. 432
 Струве Г.П. 168
 Струве П.Б. 167, 168, 190, 191
 Стэрк Д. 172
 *Сунанда см. Брюсова Н.Я.
 Сургучев И.Д. 167
 Сурков А.А. 282
 Сурожский, журн. 439
 Суховалова Е.В. 12
 Суховалова С.А. 155
 Сыренский Н. 432
 Таганцев В.Н. 300
 Талицкая Е. 440
 Танеев В.И. 128
 Танеев С.И. 54, 128, 154
 Тарасов П. 463
 Тарле Е.В. 310
 Татаринцева А.В. 458, 459, 461
 Тебб М. 172
 Темплвуд, лорд см. Хор С.
 *Тенеромо см. Файерман И.Б.
 Теодорович Т.П. 537, 538, 589, 614
 Тертуллиан К.С.Ф. 83
 Тиккоев С.А. 542
 Тимерин М. 378
 Тимирязев К.А. 17
 Тимофеев В.Н. 402, 405
 о. Тимофей 541
 Титлинов Б.В. 537, 549, 614
 Тихомиров А.Н. 589, 614
 Тихомиров М.В. 539, 577, 584, 614
 Тихон, патр. (Белавин В.И.) 425, 447, 456, 473, 521, 523-525, 527, 528, 530-535, 538, 542, 543, 546, 547, 550, 551, 555, 560, 561, 563, 564, 567-578, 580, 581, 583, 584, 586, 588-592, 595, 597, 599, 605, 615
 Тихонов А.Н. 348, 362
 Тихонов Н.С. 329, 330
 Тишанов, клирик 559

- Ткаченко, диакон 577
Толстая М.Л. 409, 410, 414, 418
Толстая (урожд. Берс) С.А. 54, 272, 377, 392-395, 422
Толстой А.Н. 167, 180, 181, 249, 295
Толстой Д.А. 379
Толстой Л.Н. 14, 34, 43, 54, 55, 95, 96, 151, 191, 320, 352, 371-423, 437, 511
Толстой С.Л. 151
Толстые, семья 292, 294
Томашевская И.Н. 333, 364
Томашевский Б.В. 333, 335, 364
Топорков А.К. 35, 151
Трапезников Т.Г. 105, 158
Третьяков С.Н. 191, 192
Трифиллий, архим. (Смага Т.А.) 539, 615
Трифон, игум. 530, 615
Троицкий, сосед Н.К. Чукова 593
Троицкий, сотр. ОГПУ 307
Троицкий М.М. 122
Тропинин В.А. 56
Троповский Л. 150
*Троцкий Л.Д. 366, 523, 613
Трубещкой Е.Н. 42, 102, 103
Тураев Б.А. 436, 615
Тураева Е.Ф. 543, 560, 615
Тургенев И.С. 14, 250
Тургенева А.А. 138, 139, 156, 161, 277
Тургенева Т.А. 138, 139
Тучков Е.А. 451, 452, 525, 532, 555, 568, 590, 615
Тэйлор Р. 172
*Тэффи Н.А. 167, 176
Тютчев И.Ф. 224
Тютчев Ф.И. 25, 48, 49, 71, 101, 104, 143, 153, 158, 161, 224
Тютчева О.Н. 224
Тютчевы, семья 222
Тыркова-Вильямс А.В. 165-192
Уайльд О. 26, 72, 162, 195, 204
Удальцов Н.Д. 535, 615
Ульянов Н.А. 532
Ульянов Н.П. 99
Уль-эль-Банин 168
Уокер Б. 229-231
Уречина М.М. см. Сиянова
Урицкий М.С. 295
Урсениус Е.С. 104
Успенская Н.В. 345
Успенские, семья 346
Устинов П.Г. 402, 403
Устинова П. 232, 234, 243, 244
Ушаков Н.В. 541, 615
Ушковы, заводчики 125, 160
Уэллс Г. 167, 172, 173, 345, 347
Фадеев А.А. 282, 295, 296
Файерман И.Б. 382, 385-387, 400
Фаррар Ф.В. 418, 420
Федин К.А. 199, 245, 246
Федоров Н.Ф. 325, 327
Федорова В.Ф. 134
Феодор, еп. (Поздеевский А.) 374, 525, 591, 615
Феофан Затворник (Говоров Г.В.) 464, 470, 515
Ферсман А.Е. 541, 542, 546, 548, 556, 615
Фет А.А. 57, 58, 71, 101
Фидий 26
Филарет, митр. (Дроздов В.М.) 549
Филипп II, царь Македонии 81
Филипп В.М. 158
Филипп М. 158
*Филиппов Б.А. 165, 249
Филоненко Ф.Д. 539, 616
Философов, клирик 594
Философов Д.В. 167
Фиолетов А. 260
Фирсов, чл. двадцатки 563, 582
Фихте И.Г. 17
Фишер С. 183, 184, 204
Флейшман Л.С. 181, 193, 202, 209
Флеров К.Н. 534, 616
Флобер Г. 78
Флоренский П.А. 372-374, 502, 600

- Форд Г. 187, 236, 281
 Форстер Э.М. 179
 Фохт Б.А. 52
 Франк С.Л. 116, 160
 *Франс А. 16, 180, 181
 Франц Фердинанд 111
 Франциск Ассизский 383, 387
 Фрейд З. 100, 101, 270
 Фрейденберг О.М. 193, 196, 198
 Фудель И.И. 374
 Фудель С.И. 373
 Фулье А. 397, 398
- Хелминский Н.Э. 341-344
 Хепгуд Э. 188, 189
 Херсонская Е.П. 275
 Хилков Д.А. 413, 415
 Хингли Р. 193
 Хлебников В.В. 14, 63, 108, 250, 319
 Хлодвиг I, король 383, 387
 Ходасевич В.Ф. 8, 35, 50, 51, 144, 152, 153, 158, 167, 250
 Холодова В.М. 533, 534
 Холопов И.Д. 565, 572, 616
 Холостова Е.А. 542, 572, 580, 594, 597
 Хомяков А.С. 22, 74, 150, 156, 374
 Хор С. 167
- Цветаева М.И. 193, 196, 197, 202, 207-209, 212, 235, 237, 238, 243, 245, 248, 250
 Цветкова Е. 150
 Церетели Е.Ф. см. Тураева
 Циперович Г.В. 556, 569, 616
 Цорн А. 222, 224
 Цуканов Н.И. 433, 436
 Цыпин, сотр. изд-ва 361, 362
- Чаадаев П.Я. 82
 *Чагин П.И. 280, 281
 Чайковский Н.В. 181
 Чайковский П.И. 591
 Чапек К. 235, 236
 Челпанов Г.И. 9, 35, 36, 59, 64, 65, 68, 69, 80, 81, 151
- Чельцов М.П. 432, 437, 452, 525, 527, 538, 550, 555, 587, 588, 590, 594, 616
 Чепурин Н.В. 449, 525, 533, 538, 539, 543-546, 548-551, 555, 560, 561, 564, 571, 572, 574, 583, 587-591, 595, 616
 Чепурины, семья 541, 548
 Черняева М.В. 407, 408
 Чехов А.П. 18, 110, 184, 185
 Чехов М.А. 294, 296
 Чехова О.К. 296
 Чокой И.И. 431, 432, 436, 437, 475, 533, 539, 584, 616, 617
 Чуев П.П. 523, 543, 544, 546, 547, 549, 550, 555, 561, 617
 Чуков А.Н. 526, 536, 542, 548, 552, 556-558, 566, 570, 578, 580, 582, 583, 591
 Чуков Б.Н. 552, 558, 560, 566, 567, 569, 570, 572, 578, 583
 Чуков Н.К. 521-527, 527-599, 606, 617
 Чуков Н.Н. 526, 552, 554, 558, 566, 570, 572, 573, 578, 581-583, 594, 618
 Чукова А. 528, 542, 554, 558, 560, 564, 566, 581, 591
 Чукова А.Н. 540, 552, 554, 558, 564, 572, 578, 580, 581, 583, 591, 597
 Чукова В.Д. 573, 582, 618
 Чукова В.Н. 558, 564, 567-569, 572, 581, 582, 592
 Чуковы, семья 542, 556, 561, 606, 607, 610, 618
 Чуковская Е.Ц. 201, 247
 *Чуковский К.И. 167, 194-196, 201, 203, 204, 208, 246, 247, 249, 348
 Чулков Г.И. 44, 152, 284, 287
 Чурин, знакомый Чуковых 582
- Шабельский А.М. 433, 440, 441
 Шамурин Е.И. 278
 Шведов М.И. 295
 Шведова Р.Я. 295

- Швейцер Р. 196
 Швоб М. 28, 61, 150, 155
 Шебуев Н.Г. 152
 Шевченко Т.Г. 159
 Шеклтон Э.Г. 251
 Шекспир У. 320
 Шеллинг Ф.В. 35, 36, 69, 143
 Шенгели Г.А. 248-251, 251-274, 274-279, 280-282
 Шервинский С.В. 268, 278
 Шеридан К. 167
 Шершеневич В.Г. 250
 *Шестов Л.И. 23, 25, 28, 35
 Шибов, следователь ГПУ 439, 539, 546, 550, 617
 Шидловский А.Ф. 542, 617
 Шипов Н.Е. 285, 286, 340
 Шипова Е.Т. 286, 287, 291, 293, 304, 340
 Шишкин А.А. 449
 Шишков В.Я. 295
 Шишкова К.М. 295
 Шишковы, семья 292
 Шкапская М.М. 248-279
 Шкапский Г.О. 278
 Шкаровский М.В. 446-463
 Шкловский Викт.Б. 249, 263, 277
 Шкловский Вл.Б. 428, 431, 433, 435, 440, 441
 Шкловский И.В. 167, 175
 Шмелев И.С. 167, 169, 186, 187
 Шмелевы, семья 186, 187
 Шмидт М.А. 380
 Шмидт П.П. 208, 209, 215, 217, 220, 221
 Шмит Л., сотр. изд-ва 362
 Шопенгауэр А. 35, 36, 69, 78, 80, 151, 256
 Шоррокс Л. 193-247
 Шостакович Д.Д. 199
 Шпет Г.Г. 59, 151, 154, 333, 334,
 Шпет М.Г. 334
 Шпет Н.К. 334
 Штейнер Р. 72, 75, 103, 136, 137, 139, 156, 158, 160, 161
 Штрайх С.Я. 349
 Шумихин С.В. 248-282
 Щербов И.П. 426, 431, 534, 535, 542-544, 572, 604, 617
 Щербовы, семья 543
 Щипачев С.П. 282
 Шукин С.И. 68
 Эббингауз Г. 68, 156
 Эллиот Т.С. 179
 *Эллис см. Кобылинский Л.Л.
 Эльб К.К. 559, 562, 570, 597, 617
 Энгель Е.А. 568-570
 Эразм Роттердамский 70, 71
 Эристов, кн. 123
 *Эркман-Шатриан 320
 Эрн В.Ф. 102
 Эфрос А.М. 271, 278, 348
 Яблоновский А.А. 167, 176
 Яблонский А.М. 552, 557, 559, 594, 598, 617
 Явленский И.Т. 566
 Яворский М.С. 432, 535, 539, 617
 Ядрышев Н.К. 541, 560, 592, 617, 618
 Ядрышевы, семья 541
 Языков Н.М. 74
 Яковлев А.С. 284, 285
 Якубов, чиновник ГубОНО 566
 Якушев Г.А. 541, 618
 Якшич В.Д. см. Чукова
 Якшич Д.Н. 541, 618
 Якшич С.Н. 573
 Якшичи, семья 582, 592
 Янгиров Р.М. 165-192
 Янышев И.Л. 549
 Ярославлев, знакомый Н.К. Чукова 532
 Яррос В. 231, 235
 Яррос Р.А. 230, 231, 234, 235

 Agrelle S. см. Агрелл С.
 Andreyev N.E. 203
 Aplin H.A. 201
 Baruch L.R. 201
 Beyer I. 201

- Brossard, издатель 175, 183, 186
Browning G.M. 201
Collins D.N. 201
Crane C. 187
Duguid B. 201
Duhamel см. Дюамель Ж.
Feiler L. 201
Fischer S. см. Фишер С.
Galsworthy см. Голсуорси Дж.
Gibbon E. 201
Graham S. см. Грэм С.
Guerney B.G. 184
Hapgood E. см. Хепгуд Э.
Hardcastle E.M.K. 201
Harrison W. 203
Hewitt B.G. 201
Heywood A.J. 201
Holman M.J. de K. 201
Huebech B.W. 185
Jaloux E. см. Жалю Э.
Johnson C.A. 201
Kavinoky M.B. 201
Keys R.J. 201
Knopf A. 183-188
Koteliansky S.S. см. Котелянский
Lawrence D.H. 177, 184
Lomonosoff G.P. 201
Lomonosoff N. 201
Mallac G. de 193
Meineke F. 237
Metcalf B.L. 201
Mrongovius E. 237
Murey J.M. см. Мари Дж.М.
Pasternak-Slater A. 201
Paul S. см. Пауль С.
Pyman A. 203
Ravaisse H. 201
Rice E. см. Райс Э.
Rolland R. см. Роллан Р.
Sacker (Secker) M. 187, 188
Siemel E. 201
Villard O.G. см. Виллард О.Г.
Wes M.A. 186
Walker B. см. Уокер Б.
Woolf L.S. см. Вулф Л.С.
Woolf W. см. Вулф В.
Jarros R. см. Яррос Р.А.
Zeltzer T. см. Зельтцер Т.

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Константин Локс. ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ.
1907-1917. Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова.

Московская культурная жизнь предреволюционной поры предстает в изображении тонкого филолога, теоретика и историка литературы. Наряду с яркими и неожиданными портретами Брюсова, Пастернака, Ходасевича, Белого, Блока, Вяч.Иванова и др. воссоздается «воздух эпохи» — повествуется о философских исканиях, быте элитарных клубов и домашних кружков, спорах о творчестве, журнальной и издательской деятельности. Подробный комментарий содержит библиографические справки и дополнительные сведения об упоминаемых лицах и топографических реалиях. 10 + 133 + 13 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

«ВЫ — ДРУГ СТАРЫЙ И ВЕРНЫЙ...» (Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс). Публ. Р.Янгирова.

Двадцать семь писем (1920-1925) Бунина к крупнейшей деятельнице русского либерализма, после революции посвятившей себя делу помощи соотечественникам в изгнании, рассказывают об обстановке, создавшейся вокруг выдвижения кандидата от русского рассеяния на Нобелевскую премию, о трудном пути эмигрантской культуры, униженности писательского существования на чужбине. В предисловии — обстоятельный археологический обзор наследия Тырковой; в комментариях — обширные справки об упоминаемых событиях и лицах. 8 + 21 с.

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК». Переписка Пастернаков и Ломоносовых. 1925-1970. Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса. Подготовка текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс.

Основная часть обширной корреспонденции — переписка поэта с Р.Н. Ломоносовой — женой известного железнодорожного специалиста, жившей в Англии и содействовавшей знакомству Запада с советской литературой. Содержит новые данные о жизни Пастернака, его отношениях с Маяковским, Асеевым, осмыслении им своего места в мировой культуре и советской реальности. В комментариях — дополнительные сведения об упоминаемых текстах и лицах. 10 + 45 с.

РУДИН ИЗ БРЮСОВОСКОГО ИНСТИТУТА. (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шапкавой. 1923-1932). Публ. С.Шумихина.

Пятнадцать писем поэта, переводчика и стиховеда наполнены сочными подробностями московского литературного быта и интеллигентской рефлексией происходящего. В комментариях и приложении (письмо к Берии) — дополняющая информация об упомянутых событиях и лицах. 3 + 32 с.

А.Белый и П.Н. Зайцев. ПЕРЕПИСКА. Публ. Дж.Мальмстада.

Завершение обширной корреспонденции, завязавшейся в 1918 и длившейся до смерти поэта. В приложениях — письма Белого к советским издателям и литераторам, его автобиография, письма М.А. Волошина и др. материалы. Обширный комментарий. 86 с.

У церковных стен

ПИСЬМА М.А. НОВОСЕЛОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ. Публ. Е.С. Полищука.

Семнадцать писем М.Новоселова, известного христианского издателя и церковного деятеля, а в эпоху переписки — адепта толстовского учения — характеризуют зарождение «толстовства» и дают материал о месте этого движения в русской истории. В комментариях — обширная фактография об упоминаемых лицах и событиях. В предисловии — подробная биография М.Новоселова. 11 + 42 с.

В.В. Антонов. ПРИХОДСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ПЕТРОГРАДЕ (1920-е годы).

Детальный анализ возникновения, идеологии, состава, деятельности и разгрома пореволюционных приходских объединений, основанных на материалах бывшего Министерства безопасности РФ. В приложении — Примерный устав братства. 23 с.

ИОСИФЛЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОППОЗИЦИЯ В СССР (1927-1943). Публ. М.В. Шкаровского.

Подборка документов об одной из наиболее серьезных и трагических попыток отстоять независимость церкви от государства в СССР и подробный анализ движения иосифлян. 10 + 9 с.

Архим. Варлаам (Сacerдотский). ПИСЬМА ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ К ДУХОВНЫМ ДЕТЯМ. Публ. А.Воронцова.

Автор — один из руководителей Александро-Невского братства в Ленинграде, наставник тайных монашеских общин, арестованный в 1924 и погибший в лагере, — обращается с духовными наставлениями к оставшимся на свободе. Письма написаны из ДПЗ, затем с Соловков и Беломорканала. 3 + 50 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Прот. Николай Чуков. ОДИН ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ. Страницы из дневника. Публ. В. Антонова.

Летопись церковной жизни Петрограда в 1924. Близость автора к церковным кругам, где творилась «высшая политика» РПЦ, его участие в борьбе с «обновленчеством» придают публикуемому источнику особую значимость для понимания истории Церкви в один из ключевых ее моментов. Комментарием к тексту служит подробный биографический указатель упомянутых лиц. 7 + 73 + 20 с.

ABSTRACTS

M e m o i r s

Konstantin Loks. **A STORY ABOUT ONE DECADE (1907-1917).**
Edited by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov.

The cultural life of pre-Revolutionary Moscow through the eyes of a sophisticated literary scholar, historian and literary theoretician. Colorful portraits of Bryusov, Pasternak, Khodasevich, Bely, Blok, Vyach. Ivanov and others, the author creates the «air of the era» — its philosophical searches, the life of clubs for the elite and of private circles, quarrels about art, the activities of magazines and publishing houses. The detailed commentary contains bibliographical references and supplementary information about the people and places mentioned in the text. 10 + 133 + 13 p.

F r o m t h e H i s t o r y o f L i t e r a r y L i f e

«YOU ARE AN OLD AND TRUE FRIEND...» (Letters of I.A. Bunin to A.V. Tyrkova-Williams). Edited by R.Yangirov.

Twenty-seven letters (1920-1925) of Bunin to one of the major figures of Russian liberal movement, who after the Revolution devoted herself to charitable work for her fellow emigres. The letters describe the intrigues around the nomination of a Russian emigre candidate for the Nobel Prize in literature and the difficulties, often humiliating, that accompanied a writer's life in emigration. The preface offers a description of Tyrkova's archives, while the commentary gives detailed information about the people and events mentioned in the text. 8 + 21 p.

«AN INESTIMABLE GIFT». The Correspondence of the Pasternak and Lomonosov Families (1925-1975). Edited by Ch.Barnes and R.Davies. Text edited by P.Butcher, R.Davies and L.Shor-roks.

The major part of a very large correspondence between Pasternak and R.N. Lomonosov, a patron of the arts, who did much to acquaint the West with Soviet literature. The letters contain new information about Pasternak's life, his relationships with Mayakovsky, Aseev, his view of his own place in world culture and Soviet life. The commentaries give supplemental information about the people and works mentioned in the text. 10 + 45 p.

A RUDIN FROM THE BRYUSOV INSTITUTE (Letters of G.A. Shengeli to M.M. Shkapskaya. 1923-1932). Edited by S.Shumikhin.

Fifteen letters of Shengeli, a poet, translator and specialist in metrics, are full of fascinating details about Moscow literary life and reflections about people. The appendix contains a letter of Shengeli to L.Beria. 3 + 32 p.

A.Bely and P.N. Zaitsev. CORRESPONDENCE. Edited by J.Malmstad.

The final part of a huge correspondence which began in 1918 and ended only with the death of Bely early in 1934. Bely's literary agent and close personal friend, Zaitsev selflessly did all he could to help the poet, even when he himself was in exile. The appendices contain Bely's letters to publishers and fellow writers, his autobiography, as well as letters of M.A. Voloshin to Zaitsev. The extensive commentary clarifies many aspects of Bely's life and art. 86 p.

A t t h e C h u r c h W a l l s .

THE LETTERS OF M.A. NOVOSELOV TO L.N. TOLSTOY. Edited by E.S. Polishchuk.

Seventeen letters of M.Novoselov, a famous Christian propagandist and publisher. At the time of writing he was a disciple of Tolstoy's teachings. The letters characterize the beginning phases of «Tolstoyism» as a religio-social movement and present material about this movement's place in Russian history. The preface and commentaries contain a biography of Novoselov and information about the people mentioned in the text. 11 + 42 p.

V.Antonov. ORTHODOX PARISH BROTHERHOODS IN PETROGRAD (1920s).

This detailed analysis of the beginnings, membership, ideology, activities, and the destruction of post-Revolutionary Orthodox groupings is based on materials from the former Ministry of Security of the Russian Federation. An appendix gives a typical example of the statutes of one such brotherhood. 23 p.

THE IOSIFLYANSKOE MOVEMENT AND THE OPPOSITION IN THE USSR (1927-1943). Edited by M.V. Shkarovsky.

A selection of materials about one of the most serious and tragic attempts to defend the last remaining vestiges of the Church's independence from the Soviet Government. 10 + 9 p.

Archim. Varlaam (Satserdotsky). LETTERS FROM THE EXILE TO HIS SPIRITUAL CHILDREN. Edited by A.Vorontsov.

The author was one of the leaders of the Aleksandro-Nevskoye Brotherhood in Leningrad and mentor of secret monastic communes. He was arrested in

1924 and writes from a Detention house and then from Solovki and the White Sea Canal camps to his «spiritual children» who remained at liberty. 3 + 50 p.

D i a r i e s , N o t e b o o k s , M a r g i n a l i a

Archpriest Nikolai Chukov. ONE YEAR OF MY LIFE. Pages from a Diary. Edited by V. Antonov.

The author, who was very close to the circles in which «the highest Church politics» was worked out, describes the year 1924 in the life of the Church in Petrograd, the struggle for the independence from the Soviet State authorities and the interior situation in the Russian Orthodox Church at one of the key moments of its history. 7 + 73 + 20 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Константин Локс. ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ
(1907-1917). Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова 7

Из истории литературной жизни

- «ВЫ — ДРУГ СТАРЫЙ И ВЕРНЫЙ...» Письма И.А. Бунина
к А.В. Тырковой-Вильямс. Публ. Р.Янгирова 165
- «НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК». Переписка Пастернаков и Ломоносовых. Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса. Подготовка текста
П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс 193
- РУДИН ИЗ БРЮСОВСКОГО ИНСТИТУТА. (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923-1932). Публ. С.Шумихина 248
- А.Белый и П.Н.Зайцев. ПЕРЕПИСКА. Публ. Дж.Мальмстада 283

У церковных стен

- ПИСЬМА М.А. НОВОСЕЛОВА К Л.Н. ТОЛСТОМУ. Публ.
Е.С. Полищука 371
- В.В. Антонов. ПРИХОДСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА
В ПЕТРОГРАДЕ (1920-е годы) 424
- ИОСИФЛЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОППОЗИЦИЯ В СССР
(1927-1943). Публ. М.В. Шкаровского 446
- Архим. Варлаам (Сацердотский). ПИСЬМА ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ
К ДУХОВНЫМ ДЕТАМ. Публ. А.Воронцова 464

Дневники, записные книжки, маргиналии

- Прот. Николай Чуков. ОДИН ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ.
Страницы из дневника. Публ. В.Антонова 521
- Annex 619

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

Л И Ц А . Биографический альманах. готовится Институтом Studia Biographica

Первый том посвящен истории культуры XX века и содержит:

Материалы к биографиям философа Г.Г. Шпета, литературоведа и критика Д.И. Выгодского, архитектора В.Н. Максимова.

Мемуары и дневники О.Н. Гильдебрандт-Арбениной, Е.Я. Данько, С.Гедройц и др.

Письма Д.С. Мережковского, С.П. Боброва, Б.Л. Модзалевского.

Исследования о М.А. Волошине, С.Я. Парнок, о создании русского философского журнала «Логос» и т.д.

Документы из архива Н.Н. Пунина.

Объем 464 с.

Второй том посвящен XVIII-XIX векам, он включает:

Воспоминания М.П. Загряжского.

Письма В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Д.И. Хвостова, семейства Баратынских, корреспонденцию М.П. Погодина и В.И. Даля и др.

Неизданные работы М.Н. Лонгинова.

Исследования о Д.Облеухове, И.Гурьянове, В.Алябьеве и др.

Объем 480 с.

Третий том возвращается к XX веку. В нем читатель найдет:

Материалы об А.П.Иванове, О.Черемшановой, С.А. Бердяеве и др.

Воспоминания Е.Н. Чирикова, И.Ямпольского.

Неизвестные работы и письма П.П. Муратова, Вяч.И. Иванова, Н.А. Бердяева и др.

Новонайденные документы, связанные с семьей Пастернаков, с революционной деятельностью А.М. Ремизова и т.д.

Объем 496 с.

Четвертый том посвящен XIX веку. Он включает:

Воспоминания и дневники Л.Л. Толстого. Фольклорные материалы о Пушкине, Гоголе, Толстом и т.д.

Неизвестные письма В.Иксуль, Д.Писарева и др.

Материалы к биографиям и родословным В.Анастасевича, Н.Гоголя, В.Печерина, Д.Писарева, А.Чехова, В.Короленко, С.Рачинского.

Исследования о «низовой» словесности прошлого века и др. материалы.

Объем 480 с.

Все публикуемые материалы тщательно откомментированы.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

НЕВСКИЙ АРХИВ. Альманах региональной истории.

готовится Петербургским фондом культуры и
издательством «Феникс».

Краеведческий сборник архивных материалов, посвященных
истории Петербурга-Ленинграда-Петербурга.

Среди публикаций:

Воспоминания Л.Н. Бенуа, И.Лидваль, Н.П. Шмитта-Фогелевича,
П.П. Бондаренко и др.

Материалы по истории архитектуры Петергофа, полковых хра-
мов Петербурга, истории городской благотворительности и др.

Исследования по истории проституции в 1920-е годы, о судьбах
петербургских кладбищ, о становлении и разгроме буддизма в
Петербурге-Ленинграде и множество других материалов.

Объем 462 с.

Все публикации детально прокомментированы.
Множество редких неизданных фотографий.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

ЗВЕНЬЯ. Исторический альманах.

готовится Научно-исследовательским центром
Общества «Мемориал».

Первый том посвящен истории репрессий. Он включает:

Материалы о разгроме Академии наук, о потерях населения в годы коллективизации, о молодежных оппозиционных организациях в 1950-60-х годах и др.

Исследования о системе соловецких, ухтинских и др. лагерей.

Многочисленные мемуары, посвященные теме репрессий и народного сопротивления.

Архивные документы по раннему периоду репрессивной политики (1917-1920), по истории культуры в годы ее подчинения государственной власти и множество других материалов.

Объем 620 с.

Второй том содержит:

Дневники и воспоминания З.Н. Гиппиус, А.В. Тырковой-Вильямс, В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Переписку Д.И. Шаховского, Б.В. Никольского, В.Н. Фигнер, К.А. Поссе, М.А. Осоргина и др.

Исследования о церковной истории в 1920-1930 гг., о судьбе «лишенцев» и механизмах политической «сегрегации» граждан страны и множество других материалов.

Объем 656 с.

Все документы подробно откомментированы.
Большое число неизвестных ранее фотографий.

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
Том 15

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б. Притыкина
Корректор Е.В. Русакова
Наборщик И.М. Курдина

ЛР № 090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 10.02.94. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,0 + 1,0 усл. печ. л. вклеек. Тираж 3816
экз. Заказ № 3033

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр.7.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.